

1881
12

1881

УСКРАМ

РЪЧЬ.

ДЕКАБРЬ

Оставшееся небольшое количество полных экземпляров «РУССКОЙ РЪЧИ» за 1880 годъ можно выписать через редакцію журнала по 10 р. безъ пересылки и по 12 р съ пересылкой. Экземпляры за 1879 годъ распроданы всѣ.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ РЪЧЬ“ въ будущемъ 1882 году.

Журналъ «РУССКАЯ РЪЧЬ» въ будущемъ 1882 году будетъ выходить въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 и болѣе листовъ, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же постоянныхъ сотрудниковъ, которые принимаютъ въ немъ участіе въ текущемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургъ.	16 »
съ пересылкой	17 »
За границу: въ Европу, ...	} 18 »
Сѣверную Америку и Египеть	
Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.	

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	При подпискѣ	въ 1 Мая.	въ 1 Сентябр.
безъ доставки.	7 р.	5 р.	3 р.
съ доставкой	8 »	5 »	3 »
съ пересылкой.	9 »	5 »	3 »

Вслѣдствіе увеличившейся подписки, редакція нашла возможнымъ допустить разсрочку платы по третямъ безъ увеличенія подписной цѣны.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала лишь городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Русской Рѣчи“ съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, причемъ, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, жалоба должна быть заявлена не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

РУССКАЯ РѢЧЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

РУССКАЯ РѢЧЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ.

Декабрь, 1881.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція „Русской Рѣчи“ и Главная Контора журнала:

Средняя Подълическая, № 1.

1881.

△
P Slav 605.15 ($\frac{1881}{12}$)

С. П. П. П. Подпеческая, д. № 1.
2287.

Keller Fal

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА 12-я.—ДЕКАБРЬ, 1881.

	Стр.
I. УРАЛЪ.—Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки.—(Окончаніе).—В. М. Немировича-Данченко	1
II. КИТАЙ.—Глава IX.—(Окончаніе).	59
III. БНЯЗНА ВЛАДИМІРСКАЯ ИЛИ ЗАЦЪПИНСКІЕ КАПИТАЛЫ.—Историческій романъ.—Часть четвертая.—(Окончаніе).—А. Шардма	76
IV. НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.—Революція.—(Окончаніе).—Иполита Тэна.—(Переводъ съ французскаго)	132
V. РОЖДЕСТВО.—Стихотвореніе изъ Сдтера Ломана.—Кіевскаго .	195
VI. ИЗЪ БАВКАЗСКИХЪ ПИСЕМЪ.—III. Городъ Меден.—IV. Святини Грузіи.—Евгенія Маркова	197
VII. * *.—Стихотвореніе.—Александры Львовой	228
VIII. КОРОЛЕВСКІЙ СОКОЛЪ.—Историческая повѣсть. (Окончаніе).—Валерія Пшиборовскаго.—(Переводъ съ польскаго)	229
IX. КОНФИДЕНЦІАЛЬНЫЙ АГЕНТЬ.—Романъ Джемса Пайна.—(Окончаніе).—(Переводъ съ англійскаго)	265
X. ОСНОВЫ МОЛЕКУЛЯРНОЙ БІОЛОГІИ.—XII. Развѣтїе двигательной функціи.—XIII. Подавленіе двигательной функціи.—XIV. Циркуляція протоплазмы.—XV. Протоплазма и явленія размноженія.—(Окончаніе).—Л. К. Попова	363

XI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ.—Минувшая и современная внутренняя политика.— Важнѣйшія комисіи, возникшія въ текущемъ году	1
XII. НАУЧНАЯ ХРОНИКА.—Въ области энтомологіи.—Мушки-людоеды.—Эльпе.	35
XIII. ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОМЕОПАТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ.— Доктора медицины В. фонъ-Дитмана	42
XIV: ОГЛАВЛЕНІЕ ЗА 1881 ГОДЪ	50
XV. ОБЪЯВЛЕНІЯ	57

УРАЛЪ.

(ОЧЕРКИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЛѢТНЕЙ ПОѢЗДКИ).

XIX.

Рабочій на заводѣ и на припекахъ.

— Нашъ народъ—бѣдушный народъ. Лонгъ баринъ одинъ спрашалъ: «Какъ вы, братцы, живете?»—Помираючи, живемъ. Вотъ какъ мы живемъ!

— Что-жь, нужда одолѣла?

— Нужа—нужой. А только седни не знаешь, гдѣ завтра будешь. Потому—заводъ спалить дѣса, ну и пошли всѣ кругомъ съ сумою. Вотъ черезъ Шабурное проѣзжать будете—поглядите. Голина совсѣмъ. Словно дерево подъ корень. Лоскомъ лежить!

И дѣйствительно, жизнь уральскаго рабочаго далеко не завидна. Самый лучший округъ—сѣверный и тотъ въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ исключенія. Лазаревскому и демидовскому рабочимъ, разумѣется, живется лучше. Они хоть убѣждены въ прочности своего положенія и могутъ устроиваться осядло. Остальные беззащитны и не увѣрены въ завтрашнемъ днѣ. Что же касается до несчастныхъ, которые попали въ руки Разуваевымъ и Колупаевымъ, то ужъ, разумѣется, крестьянская лошадь въ мартѣ, т. е. передъ подножнымъ кормомъ и послѣ

скуднаго зимняго корма, облѣзшая, хилая, едва передвигающая ноги, не перемѣнитъ своего положенія на это. Колупаевскіе батраки и ограблены, и придушены, и развращены до мозга костей. Икъ даже сѣкутъ и, представьте, сѣкутъ Разуваевы и Колупаевы втораго сорта, т. е. разуваевскіе и колупаевскіе прикащики! Что это не преувеличеніе—видно будетъ изъ фактовъ, приводимыхъ ниже. Теперь же охарактеризуемъ экономическое положеніе лазаревскаго рабочаго въ Кизелѣ, Чермозѣ, Артемьевскомъ и другихъ пунктахъ, описанныхъ нами. Заводскія работы здѣсь по преимуществу задѣльныя и онѣ цѣнятся выше поденныхъ, потому что есть интересъ больше работать. Какая нибудь баба, стоящая у обжиганія руды для домны, какъ ни хлопочи, болѣе 20 к. въ день не получить, а при задѣльной платѣ каждый заработаетъ столько, насколько хватитъ его знаній и силъ; разумѣется, условія труда здѣсь столь ненормальны, что и этого, въ сущности, очень мало. Вотъ, напримѣръ, такъ называемая пудлинговая артель. Она свариваетъ чугуны въ пудлинговыхъ печахъ и рассчитывается уже по выдѣлѣ желѣза, причѣмъ на каждую печку въ мѣсяць хорошему мастеру достанется 28 р., двумъ подмастерьямъ—каждому по 25 р. 50 к., двумъ рабочимъ по 19 р. Для того, чтобы получить этотъ скудный заработокъ, нужно сварить и выдѣлать не одну тысячу пудовъ сходнаго, т. е. лучшаго желѣза. Изъ самаго же процесса работы, описаннаго мною выше, видно, что это за каторжный трудъ. Помимо простой физической силы и выносливости, требуемой имъ, нужно еще, при постоянномъ мускульномъ напряженіи, разрываться во всѣ стороны лицомъ къ лицу съ сварочными печами, изъ которыхъ пышетъ адомъ. Понятно, что человекъ, который цѣлый день проводитъ на банномъ полѣ въ 60°-ой жарѣ, да еще обязанъ работать приэтомъ, не имѣетъ никакого основанія рассчитывать на свое здоровье. Отсюда всевозможные тифы, горячки, простуды. Отсюда сухія, словно насквозь высушенные тѣла, слабыя груди и больные глаза. Какъ бы ни было сильно зрѣніе—оно притупляется тотчасъ же отъ этого краснаго блеска печей, отъ прилива крови, вызываемаго невыносимымъ зноемъ. При каждой такой печи должны быть еще два мальчика. Они поднимаютъ заслонки и, разумѣется, за 20 к. поденной платы уже въ раннемъ возрастѣ лишаются самой возможности не чахнуть цѣлымъ вѣкомъ. При работахъ несходнаго желѣза, требующихъ меньше вниманія, съ каждой тысячи пудовъ мастеръ получить 2 р. 50 к., подмастерье—1 р. 50 к., рабо-

чий—1 р. Сходное и несходное желѣзо вырабатывается вмѣстѣ, причѣмъ послѣдняго выходитъ изъ общей массы 7 или 8%. Если артель трудится дружно и хорошо, то, перелажая ея задѣльную плату на поденную, съ вычетомъ праздниковъ и ка-никуль, которые даются на лѣтнія полевныя работы, ей придется въ рабочій день: мастеру 1 р., много-много 1 р. 5 к., подмастерьямъ по 90 к., рабочимъ отъ 70 до 75 к. Болѣе легкая работа машиниста оплачивается меньшею цѣною. Какъ онъ не рвись, болѣе 15 р. въ мѣсяцъ ему не назначать. На самыхъ щедрыхъ заводахъ этого округа варовщикъ и подмастерье зарабатываетъ 27 р. 50 к. въ мѣсяцъ, мастеръ—32 р. 50 к., простой рабочій—25 р. Обжимальщикъ,—тотъ самый желѣзный человѣкъ, что шесть часовъ въ день стоитъ подъ огненнымъ дождемъ расплавленного шлака и подъ молотомъ обрабатываетъ доставленные ему изъ пудлинговыхъ печей куски—съ каждой тысячи пудовъ сходнаго желѣза получить 9 р. и съ каждой тысячи несходнаго—1 р. 25 к. Въ день, такимъ образомъ, ему при удачѣ придется не болѣе 1 р. 50 к. Это уже аристократія заводскаго труда. Желѣзный человѣкъ хотя и испытываетъ положеніе Содома и Гоморры, которые, по библейскому преданію, были побиты небеснымъ огнемъ, но за то онъ работаетъ только шесть часовъ въ сутки. Сварочныя рабочіе, опять раскаливающіе желѣзо въ сварочныхъ печахъ и прокатывающіе его на полосы, разрѣзывающіе, рубящіе и сортирующіе его, затѣмъ вѣсовщики и вяжущіе пакеты, съ каждой тысячи пудовъ получаютъ по 6 р. 40 к., причѣмъ на долю мастера, хоть онъ лопни отъ натуги, больше 1 р. въ день не достанется. Рабочій за то же время получить 60 к. Тѣ, которые въ средней полосѣ Россіи находятъ крестьянъ на всевозможныя полевныя работы помѣсячно за 7, за 8 р., изумятся размѣру уральскихъ платежей; но они должны имѣть въ виду, что хлѣбъ здѣсь дешевле 85 к. за пудъ не падаетъ, и что всѣ категоріи заводскихъ рабочихъ на своихъ харчахъ. Да и самый трудъ такъ ужасенъ, что любой изъ горнозаводскихъ литейщиковъ пойдетъ на самую тяжелую земляную работу за половинную плату противъ своей, но съ тѣмъ, чтобы не жариться передъ печью, не обливаться цѣлый день потомъ, не болѣть и не умирать преждевременно. Я встрѣчалъ здѣсь стариковъ, но рѣдко. Вообще заводскій крестьянинъ рѣдко дотягиваетъ до сорока лѣтъ. Не лучше положеніе крестьянъ и на угольныхъ работахъ для того же завода. Изъ каждой сажени еловыхъ дровъ артель должна съ умѣньемъ

выжечь не меньше $\frac{2}{3}$ кубич. саж. угля. Для этого требуются очень хорошіе мастера. Изъ березовыхъ полагается меньше. На десять коробовъ еловаго угля идетъ 10 бадаговъ дровъ (бадагъ— $\frac{1}{2}$ кубич. саж.). Ельника сметничнаго, т. е. смѣшанный съ березою, на 10 коробовъ идетъ 11 бадаговъ; чистый березовый уголь на 10 коробовъ потребуеть 12 бадаговъ лѣса, т. е. 6 кубич. саж. дровъ. За рубку дровъ, за каждый бадагъ полагается 60 к. Тутъ и свалъ лѣса на мѣсто, и самая рубка. За выжигъ угля съ cadaго короба платять 65 к. за еловый, 70 к. за сметничный, и 75 к. за березовый. Перевозка съ версты и коробка $5\frac{1}{2}$ к. за еловый, 6 к. за сметничный и $6\frac{1}{2}$ к. за березовый. Для рубки дровъ нужны привычныя зырянскія руки. Въ то время какъ зыряне готовить, напимѣръ, два бадага, здѣшніе крестьяне успѣють приготовить не больше одного или полутора. Угольщикамъ тоже работа не легенькая; принявъ дрова на свой страхъ и за своею отвѣтственностью за ихъ количество, они должны расчистить мѣсто, подвести, сложить, осыпать землю, покрыть дерномъ, обуглить и потомъ уже, разломавъ на куски каждое обугленное полѣно, сложить его въ вальё и перевести на заводъ. Въ то время какъ дрова рубать весною, отчасти осенью, обжигаютъ ихъ обязательно въ осень, а вывозятъ зимою. Зыряне приходятъ на этотъ промыселъ не артелями, а парами, отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ или съ сестрою, мужъ съ женою,—непремѣнно родные. Бабы въ работѣ у нихъ не уступаютъ мужчинамъ. За весь промысловый сезонъ, состоящій иногда изъ трехъ, иногда изъ четырехъ мѣсяцевъ, такая рабочая пара, питаясь однимъ хлѣбомъ и рѣдко пьянствуя—зыряне вообще пьютъ мало—унесетъ съ собою каждая рублей по 40, 50. Случается, что при неудачѣ уйдетъ и съ пустыми руками. Но опять-таки съ зырянами этого почти не случается; слишкомъ они работащи, внимательны и умны. Они доходятъ на югъ до кыновскаго завода; дальше уже рѣдко. Дальше чердынецъ идетъ, пермякъ, русскій. Каждая такая зырянская пара, входя въ соглашеніе съ заводомъ, требуетъ, чтобы хлѣбъ ей отпускался изъ заводскаго магазина, причемъ бы болѣе 70 к. за пудъ не брали. Иначе она не остается на заводѣ. Разумѣется, на эти условія заводоуправленія соглашались, потому что зыряне работники превосходные. Выносливость ихъ выше всякаго сравненія. Вотъ, напимѣръ, ихъ зимнее житье. Они вбиваютъ въ землю четыре низенькихъ столба, настилаютъ на нихъ крышу. Со всѣхъ сторонъ открыто. Подъ такимъ ватафаломъ они спятъ въ снѣгу мѣсяцы, какіе бы морозы ни стояли. Дровъ для себя не изво-

дятъ; ѣдятъ иногда сырое, напримѣръ, соленую рыбу. Замерзаютъ рѣдко, хотя, разумѣется, и этотъ грѣхъ случается. Въ послѣдніе годы зыряне уже не являются сами съ предложеніемъ своихъ услугъ, а съ заводовъ повѣренные ѣдутъ къ нимъ подвязать дроворубовъ и угольщиковъ. При этомъ между всѣми рабочими парами существуетъ полная солидарность. Если одну изъ нихъ на заводѣ обидятъ или обсчитаютъ, то на слѣдующій годъ повѣренный этого завода уѣдетъ отъ нихъ съ пустыми руками. Какія бы условія онъ не предложилъ, сколько бы денегъ имъ въ руки не совалъ, ни одинъ не найдется къ нему. Это соблюдается свято. Сборный пунктъ зырянскихъ рабочихъ паръ — Усолъе. Къ нему со всѣхъ концовъ они идутъ напрямомъ, цѣликомъ, наперерѣзъ, не стѣсняясь тѣмъ, что нѣтъ дороги.

— Какъ вороны летаютъ! сравнилъ рассказывавшій мнѣ эти подробности.

Гдѣ они разъ были или прошли—никогда не забудутъ.

Кизеловскій, Чермозскій и другіе лазаревскіе заводы кое-что дѣлаютъ и для рабочихъ. Ниже я скажу о пенсіонахъ, выплачиваемыхъ тѣмъ, которые всю жизнь проработали на Лазаревыхъ. Рабочему, имѣющему большую семью, выдается на каждого четвертаго ребенка, а вдовамъ на третьяго, довольствіе провіантомъ до 12 п. въ годъ, до поступленія дѣтей въ работу, или до облегченія ихъ участи другимъ способомъ. Такимъ образомъ въ Кизелѣ содержится около 111 мальчиковъ на 900 р. въ годъ. По невозможности взыскать, ежегодно складывается долговъ съ рабочихъ 1,000 р., да на обязательную продажу хлѣба по условленнымъ съ рабочими цѣнамъ заводъ каждый годъ теряетъ около 7,000 р. Разумѣется, все это очень ничтожно, но у нѣкоторыхъ другихъ и подобныхъ малыхъ пособій нѣтъ. Я уже не говорю о новой аристократіи заводской, о Разуваевыхъ и Колупаевыхъ горнаго дѣла; даже у крупныхъ и именитыхъ предпринимателей выдадутъ семьѣ искалѣченнаго или убитаго на работѣ труженика 2 р. одновременно и ступай себѣ на всѣ четыре стороны! Всѣми этими преимуществами пользуются, но гораздо менѣе вознаграждаются рудничные рабочіе на заводахъ Абамяль-Лазарева. Съ ящика бурной желѣзистой массы объемомъ въ $\frac{1}{8}$ часть куб. сажени уплачивается за руду, взятую изъ внутри, т. е. изъ подъ земли, въ шахтахъ—2 р. 50 к. и 2 р., а за поверхностную—1 р. Какъ мужики, такъ и бабы, въ этомъ случаѣ получаютъ одинаково; различій для болѣе сильнаго пола не дѣлается. Переводя эту задѣльную плату на возможный по-денный заработокъ, получимъ отъ 10 до 20 к. для поверхност-

ныхъ рабочихъ, такъ какъ на землѣ руда слишкомъ разсыроплена въ негодныхъ породахъ, а для шахтовыхъ—кажде пять человекъ, составляющіе артель, могутъ за двѣнадцатичасовой трудъ получить 2 р. 50 к., т. е. по 50 к. на человека. Очень слабое вознагражденіе за упорный трудъ въ вѣчномъ мракѣ, да еще—при дурномъ устройствѣ шахтъ—въ вѣчныхъ опасеніяхъ быть заваленными землею, залитыми водою и за-живо скороненными!

— Какъ вы имъ мало платите, вырвалось у меня какъ-то.

— Удешевите сплавъ и уголь—можемъ платить и дороже. И то въ этомъ году, мы продаемъ имъ хлѣбъ по 56 к., за который сами заплатили 70—75 к. Считите, во что это влетитъ! Вонъ у нихъ бабы занимаются пильною работою, такъ мы имъ по 10 к. въ день платимъ. А у иныхъ и дѣти есть. Сами знаемъ, что мало, да что-же вы подѣлаете! Заводы—не благотворительное заведеніе!

— Говорятъ у Строгановыхъ прежде лучше было рабочему.

— Еще-бы! Лѣсъ-то вѣдь даромъ совсѣмъ оказывался. Теперь лѣсовъ нѣтъ, а каменный уголь пока дорогъ. За то же и сѣвли какъ въ тѣ поры!

На каменно-угольныхъ лазаревскихъ копахъ рабочіе получаютъ съ вагона, судя по крѣпости забоя. Въ вагонѣ, вмѣстѣ съ мусоромъ, помѣщается 35 п. угля. Вознагражденіе за добычу этой массы распределяется такъ: забойщикъ, отбивающій породу, обязанный сверхъ того даромъ крѣпить штольни и ходы или, лучше, норы свои балясинами, получаетъ отъ 10 до 12 к. съ вагона. При мягкомъ забоѣ такимъ образомъ ему придется около 1 р. 25 к., при твердомъ до 50 к. день. Забойщикъ вообще въ мѣсяцъ можетъ добыть отъ 15 до 18 р. Рѣдко болѣе. Подкатчики, доставляющіе руду отъ забоя къ вагонамъ, на поденной платѣ, по 20, 25 или 30 к. Вагонщики, за доставку вагоновъ къ подъемной машинѣ по рельсовому пути, 40 к. въ день, полуработники, т. е. молодежь до 15 лѣтъ, отнимающіе днища отъ вагоновъ, чтобы уголь сыпался на грохоты—30 и 20 к. въ день, отводящіе вагонъ въ сарай дѣвочки—20 к., а женщины отбрасывающіе мусоръ—по 25 к. Кромѣ того, для движенія вагоновъ устроена паровая машина; завѣдующій ею вознаграждается 23 р., а кочегарь 9 р. въ мѣсяцъ. Плотники, за срубы и стойки изъ крѣпезнаго лѣса, поставляемаго внутрь въ шахты, могутъ въ день навестать 40 к. При добываніи флюсовъ, т. е. ломѣ известковаго камня на горахъ, лежащаго въ наружѣ, за $\frac{1}{8}$ часть куб. сажень уплачивается рабочему, по обмѣру правленіемъ, 30 к. Въ день можно наломать флюсоваго камня на 45—60 к.

Отдѣльныхъ рабочихъ на эту работу не берутъ, а непопавшіе въ тотъ день на заводъ, или почему бы то ни было свободные отъ занятій, крестьяне уходятъ на рѣку, ломаютъ и складываютъ извѣстнякъ, а потомъ, когда имъ понадобятся деньги, дѣлаютъ заявленіе, что ими наработано столько-то куб. сажень.

Таковы цѣны на заводахъ кизеловскомъ, чермоскомъ, и вообще у Абаделикъ-Лазаревыхъ. Повторяю опять: здѣсь, благодаря тому, что во главѣ дѣла поставлены гуманные люди, въ родѣ Новокрепченыхъ, Попова и другихъ, рабочему живется лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; но положеніе горнаго дѣла во время посѣщенія мною этихъ заводовъ было таково, что улучшения въ близкомъ будущемъ не ожидалось вовсе. Кизеловскій заводскій рабочий уже утратилъ типъ крестьянина. Это скорѣе городской мѣщанинъ, слабый физически, но болѣе развитый, предприимчивый и, разумѣется, болѣе деморализованный чѣмъ мужикъ. Цѣломудріе вовсе не считается здѣсь доблестью и супружеская ревность почти неизвѣстна. Живутъ рабочіе лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Дома ихъ нельзя назвать избами. Комнаты чистыя, есть кое-гдѣ нѣмецкая мебель. Платье—въ праздникъ непременно городское, въ будни—тряпье и лохмотья. Всклоченный, съ налипшими на лобъ космами, воспаленными глазами отъ огня, передъ которыми приходится трудиться, съ обожженнымъ лицомъ и шрамами на лбу и на щекахъ, съ рѣдкими усами и бородачками, сухіе и слабые на ногахъ, заводскіе рабочіе рѣзко выдѣляются изъ массы здороваго (гдѣ осталось такимъ) крестьянства. Севозъ прорѣхи кожаной рубахи, надѣтой на работу, сквозятъ выдавшіеся ребра, острыя плечи—тоже въ шрамахъ и обжогахъ; открытый воротъ, обнаруживаетъ впалую, чахлую грудь. По складу тѣла всего лучше на нихъ изучать скелетъ. Каждая косточка глядитъ въ наружу, мяса имъ отпущено въ обрѣзъ, жиру не полагается вовсе. За то если вы съ ними заговорите, то окажется, что онѣ газеты почитываютъ и разсуждаютъ уже не какъ крестьяне. Взглядъ мѣстнаго рабочаго нѣсколько суровъ и тяжелъ, какъ и куски, которые ему приходится обжигать въ печахъ и обжимать подъ молотами. Въ пьяномъ видѣ онъ не сантиментальничаетъ. Напротивъ, мраченъ и сосредоточенъ. Сознанія довольства своего положенія нѣтъ нигдѣ. Напротивъ, съ третьяго слова:

- Прижимка насъ одолѣла!
- Рабочему человѣку смерти! Заѣли рабочаго человѣка.
- Терпи, покуль живь! А и умрешь, не легче!
- Богъ насъ забылъ, а люди покинули, тагъ и маемся.

— Хозяевамъ хорошо, въ золотыхъ каретахъ ѣздютъ въ Питеръ, а мы что червь болотная!

Рабочій уже понимаетъ, что онъ имѣетъ право раздѣлить съ хозяиномъ нѣкоторую выгоду отъ производства. Такъ въ Кинновскомъ заводѣ служащіе какъ-то подали просьбу о раздѣлѣ 10% съ чистаго дохода между трудящимися. Какой отвѣтъ послѣдовалъ на это, мы не знаемъ.

— Мы что пчелы: нанесемъ меду, а насъ хозяева прочь гонять. А медъ-то себѣ!

Я вспомнилъ точно такое же сравненіе, сдѣланное Пьеромъ Дюпономъ въ его знаменитой пѣснѣ работниковъ. Мнѣ не разъ приходилось заставить въ Кизеловскомъ заводѣ рабочихъ за книгою, а какъ это видно будетъ изъ послѣдующихъ очерковъ, между рабочими не рѣдки и такіе, которые сумѣли довести самообразование до весьма исключительной высоты. Разумѣется, такіе встрѣчаются среди Строгановскихъ, Лазаревскихъ и Демидовскихъ крестьянъ. У Разуваевыхъ и Колупаевыхъ рабочихъ доведенъ до полуживотнаго состоянія; нищета его души въ конецъ, заработная плата все понижается, потому что хозяева связали по рукамъ и по ногамъ бѣднягу; а протестовать—и думать нельзя! Сверхъ того, тотъ же хлѣбъ, который на хорошихъ заводахъ продается рабочему дешево, тутъ обходится ему чуть не вдвое. Рабочему не выдаютъ денегъ на руки и онъ обязанъ все забирать въ хозяйской лавкѣ, гдѣ цѣны такія, что и болѣе состоятельному человѣку онъ были бы не подъ силу. Такъ, напримѣръ, отъ кварца, отъ шлаковъ, сапоги рвутся чрезвычайно быстро, и каждый разъ рабочій платитъ за нихъ по 9 р. въ Колупаевскую лавку, тогда какъ рядомъ въ свободной лавкѣ цѣна имѣ 4 р. Взялъ бы тамъ—денегъ нѣтъ, деньги замѣняются расчетною книжкою. Были такімъ образомъ уголен, гдѣ фунтъ сальныхъ свѣчей вгоняли рабочему въ полтинникъ. У насъ жидовъ ругаютъ! Да помиуйте, относительно эксплуатаціи ближняго своего любой Разуваевъ любому Полякову или Грегеру пятьдесятъ очковъ впередъ дать и съ одного разу партію выиграетъ. Больницъ у такихъ палачей нѣтъ совсѣмъ. Работая по колѣна въ водѣ, схватывая тифъ, горячку, ревматизмъ сочлененій, рабочему негдѣ найти себѣ помощь. Онъ беззащитенъ. Даже, случается, умираютъ отъ простыхъ обжоговъ, ушибовъ, потому что нѣтъ подъ руками самыхъ простыхъ средствъ. Тамъ, гдѣ рабочій на хозяйскихъ харчахъ, пища ихъ такова, что неприхотливый эскимось отвернулся бы отъ нее съ отвращеніемъ. При повальной системѣ воровства, не одинъ

Колунаевъ грабятъ рабочихъ; у Колунаева пропасть мѣщанъ служить управляющими, надсмотрщиками, которымъ тоже надо вдоволь насосаться человѣческой кровью и потомъ. Пивка—та добрѣе. Больше себя не выпьетъ, отпадетъ. Колунаевскіе же подручники обладаютъ бездонными утробами. Чтобы рабочаго въ рукахъ держать, мало плохо кормить его, нужно еще опутать неоплатною сѣтью долговъ. Розги въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ наиболѣе принижующимъ образомъ. Съ тѣхъ поръ какъ горнымъ исправникамъ нельзя пороть—навязали эту порку рабочимъ артелямъ. Артель, по привязанію какого нибудь Чернопуова, либо Выборова, либо Ворошилова, деретъ своего сочлена самымъ благополучнѣйшимъ манеромъ и ничего! Особенно скверно на прискахъ; тутъ Выборовской и Колунаевской грабежъ не знаетъ предѣла. Въ Серебрянскомъ округѣ, напримѣръ, не разъ случалось, что повѣренные этихъ эфіоповъ даже и въ людей стрѣляли, и ничего—обходилось гладко. Изъ сотни дѣлъ, записанныхъ мною во время поѣздки на приски, я приведу здѣсь только одно. Къ молодому судебному слѣдователю чуть ли не Кунгурскаго уѣзда, явился Алексѣй Королевъ и объяснилъ, что онъ, вмѣстѣ съ своими товарищами, нанялся каждый за девять рублей въ мѣсяцъ работать на золотыхъ прискахъ купцовъ Выборовыхъ. Повѣренный послѣднихъ, управляющій Варваринскимъ прискомъ, Петръ Ворошиловъ, обязался при заключеніи условія давать этой артели безплатно пищу и не изнурять непосильными работами. Королевъ былъ акуратень; съ 5 часовъ утра онъ являлся на работы и проводилъ на нихъ до 8 часовъ вечера. Но такъ какъ на прискѣ работа тяжелая, а здоровье у него оказалось слабое, то онъ нѣсколько разъ хворалъ, причемъ самъ Ворошиловъ освобождалъ его отъ работъ, разумѣется, не давая ему въ эти дни никакой платы.

— Я часто хвораю, объяснялъ Королевъ:—грудь у меня... Колотье такое, не приведи Богъ! Года два назадъ, на хозяйскихъ работахъ упалъ съ коня грудью на бревно и съ тѣхъ поръ хирѣю.

Чѣмъ дальше, тѣмъ Ворошиловъ менѣе стѣнялся съ рабочими; наконецъ, большаго крестьянина поставили на такую работу, гдѣ онъ долженъ былъ лечь разомъ. На Варваринскомъ прискѣ существуетъ только одна шахта и вся работа главнымъ образомъ состоитъ изъ выкачиванія воды, которая все больше и больше наполняетъ ее, потому что и шахту роютъ все глубже и глубже. Воду, камень и песокъ извлекаютъ изъ нея желѣзными бадьями, каждая вѣсомъ, безъ груза, въ пудъ. Работа эта

происходить такъ: одинъ на днѣ шахты роетъ ее, насыпаетъ песокъ и камни, и наливаетъ воду въ бадьи, которые опускаются и поднимаются на верхъ посредствомъ волочины (бавата) съ желѣзными крючьями и безъ всякихъ закрѣповъ или хомутиновъ. Бадьи поэтому постоянно срываются и убиваютъ людей. Горная полиція обязана слѣдить за этимъ; но Ворошиловъ умѣетъ съ нею ладить отлично, поэтому «въ пустякамъ» она не придирается. Волочина огибаеть помѣщенный надъ шахтою волокъ, родъ круглаго деревяннаго обрубка, вращающагося на желѣзныхъ осяхъ. Такимъ образомъ, при вращеніи волока, волочина попеременно опускаетъ и подымаетъ то одну, то другую бадью изъ двухъ, висящихъ на ея концахъ. Волокъ вертять посредствомъ прикрѣпленныхъ къ его осямъ двухъ воротовъ. Ихъ должны приводить въ движеніе попеременно двое рабочихъ, а не одинъ, иначе, если онъ утомится, воротъ можетъ вырваться изъ рукъ; а такъ какъ тѣ же Разуваевы да Колупаевы скобокъ или хрепковъ не дѣлають, то воротъ завертится обратно, быстро спуститъ бадью въ шахту и убьетъ рабочаго, что не разъ тамъ и случалось. Не смотря на это, Ворошиловъ ночью заставилъ Королева и другаго рабочаго, Кручинина, выкачивать воду изъ шахты, съ тѣмъ, что одинъ будетъ работать на днѣ ее, а другой на верху. Шахта эта была глубокою въ семь сажень; никакихъ лѣстницъ въ нее не шло; опускались и подымались въ бадьяхъ; воздухъ оказывался такимъ, что послѣ двух-часовой работы оставаться тамъ никто не могъ. Трубы для очищенія воздуха не дѣйствовали; на днѣ шахты было много киновари, выкапываемой вмѣстѣ съ пескомъ и камнями. Отъ этой киновари рабочихъ тошнило и рвало. Самыя трубы были деревянныя, съ большими щелями, какая же тяга могла быть въ нихъ! Киноварь тутъ жилами пронизала кварцевыя породы, страшно крѣпкія и потому требующія громаднаго мускульнаго напряженія при ихъ разбивкѣ. Королевъ и Кручининъ, первый еще притомъ едва державшійся на ногахъ, побоялись спустить въ бадью одинъ другаго внизъ ночью, когда никого не было около. При постоянныхъ обморокахъ, случавшихся на днѣ шахты съ рабочими, другой, остающійся на верху, не успѣлъ бы вытащить въ бадью своего товарища и тотъ бы неизбежно задохнулся. Оба они устали и потому боялись еще, что, при подъемѣ или спускѣ, воротъ вырвется изъ рукъ и тогда спящій въ бадью полетитъ вмѣстѣ съ нею на дно шахты и убьется. Королевъ и Кручининъ рѣшились поэтому выкачивать воду, не спускаясь внизъ. Къ утру воды оказалось столько

же, сколько было и вечеромъ, потому что въ это время ее прибывало въ теченіи двѣнадцати часовъ на четыре вершка. Если бы Королевъ и спустился внизъ, то все равно больше бы не выкачалъ. Въ пять часовъ явился Ворошиловъ.

— Ты отчего не на днѣ?

— Нельзя!

— Почему нельзя?

— Какъ же одному спускаться и поднимать безпрестанно бабьи съ челоуѣкомъ и водою? Намъ только и можно было что оставаться вверху у ворота.

— Ты еще разсуждать!

И Ворошиловъ заперъ Королева въ чуланъ. Тамъ ему не давали ни ѣсть, ни пить два дня. По окончаніи этого ареста, прикащикъ созвалъ всю артель рабочихъ и приказалъ ей высѣчь сейчасъ же Королева розгами. Артель, разобравъ дѣло, нашла бѣдняка правымъ.

— Съчь его не станемъ! Штрафуйте, если угодно! объяснилъ выборный отъ артели.

— Не станете?

— Нѣтъ.

— Хорошо же я въ васъ стрѣлять буду! Я сейчасъ тебя застрѣлю, накинулся онъ на Королева и взялся за ружье.

Королевъ, измученный и больной, струсилъ.

— Если вы будете стрѣлять, такъ я долженъ топоромъ себя защитить.

Рабочіе же, «боясь, чтобы Ворошиловъ дѣйствительно не выстрѣлилъ въ кого нибудь изъ ружья», когда этотъ доблестный Колупаевскій прикащикъ повалилъ едва державшагося на ногахъ Королева, высѣкли его, давъ ему двадцать ударовъ. Затѣмъ Ворошиловъ наказаннаго посадилъ вновь въ чуланъ, родъ загородки, сколоченной изъ досокъ, съ кровлею.

— До тѣхъ поръ я тебя не выпущу отсюда, пока ты не подпишешь новаго расчетнаго листа.

Дѣло въ томъ, что прежній расчетный листъ, по которому Ворошиловъ былъ долженъ Королеву, первый вырвалъ и разорвалъ, а въ новомъ хотѣлъ обозначить плату со дня поступленія рабочаго на принскъ не въ девять, а только въ семь рублей въ мѣсяцъ. Побившись, побившись, несчастный рабочій исполнилъ требованіе хозяйскаго палача. Понятно, что здоровье Королева разстроилось окончательно и продолжать работу онъ уже не могъ.

Этотъ расчетный листъ былъ у меня въ рукахъ. Въ немъ

есть графа, по которой Ворошилову «въ случаѣ замѣчаній лѣности» дозволяется убавлять плату рабочему. Въ расчетномъ листѣ приведены и цифры, по какимъ отпускались припасы рабочимъ. Оказывалось, что фунтъ сахару обходился послѣднимъ въ 44 к., пятикопѣчной махорки—въ 20 к., и все остальное въ той же пропорціи.

Стали допрашивать свидѣтелей. Оказалось, что глубина шахты ужь выросла изъ семи сажень въ 29 аршинъ, и что банатъ, на которомъ подымають бадья, мокрый вѣситъ пять пудовъ, а самая бадья не пудъ, а полтора.

— Дѣйствительно можно задохнуться на днѣ шахты?

— Еще и какъ! Помилуйте—рветъ!

— А можетъ рабочій поднять со дна человѣка?

— Одному трудно, если скоро, а медленно—опасно. Воздухъ таковъ, что и днемъ захватываетъ дыханіе, а ночью онъ еще хуже... Свѣча горѣть не можетъ... Меня рвало въ шахтѣ разъ по семи въ день.

— А что это за арестантская, куда сажалъ Ворошиловъ?

— Мы всѣ въ ней сживали. Онъ постоянно запираетъ въ нее. Махонькая такая коморочка, два аршина длины и два ширины. Нарочно онъ и построилъ такую.

— Ну, а съѣлъ онъ до тѣхъ поръ кого нибудь?

— Помилуйте, постоянно съчетъ. Еще недавно, безо всякаго суда, крестьянъ Андрея Павлунина и Прокопія Кирѣева высѣкъ... Но Королеву дѣйствительно трудно было перенести, потому, мы всѣ знаемъ, что онъ болѣвъ... Еще вотъ о прошлое лѣто Калистратова высѣкъ.

Когда стали разбирать вопросъ о тѣлесномъ наказаніи, обнаружилось слѣдующее:

— Всѣхъ насъ, рабочихъ, на принскѣ Выборовскомъ 15 человѣкъ, составляющихъ одну артель; мы назначаемъ двухъ выборныхъ и одного старосту, которые у насъ составляютъ какъ бы судъ. Мы имъ даемъ право штрафовать каждаго артельного и наказывать розгами, но только за проступокъ противъ артели, т. е., на примѣръ, за кражу. За провинность на работѣ—выборные наказывать не уполномочены. Ворошиловъ могъ штрафовать, а съѣчь не смѣлъ; мы при договорѣ на это согласу нашего не давали.

— Королевъ говорилъ передъ розгами, что онъ болѣвъ?

— Стоналъ... Жаловался, что грудь у него внутри болитъ.

— Что-жъ Ворошиловъ?

— Позвалъ фельдшера Бурлакова.

Бурлаковъ пришелъ пьяный и объявилъ, что нутравныхъ болѣзней онъ не понимаетъ.

— А ружьемъ грозился?

— Онъ всегда, не только въ этомъ разѣ. «Я, говорить, за бунты завсегда могу въ васъ изъ ружья стрѣлять и не токмо мнѣ за это ничего не будетъ, а еще и медаль мнѣ навѣсятъ... Всякій, говорить, хозяинъ для своо антересу можетъ рабочаго изъ ружья забить!»

Когда артели было выяснено, что она не вправѣ была съчъ Королева даже по приказанію Ворошилова, то свидѣтели показали:

— Мы ужъ очень чиновника У. боялись.

— Кто это?

— Частными золотыми присками отъ казны завѣдуеть. Онъ передъ тѣмъ пріѣзжалъ къ намъ, приказалъ выбрать двухъ довѣренныхъ и старосту и поручилъ имъ непременно съчъ розгами товарищей. «Если же, говорить, дѣлать этого не станете, такъ я пріѣду самъ и пересѣку васъ всѣхъ.»

Рабочіе хорошо знали У.; года три или четыре назадъ онъ сильно съкъ рабочихъ, давая имъ въ одинъ разъ по пятидесяти розогъ. На прискѣ Миллера, по рѣчь Болтуиѣ, онъ передралъ трехъ рабочихъ за то, что они не успѣли закрѣпить шахты, и передралъ жестоко. Являясь на приски, тотъ же У. шахтъ не осматриваетъ; ему и горя мало, что тамъ нѣтъ лѣстницъ, что устройство вала и бадей незаконно. Какъ разъ послѣ дѣла Королева, въ той же шахтѣ у Ворошилова зашибло сорвавшееся бадьею рабочаго Волкова—У. даже и дознанія не сдѣлалъ.

— Почему въ шахтѣ нѣтъ лѣстницъ?

— Большія, т. е. широкія шахты дѣлать скупятся. Наши десять четвертей вдоль и поперегъ. При такой уюсти, лѣстница помѣшаетъ бадьямъ.

Это дѣло, какъ и всѣ другіе въ томъ-же родѣ, не кончилось ничѣмъ. Я полагаю, что Ворошиловъ по прежнему съчетъ рабочихъ, да и шахты у нихъ у всѣхъ устроены также, т. е. безъ всякаго соблюденія законныхъ условій, обезпечивающихъ рабочимъ хотя самую жизнь. Понятно, что при такой обстановкѣ, народъ на приски и заводы смотритъ какъ на нѣчто ужасное и разбѣгается сотнями; тогда на сцену выступаетъ волостное правленіе. Заводская контора обращается къ нему съ требованіемъ выслать бѣглыхъ. Если волость замедлитъ, то найдется чиновникъ въ родѣ У—ва, который прикажетъ ей

исполнить претензіи Ворошилова. Рабочему долга своего никогда не заработать. Напротивъ, при системѣ начетовъ, онъ будетъ постоянно въ ежесуточныхъ рукавицахъ у Выборовыхъ и сіи братья-кушцы (отчего не братья-разбойники?) не выпустятъ изъ рукъ бѣдную муху, пока не высосутъ изъ нея послѣднихъ соковъ, а тогда разумѣется бросятъ какъ никуда негодную тряпку. Овогѣвай съ голода!

— Почему вы не жалуетесь начальству? спрашивалъ я у рабочихъ.

— Начальству? Оно съ нами и говорить не станетъ!

Оказалось дѣйствительно! Есть горные чиновники такіе, которые заглядываютъ на заводы только для «даянія блага». Получать, что имъ слѣдуетъ по собственному соображенію, и во-своиса. Мыѣ называли горныхъ чиновниковъ и имена ихъ записаны у меня на всякій случай, которые, какъ добросовѣстные и акуратные люди, даже таксу завели для хозяевъ. За визитъ ихъ на прински просто они взимаютъ съ послѣднихъ по 25 р., за визитъ съ поркой—по отдѣльному на каждый разъ условію! Эти господа, разумѣется, смотрятъ на все сквозъ пальцы. Рабочихъ можетъ заливать водой, заживо погребать осипями, головы ихъ пробивать бадьями, душить спертымъ и переполненнымъ вредными испареніями воздухомъ, въ которомъ даже свѣча не горитъ—горнымъ исправникамъ не до того.

— У царя народу много! добродушно объясняли одинъ изъ такихъ.—Знаете, какъ клопы: сколько ихъ не дави, разъ завелись, такъ ужъ ихъ не выживешь, расплодятся!

— Тоисъ и они, эти мужиченки, ехидные! живописалъ Болдуновъ, прикащикъ купца Датлова.—Сичасъ это, какъ зима придетъ, давай бѣгать. Бѣда просто! Довѣрія никакого нельзя имѣть.

— Потому и бѣгаютъ, что северно ихъ держите. Заставляете работать не по силамъ.

— По контракту.

— Да вѣдь знаемъ мы, какъ контракты-то составляются. Вонъ у васъ шахты-то какъ устроены. По закону?

— Что-же законъ. Коли по закону, такъ лучше ужъ и не жить!

А контракты, напимѣръ, вотъ каковы: «выходить на работу должны мы въ пять часовъ утра и продолжать до восьми часовъ вечера безъ отходно, только для обѣда и отдыха дается намъ одинъ часъ. При всерытіи торфовъ лошадьми вырабатывать должны: одинъ забойщикъ и одинъ возчикъ съ лошадыю—

1 кубическую сажень, а на ручных тачках или носилках съ относкою и отвѣткою до трехъ аршинъ—одинъ человѣкъ три четверти кубической сажени. На пескахъ три забойщика должны накопать и накласть двѣ кубическія сажени при шести четвертяхъ толщины пласта. При штольной работѣ вышиною и шириною трехъ аршинъ, долженъ каждый человѣкъ выработать полъ-кубической сажени. При шурфовкѣ, полагая размѣромъ: шириною $1\frac{1}{2}$, длиною 2 аршина, должны двое человѣкъ выработать въ одинъ день три аршина, на второй—два, на третій— $1\frac{1}{2}$ аршина. Крѣпн при этомъ же тѣ-же рабочіе обязаны вести безъ запущенія. Если кто не доработалъ урока, тотъ долженъ продолжать сверхъ урочнаго времени работу, пока ее не завершить всю. Тѣ же размѣры выработки остаются и для пробитія шурфовъ въ твердой породѣ; только въ нѣкоторыхъ условіяхъ помѣчено, что при явной невозможности выполнять работу, нанимающіеся обязываются производить ее безъ лѣности въ теченіи «шестнадцати часовъ». За самую маленькую недоработку предоставляется правленію взыскивать по 60 к. (при девяти рублевомъ мѣсячномъ вознагражденіи!), а если недоработки повторятся или, какъ изображено въ подлинномъ условіи, «если оный штрафъ не будетъ вразумлѣвать», то при каждомъ такомъ случаѣ какойнибудь Ворошиловъ можетъ возвышать штрафъ вдвое, т. е. сегодня 60 к., завтра 1 р. 20 к., послѣ-завтра 2 р. 40 к., затѣмъ на четвертый день 4 р. 80 к., а на пятый 9 р. 60 к. Кромѣ пятнадцати часовъ обязательной работы, наняшіеся должны трудиться безурочно со всею поснѣпностью, при поправкѣ плотины и рытьѣ канавъ. «Если управленіе пожелаетъ при урочныхъ работахъ предоставлять намъ вторые уроки, то за таковые получаемъ сверхъ рядной платы по 35 к.». Работать нужно полный мѣсяцъ и въ праздники. Нѣкоторые даютъ впрочемъ въ мѣсяцъ два дня на отдыхъ и почину. Если кто прогуляетъ день, съ того взыскивается 40 к. Если же по болѣзни, то взысканіе производится только изъ жалованья слѣдующей за день суммы. Болѣзнь удовлетворяется фельдшеромъ (а фельдшера, какъ видно изъ нашего разсказа, внутреннихъ болѣзней понимать не могутъ). По условію, рабочій долженъ получать въ мѣсяцъ 30 фунтовъ говядины свѣжей или соленой, 2 пуда 10 фунтовъ муки ржаной, 8 фунтовъ крупы ячной, 3 фунта соли, 1 фунтъ масла. Но это остается на бумагѣ. Рабочіе не видятъ и половины этого. Точно также на бумагѣ остается и невчыетъ съ рабочихъ за болѣзнь. Преспкойно вычитаютъ, потому что здѣсь своя рука владыка, дѣлай что хо-

чешь! Въ условіяхъ прикащикъ выговариваетъ право управляющимъ наказывать при артели рабочихъ по собственному усмотрѣнію. Слѣдовательно и четвертовать вѣрно можетъ?

Таковы условія въ которыя здѣсь поставленъ рабочій. Удивляться ли, что онъ при первомъ удобномъ случаѣ бѣжитъ съ присковъ или завода, куда глаза глядятъ?

Прижимая и тѣсня рабочихъ всѣми возможными и невозможными, честными и безчестными, законными и незаконными способами, честными и законными разумѣется съ точки зрѣнія коммерческой нравственности,—владѣльцы заводовъ со всѣмъ ничего не дѣлаютъ съ своей стороны для охраны жизни, безопасности и здоровья законтрагованныхъ невольниковъ. Я уже не говорю, что трудъ здѣсь не облегченъ ни малѣйшими удобствами. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ видѣ оказалась одна изъ разрабатывающихся шахтъ у тѣхъ же купцовъ Разуваевыхъ. Шахта глубиною болѣе двадцати восьми аршинъ и на половину почти наполнена водою. Крѣпи въ стѣнахъ колодца развалились. Похъ напоромъ воды осипается земля и шахта грозитъ совсѣмъ рухнуть. Въ углахъ шахты уврѣплены двѣ разстрескавшіяся и разщелившіяся трубы для тяги воздуха, отверстіе ихъ равняется четыремъ вершкамъ въ длину и тремъ въ ширину. Деревянная труба эта нисколько не помогаетъ дышать работникамъ. Воздухъ такъ же спертъ и свѣча такъ же гаснетъ, какъ бы и безъ трубы. Барьера или такъ называемаго обруба вокругъ шахты у краевъ ея нѣтъ. У краевъ шахты скатъ внутрь на пять вершковъ по ватерпасу. Даже опытные рабочіе должны подходить къ нему съ величайшей осторожностью. Почва у шахтъ въ уровень съ ихъ ничѣмъ не огороженнымъ отверстіемъ. И это не исключеніе—вездѣ на Колушаевскихъ прискахъ такъ. Живутъ у нихъ рабочіе въ скверныхъ сараяхъ, которые одни, помимо всякихъ тяжелыхъ условій подземныхъ работъ, способны вызвать всевозможныя болѣзни. Тутъ же, гдѣ на маленькомъ пространствѣ скучены сотни народу, сушится насевозъ промокшая, кислая обувь, платье, бѣлье. Нѣтъ арестантской камеры, гдѣ бы хуже содержали заключенныхъ. Рабочій, задыхающійся въ штольнѣ и въ шахтѣ, падающій тамъ въ обморокъ отъ недостатка чистаго воздуха—тутъ находится чуть ли не въ такомъ же положеніи. Когда и гдѣ можетъ отдышаться его больная грудь?.. Ъдятъ рабочіе—ужасно! Рѣдко, рѣдко совсѣмъ посинѣвшая солонина или мясо, отъ котораго пахнетъ за версту. Въмѣсто обѣщанной говядины, большею частью какая-то похлебка изъ муки съ саломъ и каша, приго-

товляемая въ обрѣзъ. Хлѣба дается по три фунта на брата, и рабочіе жалуются что и на этомъ иногда ихъ обмѣриваютъ. И замѣтите—такія лишения, при странно обезсиливающимъ пятнадцатичасовомъ трудѣ въ сутки!

Если рабочій на заводѣ даже и при плохой обстановкѣ развивается, дѣлается предприимчивымъ, смѣлымъ и интересуется всѣмъ, совершающимся вокругъ него, то на пріискѣ крестьянинъ является совершенно инымъ. Онъ въ большинствѣ забитъ, угрюмъ, измученъ, тупъ. Молчаливъ онъ, какъ и всѣ рабочіе, но тутъ еще приэтомъ является выраженіе какой-то чисто животной покорности судьбѣ. Онъ не видитъ исхода. Чиновники, обязанные защищать его,—посѣщаютъ заводъ только для порки или для взятокъ. Они ему первые враги. Хозяйскій прикащикъ оказывается пѣзвевой, высасывающей послѣднюю кровь изъ безъ того измороженнаго рабочаго; хозяинъ въ сторонѣ, его не видать. Онъ замѣняется управляющимъ, который заинтересованъ въ томъ, чтобы истратить какъ можно меньше, а собрать какъ можно больше. Найти защиту въ волости, куда бѣжеть доведенный до отчаянія рудокопъ, нельзя. Если старшина и захотѣлъ бы ему помирволить, является полиція, своя, специальная, пріисковая, и скрывшійся водворяется обратно на пріискъ, причемъ съ него же вычитаютъ деньги, истраченные на его розыскъ.

Вы спросите, какимъ же образомъ рабочіе приходятъ наниматься къ этимъ пріисковымъ рабовладѣльцамъ?

Они никогда не приходятъ сами. Прикащики золотопромышленника отправляются въ волости, за которыми числится много недоимокъ, казенныхъ разумѣется. Согласившись съ волостнымъ писаремъ, въ большинствѣ случаевъ мерзавцемъ 96-й пробы, они предлагаютъ волостному правленію взять къ себѣ на работы всѣхъ недоимщиковъ, уплативъ все, что за тѣхъ слѣдуетъ. Волость отдаетъ несчастныхъ, часто какъ скотъ, не спрашивая даже ихъ согласія. Были случаи, когда бѣдняги даже не знали, что условія за нихъ уже подписаны. Поднимается ревъ. Недоимщики часто не идутъ; тогда является горный исправникъ и употребляетъ разныя мѣры «къ соглашенію» нанятыхъ крестьянъ съ ихъ нанимателями. Арестантская, розги, запугиваніе—все хорошо при этомъ «соглашеніи»! Въ концѣ концовъ списки рабочихъ, нужныхъ для пріиска, наполняются, и здоровый народъ сгоняется къ шахтамъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернуться домой, но уже голоднымъ, больнымъ и еще болѣе нищимъ, чѣмъ прежде. Управляющіе пріисками вовсе не образованные специалисты. Гдѣ какому нибудь прохвосту Разуваеву находить еще по-

рядочныхъ людей. О ъ къ дѣлу поставить мѣщанъ, которые во-все не отличаются филантропическими наклонностями; соблюдая интересы хозяина, они не забываютъ и своего собственнаго кармана, хотя и первыхъ достаточно для того, чтобы рабочіе совсѣмъ оскотинились.

— Вѣдь есть же обружные инспектора? спрашивалъ я.

— Есть.

— Имѣютъ они власть что нибудь сдѣлать для рабочихъ, ну хоть для безопасности? За постройкой шахтъ чтобы слѣдить?

— Да васъ что собственно интересуетъ. Законъ или практика?

— Законъ.

— По закону власть ихъ громадна. За всякую несправность они могутъ оштрафовать хозяина на 1,000 р. И притомъ безъ апелляціонно. А по третьему разу имъ предоставляется право закрыть пріискъ.

— А въ дѣйствительности?

— Лучшіе изъ нихъ ничего не подѣлаютъ. Система такая. При общей продажности, честность отдѣльныхъ лицъ ничего, кромѣ безпокойствъ и потерь для нихъ самихъ, въ концѣ концовъ не дастъ. Они и сидятъ себѣ, по своимъ заводамъ, и или братаются съ Разуваевымъ, или, сознавая свое безсиліе одолѣть ихъ,—третируютъ ихъ только en sa parole. Ну да этимъ вѣдь нашу комерческую среду не удивишь. Ему хоть плюй въ глаза, все Божья роса!

На заводахъ положеніе крестьянъ тоже иногда безвыходно.

Вотъ, напримѣръ, три завода, лежащіе одинъ подлѣ другаго: Молебскій—казенный, Серебрянскій—казенный и Кыновскій—графа Строгонова. Прежде, когда къ заводамъ были приписаны крестьяне, они работали даромъ; теперь безъ денегъ, понятно, не идутъ. Казенные заводы или совсѣмъ ничего не дѣлаютъ, или уменьшили производство. Такъ, напримѣръ, въ Серебрянскомъ, вмѣсто 16 работаетъ только 6 трубъ, а въ Молебскомъ, на которомъ прежде жило 2,000 населеніе, теперь ни одна труба не дѣйствуетъ. Всѣ окружающіе этотъ заводъ крестьяне безъ средствъ. Недомки растутъ, поэтому волостныя правленія не выдаютъ паспортовъ, слѣдовательно и на сторожѣ ничего не найдешь,—идти безъ вида некуда. Земля чуть не голый камень, сколько ее не царапай, ничего не выцарапашь; гѣса давно сожжены. Такъ какъ земля бесплодная, крестьяне ее отказываются брать вовсе. «Что намъ съ ней дѣлать!» говорятъ они.

Нѣкогда славившіеся честностью, теперь они извѣстны по всему округу подъ лестнымъ именемъ «Молебскіе воры». У себя они не воруютъ, нечего; у другихъ постоянно. Рецидивисты, въ каждой хатенкѣ. Около Молебскихъ заводовъ нѣтъ и приска, такъ что и такой ужасный источникъ скудныхъ средствъ къ жизни для этого района не существуетъ. Когда молебскаго крестьянина посылаютъ за воровство въ острогъ, онъ падаетъ на колѣни.

— Спасибо, кормилецъ! Дай тебѣ Богъ! благодарятъ они слѣдователя.—Хотя покоримся тамъ.

Около Молебскихъ заводовъ—Серебрянскіе. Здѣсь уже есть приски. Тутъ хотя и очень плохо, но все же провормился кое какъ, хотя бы и такъ, какъ это рассказано выше. Тутъ недоимщиковъ гонять къ Вырубовымъ и другимъ; у того земля по-лучше, тотъ сидитъ на ней. Здѣсь преступленийъ въ пять разъ меньше, чѣмъ въ Молебской волости, да и большинство кражъ совершается здѣсь выходцами изъ послѣдней. Кто не недоимщикъ, но не имѣетъ земли, тотъ отсюда идетъ работать въ Кыновскій заводъ. Въ Кыновскомъ уже совсѣмъ иное положеніе. Сюда сбѣгаютъ изъ другихъ заводовъ, только возьми. Благосостояніе гораздо выше, заработки настолько обезпечены, что трудно найти прислугу, мужскую, за 10 р. въ мѣсяцъ. Тутъ 10 р. выработываетъ баба. Иной мастеръ въ недѣлю получить 20 р., подмастерье 10 р. Простой крестьянинъ за мѣсяцъ получить 20 р. Въ концѣ концовъ результаты заводовъ: въ Молебской волости крестьяне, по мѣстному названію, «сплошные воры»; ни работъ, ни заработковъ никакихъ, кромѣ кражъ, которыя и практикуются какъ опредѣленный промыселъ; въ Серебрянскѣ свои работы тяжелы, кто можетъ тотъ бѣжитъ въ Кыну искать труда; преступленія есть но очень мало; въ Кыну же еле-еле наберется двѣ кражи въ годъ, такъ что слѣдователю здѣсь дѣлать нечего. И это не смотря на огульное пьянство; даже кыновскіе бабы и тѣ «водку жрутъ» по словамъ здѣшнихъ стариковъ. Къ этимъ тремъ типамъ, принадлежатъ всѣ заводы на «Уралѣ».

Мы воздерживаемся отъ какихъ либо выводовъ, они ясны и безъ того.

— Когда послѣднюю лѣсинку казенный заводъ сожжетъ, такъ и помирай! сознаются крестьяне.

— Хозяйствомъ бы занялись.

— Мы искони заводскіе. Какое же у насъ хозяйство.

— А земля?

— Паши камень, коли силы хватить; у насъ что ни посѣй,

все тебѣ одна трава негодная выростеть. Скотъ какой былъ, продали за недоимки, ну и оголѣли мы. Нужные мы, скорбные!

И дѣйствительно скорбные.

— Острогу, какъ родной матери, ради!

Не лучше на Уралѣ положеніе рабочихъ и на сплавныхъ путяхъ. Кстати ужъ я заговорилъ объ этомъ; сообщу все, что мнѣ извѣстно о Чусовскихъ бурлакахъ. Чусовая — вся переритая порогами, разбивающаяся о скалистые выступы, встрѣчающая на своемъ пути громадныя утесы и притомъ бѣгущая по очень покатому руслу, — для многихъ заводовъ является естественнымъ нервомъ, соединяющимъ ихъ съ большими промышленными путями — Камой и Волгой. Лѣтомъ въ Чусовой воды очень мало, барки запоздавшіе обсыхаютъ, остальные даже не пытаются выйти. За то весной...

— Вода у насъ ярая, грудно бѣжить... Бѣдушная вода... Страшенная!

— Много ее?

— Не описать, вотъ какъ много... Вспыжится — горбомъ пойдетъ...

Поэтому и весь сплавъ здѣсь совершается весною. Въ верховьяхъ Чусовой заводъ Ревдинскій, въ его бассейнѣ или озерѣ скоплено воды версты на тридцать. Тутъ прудъ со шлюзами. Какъ только наступитъ весна, отсюда по всей Чусовой пускаютъ страшный валъ, который въ одну ночь подыметъ, смететъ и снесетъ весь ледъ. Предварительно, разумѣется, посылаютъ гонцовъ по Чусовой, чтобы береглись... На двое сутокъ въ заводахъ, расположенныхъ по теченію, водополье заливаютъ все, что не ушло и не построилось на извѣстной высотѣ. Тутъ-то и спускаютъ барки. Течетъ рѣка капризно и извилисто. Барка насканиваетъ на скалы, причемъ зачастую гибнетъ, такъ что только жалкія осколки выбрасываетъ на берегъ. Иной разъ умные комерсанты посылаютъ барки на вѣрную смерть, дорого застраховавъ ихъ, или по другимъ какимъ либо расчетамъ. Насколько теченіе сильно и управление судномъ опасно — видно изъ того, что тогда для одного барочнаго весла назначаютъ обыкновенно сорокъ человѣкъ, — явленіе небывалое на другихъ сплавныхъ рѣкахъ.

— Кто на Чусовой не бывалъ, тотъ Бога не видалъ! говорятъ мѣстные поселяне.

— Наша Чусовая рѣка злющая! На всй братъ, какъ Богъ дастъ, а ее разумомъ не осилишь!

— На Чусовой — простись съ родней!..

— Коли Чусовую переплылъ, знать Богъ съ тобой былъ!

Не бываетъ года, чтобы здѣсь не разбило нѣсколькихъ десятковъ барокъ. Къ этому привыкли; на это смотрять какъ на неизбежное зло. Начнутъ, на примѣръ, рассказывать про крушеніе какоенибудь. Всѣ охаютъ да ахаютъ.

— Гдѣ это было?

— На Чусовой.

— Ну—да!.. Еще бы! Захотѣли вы!..

И успокаиваются. Потому что на Чусовой иначе и быть не можетъ.

Съ каждаго пуда частныхъ заводскихъ и иныхъ грузовъ, рѣчная полиція давно уже собираетъ пошлину, предназначенную для взрыва скалъ, мѣшающихъ теченію рѣки, и для очистки ея фарватера. И на всѣ эти десятки и сотни тысячъ рублей здѣсь не сдѣлано ничего. Для видимости и для очистки бумажной совѣсти, поковыряли кое гдѣ безъ толку, разнесли на это солидныя суммы и успокоились. Есть, на примѣръ, два утеса на Чусовой: Разбойникъ—на югъ отъ Кыновскаго завода, и у самаго завода Мултукъ. Это Сцилла и Харибда для уральскихъ сплавщиковъ. Особенно у Разбойника—споконъ вѣку разбивались сотни барокъ. Сколькихъ жизней онъ стоилъ—и не сочтешь. Какъ ни просило мѣстное населеніе снести его—официальная мундирная наука, ничего не дѣлающая безъ чудовищныхъ смѣтъ и выгодныхъ асигновокъ, признавала это невозможнымъ. Наконецъ, въ 1876 г. простой купецъ Стахѣевъ изъ Елабуги, на свой счетъ и своими рабочими, взялъ да и взорвалъ камень. Это былъ опаснѣйшій пунктъ на Чусовой. Что рѣчныя инженеры и полиція дѣлали ранѣе—никому не извѣстно? Въ одномъ 1874 году у этого утеса разбилося тридцать барокъ съ желѣзомъ.

— Миліоны пудовъ мы провезли... Сколько денегъ съ насъ собрали, гдѣ онѣ?..

— А вы бы спросили.

— У кого спросить? Все къ вамъ въ Питеръ отправляютъ; воли-бы здѣсь на мѣстѣ хранились—на дѣло бы пошли. Ну украли бы половину,—а на остальное что бынибудь да устроили. А какъ посылаютъ еъ вамъ туда—такъ ихъ и совсѣмъ не увидишь.

— На общегосударственныя нужды... На другія рѣки.

— Да вѣдь и у насъ нужда... И у насъ рѣка!.. Вѣдь этимъ это пользуется—злѣди да воры!.. Валъ-то какъ пустать, такъ издали видно—вспыжится, взгорбится, гриву отбросить и бѣжить на тебя. На горѣ стоишь и то страшно. А тутъ воры-то—и

пускаютъ нарочно барки!.. Есть одинъ жидъ у насъ, поставщикъ. Большой жидъ. Изъ самыхъ изъ большихъ жидовъ. Таеъ онъ часто пускаетъ пустыя барки. Заправляютъ у него этими дѣлами жида же... Казна одна отдувается за все.

— Да что имъ за выгода? Вѣдь можно пустить съ четвертымъ и пятымъ валомъ?

— Ему надо чтобы разбило... Казенное желѣзо нагружено. Онъ на себя поставку беретъ. Пустую посудину разнесетъ въ куски—онъ сейчасъ счетъ: сколько потонуло, сколько заржавѣло, сколько израсходовано денегъ, чтобы изъ воды вытащить!.. Миліоны такъ-то въ карманы кладутъ. Подлинные государственные воры.

Люди при этихъ гешефтахъ гибнуть массами. Рѣдкая, очень рѣдкая барка тонетъ безъ людей. Около Кына въ 1875 году въ виду завода утонуло 13 человекъ; что творится въ другихъ пунктахъ—можно себѣ представить! Между сплавщиками есть и бабы съ дѣтьми; все это глотаеъ Чусовая, въ вѣщему благополучію израильскихъ и російскихъ буржуевъ. Никакихъ слѣдствій по этому дѣлу не производится; Божья воля, противъ нее-де не пойдешь!..

— А начальство?

— Ха!.. И впрямъ ты ничего не знаешь! Сидите вы у себя въ Питерѣ благополучно, младенцами... Начальство-то самые Ироды и есть!

Потомъ уже я узналъ, что уѣздные власти Кунгурскія и Верхогурскія еще въ мартѣ пріѣзжаютъ для наблюденія за сплавомъ желѣза въ Илимку¹⁾. Отсюда начинается спускъ барокъ. Власти наблюдаютъ за нагрузкой, за правильностью ея, за тѣмъ, дѣйствительно ли желѣзо уложено въ суда. Какъ наблюдаютъ—другой вопросъ.

— День и ночь карты и кутежъ на счетъ сплавщиковъ. Мѣсяца полтора идетъ такая оргія!

— Миѣ бы хотъ разъ покормится тамъ!.. вздыхаетъ отдаленное отъ этого пункта начальство.

Взяты здѣсь достигаютъ весьма почтенныхъ размѣровъ.

Барки посылаются не по одиночѣ, а караваномъ, безъ интервала. Караванъ на караванъ. Разобьется одна и другіе гибнутъ вмѣстѣ съ нею.

Вотъ положеніе рабочихъ на этихъ-то баркахъ—нельзя не

¹⁾ Илимская пристань.

признать въ высшей степени трагическимъ. Попалъ къ жиду, творящему гешефтъ, значить, на вѣрную смерть. Желаящихъ заниматься очень мало, почти нѣтъ.

— Кому охота, помилуйте! Иной совсѣмъ съ голоду отошаль, а все же ему жизнь-то дорога!

Силашниковъ сюда посылаютъ силкомъ изъ Вологодской — зырянъ, изъ Вятской — вотяковъ и другихъ инородцевъ, за недоимки. Особенно много нолинскихъ попадаетъ сюда по той же самой причинѣ. Для того, чтобы разбиться о какую нибудь скалу и утонуть въ Чусовой, несчастный долженъ еще зимою выйти изъ своего села и пѣшкомъ добраться до Илимки — на своихъ хлѣбахъ. Понятно, что онъ и остальное съ себя проѣсть.

— А недоимка какъ же?

— А недоимку за него жида впередъ вносятъ въ волостное правленіе.

Жалкій, измученный и ограбленный народъ! Кто за тебя вступится? Кажется, нѣтъ такой тли, которая поѣдомъ не ѣла бы тебя! Миѣ Россія теперь представляется не иначе, какъ спящимъ, волшебнымъ сномъ, богатые ремъ. Всякая нечисть напозла на него, всякая гадина жреть его, не утоляя своей жадности. Лишай по немъ пошли, мохъ поднялся. Тѣло земле завалило — на землѣ лѣсъ выросъ; свѣта божьего въ этомъ лѣсу нѣтъ — темень одна! Червей однихъ что напозло...

Когда же ты встряхнешься, когда же ты отроешь свои зоркіе очи?..

Я началъ эту главу съ разсказа о положеніи рабочихъ на заводахъ Абаменитъ-Лазаревыхъ. Кончу о нихъ же. Повторю еще разъ, что какъ въ Кизелѣ, такъ и въ Чермозѣ, рабочему, несомнѣнно, живется гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ этой части Урала. Такъ, напримѣръ, здѣсь рабочимъ выдаютъ ссуды безъ процентовъ, провѣряя насколько онѣ нужны. При этомъ, не было еще примѣра, чтобы населеніе злоупотребляло такими выдачами, т. е. просило въ долгъ безъ необходимости. Я упоминалъ о пенсіонахъ, выплачиваемыхъ заводомъ. Они даются тому, кто прослужилъ или проработалъ тридцать пять лѣтъ, считая съ двадцатилѣтняго возраста для первыхъ и съ семнадцатилѣтняго — для вторыхъ. Служба и занятія ранѣе этого возраста не входятъ въ пенсіонный срокъ. Замѣченные въ кражѣ заводскаго имущества, стачкахъ и противодѣйствіи управленію завода лишаются права на пенсіонъ. Для служащихъ размѣръ его вычисляется изъ средней, за пять лѣтъ, суммы получаемаго жалованья, причемъ $\frac{5}{8}$ ея асигнуется въ

пенсію. Управляющіе заводами получают пенсіона по 800 р. въ годъ, а главноуправляющіе—отъ 1,600 до 2,000. Рабочіе—12 р. и выше. Сверхъ того, по назначенію владѣльца, имъ выдается провіантъ и оказываютъ другія льготы. Вдовамъ идетъ отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{2}{8}$ получаемаго мужьями пенсіона, смотря по тому, бездѣтны онѣ или нѣтъ. Такимъ образомъ, владѣлица ежегодно расходуетъ по этому отдѣлу 19,000 р. Хотѣли было потребительныя общества здѣсь завести и изъ Чермова два раза посылали по этому дѣлу просьбы въ Петербургъ, но министръ внутреннихъ дѣлъ отклонилъ. Такое время было! На свой же счетъ владѣлица содержитъ нѣсколько училищъ, снабженныхъ хорошими бібліотеками, и во всѣхъ заводахъ—больницы, гдѣ, разумѣется, рабочіе лечутся бесплатно.

XX.

Поѣздка въ Луньву.

Было чудесное, ясное утро, когда я выѣхалъ изъ Кизела; дорога то и дѣло взбѣгала на горы и сползала въ зеленныя котловины. Вершины за вершинами, холмы за холмами громоздились кругомъ. Не было крупныхъ, за то красивыхъ оказывалось очень много и глаза съ трудомъ отрывались отъ неожиданныхъ эффектовъ, которыми такъ богата природа Урала. Рѣка Луньва, круто извиваясь, обходитъ выступы крутыхъ варахъ, какъ ихъ назвали бы на дальнемъ сѣверѣ. Въ водѣ отражаются величавыя сосны и пихты, обильно поднявшіяся на берегахъ. Тишина и спокойствіе царятъ въ этой зеленой пустынѣ. Ковры ромашки, обращающей къ солнцу свои бѣлые вѣнчики, разстилаются повсюду; вѣтви хлещутъ въ лицо моего ямщика, но онъ на нихъ обращаетъ столько же вниманія, сколько и на овода, что впился ему въ шею и безмятежно пьетъ его кровь.

— Тебя оводъ кусаетъ, предупреждаю его.

— А пушай!.. Отъ нихъ не отобьешься! Они еще лучше для насъ, потому мы отъ крови страсть какъ мучимся. Ну а они лишнюю спущаютъ.

— Да вѣдь больно.

— И не слышу даже... Въ Луньву ѣдете?

— Да.

— Мѣсто чудесное, столица наша таперича стала... Тутъ такого понастроено—не оглядишь въ два дня всего! Супротивъ другихъ заводовъ куда лучше выходить. Въ Луньвѣ у Ивана Ефимова водка—первый сортъ!

— Какъ и вездѣ.

— Нѣтъ, онъ ее, должно, чѣмъ нибудь править. Зла больно. Ядовитая водка. Бабы такія бываютъ злыя. Вы еще нашу бабу не знаете?

— Нѣтъ.

— Она себя показывать можетъ. Заводская баба въ праздники, коли ежели ей поддашься, живьемъ съѣсть... Наша баба умнѣе мужика выходить!

Мнѣ задремалось подъ эту бесѣду о заводской бабѣ, и когда я проснулся, черезъ часъ, вдали уже замелькали чистенькіе домики Луньвы.

— Это новыя дома, для рабочихъ начальство выстроило.

— Чисто, хорошо тамъ?

— Чисто! Убѣжишь отъ ей... отъ чистоты!

Каждый домикъ въ четыре окна по переднему фасаду. Есть и болѣе — тѣ подалѣе. Въ домикѣ двѣ горницы съ общими сѣнями. На два отдѣльные хозяйства приспособлено. Рабочіе сами просятъ туда самымъ настойчивымъ способомъ. Я захоذилъ къ нимъ — чистота дѣйствительно непривычная. Все отъ завода здѣсь заведено полностью; замѣтно даже нѣкоторое обиліе. Краснощекіе ребятишки ползутъ къ намъ оттуда. Нѣкоторыя горницы пусты — и мужики, и бабы на работѣ. Такихъ домовъ луньвинская администрація построила уже тридцать-три, причеиъ продолжаетъ ставить новыя.

— Если понадобится сотня—мы и сотню поставимъ.

Починъ этого благаго дѣла принадлежитъ Грасгофу, управляющему Луньвою. Онъ положилъ начало, Урбановичъ поддерживалъ и стройка пошла шибко.

— Теперь у насъ рабочіе живутъ по-людски! съ совершенно законною гордостью говорятъ луньвцы.

Кругомъ—громадные корпуса заводовъ, казармы. Улицы содержатся превосходно; дороги, не въ укоръ визеловскимъ, устроены такъ, что и не тряхнешь въ довольно тряской телѣгѣ. Все это сдѣлано въ три года. Съ 1873 Луньва попала въ нынѣшнія руки товарищества, завѣдующаго ея копами. До тѣхъ поръ это былъ безобразный, запущенный уголь, гдѣ народъ нищенствовалъ и ничего не дѣлалъ за недостаткомъ работы.

Здѣсь, изъ мѣстнаго каменнаго угля, главнаго богатства

Луньвы, начали уже выдѣлывать коксъ. Первые попытки дали превосходные результаты. Коксъ содержалъ только 17—18% золы и оказывался чрезвычайно легкимъ, плотнымъ въ разломѣ, съ металлическимъ блескомъ. Онъ гораздо лучше кизеловскаго, въ которомъ больше золы. Его уже пустили въ дѣло до моего прїѣзда, и въ доменныхъ печахъ онъ работалъ выше всѣхъ ожиданій. Изъ него вполне удалось извлечь всѣ смолистыя вещества и теперь, на ближайшихъ рынкахъ, для него была бы не страшна даже конкуренція англійскаго кокса, дающаго отъ 17 до 25% золы. При мнѣ, для первыхъ опытовъ въ болѣе широкомъ размѣрѣ, было уже приготовлено 600 п., причемъ изъ Мотовилихи и Тагиля сюда сдѣланы были большіе заказы. По смѣтѣ назначено было, на первый годъ, разработать до 1.000,000 пуд.; тогда эту цифру считали максимумомъ. Оказалось лучше, при первыхъ же работахъ явилась возможность добыть въ десять разъ больше. Нѣтъ только такихъ требованій, которыя, разумѣется, явятся впоследствии и очень быстро, потому что послѣдніе уральскіе лѣса истребляются съ какою-то хищною жадностью. Многіе заводы стоятъ потому, что на ближайшихъ сплавныхъ рѣкахъ не осталось даже лѣсинки. понятно, что, при удешевленіи кокса, заводы должны будутъ накинуться на него. Для нихъ это единственное средство къ продленію своей краткой, но вовсе не разумной жизни. Когда здѣсь стали дѣлать развѣдки, оказалось, что площадь расположенія угля громаднa и толщина его въ разрабатываемыхъ мѣстахъ отъ трехъ аршинъ доходитъ до 12-ти. Кубическая сажень луньвинскаго угля вывѣшиваетъ отъ 600 до 700 пуд., что свидѣтельствуетъ уже само собою о его хорошемъ качествѣ. По общему количеству его, разумѣется, предполагаемому, администрація судить, что, въ восьмидесятилѣтній срокъ аренды, его разработать никакъ не удастся. Заложено около двухсотъ шурфовъ и всѣ они оправдались. Вездѣ сплошная масса. Уголь начинаютъ разрабатывать, впрочемъ, далеко не хищнически. Заведены перфораторы для буренія; взрывы производятся не порохомъ, какъ у остальныхъ пермскихъ рудокоповъ, а динамитомъ. Все это устроилось, благодаря Грасгофу. Одна замѣна ручнаго буренія новыми аппаратами—уже заслуга. Что ручнымъ способомъ дѣлалось въ два часа, то перфораторъ дѣлаетъ въ минуту. Заводъ, во время моего посѣщенія, даже щеголялъ новенькими вагонами, паровою машиною съ иглочки, проволочными канатами, гутаперчвыми рукавами и вообще всѣми деталями этого, въ высшей степени прозаическаго дѣла.

— Посмотрите-ка, посмотрите! восхищался инженеръ, показывая мнѣ все это.—Вѣдь послѣднее слово науки! Какая красавица выдержать сравненіе съ этою машиною?

— Отъ вашей красавицы слишкомъ пахнетъ саломъ и масломъ.

— Для насъ это аромать.

Я позавидовалъ особенному устройству инженернаго носа и перешелъ къ большому зданію, выстроенному въ русскомъ стилѣ, съ рѣзью даже.

— Что это у васъ?

— Казарма для рабочихъ.

Всѣ зданія выведены прочно и красиво. Меня охотно водили всюду, ничего не пряча. Не было той суетливости, которая такъ противна тамъ, гдѣ вы знаете, что вамъ суютъ подъ носъ газовые концы. Я никакъ не могу забыть одного колушаевского завода, который я оставляю для отдѣльнаго очерка. Тамъ вездѣ была грязь и зловоніе, нищета рабочихъ сквозила въ прорѣхи покривившихся сараевъ, гдѣ даже и зимою живутъ они, развода, въ полуразвалившихся печахъ, вовсе не грѣющей ихъ огонь. Лица рабочихъ, попадавшихъ мнѣ на встрѣчу, испытые и осунувшіеся, производили впечатлѣніе потрясающее... Нѣкоторыхъ тутъ же трясло въ лихорадкѣ; въ шахтахъ воды было по горло, и въ этой водѣ работали.

— Отчего это у всѣхъ вашихъ рабочихъ видъ такой ужасный?

— Пьяницы-съ и разбойники! суетливо объяснялъ мнѣ верхогурскій мѣщанинъ, управлявшій заводомъ.—Ужъ мы, кажется, для нихъ и пищу, и удовольствіе всякое—не чувствуютъ.

Потомъ онъ наклонился ко мнѣ и на ухо, шепотомъ, точно самъ себя пугаясь, сталъ ябедничать:

— Бунтовщики. Не признаютъ...

— Чего не признаютъ?

— Все отменяютъ... Попъ къ нимъ пріѣхалъ, а они ему: «ты, батька, хозяйскую руку держишь»... Неблагодѣжны... И если-бы не господинъ горный исправникъ, тутъ бы съ тремя леворверами надо ходить! Онъ ихъ привелъ въ христіанскую вѣру... Онъ съ ними очень довольно чудесно!.. Наши хозяева имъ такъ довольны, такъ довольны...

— Ну, а сколько кабаковъ держитъ вашъ хозяинъ для этихъ пьяницъ? не выдержалъ я.

— Только три-съ... Себѣ въ убытокъ.

— За что-жъ вы ихъ обвиняете. На сорокъ домовъ—три кабака.

— Нельзя-съ, иначе нельзя-съ...

— Такъ рабочему никогда до дому денегъ не донести!

— Развращеніе нравовъ, Помилуйте! Дѣвочки двѣнадцати лѣтъ...

— Ну?

— И уже-съ!..

А потомъ оказалось, что этотъ самый мѣщаниншпо до двѣнадцатилѣтнихъ-то и охотникъ. Онъ расплодилъ здѣсь всякую нечисть, да и жалуется.

Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Рядомъ съ такими подлыми принсками, Луньва, разумѣется, рай.

По дорогѣ къ волямъ шумить въ камняхъ Восточная Луньва. Рѣченка злится на каждый осколокъ гранита, обливаетъ его своею пѣною, кидается на него и, не осиливъ, не сдвинувъ все-таки съ мѣста, бѣжитъ дальше, жалуясь береговымъ цвѣтамъ на свою жестокую участь.

— Иванъ Фомичъ! Иванъ Фомичъ! догонялъ насъ рабочій, съ книжкою въ рукахъ (явленіе, совсѣмъ для меня необычайное), — я прочелъ вашу... Вотъ извольте, нельзя-ли только другую.

— А ты что-жъ сегодня не на работѣ?

— Да руку себѣ повредилъ и маюсь. Только и дѣло теперь, что читать. Мнѣ бы по естеству если. А то этихъ романовъ я не люблю-съ. Потому въ нихъ все нарочное.

— Какъ нарочное?

— Нарочно выдуманное, невамдѣлишное... Этакое нѣтъ нигдѣ. Помилуйте, онъ ей напередъ горло ножомъ-съ полоснулъ, а она, опосля того, опять жива и за своего душеньку замужъ выходитъ... Нѣтъ, вы ужъ мнѣ по естеству... Насчетъ природы... Тутъ, по крайности, правда... А то романъ читаешь, точно стихи или сказку...

— Вотъ покажи имъ потомъ казармы для рабочихъ.

— Наше жительство? Это я съ большимъ удовольствіемъ. Только мы живемъ просто, ничего у насъ нѣтъ замѣчательнаго. Извѣстно, рабочіе! Скорулой мы ужъ очень заросли, вотъ что, Иванъ Фомичъ! если-бы насъ съизмалѣтства учили чему нибудь — люди бы теперь мы были. А то такъ... На двухъ лапахъ ходишь — потому только и человѣкъ.

По дорогѣ мы зашли въ одну изъ казармъ. Большая кухня, въ три очага, содержится очень чисто. Въ ней поставленъ столъ

для рабочихъ. Тутъ они обѣдаютъ и ужинаютъ. У каждаго изъ рудокоповъ свой ящикъ на замѣкъ для провизіи и другихъ вещей. Каждый изъ нихъ ѣстъ отдѣльно.

— До сихъ поръ никакъ нельзя убѣдить ихъ, что общій столъ выгоднѣе для нихъ будетъ. Какъ мы не старались — не хотятъ, да и только. Это, впрочемъ, не по нежеланію завести артельное, а просто потому, что каждый день здѣсь являются новыя и новыя лица.

Таракановъ вездѣ предостаточно. Видимое дѣло, что съ этимъ звѣремъ и здѣсь разстаться никакъ не могутъ.

Отопленіе въ казармахъ и домикахъ для рабочихъ — каменно-угольное, кромѣ русскихъ печей, гдѣ горятъ дрова. Въ домикахъ вездѣ посрединѣ желѣзныя печи системы Соболицкова и обручи на желѣзныхъ палкахъ, гдѣ сушится платье и обувь; запаху никакого, потому что тяга устроена превосходно. По стѣнамъ широкія нары. Тоже самое и въ казармѣ, которая устроена на сто человекъ. Всѣхъ углекоповъ двѣсти, но они дѣлятся на двѣ смѣны. Одна работаетъ, другая отдыхаетъ. Такимъ образомъ помѣщеніе оказывается не тѣснымъ.

— Тутъ, у насъ, и бабы пока помѣщаются. Еще не хватаетъ отдѣльныхъ домиковъ. Скоро, впрочемъ, и этого неудобства не будетъ.

— Съ мужиками вмѣстѣ?

— Нѣтъ. Разумѣется, отдѣльно! Тутъ какія дѣла бываютъ; здѣшнія бабы отличаются выносливостію и здоровьемъ необычайными. Она, на примѣръ, на сносяхъ до послѣдней минуты работаетъ. Настанутъ родовыя боли, уйдетъ на 15 минутъ, родитъ и сейчасъ же сама принесетъ въ казарму. А на другой день опять уже на работѣ. Мы предоставляемъ ей отдыхъ — не беремъ. Заработокъ нуженъ. При Всеволожскихъ здѣсь и мужики, и бабы помѣщались вмѣстѣ, въ повалку. Развратъ былъ страшный. Никто не женился. Не зачѣмъ было семьи заводить. Просто адъ какой-то. Мы это сейчасъ же измѣнили.

По стѣнамъ висятъ кожаныя, выдаваемые рабочимъ отъ завода. Уютности, хозяйственности нигдѣ и ни въ чемъ. Все казарменное, все по шаблону. Что у одного, то и у другаго. Въ арестантскихъ ротахъ также должно быть. Шайки для воды по угламъ, сальныя свѣчи по одной на казарму — вотъ и все. Въ мужскихъ казармахъ только чуть похуже, чѣмъ у женщинъ. Тутъ, у печей, свалены и сушатся онучи, берестяныя лапти и такіе же короба. Въ углу, суздальскаго письма образа; на стѣнахъ зеленые генералы на красныхъ лошадяхъ пропускаятъ

между конскихъ ногъ маленькихъ желтыхъ солдатиковъ съ синими знаменами. Традиціонное погребеніе вота, и ни съ того, ни съ сего вырѣзанный откуда-то и попавшій сюда портретъ Тургенева. Я уже заподозрѣлъ литературныя занятія, но когда подошелъ ближе, то разочаровался. Подъ нимъ было безграмотно изображено: «патреть Архирея Иліодора и генерала». А рядомъ совершенно неожиданно весьма энергическое и популярное, но вовсе неудобное для передачи изреченіе.

— Вы знаете, первое время не довольны были раздѣленіемъ половъ. И что же— бабы жаловаться являлись.

— Не можетъ быть?

— Честное слово! У насъ, говорятъ, заработковъ не стало совсѣмъ! Вотъ вы и толкуйте съ ними.

— Что ѣдятъ у васъ рабочіе?

— Кашу, иногда мясо, похлебка какая нибудь. Если мяса нѣтъ, ѣдятъ сухаго астраханскаго или уральскаго судака. У кого корова есть, молокомъ разнообразятъ свою пищу. Остальныя вовсе его не видятъ. Скучно!

Вышли изъ казармъ. Зеленъ кустовъ; Луньва сквозь нее продирается, поблескивая на солнцѣ яркими струйками. По камнямъ переливается и злится на нихъ. Вонъ, по берегамъ, поросли дягилей изъ зонтичныхъ.

— Это у насъ рабочіе называютъ пиванами. Собираютъ ихъ, солятъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ отваромъ изъ нихъ. Хвощи ѣдятъ тоже, варятъ ихъ вмѣстѣ съ яйцами, шаньги изъ нихъ дѣлаютъ, пироги. А то и такъ пистиками ѣдятъ, т. е. одни головки.

— Да что же, своего не хватаетъ что ли?

— Я вамъ говорю—скучно! Тутъ рабочему не разѣется. Всегда онъ голоденъ.

XXI.

Угольная копъ.

Мимо веселой и красивой Восточной Луньвы, мимо красныхъ кирпичныхъ зданій завода съ высокою черною трубою, мы прошли въ угольную копъ. За нами всюду слѣдовало пыхтѣніе паровиковъ, шумъ какихъ-то зубчатыхъ колесъ, удары

проводовъ, работавшихъ безъ устали. Постройка зданія для паровика особенная. На другихъ заводахъ я этого не видѣлъ совсѣмъ. Деревянная, обложенная однимъ слоемъ кирпича, съ пролетами столбовъ и брусевъ въ наружу. Вонъ красивый красный фронтонъ...

— Это у васъ что такое?

— Входъ въ угольную копь.

Черная дыра. Копь отсюда теряется во мракѣ. На семь-соть футъ прошла она внутрь, косо пронизывая землю. Вездѣ проложены рельсы. Штейгеры съ молотками спуютъ во всѣ стороны, постукивая въ стѣны угольной породы, въ тускло поблескивающіе изломы ея. Сверху—баласины, поддерживающіе сводъ этой норы. Машина пытитъ и тяжело дышетъ въ черномъ гротѣ посреди горы. Слово тамъ бьется сердце этой громадной, висащей теперь надъ нами массы.

— Эта машина у насъ превосходно работаетъ. Вы замѣчаете, какъ тутъ чистъ воздухъ и какъ сухо вездѣ. Все она, матушка! Впрочемъ, это не долго будетъ; приготовьтесь.

Другія машины въ сторонѣ разбросаны по всему пространству копи. Съ трудомъ различаешь ихъ смутныя очертанія. Какіе-то загадочные силуэты видятся и мерещутся въ этомъ царствѣ гномовъ. Съ каждымъ шагомъ мы опускались все ниже и ниже. Холодъ уже охватываетъ кругомъ. Пыхтѣніе машины становится тише. Вонъ двѣ лампы робко мигаютъ во мракѣ. Образа, передъ которымъ онѣ теплятся, совсѣмъ не видно. Во тьму ушелъ. Только, когда мы подошли ближе, выяснилось печальное, низко наклонившееся, словно слезы роняющее лицо Богоматери. Такъ и кажется, что ей больно за всѣ эти десятки и сотни народа, убивающаго свои силы на трудной работѣ. Такъ и кажется, что это она по нимъ плачетъ, милосердная и благостная. И опять черная нора; мы уже идемъ перегнувшись впередъ, чуть не полземъ. Сводъ виситъ низко, давитъ. Вотъ-вотъ рухнетъ и завалитъ насъ... Каплетъ съ верху. Скоро цѣпля ручьи льются оттуда на насъ. Мы насквозь мокры. Нога тоже тонетъ въ водѣ... Вонъ опять изъ норы направо и налево черные пещеры черныхъ гномовъ. Тамъ тишина. Не слышно ударовъ кайла о мокрую стѣну. Прежде тутъ выбирали уголь, теперь оставили. Старый рудникъ погрузился въ какое-то величавое безмолвіе. Наши голоса какъ-то странно звучать въ этомъ гротѣ, углы котораго кажется безконечно далеко ушли отъ насъ; по крайней мѣрѣ подъ тусклымъ свѣтомъ нашихъ лампадъ и свѣчей мы ихъ не видимъ.

— Куда вы? И невидимая рука схватывает меня за плечо, когда я пошелъ было впередъ.— Сохрани васъ Богъ!

— Что такое?

Мой спутникъ протягиваетъ лампу впередъ и я вижу у самыхъ ногъ тускло поблескивающую воду. Сколько можетъ охватить глазъ мой—вездѣ тотъ же тусклый блескъ. Точно тутъ разлито какое-то густое чернило. Трубы отводятъ эту воду, но со стѣнъ ее наливается столько, что онѣ безсильны. По крайней мѣрѣ та польза отъ нихъ, что остальной рудникъ не заливается. Я бросилъ кусокъ каменнаго угля, онъ упалъ гдѣ-то далеко въ воду. Плюхнулъ въ нее—и едва замѣтный кругъ разбѣжался по спокойной поверхности этого подземнаго озера. Даже брызгъ отъ него не было. Мы прислушались внимательнѣе— журчаніе воды. Со стѣнъ льется цѣлыми струями. Повернули назадъ, и другими жилами пошли все ниже и ниже. Теперь это озеро уже надъ нами, на верху. Мы футовъ на двѣсти опустились. Еще больше приходится сгибаться; своды здѣсь гораздо ниже. Едва дышемъ отъ усталости. Руки порою опираются въ мокрѣя крѣпни. То тамъ, то сямъ, въ сторонѣ, блеснетъ огонекъ и что-то шевелится около. Остановимся—слышится отсюда стукъ кайла о твердыя массы угля... Уже на насъ нитки сухой нѣтъ. Мы не отдергиваемъ руки, когда онѣ попадаютъ въ воду, не стараемся найти сухаго мѣста для ногъ, потому что такого нѣтъ... Старыя шахты направо и налево. Онѣ переполнены водою. Мы слышимъ, какъ эта вода точитъ плотины, поставленныя здѣсь, чтобы защищать рабочихъ григорьевской коши отъ нея.

— Эти старыя шахты совсѣмъ володцами стали. Разъ одна платина поддалась, все залила вода.

Таеъ и стоятъ онѣ, безмолвныя, брошенныя! Сколько по нимъ скоронено народу! Въ прежнее время изъ-за этого шуму не дѣлали. Залило—и чудесно! Не доносили даже. Таеъ и чудится, что это не шумъ отъ машинъ, а стоны заживо скороненныхъ; что не вагонъ это стучитъ по рельсамъ, а какіе-то цѣпи звѣнять въ сторонѣ. Въ самыхъ нѣдрахъ горы бьются и стараются выползти изъ наглухо завалившихся норъ тысячи несчастныхъ; кто-то громадный, вапертый подъ нею, подъ этою массою угля, песчаника и земли, жалуется на свое вѣчное заточеніе.

Слава Богу, можно разогнуться! Жила, по которой ползли мы, ввела въ большой гротъ. Отовсюду слышны голоса. Сверху висятъ надъ нами грузные и неровные своды изъ песчаниковаго камня. Иногда громада его точно нарочно выдѣлилась, чтобы рухнуть на насъ. Проходя подъ нею, невольно ускоряешь шагъ.

Штейгеры постукивают молотками въ этотъ сводъ, не грозить ли обваломъ. Камень глухо отзывается на этотъ зовъ. Точно кто-то, заключенный въ немъ, недовольно гудить въ отвѣтъ штейгерамъ. Мимо насъ двигаются вагоны по рельсамъ. Грохотъ идетъ по подземельямъ. Вдали мелькаютъ свѣчи. Подходимъ—люди, защитные въ черную кожу. Кожа на шапкахъ, кожа на плечахъ, на ногахъ. Но она не спасаетъ ихъ отъ воды. Вода насивозъ пропала. Малѣйшею щелью пользуется она и затекаетъ за шею, на грудь.— «Ноги точно отнялись», жалуется одинъ. Лица сумрачны, брови нахмурены, глаза злые, смотрятъ на твердую породу, не поддающуюся кайлу. Запахъ углекислоты дѣлается уже ощутительнымъ. Голову кружить, въ виски стучить кровь. Горло точно перехватываетъ кто-то.

— Нельзя ли назадъ поскорѣе.

— А что?

— Дышать трудно!

Какъ эти несчастные выдерживаютъ подобный воздухъ, для меня совсѣмъ не понятно; чѣмъ дышутъ ихъ и безъ того изморенныя груди? На мокрыхъ работахъ здѣсь не долго, впрочемъ, выдерживаютъ люди. Самые сильные выстоятъ десять лѣтъ; остальныхъ едва хватаетъ на пять, на шесть. Послѣ того, рабочій уже никуда не годится. Ему нужно или побираться всю жизнь, или умирать. Ни на какое усиліе неспособны подорванные легкія и немоцныя руки! На остальныхъ горныхъ работахъ выстаиваютъ лѣтъ двадцать и тоже умираютъ отъ чахотки. Чахотка становится чаще всего удѣломъ и тѣхъ, кто тутъ долго проработаетъ въ угольной копи. Часто они, впрочемъ, задыхаются раньше, отъ сильнаго притока углекислоты.

— Точно сторить человекъ—разомъ!

Сюда становится уже нѣсколько труднѣе находить углекоповъ. Если-бы не нищета окружающихъ мѣстностей, никогда и никто не пошелъ бы на работу хотя въ ту же Григоровскую копи. Администрація ея, впрочемъ, и сама подманиваетъ народъ. Если рабочій переселится сюда совсѣмъ, ему отводится земля для дома, дается лѣсъ, или прямо дарится готовая изба! Сверхъ того, ему вручается пятьдесятъ рублей, изъ коихъ двадцать пять безвозвратно, а двадцать пять должны быть отработаны втеченіи пяти лѣтъ, исподволь, незамѣтно.

— Мы бы и надѣлъ давали пожалуй, да товарищество не имѣетъ право отчуждать землю.

Рабочій въ угольной копи мраченъ и молчаливъ. Ему больно на свѣтъ Божій взглянуть. На верхъ выберется, только и впору

ему, что завалится на лавку. Руки болят, грудь ноетъ, дышать тяжело, точно легкихъ для воздуха не хватаетъ, точно сердце бьется въ какомъ-то пустомъ мѣстѣ. Въ головѣ звонъ какой-то; въ ногахъ, въ сочлененіяхъ, острая ревматическая боль. Сваливаются массажи! Больницы полнымъ полны ими. Даже въ праздники рабочему не весело! На одно пьянство онъ падомъ, забывается по крайней мѣрѣ. И эту черную яму забудетъ, и этотъ непосильный трудъ изъ головы выйдеть.

А угля тутъ много. На долго еще его хватитъ. И не одна тысяча людей лезетъ въ раннія могилы, доставая его на пользу другимъ, спасая своимъ трудомъ, своею смертною мукою, лѣса, одѣвающиеся зеленью, и нивы, гибнущіе тамъ, гдѣ истребляются лѣса, и рѣки, обсыхающія въ голыхъ пустыняхъ. При мнѣ считывали, что Григорьевскій рудникъ ежегодно долженъ давать отъ 3.000,000 до 4.000,000 п. угля, да не далеко отсюда Иліодоровскій рудникъ представляетъ собою запасъ въ 30.000,000 пудовъ, который предположено выработать въ 20 лѣтъ. А тамъ еще по Усвѣинской дачѣ пошли новыя залежи. Пока открытъ пластъ въ 2 фута толщины. Слѣдовательно, не одно поколѣніе горнорабочихъ перегибнетъ изъ-за скуднаго заработка! Съ тѣхъ поръ, какъ я самъ посѣтилъ кони и видѣлъ этихъ несчастныхъ, — каждый кусокъ каменнаго угля мнѣ кажется обрызганнымъ человѣческою кровью! Да, дорого достается малѣйшее удобство. Намъ только легко оно. За него платятся другіе.

Сюда на работу народъ идетъ изъ разныхъ мѣстъ, — нужда гонитъ. Прикамскихъ мало, у себя дома есть дѣло, какъ нибудь прокормится. Большею же частью работаютъ здѣсь тагильскіе. Есть и кунгурскіе. Всѣмъ рабочимъ съ 8 іюля по 8 августа дается льготный мѣсяцъ на сѣнокосы. Ближайшіе уходятъ къ себѣ, пришедшіе на заводъ издалека нанимаются къ нимъ тоже. За это время они нѣсколько поотдохнуть на чистомъ воздухѣ, оправятся.

Въ копяхъ за подземныя работы получаютъ: кайловщики, ломающіе руду, отъ 50 — 55 к. въ день; 50 на сухихъ, 55 на мокрыхъ работахъ. Нагрузчики и вагонщики — отъ 40 — 45 к., на работахъ вверху, т. е. на землѣ, отъ 35 — 40 в.; 40 в. въ лѣтнюю пору, когда работаютъ не менѣе 10 часовъ, и 35 зимою, когда за дѣломъ проходитъ отъ 8 до 9 часовъ. Внизу работа идетъ дольше; тамъ двѣнадцатичасовая смѣна на сухихъ и десятичасовая на мокрыхъ работахъ. Особенно тяжелыми считаются развѣдки. Тутъ вода и сверху, и снизу. Женщины тоже работаютъ въ кони, хотя по правиламъ этого допустить нельзя.

Дѣла онѣ исполняютъ столько же, сколько и мужчины, а получаютъ на $\frac{1}{3}$ меньше. Мальчикъ отъ 14—15 лѣтъ получаетъ при этомъ 20 к. въ день, а дѣвушка отъ 18—20 лѣтъ отъ 15—18 к.

— Какъ вы допускаете женщинъ ломать руду? спрашиваю я кого-то.

— А какъ ихъ недопустишь, когда въ рабочихъ рукахъ недохватъ.

Всѣмъ вообще рабочимъ заводъ даетъ помѣщеніе даромъ; хлѣбъ имъ продается по заготовочной цѣнѣ, т. е. когда вездѣ здѣсь въ такъ называемой вольной продажѣ пудъ муки стоилъ 60 к., въ Лунѣ рабочіе получали его по 45 к. Подати они уплачиваютъ ужь сами, луньевская администрація въ этомъ никакого участія не принимаетъ. Кайловщины (рудовопы) жалуются только на одно: имъ за ихъ же счетъ приходится и крѣпи ставить.

Мнѣ казалось, что мы никогда не выберемъ назадъ.

Опять эти черные жилы, эти мрачные гроты, эти безмолвные, наполненные водою и задѣланныя плотинами шахты по сторонамъ. И этотъ грохотъ, раздражающій слухъ; этотъ громъ машинъ, словно размалывающихъ человѣческое тѣло, рвущихъ его въ куски.

Вонъ, наконецъ, засѣрѣлъ выходъ изъ шахты, точно тамъ царь стоитъ.

Солнце горячо грѣетъ землю. Жарко стало подъ нимъ. Зеленая листва привѣтливо колышится по сторонамъ, свѣжая, яркая трава мягко стелется по берегамъ веселой рѣчки.

А тамъ, изъ этой горы, доносится все тотъ же грохотъ, глухо раздаются загадочные звуки. Точно черви проточили ее; точно въ невидимыхъ склепахъ бьются тамъ тысячи на вѣки заключенныхъ живыхъ существъ.

XXII.

Коксовые печи.

Прежде чѣмъ уголь будетъ годенъ въ дѣло, съ нимъ нужно еще повозиться не мало.

Изъ копей, по взвѣздамъ, его доставляютъ на грохоты, гдѣ изъ одного въ другой онъ проваливается посредствомъ ручныхъ

поворотныхъ колесъ и тутъ дѣлится на три сорта, смотря по величинѣ кусковъ. Каждому грохоту соответствуетъ особый люкъ, откуда уголь черезъ желобы поступаетъ въ бакъ съ водою, гдѣ его промываютъ движеніемъ поршня. Въ бакѣ уголь теряетъ свои глинистыя частицы и частицы пустой породы, глинистыя сланцы, песчаникъ. Всѣ они осаждаются по удѣльному своему вѣсу слоями. Уголь вычерпывается особыми лопатками, причемъ, постороннія породы, находящіяся между рамами, перегородками, на лопату не попадаютъ. Отсюда уголь сортируется, нижній слой его выбрасывается, а верхній, самый лучший, предназначается для коксованія и поступаетъ въ боковой отдѣлъ, въ стѣнахъ котораго устроены люки; съвозъ ихъ онъ попадаетъ прямо въ вагоны, отвозящіе его по рельсамъ коксовымъ печамъ.

Вся эта работа подъ солнцемъ, при свѣтѣ, гораздо легче той, которая, подъ массаи земли и камней, совершается въ вѣчномъ мракѣ копей ваторжниками непосильнаго труда. Дѣло кипитъ подъ руками; звонъ рельсовъ, стукъ вагоновъ, всхлипывающее движеніе поршней, грохотъ каменнаго угля попадающаго изъ одного помѣщенія въ другое, тучи черной пыли, стоящей около, — охватываютъ свѣжаго человѣка совершенно новыми впечатлѣніями, такъ все это не похоже на обычныя рамы всякой другой работы. Тутъ уже порою, съвозъ шумъ машины, и пѣсня услышится, пѣсня, которая никакъ не мирится съ вѣчнымъ сумракомъ подземелья и словно подстрѣленная птица прерывается тамъ при первомъ своемъ звукѣ. Сверху намъ видны отсюда, въ синевѣ далекой, гдѣ только мерещутся лѣса, бѣлые черточки какихъ-то заводовъ и микроскопическіе силуэты сельскихъ церквей. Рѣки льются тамъ едва-едва замѣтными серебряными нитями; голубымъ ключкомъ неба, упавшаго на землю, кажется небольшое озеро. Вонъ гдѣ-то струится дымъ. Самого завода не видать, и домны его на отличить за обступившими ея холмами; видно только, что и тамъ совершается неустанный трудъ человѣка. Плавятся въ 1,200 градусной жарѣ сокровища, отнятыя у вѣчнаго мрака черныхъ горъ. Вонъ луньвинская гора, у подножія ея вся Луньва сбилась въ вучку... Лысая верхушка ярко освѣщена лучами полудня.

Волга рѣка разлилася,
Выпало снегу пороша.
И гдѣ моя мила—хороша?
Приходи на цисочникъ,
Свядемся на денѣдикъ!

Такъ и садится въ ухо бабья пѣсня. Поющей не видать, за то звуками ея пѣсни наполняется вся эта небольшая полянка.

— Каковъ сопрано? оборачивается ко мнѣ Иванъ Фомичъ.

— Да! Звонъ въ ухахъ идетъ.

— Нѣтъ вы обратите вниманіе: сила-то сила! Второе la взяла. И нисколько не дрогнула. Вотъ бы въ фіоритурныя-то пѣвицы. Выпустить бы ее на сцену въ Питеръ.

— Это съ цысопками, да денечками?

— Вѣрно молодая еще. Приучилась бы. Нужно, разумѣется, образовать, въ консерваторію.

И вдругъ голосъ Ивана Фомича точно осѣбся.

— Что же, отошлите ее въ консерваторію.

Изъ-за угла прямо на насъ вышла весело поющая баба, гдѣтъ эдакъ сорока пяти.

— А все-таки изумительная сила голоса!

Коксовая печь поставлена посреди большой площади. Отъ нея во всѣ стороны такъ и пышетъ жаромъ. Внутри томятся въ ужасающей атмосферѣ сотни пудовъ угля. Собственно это не одна печь, а ихъ семь, стоящихъ рядомъ. Вагоны съ углемъ подвозятся прямо на ихъ кровлю. Вверху въ печахъ сдѣланы воронки. Когда вагонъ станетъ надъ такою, дно его выдвигаютъ и уголь прямо падаетъ внизъ, въ помѣщеніе, котораго хватаетъ на шестьдесятъ пудовъ. Оно все выложено изъ огнеупорнаго кирпича. Во всѣ семь такимъ образомъ всыпается разомъ 420 п. Атмосфера этихъ печей уже раскалена до того, что едва-ли даже миеологическая саламандра могла бы здѣсь хотя одно мгновеніе остаться невредимою. Нѣсколько времени еще воронки остаются открытыми, и сквозъ нихъ сѣрымъ паромъ клубятся вверхъ холодные газы, содержащіе и смолу. Паръ этотъ клубится все гуще и гуще. Все тяжелѣе и тяжелѣе становятся газы. Наконецъ, въ нихъ точно блеснула молнія. Еще разъ... Въ воронкѣ заколыхался синій языкъ легваго огня. Онъ мало-по-малу измѣняетъ цвѣтъ, дѣлается голубымъ, розовымъ. Скоро уже одно желтое пламя пышетъ изъ воронки. Давъ такимъ образомъ погорѣть газу, но не очень долго, воронки вдругъ запираютъ герметически. Тотчасъ же печи со всѣхъ сторонъ замазываютъ глиною. Уголь начинаетъ томиться, огню нѣтъ выхода; воспламененные газы, еще секунду назадъ вырывавшіеся на волю, теперь въ верхнемъ отдѣленіи печи поступаютъ черезъ каналы, устроенныя въ ея сводѣ, въ боковыя жилы, обвивающія печь кругомъ и потомъ уходящія внизъ подъ полъ. Такимъ

образомъ печь нагрѣвается сама собою. Газъ, сослуживъ углю службу, выводится въ особыя трубы. Притока воздуха внутрь не допускается вовсе. Уголь остается въ печахъ сорокъ часовъ и изъ отдѣльныхъ кусковъ сплавляется въ общую массу, потерявъ при этомъ, въ видѣ газа, всѣ смолистыя части. Продуктъ этого процесса—вогесь, является почти чистымъ углеродомъ, съ небольшою примѣсью минеральныхъ веществъ, которые послѣ его сгоранія остаются въ видѣ зола.

Когда мы осматривали печи, привалила къ нимъ цѣлая масса рабочихъ.

— Пора?

— Стомился уголь. Сейчасъ будемъ вынимать!

— Вотъ увидите, какъ узника выпускаютъ изъ заточенія, замѣтилъ мнѣ Иванъ Фомичъ.

— Какъ разъ во время потрафили.

— Хоцца ему на волю тоже.

Потъ ватилъ съ лицъ, жара здѣсь была нестерпимая. Тѣмъ не менѣе ждать было нѣкогда и рабочіе засуетились еще пуще кругомъ печей.

— Ну-съ, выпускайте, выпускайте, братцы!

— Палить! Фу ты, Господи! Прежде смерти въ адъ попадешь!

— И горько же грѣшникамъ будетъ. Черти-то изъ нихъ также вотъ уголь вымаривать стануть. Вмажутъ тебя въ печь, загрузуютъ и почнутъ тебя палить.

— Тебя скорѣй.

— Меня не за что. Я на бабъ не падохъ. А тебя за бабъ во какъ выжарятъ!

Гдѣ есть малѣйшая возможность поострить, ее не упустить нашъ рабочій.

— Ты думаешь: взялъ бабу, да и правъ. Нѣтъ, врешь! за нее, за бабу, такъ-то тебѣ влетитъ, чудесно! Она, братъ, баба. Ее не трожь.

— Онъ вчера съ Матрешкой по лѣсу путался.

— И за это тебя тоже. Будь спокоенъ.

— Эхъ вы бабы, бабы, и что добраго въ васъ!

— Добра у нихъ много!

Но рабочему докончить не удалось. Ему крикнули съ лѣва и онъ бросился туда.

— Ну, уголь поспѣлъ. Пора его на столъ подавать, острили около.

Съ обѣихъ сторонъ отырыли дверцы печей. Уголь выталкивается въ нихъ особымъ механизмомъ. На насъ изъ печей стала

выступать раскалявшаяся окружающий воздухъ масса, совсѣмъ сплавившаяся: уже на волѣ, она начала съ громкимъ трескомъ раскаляться на части, поблескивая въ изломахъ металлическимъ отсвѣтомъ. За выступившими массами ползли другіе — дышать становилось невыносимо.

— Хватай хватай его, братцы!

— Не зѣвай, не зѣвай, ребята!

Обжигальщики стали его зацѣплять желѣзными гребнями и подалше оттаскивать отъ печей, то бросая инструментъ отъ страшнаго зноя, то снова хватаясь за него. Другіе въ это время направили на вынутыя изъ печей массы пожарныя вишки. И вдругъ кругомъ, оглушая насъ, загрохотало и загремѣло. Вода изъ вишекъ стала литься на раскаленные массы. Ихъ сильно окутало паромъ. Паръ засталъ все, и рабочиѣхъ, и печи; мы уже ничего не видѣли, кромѣ этихъ клубившихся передъ нами сѣрыхъ тучъ, въ которыхъ, незримая, обѣсилась какая-то гроза. Изрѣдка, когда вѣтромъ относило бѣлые клубы въ сторону, изъ за нихъ выступала сѣрая, металлическая масса, продолжавшая трескаться и колотиться прямыми изломами. Въ расколѣ сверкало пламя, уголь горѣлъ тамъ краснымъ огнемъ. Потомъ тучи пара опять застилали все кругомъ. Съ этимъ паромъ изъ кокса улетучивается сѣра, и коксъ послѣ того считается уже совершенно готовымъ.

Рабочимъ тѣмъ не менѣ складывать рукъ нельзя.

Нужно позаботиться, чтобы громадныя печи не охладились, запереть ихъ, замазать и нагрузить свѣжимъ углемъ. Процессъ обращенія угля въ коксъ такимъ образомъ продолжается безпрестанно. Изъ шестидесяти пудовъ угля, вложеннаго въ печь, кокса выходитъ пятьдесятъ пять пудовъ; остальное, въ видѣ газа, улетучивается изъ него. Изъ полученной въ каждой печи массы оказывается плотнаго кокса 48 п. и пористаго, губчатаго, 7 п. Цѣна ему при мѣѣ еще не установилась, потому что самое дѣло было вновь.

— Что вы получаете? спрашиваю я у рабочиѣхъ, дѣйствительно предвкусившихъ мученіе адово. Будущая жизнь такимъ образомъ для нихъ уже наступала въ настоящей.

— Мало получаемъ! Пятьдесятъ копѣекъ въ день всего. На всемъ своемъ.

— Которые въ шахтахъ, да въ коняхъ работаютъ, тѣмъ больше платять, они по 65 въ день берутъ.

— А тебѣ сколько приходится?

Шаршавый, раскрасившійся у огня мальчуганъ, ополоумѣвъ

отъ жары, попалъ прямо на меня и остановился, видимо не сознавая, гдѣ онъ и что съ нимъ.

— Чего? остановился онъ. Видимое дѣло—съ жары опаматоваться не можетъ.

— Что, Васютка, не привыкъ еще! Онъ у насъ въ новѣ. Сколько получаешь-то? спрашиваютъ.

— Ахъ ты, Господи! мучится совсѣмъ мальчуганъ вмѣсто отвѣта.

— Тутъ и взрослому не сладко, когда эта угля ползеть.

— Онъ по двадцати копѣекъ въ день беретъ, отвѣчаютъ за него другіе.

Готовый кокъ въ вагонахъ отвезли въ складъ. Новыя засыпали сверху.

Вокругъ печи опять нѣкоторое время стало тихо и безлюдно. Бабе, какое было при работахъ, воспользовалось отдыхомъ по своему, прихвативъ съ собою и мужиковъ. Смѣшеніе половъ, а слѣдовательно и легкость нравовъ, здѣсь безпредѣльны. Не говоря уже о томъ, что никакимъ обычаемъ извѣстныхъ отношеній не связываются, баба, не имѣющая «душеньки», считается здѣсь чѣмъ-то отверженнымъ.

— Что это ты, Анисья, съ мужемъ? спрашиваетъ мой спутникъ у красивой и рослой блондинки, попавшейся намъ на встрѣчу.

— Нѣтъ. Это чужой душенька! У меня свой душенька ушелъ, такъ я чужого взяла!

— Ну а какъ мужъ узнаетъ?

— Пушай его и знаетъ. Миѣ что! Его дѣло, не мое!

Я невольно расхохотался этой своеобразной логикѣ.

Въ прежнее время рабочему здѣсь все таки было гораздо хуже. Теперь, если онъ не является на работу, то теряетъ свою дневную плату и сверхъ того платитъ 25 в. штрафу, а тогда, теряя плату, онъ штрафовался вдвое. Если онъ опоздаетъ, изъ дневной вычитывается соответствующая часть; прежде же онъ не получалъ ничего и приплачивался еще сверхъ того пятью копѣйками. Съ пришлыми издали плотниками и каменщиками обходятся лучше. Эти—изъ Владимірской губерніи и подчинены своимъ подрядчикамъ, тѣмъ не менѣе и Владимірцы не уносятъ домой ничего, а вся выгода достается подрядчику. Послѣдній, получая на рабочаго 80 р., уплачиваетъ ему только 50 р. Остальное себѣ. У рабочаго не только не остается ничего, но напротивъ, и на слѣдующій годъ онъ по неволѣ долженъ закабалиться къ подрядчику, иначе ему не дойти до дому. Владимірцы работаютъ съ мая до сентября. Подрядчики являются

жадными до безобразія. Тутъ уже штрафы безъ удержу, по 5 р. за сутки сдуваютъ.

— Развѣ луньевская администрація не могла бы бороться съ подрядчиками?

— А какое ей дѣло! Нанимается не артель. Подрядчикъ берется сдѣлать то-то и то-то. А ужъ тамъ платитъ ли онъ или не платитъ—его дѣло. Лишь бы работа была исполнена. Чему вы удивляетесь? Это онъ хорошему рабочему пятьдесятъ рублей дастъ, тому кѣмъ онъ дорожить; а остальнымъ, съ которыми не перемонится, изъ полученныхъ восьмидесяти рублей отпустить двадцать пять, или двадцать, да и то еще обсчитать наровить. Подлецы порядочные! Здѣсь одинъ подрядчикъ своего роднаго отца обсчиталъ. Отецъ къ нему въ рабочіе пошелъ.

По всему району Александровскаго завода и Луньевскихъ копей ассигновано было при мнѣ на годовую затрату 813,000 р. На эти деньги, при постановкѣ начала дѣла, разумѣется нельзя было разбѣхаться слишкомъ широко. Поневолѣ сжимались, гдѣ могли, и сокращали расходы даже и на мелочахъ. И всюду, и вездѣ, какъ бы рационально не ставилось дѣло, какими бы новизнами оно не примерывалось, какихъ бы шкель не устраивали хозяева и сколько бы они пенсіоновъ не выдавали тѣмъ, кому удастся выжить въ этой страшной обстановкѣ заводскаго и рудничнаго труда,—всегда и вездѣ положеніе труженниковъ являлось въ полномъ смыслѣ слова ужаснымъ. Я положительно не вижу, гдѣ же разница между подрядчикомъ, притѣсняющимъ свою артель, заводчикомъ, у котораго рабочіе тоже въ черномъ тѣлѣ, и хозяиномъ копи высасывающимъ послѣднія жизненные соки у своихъ рудокоповъ. Вѣдь въ сущности какъ страшно это совершенно спокойное и равнодушное сужденіе:

— На мокрыхъ работахъ можетъ выстоять лѣтъ пять, не больше.

— А потомъ? Потомъ собакамъ бросить что-ли?

XXIII.

Нашествіе иноплеменныхъ.—Французскій годъ.

Не вдалекѣ отъ Луньевки, находится когда-то громадный, александровскій заводъ, какъ и вся эта мѣстность, принадлежавшій Всеволожскимъ. Безумства, прежнихъ представителей этой фамили

были таковы, что колоссальныя богатства ихъ истощились очень быстро, раззоривъ не только хозяевъ (отъ этого никому не было бы не тепло ни холодно), но доведя и мѣстное населеніе до самаго страшнаго экономическаго положенія. Едва-ли найдется на Уралѣ другой родъ, о которомъ здѣсь ходили бы такіе чудовищные рассказы. Трудно придумать какое нибудь чудачничество, какое бы въ свое время не сдѣлали Всеволожскіе. Лучшіе изъ нихъ убивали всю свою дѣятельность на безпрестанные споры съ сосѣдями. Такъ съ одними Лазаревыми у нихъ неумоимо шла самая беспощадная война. Другъ друга они травили, взаимно устраивали всевозможные реприманды, казнили — всеволожскіе — лазаревскихъ подданныхъ, лазаревскіе — всеволожскихъ. Работники тѣхъ и другихъ точно вели одни противу другихъ подземную минную войну. Сталдиваясь такимъ образомъ въ шурфахъ, они съ кайлами и кирками бросались въ тяжеломъ мракѣ шахтъ партія на партію. Лампочки и свѣчи скоро тухли. Работорцы не знали, кого они бьютъ, своихъ или чужихъ. Случалось, что на полѣ брани оставался не одинъ трупъ, а нѣсколько. Все это сходило съ рукъ. Лазаревы заявляли даже претензіи на землю александровскаго завода, но Всеволожскіе весьма остроумно доказали, что вся эта дача принадлежитъ имъ. Въ тѣ времена существовалъ обычай, по которому земля считалась того, кто прежде на ней поселится. Всеволожскіе стали переносить въ лѣсные захоластья, въ трупобы, отъ вѣка не слышавшіе людскаго голоса, вѣтхія избы изъ деревень и селили въ нихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Иначе, и при помощи своихъ документовъ, они ничего бы не добились. Лазаревы продѣлывали то же самое. Такимъ образомъ избы той и другой стороны переносились съ мѣста на мѣсто, и сообразно этому рѣшались дѣла въ пользу одного изъ противниковъ.

— Сколько людей они побили, страсть! рассказывалъ мнѣ старикъ крестьянинъ.

— Въ лѣсу?

— Да! Въ самомъ дремучемъ. Поди тамъ, ищи! Идетъ одна партія съ избой, сталкивается съ другою. Слово за словомъ, ну и пойдетъ побоище. Сначала въ рукопашную, а тамъ и дубье въ ходъ. Мой дѣдъ убитъ былъ такъ. Потомъ и тѣла не нашли. Спрятали, чтобы не отвѣчать. За такіе дѣла и богатства ихъ всѣ прахомъ пошли!

Около Сивинскаго села, Оханскаго уѣзда, есть лѣсъ верстъ на двѣнадцать. Онъ огороженъ. Тамъ всякое звѣрье плодится, вишня-кипитъ. Посреди этого лѣса домъ громад-

ный. «На триста комматъ поставленъ», рассказываютъ здѣсь. Бревна стойкомъ торчатъ. Кровля не докончена. Сквозь пустыя окна вѣтеръ свободно разгуливаетъ внутри, среди царствующаго тамъ заустѣнія. Одинъ изъ Всеволожскихъ явился сюда какъ-то на охоту. Зимой подыали ему медвѣдя. Сошелся народъ, чтобы провести дорогу. Сначала сгребли снѣгъ, потомъ вырубали просѣку на восемь верстъ. Въ это время медвѣдь ушолъ. Нашли другую берлогу. Въ концѣ концовъ послѣдовала резолюція:

— Не иначе поѣду, какъ въ собственномъ возкѣ, запряженномъ четверкою коней.

Устроили ему и это удовольствіе, истративъ кучу денегъ, и въ концѣ концовъ вытащили изъ берлоги какаго-то щенка, такъ что Всеволожскій только плюнулъ. Заготовленные для охоты разрывныя пули разстрѣляли въ бутылки, да въ шапки, и вернулись домой.

Прежде тутъ всего бывало: и гаремы держали, и людей на морозѣ обливали водою, и исправниковъ благополучно сѣкли,—по програмѣ, которая исполнялась и другими владѣльцами тѣхъ «рыцарскихъ» временъ. Этимъ феодаламъ нужно было особенное счастье, чтобы не раззориться. Разъ, напримѣръ, изъ Перми прислали какому-то Всеволожскому шампанскаго, ему оно не понравилось. Онъ и давалъ свое дѣлать. Сотни тысячъ убухалъ въ это дѣло и не только самъ свою бурду пилъ, но и другихъ заставлялъ ею отравливаться. Чѣмъ страннѣе его одинъ пермскій кунецъ, который до того очумѣлъ отъ богатства, что вздумалъ у себя на чистомъ воздухѣ тропическія рощи разводить. Другой, изъ мѣстныхъ заводскихъ, вздумалъ приручать медвѣдей. Занялся этимъ дѣломъ—приручилъ. Выросъ мишка, шалить сталъ. Мишку отодрали, Мишка искусалъ палачей. Такъ какъ послѣдними были простые мужики, то звѣрю это въ вину не поставили. Попробовавъ человѣческой крови, звѣрь и самого барина какъ-то парашнулъ. Ну тогда нарядили судъ. Созвалъ своихъ сосѣдей заводчикъ, тѣ съѣхались. Назначили судью, членовъ, докладчика, секретаря, какъ слѣдуетъ. Стали медвѣдя судить, причемъ, подсудимый былъ въ засѣданіе доставленъ въ цѣпяхъ. Приговорили повѣсить. Стали вѣшать, мишка вырвался. Жандармовъ, т. е. тѣхъ, которые играли эту роль, перепороли. Вторично приступили къ обряду публичной казни, веревка оборвалась. Потомъ обломилась перекладина. Всякій разъ находили виновныхъ въ неисправности и пороли. Къ вечеру поставили новую

висьлицу. Въ это время невѣжественному заводчику пришла новая счастливая мысль:

— Какъ же мы это безъ христіанскаго напутствія?

А выпито было порядочно. Идея понравилась, послали за попомъ. Попъ явился.

— Вы съума сошли! Вѣдь за это...

— Ну такъ выбирай, что хочешь: или самого повѣсимъ, или напутствуй. За согласіе 100 рублей.

Подумаль-подумаль священникъ. Для убѣдительности его подвели подъ висѣлицу и петлю на него надѣли. Нашоль, что 100 рублей лучше.

Преступникъ все это время сосалъ себѣ лапу. Пришла, наконецъ, его очередь. Секретарь прочелъ опять приговоръ, два раза стрѣляли изъ ружей. Воображая, что это обычное торжество, Мишеа пустился пласать на заднихъ лапахъ. Не помогло! На этотъ разъ его-таки повѣсили, и потомъ, когда нарочно ранѣе выписанный изъ Екатеринбурга ученый врачъ удостовѣрилъ его смерть, тѣло медвѣдя предали погребенію.

Такихъ шутокъ Всеволожскіе, разумѣется, не шутили, но были, впрочемъ, не далеко отъ нихъ.

Дѣла ихъ пошатнулись. Съ цѣлью ихъ поправить, Всеволожскіе взяли полтора миліона изъ сохранной казны. Казалось тутъ-то они и разовьютъ дѣятельность! Но съ деньгами въ карманѣ замуроваться въ Уральское захоlustье они не захотѣли и все это богатство спустили въ Баденъ-Баденѣ. Черезъ нѣсколько времени оказалось, что они не могутъ уплачивать даже процентовъ по занятому капиталу, и имѣніе было взято въ опекуновское управленіе. Такой порядокъ длился до уничтоженія крѣпостнаго права. Крестьяне кормились съ грѣхомъ пополамъ, но настоящей нищеты не было. Заводы уменьшили нѣсколько свое производство, но не закрывались совсѣмъ. Домны дымились, желѣзо и чугуны выработывались и въ свое время скупались разными кулаками; кое-что перепало и Всеволожскимъ. Въ 1860 году продолжать такіе порядки оказалось невозможнымъ; они обратились за помощью къ компаніи французскихъ и бельгійскихъ банкировъ. Сюда управлять дѣломъ явился нѣкто Жюль Пикъ; подъ его руководствомъ оно еще пуще разшаталось; въ концѣ концовъ онъ разворился до тла, попалъ въ тюрьму и умеръ въ ней.

Тутъ-то и наступилъ знаменитый французскій годъ, о которомъ съ ужасомъ вспоминаетъ все населеніе этого края.

Бельгійцы налетѣли сюда еще ранѣе, но при Жюль Пикѣ

не осмѣливались ничего дѣлать; теперь же они принялись расхищать все, что можно было расхитить. Приглашая эту компанію, Всеволожскіе думали отдѣлаться от опеки, чего они и достигли; но изъ чистилища они попали прямо въ адъ. Компанія, взявшаяся уплатить частныя и казенныя долги ихъ, ураганомъ ворвалась въ заводы, которые были въ это время похожи на средневѣковые города, отданные на грабежъ остервенѣвшимъ солдатамъ Тилли. Все, что только могло быть продано, бельгійцы продали. Не работали, а просто грабили. Какая-то оргія началась здѣсь. Стали снимать чугунныя полы, устои подъ водопроводными трубами, чугунныя лѣстницы. Короче—весь чугунъ, даже заслонки съ печей, все, что только возможно передѣлать въ желѣзо. Вытаскивали съ этою цѣлью связи, сдирали съ крышъ желѣзные листы, снимали съ дверей скобви и самыя двери сжигали вмѣсто дровъ въ печахъ. Балки кровли пошли туда же; заводъ оказался безъ крыши. Работали въ однихъ стѣнахъ, подъ открытымъ небомъ. Приступили, наконецъ... къ чему бы вы думали?.. къ сѣмѣй чугуннаго пола въ церкви и сдиранію всего желѣза оттуда, да священникъ забилъ тревогу, вмѣшалась власть и помѣшала бельгійцамъ, хотя тѣ ужъ за колокола было принялись. Дѣлали все въ долгъ, не платя никому ни копѣйки. Задолжали всѣмъ: дроворубамъ, угольщикамъ, рабочимъ, подрядчикамъ, возчикамъ, служащимъ въ конторѣ. Не было такого мальчугана или дѣвчонки, которымъ они не были бы должны заработанныхъ денегъ. До сихъ поръ живутъ еще рабочіе, которые такихъ долговъ за компанією считаютъ 60,000 р.; есть такіе, воимъ приходится по 700 р. въ одѣ руки. Крестьяне ходили какъ помѣшанные, пить съ горы начали, пока было на что, потомъ и ѣсть-то приходилось рѣдко вдосталь. Дошли до того, что столы и мебель конторы и оставленныя почему нибудь постройки были сожжены въ домѣ.

Оргія разгоралась все больше и больше, разореніе все усиливалось и усиливалось. Между рабочими начались самоубійства. Наконецъ, бельгійцы уперлись въ стѣну. Всѣ лѣса кругомъ были проданы, все дерево въ заводѣ сожжено, всѣ желѣзныя и чугунныя части переплавлены и распроданы. Въ одно прекрасное утро Луэсть и другіе бельгійцы, члены компаніи, сѣли въ свои кареты и... поминай какъ звали! Только ихъ и видѣли. Было обобрано все, остались одгѣ развалины. Оказалось, что вмѣстѣ съ нашими крестьянами поплатились и несчастные соотечественники этихъ воровъ—инженеры и механики, приглашенные ими для работы на заводѣ, и мастера,

привезенные изъ Франціи. Уже наше правительство на свой счетъ отправило всѣхъ ихъ на родину. Дѣла запутались такъ, что кредиторамъ и рабочимъ оказалось искать не съ кого. Отвѣтчиковъ не было, а если и были, то сдумали спрятаться.

Такъ кончился французскій годъ и началось мамаево разореніе.

Французскимъ годомъ эту эпоху назвали мѣстные крестьяне. Они до того обѣднѣли, что принуждены были продать все, чтобы прокормиться. Какъ на запущенную и истощенную ниву налетаетъ всякій зловредный жуекъ, наползаетъ всякая червивая гадь, такъ и сюда напозлали кулаки и скупщики. Сняли все съ мужиковъ. Проѣвъ послѣднее, эти сами принялись за грабежь. Съ голоду, повсемѣстное воровство, какъ кругъ по водѣ, пошло, раздвигая свои границы. Выходило такъ: на одной сторонѣ караулятъ, а на другой—тащутъ; стануть караулить тамъ—тащутъ здѣсь. Ъли рябину вмѣсто хлѣба. Продавали заслонки изъ печей, стекла съ оконъ, уцѣлѣвшія балки съ избы; самыя избы рубили на дрова. Все скупалъ Кропачевъ, за безцѣнокъ разумѣется. Этотъ, не смотря на молодость, былъ уже знаменитый кулакъ. Когда все было распродано и съѣдено, начали примирать съ голоду; тогда, въ счастью, опомнились пермскіе администраторы и изъ продовольственнаго по губерніи капитала была оказана населенію помощь въ видѣ ссуды.

— Иначе все бы примерло. Воровать нечего было, и рябину всю пожрали.

Нашествіе иноплеменныхъ такъ памятно до сихъ поръ, что крестьянство возвело его въ эру для лѣтосчисленія. «Это случилось до французскаго года, это было послѣ французскаго года», говорятъ они. Съ тѣхъ поръ ко всему здѣсь недовѣріе полное; надѣловъ не берутъ, добровольныхъ соглашеній не хотятъ. Заводы взяли снова въ опеку и желѣзо стало продаваться впередъ, на корню, контрагентамъ Любимову и Кропачеву; тѣ давали деньги и заводъ сталъ работать на нихъ по баснословно дешевой цѣнѣ. Братъ этого Кропачева открылъ здѣсь лавку. Управитель и члены заводской администраціи служили не опекѣ, а Кропачеву. Въ концѣ мѣсяца рабочіе просятъ денегъ, имъ не даютъ.

— Берите, что нужно, припасами у Кропачева; у насъ денегъ нѣтъ, не прислали еще.

И рабочіе должны были брать скверный товаръ, противъ сосѣднихъ лавокъ по тройнымъ цѣнамъ. Рабочія деньги изъ конторы получалъ уже Кропачевъ-братъ, иногда и раньше,

даже прямо из опекунскаго учрежденія,—раньше, чѣмъ онѣ были заработаны, а слѣдовательно и прежде забора. Это тянулось до 1873 года, когда устроилось нынѣшнее товарищество для эксплуатаціи луньевскихъ копей и александровскаго завода.

Рабочіе настолько были забиты вѣрнопостнымъ правомъ, французскимъ гогомъ и опекунскимъ совѣтомъ, что не смѣли даже жаловаться. Наконецъ, какъ-то сошлись, выбрали ходокоевъ просить разрѣшенія переселиться за Уралъ или въ Оренбургскую губернію. Двумъ первымъ семьямъ было разрѣшено; это и остальныхъ осмѣлило. Когда просьбы были заявлены отъ всей массы, власти всполошились и запретили. Такъ рабочіе и остались привинченными въ голодному мѣсту. И пошло еще пущее разореніе, да, слава Богу, товарищество выручило!

И отъ этого населенія, измученнаго, истерзаннаго, униженнаго во всемъ, еще требуютъ нравственности; удивляются, что мужикъ воруетъ, а баба продаетъ себя. Да какъ же не воровать и не торговать тѣломъ при такихъ условіяхъ? За ножъ взяться, что ли?

О Кропачевѣ рассказываютъ много смѣшнаго.

Придетъ, бывало, на заводъ съ супругою, сядетъ противъ доменной печи въ приличномъ разстояніи и блаженствуетъ.

— Все это наше! Теперь и заводъ, и желѣзо, и люди—наши! Прежде мы у Всеволожскихъ вѣрнопостными были, а теперь они у меня подъ рукою. Что хочу, то и сдѣлаю! Накланяются, узнаютъ! Захожу—помилую, захожу—нѣтъ!

— Не милуй ихъ, зачѣмъ миловать! вступается супруга.

— Я еще имъ покажу себя!

— Покажи, покажи, батюшка! умиляется та.

У Кропачева на бланвахъ даже было изображено: «Потомственный, почетный гражданинъ, пермскій 1-й гильдіи купецъ и кавалеръ орденовъ». Жена его всюду возила и всѣмъ показывала телеграму мужа, изъ Питера, братскую, но выразительную: «удостоился обѣдать съ министрами». У него контора; служащіе въ ней страшно забиты. Отецъ у него все церькви строилъ, старыя грѣхи отмаливал, но до смерти оставался самодуромъ. Разъ надѣлъ ризы и служилъ, а крестьяне цѣловали ему руку и евангеліе. Налетѣлъ исправникъ, но съ омаскою, потому что становыхъ Кропачевъ сбѣгалъ. Исправникъ пригрозилъ судомъ.

— Подъ судъ? Чего подъ судъ, зачѣмъ подъ судъ? Помилуй! Я вѣдь самъ купилъ ризы, да крестъ. Если осквернилъ по-твоему, такъ новыя куплю...

И вышелъ сухъ изъ воды.

И умеръ-то онъ отъ собственной дури. Сержаничалъ. Самъ на возахъ съ товаромъ поѣхалъ. На обледѣнномъ мосту упалъ, его и придавило возомъ.

Вліянія Всеволожскихъ, опекунскаго совѣта, французскаго года и кропачевскаго побойща до сихъ поръ оставили здѣсь свой слѣдъ.

XXV.

Александровскій заводъ.

Теперь здѣсь все идетъ иначе. Крестьянство съ голода не мреть, хотя, разумѣется, и сыто не бываетъ. Товарищество расходуетъ свои деньги экономно и, какъ оно само выражается, «филантропіей заниматься не считаетъ нужнымъ». Цѣлыя поколѣнія приносятъ свою кровь и потъ, свою жизнь и молодость, въ жертву за хлѣбъ насущный, и только за хлѣбъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ сущности страшно это существованіе, гдѣ все сосредоточено на одномъ вопросѣ: умрешь съ голоду или нѣтъ? Порою это равнообразится другимъ: заплатишь недоимку или нѣтъ? Питаясь акридами и не помышляя о дикомъ медѣ, мужики только одинъ мѣсяцъ въ году живутъ нѣсколько иначе. Пожосы, дни и ночи проводимые на открытомъ воздухѣ послѣ душныхъ заводскихъ работъ или смрадныхъ копей—нѣсколько ярче освѣщаютъ это бѣдное существованіе, даютъ ему, хотя ненадолго, радужныя краски, которыхъ, втеченіи остальныхъ одиннадцати мѣсяцевъ въ году, оно лишено совсѣмъ.

На заводъ я отправился на слѣдующій день утромъ. Товарищество кое-какъ починило заводъ, положило заплаты на дырѣя и лохмотья, оставшіяся послѣ французскаго года. Оно же ввело сюда и нѣкоторыя усовершенствованія. Такъ, еловый и сосновый уголь готовится въ лѣсу рабочими, но березовый обжигается въ углетомительныхъ печахъ, устроенныхъ въ самомъ заводѣ. Въ лѣсу, при обыкновенномъ способѣ, изъ 100 частей дерева выходитъ 50 частей угля, а здѣсь изъ 100—оказывается 80. Длинные кирпичныя печи работаютъ отлично. Сначала онѣ открыты и дрова тамъ горятъ, какъ и вездѣ; потомъ, давъ имъ разойтись, когда пламя уже велико, отверстіе

герметически запираютъ и дерево отъ жару обугливается все. Заводъ съѣдаетъ 5,000 куб. саж. дровъ въ годъ. Шестъ громадныхъ здѣшнихъ печей въ состояніи дать до 100 куб. саж. въ мѣсяцъ; такимъ образомъ, однихъ березовыхъ дровъ уходитъ до 1,200 саж. Въ доменной печи горитъ розовое пламя вверху, рабочіе обтянуты въ черную толстую кожу. Тѣ же картины, что и на кизеловскомъ заводѣ; тѣ же вспотѣвшіе люди, до измору дотолкавшіеся у этой геены огненной; тѣ же, точно въ чемъ-то размоченныя и распаренныя бабы... Куда ни взглянешь, вездѣ слѣды французскаго года; какъ ни старательно товарищество владеть свои заплаты, недавнее раззореніе смотритъ на васъ сквозь тысячи дыръ. Одной доменной печи нѣтъ, она развалилась совсѣмъ, да и кровли вездѣ содраны. Однѣ рѣдкія балки торчатъ вверху, точно волки ободрали шкуру съ падали, объѣли мясо и костякъ торчитъ одинъ, сиротливо подымая вверхъ голыя ребра. По полу, вверху, нужно ходить съ величайшею осторожностью—вездѣ провалы; свалишься съ высоты почти пяти этажей и, пожалуй, прямо въ расплавленный чугунъ внизу угодишь... Вонъ рабочіе, кряхтя, тащутъ короба съ углемъ и сбросили его въ домну; пламя вскинулось вверху, съ цѣлою массою искръ. По краямъ приготовлена руда, съ известковымъ камнемъ. Ее сталкиваютъ внутрь, въ пламя, и отворачиваютъ лица, потому что иначе придется дышать огнемъ.

Какое ужасное выраженіе у одного рабочаго изъ тѣхъ, что сбрасываютъ руду въ домну... Совсѣмъ автоматъ; только въ каменныхъ чертахъ этого автомата такъ и заваменѣло выраженіе одной вѣчной, неизмѣнной муки. Окончить онъ у домны—бѣжить къ обжигальной печи, а тамъ опять къ домнѣ. Такъ въ чертахъ этого лица и читаешь и французское раззореніе, и кроначевскій грабёжъ!

— Теперь, слава Богу! шепчетъ онъ. (Голосу давно нѣтъ).— Теперь чудесно... Теперь пятьдесятъ копѣекъ въ день!

А глаза и застывшая въ каждомъ мускулѣ лица мука противорѣчатъ и этому «слава Богу», и этому «чудесно». Онъ какъ-то и смотритъ изъ-подлобья, точно со-слѣпу, и видитъ плохо; глаза воспалены отъ зноя, больно имъ, слеза ихъ то и дѣло точить. Тѣло—скелетъ, обтянутый какою-то синею, точно гнилою кожей. А вѣдь молодъ, всего тридцать лѣтъ человѣку... Губы синія-синія тоже, свело ихъ. Грудь совсѣмъ ввалилась, ямой какою-то стала.

— Отчего это у всѣхъ рабочихъ здѣсь бороды такія жид-

кля, да чахлая? спросилъ я и самъ сконфузился. «Что за глупый вопросъ», думаю.

— Вы это встали. Знаете ли, что у кричныхъ рабочихъ, напримѣръ, въ Кыну, борода не растетъ; вообще у тѣхъ, которые при передѣлѣ чугуна въ желѣзо находятся—ни усы, ни борода не распушатся. Такъ, рѣдкій волосокъ пробьется. Жара вѣдь неимоверная!

Внизу мы опять любовались на золотыя звѣзды, которыя раскидывалъ кругомъ чугуны.

— Вы, однако, не очень близко наслаждайтесь, предупредили меня.

— А что?

— Когда изъ домны течетъ чугуны, онъ, встрѣтивъ воду, разбрасываетъ металлическія брызги такой силы, что онѣ иногда пробиваютъ высокую кровлю зданія. Это тоже опасно. У насъ есть такіе, которые ослѣпли отъ этого.

Спектакль становился опаснымъ и, разумѣется, только выигрывалъ отъ этого. Здѣсь ежедневно выплавляютъ чугуна отъ 350 до 500 пуд., причемъ на 100 пуд. руды получается до 40% металла. Я его называлъ какъ-то желѣзомъ, мой спутникъ засмѣялся и поправилъ меня:

— Это чугуны, его еще надобно сварить въ желѣзо. Вы не специалистъ и немудрено вамъ ошибиться; а то изъ Петербурга къ намъ наѣзжаютъ мундирные металлурги, такъ вы бы на нихъ посмотрѣли. Напыжится, важности на себя напустить, страшно подойти къ нему даже, а вѣдь желѣза отъ чугуна отличить не можетъ... Какое желѣзо отъ чугуна! Мы выпустили сплавъ изъ домны... Онъ вдругъ и спрашиваетъ:—«сколько мы бросили чугуна въ домну, чтобы получить это желѣзо?»—«Мы, говоримъ, руду бросаемъ!» Онъ снисходительно улыбнулся и, знаете, этакъ съ высочайшимъ:—«Что-жъ, вы хотите меня увѣрить, что прямо изъ руды желѣзо плавите?»—«Да это не желѣзо, а чугуны».—«Чугуны?»—покраснѣлъ самъ.—«Скажите, какой красивый, говоритъ... Горячій?» А чего горячій, когда отъ него адомъ пышетъ. Мы ужъ смѣялись, смѣялись потомъ... Хвостъ поджалъ и такимъ ласковымъ, да мяконькимъ сталъ! Потомъ, читаемъ въ газетахъ, въ техническихъ обществахъ доклады дѣлалъ! Еще какіе бывали! Одинъ, тоже чиновникъ, специалистъ по минералогіи, являлся сюда; можете себѣ представить, что ему разноцвѣтные, красивые шлаки выдавали за малахитъ и ашму. Онъ и вѣрилъ, въ простотѣ души!.. Совсѣмъ агнцы!

При заводѣ теперъ находится громадная механическая ма-

стерская. Всякого рода аппараты могутъ приготовляться здѣсь; между прочимъ, еще недавно отсюда вышелъ пароходъ «Гарибальди» для р. Камы. Ни одного настоящаго механика нѣтъ. Все строятъ простые рабочіе, присмотрѣвшіеся къ дѣлу у нѣмца въ Пожвѣ и теперь орудующіе здѣсь за какіе нибудь 30 р. въ мѣсяцъ. Умныя лица этихъ талантливыхъ людей производятъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе.

— Мы сначала чертить научились, а потомъ и сами искушаться стали.

И искушаются прекрасно, нужно имъ отдать справедливость.

— Они до чего насобачились, рассказываютъ намъ:—ученный механикъ упрется въ новый чертежъ лбомъ и ничего понять не можетъ, что за машина? Сейчасъ—«Иванъ!» Является Иванъ. —«Пособи-ка, что это за штука?» Посмотрить-посмотрить и разъяснить. Съ лету понимаютъ. Ихъ у насъ много такихъ-то!

Подобныя явленія, такіе Иваны, на Руси не рѣдки. Нѣтъ талантливѣе и въ то же время нѣтъ несчастнѣе этихъ людей. Никакого исхода, никакого простора для примѣненія своихъ богатыхъ силъ и способностей. Развѣ не такіе же Иваны попадались мнѣ въ Соловкахъ, на Валаамѣ, въ Святыхъ горахъ? Тамъ, только подъ монашескою рясой, они получили возможность работать. И какія дивныя вещи стали создавать они! «Нѣтъ людей, нѣтъ людей!» У насъ это принятый крикъ.—Нѣтъ людей! Разумѣется нѣтъ, если вы ихъ станете по Большой Морской, да по Невскому искать. Они есть и ихъ много; но они теперь не пойдутъ къ вамъ, да и сами вы ихъ не найдете, не такъ у васъ мозги построены. Понадобится, явятся иные порядки—и такіе Иваны сотнями придутъ къ намъ на помощь. Эти «Иваны» не въ одномъ лишь образѣ рабочаго представляются мнѣ, это общій типъ дѣловыхъ и серьезныхъ людей. Только теперь они отплевываются отъ васъ, не хотятъ вмѣстѣ съ вами дѣлать ничего; слишкомъ хорошо присмотрѣлись они къ питерскому officialному міру. Люди съ развитымъ обоняніемъ бѣгутъ отъ чиновника, въ какомъ бы онъ высокомъ чинѣ не находился.

При мнѣ александровскій заводъ еще только возстановлялся и на первыхъ порахъ не очень шибко. Управляющій всѣмъ этимъ участкомъ, Гросгофъ, рассчитывалъ тогда именно пустить его въ ходъ какъ слѣдуетъ, когда желѣзная дорога (горнозаводская) приблизитъ кушвинскій районъ къ этому и дастъ возможность вдоволь получать оттуда желѣза для александровскихъ механическихъ мастерскихъ.

— Тогда мы станемъ и желѣзо колбасить на рельсы, пароходы строить въ большомъ видѣ, и машины всякія выпускать сотнями. А до тѣхъ поръ не изъ чего.

Вообще рабочіе, занимающіеся въ механической мастерской, являются уже гораздо болѣе развитыми, чѣмъ остальные. Они очень много читаютъ; и не одну белетристику, газеты для нихъ дѣлаются потребностью. Здѣсь, напримѣръ, въ механической мастерской дѣлше спектакли ставятъ, и часто. Недавно играли «Женитьбу» Гоголя, «Доходное мѣсто» Островскаго, «Къ мировому» В. Александрова. Вообще же въ большемъ ходу здѣсь репертуаръ Островскаго. Нѣтъ такой пьесы его, которая бы здѣсь не была поставлена. По общимъ отзывамъ, играютъ отчетливо и толково. Зрителями являются администрація и рабочіе со всего завода. Бываетъ человѣкъ по полутора. Я подобный примѣръ видѣлъ только въ холмогорскихъ селахъ; тамъ тоже крестьяне ставятъ спектакли и также очень недурно.

— У насъ театръ сталъ очень прививаться.

— Одного не могу понять, какъ тѣ же рабочіе, которыхъ я видѣлъ на коняхъ, могутъ играть на сценѣ?

— Тѣ совсѣмъ другіе. У насъ изъ механической. Вообще между рудокопами и заводскими разница большая. Вы посмотрите-ка, какъ у насъ рабочіе читаютъ. А въ коняхъ и грамотныхъ-то не найдешь.

Потомъ мнѣ самому пришлось встрѣтить не разъ между заводскими мастеровыми людей въ высшей степени образованныхъ и живущихъ по-человѣчески. Одинъ, напримѣръ, о Гербертѣ Спенсерѣ заговорилъ, да такъ, что я, какъ щедринскій Фединька Кротковъ, только ротъ разинулъ. Другой спросилъ меня по поводу новой книги Смайльса. Большинство такихъ вышло изъ бывшихъ строгановскихъ крестьянъ. Вотъ, напримѣръ, исторія одного изъ нихъ. Отецъ—бѣднякъ-мастеровой и крѣпостной притомъ. Мальчикъ отличался удивительными способностями и рано понялъ, что на семью рассчитывать нечего. Онъ отлично учился въ приходской школѣ. Это замѣтилъ Петръ Сосипатровичъ Шаринъ, ученикъ Вейсбаха въ Фрейбургѣ. Шаринъ считался на Уралѣ звѣздой первой величины. Онъ былъ прекрасный ученый, но о гуманности и понятія не имѣлъ, потому что въ тѣ жестокія времена о ней еще и слыхано не было. Графъ Строгановъ тогда многихъ воспитывалъ на свой счетъ, сотни—въ уѣздныхъ училищахъ, десятки—въ гимназіяхъ и университетахъ, и все изъ семей, служившихъ у него. Больше же всего—въ техническихъ школахъ, въ технологическомъ инсти-

тутъ. Шаринъ и мальчишка Воеводина, о которомъ я рассказываю, отправилъ въ пермское уѣздное училище на счетъ Строганова; но, какъ сынъ простаго рабочаго, онъ дальше идти не могъ и, окончивъ шкѣлу первымъ, долженъ былъ вернуться въ билимбаевскій заводъ, помогать учителю мѣстной шкѣлы. Прожилъ онъ три года, продолжая работать въ мѣстной библиотекѣ. Въ билимбаевской шкѣлѣ преподавать было трудно по недостатку учебныхъ пособій. Старшій педагогъ былъ отъявленный пьяница и невѣжда и только мѣшалъ дѣлу. Поэтому ребяташекъ приходилось учить читать по такимъ книгамъ, какъ, напримеръ, «Инструкція уральскаго горнозаводскаго правленія», «Горный журналъ» и т. д. Въ качествѣ помощника, Воеводинъ не могъ сдѣлать ничего и совсѣмъ охладѣлъ къ дѣлу. Свободнаго времени у него оказалось много, онъ и напустился на чтеніе; все подъ рядъ глоталъ: и Лессинга, и Дюма, и Гегеля, и Поль де-Кока. Сознаніе безвыходности своего положенія росло; оставаясь въ разрядѣ мастеровыхъ, Воеводинъ не могъ пойти далѣе, а желаніе было пламенное. Пока еще найдутся средства къ этому, онъ началъ готовиться самъ; выписалъ самоучителей по разнымъ языкамъ, засѣлъ за работу, проглотилъ гимназическіе учебники очень быстро и, годъ спустя, былъ уже готовъ къ экзамену въ пятый классъ. Теперь нужно было выйти изъ мастеровыхъ и взять увольнительное свидѣтельство отъ общества. Собрался сходъ. — «Лучшіе люди относились ко мнѣ недружелюбно, съ завистью, рассказывалъ онъ,—и на сходѣ это сейчасъ же выразилось насмѣшками».

— Ладно. Посиди у насъ, пожуй нашего хлѣба! Ровно бы тебѣ еще рано въ чиновники.

— У тебя и родители-то на нашихъ глазахъ росли, ничѣмъ не лучше насъ были. Словно бы и неладно намъ подъ тобою быть. Поучить бы тебя слѣдовало, по нашему, по мастеровскому обычаю. Дурь изъ тебя выгнать.

— Чѣмъ наши дѣти хуже? Почему онѣ оставаться должны, а этотъ уйдетъ?

— Экая распута пошла! Всѣ отъ дѣла лыняютъ.

Волостной писарь былъ въ Билимбаѣ—поэтъ. Стихи сочинялъ à la Некрасовъ, писалъ корреспонденціи въ газеты и пилъ мертвую. Онъ особенно противъ Воеводина возсталъ. И несчастному юношѣ рѣшительно отказали. Пришлось оставаться мастеровымъ. Продолжаю уже рассказомъ самого Воеводина, испытавшаго эту горькую участь.

— Тутъ мнѣ удалось сойтись съ человѣкомъ, о которомъ и до сихъ поръ я не могу вспомнить безъ слезъ. Былъ онъ просто-на-просто этапнымъ офицеромъ, арестантовъ конвоировалъ. Свѣтлая душа, добрая! Молодежь на заводѣ, даже и образованная, гульбою, да пьянствомъ занималась—на крѣпостной почвѣ выросла, сама подъ кнутомъ была. Обыкновенно на заводѣ собирались къ Баранкову (такъ звали этапнаго офицера). Сначала музыка шла, онъ—на скрипкѣ, другіе—на иныхъ инструментахъ; а послѣ музыки за водку, да какъ—въ лоскъ! Опротивѣла ему служба, вѣчный лязгъ цѣпей, брития головы, униженіе человѣка, отмѣченнаго бубновымъ тузомъ, да сѣрымъ халатомъ,—уѣхали мы въ Екатеринбургъ. Тамъ, подъ вліяніемъ чтенія и работы, совсѣмъ переродились. Случалось только четыре часа въ сутки спать, все остальное время занимались. Сначала были средства у Баранкова, потомъ у меня нашлись уроки. Прислуги не полагалось. Бывало я читаю вслухъ, а Баранковъ сочень съѣтъ, либо мясо варить. Потомъ, чтобы не отвлекаться отъ дѣла, стали мы ходить ѣсть въ обжорный рядъ. Печенкою питались. А время-то было, сами знаете, какое—шестьдесятъ третій годъ; вся гадь, что до тѣхъ поръ было въ щели попряталась, выползла и откровенно засмердѣла. Мы обратили на себя вниманіе. Какъ-де читаютъ люди? Какъ простой мастеровой смѣетъ за такое занятіе браться—дѣтей учить? Кажется, жили мы смирно, никого не трогали, а страслась бѣда надъ нами великая—доносъ. Доносу вѣру дали. Баранковъ и теперь далече; а меня по этапу, въ кандалахъ, какъ простаго мастероваго, въ заводъ. Заклевали меня тогда дома.—«Что, ученый, выходилъ? Больно рано ученіе кончилъ; ишь ты какое ему начальство отличіе сдѣлало, бубенцы по ручкамъ, да ножкамъ привѣсило!» Проходу не было. Тоска меня одолѣла страшная. Дѣваться некуда. Не по силамъ наперекоръ своимъ идти; все же связь свою съ ними чувствуешь; хочется имъ принести хоть чуточку пользы. Вы не повѣрите, какъ въ иную пору къ своимъ тянетъ; плюнулъ бы на все, да въ сермяжное царство и ушелъ. Въ университетъ дороги не стало, бросилъ я книги; въ конторскіе халуй идти было противно, ну и пошелъ на заводъ простымъ рабочимъ. Мальчишкой у кричной печи жарился и теперь къ той же печи попалъ. Дѣло мое было ворочать болванку въ огнѣ; бывало всего тебя жжетъ, брызжетъ на тебя огнемъ, иной разъ расплавленнымъ шлакомъ прыснетъ, а ты себя нарочно моришь, чтобы всю гордыню старую совлечь, чтобы и не думать на что работалъ, къ чему готовился. Очень тоска

одолевала; только работою я и заморилъ тоску. Чугунъ въ огнѣ ворочаешь—потъ съ тебя леть; такъ весь день до вечера; а вечеромъ бросишься на лавку, да до утра и проспнешь какъ убитый, а чуть свѣтъ опять на работу. Такъ я себя изморомъ доналя, что разъ въ праздничный день взялся за книгу и ничего понять не могу, точно я не читывалъ никогда. Съ этого времени меня рабочіе наши полюбили. Попалъ я въ кричные мастера, сталъ по полтиннику въ день получать, а потомъ меня надзирателемъ сдѣлали. Теперь я самъ себѣ хозяинъ, свое маленькое дѣло завелъ.

И такихъ на Уралѣ масса; это не исключеніе.

У воротъ завода громадный кусокъ чугуна, сплавившійся въ уродливую, но плотную массу.

— Это у насъ козелъ!

— Какъ козелъ?

— Такъ называемъ! Изъ за него, изъ за козла, много несчастія бываетъ—весь заводъ снести можетъ. У плохихъ техниковъ и строителей доменъ образуются, во время плавки, загустѣвшія массы чугуна, какъ желвакъ садящіяся въ домну у самаго выхода изъ нее, или въ самомъ выходѣ. Ну тогда—руды выпускать нельзя, нужно дать доменѣ остыть, выломать часть ее у входа и вытащить желваки... Вотъ эти-то желваки мы и зовемъ козлами.

— У домны брюхо толстое, пищевареніе отличное; уголь, руду и камни варить, а иногда засорить желудокъ и стопъ машина! Нужно ее лечить; а пока лечить—мѣсяць рабочій безъ дѣла!.. Тутъ осторожность большая нужна...

Я уже говорилъ о положеніи рабочихъ въ мокрыхъ копяхъ и рудникахъ; на заводахъ оно нѣсколько лучше, но далеко отъ того, чтобы признать его хорошимъ. Какъ трудъ этотъ отзывается на здоровье работниковъ, видно изъ того, что въ 1874 году, напримѣръ: на 23 вдовца приходилась здѣсь 141 вдова—это въ одномъ Александровскомъ заводѣ. Въ томъ же году, на 60 родившихся мальчиковъ пришлось 64 умершихъ мужчинъ, а въ 1873 на 64 родившихся—67 умершихъ. У женщинъ это отношеніе между умершими и родившимися въ пользу послѣднихъ. Всего на заводѣ 1,098 мужчинъ и 1,236 женщинъ. Больше всего смертности въ разгарѣ работы. Взрослые мрутъ—отъ чахотки, дѣти—отъ горячки и худой пищи. Отъ старости—очень мало, потому что здѣсь до нея рѣдко доживаютъ.

XXV.

Шабурное—Заводъ Голодный.

Нѣчто въ родѣ французскаго года я встрѣтилъ въ селѣ Шабурномъ.

— Мы ужь въ аду. Хуже не будетъ! говорятъ здѣсь крестьяне. И подлинно, во всю мою жизнь я ужаснѣе уголка не видѣлъ. Это дѣйствительно нѣчто потрясающее, въ полномъ смыслѣ слова. Заводъ бездѣйствуетъ; ни одна домна не топится, печи—холодные уже давнымъ давно. По поламъ завода—грибы торчатъ, на стѣнахъ лишай пошелъ. Населеніе безъ хлѣба. Скотъ съѣденъ давно; что можетъ быть продано—продано. Хлѣбъ не сѣютъ, потому что во первыхъ не на чемъ, а второе—нечѣмъ! По окраинамъ еще кое-гдѣ овесъ да ячмень поднялись; но ихъ ранній морозъ убилъ, какъ я узналъ потомъ. Самые счастливые нашли жалкій заработокъ въ Александровскомъ и въ Луневкѣ, но это изъ самыхъ сильныхъ и молодыхъ. Старики, женщины и дѣти буквально мрутъ съ голоду. Источниковъ никакихъ. Въ этомъ-то безвыходномъ положеніи они должны еще за все платить: за усадьбу, за землю, которую не засѣваютъ и которая безплодна вовсе, подушные сборы, земскіе подати. За лыко, за мочало—за все берутъ съ нихъ. Лѣтомъ еще пиванами и пистиками живутъ. Что будетъ зимою—ужасно и подумать! Кому удастся заработать въ недѣлю семьдесятъ копѣекъ по окрестнымъ заводамъ—тотъ наверху блаженства. Купить пудъ муки, кормится самъ и кормитъ свою семью. Есть такіе, которые подъ вліяніемъ тоски, голода, ходятъ какъ помѣшанные или совсѣмъ оскотинились, выдаются на всякую пададь, собакъ переѣли всѣхъ. Что съ этимъ несчастнымъ народомъ кулаки дѣлаютъ—и подумать страшно! Есть такіе, что весною ушли съ караваномъ на сплавъ. Но кулаки ихъ надули, не заплатили ни копѣйки, и несчастные—голодными вернулись въ голоднымъ семьямъ. На переселеніе согласны—но всѣмъ міромъ. А поголовно сдѣлать этого нельзя, потому что административныхъ тонкостей тьма тьмушая, тѣмъ болѣе что владѣльцы, которымъ крестьяне обязаны своимъ раззореніемъ, не теряютъ надежду возстановить заводы и всячески тормозятъ самую возможность эмиграціи... Помѣщики здѣсь, какъ моровая язва, прошли по краю. Вообще у нихъ, у Демидова-Ревдинскаго и Сергинскаго—крестьянство голь невозможная. Демидовъ, напримѣръ, построилъ дворецъ въ

Ревдѣ и запрещалъ... мычать коровамъ тамъ, гдѣ онъ. Онъ нѣ-
которое время былъ полиціймейстеромъ въ Москвѣ и вводилъ
здѣсь свои порядки: коровамъ не мычать, собакамъ не лаять...
Иначе хозяева отвѣтствовали и притомъ жестоко. Тюрьмы и
прочее—тоже существовали...

Я не могъ безъ тоски видѣть это Шабурное!

Картина разрушенія, которую въ назиданіе потомству слѣ-
довало бы передать на полотнѣ. Пустота, разобранные дворы,
заколоченные окна, сиротѣющіе овины и риги, тишина влад-
бища—на улицахъ. Жалкая церковь и пьяный съ горя священ-
никъ, у котораго рожу разнесло отъ запоя во всѣ стороны. То
и дѣло что теряетъ крестъ, уплачивая каждый разъ нашедшему
двадцать вопѣекъ... Все облунилось, все поносилось. Дома, какъ
пьяные, шатаются во всѣ стороны, или стоятъ овершись на балки,
какъ дряхлая каліка переходящая на клюку. Народу мало и
тотъ ходитъ все помутившійся...

— Помирать бы братцы пора!.. говорить одинъ.

— То бѣда, что помираемъ тихо.

— Сразу бы!..

— А то изо дня въ день мнеть тебя нужда лютая!..

— Дѣтки, дѣтки!.. кто васъ управить! стоиеть мать, глядя
на дѣтей.

Вечеромъ весь скотъ долженъ быть дома; но ничего не ви-
дать, потому что даже послѣдняя телушка съѣдена, либо про-
дана. Хотѣли заставить хлѣбъ сѣять, но царапать камень не очень
повадно. Мѣстнаго хлѣба въ лучшее время не хватить даже
на полмѣсяца. Изъ 2000 жителей Александровскаго завода, на-
примѣръ, если 15 душъ занимаются хлѣбопашествомъ такъ и
то хорошо. Высѣваютъ ячменя отъ 40 до 50 пудъ и въ большой
урожаѣ собираютъ пудовъ 200—250.

— Хоть бы въ солдаты взяли! вздыхаютъ крестьяне.

— А намъ-то, бабамъ, какъ?

— А помирайте!

— Хороши хозяева!

— Что же я те помогу что-ли? Ну останусь, работа гдѣ?

— Все вмѣстѣ. Дѣти вотъ...

Голодный освирипѣлый мужикъ только отмахнулся отъ дѣтей.
Въ другомъ мѣстѣ мать вышла, толкнула дѣтей впередъ и
на волѣни сама.

— Хлѣба истъ... бормочутъ дѣти.

А у нея ужъ и слезъ нѣтъ. Только смотритъ на меня боль-
ными глазами. Какой карой можно отплатить за это раззореніе

его виновникамъ? Гдѣ эти деньги, что были высосаны съ несчастныхъ? Какимъ подлымъ французенкамъ брошены они въ бездонныя пасти? Уѣзжая отсюда, я положительно терялся. Чѣмъ возстановить столь потрясенное населеніе. Вѣдь оно сразу-то и на работу не гоже. Видѣли вы послѣ голоднаго года скотъ, который къ веснѣ нечѣмъ уже стало кормить. Часть его пала, часть чудомъ до первой травы уцѣлѣла. Посмотрите вы на этотъ скотъ, когда его въ поле выгонять. Заставить его работать и думать нечего. Едва онъ ноги волочить. Облезеть весь, язвнами покроется. Голову на вѣсу ему держать трудно. Пока запречь, мѣсяца полтора два ему надо въ полѣ на свѣжей травѣ поправится.

Тоже самое и крестьяне села Шабурнаго...

Тройка почтовыхъ лошадей быстро уносила меня отсюда. Когда мы вѣзхали на высокую гору, какъ ни было тяжело мнѣ, я невольно заглядѣлся на дикое величіе окружавшаго меня уральскаго пейзажа. Вонъ Павдинъ и Косвинскій камни вырѣзались на горизонтѣ и стоятъ, точно два великана, на стражѣ дивныхъ лѣсистыхъ долинъ. Горы за горами... Луньва вся какъ на ладони. Такъ и жди, что всѣ эти дебрами покрытыя горы зелеными волнами покатятся вдаль, и унесутъ съ собою людскую тоску и муку въ какое-то глубокое, безбрежное, невидимое море. Вотъ озеро посреди горъ мерещится. Въ бинокль его видно отлично. Извилисто вливаются туда Луньва ¹⁾ и Урса, грохотъ ихъ пороговъ доносится сюда, къ этой вершинѣ.

— Пора, баринъ, кони застоялись, торопить меня ямщикъ.

И опять монотонный звонъ колокольчика, и опять по сторонамъ мѣняется картина за картиной. А солнце уже садится за горы и золотистый блескъ его низлетъ гребни высокого могучаго, невѣдомо какъ уцѣлѣвшаго лѣса. Потянуло прохладой. Со дна долинъ ползетъ туманъ; откуда-то слышенъ грохотъ падающей съ камней воды. Должно быть въ самую темень лѣснаго захолустья схоронился маленький водопадъ и весело брызжетъ кругомъ на тѣсно обступившіе его стѣны уральскихъ великановъ ²⁾.

В. И. Немировичъ-Данченко.

¹⁾ Ва—по пермцки вода. Отсюда Луньва, Яйва, Лыньва, Косьва, Вильва, Ульва—и т. п. Примѣч. авт.

²⁾ Въ слѣдующіе очерки автора войдетъ его путь отъ Перми къ Екатеринбургъ, затѣмъ поѣздка въ демидовскіе заводы, въ невьянскіе, Верхъ-Нейвинскій, Тагилъ и Салду.

К И Т А Й.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Чиновничество, раздѣленіа по рангамъ и атрибуты величія.—Судебное слѣдствіе, смертная казнь, пытки и наказанія за различныя преступленія.

Правленіе Китая монархическое, неограниченное, главою котораго является императоръ, называемый «Сыномъ неба» и пользующійся чуть не божескими почестями. Народъ знаетъ своего государя только по имени, такъ како онъ, окруженный своимъ величіемъ, живетъ въ своемъ дворцѣ и никогда не показывается своему народу.

Не смотря на свое самодержавіе, государь только фиктивно пользуется правами, въ сущности же, вся власть и сила находится въ рукахъ канцлера и министровъ, которые безгранично царствуютъ въ странѣ, прикрываясь именемъ своего государя. Вслѣдствіе этого ни въ одномъ государствѣ не существуетъ столько интригъ, злоупотребленій, превышенія власти и такого неограниченнаго деспотизма чиновниковъ, какъ въ Китаѣ. Народъ же слишкомъ забить, чтобы выразить какое-либо сопротивленіе власти чиновниковъ. Въ Китаѣ существуетъ право престолонаслѣдія; за несовершеннолѣтіемъ наслѣдника, управляетъ, въ качествѣ регентши, мать или дядя его; послѣдній, конечно, имѣетъ болѣе значенія и является неограниченнымъ правителемъ. Вся страна дѣлится на округа, подъ управленіемъ генераль-губернаторовъ, которые имѣютъ право жизни и смерти надъ подчиненными.

Завѣдывающій двумя губерніями называется вицероємъ. Съ своей стороны, онъ подчиненъ высшимъ властямъ въ Пекинѣ, какъ-то: канцлеру и министрамъ, которымъ долженъ отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а тѣ уже дѣлаютъ докладъ самому императору. Въ Китаѣ существуетъ 9 классовъ, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ чиновъ; каждый классъ еще подраздѣляется на двѣ степени, изъ которыхъ первая имѣетъ большее значеніе. Наружное отличіе этихъ ранговъ составляетъ численность свиты, цвѣтъ зонта и количество сборовъ на немъ, а главное—цвѣтъ и достоинство шарива на шапкѣ и шитье на платьѣ.

1-й классъ: } 1 степень—канцлеръ.
 2   »   } 2   »   министры 6-ти министерствъ.

какъ-то: чиновъ, обрядовъ, военное, финансовъ, уголовное и строительное. Ихъ отличія: шарикъ изъ драгоценнаго краснаго камня, шитье на платьѣ—аистъ (сянь-хао); имѣютъ право ѣздить въ носилкахъ и въ столицѣ.

2-й классъ: } 1 степень—генералъ-губернаторъ и товарищъ министра.
 2   »   } 2   »   генералъ-адъютантъ.

Красный коралловый шарикъ и золотое шитье на платьѣ, изображающее курицу, составляетъ отличіе этого ранга. Имѣютъ также право ѣздить въ столицѣ верхомъ, въ телѣгѣ и въ носилкахъ съ шестью носильщиками, въ сопровожденіи свиты, состоящей: изъ 20 солдатъ, съ четырьмя пѣшими офицерами и двумя чиновниками на лошадяхъ, одного впереди, а другаго сзади насилкомъ; 8 низшихъ служителей съ бамбуковыми палками, имѣющихъ значеніе полицейскихъ, чтобы очищать дорогу на улицѣ, всегда многолюдной; ѣдущіе, въ носилкахъ обыватели должны немедленно останавливаться, выходить изъ своихъ носилокъ и въ почтительной позѣ переждать поѣзда мандарина; пѣшіе также должны остановиться и сторониться далѣе; 8 палачей съ ножами, одѣтыхъ въ черныя платья, съ высокими черными или красными шляпами, сдѣланными изъ бамбуковой коры. Все это чрезвычайно огрубѣлый и испорченный народъ, безъ сердца и жалости.

Нѣсколько человекъ бьютъ въ мѣдные тазы, чтобы всѣ знали о торжественномъ шествіи мандарина; впереди же двое, съ флагами съ надписью «цзинь-дао», очищаютъ дорогу. Нѣсколько мальчиковъ съ различными значками. Кромѣ того, 6 носильщиковъ атрибутовъ чиновника, т. е. досокъ съ изображе-

ніемъ его чина, званія, и Цинъ-минъ или его назначеніе на должность по высочайшему повелѣнію. Двое носильщиковъ съ красными зонтами для защиты отъ солнца его сіятельства, одинъ пѣшій, другой верхомъ; еще одинъ съ официальнымъ вѣромъ, почтительныхъ размѣровъ, который имѣетъ здѣсь то значеніе, что если чиновникъ встрѣтитъ на пути другаго, одинаковаго съ нимъ ранга, то, чтобы не дѣлать другъ другу привѣтствія, что въ носилкахъ неудобно, ихъ закрываютъ другъ отъ друга вѣромъ; двое слугъ верхами и двое конюховъ пѣшкомъ, и назоонецъ, громадный ящикъ, несомый носильщиками и заключающій въ себѣ наручники и цѣпи для арестованія виновныхъ, имѣющихъ, съ одной стороны, значеніе власти чиновника, а съ другой безпрекословнаго повиновенія своему государю. Чиновникъ, получившій указъ о своемъ собственномъ арестѣ, долженъ немедленно, гдѣ бы онъ ни находился, наложить на себя цѣпи и отправиться въ Пекинъ для своего оправданія и испрошенія милости.

Иногда это торжественное шествіе сопровождаетъ цѣлый взводъ солдатъ, одѣтыхъ въ красныя курмы съ чернымъ бархатомъ, большею частію босые, въ круглыхъ соломенныхъ шляпахъ, съ большими полями, или вовсе безъ шляпъ; съ косою, обвитою кругомъ головы, что придаетъ имъ очень безобидный видъ и мало чѣмъ напоминаетъ воинственнаго человѣка; длинныя пики, со значками на концахъ, составляютъ все ихъ вооруженіе.

При вѣздѣ въ домъ генераль-губернатора производится 7 пушечныхъ выстрѣловъ и играетъ музыка. Кромѣ того, музыка передъ окнами дома играетъ по положенію три раза въ день: утромъ, когда подчиненные приходятъ пожелать ему добраго утра; въ полдень, во время обѣда; и въ третій разъ передъ сномъ. Два пушечныхъ выстрѣла извѣщаютъ народъ о часѣ, когда губернаторъ ложится спать и одинъ—о его вставаніи утромъ.

3-й классъ: } 1 степень—предсѣдатель уголовной и казенной палаты.
 2 > соляной приставъ.

Обязанность перваго состоитъ въ завѣдываніи казенными расходами по губерніи, какъ-то: раздача жалованья офицерамъ и солдатамъ, поправка городской стѣны и прочія казенныя работы.

На его же обязанности лежитъ, въ случаѣ смерти императора, исполнить траурную церемонію, т. е. одѣться въ бѣлое платье и плакать, какъ о своемъ собственномъ отцѣ. А въ день рож-

денія государя, онъ одѣвается въ парадное платье и принимаетъ поздравленіе.

Обязанность солянаго пристава состоитъ въ томъ, чтобы контролировать продажу соли, которая составляетъ монополію государства.

Отличіе этого ранга составляетъ синій прозрачный шарикъ на шапкѣ, шитье на платьѣ—золотой павлинь. Имѣеть право ѣздить въ зеленыхъ генеральскихъ носилкахъ съ четырьмя носильщиками, въ сопровожденіи свиты съ тѣмъ же комплектомъ, какъ и генераль-губернаторъ, но въ меньшемъ сравнительно числѣ. Пушечныхъ выстрѣловъ не полагается.

4 классъ: } 1 степень—дао-тай, чиновникъ при губернаторѣ.
2 > чжи-оу (?).

Шарикъ синій, матовый. Дао-тай имѣеть свиту 3-го ранга.

Чжи-фу уже не можетъ ѣздить въ зеленыхъ носилкахъ, а въ синихъ съ четырьмя носильщиками. При въѣздѣ въ домъ полагается три выстрѣла.

Къ сожалѣнію, А. И. Журавлевъ не имѣлъ возможности перевести и опредѣлить значеніе нѣкоторыхъ должностныхъ степеней, въ родѣ чжи-фу, чжи-чжоу, чжоу-тунь. У китайцевъ есть много своеобразныхъ должностей, которыхъ не существуетъ въ другихъ странахъ, и потому онѣ трудно переводимы.

Военные же чины еще менѣе извѣстны; извѣстно только, что они имѣютъ нѣкоторыя, хотя и не особенно выдающіяся отличія.

5 классъ: } 1 степень—старшіе чжи-чжоу, губерскіе чиновники.
2 > младшіе чжи-чжоу > >

Шарикъ бѣлый, прозрачный, свита одинаковая съ предъидущимъ классомъ, только безъ ящича съ цѣпью. Шитье на платьѣ изображаетъ какую-то птицу.

6 классъ: } 1 степень—старшіе чжи-сянь, уѣздные начальники.
2 > чжоу-тунь.

Шарикъ на шапкѣ бѣлый, матовый, шитье также—какая-то птица. Синія носилки съ четырьмя носильщиками; свита—небольшое число слугъ съ палками и красный зонтикъ.

7 классъ: } 1 степень—младшіе чжи-сянь
2 > чжоу-бань.

Отличіе — мѣдный шарикъ; шитье на платьѣ изображаетъ птицу. Носили синія съ четырьмя носильщиками. Свита — нѣсколько солдатъ, нѣсколько человѣкъ съ палками. Синій зонть. При возвращеніи въ домъ полагается три выстрѣла.

8 классъ: } 1 степень — уѣздные смотрители училищъ.
2 „ „ „ „ „ „ „

Мѣдный шарикъ; шитье на платьѣ то же, что и въ предыдущихъ рангахъ. Синій зонть. Синія носили съ четырьмя носильщиками. Свиты не полагается.

9 классъ: } 1 степень — писмоводители въ уѣздныхъ правленіяхъ.
2 „ „ „ „ „ „ „ начальникъ стражи въ присутственныхъ мѣстахъ.
„ „ „ „ „ „ „ чиновникъ неимѣющій чина, бу-тинъ.
„ „ „ „ „ „ „ помощникъ уѣзднаго начальника и
„ „ „ „ „ „ „ начальникъ тюрьмы.

Шарикъ мѣдный; носили съ четырьмя носильщиками; синій зонть; свита — нѣсколько солдатъ съ палками; но ни тазовъ, ни ящика съ цѣпами не полагается.

Посредникомъ между европейскими консулами и китайскимъ правительствомъ въ мѣстныхъ дѣлахъ является дао-тай, а потому и не безъинтересно здѣсь встать привести рассказъ А. И. Журавлева о визитѣ къ дао-тай, въ Ханькоу, русскаго вице-консула, чему А. И. не разъ приходилось быть личнымъ свидѣтелемъ, въ качествѣ переводчика, какъ того требуетъ этикетъ.

За день до визита, консулъ шлетъ къ дао-таю записку слѣдующаго содержанія: «завтра, въ такомъ-то часу, я желаю видѣться съ вами, почтенный да-жень (сановникъ), и прошу васъ увѣдомить, можете ли вы принять меня завтра въ вашемъ дорогомъ дворцѣ». Затѣмъ слѣдуетъ подпись очень оригинальнаго свойства и вмѣстѣ съ тѣмъ выражающая глубокое почтеніе: «Глупый младшій братъ вашъ N. влняется».

Слово «юй» въ переводѣ буквально означаетъ: глупый, тупой, грубый и имѣетъ здѣсь то же значеніе, какъ и у насъ: вашъ покорный слуга.

Съ своей стороны, дао-тай немедленно шлетъ отвѣтъ: «Готовъ завтра принять васъ въ назначенный часъ у себя, въ ничтожномъ домѣ», а затѣмъ подпись въ подобной же формѣ.

За полчаса до назначеннаго времени, вице-консулъ, въ форменномъ платьѣ, садится въ свои официальные синія носилки, несомыя четырьмя носильщиками, и въ сопровожденіи переводчика, также въ носилкахъ съ двумя носильщиками, лица

не чиновнаго, отправляется съ визитомъ къ дао-таю. Впереди носилоеъ шествуетъ слуга съ визитною карточкою своего господина. Дао-тай въ Ханькоу имѣетъ свою резиденцію, ямынь (присутственное мѣсто), находящееся въ отдаленной части китайскаго города, на разстояніи по крайней мѣрѣ 20 минутъ скорой ходьбы отъ европейскаго консула.

Какъ скоро консулъ подъѣзжаетъ къ воротамъ ямынь, слуга отдаетъ привратнику визитную карточку, которая тотчасъ же поступаетъ въ отдѣленіе, завѣдывающее приѣмомъ гостей, а уже оттуда черезъ слугу вручается дао-таю, который даетъ немедленный приказъ просить гостя. Слуги кричатъ «цинъ» — просить, и привратникъ отворяетъ парадныя ворота, черезъ которыя носилки вносятъ въ первый дворъ; затѣмъ проходятъ еще ворота съ навѣсомъ, называемыя «да-танъ», такъ какъ здѣсь находится судейскій столъ, и наконецъ, пройдя эти ворота, носилки останавливаются у подъѣзда жилища Дао-тая, который самъ выходитъ на встрѣчу гостя. Гость первый обязанъ привѣтствовать хозяина въ такой формѣ: — «Да-жень хао?» — Здоровъ ли да-жень? — «То-фу-хай-хао» — Вашимъ счастіемъ, еще здоровъ, слѣдуетъ отвѣтъ. Дао-тай приглашаетъ консула войти, причемъ слѣдуетъ цѣлый рядъ церемонныхъ и вѣжливыхъ отказовъ со стороны гостя войти первому; наконецъ, по требованію этикета, первый входитъ въ комнату консулъ, за нимъ переводчикъ, а затѣмъ уже самъ хозяинъ. При приглашеніи садиться, слѣдуетъ повтореніе той же исторіи относительно права на почетное мѣсто, которое считается по правую сторону стола отъ входной двери; напротивъ садится переводчикъ, а спиною къ двери — дао-тай. Снова освѣдомляются другъ у друга о здоровьѣ и затѣмъ слѣдуетъ угощеніе чаемъ съ десертомъ, во время котораго консулъ обращается къ Дао-таю съ слѣдующимъ вопросомъ: — «Гуй-ямынь-ли-манъ дэ-хэнь?» (много ли занятій въ дорогомъ ямынь?) — «Мэй-ю-ши, мэй-ю-ши» Нѣтъ дѣла! нѣтъ дѣла! съ соболѣзнованіемъ отвѣчаетъ вопрошаемый. Если рѣчь касается относительно новостей изъ Пекина, или возмущенія татаръ, то слѣдуетъ всегда одинъ неизмѣнный дипломатическій отвѣтъ: — «Извѣстій новыхъ изъ Пекина никакихъ, а татары, по послѣднимъ извѣстіямъ, усмирены».

Послѣ чаю идетъ угощеніе шампанскимъ въ рюмкахъ таковой сомнительной чистоты, что противно брать въ руки; но, нечего дѣлать, приходится брезгливость по-неволѣ отложить въ сторону. Слегка коснувшись дѣла, если таковое случится, такъ какъ все дѣлопроизводство основано на перепискѣ, а визитъ не болѣе,

какъ формальность и этикетъ,—консуль встаетъ и прощается съ дао-таемъ, который идетъ до воротъ проводить гостя. Здѣсь консуль садится въ носилки, слуги отдають приказъ отворить ворота и тѣмъ кончается визитъ. Дао-тай чрезъ нѣкоторое время отплачиваетъ свой визитъ; онъ является со всѣми атрибутами своего величія, со свитою, свойственною его чину 3-го ранга, который уже былъ описанъ выше. При приѣмѣ та же встрѣча, тѣ же привѣтствія, тѣ же церемоніи и болѣе ничего особеннаго. Подобными визитами вице-консуль и дао-тай обмѣниваются нѣсколько разъ въ годъ.

Частая перемѣна чиновниковъ съ мѣста на мѣсто ставитъ ихъ въ невольную зависимость отъ ихъ помощниковъ, какъ хорошо знакомыхъ съ языкомъ и обычаями страны, тѣмъ болѣе, что здѣсь всего скорѣе примѣнима пословица: что городъ, то нравъ, что деревня, то обычай, особенно относительно языка.

Съ своей стороны, чиновники подлежатъ строгой ответственности передъ высшими властями въ Пекинѣ, часто не за дѣйствительную виновность, а за самую незначительную оплошность, нерѣдко независящую отъ ихъ воли, напр., въ родѣ подобнаго обстоятельства: каждая провинція посылаетъ ко дворцу, какъ налогъ, ежегодно различнаго рода плоды, кажими богата извѣстная страна: апельсины, бананы и проч., которые требуютъ быть доставлены не иначе, какъ въ новому году, для жертвоприношенія небу самимъ императоромъ. За неимѣніемъ желѣзныхъ дорогъ и правильнаго почтоваго сообщенія, фрукты, упакованные въ бамбуковыя корзины и въ сопровожденіи офицера, несутся такимъ образомъ носильщиками до Пекина. Несвоевременная доставка подвергаетъ строгой ответственности какъ офицера, такъ и самого начальника губерніи.

За важныя преступленія высшіе чиновники, вмѣсто публичной смертной казни, какъ милость императора, получаютъ отъ него шелковый снурокъ, значеніе котораго имъ хорошо извѣстно, т. е. удавиться самому и тѣмъ избавить себя отъ позора. Низшіе же чины не могутъ удостоиться этой чести, а должны быть обезглавлены наравнѣ съ прочими преступниками. Самоубійство посредствомъ проглатыванія золотыхъ листьевъ очень употребительно въ средѣ чиновниковъ, лишенныхъ власти и довѣрія и приговоренныхъ къ суду. За незначительныя проступки часто чиновникъ наказывается тѣмъ, что лишается своего чина, но остается все-таки на должности.

Въ случаѣ болѣзни родителей или ихъ смерти чиновникъ немедленно долженъ удалиться отъ дѣлъ во все время поше-

нія траура, чѣмъ подаетъ строгій примѣръ почтенія къ родителямъ и ихъ памяти.

Отставка заслуженнаго чиновника принимается только въ случаѣ его преклонныхъ лѣтъ, разстроенаго здоровья, и то съ большою неохотою, такъ какъ подобныя лица очень цѣнятся при дворѣ. Есть исключенія и въ средѣ чиновниковъ, которые пользуются большимъ авторитетомъ и любовью народа за справедливость и хорошее управленіе. При переводѣ его въ другое мѣсто ему устраиваютъ почетныя проводы; въ числѣ подарковъ подносятъ отъ имени города богато-вышитый красный офиціальныи зонтикъ или, вмѣсто него, богатое офиціальное платье соотвѣтствующаго ранга. Подобныя субъекты встрѣчаются очень рѣдко. Право старшинства въ родѣ имѣетъ вліяніе и въ должности чиновника: какъ скоро сынъ, служа въ одной мѣстности съ отцемъ, получаетъ повышенія за свои личныя достоинства, то отецъ не можетъ быть обойденъ или стоять ниже своего сына. Общее правило: старшій въ семьѣ не можетъ имѣть служебной должности и чина ниже младшаго въ семьѣ.

Какъ заслуженное отличіе и милость государя за вѣрность службы, чиновнику дается право носить на шляпѣ, кромѣ шарика, длинное павлиное перо, которое, по своему цвѣту и рисунку, дѣлится на нѣсколько разрядовъ, свойственныхъ каждому рангу, такъ: зеленое, одноглазое, двухглазое и т. д.

Строгость суда, тяжелыя наказанія за преступленія и страшныя пытки на предварительномъ слѣдствіи едва-ли способствуютъ уменьшенію числа преступниковъ, хотя ни одно преступленіе, даже убійство, не возбуждаетъ судебного слѣдствія со стороны чиновника прежде, нежели будетъ предъявлена формальная жалоба со стороны родственниковъ убитаго. Въ этомъ случаѣ очень часто бываетъ, что совсѣмъ безвинный человѣкъ можетъ попасть подъ судъ по обвиненію въ убійствѣ изъ мести всякаго, имѣющаго на него какое-либо зло, что случается очень нерѣдко, иногда даже просто изъ желанія поживиться кое-чѣмъ отъ богатаго человѣка. Тѣло какого нибудь нищаго, умершаго на улицѣ отъ голода и холода, подбрасываютъ къ дому того, кому хотятъ нанести вредъ; родственникъ является къ владѣльцу и заявляетъ о своемъ намѣреніи подать на него въ судъ, какъ на виновника смерти умершаго. Испуганный богачъ радъ откупиться чѣмъ бы то ни было, только бы избавиться отъ тюремнаго заключенія, которое доведетъ его до окончательнаго разоренія, а можетъ быть и до смертной казни. Рѣдкій выходитъ оттуда живымъ, а ужъ нищимъ навѣрное; заключенный долженъ давать въ

тюрьмѣ всѣмъ и каждому, чтобы задобрить хоть сколько-нибудь своихъ палачей, которые видятъ въ немъ единственную статью дохода, что уничтожаетъ въ нихъ всякое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, не говоря уже о какомъ-нибудь состраданіи къ несчастнымъ. Слѣдствіе и разборъ всякаго дѣла производятся въ мѣстномъ присутствіи или въ ямынь, за исключеніемъ убійства, когда слѣдствіе производится на мѣстѣ самаго преступленія. Истецъ, подавая прошеніе въ судъ, непременно прежде всего долженъ задобрить денежными приношеніями слугъ чиновника, отъ которыхъ зависитъ то, чтобы прошеніе его дошло до назначенія какъ можно скорѣе; въ крайнемъ же случаѣ, за неимѣніемъ денегъ, видя, что прошеніе его не дошло до чиновника, истецъ тайкомъ пробирается къ присутствію и нѣсколько разъ ударяетъ въ повѣшенный здѣсь огромный барабанъ, назначеніе котораго бить ночную стражу, а также и при выходѣ чиновника въ присутствіе.

Производя подобную тревогу, истецъ требуетъ чиновника, который въ этомъ случаѣ не заставляетъ себя долго ждать и тотчасъ же принимаетъ прошеніе, вслѣдъ зачѣмъ даетъ слугителямъ приказъ за казенною печатью арестовать отвѣтчиковъ; самъ же проситель не выпускается изъ присутствія до тѣхъ поръ, пока дѣло не будетъ разслѣдовано. Слуги немедленно отправляются въ домъ отвѣтчика и надѣвajúть на него тонкую цѣпь съ замкомъ, который и замыкается на шею; такимъ образомъ его приводятъ въ судъ, о чемъ и докладываютъ чиновнику. Судейское мѣсто устраивается на возвышеніи, подъ навѣсомъ въ родѣ воротъ, на дворѣ ямана, прямо противъ главныхъ воротъ. Столъ и стулъ для судьи покрываются красною матеріею; на столѣ стоятъ двѣ чернильницы: одна съ кинноварью, другая съ тушью, и двѣ вазы, въ каждой по четыре палочки; въ одномъ случаѣ онѣ означаютъ приказъ арестовать кого-либо, а въ другомъ—означаютъ число ударовъ, назначенныхъ въ видѣ прохладительнаго при допросахъ, какъ то: если судья беретъ одну палочку и бросаетъ на полъ, то это означаетъ, что подсудимому слѣдуетъ дать 40 ударовъ палкою. Съ боку лѣвой стороны судейскаго стола помѣщается на возвышеніи ящикъ изъ-подъ казенной печати. Отдавъ привязаніе открыть ворота въ судейскому столу, чиновникъ одѣвается въ форменное платье и шляпу, съ подобающимъ его чину шарикомъ. Прислуга становится на предназначенныя ей мѣста въ ожиданіи судьи, и какъ скоро онъ появляется—бьютъ въ барабаны, а слуги что-то кричатъ

въ видѣ привѣтствія, но что именно—трудно разобрать, такъ какъ все сливается въ одинъ общій протяжный гулъ у-у-у!

Помѣстившись на предсѣдательское мѣсто, судья приказываетъ служителямъ привести подсудимыхъ, на что они отвѣчаютъ громкимъ, отрывистымъ «о!» и нѣсколько человѣкъ бросаются исполнить приказъ. Несчастныхъ чуть не силою грубо тащатъ въ судейскому мѣсту, кричатъ имъ: «гуи-ся!» (на колѣни!), и тѣ, трепещущіе отъ страха, блѣдные, падаютъ на колѣни и ждутъ вопроса.

Допросъ начинается съ истца и прежде всего предлагаются вопросы, касающіеся его званія, лѣтъ, откуда онъ родомъ, гдѣ живетъ, чѣмъ занимается, живы ли родители,—на что онъ долженъ дать положительные отвѣты, величая себя приэтомъ маленькимъ человѣкомъ. Затѣмъ онъ уже долженъ изложить сущность дѣла и въ чемъ состоитъ его просьба. Отвѣтчикъ допрашивается въ такой же формѣ, только вмѣсто изложенія дѣла долженъ представить что-либо въ свою защиту. Показанія того и другаго записываются въ точности писаремъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ стола. Если истецъ или отвѣтчикъ начинаютъ путаться въ своихъ показаніяхъ, то для освѣженія ихъ памяти имъ даютъ нѣсколько ударовъ по рукамъ малою планкою; хотя это и запрещено закономъ, но въ этомъ отношеніи буква закона не имѣетъ значенія и съ подсудимыми обращаются въ высшей степени грубо. Затѣмъ слѣдуетъ допросъ свидѣтелей и за неимѣніемъ ясныхъ уликъ дѣло, иногда самое пустячное, тянется по нѣскольку мѣсяцевъ и даже лѣтъ.

Если дѣло не уголовное и не особенно важное, то приговоръ суда приводится въ исполненіе безъ донесенія и разрѣшенія высшихъ властей; но для оправданія своихъ дѣйствій чиновникъ беретъ съ подсудимыхъ росписку, что они вполне довольны рѣшеніемъ и желаютъ прекратить дѣло. Еще бы! Пройдя столько мытарствъ, всякій радъ дать какую угодно росписку, лишь бы выйти скорѣе изъ этого ужаснаго мѣста. Дѣла же большей важности производятся уѣзднымъ начальникомъ, который передаетъ ихъ на разсмотрѣніе областному, а тотъ, разсмотрѣвъ дѣло, или возвращаетъ его обратно къ слѣдователю для перерасслѣдованія, въ случаѣ какаго-либо противозаконнаго дѣйствія или по недостаточности уликъ, или же, найдя все въ исправности, передаетъ дѣло чрезъ своего непосредственнаго начальника, дао-тая, предсѣдателю губернской уголовной управы.

Предсѣдатель уголовной управы, разсмотрѣвъ дѣло, также въ случаѣ какаго-либо недоразумѣнія, предписываетъ областному

переразслѣдовать дѣло уже вмѣстѣ съ слѣдователемъ, въ присутствіи подсудимаго, котораго подь конвоемъ и препровождаютъ въ областное правленіе, а за всѣмъ тѣмъ дѣлаетъ постановленіе или своею властью, или же доносить въ Пекинъ министерству уголовныхъ дѣлъ (синъ-бу), которое и постановляетъ окончательно приговоръ надъ обвиненнымъ и, съ своей стороны, представляетъ его на высочайшее утвержденіе государя.

Важныхъ же преступниковъ, присужденныхъ къ немедленной смертной казни, прежде казнятъ, а потомъ уже докладываютъ въ министерство уголовныхъ дѣлъ; это дѣлается затѣмъ, чтобы избавить страну отъ ужаснаго злодѣя, а себя—отъ громадной отвѣтственности предъ судомъ въ случаѣ его бѣгства. Впрочемъ, отъ начальника въ этомъ случаѣ требуется отчетъ и уважительныя причины, заставившія его рѣшиться на немедленное исполненіе приговора. Какъ скоро получается приказъ о смертной казни извѣстнаго преступника, бутинъ или помощникъ уѣзднаго начальника отправляется въ тюрьму и, прежде чѣмъ войти туда, передъ дверями зажигаетъ пукъ курительныхъ свѣчъ и затѣмъ три раза кланяется до пояса.

Въ тюрьмѣ онъ переключаетъ всѣхъ заключенныхъ и, наконецъ, самаго присужденнаго къ казни, къ которому обращается съ слѣдующею фразою: «Слѣдуй за мною, тебѣ пора обриться» (заключенные лишены этой возможности, отчего передніе волосы, привыкшіе къ бритью, вырастаютъ жесткою щетиною и тѣмъ придаютъ субъекту звѣрскій или болѣе плачевный видъ, смотря по фізіономіи). Затѣмъ его выводятъ изъ тюрьмы, отдаютъ педъ военную стражу, брѣютъ голову, одѣваютъ въ красное платье и ведутъ къ судейскому столу, гдѣ возсѣдаютъ два чиновника, одинъ гражданскій, а другой военный. Приговоренный становится на колѣни и выслушиваетъ свой приговоръ, по прочтеніи котораго судья обращается въ нему съ слѣдующими словами утѣшенія: «Я ничего не могъ сдѣлать для тебя, потому что высшія власти и законъ осудили тебя на смерть. Перенеси это мужественно и я надѣюсь, что черезъ 18 лѣтъ ты будешь добрымъ человѣкомъ, т. е. что послѣ твоей смерти ты можешь переродиться и черезъ 18 лѣтъ стать совершеннолѣтнимъ». Въ день казни осужденному даютъ хорошій обѣдъ и бутылку вина, затѣмъ чиновникъ пишетъ его имя и совершенное имъ преступленіе, послѣ чего бросаетъ на землю кисть, которою писалъ, въ знакъ своей скорби.

Послѣ всего этого, печальная церемонія, съ преступникомъ впереди, скованнымъ по рукамъ и ногамъ, въ сопровожденіи

цѣлаго конвоя и самого чиновника, одѣтаго въ красный плащъ, направляется къ лобному мѣсту. На мѣстѣ казни приговоренный становится на колѣни и палачъ, приступая къ нему, громко вызываетъ къ окружающей толпѣ: «Тянь-ша-та, ди-ша-та, шанъ-сы-ша-та, мы-ю-во-сянъ-чанъ», т. е. небо казнить его, земля казнить его, начальство казнить его, а я тутъ не причемъ; затѣмъ онъ отрубаетъ голову и пинкомъ подбрасываетъ ее вверхъ.

Казнь чрезъ удавленіе также происходитъ за городомъ, съ тѣми же церемоніями. Обѣ казни совершаются внѣ города и притомъ раннимъ утромъ, во избѣжаніе громаднаго стеченія народа, который могъ бы помѣшать исполнить приговоръ суда, тѣмъ болѣе, что въ уѣздныхъ городахъ весь гарнизонъ состоитъ иногда не болѣе какъ изъ 10 или 15 человѣкъ, и тогда, конечно, главная отвѣтственность падаетъ на чиновника.

Казнь надъ менѣе важными преступниками совершается огуломъ по истеченіи извѣстнаго срока заточенія, осенью, въ присутствіи генераль-губернатора и прочихъ высшихъ чиновъ; нѣкоторые изъ подобныхъ преступниковъ получаютъ помилованіе (т. е. казнь замѣняется ссылкой) или смягченіе, въ родѣ того, что его оставляютъ жить и мучиться еще до будущей осени.

Кромѣ отрубленія головы и удавленія, существуетъ еще болѣе ужасная казнь—гуа, т. е. рѣзаніе на куски, назначаемая за десять тяжелыхъ преступленій:

1) Моу-фанъ. Злоумышленіе противъ спокойствія государства, возстаніе и бунтъ.

2) Моу-да-ни. Злоумышленіе противъ царствующаго дома; разрушеніе храма императорскихъ предковъ, императорскаго кладбища и дворцовъ.

3) Моу-панъ. Государственная измѣна, побѣгъ за границу, перебѣжка въ лагерь непріятеля.

4) Эни. Отцеубійство случайное и умышленное. Убійство дѣда, бабки съ отцовой и материнской стороны, убійство старшаго брата и сестры, убійство женою мужа.

5) Бу-дао. Безчеловѣчныя преступленія, какъ-то: убійство трехъ членовъ одной семьи, разсѣченіе человѣка на части, убіеніе ребенка, вырѣзаніе груди у женщины и составленіе ядовъ.

6) Да-бу-цзинъ. Оскорбленіе величества; воровство царскихъ жертвенныхъ сосудовъ, одѣяній и проч. Поддѣлка государственной печати, ошибочное составленіе лекарствъ для императора, приготовленіе въ столу запрещенныхъ кушаній, устройство непрочныхъ лодокъ для путешествія государя.

7) Бу-сяо. Непочтене родителей: оскорбленіе словами, отказъ помощи къ ихъ пропитанію, женитьба раньше истеченія срока траура по родителямъ и мужу, ложное объявленіе о смерти родителей, дѣда и бабки.

8) Бу-шу. Семейные раздоры: умышленное убійство и продажа въ рабство родственника до пятой боковой линіи, доносъ жены на мужа, доносъ на родственниковъ до четвертой линіи.

9) Несправедливость: убійство начальника свѣше пятаго класса, утаиваніе женою смерти своего мужа и неношеніе по немъ траура.

10) Нэй-луань. Кровосмѣшеніе до четвертой линіи, а также съ наложницами отца и дѣда.

Базнь гуа (рѣзанье на куски) состоитъ въ томъ, что преступника привязываютъ къ столбу и прежде срѣзываютъ кожу съ черепа и закрываютъ ею глаза, затѣмъ обрѣзаютъ груди, потомъ одну руку, за нею другую, обѣ ноги, вскрываютъ грудь и, наконецъ, отрубаютъ голову. По совершеніи казни тѣло не можетъ быть похоронено ранѣ трехъ дней, а голова выставлена на позоръ. Присужденные къ подобной казни подкупаютъ палача, чтобы тотъ скорѣе покончилъ съ ними.

По совершеніи казни чиновникъ пишетъ объявленіе (чао-ши) народу, въ видѣ воззванія, чтобы другіе береглись дѣлать подобное же преступленіе, ибо законъ строго наказуетъ виновныхъ, чему и былъ примѣръ сегодня, въ лицѣ такого-то преступника. Эти воззванія вывѣшиваются на видномъ мѣстѣ въ городахъ и селахъ уѣзда. О всѣхъ такихъ лицахъ, совершившихъ одно изъ десяти вышеприведенныхъ преступленій, докладываютъ императору и просятъ особеннаго именнаго указа, безъ котораго не имѣютъ права казнить виновныхъ.

Также не могутъ быть ни арестованы, ни допрашиваемы безъ особеннаго разрѣшенія императора нѣкоторые привилегированныя лица, какъ-то:

1) Родственники государя и государевой матери до пятой линіи, и родственники государыни до четвертой линіи.

2) Вельможи, пользовавшіеся милостями нѣсколькихъ государей.

3) Оказавшіе важныя услуги на войнѣ.

4) Ведущіе примѣрную и добродѣтельную жизнь.

5) Люди съ большими способностями, оказавшіе услуги престолу.

6) Ревностные исполнители возложенныхъ на нихъ важныхъ порученій.

- 7) Гражданскіе и военные чиновники отъ 1-го до 3-го класса.
8) Потомки государя прошедшихъ династій.

Чиновникъ ниже дао-тая не имѣеть права произносить и исполнять смертный приговоръ, исключая только въ крайнемъ случаѣ, именно, если преступникъ опасный, а городъ далеко; иначе, безъ разрѣшенія министерства уголовныхъ дѣлъ, не можетъ быть совершена казнь.

Наказаніе за воровство бываетъ различное, смотря по стоимости украденаго и обстоятельствамъ, при которыхъ совершено преступленіе. Воръ, пойманный съ поличнымъ, на мѣстѣ преступленія наказывается 50 ударами малою планкою, сдѣланною изъ бамбука и очень упругою. Воровство 40 ланъ наказуется 100 ударами, если же оно совершено 10 человѣками, то зачинщикъ также получаетъ 100 ударовъ, но большою планкою, остальные же получаютъ по 90 ударовъ.

Когда воръ уличенъ въ двухъ воровствахъ, то его судятъ за большее. За первое воровство ему клеймятъ правое плечо, за второе—лѣвое плечо.

Судившійся уже въ 3-й разъ за воровство подлежитъ удаленію, послѣ известнаго срока заточенія; точно также судится воровство, превышающее 120 ланъ, хотя бы оно совершено было въ первый разъ.

За воровство въ 60 ланъ—	70 ударовъ	и 1 годъ	ссылки.		
»	»	» 90	» —100	»	» 3 года дальн. ссылки.
»	»	» 120	» —100	»	» 3 года ссылки за 3,000 м.

Грабежъ судится еще съ большею строгостью: виновный подлежитъ 100 ударамъ большою планкою и идетъ въ вѣчную ссылку за 3,000 м. Когда же грабежъ сопряженъ съ убійствомъ, то главный зачинщикъ подвергается смертной казни, а его сообщники идутъ въ вѣчную ссылку и кромѣ того имъ ставятъ клейма на плечи: цань-до (грабитель). Зачинщикомъ считается тотъ, кѣмъ нанесена смертельная рана ограбленному субъекту. Убійцы при грабежѣ подлежатъ немедленной казни, а сообщники—удавленію по заточеніи.

За нанесенные при грабежѣ увѣчья острымъ орудіемъ, зачинщикъ наказуется смертною казнію по заточеніи, а сообщникъ ссылается пожизненно.

За неопасное увѣчье—ссылка въ отдаленныя мѣста для зачинщика, и въ ближайшія—для сообщника.

Препятствующіе аресту виновныхъ судятся какъ ихъ сообщники.

Сыщиками назначаются служители при чиновникахъ, которые снабжаются бумагою къ властямъ другихъ городовъ, для оказанія имъ своего содѣйствія въ случаѣ надобности; къ нимъ же часто принадлежатъ бывшіе когда-то и исправившіеся воры. Но всѣ эти люди, не получая никакого жалованья, поневолѣ должны дѣйствовать сообща съ ворами, или испрашивать милостыню. Обыкновенно они ходятъ по улицамъ, поютъ пѣсни и гремятъ цѣпями, назначенными для поимки воровъ, или нарочно одни изъ нихъ затѣваютъ драку, а другіе, пользуясь случаемъ, воруютъ.

Громадной отвѣтственности подлежатъ моряки военныхъ лодокъ на рѣкахъ, назначенные правительствомъ для наблюденія за порядкомъ, для оказанія помощи погибающимъ и поимки пиратовъ, такъ какъ бывали частые случаи, что, вмѣсто содѣйствія, они грабили не хуже пиратовъ, отчего законъ таеъ и хлопочетъ о нихъ. Неоказавшіе помощи погибающимъ лодкамъ и за грабежъ ихъ подлежатъ всѣ отсѣченію головы, съ выставкою ее на поворъ. Если они встрѣтятъ лодку безъ людей и воспользуются имуществомъ, находившимся на ней, то судятся наравнѣ съ похитителями казеннаго имущества.

Имущество съ погибшей лодки должно быть возвращено владѣльцу сполна; утраченные же вещи должны быть уплачены капитаномъ лодки. Когда же не окажется владѣльца, то вещи поступаютъ въ казну.

За незначительныя преступленія законъ даетъ право, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, откупаться отъ тѣлеснаго наказанія; сюда принадлежатъ: престарѣлые, малолѣтніе, больные, калѣки, студенты астрономическаго института, жены чиновниковъ и женщины, которыя всѣ могутъ откупаться отъ наказанія большою платою. Магистры, кандидаты, студенты и всѣ имѣющіе шарикъ на шапкѣ имѣютъ право откупаться отъ наказанія большою платою, непревышающаго 100 ударовъ, съ сохраненіемъ чина и званія. О нихъ заявляютъ министерству обрядовъ. Чиновники за вятки лишаются чина и званія по высочайшему усмотрѣнію. Предварительное слѣдствіе производится чиновниками несостоящими на службѣ, судъ же должностнымъ. Монашествующія лица за преступленія прежде лишаются своего сана и наравнѣ съ другими подлежатъ законному наказанію.

Женщины, за прелюбодѣйство, воровство и непочтеніе къ родителямъ, не имѣютъ права откупиться отъ тѣлеснаго наказанія; но это право дано преступницамъ, приговореннымъ къ казни. Тѣлесное наказаніе производится большою и малою план-

вами. Большая планка, сдѣланная изъ бамбука, имѣетъ $5\frac{1}{2}$ вѣт. арш. длины. Тяжелый конецъ ея шириною $2\frac{1}{2}$ верш., а легкій— $1\frac{1}{2}$ верш. Вѣсъ 2 гина.

Малая планка одинаковой длины; тяжелый конецъ ея $1\frac{1}{2}$ верш., а легкій—1 верш. Тяжесть $1\frac{1}{2}$ гина.

Шейная колодка въ видѣ ставня, съ отверстіемъ для головы, вѣситъ отъ 25 до 35 гиневъ.

Колодничи на день выпускаются изъ тюрьмы.

Приговоренные къ заточенію сводываются цѣпами.

При предварительномъ слѣдствіи важныхъ преступниковъ употребляются различнаго рода самыя ужасныя орудія пытки, какія только могъ выдумать человѣкъ. Но въ настоящее время ихъ употребляютъ не вездѣ или, въ видѣ исключенія, при важныхъ допросахъ. Изъ безчисленнаго множества пытокъ, сюда принадлежатъ: пытка на подобіе креста, съ нѣсколькими отверстіями: для косы, два для кистей рукъ и два для ступней ногъ, такимъ образомъ, преступникъ бываетъ распятъ, стоя на колѣняхъ; подъ колѣни кладутъ острую цѣпь, на которую и нажимаютъ колѣни посредствомъ длинной доски; на обоихъ концахъ ея становится по человѣку, которые своею тяжестью давятъ колѣни и раздробляютъ кости.

Другая: преступника привязываютъ къ столбу и стягиваютъ голову ремнемъ, такъ что черепъ трещитъ.—На этой пыткѣ, говоритъ А. И. Журавлевъ, въ бытность мою въ Тунь-Чжоу у мѣстнаго окружнаго начальника по дѣлу, умеръ на моихъ глазахъ одинъ пытаемый.

Еще употребляютъ влѣтку такого рода, что преступника ставятъ внутрь ея, а голова продвѣвается въ узкое отверстіе, наверху влѣтки, ноги же всаются чуть-чуть пола, такъ что онъ скорѣе виситъ, чѣмъ стоитъ. Такую пытку невозможно вынести продолжительное время, а потому, отъ времени до времени, подставляютъ доску, на которую пытаемый можетъ встать всею ногою.

Между пальцами рукъ кладутъ палочки и постепенно болѣе и болѣе сжимаютъ ихъ, такъ что хрустятъ кости. Иногда же, за большой палецъ руки и ноги привязываютъ веревку и, такимъ образомъ, подвѣшиваютъ къ чему нибудь такъ, чтобы пытаемый не касался пола.

Подъ ногти рукъ и ногъ подсудимаго, во время допроса, постепенно, одинъ за другимъ, вколачиваютъ бамбуковые гвоздики.

Для женщинъ нѣтъ хуже пытки, какъ простоять цѣлый часъ на кирпичѣ, не балансируя и не передвигая ногъ, что

рѣшительно невозможно при томъ уродствѣ ногъ, какія имѣютъ китайянки. Подобную пытку не въ состояніи вынести ни одна женщина.

Кромѣ всѣхъ описанныхъ, по разсказамъ китайцевъ существуютъ еще другія, болѣе мучительныя пытки, въ родѣ того, что преступника закапываютъ въ ящикъ съ негашеною известью и постепенно льютъ туда воду; известь начинаетъ кипѣть и человѣкъ сваривается въ ней.

Говорятъ, эта пытка употребляется въ губерніи Сы-чуань. Трудно повѣрить въ дѣйствительность подобныхъ разсказовъ, но и невозможно отвергать этого положительно тамъ, гдѣ вообще существуетъ пытка и такое ужасное наказаніе, какъ смертная казнь «гуа» (рѣзанье на куски). Всѣ орудія наказанія и пытки подлежатъ предварительному осмотру уѣзднаго начальника, который, съ своей стороны, ежегодно долженъ ихъ представить на ревизію областного начальства, а тотъ — предсѣдателю губернской уголовной палаты, а затѣмъ уже губернатору и генералъ-губернатору; всѣ эти власти, по окончаніи ревизіи, кладутъ свои печати.

За употребленіе орудій, непредставленныхъ осмотру властей, чиновникъ подлежитъ строгой отвѣтственности. Нѣкоторые изъ преступниковъ, за исключеніемъ отъявленныхъ злодѣевъ, приговоренныхъ къ немедленной казни или къ казни гуа, могутъ еще быть помилованы высочайшимъ манифестомъ, даннымъ въ случаѣ какаго либо важнаго событія въ жизни государя.

К О Н Е Ц Ъ .

КНЯЖНА ВЛАДИМІРСКАЯ

или

ЗАЦЪПИНСКІЕ КАПИТАЛЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

IV.

Людскія страсти.

Страшно тяжкая минута наступила для Али-Эметэ, когда, по грудь въ водѣ, стояла она на своей нарѣ, въ нижнемъ казематѣ Петропавловской крѣпости, отгоняла отъ себя старавшихся влѣзть на ея платье плавающихъ крысъ и наблюдала, какъ вода поднимается все выше и выше.

«Боже мой, Господи мой! думала она.—Вотъ смерть медленная, неизбѣжная, страшная смерть, назначенная мнѣ Твоимъ правосудіемъ за грѣхи мои!.. Грѣшна я передъ Тобою, Господи, жила не по заповѣдямъ Твоимъ! Думала только о себѣ, себѣ только вѣрила; вѣрила только своему разуму; думала только о своемъ наслажденіи.

«Не любила я людей, какъ заповѣдалъ Ты, милосердный;

не думала о своей душѣ, не думала о жизни въ Тебѣ, Богъ мой! любила только тѣло свое, любила только міръ здѣшній, полный прелести и наслажденій.

«И наказана за то я, страшно наказана! Когда, наконецъ, полюбила я человѣка, онъ оказался лютымъ звѣремъ; хуже звѣря—оказался тѣмъ, чего невозможно было и предположить въ человѣкѣ.

«Онъ предалъ меня; предалъ на истязаніе тѣло мое, предалъ на истязаніе плодъ свой!

«Онъ сталъ небесною местию мнѣ за васъ: Ванъ-Тоуэрсъ, Шенъ, Рошфоръ, Лимбургскій, за всѣхъ, кѣмъ я играла, кого погубила я.

«Прости мнѣ, Господи, прости мнѣ, Боже мой, хоть и не стою я Твоего милосердія!

«Для себя, ради страстей моихъ, я готова была зажечь цѣлый міръ, и вотъ я гибну отъ воды, заливающей можетъ быть искры пожара, который я задумала.

«Ты справедливъ, Господи! Ванъ-Тоуэрсъ и Рошфоръ въ тюрьмѣ за меня. Я о нихъ забыла, я о нихъ не думала. Вотъ и я испытала тяжесть тюремнаго заключенія. Всѣ тѣ, которые меня любили, изъ-за меня гибли, и я гибну за того, кого любила. Они разорались, и я лишена всего!.. Ты справедливъ! Но Ты и милосердъ, Господи, помоги мнѣ, спаси!

«Вода подходитъ... идетъ все выше, выше!.. Господи, страшно!.. Умирать приходится... Страшно, страшно!»

Она начала было кричать, но черезъ минуту опять смолкла, стараясь отогнать крысъ, которыя со всѣхъ сторонъ лѣзли на нее.

«Звѣри, звѣри, какіе это звѣри? заговорила она опять, какъ бы успокоиваясь и получая способность думать. — Не олицетвореніе ли они страстей моихъ? Читала я, помню, еще въ коллегіумѣ, что къ какому-то святому передъ смертью всѣ страсти его подступили въ образѣ звѣрей. И теперь, не страсти ли одоѣваютъ меня въ послѣднія минуты моей жизни?... О, какъ мнѣ стало холодно, холодно! Я умираю!.. Господи мой, Боже мой, прости меня! Спаси, помоги!

И она опять начала кричать, стонать, рыдать. Потомъ вдругъ опять остановилась.

«А вода все растетъ, поднимается, заговорила она тономъ посторонняго наблюдателя. — Вотъ она коснулась корсажа, скоро покроетъ грудь, горло, а тамъ... тамъ?.. Тамъ агонія, смерть! Вѣдь недолго! Да, недолго, но ужасно, ужасно!.. Спасите, помогите!»

И она вытанулась, ломая судорожно руки надъ своею головою. А крысы, неотгоняемыя ею, начали прыгать ей на платье и подниматься къ плечамъ.

«Прости мнѣ, Господи! продолжала Али-Эметэ съ выраженіемъ искренняго чувства.—Вѣдь если дѣлала я зло, то по увлеченію, не думая о злѣ, не сознавая его силы. Я желала добра, желала хорошаго, лучшаго, себѣ и всѣмъ. Меня просили, я уступала; мнѣ говорили—я дѣлала; меня научали—я слушалась. Сказали мнѣ: ты княжна—я повѣрила; сказали: тебѣ слѣдуетъ наслѣдство—я повѣрила; сказали: ты дочь царицы—я не возражала... Я молода, Господи, я жить хотѣла! Прости мнѣ мое увлеченіе, не причти къ злобѣ моей! Прости и помилуй!..»

Вода начала сбывать и сбывала быстро, но Али-Эметэ этого не замѣчала.

Колѣна ея подломились отъ слабости и она опустилась на нихъ. Вода охватила ей шею. Крысы вскочили къ ней на плечи, воснулись лица. Она закричала страшно, безумно, потомъ прошептала: «Господи, прости меня!» и безъ чувствъ упала въ воду.

Въ эту минуту дверь каземата слетѣла съ петель и въ него вбѣжали люди, посланные Голицынымъ спасать несчастную.

Они подняли ее, безчувственную, изъ воды и вынесли на Божій свѣтъ, во второй этажъ крѣпости. Тамъ ждалъ ее докторъ и всѣ медицинскія пособія.

Распоряжаясь спасеніемъ Али-Эметэ, Голицынъ еще прежде чѣмъ видѣлся съ Екатериною по ея приѣздѣ изъ Москвы, думалъ о томъ, какимъ бы средствомъ заставить Али-Эметэ высказаться искренно. Онъ понималъ важность раскрытія внутренней интриги, поднимающей и открывающей пути самозванству; понималъ, что пока такая интрига существуетъ, не можетъ быть ни спокойнаго царствованія, ни спокойствія государства. Екатерину онъ любилъ и цѣнилъ. Любилъ за то, что она избавила Россію отъ нѣмецкаго царства; цѣнилъ за то, что, бывъ нѣмкою, она сумѣла стать на русскую почву и высоко подняла знамя Россіи. Будучи родовымъ русскимъ княземъ и вельможею, онъ естественно стоялъ за родовыя начала. Ему казалось, что Екатерина тоже желаетъ поддержать всѣми силами своими права рода, хотя только въ общемъ характерѣ этихъ правъ. Онъ былъ не довольно уменъ, чтобы проникнуть глубину ея узаконеній, усвоить ихъ сущность; а внѣшность—именно въ общемъ ха-

рактёръ, была ему по сердцу. Слова Екатерины: «дворянство судится только дворянствомъ», «представители дворянства всегда имѣютъ ко мнѣ доступъ», «дворянство опора престола» и другія, въ томъ же духѣ, вполне совпадали съ его родовыми понятіями и льстили его самолюбію, особенно при освобожденіи дворянства отъ тѣлеснаго наказанія и другихъ правъ и льготъ, Бекатериною дворянству предоставленныхъ. О другихъ выраженіяхъ Екатерины, какъ на примѣръ: «у меня истинно республиканская душа» или «люди передъ Богомъ и закономъ должны быть равны!» Голицынъ не слышалъ. Правда, и въ родовыхъ положеніяхъ онъ желалъ бы поменьше общности, побольше исключительности; желалъ бы, на примѣръ, родовыхъ степеней, т. е. желалъ именно того, чѣмъ страдала Японія въ своей замкнутости и отчего послѣ погубила бурбонская Франція. Но онъ думалъ: «это еще не уйдетъ, это еще будетъ; благо начало сдѣлано».

Такимъ образомъ Голицынъ былъ преданъ Екатеринѣ всею душою. Онъ любилъ Россію какъ имперію; видѣлъ, что въ правленіе Екатерины Россія всюду торжествуетъ. Какъ же было не желать содѣйствовать ея торжеству ему, русскому барину, русскому вельможѣ? И вотъ его содѣйствіе оказывалось нужнымъ, чтобы раскрыть интригу, которая создаетъ самозванцевъ, мутитъ народъ, ослабляетъ внутреннія силы его отечества. Всклепавшая на себя имя, ему сперва казалось, не хочетъ отереть эту интригу. Нужно что нибудь сдѣлать, что нибудь придумать, чтобы, не смотря на ея желаніе напустить туманъ на свои дѣйствія, заставило бы ее высказаться; что дало бы возможность добратъся, узнать истину.

«Если-бы найти человѣка, который могъ бы имѣть на нее вліяніе!» подумалъ Голицынъ и назначилъ опять передопросы взятому съ нею штату: камергеру Чарномскому, шталмейстеру Доманскому и камеръ-юнгферѣ, на правахъ фрейлины, Мешедѣ; такъ титуловали себя всѣ эти лица, въ отличіе отъ камердинеровъ и прочей прислуги.

Послѣ первыхъ же словъ передопроса, на которомъ Доманскій и Чарномскій путались въ показаніяхъ, изъясняя свое слѣдованіе за Али-Эметѣ разными обстоятельствами, Доманскій вдругъ упалъ передъ Голицынымъ на колѣни и высказалъ, что его влекла къ ней не надежда на ея высокое положеніе, не корыстныя цѣли, не честолюбивые замыслы, но любовь, искренняя, безцѣльная, безкорыстная. Онъ объяснилъ, что любитъ ее,

безмѣрно, безпредрѣдѣльно любить, что всю жизнь свою готовъ положить за одно ея милостивое слово, за минуту ея ласки.

— Я надѣялся, говорилъ Доманскій, — что среди суеты, стремленій въ блеску и роскоши, приѣма, выѣзда и толпы окружающихъ ея поклонниковъ, найдется минута, когда и на меня упадетъ ея ласковое слово, и мнѣ достанется минута счастья.

— И вы хотѣли бы жениться на ней? спросилъ князь.

Доманскій разинулъ ротъ.

Мысль о томъ никогда не приходила ему въ голову. Съ минуту онъ молчалъ, но потомъ вдругъ отвѣчалъ съ силою и увлеченіемъ, которыхъ нельзя было даже ожидать въ этомъ человѣкѣ.

— Развѣ это возможно, ваше сіятельство? Развѣ возможно такое счастье, передъ которымъ меркнетъ мысль о будущей жизни? Быть ея мужемъ, имѣть право на нее всегда!.. Это счастье выше мечты!.. Да нѣтъ! Это немислимо! Это все равно, что желать поймать и сохранить лучъ солнышка. Свѣтитъ солнце и грѣетъ, и отраду даетъ; но вѣдь лучъ его неуповимъ. Какъ ни страшна, ни безотраднa жизнь узника, заключеннаго въ этой крѣпости, какъ ни тяжка потеря правъ, отечества, свободы, — но я согласенъ лишиться свѣта Божьяго, чтобы только обладать ею, чтобы она была моя!

Замѣтивъ такую страстную восторженность Доманскаго, Голицынъ подумалъ: не въ силахъ ли онъ имѣть на нее вліяніе? Но этотъ вопросъ тогда такъ и остался вопросомъ. Теперь же, когда она, слабая, больная, лежала, едва сознавая себя, онъ подумалъ:

«Нельзя ли воспользоваться такою восторженностью одного изъ ея поклонниковъ?»

Онъ пошелъ къ ней. Но при первыхъ же словахъ, онъ убѣдился, что нѣтъ, не Доманскому было вліять на эту, казалось, мягкую, нѣжную, но въ то же время желѣзную натуру. Въ отвѣтъ на фразу князя о Доманскомъ, она сказала:

— Я знаю, что онъ, и не одинъ онъ, за меня голову положить готовы, но... князь, неужели вы находите, что онъ мнѣ соответствуетъ, что онъ мнѣ пара?

Князь пожалъ плечами и вынужденъ былъ замолчать.

Началась опять рѣчь о ея происхожденіи.

— Увѣряю васъ, князь, что я сказала все, что знала о себѣ. Твердое сознаніе своего положенія я получила только въ іезуитскомъ коллегіумѣ. До того же мнѣ много говорили о ро-

дителяхъ, но я ихъ не видала, если не считать свиданія съ тою прекрасною дамою въ Петербургѣ, которая называла меня своею дочерью, но о которой, кто она въ дѣйствительности, я ничего не знала.

Голицынъ, отвергая это показаніе, называя его вымысломъ, сказалъ, что если она уважаетъ на дѣйствительность, то онъ выпроситъ у императрицы дозволеніе отправить ее въ Оберштейнъ.

При этихъ словахъ глазки Али-Эметэ оживились, но потомъ она вздохнула и проговорила грустно:

— Но чего же вы хотите, князь? Хотите ли вы, чтобы я чтонибудь выдумала?

— Вы напрасно скрываете свое происхожденіе, возражалъ Голицынъ, — я о немъ знаю. Англійскій посланникъ писалъ мнѣ, распросивъ подробно лорда Кейта. Вы дочь пражскаго трактирщика!

Али-Эметэ вспыхнула. Не смотря на свою крайнюю слабость, она приподнялась на постелѣ. Яркія пятна болѣзненнаго румянца обозначились на ея щекахъ.

— Князь, сказала она послѣ минутнаго молчанія: — я слишкомъ уважаю доброту вашу, не смотря на принятыя вами противъ меня жестокія мѣры; я слишкомъ благодарна вамъ за вашу теперешнюю обо мнѣ заботливость, чтобы я могла позволить себѣ отвѣчать вамъ рѣзко. Но мнѣ кажется, что, не смотря на слабость мою, я готова была бы выцарапать глаза тому, кто вздумалъ бы меня увѣрять въ моемъ низкомъ происхожденіи. Нѣтъ, князь, я не знаю, кто были мои родители, жили ли они въ Россіи или Персіи, но что они высокаго происхожденія, это несомнѣнно. Изъ чего же бы лордъ Кейтъ хлопоталъ, помогая меня въ коллегію, заботился обо мнѣ, устраивалъ, помогалъ? Къ тому же, откуда бы явились мнѣ средства, капиталы? Да я никогда и не бывала въ Прагѣ.

Князю опять пришлось замолчать.

Она стала говорить о своей болѣзни, объ ужасныхъ минутахъ, проведенныхъ ею въ казематѣ во время наводненія.

Голицынъ воспользовался этимъ и спросилъ, не желаетъ ли она въ минуты тяжелыхъ припадковъ имѣть утѣшеніе въ религіи?

— Ахъ, вы очень бы обязали меня, если-бы дозволили! отвѣчала Али-Эметэ. — Я бы по крайней мѣрѣ была успокоена совмѣстною молитвою съ священникомъ.

— Какого исповѣданія священника желаете вы имѣть?

Али-Эметэ пожелала православнаго.

Отыскали православнаго священника, хорошо говорящаго по-нѣмецки.

Это былъ протоіерей вазанскаго собора, отецъ Петръ, по фамиліи Андреевъ.

Воспитанникъ московской духовной академіи, ученикъ знаменитыхъ Лихудовъ, но послѣдователь и поклонникъ извѣстнаго Мацѣевича, пострадавшаго за свое письмо къ Екатеринѣ, отстаивавшее неприкосновенность монастырскихъ имѣній, отецъ Петръ былъ священникъ суровый, аскетъ по призванію и строгій ревнитель буквы.

Онъ попалъ въ бѣлое духовенство случайно. Бывъ еще бакалавромъ академіи, онъ влюбился въ дочь одного дьякона, женился на ней и сожалѣлъ о томъ цѣлую жизнь, хотя жена досталась ему добрая и послушная.

Онъ былъ честолюбивъ, страшно честолюбивъ. Каеэдра собора, тогда еще новаго, такъ какъ приходская церковь Рождества была только недавно преобразована въ соборъ, далеко не удовлетворяла требованій его дѣятельности. Ему хотѣлось власти, значенія; хотѣлось громить противниковъ, побѣждать сопротивляющихся. И онъ съ завистью смотрѣлъ на черное духовенство, которому предоставлялось все, тогда какъ онъ, по его самоувѣренію, не пользовался ничѣмъ. Не разъ онъ убѣждалъ жену свою поступить въ монастырь, чтобы самому сдѣлать тоже, но та не соглашалась ни за что, ссылаясь на семейство и подводя къ нему его маленькую дочь. Поневолѣ приходилось оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ.

По своей требовательности и буквальной точности, онъ могъ быть причисленъ въ разрядъ тѣхъ старообрядческихъ поповъ-фанатиковъ, которые доводили свое поклоненіе буквѣ до того, что не только сами, но увлекали за собой тысячи на самосожженіе, и сгорали подъ демественный тонъ славословія мученичеству.

Вѣчно хмурый, молчаливый, онъ вдругъ оживлялся и въ словѣ своемъ металъ грома, какъ только видѣлъ отступленіе отъ буквы. Въ преслѣдованіи такого отступленія онъ былъ неутомимъ какъ сектантъ.

Не любилъ онъ никого: ни жены, ни дѣтей, ни даже самаго себя. Жена ему мѣшала выполнить свое призваніе и занять соотвѣтственное мѣсто во главѣ іерархіи; дѣти напрасно связывали его съ міромъ; а самъ онъ—виновникъ предъ собой въ увлеченіи молодости.

Вотъ какой человѣкъ былъ выбранъ для увѣщанія Али-Зметѣ.

Екатерина пожелала говорить съ нимъ. Лично она его не знала. Она видѣла его только въ обрядахъ служенія, видѣла, можно сказать, только съ его казовой стороны. Ей хотѣлось его узнать за-просто, въ житейскомъ быту, въ его словѣ собесѣдника. Она приказала позвать его къ себѣ.

Отецъ Петръ сидѣлъ въ это время у себя и сочинялъ рѣчь для храмоваго праздника Божіей матери. Онъ выбралъ темою текстъ: «нѣсть лести во языцѣ моемъ» и хотѣлъ громить роскошь и отступничество. Вдругъ его требуютъ къ государынѣ.

Отецъ Петръ, что называется, встрепенулся. Онъ понялъ, что тутъ случай и рѣшилъ схватить этотъ случай хотя бы зубами.

«Воспользуюсь, воспользуюсь, думалъ онъ, собираясь и надѣвая новую рясу.—Другаго случая не будетъ».

Екатерина, взглянувъ на сухощавое, суровое лицо представшаго передъ ней священника, на его сосредоточенный, глубокий взглядъ, узкій лобъ, обрамленный густыми, длинными волосами, въ которыхъ начинала уже показываться просѣдь, угадала отца Петра какъ человѣка, съ перваго взгляда. Она угадала, что его преобладающая, главная страсть была честолюбіе, и что для удовлетворенія этой страсти онъ не пожалѣетъ ни себя и никого изъ близкихъ. И она мгновенно рѣшила именно на эту страсть и напереть.

Принявъ его благословеніе, она предложила ему сѣсть.

Отецъ Петръ сѣлъ, думая: «воспользуюсь, нужно воспользоваться!»

Екатерина всматривалась еще въ его лицо, стараясь повѣрить себя и проникнуть въ глубину его характера.

Но сколько ни смотрѣла, она видѣла въ немъ только одно честолюбіе. Въ привѣтствіи, которое высказалъ онъ, давая ей свое благословеніе, она нашла полное подтвержденіе своей мысли.

— Да повергнетъ Богъ подъ ноги твои твоихъ враговъ и супостатовъ! сказалъ отецъ Петръ, благословляя государыню.

«Это ревнитель духовнаго преобладанія! подумала Екатерина, — схоластикъ и, пожалуй, аскетъ. Онъ, вѣроятно, на основаніи своихъ схоластическихъ знаній, убѣжденъ, что ему слѣдуетъ стоять чуть не во главѣ человѣчества».

Думая это, она вдругъ обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Батюшка, вѣрите ли вы въ святость муропомазанія?

— Съ муропомазаніемъ снисходитъ благодать Божія, поэтому

нельзя не вѣрить его святости! отвѣчалъ отецъ Петръ докторально и съ убѣжденіемъ.

— Если вы вѣрите, то должны вѣрить, что помазанники Божіи, Его неисповѣдимымъ промысломъ, въ мысляхъ своихъ направляются иногда къ тому, что бываетъ недоступно для простыхъ людей. Въ забывчивости своей о судьбахъ міра, Господь ниспосылаетъ тѣмъ, кто избранъ имъ для управленія народами, такого рода указанія, которыя бывають непостижимы обыкновенною человѣческою мудростью. Поэтому безпрекословное повиновеніе въ исполненіи ихъ повелѣній есть прямой долгъ, есть исполненіе воли Божіей.

— Нѣсть власти, иже не отъ Бога... началъ было говорить отецъ Петръ и хотѣлъ развивать эту тему, но Екатерина перебила его:

— Фельдмаршалъ Александръ Михайловичъ передастъ вамъ мои желанія, и я, во имя Божіе, прошу васъ обдумать и немедленно приступить къ дѣлу. Исполненіемъ моего порученія вы заслужите мою особую монаршую признательность!

Съ этими словами она встала. Отцу Петру тоже пришлось встать.

— Идите же къ фельдмаршалу. Онъ здѣсь во дворцѣ. Вотъ онъ проводитъ васъ, сказала она, указывая на комнатнаго негра.

Дѣлать было нечего, пришлось откланяться. За то князь Голицынъ встрѣтилъ его словами:

— Привѣтствую васъ, будущій членъ святѣйшаго синода; государыня поручила мнѣ передать вамъ, что въ случаѣ успѣшнаго исполненія ея порученія, это будетъ наименьшей наградой, на которую вы можете рассчитывать! Но вы должны, по священству вашему, дать слово на евангеліи въ сохраненіи тайны!

Отуманенный этими словами, отецъ Петръ согласился, и между ними начался разговоръ объ Али-Эметѣ.

— Глубоко сожалѣю, мой добрый кузень, что прїѣздомъ своимъ я разрушила всѣ ваши предположенія, всѣ надежды. Я понимаю, какъ это неприятно, рассчитывать на полученіе богатаго наслѣдства, и вдругъ лишиться его отъ появленія какой то невиданной бузины. Но что же дѣлать? Если я не умерла, то что тутъ хотите, не умерла да и только! Готова просить въ этомъ извиненія. Разумѣется, вамъ въ томъ мало утѣшенія; но опять скажу, что же дѣлать?

Это говорила Настасья Андреевна, миссисъ Ли, своему ми-

лѣйшему кузену князю Юрію Васильевичу Зацѣпину, въ великолѣпно убранной гостиной зацѣпинскаго дома, сохранившейся въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оставилъ ее князь Андрей Васильевичъ, невольный житель Зацѣпина передъ своею смертью. Домъ былъ раскупоренъ, прибранъ и устроенъ послѣ того, какъ члены земскаго суда съ своимъ стряпчимъ признали за благо убраться по добру по-здорову. Тотъ же Чернягинъ, который хлопоталъ по порученію Андрея Васильевича объ утвержденіи завѣщанія, теперь позаботился, чтобы для дочери его благодѣтеля, Андрея Дмитриевича, все было приведено возможно скорѣе въ надлежащій видъ.

Юрій Васильевичъ сидѣлъ противъ кузины какъ ошпаренный, не зная, что сказать, что сдѣлать. У него былъ тотъ самый видъ, какъ когда подъ носомъ страшно голоднаго пронесутъ вкусное и сочное жаркое. Впрочемъ голова его особенно была подавлена мыслию: «А расходы-то, какъ же расходы-то? Сколько времени я копилъ, сберегалъ, и вдругъ этимъ кровопійцамъ... И даромъ, совсѣмъ даромъ!..»

Съ тѣмъ вмѣстѣ какъ ни былъ онъ дикъ и самообыченъ, какъ ни былъ занятъ мыслию о понесенной потерѣ, все же сознавалъ, что нужно отвѣчать кузинѣ что-нибудь; нужно хоть видъ показать, что вовсе не желаешь ей провалиться въ тартарары, хотя разумѣется очень бы хорошо она сдѣлала, если-бы дѣйствительно провалилась въ преисподнюю.

Настасья Андреевна, высказавъ свое полуюмористическое замѣчаніе, смотрѣла однакожь съ такою грустью на все окружающее, что могло представиться, будто она сама не рада, что явилась живою, и тѣмъ разрушила корыстолюбивыя надежды своего кузена. И точно, она въ это время думала: «хорошо бы, если-бы я могла раздѣлить это богатство, эту роскошь, съ моимъ другомъ Эдварсомъ, а то что мнѣ?»

— Нѣтъ-съ, сестрица, нѣтъ. Мы право очень-съ рады! Не думайте-съ, что вотъ-съ мы жалаѣемъ... Оно, конечно, всякій самъ себя желаетъ; но когда васъ Богъ сохранилъ, такъ сохранилъ, и дѣлать нечего-съ! Одно, что если-бы я зналъ, то и не разорялся бы напрасно; а не зная-съ, понесъ расходы, большіе расходы. Раззорился можно сказать, совсѣмъ раззорился. Опять понимаю-съ, что вы не виноваты; но все же-съ, раззорь-то свой очень-съ горекъ!

— Понимаю, милый кузень; чрезвычайно неприятно лишиться...

— Не то, сестрица-съ, не то! Я не о вашемъ говорю. Ну

не пришло, такъ не пришло. А своихъ-то жалъ! Зналъ бы я, что вы, слава Богу, живы и здоровы, сталь ли бы тратиться...

— Ахъ, кузень, если вы истратились, то я съ удовольствіемъ готова вознаградить. Я никакъ не могу допустить, чтобы вы, лишаясь моего, несли еще потерю въ вашемъ. Велики ли были ваши затраты? Я сейчасъ же вамъ приважу выплатить.

Юрій Васильевичъ даже вспрыгнулъ на своемъ стулѣ, услышавъ эти слова кузины.

— Вы-съ очень добры, очень-съ! Только вѣдь-съ расходы большіе были. По одному Зацѣнину эти кровопійцы пять тысячъ взяли, да расходы на пріемъ, угощеніе и развѣзды особо. А по Парашину, по другимъ имѣніямъ, страшно-съ сказать...

— Боже мой, кузень, что жъ такое? Ну сведите счетъ и скажите. Все же я полагаю, что буду въ силахъ удовлетворить васъ... Независимо дѣйствительно громаднаго состоянія, которое мнѣ достается по завѣщанію, я имѣю еще кое-что... Сведите же счетъ, сколько вы истратили...

— Счетъ, сестрица-съ, нечего сводить. Я и такъ могу связать-съ: всего истратилъ 18,643 р. 72 копѣйки-съ! Почти все-съ, что имѣлъ; теперь хоть подъ окнами-съ милостыню просить!

Юрій Васильевичъ солгалъ. Онъ точно помнилъ цифру истраченныхъ имъ денегъ. Эта цифра была 15,643 р. 72 к. Но у него по меньшей мѣрѣ оставалось еще вдвое, да и съ тремя тысячами душъ, которыя у него были, трудно было умирать съ голоду. Онъ накинулъ къ дѣйствительно истраченной суммѣ 3,000 р., разсуждая, что если она потребуеъ точнаго счета, то эти 3,000 легко разнести будетъ по развѣздамъ, мелкимъ расходамъ и необходимымъ угощеніямъ.

Настасья Андреевна позвонила и приказала ту же минуту пріѣхавшему съ ней камердинеру уплатить сумму, показанную Юрьемъ Васильевичемъ.

Это привело Юрія Васильевича въ восторгъ неописанный. Въмѣсто потери, онъ еще нажилъ. Да это чудо, это прелесть! Надобно будетъ какъ-нибудь къ сестрицѣ присосѣдиться.

Какъ всѣ меркантилисты, гоняющіеся за копѣйками для составленія рубля, Юрій Васильевичъ былъ страшно жаденъ на эти копѣйки. Поэтому, когда его расходы воротились ему съ барышемъ, то онъ готовъ былъ даже позабыть объ имѣніяхъ, которыя внезапно у него исчезли изъ глазъ. Онъ помнилъ только одно, что отъ такой щедрой, роскошной и богатой кузины не грѣхъ и воспользоваться ея щедростью; поэтому, въ виду предстоящихъ надеждъ на полученіе отъ нея, въ томъ или другомъ

видѣ, за то или за другое, онъ разговаривался и даже расхвастался.

Настасья Андреевна слушала его совершенно безучастно. Она думала о своемъ Эдварсѣ, о своихъ ангелахъ. «Какъ бы имъ полезенъ былъ воздухъ здѣшнихъ сосновыхъ лѣсовъ! думала она,—не судилъ Богъ!»

— Ваша доброта, сестрица-сь, меня ставитъ въ такое-сь положеніе, что я не умѣю-сь выразить глубочайшую-сь благодарность и почтеніе, растобарывалъ князь Юрій Васильевичъ съ своимъ вѣчнымъ сюсюканьемъ и пришепетываніемъ. — Только право-сь, сестрица, вамъ будетъ трудно-сь улаживаться съ нашимъ народомъ. Вѣдь у насъ плуть-сь народъ. Только и нароятъ-сь, какъ бы надуть да провести барина. То хотять утянуть денекъ другой, а пожалуй и цѣлую недѣлю изъ барщины, то оброка не заплатитъ, а то и выпроситъ что, или на что обмануть. А вѣдь все расчѣтъ-сь, большой расчѣтъ-сь! Плуть народъ у насъ, сестрица, такіе мошенники, что съ огнемъ поискать. И потому, нашему брату, привычному мужчинѣ, съ ними справиться такъ въ ту же пору-сь, а то вамъ...

— Не раззорять же меня, братецъ; я и сама сдѣлаю для нихъ облегченія.

— Что вы, что вы, сестрица-сь! Какія имъ облегченія! Да тутъ съ ними и совѣмъ не сладить, все облегченій просить будутъ. Говорю: плуть-мужикъ! Я-сь, могу сказать про себя, человекъ-сь добрый, простой. Наказаніевъ эдакихъ, знаете, чтобы пороть мужика какъ сидорову козу, не люблю-сь. А и я только тѣмъ и держусь, что всякая вина-сь виновата. Чуть что-сь—и на конюшню! А какъ облегчить-сь ихъ, да пораспустить, хоть вотъ настолько-сь, сейчасъ же все въ кабакъ снесутъ. Тутъ хоть святыхъ вонъ носи, ладу не добьешься, никакъ не добьешься! Умрутъ-сь въ кабакъ! Да и бунтовать начнутъ-сь, такъ бунтовать...

— Полноте, кузень, люди вездѣ люди. Повѣрьте, что они понимаютъ свою пользу и не захотять за добро платить зломъ!

— Это-сь вы, сестрица, говорите потому, что ихъ-сь не знаете, потому что-сь судите о нихъ по чужому-сь, по ин остраниному-сь. Нашъ народъ-сь именно добро-то-сь и не любить. Вотъ-сь хоть бы и со мной. Купилъ я вотчину. Вижу—многосемейные и безъ хлѣба-сь сидятъ. Вотъ-сь я и рѣшилъ для оборота...

И Юрій Васильевичъ началъ рассказъ о своемъ оборотѣ сдачи въ рекруты.

Настасья Андреевна съ изумленіемъ и ужасомъ смотрѣла на своего кузена.

— Вѣдь, кажется-съ, чего бы-съ имъ лучше? Вѣдь безъ хлѣба сидятъ. Подати-съ исправникъ выбивать-съ прїѣзжаетъ. А тутъ-съ лишніе рты съ хлѣба долой, да и подати я ужъ на себя беру. Такъ нѣтъ-съ: пальцы рубать, по лѣсамъ прячутся, только бы какъ отъ рекрутчины отвилнуть. Онъ себѣ два-съ пальца отрубить, ему ничего-съ, также безъ хлѣба сидитъ-съ, а мнѣ убытокъ-съ, прямой убытокъ! Квитанціи были дороги-съ, тысячи по двѣ и по три-съ брали. Представьте себѣ, изъ-за эдакаго шельмеца, да цѣлыя-съ двѣ или три тысячи убытку.

«И это князь Владимірскій-Зацѣпинъ. Это Рюриковичъ, потомокъ Владиміра равноапостольнаго? думала про себя Настасья Андреевна, вглядываясь пристально въ своего кузена и не находя въ немъ ни малѣйшаго признака жестокости, звѣрства или чего-нибудь, чтó бы объяснило ей источникъ того милаго оборотика, которымъ Юрій Васильевичъ хвасталъ, и представило его операцию съ какою-нибудь другой стороны, кромѣ меркантильной жадности рабо-торговца. — «Боже мой! думала она, — да гдѣ же княжеская честь, доблесть, уваженіе къ себѣ, уваженіе къ человѣчеству? Это негро-продавецъ юга; нѣтъ, хуже, тотъ продаетъ хотъ чужую расу, — это брато-продавецъ, хуже чѣмъ людоедъ. И людоеды ѣдятъ только непріятелей».

— А какіе примѣры тутъ-съ выходили. Такіе-съ, что и въ голову не придутъ! Вотъ взяли разъ молодца, прямо съ поля, посадили въ анбаръ, думаемъ, завтра въ присутствіе свеземъ. Да молодецъ такой, красивый-съ, вершковъ двѣнадцать ростомъ, кровь съ молокомъ, а силища-то! Вотъ, думаю, за такого рекрута мнѣ спасибо скажутъ; самой матушки-царицѣ, пожалуй, въ гвардію. Только что вотъ-съ его взяли, докладываютъ мнѣ, что молъ Поликарпъ пришелъ, просить видѣть. А Поликарпа-то-съ я уже зналъ, у прежнихъ господъ былъ старостою, мужикъ строгій и эдакъ лѣтъ ужъ за шестьдесятъ. Велѣлъ звать. Онъ входитъ, кланяется какъ слѣдуетъ, кладетъ сто рублей, да и говоритъ: вотъ, дескать, батюшка-баринъ, Сидорка мой (молодецъ-то, что взяли, его сынъ), всего двѣ недѣли какъ озаконился, такъ онъ и просить его на годовъ отъ рекрутчины освободить, и за то кланяется тебѣ ста рублями. Парень, дескать, онъ молодой, женился, потому что Акулька, жена-то теперь его, очень ужъ ему полюбилась; такъ пусть, дескать, годикъ или полтора съ ней погуляетъ, можетъ сыночекъ, а можетъ и два будутъ. Я ихъ выкормлю и тебѣ слуги будутъ! А потомъ, дескать, вся

твоя воля барская, можно и въ некрута сдать. Въ это время, будто нарочно у меня квитанцій-то много лежало; не шли, набора не было, а извѣстно-съ, и не думается, пока нужда не пришла, такой ужъ народъ у насъ! Вотъ-съ, соображая все это, я и расчелъ: думаю, ни въ годъ и не въ два онъ изъ годовъ не выйдетъ, а можетъ и въ самомъ дѣлѣ мальчугана оставить, да какъ въ отца будетъ, то не въ убытокъ. Ну да и сто рублей на полу не подынешь. Вотъ, рассчитывая все это, я согласился. И что-жь вы думаете, сестрица? Вѣдь надулъ-съ! Право-слово надулъ-съ! Да какъ еще надулъ-то? Годъ прошелъ, сынъ у него родился. Я рассчиталъ: ну чего еще ждать; квитанціи же у меня подобрались; велѣлъ вести въ присутствіе. Такъ что же онъ? Шесть коренныхъ зубовъ велѣлъ себѣ выдернуть, его и не приняли. И я, вмѣсто того, чтобы за квитанцію-то можетъ тысячи три бы взялъ, долженъ былъ довольствоваться принесенными мнѣ прежде ста рублями. Вотъ-съ какіе мошенники!

Настасья Андреевна молчала. Она смотрѣла на своего кузена съ полнымъ презрѣніемъ и ужасомъ. — «И это родовой князь, думала она. — Гдѣ же доблесть рода? Впрочемъ, чѣмъ же онъ родовой? Правда, есть у него права, но права кастовыя, а не родовыя; родового въ немъ нѣтъ ровно ничего. Онъ называется князь, но только по преемственному преданію и болѣе ничего. Онъ просто кастовый представитель капитала, стремящійся въ наживѣ, т. е. по-просту кулакъ, въ душѣ кулакъ, хотя и зовется княземъ».

— Да-съ, сестрица, вотъ вѣдь у насъ какіе мошенники, продолжалъ князь Юрій Васильевичъ. — Оно бы все ничего-съ. Другой бы разъ не попался-съ. Дѣльцо-то все было выгодное-съ и поправило таки нѣкоторыхъ дворянъ-съ. Такъ чѣмъ-бы поопрять, а они-съ что-же? Запретили-съ, право слово запретили-съ! Да вѣдь они мои, говорю. Мои или не мои? Но что дѣлать-то было? Осталось одно-съ: дѣвокъ на выводъ продавать, да мальчишекъ законтрактовывать. Вотъ въ Зацѣпинѣ у васъ, да и въ Парашинѣ-съ, много дѣвокъ-съ и хорошихъ, хорошія деньги давать стануть. А коли это еще отнимуть, то просто хотъ въ гробъ ложись, хотъ отъ вотчинѣ отъазывайся!

— Какъ это на выводъ? спросила Настасья Андреевна, останавливаясь на новости слова.

— Такъ-съ, на выводъ. Дѣвки подростаютъ, нужно ихъ замужъ выдавать, а парней женить. Если парню, въ своей вотчинѣ, невѣсты нѣтъ, покупаютъ на сторонѣ, это и называется на выводъ. Я у себя, въ Шугароновѣ, ввелъ правиломъ-съ.

чтобы всякій паренъ невѣсту добывалъ себѣ самъ, какъ знаетъ. Женись на вольной или выводныя деньги плати, это его дѣло. Своихъ же дѣвокъ всѣхъ до одной-съ я продаю на выводъ. Ну-съ, случается иногда и хорошія-съ деньги брать-съ, особенно когда покупають-то не для замушества-съ.

— Такъ для чего же? спросила Настасья Андреевна. И ея глаза засверкали отъ негодованія.

— Я въ это-съ не вхожу. Мнѣ какое дѣло? Мое дѣло взять деньги и дать выводное письмо, а тамъ ее хоть подъ стеклянный колпагъ поставь. Хоть, признаться, всегда подъ рукой стараешься узнать, кто и зачѣмъ торгуетъ, и сообразно тому и цѣну просишь. Цѣна дѣвкѣ обыкновенная 40 р., ну много 50 р.; а вонъ господа богатые узнають, что у дѣвки голосъ, въ пѣвицы домашнія приучить хотятъ или комедію ломать хотятъ заставить, не жалѣють и сотенъ. А иногда и такъ, какому нибудь богачу дѣвка приглянется, онъ и покупаетъ, чтобы себѣ постель оправлять заставить. Ну тогда и тысячи, пожалуй, не пожалѣетъ. У меня вотъ, въ Шугароновкѣ, пошъ овдовѣлъ и торгуетъ себѣ дѣвку въ хозяйки, даетъ 500 р.; да шалить! дѣвка ему нравится, и я непременно съ него семьсотъ сдеру. Въ Москву тоже этого товара много идетъ для разныхъ цѣлей. И тутъ, разумѣется, въ цѣнѣ не церемонишься, особенно когда видишь, что дѣвка красивая и понравилась очень.

Долго сдерживала себя Настасья Андреевна, не желая, въ полнотѣ своего презрѣнія, отвѣчать кузену. Но когда тотъ началъ выкладку, что вотъ въ тысячѣ ревизскихъ душъ есть по меньшей мѣрѣ полтораста молодыхъ и красивыхъ дѣвокъ и проч., то она не выдержала и рѣзко сказала:

— Кузень, чтò вы говорите, чтò вы рассказываете? Развѣ возможно переводить на биржевой курсъ кровь человѣческую, торговать человѣческимъ мясомъ? Нѣтъ, кузень, вы не князь Зацѣпинъ, вы... вы... Она хотѣла было сказать: безсовѣстный, безчестный кулакъ, но привычная сдержанность ее остановила, и она проговорила только:—прошу васъ никогда объ этомъ со мною не говорить! и вышла изъ комнаты.

«Съ такими людьми жить? подумала Настасья Андреевна. Это ужасно, ужасно! Вотъ что значить стремленіе къ наживѣ во что бы то ни стало, страть къ деньгамъ и больше ничего, ничего...

А Юрій Васильевичъ никакъ не могъ понять, на что это сестрица такъ разсердилась? Кажется-съ, онъ не сказалъ и не сдѣлалъ ничего обиднаго!

V.

Нравственныя истязанія.

Переговоривъ съ Голицынымъ, отецъ Петръ далъ себѣ слово быть неумолимымъ къ Али-Эметѣ и добиться полнаго и искренняго признанія, во что бы то ни стало.

Полученіемъ этого признанія достигалась вся мечта его жизни. Онъ будетъ членъ синода, единственный въ то время членъ изъ блага духовенства, и будетъ, стало быть, въ состояніи напирать на черное духовенство всею силою своей эрудиціи и своего аскетизма.

«Я укажу имъ, думалъ онъ,—что можно, не принимая на себя ни зарковъ, ни заклятій, идти по истинному тернистому пути, и что нѣтъ нужды надѣвать клобукъ и рясу, чтобы быть проповѣдникомъ слова Божія; что можно поститься и молиться не какъ наемникъ, а какъ истинный сынъ церкви, изъ любви въ дѣлу, а не ради мірскихъ выгодъ.

«Да, это вѣрно! Только нужно получить признаніе, во что бы то ни стало нужно добиться. И я добьюсь! Непремѣнно, во что бы то ни стало добьюсь!»

Подъ вліяніемъ такой рѣшимости, отецъ Петръ отправился въ казематъ Али-Эметѣ. Онъ явился передъ ней какъ строгій судья ея жизни, ея поступковъ, даже помышленій.

Она лежала, истомленная, слабая, измученная, когда онъ вошелъ. Робко подняла она глаза свои на сухощавое, но энергическое лицо неумолимаго аскета и почти сразу поняла, что не отъ этого человѣка она можетъ ожидать снисхожденія и участія.

— Прочитайте символъ нашей православной вѣры! сказалъ отецъ Петръ сурово, подходя въ ея постели.

Али-Эметѣ стала читать по-нѣмецки и какія-то слова произнесла не вѣрно противъ перевода, сдѣланнаго отцомъ Петромъ.

Отецъ Петръ отнесся къ этой невѣрности весьма строго.

— Отецъ іерей... начала было Али-Эметѣ.

— Протоіерей, перебилъ ее отецъ Петръ.

— Отецъ протоіерей, повторила Али-Эметѣ: — я жила все время въ земляхъ чужихъ, гдѣ и церкви православной не было. Иногда по нѣсколько лѣтъ я не слыхала православнаго служенія. Удивительно ли...

— Православная церковь требуетъ отъ своихъ вѣрныхъ со-

общенія и, по крайней мѣрѣ, хотя разъ въ годъ полного искренняго исповѣданія и приобщенія.

Отецъ Петръ сталъ говорить на эту тему, доказывая текстами священнаго писанія, что не очищающійся благодатію и духомъ лишается милости Божіей и можетъ возвратиться въ лоно святой церкви только при сердечномъ и умленномъ раскаяніи.

Послѣ такого приступа, онъ спросилъ, вѣритъ ли она всею душою, всѣмъ сердцемъ тому, что она прочитала?

Когда Али-Эметъ отвѣчала утвердительно, то онъ спросилъ въ заключительной формѣ: — стало быть, вѣришь въ будущую жизнь и наказаніе, ожидающее за гробомъ нераскаянныхъ грѣшниковъ?

На новый утвердительный отвѣтъ Али-Эметъ, отецъ Петръ сталъ говорить о раскаяніи. Онъ говорилъ учено, схоластически, подкрѣпляя каждое слово текстами святыхъ отцовъ; говорилъ хорошо, академически; но едва-ли говорилъ сердцу. Онъ убѣждалъ, не тая ничего въ своей совѣсти, припасть къ Отцу небесному съ полнымъ и совершеннымъ раскаяніемъ.

Загѣмъ, самъ собою слѣдовалъ существенный вопросъ: кто научилъ, кто указалъ, кто доставилъ бумаги, кто распустилъ слухъ?

— Отецъ Петръ! отвѣчала Али-Эметъ, закрывая глаза свои, какъ-бы подъ бременемъ тяжести ея длинныхъ рѣсницъ. — Съ полнымъ и сердечнымъ раскаяніемъ во всѣхъ проступкахъ жизни моей прибѣгаю я къ утѣшенію религіи; но все, что я знала о себѣ, я уже сказала. Никто ничему меня не училъ, никто не указывалъ. Нивогда я не распространяла слуховъ, что я дочь российской императрицы. Я знала съ дѣтства, что я высокаго происхожденія. Но кто дѣйствительно были мои родители, мнѣ неизвѣстно. И я неоднократно, смѣясь, говорила, что для меня все равно, хотя-бы мой отецъ былъ турецкій султанъ. Если слухъ о моемъ происхожденіи отъ русской императрицы распространялся, то людьми меня окружающими. Графъ Огинскій привезъ мнѣ бумаги, доказывающія, что я происхожу отъ князей Владимірскихъ; я повѣрила, что эти бумаги дѣйствительно мои. Въ этомъ вся моя вина, все мое преступленіе, за которое я наказана такъ жестоко.

Но отъ отца Петра нельзя было отдѣлаться такъ легко.

Онъ началъ говорить о томъ, какъ тяжка смерть нераскаяннаго грѣшника; приводилъ слова пророковъ и апостоловъ, приводилъ примѣры и сказанія. Онъ говорилъ о страшномъ судѣ, о загробной жизни; указывалъ, что если Богъ спасъ ее отъ

наводненія, то любя ея и желая дать ей время для предсмертнаго раскаянія.

Отець Петръ, какъ мы свазали, говорилъ академически хорошо, но говорилъ слишкомъ учено, слишкомъ схоластически, и слова его падали на бесплодную почву. Не формалистикою аскетизма, не схоластическими убѣжденіями можно было тронуть эту страстную и вмѣстѣ какъ-бы заваленную въ самой себѣ натуру. Онъ сейчасъ же представился ей новымъ слѣдователемъ, новымъ экземпляромъ тѣхъ допрощивовъ, которые столько разъ пробовали надъ нею свое краснорѣчіе, желая добратъся до ея тайнъ, и она сейчасъ же замѣнилась сама въ себя.

А отецъ Петръ горячился. Ему такъ хотѣлось, съ одной стороны, видѣрить въ нее свои убѣжденія, а съ другой—заслужить милости царицы. Онъ зналъ, что кромѣ назначенія, казавшагося ему чуть не равнымъ царствію небесному, милости эти къ нему должны быть великія и богатія. Екатерина любила и умѣла награждать... Но все напрасно. Чѣмъ онъ больше горячился, тѣмъ Али-Эметъ становилась холоднѣе, безучастнѣе. Дни проходили за днями, а отецъ Петръ не могъ добиться ничего.

Голицынъ слѣдилъ изо дня въ день за этою борьбою, въ которой тонкостямъ схоластической діалектики хотѣлось коснуться тайниковъ души Али-Эметъ. Естественно, что эти тонкости скользили только по ея поверхности. Всѣ усилія отца Петра были безуспѣшны. Тогда отецъ Петръ, разсерженный и обиженный неудачею, началъ грозить ей Божіею карою, рисуя передъ ея большимъ воображеніемъ мрачныя картины загробной жизни. Но и это не повело ни къ чему.

О безуспѣшности отца Петра Голицынъ докладывалъ Екатеринѣ. Государыня сердилась, находила, что попъ недостаточно уменъ, недостаточно энергиченъ.

И она рѣшилась на мѣру болѣе дѣйствительную, болѣе сильную, которая, она полагала, должна была вызвать отвращенность всклепавшей на себя имя. Страстное отношеніе къ дѣлу заставило Екатерину забыть, что такое нравственное истязаніе есть тоже пытка, противъ которой она сама такъ возставала перомъ, словомъ и дѣломъ.

Впрочемъ, въ это время Екатерина начала уже спускаться съ той нравственной высоты убѣжденія, которая сіяла въ ней такъ ярко, когда она была великою княгинею. «Разумъ законовъ» Монтескье начиналъ въ ней испаряться въ суровой практикѣ дѣйствительности, какъ испарялись, слѣдовательно, и соб-

ственные слова ея «Наказа». Вліяніе абсолютнаго самовластія отразилось даже на столь твердомъ характерѣ, каковъ былъ характеръ Екатерины. Она еще слушала возраженія, но далеко не съ такимъ спокойствіемъ, съ какимъ слушала ихъ, вступая на престолъ. Иногда тотъ, который ей возражалъ, встрѣчалъ таковой взглядъ, передъ которымъ поневолѣ нѣмѣли всѣ доводы.

Нравственная пытка, приготовленная Екатериною для Али-Зметѣ, заключалась въ томъ, чтобы заставить ее видѣться съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ и черезъ него вывѣдать то, что она хотѣла скрыть.

По ея вызову Орловъ прибылъ въ Петербургъ.

— Графъ, у меня до васъ просьба. Я нуждаюсь въ васъ. Откажетесь ли вы мнѣ служить? спросила Екатерина, принявъ Орлова весьма пріятливо и съ тою особою, ей только свойственною любезностію.

Она протянула ему руку; лицо ея приняло выраженіе удовольствія и той мягкости, которая всѣхъ обворожала; глаза сверкнули, но такъ, какъ сверкаютъ глаза дѣтей, когда они увидятъ что нибудь пріятное.

Все это было на руку Орлову, который, въ эту минуту, видимо былъ пріятнымъ и желаннымъ посѣтителемъ. Даже собака Екатерины Томъ, залаявъ было на Орлова, по слову Екатерины: «это свой, это нашъ!» замолчала, улеглась у ея ногъ и весело завилала хвостомъ.

— Такъ откажетесь ли вы мнѣ служить, графъ? переспросила Екатерина.

— Какъ же не служить, матушка-государыня, царица наша радостная? отвѣчалъ Орловъ, стараясь говорить съ тою же искусственною простотою, съ какою онъ говорилъ тогда, когда братъ его былъ еще въ случаѣ и могъ признаваться человѣкомъ всеильнымъ. Онъ хотѣлъ держать себя такъ, какъ будто ничего не измѣнилось и все существовало въ томъ самомъ видѣ, какъ было, или, по крайней мѣрѣ, такъ, будто ни о какой перемѣнѣ онъ не зналъ.—Мы всѣ твои рабы-слуги и намъ отказываться отъ службы не приходится, хотя бы и вспомнилась иногда пѣсенка, говорятъ, пропѣтая твоему величеству покойнымъ Александромъ Ильичемъ Бибиковымъ:

Сарафанчикъ мой сарафанчикъ,
Всюду ты, сарафанчикъ, мнѣ пригожаешься,
А не нуженъ, такъ и подъ лавкой полежишь!

а все для насъ служить тебѣ счастье. Приказывай, матушка-государыня, приказывай! Послужимъ не хуже Бибикова и своей шкуры не пожалѣемъ!

— Всклепавшая на себя имя не хочетъ сознаваться. Заставь ее, Алексѣй; поговори съ нею, убѣди!

— Ну, матушка-государыня, мнѣ это труднѣе, чѣмъ что нибудь. На крѣпость, кажись, лучше полѣзъ бы, на медвѣдя съ голыми бы руками пошелъ. Послѣ обмана, о которомъ теперь не знать она не можетъ, признаюсь, въ лицо стыдно взглянуть. Но, какъ говорится, для милаго дружка и сережка изъ уха, а для обожаемой царицы и совѣсть подъ каблукъ! Попробую, матушка, попробую; куда кривая не вывезетъ!

Государыня засмѣялась и вновь подала ему руку, которую Орловъ поцѣловалъ.

— Государыня, сказалъ онъ, — простите за вопросъ: это правда, что она беременна?

— Да, и ты скоро будешь отцомъ!

— Что будетъ съ бѣднымъ ребенкомъ?

— Будь повоенъ, я позабочусь о немъ.

— А вѣдь намъ, господа, нонче сѣнокосный годъ пришелъ! говорилъ стряпчій богоспасаемаго города Зацѣпинска своимъ гостямъ, состоявшимъ изъ членовъ и секретарей обоихъ судовъ.

— Какъ это сѣнокосный годъ? спросилъ исправникъ.

— Да такъ! Пятовъ по зацѣпинскому имѣнью раздѣлили?

— Ну раздѣлили, такъ что-жь?

— Ну еще десятокъ раздѣлимъ!

— Это какимъ образомъ?

— Такимъ: мы безъ того наслѣдницы во владѣнїе не введемъ.

— Какъ не введемъ?

— Да такъ! Условїй завѣщанїя не выполнила. Сказано было идти замужъ за князя дома Рюрика, а она вышла за какого-то Ли.

— Да мужъ умеръ, дѣтей у нея нѣтъ, стало быть, наслѣдство не разбивается. Она каждый день за Рюриковича или тамъ за какого князя идти можетъ!

— Намъ до этого дѣла нѣтъ; сказано: имѣнїе предоставляется княжнѣ Настасьѣ Андреевнѣ Зацѣпинной, съ тѣмъ, чтобы шла замужъ такъ-то и такъ. Поэтому мы и можемъ вводить во владѣнїе или княжну Зацѣпину, или княгиню тамъ какую нибудь дома Рюрика; а какимъ же образомъ мы будемъ вводить какую-то госпожу Ли? Невозможно, совсѣмъ невозможно!

— А вѣдь и точно! началъ резонировать уѣздный судья, — если-бы она теперь и вышла замужъ, положимъ, за князя Ростовскаго или Долгорукова, несомнѣнно Рюриковичей, все же ей имѣніе не слѣдуетъ; условіе все не выполнено. Потому что въ завѣщаніи не сказано ничего о возможности выйти сначала за другаго, а потомъ за князя, а сказано именно: княжна выйдетъ замужъ за князя дома Рюрика. Теперь она хотя бы и шла, согласно условію завѣщанія, за кого бы тамъ ни было, но будетъ выходить не княжна Зацѣпина, а вдова Ли.

На основаніи такихъ разсужденій и соображеній начались нескончаемыя придирки въ Настасьѣ Андреевнѣ въ разсужденіи передачи ей имѣнія. Этими придирками они до того ее измучили, что она готова была сама отъ всего отказаться. Только желаніе не передавать родовыя вотчины въ другія руки заставило Настасью Андреевну еще продолжать хлопоты.

Надоѣло, однакожь, Настасьѣ Андреевнѣ возиться и толковать съ зацѣпинскими юристами, и она рѣшила ѣхать въ Москву и кончить тамъ относительно Парашина, не зная того, что зацѣпинскіе крючки съ московскими давно уже переписались.

Кромѣ необходимости хлопотать, ей любопытно было взглянуть на Москву, которой она еще не видала.

«Тамъ, думала она, — я скорѣе могу найти знакомыхъ моего отца, которые захотятъ помочь его дочери. Тамъ, по крайней мѣрѣ, я узнаю, что нужно сдѣлать». И она поѣхала.

Въ Москвѣ, обозрѣвая достопримѣчательности, она натолкнулась однажды на громадный сѣздъ передъ церковью, — сѣздъ въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ она въ Москвѣ до тѣхъ поръ не видала. Проѣхать черезъ этотъ сѣздъ не было возможности.

— Что это значить? Какая это церковь? спросила Настасья Андреевна.

— Ивановскій монастырь, отвѣчали ей.

— Отчего же такой сѣздъ?

— Принимаетъ постриженіе новая монахиня, отвѣчали ей, — изъ очень знатныхъ.

«Я никогда не видала постриженія, сказала себѣ Настасья Андреевна, — зайти развѣ посмотрѣть... Только если можно найти мѣсто?»

О своемъ желаніи Настасья Андреевна сказала сопровождавшему ее ѣздовому. Ѣздовой похлопоталъ, отыскалъ казначею монастыря, мать Таифью, подарилъ ей, по приказанію Настасьи Андреевны, нѣсколько золотыхъ и та проводила ее на хоры и

поставила такъ, что она могла вполнѣ видѣть всю церемонію и слышать каждое слово.

Видитъ она стройную, благочинную службу. Церковь полна народа и большею частью высшими классами общества. Превосходное, торжественное пѣніе, благочиніе въ каждомъ движеніи, порядокъ и вмѣстѣ самозабвеніе въ молитвѣ, глубоко западали въ сердце Настасьи Андреевны. Благоговѣніе невольно охватило собою всю ея душу. Оно наполнило ее чувствомъ невыразимаго восторга. Она невольно подумала: «вотъ убѣжище, дающее отраду несчастнымъ», и начала молиться, молиться искренно, отъ души. Она давно не помнила, чтобы такъ молилась; ей же почти не удавалось быть въ православной церкви.

Но вотъ приводятъ постригаемую. Она въ черномъ платьѣ, лицо ея покрыто флеромъ. Она снимаетъ покрывало... и что же видитъ Настасья Андреевна? Молодую дѣвушку лѣтъ 22-хъ или 23-хъ, красоты чрезвычайной, и видимо внѣ себя среди торжественности обряда. Она не видитъ и не слышитъ ничего, она вся молитва. Волосы ея рассыпаются по плечамъ. Глаза полны того неземнаго выраженія, которое можетъ исходить только изъ чистаго возношенія сердца къ небу... Ее постригаютъ. Потомъ, послѣ принесенія ею клятвъ отказаться отъ всѣхъ почестей міра, отъ всего роднаго, отъ всего любимаго, ее одѣваютъ въ монашеское платье, съ пѣніемъ торжественныхъ стихеръ и молитвъ. Для Настасьи Андреевны это было нѣчто совершенно новое; оно поразило ее глубоко.

— Какъ фамилія вновь постриженной? спросила Настасья Андреевна.

— Княжна Трубецкая, младшая дочь покойнаго генераль-фельдмаршала, бывшаго нѣкогда генераль-прокуроромъ, князя Никиты Юрьевича.

И точно, это была извѣстная намъ Китти, Катерина Никитишна Трубецкая.

Послѣ смерти отца, она очень убивалась. Ей все казалось, что она была существенною причиною его смерти, отказавшись идти замужъ за князя Юрія Васильевича, котораго она не признала человѣкомъ. Не знала она того, что и самъ отецъ ея, увидавъ Юрія Васильевича первый разъ, предложилъ себѣ тотъ же вопросъ: «человѣкъ ли онъ?»

Постоянныя слезы, уговоры, убѣжденія, втеченіи не одного года, заставили, наконецъ, согласиться княгиню Анну Даниловну на неотступныя мольбы ея дочери о поступленіи въ монастырь. И она постриглась. Случай привелъ Настасью Андреевну быть

свидѣтельницаю ея постриженія, которое произвело на нее столь глубокое впечатлѣніе, что она долго и долго думала: «вотъ гдѣ пріютъ спокойствія отъ всѣхъ тревоженій жизни, вотъ гдѣ облегченіе страданій въ несчастіи».

Али-Эметэ до того была утомлена долгими и настоятельными увѣщаніями отца Петра, что лежала почти безъ движенія. Она была подавлена въ собственной мысли своей, унижена въ собственномъ своемъ сознаніи. Безнадежность, полная безнадежность, доходящая до отчаянія, душила ее. Что ей предстоитъ? Тюрьма, вѣчная тюрьма!.. Боже, лучше смерти! А тамъ, вотъ этотъ безжалостный человѣкъ сулитъ вѣчныя муки, муки страшныя... «Вотъ мое будущее, думала Али-Эметэ: — мучиться на этомъ свѣтѣ и страдать на томъ. И на такое будущее я промѣняла свое положеніе въ графствѣ Оберштейнъ, въ замкѣ Нейсенъ; промѣняла гротъ любви съ моимъ Телемакомъ и княжескую корону владѣтельной принцессы гольштейнъ-лимбургской. Что я сдѣлала, и для чего, и для кого? Для ласки этого человѣка, который, лаская, продавалъ меня, продавалъ зародышъ своего собственнаго ребенка.

«Да, онъ низкій, негодный человѣкъ, а все же... Себѣ я могу въ этомъ признаться, я его любила такъ, какъ не любила никого и никогда! Даже теперь, какъ вспомню, кажется и теперь люблю его и только его... Боже мой, что за сила у этого человѣка? Какая страсть! Замираетъ сердце при одномъ воспоминаніи этой огненной, страстной ласки, въ которой сливаются, кажется, и небо, и адъ; въ которой заключается все: настоящее, прошедшее и будущее... Будто огнемъ охватила она меня тогда, разразилась хаосомъ бури и заключилась нѣгою страсти, томленіемъ слабости. И такъ хотѣла я цѣловать его, — цѣловать, отдаваться, и опять цѣловать... И вотъ... Какъ мнѣ хотѣлось имѣть ребенка отъ Лимбургскаго... Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! А тутъ прямо и слѣдъ любви, грустный, печальный, но слѣдъ... Какъ бы мнѣ хотѣлось подать этого ребенка отцу и сказать: «вотъ мой мститель, возьми его, люби его, если ты можешь его нибудь любить!..» Проклятіе! Такого человѣка я могла любить, могла имъ упиваться»...

— Боже мой, что это?.. что это? Я съ ума схожу!..

Къ ней изъ другой комнаты тихо выходилъ, какъ-бы плыль, Алексѣй Орловъ.

Онъ былъ одѣтъ въ тотъ же мундиръ генераль-адъютанта,

былъ въ той же голубой лентѣ, съ тѣми же бриліантами и украшениями, какъ и въ Пизѣ, когда онъ явился передъ нею первый разъ, вызванный будто волшебною силою ея слова. Онъ также будто неся по воздуху, такъ неслышно, незамѣтно, беззвучно подошелъ онъ и наклонился надъ ея постелью также, какъ тогда надъ ея креслами. Какъ тогда, такъ и теперь, Али-Эметъ замерла, будто очарованная.

— Лиза, ты проклинаешь меня? спросилъ Орловъ, останавливая на ней взглядъ, полный того обаянія, отъ котораго когда-то кинула у ней кровь, мутился взглядъ, и она, именно въ томленіи нѣги, прижималась къ его груди.

Но тутъ его голосъ произвелъ прямо противоположное дѣйствіе. Она приподнялась на своей постелѣ, какъ ужаленная.

— Да, проклинаю! проклятый, подлый человѣкъ! Чего ты хотѣлъ отъ меня? Не готова ли была я отдать тебѣ всю душу мою? Ты могъ уговорить меня умереть, я бы послушалась тебя, радостно умерла бы, съ словами любви и счастья... Но тебѣ мало было моей смерти; тебѣ хотѣлось моего позора, моихъ мученій. Смотри! любуйся! Вотъ какъ я истерзана, какъ измучена. Наслаждайся, вспоминая, какая я была и какая я теперь! Хвастайся, что это ты сдѣлалъ, что это ты убилъ!

Она зарыдала, нервно, истерически зарыдала и опустилась вновь на свою постель.

— Я пришелъ спасти тебя, Лиза; вѣдь ты еще любишь меня?

— Люблю ли? спросила она, приподнимаясь вновь. — Развѣ можно любить проклятіе, болѣзнь, плѣнь, несчастіе, истязанія? Скажи ты, фальшивый человѣкъ, развѣ можно любить тюрьму? Я проклинаю тебя, проклинаю минуту, когда услышала о тебѣ, когда узнала твое имя, когда услышала первое слово!.. Проклинаю, Боже мой! а чувствую, что пошу подъ сердцемъ плодъ любви его... Боже помилуй меня! Даже и въ ненависти своей я не могу не любить его — отца моего перваго и единственнаго будущаго ребенка!

— Слушай, дорогая моя, не сердись! Помнишь, я писалъ къ тебѣ, что на концѣ свѣта я найду тебя и приду. Вотъ, видишь, я сдержалъ слово свое, пришелъ; выслушай же меня!

По этому слову Орлова, Али-Эметъ подняла на него пристальный взглядъ. Слезы ея мгновенно высохли, она оперлась на подушку и блѣдная, съ пятнистымъ румянцемъ на щекахъ, смотрѣла на него пристально, глубоко, будто взглядомъ своимъ

желала проникнуть сокровенный смыслъ каждаго его слова. Губы ея нервно дрожали.

— Вотъ видишь, душа моя! Еватерина царица милостивая, а главное—умная! Для нея нѣтъ никакой пользы ни въ твоей смерти, ни въ твоихъ мученіяхъ, поэтому держать тебя въ заключеніи она не станетъ. Ей нужно знать, кто изъ русскихъ выдумалъ и научилъ тебя, кто доставилъ тебѣ бумаги, которыя вообще достать было трудно... Кто, однимъ словомъ, пружина всему, что идетъ противъ нея. Скажи ей—и мы будемъ счастливы. Она сохранитъ за тобою титулъ княжны Владимірской, отдастъ, пожалуй, въ удѣлъ самый Владиміръ, утвердитъ въ зацѣпивскомъ наслѣдствѣ, и мы будемъ счастливы, дорогая моя, моя милая!

Орловъ замолчалъ, садясь въ ея кровати, а Али-Эметѣ все еще какъ бы слушала его. Потомъ вдругъ вскрикнула:

— Слова дьявола, слова дьявола! Вотъ они, эти слова, исходящія изъ самаго ада лжи и обмана! Отецъ Петръ правъ, когда говорилъ, что живя услышу я эти адскія слова злаго духа, разливающего соблазнъ, сѣющаго зло. Прочь, проклятый! Сгинь! исчезни! Ты посланецъ Еватерины и болѣе ничего! Ты слѣдователь, продолженіе Ушакова, Шешковскаго и еще того пона Петра, и всѣхъ ихъ, которые меня донрашиваютъ, мучать! Молчи, молчи! закричала она, замѣтя, что Орловъ хочетъ говорить. — Или скажи: ну, ты обманулъ бѣдную женщину, посмѣлся, обманулъ меня; но за что же ребенка, твоего ребенка, за что ему приготовилъ ты несчастную участь страшнаго сиротства и страданія?

Орловъ, желая успокоить ее, хотѣлъ взять ея руку.

Но она, не смотря на свою слабость, не смотря на то, что была въ одной рубашкѣ и кофтѣ, вскочила съ постели.

— Прочь, негодный! не оскверняй меня своимъ прикосновеніемъ! Прочь, посланецъ-соблазнитель, приносящій тюрьму, язвы и смерть, приносящій проклятіе! Да обрушится это проклятіе надъ твоею головою! И она вытянулась, топнувъ по ковру своею маленькою, босою ножкою, и протянула свою исхудалую голую ручку, какъ-бы желая отстранить видѣніе. — Сгинь! исчезни! пропади! да будетъ адъ твоимъ отечествомъ! Уходи же! уходи, слѣдователь, преемникъ пона Петра и Шешковскаго!..

Орловъ понялъ, что онъ далъ маху; что добиться отъ нея чего нибудь убѣжденіемъ разума было немислимо. Нервы ея были слишкомъ раздерганы, чтобы она могла слушать; могла думать о томъ, что слышать.

«Если она и знаетъ что нибудь, подумалъ Орловъ,—то выпытать у нея это можно было только обманомъ, только возбужденіемъ страсти. Эхъ, не такъ я за дѣло взялся!» сказалъ себѣ Орловъ и думалъ поправиться, сказавъ, съ напускнымъ выраженіемъ страсти:

— Ну такъ бѣжимъ вмѣстѣ!..

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но она перебила его.

— Новый обманъ, новая ложь! Бѣжать, зачѣмъ? чтобы ты выдалъ меня какимъ нибудь агентамъ, которые убьютъ меня за угломъ! Нѣтъ, никуда я не пойду, ничего не скажу! Я умру здѣсь, и мое имя, моя смерть будутъ твоимъ позоромъ, позоромъ твоего имени! Лучше задуши меня скорѣе, чтобы я меньше проклинала тебя. Убей меня! Твои руки, обогранныя уже кровію, не дрогнуть убить больную женщину. Убійца, убей же меня!

И она закашлялась тѣмъ глухимъ, тяжелымъ кашлемъ, который можно было назвать роговымъ. Во время кашля ее начала бить лихорадка, изъ горла показалась кровь. Кашляя, она нервно опустилась на коверъ и разрыдалась страшно, не говоря ни слова и какъ-бы забывъ объ Орловѣ.

Орловъ испугался и вышелъ.

Онъ поѣхалъ доложить Екатеринѣ о неуспѣхѣ своего посольства, и у него еще достало духу шутить, называя ее сумасшедшею, думавшею, что передъ нею явился не то домовый Петропавловской крѣпости, не то Саміэль нѣмецкихъ сказокъ, и она начала его заклинать.

— Крюку даль, матушка, ваше величество, какъ быть, даль крюку! Мнѣ бы съ того начать: «Бѣжимъ, дескать! Я и черезъ стѣну крѣпости проведу»... Какъ быть! конь и о четырехъ ногахъ да спотыкается!

Екатерина смѣялась, но очень сдержанно. Она любила искренно смѣяться только тогда, когда приказанія ея были исполнены «съ полнымъ успѣхомъ» и «къ всенепремѣнному нашему удовольствію». А промахъ, такъ промахъ, кто же виновать?

Вмѣсто Орлова подлѣ Али-Эметѣ очутился докторъ. Онъ далъ ей успокоительное, уложилъ въ постель, прислалъ къ ней Мешеду и обѣщалъ выпросить какія-то облегченія. Али-Эметѣ очнулась и попросила къ себѣ князя Голицына.

— Ради всего святаго, умоляю васъ, князь, приважите не пускать ко мнѣ того проклятаго челоуѣка, который передъ этимъ былъ у меня и который причина всѣхъ моихъ несчастій.

VI.

Мститель.

Въ Москвѣ жизнь для Настасьи Андреевны показалась несравненно тяжелѣе, чѣмъ въ Зацѣпинѣ.

Тамъ она подвергалась только назойливости одного своего кузена и притязаніямъ чиновниковъ. Но отмѣтивъ однажды своего кузена наименованіемъ «кулака», она болѣе о немъ уже не думала. Онъ скоро и уѣхалъ, видя, что отъ сестрицы болѣе ничего не дождется и боясь упустить выгодную продажу своей крѣпостной дѣвки овдовѣвшему попу. А съ чиновниками она, по совѣту и при помощи Анисима Антоновича Черныгина, скоро сошлась, уплативъ имъ что-то около семи тысячъ. Взявъ эти деньги, чиновники сѣумѣли согласить свои дѣйствія съ своими мнѣніями, и это для нихъ было тѣмъ пріятнѣе, что въ этомъ соглашеніи осталась имъ надежда и еще получить малую толику. Они сдѣлали для Настасьи Андреевны тоже, что полагали сдѣлать для Юрія Васильевича, т. е. ввели ее во временное владѣніе, войдя куда слѣдуетъ съ представленіемъ объ окончательномъ разрѣшеніи вопроса, слѣдуетъ ли признавать выходъ замужъ внажны Настасьи Андреевны за мистера Ли нарушеніемъ условій завѣщанія, когда она уже бездѣтная вдова и можетъ выйти замужъ за кого угодно? Само собою разумѣется, что такое дѣйствіе русскихъ чиновниковъ не могло вызвать со стороны Настасьи Андреевны особаго къ нимъ сочувствія и уваженія. Но Настасья Андреевна на все умѣла смотрѣть снисходительно. Она отнесла этотъ вопросъ къ разряду тѣхъ, которые были уже разрѣшены ея міровоззрѣніемъ. «Страсть къ наживѣ, отсутствіе традицій доблести, исходящія непосредственно изъ преобладанія капитала. Чего ждать отъ тѣхъ, которые не цѣнятъ ничего кромѣ денегъ?» заключила она и болѣе о томъ не думала и не говорила.

Въ Зацѣпинѣ ея жизнь была спокойствіе полное, безмятежное. Тамъ она могла всецѣло отдаваться воспоминанію о своемъ Эдварсѣ, о своихъ ангелахъ-дѣтахъ; съ тѣмъ вмѣстѣ могла анализировать свои чувства, мысли и ощущенія, могла читать, и много читать. Анализъ своихъ мыслей указалъ ей на опасность такого полного одиночества. Она замѣтила, что углубленія въ самою себя и въ воспоминанія только усиливаютъ, только питаютъ ея горе. Впечатлѣніе, произведенное на нее

посвященіемъ молоденькой княжны Трубецкой, вызвало въ ней много размышленій.

«Какъ хорошо, думала она,—что въ Россіи есть пріюты отрады, успокоенія и молитвы для тѣхъ, кому молитва остается единственнымъ утѣшеніемъ. Это не отшельничество, не уединеніе, только питающее грусть и горе; это трудъ, совокупность усилій отдѣлиться отъ земли, отбросить и горе и радости земныя, для созерцанія и молитвы въ небѣ».

Въ Москвѣ пришлось ей вести жизнь другаго рода. Тамъ некогда было ей ни много думать, ни много читать. Ее охватила собою общественность, но охватила положительно съ ея темной, неприглядной стороны.

Никого изъ друзей своего покойнаго отца она уже не нашла. Сохранилось воспоминаніе о великолѣпномъ князѣ Андрей Дмитріевичѣ Зацѣпинѣ, роскошномъ поклонникѣ эникуреизма, почитателѣ красоты и граціи и изящномъ представителѣ западнаго пантеизма и философскихъ воззрѣній тогдашняго міросозерцанія, выразившагося въ янсенизмъ. Сохранился на Никитской его старинный княжескій домъ, почти въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ день избранія императрицею Анны Іоанновны, потому что ни самъ князь Андрей Дмитріевичъ, ни его племянникъ и наслѣдникъ князь Андрей Васильевичъ въ немъ почти не жили—но и только! О дочери его никто и не слыхалъ.

Понятно—Москва жила уже третьимъ поколѣніемъ послѣ тѣхъ вельможъ, которыхъ когда-то считала своими лучшими людьми и которые сохраняли еще традиціи родовыхъ преданій и признавались народомъ за свою опору и вождей, какъ люди близкіе царю и могущіе высказывать ему свои личныя воззрѣнія. Народъ знать не хотѣлъ, что боярской думы давно нѣтъ, что право говорить съ царемъ зависѣло непосредственно отъ царя, и что затѣмъ уже всѣ сливались въ одинъ уровень «неподатныхъ сословій», безъ всякаго преимущества одного передъ другимъ. Народъ все смотрѣлъ по прежнему; все хотѣлъ видѣть въ Долгорукихъ, Голицыныхъ, Милославскихъ, Трубецкихъ, Зацѣпиныхъ, Морозовыхъ, Нарышкиныхъ, Ромодановскихъ, Стрѣшневыхъ и другихъ, своихъ естественныхъ покровителей и ходатаевъ передъ престоломъ, если не по праву рода, то по существу и дѣйствительной близости ихъ къ великому государю, окруженному въ своемъ верховномъ совѣтѣ, за немногими исключеніями, этими родовыми именами русскихъ бояръ. Но все это прошло и былъ емъ поросло; все это давно забылось. Новые люди жили по но-

вому и знать не хотѣли никакого старья. Всѣ знали, что быть въ ходу не родъ, а случай, фаворъ; всѣ и искали случая, хотѣли фавора.

Но отрицаніе преданій вовсе не уничтожило барства; напротивъ, оно его усилило. Барство сохранилось, только именно въ его изнанкѣ, въ его темныхъ интригахъ. Оно выразилось не вниманіемъ къ народнымъ нуждамъ, не покровительствомъ угнетаемымъ, а произволомъ богатаго и сильнаго, разгуломъ, всякаго рода насиліемъ, и безобразнымъ, дивнымъ своеволіемъ и мотовствомъ. Явились баре Богъ вѣсть откуда, — баре, незнавшіе какъ звали ихъ дѣдушку. Ихъ создалъ новый порядокъ, новое устройство общества, ставящее въ главу случай и поклоненіе золотому тельцу. Составивши разными путями корысти громадна состоянія и заручившись пріязнью съ людьми сильными и случайными въ Петербургѣ, эти новые господа, съ рыльцемъ въ пушку, безобразничали себѣ во всю московскую мочь, передразнивая потухающее вельможество прошлыхъ выскочекъ, кто во что гораздъ, до послѣднихъ предѣловъ дикости; до выхода, напримѣръ, на свой парадный, даваемый на всю Москву балъ въ халатѣ и туфляхъ, не надѣвъ даже изъ приличія штановъ, до пляски въ цыганскомъ таборѣ, или до назначенія великолѣпныхъ праздниковъ съ приглашеніемъ всѣхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, но на такомъ условіи, что когда хозяину вздумается вскочить на стулъ и завричать по-нѣмецки «hegaus», или по-русски «вонъ», то всѣ бы убирались по-добру по-здорову немедленно, хотя бы то было среди танца или игры, въ противномъ случаѣ даже погонять ихъ метлами.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе могло произвести такое общество на Настасью Андреевну, привыкшую съ дѣтства къ мыслящей жизни, къ разумности дѣйствій, къ сознательному отношенію себя ко всему окружающему. Она была просто поражена, отуманена; она не знала, что и думать, что и говорить. Съ другой стороны, можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела въ этомъ проматывавшемся до бѣснованія обществѣ появленіе еще молодой вдовы, сохранившей въ себѣ всю грацію и всю прелесть своей молодости, все очарованіе свѣтскаго образованія, послѣ того, какъ узнали, что ей переходитъ тридцати-миліонное состояніе. Ее буквально осадили. Она вдругъ увидѣла себя окруженною толпою. Нескончаемое количество искателей богатыхъ невѣстъ, какъ для себя, такъ и для другихъ, матушки, бабушки, тетушки раззорившихся князьковъ, прожектеры всевозможныхъ

видовъ, искатели легкой наживы, можно сказать, положительно начали не давать ей прохода. Къ нимъ присоединились всѣ искавшіе какъ-бы перехватить деньги, у кого бы призвать безъ отдачи; всѣ думавшіе: нельзя ли этой богачихѣ что нибудь продать, что нибудь у нея купить, разумѣется, продать по-дороже, купить за бездѣлю; къ нимъ присоединились и всѣ надѣявшіеся, что она будетъ жить открыто, давать праздники, обѣды, и потому желавшіе полакомиться и повеселиться на чужой счетъ. Если къ этому прибавить еще назойливыя требованія чиновниковъ, желавшихъ сорвать съ нея побольше, чѣмъ могли даже думать чиновники богоспасаемаго града Зацѣпинска, то станетъ понятнымъ, что углубленная въ саму себя Настасья Андреевна, съ своимъ неулегшимся еще горемъ и воспоминаніями своихъ потерь, бросила все и скрылась отъ глазъ всѣхъ въ свое Зацѣпино, гдѣ по крайней мѣрѣ никто не мѣшалъ ей ни думать, ни вспоминать. Она рѣшила заплатить тамъ, чего бы ни стоило, Аганитову, Безносикову, или кому бы то ни было, — Анисимъ Антоновичъ слыцеть, пусть хлопочутъ! — но за то обрѣсти спокойствіе и тишину.

Въ Зацѣпинѣ ея любимымъ собесѣдникомъ былъ жившій уже на повоѣ семидесяти-пятилѣтній старецъ, архимандритъ, отецъ Ферапонтъ.

Бесѣда его для Настасьи Андреевны не могла не быть успокоительна. Замѣчательнаго ума и начитанности, съ тѣмъ вмѣстѣ скромный и снисходительный, отецъ Ферапонтъ болѣе пятнадцати лѣтъ управлялъ монастыремъ въ качествѣ настоятеля. Но его постигла тяжкая болѣзнь и онъ долженъ былъ отказаться отъ своей должности. Когда онъ выздоровѣлъ, то остался на повоѣ и посвятилъ труды свои филологической разработкѣ вопросовъ русской церковной исторіи. Его занятія естественно наталкивали его на различные документы, касавшіеся различныхъ мѣстностей и преданій о былой жизни нашего отечества. Естественно затѣмъ, что ему хорошо была знакома жизнь и дѣятельность цѣлыхъ поколѣній предковъ Настасьи Андреевны, стоявшихъ въ челѣ родной земли и не жалѣвшихъ себя для ея благоденствія. Настасья Андреевна, изучавшая русскую исторію весьма поверхностно, но признававшая что она, какъ кровная русская, должна знать все, что касается русской народной жизни, чрезвычайно интересовалась занятіями скромнаго монаха. Въ каждомъ словѣ его она открывала источникъ той самообытности, того своеобразнаго строенія, которымъ Россія отличалась отъ Европы и которая, отъ самаго начала русскаго государ-

ства, вели ее къ возвышенію и нравственному устройству. Съ ужасомъ замѣчала она, какъ эта самобытность умышленно стирается; какъ характерныя отличія народа умышленно подводятся подъ подражательную рамку чужихъ обычаевъ и несоотвѣтственныхъ народному характеру учреждений. Отецъ архимандритъ, сочувствуя ей, иногда указывалъ, какъ все несоотвѣтственное, все прививное падаетъ, разсѣивается само собой, а поднимается, будто изъ пепла, не смотря на всѣ противодѣйствія, свое, родное, исходящее изъ коренныхъ началъ русской жизни и соотвѣтствующее ея правильному развитію. Поэтому бесѣды съ отцомъ Ферапонтомъ были для нея крайне пріятны. Среди разговоръ съ нимъ, занятій, иногда чтенія, она забывала свои несчастія, и успокоивалась въ своемъ, прикрытомъ флеромъ, тѣмъ не менѣе отзывающемся жгучею болью, безысходномъ горѣ.

Разумѣется, всего интереснѣе было для нея разбирать преданія о своемъ великомъ родѣ, о своихъ предкахъ, особенно ближайшихъ. Отецъ Ферапонтъ зналъ хорошо ихъ исторію. Онъ передавалъ ей зацѣпинскія преданія; говорилъ о борьбѣ съ монгольскими народами югорской расы, объ образованіи Зацѣпинска, о князѣ Даниилѣ, сдавшемъ Зацѣпинскъ Москвѣ, о суровой жизни послѣдовавшихъ затѣмъ зацѣпинскихъ князей. Наконецъ, говорилъ о ея дѣдѣ, нѣтчикѣ при Петрѣ Великомъ, потомъ описывалъ ея дядю, Василья Дмитриевича, описывалъ его всенародную исповѣдь; передавалъ все, что слышалъ, о жизни ея отца, увлекавшегося блескомъ чужой образованности; наконецъ, говорилъ о ея кузенѣ Андрѣ Васильевичѣ, принявшемъ передъ смертью схиму. Онъ училъ ее разбирать древнія рукописи и объяснялъ, какимъ образомъ измѣнился строй письменнаго языка и по какимъ примѣтамъ самыя рукописи можно относить къ тому или другому вѣку.

Естественно, что она интересовалась всего болѣе ближайшими членами своей фамиліи.

Со слезами на глазахъ она выслушала грустную исторію своей кузины Аграфены Васильевны, поступившей въ монастырь, чтобы уклониться отъ предлагаемаго ей отцомъ жениха, и потомъ вышедшей замужъ за Марьина, хотя и съ благословенія родителя, простившаго ее передъ смертью, но должно быть не съ благословенія Божьяго, ибо бракъ ихъ былъ несчастливъ. Марьина, на другой годъ послѣ свадьбы, разбилъ параличъ и бѣдная Аграфена Васильевна десятый годъ ходитъ за больнымъ мужемъ, не имѣя ни покоя, ни отдыха. Говорилъ отецъ Фера-

понтъ также и о другой ея кузинѣ, Елисаветѣ, гостившей послѣ смерти матери у Разумовской, урожденной Нарышкиной, и тамъ вышедшей замужъ за какого-то иностраннаго графа, который и увезъ ее съ собой за тридевять земель въ свое чужестранное государство; какъ говорятъ, тамъ она стосковалась по странѣ родной, по рѣкамъ ея многоводнымъ, по лѣсамъ сосновымъ, да по зимѣ холодной, суровой, но родной, — стосковалась и умерла въ родахъ.

Иногда въ бесѣдахъ Настасья Андреевны съ старцемъ-архимандритомъ принималъ участіе и старикъ Анисимъ Антоновичъ Черныгинъ, ея главноуправляющій и душеприкащикъ, довѣренный отца и кузена, видимо оправдавшій ихъ общую довѣренность, и тоже любившій бесѣды отца Феранонта и сочувствовавшій его занятіямъ.

Въ одну изъ такихъ бесѣдъ, по какому-то поводу, говоря вѣжета о разгромѣ, произведенномъ Пугачевымъ въ низовьяхъ Волги, Черныгинъ упомянулъ имя княжны Владимірской, самозванки, объясняя, что, по справедливости, этимъ именемъ могла пользоваться только она, княжна Настасья Андреевна, и что явленіе самозванки съ фамиліей Владимірской ложится клеймомъ на родъ князей Зацѣпныхъ.

— Ахъ, Боже мой! съ этими хлопотами, которыя меня окружили здѣсь при моей невольной грусти, я совершенно упустила ее изъ виду, тѣмъ болѣе, что я ничего о ней не слышу, сказала Настасья Андреевна. — Гдѣ эта самозванка, что съ ней? Если она еще существуетъ, я должна ее изобличить... Это я признаю своею обязанностью и еще въ Америкѣ дала слово.

— Святое твоѣ слово, матушка княжна. — Зацѣпинскіе обитатели никакъ не хотѣли называть ее иначе, какъ ея дѣвичьимъ именемъ. — Нельзя допускать свое имя выставать на позоръ, для прикрытія какихъ-то темныхъ замысловъ, сказалъ отецъ Феранонтъ. — Изобличить самозванку долгъ твоей чести. Ты обязана сдѣлать это ради славы твоего рода, ради своего имени! Наконецъ, подумай объ ужасахъ, о страшномъ опустошеніи, которое произвель Пугачевъ. Предотвратить новое подобное опустошеніе и еще подъ твоимъ именемъ, это святой долгъ не только русской, но всякой христіанки!

— Я говорю вамъ, св. отецъ, что я дала себѣ о томъ слово еще въ Америкѣ и говорила объ этомъ еще моему покойному другу, который также находилъ, что это мой долгъ. Но только гдѣ же она, и какой путь слѣдуетъ избрать къ ея изобличенію?

— Да теперъ что-то о ней все смолкло, сказалъ Черны-

гинь;—а вотъ года три назадъ, какъ я былъ въ Москвѣ, такъ говорили, что въ Петербургъ привезли какую-то самозванку, называвшую себя будто бы дочерью императрицы Елисаветы, какую-то, говорили, Тараканову. Но это была эта Тараканова, и та ли, которая называлась княжной Владимірской, и куда она потомъ скрылась, никто ничего не зналъ.

— Да самый лучший путь написать, а еще лучше самой съѣздить и сказать прямо государынѣ. Она же у насъ, матушка, доступная, всякую просьбу выслушиваетъ, во всякое дѣло сама вникаетъ.

— Какъ, мнѣ ѣхать въ Петербургъ, къ государынѣ?

— Что же такое? Кто лучше можетъ знать, что тутъ нужно для изобличенія и прекращенія всякаго самозванства и его ядовитыхъ послѣдствій? Она сейчасъ же укажетъ, что нужно; а васъ, княжна, только благодарить будетъ, что вы можете ей эту интригу прекратить, этотъ замыселъ потушить.

Черныгинъ, какъ ни опытенъ онъ былъ въ практической жизни, тоже совѣтовалъ ѣхать. Ему и въ голову не приходила разница между практикою общественности и практикою политики, до такой даже степени, что едва-ли бы онъ понялъ, если-бы кто ему сказалъ, что тутъ вопросъ не просто жизни, а вопросъ политической интриги.

Подъ вліяніемъ сознанія своей родовой обязанности и согласно совѣту своихъ искреннихъ друзей, Настасья Андреевна собралась ѣхать въ Петербургъ.

Послѣ того какъ Орловъ оставилъ крѣпость и доктору удалось привести Али-Эметѣ въ себя, начались потуги родовъ.

Голицынъ прислалъ къ ней акушера и бабку. Роды были трудные, однакожь она ихъ перенесла. Родился сынъ, названный Александромъ. По желанію государыни, генераль-прокуроръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, женатый уже на Еленѣ Никитишнѣ Трубецкой, былъ его крестнымъ отцомъ, а жена коменданта петербургской крѣпости Татьяна Семеновна Чернышева—его крестною матерью. Ей было поручено наблюдение за ребенкомъ втеченіи перваго года его жизни. Къ малюткѣ была приставлена кормилица изъ присланныхъ предварительно молодыхъ и здоровыхъ крестьянокъ охтенской слободы, и назначенъ полный штатъ указивальщицъ по тогдашнему обычаю. Екатерина говорила:

— Я не хочу, чтобы ребенокъ въ чемъ нибудь нуждался; я не мщу ребенку за мать.

— Но какъ назвать его? спросилъ у нея Вяземскій.

— Александръ Алексѣевичъ Чесменскій, дворянинъ неизвѣстнаго происхожденія! отвѣчала государыня ¹⁾).

Разумѣется, такъ его и записали. Причемъ Вяземскій подумалъ: «Вотъ государыня все идетъ пружину пружинъ. Кто, дескать, выдумалъ, кто самыхъ иезуитовъ направилъ? Сказалъ бы я ей: «Будь покойна государыня, царствуй на славу намъ! Этой пружины пружинъ нѣтъ на свѣтѣ. Она умерла, какъ и все мы когда нибудь умремъ». А если-бы порыться въ отношеніи моего достопочтеннаго тестюшки князя Никиты Юрьевича, то какъ бы ни былъ онъ остороженъ, все бы, думаю... Но, разумѣется, не я наведу ее на эту мысль; напротивъ, въ чемъ можно, прикрою, схороню, ради моей Леночки!.. Впрочемъ, государыня такъ умна, что и сама соображаетъ, хоть и молчитъ, что съ той самой поры, какъ мой тестюшка умеръ, и самозванцевъ не стало».

Перенеся грудные роды, Али-Эметѣ была еще въ силахъ говорить и разсуждать, хотя было видно, что это были послѣдніе проблески ея жизни.

При ней находилась Мешедѣ почти безотлучно. Эта бѣдная и недалежнаго ума шляхтянка, обманутая величіемъ и блескомъ Али-Эметѣ въ Лимбургѣ, Оберштейнѣ и потомъ Венеціи, расчитывавшая возвысить себя службою при русской великой княжнѣ и вмѣсто того попавшая подъ гнетъ политической интриги, въ которой она могла быть раздавлена, смята, смолота какъ попавшее въ мельничный жерновъ зерно, — вмѣстѣ съ тѣмъ успѣла къ ней привязаться сердечно. Разумѣется, всѣ мечты ея теперь испарились какъ дымъ. Ни о какихъ фрейлинахъ и статсъ-дамахъ не могло быть и мысли. Богъ далъ бы только выбраться изъ этой крѣпости, а тамъ... «О всѣхъ этихъ княжнахъ, да принцесахъ и думать забуду», говорила себѣ Мешедѣ. Съ ней же, передопроставившій ее Шешковскій не поцеремонился, какъ князь Голицынъ съ Али-Эметѣ и, говорятъ, два раза посѣвъ ее таки порядочно. Но не смотря на всѣ эти перенесенныя ею несчастія, на всю тяжесть выносиваго ею гнета, не смотря на весь страхъ передъ розгами, которыя для нея казались страшнѣе смертной казни, она ни въ чемъ не оговорила

¹⁾ Эта историческая личность является героемъ новаго романа того же автора, который будетъ напечатанъ въ журналѣ «Русская Рѣчь» въ будущемъ 1882 г.

Примѣч. ред.

Али-Эметэ, ничего не выдала изъ ея тайнъ. Находясь при ней именно безотлучно, сперва на кораблѣ «Трехъ Іерарховъ», потомъ въ крѣпости, кромѣ тѣхъ немногихъ дней, когда Голицынъ хотѣлъ добиться отъ Али-Эметэ признанія строгими мѣрами, — она служила ей отъ всей силы своей сердечной привязанности. Разумѣется, въ этой службѣ не было уже надеждъ на повышенія, на награды, на устройство своей участи; но была любовь, была привязанность, искренняя, душевная, которую нельзя купить никакими благами міра. Али-Эметэ не могла этого не видѣть и не понять. Говорятъ, сердце сердцу вѣсть подаетъ. Поэтому, въ минуту страданія и безсонницы, когда Мешедэ подавала ей лекарство, а вся крѣпость, кромѣ часовыхъ, разумѣется, спала мертвымъ сномъ, она обратилась къ ней съ вопросомъ:

— Что сдѣлали съ нимъ?

Мешедэ угадала, что вопросъ идетъ о ребенкѣ.

Она рассказала, чтó слышала и изъ чего въ крѣпости не дѣлали особой тайны, что для ребенка взяли кормилицу и отдали на попеченіе комендантши, и что, говорятъ, сама государыня обѣщала о немъ позаботиться.

Этимъ отвѣтомъ Али-Эметэ разумѣется была успокоена и прибавила, взглядывая съ сожалѣніемъ на свою наперстницу:

— Бѣдная Мешедэ, благодаря мнѣ, разбилась вся жизнь твоя! Но ты знаешь, могла ли я ожидать, чтобы человекъ, котораго я такъ беззавѣтно полюбила... Ты все знаешь, мнѣ стало быть нечего объ этомъ говорить. Поклянись мнѣ, что ты все сдѣлаешь, чтó я попрошу, и я въ стѣнахъ крѣпости, умирающая и несчастная, можетъ быть найду средство вознаградить тебя за всѣ перенесенныя тобою несчастія и устроить твою судьбу.

— Государыня, княжна милостивая, отвѣчала Мешедэ. — Безъ всякой награды вашей, я душу готова положить за васъ! Я вижу, что не вы виноваты, а виновата во всемъ горькая судьба моя. Приказывайте, княжна, ваша Мешедэ исполнить все, чтó только будетъ въ силахъ; исполнить такъ же, какъ если-бы получила это приказаніе отъ васъ въ великолѣпныхъ залахъ зимняго дворца.

— Нѣтъ, поклянись на образѣ, который ты носишь на груди своей, что ты исполнишь и не скажешь никому!

Суевѣрная католичка Мешедэ поклялась передъ образомъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказала Али-Эметэ. — Смотри за нимъ, слѣди за нимъ, чтó онъ будетъ и гдѣ, — разумѣется Али-Эметэ

говорила о своемъ сынѣ,—и когда онъ выростетъ, а ты будешь жива, то отдай сама, или передъ своею смертію передай вѣрному человѣку, чтобы отдали ему вотъ это письмо, которое, лежа на смертномъ одрѣ, въ казематѣ крѣпости, на краденой, можно сказать, бумагѣ, я ему приготовила. Если будешь отдавать сама, то расскажи все, что съ нами случилось, и скажи ему, что послѣднее слово матери къ нему было, чтобы онъ былъ мстителемъ за свою мать передъ своимъ отцомъ.

Мешедѣ взяла письмо и повлялась вновь, что она исполнить въ точности завѣщаніе своей обожаемой княжны.

— А вотъ, чтобы тебѣ помочь, если тебѣ удастся отсюда вырваться... вотъ записка, на заложенные мною, а частью и просто отданные на сохраненіе въ Парижъ и Франкфуртѣ брилліанты. Отъ продажи этихъ брилліантовъ должно очиститься болѣе 50,000 франковъ, съ которыми ты можешь вести безбѣдную жизнь.

— О, княжна, княжна! вскрикнула Мешедѣ, въ порывѣ благодарности цѣлуя руку Али-Эметѣ.—Какъ не любить васъ?

— Кроме того, я буду просить Голицына, и надѣюсь онъ это сдѣлаетъ, чтобы всѣ мои вещи, которыя были со мной на кораблѣ и захвачены въ Пизѣ, были отданы тебѣ въ возмездіе за твою службу мнѣ и перенесенныя вмѣстѣ со мной несчастія.

Мешедѣ плакала, стоя на колыняхъ передъ ея кроватью.

На другой день началась съ Али-Эметѣ смертная агонія. Пріѣхалъ Голицынъ и Али-Эметѣ высказала свое желаніе, чтобы все, что послѣ нея остается, было отдано Мешедѣ. Голицынъ обѣщала, если это дозволитъ государыня, но просилъ хотя теперь открыть истину. Али-Эметѣ отвѣчала опять, что ею все уже сказано, что только она знала. Голицынъ уѣхалъ, а передъ ней предсталъ отецъ Петръ, хмурый и недовольный неуспѣхомъ своей миссіи. Онъ стоялъ передъ нею съ крестомъ, но нашептывалъ ей не христіанскія слова утѣшенія, а картину страшной будущности въ загробной жизни для нераскаившихся грѣшниковъ.

— Покайся, дочь моя, развяжи душу свою! говорилъ отецъ Петръ.—Расскажи о своихъ замыслахъ, назови своихъ соучастниковъ и подстрекателей, иначе гѣна огненная будетъ удѣломъ тебѣ и скрежетъ зубовъ твою участію.

— Отецъ Петръ, сказала Али-Эметѣ, выбравъ между страданіями минуту перерыва.—Если я грѣшила въ чемъ, то только въ томъ, что хотѣла жить. Молода была, хотѣлось наслаждаться, вотъ я и искала жизни и средствъ для наслажденія! Я не

думала о томъ, что, соглашаясь или умалчивая о невѣрности даваемыхъ объясненій, я участвую въ обманѣ. И я молчала, когда такое молчаніе давало мнѣ хорошія средства къ жизни. Грѣшна я въ этомъ, грѣшна! Да проститъ меня Господь милосердный! Я забывала, что чужія деньги, это чужой трудъ. Выманивая и проживая чужія деньги, я съѣдала чужой трудъ. Да проститъ меня Творецъ небесный!

И она задыхалась отъ смертнаго колокольца.

А отецъ Петръ все еще спрашивалъ: какіе замыслы, кто соучастники?

Наконецъ, она стала говорить уже столь невнятно, что ничего нельзя было понять.

Кровь остановилась въ горлѣ и душила ее.

Тогда разсерженный, огорченный отецъ Петръ, видя неудачу свою, бросилъ ее, не удостоивъ святаго причащенія. Онъ зналъ, что Екатерина неудачи не проститъ и что честолюбивые замыслы его разлетѣлись въ прахъ. Но вернувшись домой, онъ вдругъ невольно почувствовалъ въ себѣ вопросъ: христіанинъ ли ты, оставивъ безъ напутствія умирающую?

Отъ этого вопроса у него защемило сердце. Онъ бросился назадъ въ крѣпость. Но было уже поздно:—Али-Эметъ умерла.

Ночью, близъ Алексѣевского равелина, внутри крѣпости, четыре инвалида вырыли глубокую яму и въ эту яму опустили трупъ всклепавшей на себя имя, всклепавшей потому, и только потому, что ей хотѣлось жить.

Надъ засыпанною могилою чья-то добрая рука посадила цвѣточные кусты. Эти кусты разрослись и образовали крѣпостной скверъ. Проходя этотъ скверъ, невольно вспоминается имя Али-Эметъ.

XV.

Екатерина II.

Александръ Алексѣевичъ Вяземскій былъ правъ, говоря, что по смерти его тестя Никиты Юрьевича Трубецкаго не стало являться новыхъ самозванцевъ и никакихъ внутреннихъ противодѣйствій царствованію Екатерины не было. Она могла смѣло проводить свои преобразованія, вводить новый порядокъ и устроить свое государство, не встрѣчая не только противо-

дѣйствія, но и противорѣчія. И та знаменитая ночь на 29 іюня 1762 года, о которой, получивъ извѣщеніе отъ своего посланника, Людовикъ XV выразился, что ему кажется, будто передъ нимъ читають отрывокъ изъ тысячи одной ночи, благодаря уму и твердости Екатерины, обратилась въ славу ея имени и въ общее передъ нею поклоненіе. «Матушка-царица» стало въ Россіи ея народнымъ именемъ, и при вѣшней славѣ ея оружія, стало гордостью Россіи.

Тѣмъ не менѣе Екатерина очень думала о самозванствѣ. Пугачева она вспоминала много лѣтъ спустя послѣ его казни; не менѣе раздумывала она и о княжнѣ Владимірской. Она добралась, что съ нею видѣлся въ Спа Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и велѣла своему посланнику въ Парижѣ допросить, узнать. Иванъ Ивановичъ, узнавъ объ этомъ, сейчасъ же явился въ Россію самъ и объяснилъ, что дѣйствительно, слышавъ, что въ Спа пріѣхала княжна Владимірская-Зацѣпина и полагая, что она или дочь извѣстнаго въ свое время князя Андрея Дмитріевича Зацѣпина, или сестра его пріятеля Андрея Васильевича, поставилъ себѣ за долгъ къ ней поѣхать. Но увидѣвъ, что это просто проходимка, принявшая, изъ какихъ-то видовъ, русское имя и желавшая отъ него узнать даже имена тѣхъ, отъ кого она увѣряла будто происходитъ, онъ оставилъ ее безъ вниманія и болѣе о ней ничего не слыхалъ, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалъ ему формальный запросъ управляющій иностранными дѣлами Франціи, герцогъ д'Егрийонъ, называя ее какой-то Таракановой. На этотъ запросъ онъ отвѣчалъ, что ни о какой Таракановой онъ не слыхалъ и не знаетъ; та же, которая называетъ себя княжнѣю Владимірскою, видимо проходимка, назвавшаяся русскимъ именемъ для обмана. Къ этому Иванъ Ивановичъ прибавилъ, что ни до того, ни послѣ, онъ никакого отношенія къ ней не имѣлъ и больше никогда ея не видалъ. Этимъ объясненіемъ, а главное своимъ пріѣздомъ, Иванъ Ивановичъ разсѣялъ подозрѣнія относительно себя, но не разсѣялъ сомнѣній Екатерины, которая непременно хотѣла добиться, непременно хотѣла узнать истину.

Однимъ утромъ, когда она почему-то особенно объ этомъ думала и начала перечитывать по крайней мѣрѣ въ сотый разъ всѣ объясненія и отвѣты Али-Эметѣ, вдругъ дежурный генераль-адъютантъ доложилъ ей:

— Ваше императорское величество, пріѣхала во дворецъ княжна Владимірская и проситъ особо доложить о ея ходатайствѣ представиться вашему величеству.

— Что? изумленно спросила Екатерина, вскинувъ на молодого Строгонова глаза. — Какъ вы сказали?

Екатерина только что прочитала отъ слова до слова протоколъ о смерти всклепавшей на себя имя.

Строгоновъ повторилъ свой докладъ.

— Проводи ее въ китайскую гостиную, Строгоновъ! Что это, мертвые встаютъ изъ гробовъ?

И она нервно и суетливо, что вовсе не было въ ея характеръ, написала записку къ Елагину и потребовала къ себѣ Шешковскаго и Перекусихину.

— Мавра Савишна, ты постой за дверьми, пока я буду говорить съ одною барынею, сказала она вошедшей Перекусихиной, — и жди моего знака. Если будетъ нужно, сейчасъ же позови караульнаго офицера; а придетъ Шешковский, пусть ждетъ меня въ моемъ кабинетѣ. Елагинъ же пусть войдетъ въ гостиную.

Распорядившись такимъ образомъ, государыня пошла къ ожидавшей ее Настасьѣ Андреевнѣ.

Выйдя въ китайскую гостиную, Екатерина увидала передъ собою стройную, высокаго роста, замѣчательно красивую, но съ глубоко грустнымъ выраженіемъ лица, даму. Она была одѣта въ черномъ. Нѣмое, но глубокое горе будто свѣтилось въ ея небольшихъ, но симпатичныхъ голубыхъ глазахъ.

Екатерина остановила на ней свой строгій и холодный взглядъ.

— Простите меня, ваше величество, начала говорить Настасья Андреевна своимъ задушевнымъ голосомъ, — что я позволила доложить о себѣ моимъ дѣвическимъ именемъ. Это потому, что я имѣла несчастіе удостовѣриться, что мое дѣвическое имя извѣстно вашему величеству, тогда какъ мое имя по замужеству вамъ извѣстнымъ быть не можетъ.

— Ваше имя княжна Владимірская? спросила Екатерина.

— Точно такъ, ваше величество. Я урожденная Владимірская-Зацѣпина, по замужеству Ли. Я единственная княжна Владимірская, какая только могла быть въ цѣломъ мірѣ, потому что двѣ дочери моего дяди, одна Аграфена, другая Елисавета, вышли замужъ, одна за неизвѣстнаго Марыина, другая за графа Питтолетти, и онѣ не носили имени Владимірскихъ, называясь просто Зацѣпинными, также какъ и мой кузень, князь Юрій Васильевичъ. Мнѣ придали титулъ Владимірской въ коллегіумѣ, гдѣ я воспитывалась, по французскому обычаю передавать старшему представителю или представительницѣ рода ихъ общую родовую фамилію.

— Кто же были ваши родители?

— Мой отецъ былъ вице-адмиралъ русскаго флота, не знаю еще какія онъ занималъ должности, князь Андрей Дмитріевичъ Зацѣпинъ, а мать—царевна Парасковья Ивановна, родная сестра царствовавшей государыни императрицы Анны Іоанновны. Вотъ бумаги, ваше императорское величество, которыя могутъ вполне удостовѣрить каждаго въ моей личности.

— А! сказала Екатерина, и глаза ея сверкнули какъ-то особенно. Она сдѣлала незамѣтный знакъ къ дверямъ, отмахиваясь рукою и принимая подаваемыя ей бумаги.—Что же вамъ угодно? спросила Екатерина уже съ такою суровостью, съ какою Настасья Андреевна никогда и не воображала, что къ ней могутъ обратиться.

— Я, по волѣ бывшей императрицы, воспитывалась въ коллегіумѣ Пресвятой дѣвы Маріи. По окончаніи воспитанія я вышла замужъ за американскаго гражданина Ли, который палъ въ послѣдней битвѣ, сражаясь за независимость Америки. Передъ тѣмъ я потеряла обоихъ дѣтей. Богъ взялъ ихъ. Вдругъ мнѣ говорятъ, что въ Россіи явилась какая-то неизвѣстная личность, которая приняла принадлежащее мнѣ имя и, распространяя разные несообразные слухи, желаетъ воспользоваться принадлежащимъ мнѣ наслѣдствомъ. Услышавъ это, я сочла себя обязанною явиться къ вашему величеству, чтобы изобличить самозванку, такъ какъ, позволяю себѣ повторить, другой, кромѣ меня, княжны Владимірской нѣтъ и быть не могло. Я, и только одна я, при своемъ помѣщеніи въ коллегіумѣ, была наименована Зацѣпиной-Владимірской, ради обозначенія моего происхожденія отъ князей московскаго дома, русскихъ великихъ князей.

Пока Настасья Андреевна говорила это, смотря на императрицу своими ясными, спокойными, но и полными грусти глазами, въ дверяхъ, противоположныхъ тѣмъ, изъ которыхъ вошла государыня и за которыми стояла Перекусихина, стало быть къ которымъ Настасья Андреевна стояла спиною, показался караульный офицеръ; но Екатерина знакомъ показала ему, чтобы онъ затворилъ двери.

— И вы хотѣли только изобличить самозванку? спросила Екатерина гораздо мягче, но все еще подозрительно.—И затѣмъ собственно пріѣхали въ Россію?

— Да, государыня! Я хотѣла взглянуть на свою родину, которую не видала, такъ какъ увезена была груднымъ ребенкомъ, привести въ порядокъ свои наслѣдственные дѣла и обличить самозванку, если она существуетъ. Къ сожалѣнію, о пос-

лѣдней я не могла собрать никакихъ свѣдѣній. Поэтому я позволила себѣ явиться къ вашему величеству, въ тѣхъ видахъ, чтобы вы изволили быть извѣстны, что обличеніе самозванства въ моемъ имени всегда въ рукахъ вашего величества!

— Нѣтъ, теперь этого ненужно, сказала Екатерина совсѣмъ уже мягко. — Во всякомъ случаѣ, благодарю васъ за ваше желаніе. Всклепавшая на себя имя уже изобличена... Однако, что же мы стоимъ. Я очень рада познакомиться съ вами, княжна, — я называю васъ вашимъ родовымъ именемъ, — рада поговорить объ Америкѣ и о васъ самихъ. Садитесь! Вы еще такъ молоды и такъ много перенесли горя!

Екатерина опустила въ кресло, указавъ Настасьѣ Андреевнѣ другое, и позвонила; въ дверяхъ показалась Перекусихина.

— Распорядитесь, Мавра Савишна, когда придетъ Елагинъ, провести его тоже въ кабинетъ. Скажите, что я занята, пусть меня подождутъ!

Выслушавъ приказаніе, Перекусихина исчезла.

— Потерять почти одновременно и мужа, и дѣтей, это такое несчастіе... Удивляюсь, какъ еще Богъ сохранилъ васъ. Отъ такого горя можно съ ума сойти! говорила Екатерина ласково.

— Я почти и сошла съ ума, ваше величество, впала въ какое-то безчувствіе, а потомъ въ продолжительную болѣзнь. Послѣ я должна была ходить за умирающей тещей. Это обстоятельство и задержало мой пріѣздъ въ Россію, для изобличенія самозванки при первыхъ слухахъ о ней.

— Что-жъ вы думаете дѣлать въ Россіи? Правда, ваши годы еще таковы, что вы можете выйти вновь замужъ, имѣть семейство.

— О, нѣтъ, государыня! Моя жизнь слишкомъ разбита, чтобы думать о замужествѣ. Я была такъ счастлива съ моимъ Эдварсомъ, такъ любила дѣтей своихъ, что одна мысль измѣнить ихъ памяти наводитъ на меня ужасъ. Нѣтъ, ваше величество, всемилостивѣйшая государыня, я уже не для семейной жизни. Я хотѣла, пріѣхавъ въ Россію, устроить свои наследственныя дѣла. Я думала, что буду окружена родными; думала, что у меня два кузена, двѣ кузины, и у нихъ могли быть семейства. Состояніе, частью принадлежавшее моему отцу, мнѣ было завѣщано ихъ роднымъ братомъ, поэтому я считала, что они имѣютъ на него отчасти право и, согласно завѣщанію, думала передать его тому, кто будетъ больше достоинъ. Къ сожалѣнію, я нашла, что одинъ кузень мой уже умеръ; одна изъ кузинъ оставила навсегда Россію и тоже умерла; другая, бесе-

мейная, возится съ мужемъ, разбитымъ параличемъ, и почти отупѣла. Остался еще кузенъ, но тоже не семейный и такой человѣкъ, что я отъ него пришла въ ужасъ. Такимъ образомъ я осталась одна, совершенно одна.

— А вы надѣялись быть не однѣ, быть окруженной родными, можетъ быть имѣть власть, значеніе?

И глаза Екатерины вновь подозрительно смотрѣли на Настасью Андреевну; губы ея вновь сжались въ какую-то жесткую улыбку. Она готова была опять протануть руку въ сонеткѣ.

— Власть, значеніе... повторила слова государыни Настасья Андреевна съ грустнымъ юморомъ.— Для чего мнѣ ихъ, государыня, и для кого? И управлялась ли бы я еще съ этою властью на добро, на благо людямъ, Россіи? Я, которая не имѣю понятія объ управленіи, о политикѣ? Нѣтъ, государыня, я не была честолюбива и съ молодю! Я не бросаюсь ни на предоставляемое мнѣ наслѣдство, ни на приманку честолюбія въ выходѣ замужъ за представителя фамилии де-Праленъ. А теперь, съ разбитымъ сердцемъ, истерзанной душой... Нѣтъ, нѣтъ, ваше величество! Я желаю всему добра, а тутъ было бы скорѣе зло.

Улыбка Екатерины опять распустилась, черты лица опять разгладились.

— Какое это наслѣдство? спросила Екатерина.— Не то ли, о которомъ мнѣ много говорили, обозначая его словомъ: зацѣпинскіе капиталы.

— Да! Я думаю, ваше величество, что вамъ говорили именно о моемъ наслѣдствѣ, такъ какъ оно довольно значительно.

— Вы очень скромны, говоря, что оно значительно, отвѣтила Екатерина.— Это царское богатство. Съ такимъ богатствомъ, въ челѣ нашей аристократіи, вы будете окружены искателями. Я утвердила васъ въ наслѣдствѣ по имѣнію вашего батюшки; что же касается того, которое передавалъ вамъ кузенъ по условію, то оно естественно должно идти въ родъ, къ его братьямъ, князьямъ Зацѣпиннымъ, такъ какъ выходомъ замужъ за Ли, вы нарушили условіе завѣщанія. Но все равно, и то, которое вамъ досталось, 15,000 душъ, дома и капиталы, — именно царское богатство. Оно само по себѣ есть уже значеніе, и могучее значеніе.

— Позволю себѣ вновь доложить вашему величеству, что никакого значенія я не добиваюсь и не желаю. Я сама по себѣ не бѣдна и безъ наслѣдства. Я желаю, ваше величество, одно:

скромный уголокъ, спокойную жизнь, научныя развлеченія и возможно болѣе добра людямъ и пользы моему отечеству.

— Что же?.. монастырь?.. Днемъ—удиненіе, чтеніе, молитва; вечеромъ—обмѣнъ мыслей съ избранными друзьями, потомъ благотворительность.

— Я не думала о монастырѣ, ваше величество, хотя, признаюсь, была глубоко потрясена, когда смотрѣла въ Москвѣ постриженіе княжны Трубецкой. Общность молитвы, единодушное стремленіе выразить невыразимое, общее благоговѣніе, охватили меня чувствомъ восторга.

— Въ какомъ это монастырѣ было? спросила Екатерина, что-то раздумывая.

— Въ Ивановскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, ваше величество!

— Что-жъ, хотите я прикажу вамъ устроить тамъ помѣщеніе и, предоставляя вамъ полную свободу, прикажу, чтобы все соотвѣтствовало вашимъ желаніямъ? Васъ окружать и молитва, и спокойствіе, и избранные ваши друзья. Для васъ будутъ открыты всѣ бібліотеки, всѣ музеумы, всѣ архивы нашей древней столицы. Графъ Салтыковъ, начальникъ Москвы, будетъ стараться вамъ во всемъ угодить. Это монастырь, который по повелѣнію императрицы Елисаветы былъ назначенъ для такого пристанища вдовъ и сиротъ знатнаго происхожденія. Когда я буду въ Москвѣ, то, надѣюсь, вы не откажетесь доставить мнѣ удовольствіе и допустите меня въ свой ученый кружокъ. А благотворительность самая полная, самая широкая, дасть вашей склонности къ добру обширное поле дѣятельности.

— Я была бы счастлива такого рода жизнью, всемилостивѣйшая государыня. Она дала бы мнѣ все, чего я, за потерю моего Эдварса, могу только желать.

Государыня обняла Настасью Андреевну и оставила у себя на весь день. Тутъ Настасья Андреевна, случайно бросивъ взглядъ на столикъ, который стоялъ отдѣльно въ одной изъ комнатъ, черезъ которыя онѣ съ государыней проходили, увидѣла на столѣ письма и бумаги, писанныя знакомою Настасьѣ Андреевнѣ рукою.

— Что это? Простите, ваше величество, нескромный вопросъ. Знакомая рука.

— Это письма той, называвшейся вашимъ именемъ, фальшивой княжны Владимірской!

— Боже мой! рука знакомая. Это рука Али-Эметѣ!

— Кто такая Али-Эметѣ?

— Она воспитывалась со мною въ коллегіумѣ. Персіянка по происхожденію! Была замѣчательно хороша собою!

— Гм! Вотъ она-то и назвалась вашимъ именемъ. Но, слава Богу, все кончилось хорошо!

Екатерина въ этотъ день успѣла совершенно обворожить Настасью Андреевну. Она умѣла обворожать. На другой день она отправила ее въ Москву, поручивъ проводить ее Джуричу, бывшему адъютанту Потемкина, ставшему теперь вдругъ ея генералъ-адъютантомъ.

Потемкинъ уже исправлялъ при Екатеринѣ должность маркизы Помпадуръ, и Джуричъ былъ одной изъ представленныхъ ей его креатуръ.

А Елагинъ и Шешковскій до поздняго вечера сидѣли въ кабинетѣ Еватерины. Она о нихъ забыла. Поздно вечеромъ, войдя въ кабинетъ, она увидѣла ихъ и призналась въ своей забывчивости.

— Слава Богу, что вы мнѣ не понадобились, сказала она. — Все, что мнѣ было нужно, я обдѣлала сама.

За то на другой день они оба, за долгое ожиданіе, получили по бриліантовой табакеркѣ.

Игуменъ Ивановскаго монастыря было написано, чтобы она убѣждала всѣми мѣрами, посылаемую для помѣщенія при монастырѣ даму, принять монашество.

Первые дни, проведенные Настасьей Андреевной въ монастырѣ, ей очень понравились. Полное спокойствіе, общее къ ней вниманіе и желаніе угодить, не могли не произвести на нее самаго благопріятнаго впечатлѣнія. Притомъ, дѣйствительно, мирныя занятія, умный разговоръ избранныхъ посѣтителей, благоговѣйная молитва, не могли не отражаться благотворно на ея душѣ. Она находила, что въ ея положеніи единственное утѣшеніе можетъ быть только въ молитвѣ, а тутъ служба столь благолѣпная, пѣніе стройное, порядокъ, скромность, чистота помысловъ, чистота жизни. Да это рай, если не чувства, то спокойствія! говорила себѣ Настасья Андреевна.

Помѣщеніе у нея было превосходное. Ей было предоставлено убрать его всѣмъ, чѣмъ она пожелаетъ; а убирать ей было легко, приказывая принести то или другое изъ своего великолѣпно отдѣланнаго московскаго дома или, наконецъ, привезти, что нужно, изъ Парашина. Передъ самыми окнами ея помѣщенія раскидывался густой темнолиственный садъ, со множествомъ цвѣтныхъ клумбъ. Всѣ ея желанія въ разсужденіи

занятій, стола, фруктовъ, выполнялись безусловно и будто по мановенію ея руки.

Въ одинъ изъ дней, теплыхъ и ясныхъ, ей вздумалось прокатиться по городу и она приказала себѣ подать коляску. Весь монастырь забѣгалъ, засуетился. Наконецъ, послѣ многихъ сомнѣній и отпѣиваній, ей объявили, что нужно доложить генераль-губернатору.

— Что это значить? спросила Настасья Андреевна. — Развѣ я арестована здѣсь?

— Помилуйте, но... но... приказано о вашемъ выѣздѣ докладывать.

— Ну такъ докладывайте же, только скорѣе!

Черезъ четверть часа генераль-губернаторъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ явился къ ней самъ.

— Ваше сіятельство... началъ было Салтыковъ, но Настасья Андреевна перебила его.

— Я не сіятельство, а просто мистрисъ Ли!

— Мнѣ приказано титуловать васъ, по вашему русскому происхожденію, вашимъ русскимъ именемъ. Вы изволите желать ѣхать?

— Да, я хотѣла прокатиться; но что это значить, что объ этомъ должно вамъ докладывать?

— Я бы просилъ ваше сіятельство не ѣздить безъ предъувѣдомленія меня. Что же касается вашего вопроса, то... Я увѣренъ, вы изволите быть столь разсудительны, что, понявъ свое положеніе, сами изволите придти къ заключенію, что иначе всемилостивѣйшая наша государыня и не могла распорядиться.

— Въ чемъ дѣло? какое мое положеніе?

— Вы, ваше сіятельство, изволите вникнуть, что происхожденіе ваше отъ царевны Парасковьи Ивановны, родной сестры императрицы Анны, создаетъ вамъ преемственное право, на русскій престоль. Императрица Екатерина царствуетъ по преемственности правъ другой линіи царствующаго дома, линіи императорской, по происхожденію отъ Петра Великаго, но линіи младшей. Теперь разсудите, не ясно ли, что для спокойствія государства, она должна устранить всякую возможность соперничества, могущую вести къ междоусобной войнѣ; или она, или вы? Середины тутъ не можетъ быть, тѣмъ болѣе, что громадные капиталы, которыми вы можете располагать и употребленіе которыхъ она не можетъ ограничить, такъ какъ они почти полностью находятся въ иностранныхъ банкахъ, даютъ вамъ силу, которая можетъ создать неисчислимыя затрудненія. Госу-

дарыня говорить:— «Если-бы я была увѣрена, что княжна будетъ государыней лучше меня, будетъ болѣе моего заботиться о народномъ благосостояніи, успѣшнѣе отстранять народныя нужды, болѣе возвысить и узрѣшить Россію, то я сейчасъ же бы, для блага государства, уступила ей свое мѣсто, а сама пошла бы въ монастырь, занималась бы науками, литературою. Русскіе князья, какъ по исторіи извѣстно, нерѣдко мѣняли свою порфиру на схиму и княжескую корону на монашескій клобукъ. Но какъ она сама сказала мнѣ, что не чувствуетъ себя способною къ управленію и не томится честолюбіемъ, то пусть она поступится въ незначительномъ ограниченіи ея свободы,— ограниченіи, необходимомъ не столько для моего спокойствія, сколько для спокойствія государства».— Вы будете имѣть все, что только пожелаете, предложилъ Салтыковъ, — но только прошу выѣзжать не иначе, какъ съ моего вѣдома и съ моимъ офицеромъ.

Настасья Андреевна слушала, блѣднѣя болѣе и болѣе съ каждымъ словомъ Салтыкова.

— Такъ я арестована? сказала она наконецъ, внѣ себя отъ волненія.— Вотъ какъ! Не это ли выраженіе благодарности за мою готовность. Но позвольте, графъ, вы мнѣ говорите ваши соображенія, но ничѣмъ не доказываете, что такова именно воля императрицы. Она мнѣ говорила совершенно противное. Она видѣла, что у меня и въ мысли не было быть чѣю бы то ни была соперницею, и на что бы то ни было претенденткою.

— Повѣрьте, ваше сіятельство, что я не смѣлъ бы представить вамъ моихъ соображеній безъ особаго на то высочайшаго соизволенія. Впрочемъ, для вашего убѣжденія, мною испрошена особая, собственноручная ея величества записка, которая утверждена, на случай, если вы не знаете собственноручной подписи, государыни, государственною печатью.

И съ этими словами, онъ подалъ ей написанную, въ видѣ меморіи, слѣдующую записку, въ которой дѣйствительно была приложена государственная печать.

«Я убѣждена, что благородныя чувства княжны Владимірской-Защѣпной заставятъ ее принять тѣ немногія ограниченія ея воли, которыя ей предложить отъ моего имени графъ Салтыковъ и которыя необходимы по государственнымъ соображеніямъ. Она этимъ докажетъ мнѣ, что дѣйствительно желаетъ добра и блага своему отечеству, какъ она мнѣ говорила».

На запискѣ было написано: «Божіею милостію, императрица всероссійская,
Екатерина».

Настасья Андреевна прочитала, задумалась, потомъ проговорила:

— Донесите государынѣ, что то, отъ чего зависить ея спокойствіе и благо государства, не можетъ встрѣтить съ моей стороны возраженія.

Послѣ того она никогда болѣе уже не желала прогуливаться стѣнъ монастыря и предоставленнаго ей сада.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Настасья Андреевна получила отъ государыни собственноручное письмо, въ которомъ она писала, что, основываясь на ея словахъ, что главнѣйшее ея желаніе заключается въ доставленіи добра и блага своему отечеству, она просить ее обратить вниманіе на письмо къ ней, написанное по ея повелѣнію ея вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, и выполнить въ чемъ можно его просьбу. А графъ Остерманъ писалъ, что, зная истинный патріотизмъ княжны Владимірской-Зацѣпиной и ея готовность къ самопожертвованію, онъ, съ высочайшаго соизволенія, считаетъ нужнымъ ей сообщить, что въ настоящее время на отечество наше наступили страшныя невзгоды. Непріятели съ двухъ сторонъ тѣснятъ его. Готовятся двѣ войны—съ Турціею и Швеціею; обѣимъ помогаютъ французы, а средствъ для защиты нѣтъ. Поэтому онъ обращается къ ней, не пожертвуетъ ли она своими капиталами, чтобы помочь Россіи отстоять свою цѣлость и самостоятельность, высшее благо въ государственномъ отношеніи, стало бытъ, соотвѣтствующее вполнѣ ея идеѣ, принесенія пользы всѣмъ. Если она согласна, то пусть подпишетъ деклараціи, необходимыя для истребованія капиталовъ изъ иностранныхъ банковъ.

«Имѣнія ваши, состоящія изъ 15,000 душъ крестьянъ, съ землями и угодьями, дома въ Москвѣ и Петербургѣ съ множествомъ драгоценной движимости, безъ всякаго сомнѣнія, удовлетворяютъ ваши стремленія къ самой широкой благотворительности; но если-бы доходъ съ этихъ имѣній не удовлетворялъ всѣхъ вашихъ желаній, писалъ Остерманъ, — то государыня, благодарная вамъ за пожертвованіе, съ удовольствіемъ возьметъ на себя обязанность пополнить то, чего вамъ будетъ недоставать».

Кромѣ всего этого, письмо заключало еще въ себѣ тонкій намекъ на то, что если княжна въ молодости, полная самоотверженія, рѣшилась кредитовать чуждую страну своими капиталами, то откажется ли она сдѣлать теперь тоже самое для страны родной, тѣмъ болѣе, что не имѣетъ въ виду прямыхъ себѣ наслѣдниковъ.

Прочитавъ это письмо, Настасья Андреевна горько улыбнулась.

«Она права, съ своей точки зрѣнія, подумала она.—Она мнѣ не вѣрять и зная, что капиталъ—сила, хочетъ лишить меня этой силы... А имѣнія? Но имѣнія, если она замѣтитъ съ моей стороны какіе замыслы, она всегда можетъ конфисковать, она и оставляетъ ихъ».

Сказавъ это самой себѣ, Настасья Андреевна ту же секунду подписала доставленныя деклараціи и отослала ихъ. Затѣмъ она послала нарочнаго за Чернягинымъ. Но старика Чернягина уже не было на свѣтѣ.

Его очень огорчило извѣстіе, что ему не удалось отстоять Зацѣпино для своей обожаемой княжны; оно должно было перейти къ князю Юрію Васильевичу, а самъ онъ долженъ былъ бросить устроенное имъ для себя гнѣздышко и ѣхать на новое мѣсто, жить съ новыми людьми. Въ то же время скончался и отецъ Ферапонтъ. Все это такъ потрясло старика, что онъ, прохворавъ недолго, скончался по-христіански, заранѣе приготовивъ себѣ мѣсто въ Зацѣпинской пустыни, въ ногахъ у своего благодѣтеля князя Андрея Дмитриевича, и завѣщавъ похоронить себя тамъ.

Съ этими грустными извѣстіями пріѣхалъ къ Настасьѣ Андреевнѣ старшій сынъ Анисима Антоновича Степанъ Анисимовичъ, человекъ лѣтъ сорока и уже семейный.

Настасья Андреевна поручила ему по всѣмъ своимъ имѣніямъ надѣлать крестьянъ землею и дать имъ вольныя.

— Я не хочу, говорила она,—чтобы въ случаѣ моей смерти миглѣйшій кузень занялся продажею изъ моихъ имѣній дѣвокъ на выводъ.

Свой петербургскій домъ, со всѣмъ, что въ немъ есть, она приказала передать своей кузинѣ Марьиной, которая передъ тѣмъ лишилась своего большого мужа; московскій же домъ, заводъ, обширныя земли и лѣса, и чудно устроенное Парашино она рѣшила предоставить монастырю, какъ вкладъ, съ тѣмъ, чтобы монастырь обезпечилъ ея содержаніе; свой же личный, привезенный изъ Америки и частію доставленный Чернягинымъ изъ экономическихъ суммъ капиталъ она рѣшилась оставить у себя для дѣлъ благотворенія. Разумѣется, при этомъ распредѣленіи не было забыто и семейство Чернягина.

Когда она получила извѣстіе, что всѣ эти распоряженія ея осуществлены, она заявила матери-игуменѣ монастыря, что готова принять постриженіе.

«Я надѣюсь, что теперь Екатерина мнѣ повѣритъ», думала Настасья Андреевна.

И точно, она повѣрила.

Князь Юрій Васильевичъ между тѣмъ, торжествующій и радостный, принималъ свое Зацѣпино.

Но не на пользу было ему полученное наслѣдство. Онъ сталъ вводить тамъ свою систему сдачи въ рекруты, отправку мальчиковъ въ Петербургъ по контрактамъ, продажу дѣвокъ на выводъ и другаго рода опыты управленія имѣніемъ лицъ, забывшихъ родовыя доблести въ потерѣ родоваго значенія, и въ концѣ концовъ былъ найденъ зарѣзаннымъ въ своемъ саду. Онъ былъ убитъ своими крестьянами, невыдержавшими тяжкаго гнета князя-булака. Имѣніе это, впоследствии, по смерти Марьиной, какъ выморочное, поступило въ казну.

Между тѣмъ состоялось и постриженіе княжны Владимірской Зацѣпиной, по замужеству мистрисъ Ли. Постриженіе происходило торжественно; на немъ присутствовала чуть ли не вся Москва. Не было только на постриженіи графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго, который нарочно на этотъ день уѣхалъ изъ Москвы и потомъ всегда объѣзжалъ Ивановскій монастырь, какъ-бы боясь даже его стѣнъ. Онъ думалъ, что въ этихъ стѣнахъ постриглась и живетъ, кляня его имя, несчастная Али-Эметъ; а онъ боялся даже вспомнить это имя, котораго, впрочемъ, онъ не зналъ, сохраняя воспоминаніе о ней подъ именемъ княжны Владимірской.

Постригаясь въ монашество, Настасья Андреевна приняла имя монахини Досифеи.

ЭПИЛОГЪ.

Прошло много лѣтъ. Въ Россіи царствовалъ государь Александръ Павловичъ.

Ему предстояло испытаніе; онъ готовился встрѣтить и отразить грозную тучу, которая собиралась противъ него на западѣ.

Желалось государю отклонить эту тучу отъ своего отечества; зналъ онъ, что эта гроза множество жизней погубитъ, много воды унесетъ. И вотъ, съ достоинствомъ, твердо, но

уступая въ чемъ можно, дѣлалъ онъ все, чтобы не возбудить ссоры, чтобы утолить всякую злобу и гордость.

Но скромность и сдержанность русскаго государя только раздражали баловня счастія и генія войны. Дошло до того уже, что не только вопросы государственные, но дѣла простаго этикета пошли въ разрѣвъ принятой вѣжливости, пошли въ уколъ самолюбію русскаго царя.

То передъ нимъ посланецъ европейскаго диктатора садится за обѣдъ въ шапкѣ, подъ предлогомъ, что по уставу французской арміи, при полной формѣ, шапка не снимается никогда; то назначаются посланниками такія лица, которыя, зная цѣлый міръ, не только русскому государю, но и никакому двору пріятными быть не могутъ, каковы Коленкуръ и Савари, руководившіе похищеніемъ герцога Энгіенскаго изъ маленькаго пограничнаго баденскаго городка Эттенгейма и привозомъ его во Францію на убійство; то посланному государемъ лицу задаютъ вопросъ, какая дорога ближе ведетъ къ Москвѣ?

— Кто какую изберетъ, ваше величество, отвѣчалъ посланный къ Наполеону императоромъ Александромъ его генералъ-адъютантъ Балашевъ. — Вотъ Карлъ XII выбралъ дорогу на Полтаву.

Но острый отвѣтъ не отстранялъ сущности вопроса. Государь понималъ, что этой дороги ищутъ, что о ней думаютъ. Онъ вѣжливо и съ почетомъ принялъ пословъ; хотя государыня вдовствующая императрица, его августѣйшая родительница, Марія Ѳеодоровна, говорятъ, ихъ видѣть не могла и нарочно на день парадной аудіенціи уѣхала въ Павловскъ, не смотря на зиму. Онъ промолчалъ и о шапкѣ, не сказавъ, что, дескать, въ чужой монастырь съ своими уставами не ходятъ; не отвѣчалъ и на всѣ выходы, которыми зазнавшаяся наглость видимо умышленно хотѣла его поразить; но онъ видѣлъ, что грозы не избѣжишь, поэтому готовился, ближе и ближе сходилъ съ народомъ, больше и больше входилъ въ его нужды, чаще и чаще бывалъ въ матушѣ-Москвѣ.

А давно ли, кажется, возвратился онъ изъ Эрфурта, ублаживаемый міражемъ дружбы и обѣщаніями, которымъ, казалось, и конца не было, и которые, казалось, направлены были къ тому, чтобы раздѣлить по дружбѣ цѣлый міръ. Давно ли русскаго государя осыпали самыми задушевными вѣжливостями, окружали самымъ искреннимъ вниманіемъ. Да, то было время, тогда нужно было, чтобы государь не помогъ австрійцамъ. А

теперь — другое; Австрія была уже смята, была унижена, теперь можно было и сбросить маску. На то политика!

Положеніе дѣлъ день ото дня становилось натянутѣе; гроза съ каждымъ днемъ надвигалась ближе и ближе. Государь пріѣхалъ въ Москву и заѣхалъ навѣстить московскаго преосвященнаго, престарѣлаго митрополита Платона. Нашелъ онъ его разряженнаго въ парадную рясу и въ орденахъ, совсѣмъ готово кѣ выѣзду.

— Куда это, св. отецъ, позволили собраться раннею порою? спросилъ государь.

— Въ Ивановскій монастырь, государь, мать Досифею поздравить и благословить и самому отъ нея благословеніе получить, отвѣчалъ престарѣлый митрополитъ. — Каждый году ѣзжу. Сегодня день ея рожденія.

— Кто такая мать Досифея?

— Святая женщина, государь! Была она, по повелѣнію всепресвѣтлѣйшей царицы-государыни, твоей, государь, преславной бабки, задержана въ монастырѣ подъ какимъ-то чужестраннымъ именемъ, по политическимъ видамъ, да тамъ и осталась; приняла святое постриженіе и теперь живетъ истинною скимницею и молитвенницею для благотворенія. Вся Москва ее очень уважаетъ и, говорятъ, она обладаетъ даромъ предвѣдѣнія и пророчества.

Государь простился съ митрополитомъ и поѣхалъ къ генераль-губернатору графу Ивану Васильевичу Гудовичу, но и того нашелъ готовымъ ѣхать.

— Ты куда? спросилъ государь.

— Въ Ивановскій монастырь, государь, монахиню Досифею поздравить. Сегодня день ея рожденія и сегодня вся Москва перебиваетъ у ней.

— Кто это Досифея?

— Разно говорятъ, государь. Въ своемъ архивѣ я не нашелъ о ней свѣдѣній, которыя могли бы сколько нибудь разъяснить ея прошедшее. Лѣтъ двадцать пять, если не больше, въ бытность генераль-губернаторомъ еще фельдмаршала графа Салтыкова, подъ именемъ мистрисъ Ли прислана была сюда особа и задержана въ монастырѣ по особому высочайшему повелѣнію. Тамъ она приняла постриженіе и живетъ однакожь на совершенно особомъ положеніи. Кто говоритъ, будто она дочь императрицы Елисаветы и дяди моей жены, графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, отъ тайнаго ихъ брака; а кто увѣряетъ, что она княжна Зацѣпина, стало быть, родная племян-

ница императрицы Анны Иоанновны. Но такъ или иначе, могу только сказать, что она, по своей благотворительности, добротѣ и святости своей монастырской жизни, заслуживаетъ всеобщую любовь и почитаніе.

И генераль-губернаторъ вышелъ съ государемъ вмѣстѣ и, проводивъ его, поѣхалъ въ Ивановскій монастырь.

Отъ генераль-губернатора государь заѣхалъ къ свѣтлѣйшей княгинѣ Лопухиной, но и тамъ его встрѣтили рѣчи о святой жизни монахини Досифея.

У молодой еще и красивой свѣтлѣйшей княгини Екатерины Николаевны сидѣла всѣмъ извѣстная почтенная старушка царевна карталинская. Онѣ разсуждали о томъ, что хоть сегодня онѣ матери Досифея и не увидать, но не ѣхать нельзя.

— Ничего нельзя, говорила царевна карталинская. — Весь годъ благословенія Божія ни на чемъ не будетъ! Никакой удачи не жди! Вотъ три года назадъ я какъ-то пропустила, и весь годъ билась: что не вздумаю, все поперегъ. Оно и точно, какъ въ такой день праведницы не почитать.

— Старица Марія сегодня приходила ко мнѣ изъ монастыря, сказала свѣтлѣйшая княгиня Екатерина Николаевна, — такъ говорила, что, не смотря на всю свою хворость и слабость, мать Досифея всю ночь напролетъ промолилась сегодня, готовясь къ причащенію. Вѣдь она всякій годъ въ этотъ день общается.

— А постится-то какъ она, Господи, особенно по постамъ. Чѣмъ еще живетъ? Говорятъ, представьте, всю страстную недѣлю, кромѣ воды, ничего въ ротъ не беретъ! прибавила она.

— Да! А когда ей скажутъ, зачѣмъ она такъ истощаетъ себя, она отвѣчаетъ: постъ мнѣ даетъ силу, а не истощеніе. Если-бы, говорить, я чувствовала, что истощаюсь, я не стала бы поститься.

— Святая женщина!

— А какія благотворенія она дѣлаетъ.

Государь вошелъ при послѣднихъ словахъ. Онъ и не спросилъ, о комъ идетъ рѣчь. Онъ зналъ уже, что говорятъ непременно о матушкѣ Досифеѣ.

— Вотъ, ваше величество, и вамъ бы къ ней сѣздить. Господь Богъ, по святой жизни ея, осѣнилъ ее даромъ пророчества. Она бы сказала: смирится ли врагъ имени Христова — турокъ, или придется вамъ вновь усмирять его христіанскимъ воинствомъ! проговорила царевна карталинская.

Государь думалъ въ это время вовсе не о туркахъ. Онъ

думалъ о томъ, что по крайней нуждѣ въ нѣкоторыхъ предметахъ, онъ разрѣшилъ привозъ ихъ и тѣмъ нарушилъ договоръ о принятіи имъ континентальной системы, а это должно вести къ весьма щекотливой перепискѣ.

— Что касается ея дара пророчества, я болѣе чѣмъ кто-нибудь, могу его засвидѣтельствовать. Я испытала его на себѣ! свазала княгиня Лопухина.— Приѣхала я съ матушкой изъ деревни въ Москву лѣтъ пятнадцати. Поѣхали въ соборы св. мопамъ поклониться. И что жъ? Въ Благовѣщенскомъ соборѣ свадьба. Женился мой Петръ Васильевичъ на Левшиной. И такъ это онъ мнѣ понравился. «Вотъ, думаю, счастливица. За такого жениха, думаю, какъ замужъ не идти?» Они уѣхали, а я все думала: «пошлетъ ли мнѣ Богъ такого». Казалось, лучшаго и въ мірѣ нѣтъ. Въ Москвѣ, матушка, какъ женщина небогатая, жила скромно. Мы почти никуда не выѣзжали. Я уже думала, что въ дѣвкахъ останусь. Признаюсь, скучала немножко. Только разъ матушка повезла меня въ Ивановскій монастырь. Мы вошли въ церковь, а тамъ монахиня, съ такимъ сповойнымъ, хоть и строгимъ взглядомъ. «Не скучай, говоритъ, выйдешь за того, о комъ думаешь!» А я не думала ни о комъ, кромѣ Петра Васильевича, да въ томъ, не то матушкѣ, себѣ признаться боялась. Я знала, что онъ женатъ... Что же, не прошло послѣ того года, онъ овдовѣлъ и сталъ меня сватать. А видѣлъ то меня всего одинъ разъ у Хитровыхъ! И могла ли я думать? Лопухинъ, свѣтлѣйшій князь, а я была бѣдная, рязанская дворянка.

— А благодѣтельница-то она какая, подхватила царевна ерталинская. Никого не знаетъ, никого не видитъ, ни о комъ не слышать, а если гдѣ человекъ въ нуждѣ, въ крайности, не знаетъ что дѣлать, тутъ вдругъ является къ нему или купецъ Шепелевъ, или старообрядческій попъ Вавило и съ ними полная помощь; а все отъ нея, хоть они и не говорятъ, все на великомученицу Параскеву, да на апостола Андрея Первозваннаго ссылаются. Родителей-то ее, видите, звали Андрей, да Парасковія. У меня въ домѣ жилъ чиновникъ, въ городской ратушѣ кажется служилъ, жалованья получалъ не то 10 р., не то 15 р. въ годъ; ну а семья. Вотъ ему пришлось отправлять куда-то городскія деньги, что-то не то 200, не то 300 р. Онъ запечаталъ, да заговорился, а у него паветъ-отъ и стаянули. Малый въ отчаяніе припелъ, но даже женѣ не сказалъ. Думаетъ, недѣли двѣ не хватятся, авось оборочусь. Между тѣмъ ночей не спалъ, все думалъ и молился. Вдругъ попъ Вавило:—Великомученица,

дескать, Параскева, услышала молитвы твои и посылает помощь! Сказаль — и подаль пакетъ. И что же: въ пакетѣ лежитъ полная сумма, которую у него украли, и точно такими же бумажками, какія были. Ну подумайте, откуда Вавило могъ узнать? Чиновника-то это совсѣмъ отуманило. Вотъ какъ Вавило-то простился, благословилъ его и вышелъ, онъ незамѣтно за нимъ. И пришелъ прямо въ Ивановскій монастырь, къ кельямъ монахини Досифеи. Тутъ и узнали, откуда всѣ послыши приходятъ.

Разказы эти возбудили любопытство государя. Онъ рѣшился навѣстить инкогнито знаменитую монахиню. Онъ приказалъ Новосильцеву надѣть на себя всѣ знаки отличія, звѣзды, ленту, портретъ покойнаго государя, а самъ, снявъ эполеты и знаки отличія, съ однимъ аксельбантомъ черезъ плечо, какъ бы въ качествѣ адъютанта Новосильцева, отправился съ нимъ въ Ивановскій монастырь.

Игуменья монастыря, изъ рода бояръ Морозовыхъ, не обратила ни малѣйшаго вниманія на государя. Принявъ высочайшее повелѣнiе объ устройствѣ непремѣннаго свиданія генералъ-адъютанту Новосильцеву съ монахиней Досифеей, она отдала въ этомъ смелѣ приказаніе, не замѣчая скромнаго офицера, который слѣдовалъ за Новосильцевымъ. Они вошли, за провожавшей ихъ монахиней, въ обширную и высокую келью со сводами, обставленную весьма изящно, но въ глубокомъ-религіозномъ вкусѣ; тамъ увидѣли они стоящую за аналоемъ, къ нимъ спиною, высокаго роста стройную старицу, которая, не обращаясь къ нимъ, проговорила:

— Благословенъ грядый во имя Господне! Затѣмъ она оборотилась и сказала: — привѣтствую тебя, царь милости и радости, привѣтствую спаситель отечества!

Она оборотилась и, обходя сіяющаго бриліантами Новосильцева, подошла прямо къ государю.

— Да будетъ день сей, сказала она: — днемъ веселія и радости. Я, какъ Симеонъ, вижу спасеніе моего отечества.

Передъ государемъ стояла стройная, высокая, съ благороднымъ и величественнымъ выраженіемъ лица, но почти слѣпая старуха-монахиня, лѣтъ подъ семьдесятъ.

Государь изумился. Но онъ изумился еще болѣе, когда услышалъ:

— Государь, благо твоихъ подданныхъ есть мѣрило твоей власти. Чтѣ тутъ уговоры и обязательства, когда ты можешь спасти единаго отъ многихъ сихъ!

И она увела его отъ Новосильцева въ свою моленную.

Оттуда государь вышелъ умиленнымъ и растроганнымъ. Онъ пробылъ съ нею болѣе получаса.

— Скажи, святая мать, ты не проклинаешь мою бабу? спросилъ онъ.

— Я молюсь за нее и благодарю ее! отвѣчала Досифея. — Она дала миръ душѣ моей! Она была права, заключая меня насильственно, ибо лучше было пожертвовать мною, чѣмъ спокойствіемъ государства. Она спасла меня отъ всего, что могло послѣдовать, если-бы я поддавалась вліяніямъ чуждымъ...

И затѣмъ она стала говорить о величіи царской власти и обязанностяхъ, налагаемыхъ самимъ Богомъ на своихъ помазанниковъ.

Государь уѣхалъ отъ нея съ надеждою на Бога, на свое будущее, на будущее Россіи.

Не прошло послѣ того мѣсяца, какъ колоколь Ивановскаго монастыря оповѣстилъ кончину схимницы Досифея, хотя она была совершенно здорова. Не смотря на то, что она, только за мѣсяць передъ тѣмъ приобщилась Святыхъ Тайнъ, она захотѣла приобщиться вновь въ наступившую первую недѣлю поста.

Слушая послѣ причастныя молитвы на колѣняхъ, она ослабѣла до такой степени, что ее должны были поднять и снести на постель. Она жила послѣ того только два часа, успѣвъ проститься и благословить всѣхъ.

Ея кончина вызвала общій стонъ у десяти-тысячной толпы, стоявшей передъ монастыремъ и собравшейся при первыхъ слухахъ о болѣзни обожаемой ими монахини Досифея.

Черезъ три дня, къ похоронамъ скромной монахини собралась вся Москва.

Пресвященный Платонъ лежалъ самъ на смертномъ одрѣ, но, вмѣсто себя, прислалъ къ отпѣванію своего викарнаго, дмитровскаго архіепископа Августина, который, отъ имени митрополита, долженъ былъ благословить тѣло усопшей присланнымъ имъ образомъ св. великомученицы Анастасіи. Онъ долженъ былъ и отпѣть ее, въ сослуженіи съ четырьмя архимандритами и шестью протоіереями. Изъ всѣхъ монастырей были присланы иноки и инокини отдать послѣдній долгъ умершей. На погребеніе явился генераль-губернаторъ Москвы, побѣдитель при Арпачаѣ, фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, въ полной формѣ, въ андреевской лентѣ, съ двумя звѣздами на груди; за нимъ явились всѣ сенаторы московскихъ департаментовъ сената, съ своимъ первоприсутствующимъ, княземъ Петромъ Никитичемъ Трубецкимъ; всѣ почетные опекуны москов-

скаго опекунскаго совѣта, съ своимъ предсѣдательствующимъ, Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ, бывшимъ потомъ генераль-губернаторомъ Москвы. Гражданскій губернаторъ, комендантъ и всѣ высшіе чиновники, вмѣстѣ съ выборными отъ сословій и различныхъ учреждений, бывшихъ многократно предметомъ заботливости усопшей, были на-лицо. Всѣ были въ полной формѣ, со всѣми знаками отличія, и въ глубокомъ траурѣ. Они хотѣли выразить свое почтеніе имени, сіявшему добродѣтелю.

Къ этимъ почетнымъ представителямъ московскаго населенія, размѣстившимся около гроба и въ церкви Ивановскаго монастыря, гдѣ происходило отпѣваніе, присоединилась вся Москва, запрудившая улицы и площади, прилегающія къ Ивановскому монастырю. На лицахъ многихъ были слезы. Они потеряли въ ней свою постоянную и неизмѣнную благодѣтельница. Печальны были всѣ, потому что она была для нихъ утѣшеніе, опора и помощь въ минуты тяжелой нужды, горя и несчастія. Ея жизнь въ монастырѣ, особенно послѣдніе годы, была именно всеобщая любовь. Не было почти въ Москвѣ бѣдной семьи, которой бы она чѣмъ нибудь не помогла, чѣмъ нибудь не благодѣтельствовала, и не было семьи, которая бы не вспоминала съ благоговѣніемъ имени монахини Досифеи.

Послѣ отпѣванія, когда государственные сановники вынесли изъ церкви гробъ, въ толпѣ раздался вопль; это былъ вопль бѣдныхъ. Онъ заключился глухими рыданіями. Гробъ не дали поставить на дроги; его отъ сановниковъ принялъ народъ, московскій народъ. Онъ понесъ на себѣ прахъ послѣдней княжны Зацѣпиной, проливая слезы и поминая съ молитвою имя, нѣкогда славное имя въ его исторіи.

Похоронили Настасью Андреевну въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ усыпальницѣ бояръ Романовыхъ, какъ послѣднюю, оставшуюся еще въ боярахъ, представительницу знаменитаго боярскаго рода, ставшаго надеждою будущаго Россіи въ лицѣ ея будущихъ императоровъ.

Сѣрая плита закрыла могилу княжны Настасьи Андреевны, и на этой плитѣ и понынѣ можно прочесть только ея монашеское имя, день ея кончины—4 февраля 1810 года—и слова:

«Боже, всели ее въ вѣчныхъ твоихъ обителяхъ!»

А. Шардинъ.

КОНЕЦЪ.

НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

СОЧИНЕНІЕ ИПОЛИТА ТЭНА.

РЕВОЛЮЦІЯ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Принятіе конституціи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Если народный гнѣвъ приводилъ къ убійствамъ, то не потому, чтобы сопротивленіе было велико и ожесточенно. Напротивъ, никогда аристократія не выносила своего низложенія съ такимъ терпѣніемъ, и никогда въ меньшей мѣрѣ не прибѣгала она къ силѣ, для защиты своихъ привилегій, даже своей собственности. Но чтобы еще точнѣе выразиться, нужно сказать, что она получала удары, не отвѣчая тѣмъ же, и если она бралась за оружіе, то почти всегда вмѣстѣ съ буржуазіей и національной гвардіей, по приглашенію старшинъ, чтобы, сообразуясь съ закономъ, охранять какъ самую личность каждаго, такъ и его имущество. Дворяне хлопотали лишь о томъ, чтобы не быть убитыми или ограбленными, и въ продолженіи трехъ лѣтъ они не поднимали никакого политическаго знамени. Въ

городахъ, гдѣ они пользовались вліяніемъ и которые считались бунтующими, какъ, напримѣръ, Мендъ (Mende) и Арль, вся ихъ оппозиція ограничивалась лишь подавленіемъ мятежа, сдерживаніемъ дикихъ порывовъ черни и водвореніемъ уваженія къ закону. Они старались сплотиться тѣснѣ между собою не противъ новаго порядка, а противъ грубаго, принявшаго скотскій характеръ, безпорядка.

«Въ Мендѣ, такъ сообщаетъ тамошній муниципалитетъ, — мы можемъ съ честію сказать, что прежде, чѣмъ кто либо, уплатили контрибуціи 1790 года. Мы замѣнили нашего прежняго епископа другимъ; мы водворили его преемника безъ всякихъ смуть и безъ помощи посторонней силы. Мы распустили всѣхъ членовъ кафедральнаго собора, съ которыми мы были связаны узами кровнаго родства и дружбы; мы удалили ихъ всѣхъ, начиная отъ епископа и кончая послѣднимъ клироснымъ пѣвчимъ. У насъ было только три обители нищенствующихъ монаховъ, и онѣ всѣ три были нами упразднены. Мы продали всѣ національныя имущества безъ исключенія.» Говоря по справедливости, все это вышло такъ потому, что начальникомъ тамошней жандармской команды былъ отставной лейбъ-гвардеецъ, а командирами тамошней національной гвардіи были дворяне или кавалеры ордена св. Людовика. Если они и противились яacobинцамъ, то не имѣли ни малѣйшаго намѣренія бунтовать противъ собранія. Въ Арлѣ, который уеротилъ свою чернь, который вооружился, не впуская къ себѣ никакихъ пришлецовъ и считался гнѣздомъ роялистскаго заговора, комиссары, присланные отъ имени короля и національнаго собранія, все люди разсудительные и съ вѣсомъ, не нашли, послѣ внимательнаго наблюденія втеченіи цѣлаго мѣсяца, ничего, кромѣ покорнаго повиновенія декретамъ и усердія къ общественному дѣлу. Комиссары дали, съ своей стороны, слѣдующій отзывъ: — Вотъ какого сорта тѣ люди, которыхъ оклеветали, потому что, будучи искренними приверженцами конституціи, они съ ненавистью относятся къ фанатизму, демагогамъ и анархіи. Еслибы граждане этого города не очнулись въ минуту опасности, то они были бы тоже перерѣзаны, какъ ихъ авиньонскіе сосѣди. Вотъ это самое возмущеніе противъ преступныхъ дѣйствій и побудило негодаевъ очернить ихъ.» Если они заперли свои ворота всякимъ пришлецамъ, то именно потому, «что марсельскіе національные гвардейцы, тѣ самые, которые такъ дурно вели себя въ графствѣ (Comtat), появились въ стѣнахъ города, подъ предлогомъ поддержать свободу и предупредить контръ-революцію, но въ сущности для

того, чтобы производить въ городѣ грабежи». Во время недавно происходившихъ выборовъ, которые велись въ высшей степени благоразумно и спокойно, не слышно было никакихъ другихъ криковъ, кромѣ возгласовъ: «да здравствуютъ нація, законъ и король!» «Много было говорено о гражданахъ этого города, какъ о людяхъ всею душою преданныхъ конституціи»... «Въ этихъ мнимыхъ контръ-революціонерахъ мы замѣтили болѣе чѣмъ въ комъ-нибудь повиновеніе законамъ и самую полнѣйшую готовность исправно платить всѣ общественные налоги. Всѣ тѣ, которые подлежатъ патентному сбору, цѣлыми толпами являются въ городскую ратушу. Какъ только касса казначейства была открыта для полученія этихъ сборовъ, то въ нее тотчасъ же стали приходить всѣ честные люди для взноса слѣдующихъ съ нихъ денегъ; напротивъ, всѣ мнимые истинные патріоты, республиканцы или анархисты, не отличались своимъ рвеніемъ въ этомъ случаѣ, такъ что весьма немногіе изъ нихъ изъяснили готовность подчиняться закону. Прочіе же даже съ удивленіемъ смотрятъ, когда у нихъ спрашиваютъ деньги, такъ какъ ихъ обнадежили совсѣмъ иными обѣщаніями».

Однимъ словомъ, въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ, подъ цѣлымъ градомъ непрерывно сыплющихся угрозъ, расхищеній и оскорбленій, дворяне, оставшіеся во Франціи, не являли и не предпринимали ничего враждебнаго противъ преслѣдовавшаго ихъ правительства. Ни одинъ изъ нихъ, даже извѣстный де-Булье, не пытался привести въ исполненіе планъ междоусобной войны; въ этотъ періодъ и въ ихъ рядахъ нашелся только одинъ рѣшительный человекъ, готовый дѣйствовать, и который, противъ воинственной партіи, старался, съ своей стороны, также сформировать воинственную партію; этотъ человекъ былъ первый политикъ и заговорщикъ; онъ вошелъ въ сношенія съ графомъ д'Артуа; онъ хлопоталъ о подписи петицій по поводу предоставленія полной свободы королю и церкви; онъ формировалъ вооруженные отряды; онъ посредствомъ разныхъ хитростей вербовалъ себѣ приверженцевъ въ средѣ крестьянъ; онъ готовилъ вандейскую войну въ Лангедокъ и въ Провансъ; и человекъ этотъ, Фроманъ изъ Нима, былъ простой буржуа. Но въ самый моментъ дѣйствія, изъ восемнадцати отрядовъ, которыхъ онъ считалъ преданными его дѣлу, за нимъ послѣдовало только три; всѣ прочіе оставались дома до тѣхъ поръ, когда, послѣ пораженія, испытаннаго Фроманомъ, къ нимъ пришли побѣдители и перерѣзали большую ихъ часть; уцѣлѣвшіе отъ этой рѣзни убѣжали въ Жалесь, гдѣ они обрѣли

себѣ не надежное мѣстопробываніе, а только временное убѣжище, и гдѣ они все-таки не сумѣли довести своихъ слабыхъ желаній до степени настойчивой воли. Они, дворяне, такъ же, какъ и остальные французы, вынесли на себѣ продолжительный гнетъ монархической централизаціи. Они уже не составляли болѣе отдѣльнаго цѣлаго; они потеряли даже всякій инстинктъ асоціаціи. Они не умѣли болѣе дѣйствовать сами по себѣ; они были людьми, которыми управляли другіе; они ждали побужденія къ дѣлу отъ центра, а оттуда, т. е. изъ центра, король, ихъ наследственный начальникъ, находившійся теперь въ распоряженіи народа, слалъ имъ приказъ покориться, ничего не предпринимать. Сверхъ того, они, какъ и прочіе французы, были воспитаны на философіи восемнадцатаго вѣка. «Свобода сама по себѣ есть вещь настолько дорогая, выражался въ своемъ письмѣ герцогъ де-Брисакъ,—что она стоитъ, чтобы для приобрѣтенія ея были сдѣланы даже нѣкоторыя тяжелыя пожертвованія; уничтоженіе феодальныхъ правъ не помѣшаетъ намъ быть уважаемыми и любимыми, въ чемъ собственно и заключается прочное добро.» И они долго, настойчиво убаюкивали себя подобною мечтою, по прежнему оставаясь оптимистами. Они не понимали того, что если они сами доброжелательно относились къ народу, то народъ могъ недоброжелательно отнестись къ нимъ; они все хотѣли увѣрить себя, что всѣ эти смуты вещь скоро проходящая. Тотчасъ послѣ провозглашенія конституціи, они цѣлыми массами стали возвращаться изъ Испаніи, изъ Бельгіи, изъ Германіи, такъ что въ продолженіи нѣсколькихъ дней, на почтовой станціи въ Труа даже не доставало лошадей для экипажей возвращавшихся во Францію эмигрантовъ. Такимъ образомъ, они признали не только принципъ уничтоженія феодальныхъ правъ и гражданскаго равенства, но признали также политическое равенство и господство массы. Весьма вѣроятно, что нѣкоторые проявленія услужливости и нѣкоторые, чисто внѣшніе знаки оказываемаго имъ почтенія расположили ихъ сердца къ демократическимъ учрежденіямъ. Они даже готовы были смѣшаться съ толпою, стать въ общій уровень со всѣми, жить какъ простые, частные люди. Если съ ними будутъ поступать какъ съ буржуа или крестьянами, которые теперь сдѣлались ихъ сосѣдями, но если при этомъ ихъ собственность останется неприкосновенною и имъ самимъ будутъ оказывать почтеніе, то они могутъ помириться съ новымъ способомъ правленія, безъ особеннаго чувства недовольства. Если родовитые эмигранты, приверженцы прежняго двора, ин-

триговали въ Кобленцѣ, или въ Туринѣ, то это было весьма естественно, потому что они все потеряли: власть, мѣста, пенсіи, синекуры, удовольствія и прочее. Но для мелкаго и средняго провинціального дворянства, состоявшаго изъ кавалеровъ ордена св. Людовика, изъ людей необладавшихъ большимъ чиномъ, изъ помѣщиковъ, постоянно жившихъ въ деревнѣ, — потеря была небольшая. Конечно, законъ уничтожилъ половину изъ ихъ помѣщичьихъ правъ; но, въ силу того же закона, принадлежащія имъ земли, въ свою очередь, были освобождены отъ десятиннаго налога. Если, при народныхъ выборахъ, они не займутъ никакихъ мѣстъ, то вѣдь они не занимали ихъ и прежде, при самовластіи министровъ. Не все-ли имъ равно, въ чьи руки ни перешла власть, въ руки министровъ, или народа? Они не были избалованы ея благосклонностью и потому они могутъ продолжать вести свой обычный образъ жизни, могутъ охотиться, гулять, читать, ѣздить въ гости, заниматься разговорами, лишь бы они могли найти, какъ всякій встрѣчный, какъ нанимающійся у нихъ самихъ на фермѣ работникъ, покровительство, защиту, безопасность и обеспеченное существованіе въ общественныхъ мѣстахъ и въ ихъ собственныхъ домахъ.

II.

Но, къ несчастію, народный гнѣвъ представляетъ собою слѣпую силу, которая, именно вслѣдствіе своей слѣпоты, легко поддается въ своихъ дѣйствіяхъ вліянію кажущихся призраковъ. Воображеніе массъ работаетъ, и работаетъ соответственно настроенію порождающаго его, разгоряченнаго мозга. А что, если опять будетъ поворотъ къ прежнему образу правленія? Что, если намъ придется опять возвратитъ церковныя имущества? Что, если насъ заставятъ снова платить соляной налогъ, подушную, поземельную подать и оброкъ, которыхъ, по милости закона, мы теперь уже болѣе не платимъ? Что, если надо будетъ платить разныя другія повинности и поборы, которыхъ мы тоже не платимъ, даже вопреки существующему закону? Что, если всѣ тѣ дворяне, замки которыхъ мы сожгли и которыхъ мы заставили, съ ножомъ къ горлу, дать намъ росписку въ томъ, что они не будутъ требовать съ насъ своей ренты, вдругъ найдутъ средство отомстить намъ и возвратитъ себѣ свои прежнія права? Они, конечно, уже думаютъ объ этомъ; навѣрное они условливаются между собою, составляютъ заговоръ вмѣстѣ съ иностран-

цами; при первой возможности, они двинутся против насъ; необходимо наблюдать за ними, укротить ихъ, а если понадобится, то и перерѣзать ихъ всѣхъ! Съ самыхъ первыхъ дней, такое инстинктивное разсужденіе взяло верхъ надъ всѣми остальными, и, по мѣрѣ того, какъ увеличивалось своеволие, оно постепенно все болѣе и болѣе укоренилось въ умѣ народа. Помѣщикъ являлся въ его глазахъ всегда кредиторомъ, прошедшимъ ли, настоящимъ, или будущимъ, но во всякомъ случаѣ возможнымъ кредиторомъ, т. е. самымъ злѣйшимъ и самымъ ненавистнымъ врагомъ. Всѣ его дѣйствія казались подозрительными; подозрительна была даже его праздность; чтобы онъ ни дѣлалъ, все это, конечно, съ цѣлью вооруженія. Въ одной миле отъ Романса, въ провинціи Дофина, де-Жилье, поселившійся тамъ съ своею женою и сестрою, находилъ удовольствіе въ сажаніи деревьевъ и цвѣтовъ; шагахъ въ пятнадцать отъ его дома, на другой дачѣ, де-Моншорель, одинъ отставной военный, и Осмондъ прежній парижскій адвокатъ, оба, съ своими женами и дѣтьми, проводили свое время почти въ такихъ же занятіяхъ. Де Жилье, выписавшій себѣ деревянныя трубы для проведенія воды, былъ заподозрѣнъ въ томъ, что къ нему привезли пушки. Гость его, де-Серванъ, привезъ съ собою англійскій дорожный чемоданъ, и вотъ пошла молва, что чемоданъ этотъ весь наполненъ пистолетами. Осмондъ и Серванъ, прогуливавшіеся въ полѣ, съ рисовальною бумагою и карандашами въ рукахъ, вызвали въ народѣ предположеніе, что они снимаютъ планъ мѣстности для испанцевъ и савояровъ. Оба эти семейства послали свои четыре экипажа въ Романсъ за приглашенными гостями, и вотъ народная молва всюду разнесла вѣсть, что вмѣсто четырехъ экипажей было девятнадцать, и что въ нихъ пріѣхало множество аристократовъ, которыхъ всѣхъ скрыли въ подземельѣ. Возвратившійся изъ алжирской арміи де-Сеневиль, поѣхалъ дѣлать визиты въ своей красной лентѣ черезъ плечо; въ устахъ народа эта красная лента превратилась въ голубую, а носитель ея въ самого графа д'Артуа. Очевидно, что тутъ готовился заговоръ, и потому восемнадцать общинъ, въ количествѣ двухъ тысячъ вооруженныхъ человѣкъ, въ пять часовъ утра собрались передъ окнами обоихъ домовъ; въ продолженіи восьми часовъ раздавались крики и угрозы убить всѣхъ; при выстрѣлѣ, сдѣланномъ по этимъ подозрѣваемымъ личностямъ на разстояніи четырехъ шаговъ, ружье осыбло совершенно случайно; тогда прицѣпившійся въ нихъ крестьянинъ обратился къ своему сосѣду съ слѣдующею просьбою: «Дай мнѣ монету въ двадцать четыре су и тогда я уже навѣрное всажу

обѣ мои пули въ котораго нибудь изъ нихъ!» Тѣмъ временемъ, де-Жилье, уѣзжавшій куда-то на крестины, воротился съ королевскими стрѣлками изъ Дофинэ и съ отрядомъ національной гвардіи изъ Романса, и при помощи ихъ, избавилъ свое семейство отъ угрожавшей ему опасности.

Только въ городахъ, да и то не во всѣхъ и притомъ на самое короткое время, никого необидѣвшіе и преслѣдуемые дворяне могли найти себѣ убѣжище или помощь. Призраки, создаваемые фантазіей городскаго жителя, были менѣе грубы; относительно большая степень образованія и сохранившійся остатокъ здраваго смысла не давали вымысламъ разрастаться до слишкомъ нелѣпныхъ размѣровъ. Но въ отуманенныхъ невѣжествомъ мозгахъ деревенскихъ жителей ничто не останавливало мании подозрительности. Изобрѣтательность фантазій выростала тамъ на просторѣ, какъ сорныя травы въ какой нибудь темной труппѣ; она укоренялась на этой почвѣ и, находя въ ней себѣ обильную пищу, превращалась въ увѣренность, въ убѣжденіе, въ дѣйствительность; тамъ-то именно она и приносила свои плоды: враждебное настроеніе, ненависть, мысли объ убійствахъ и поджогахъ. Чѣмъ долѣе деревенскій житель смотрѣлъ на помѣщичій замокъ, тѣмъ болѣе онъ представлялся его воображенію чѣмъ-то въ родѣ вооруженной Бастиліи, которую нужно взять приступомъ, и вмѣсто того, чтобы поклониться помѣщику, при встрѣчѣ съ нимъ, онъ думалъ въ эту минуту, какъ бы найти удобный случай застрѣлить его.

Мы приведемъ здѣсь въ подробности нѣкоторыя мѣстныя исторіи этого рода. Въ іюлѣ 1789 года, во время открытаго вооруженнаго крестьянскаго мятежа въ Маконэ, вильдскій приходъ обратился за помощью къ своему помѣщику, де-Бюсси, оставшему драгунскому полковнику; послѣдній согласился, сдѣлалъ общій обѣдъ для всѣхъ крестьянъ деревни и попытался сформировать изъ нихъ охрану обывателей противъ поджигателей и разбойниковъ; съ людьми, охотно подчинившимися такого рода распоряженію, «онъ самъ каждый вечеръ ходилъ дозоромъ, чтобы успокоить свой приходъ». Между тѣмъ пронесся слухъ, что «бросають отраву въ колодцы»; онъ тотчасъ же приставилъ караулъ ко всѣмъ колодцамъ, выключая своего собственнаго, «желая доказать этимъ, что онъ болѣе заботится о безопасности прихода, чѣмъ о себѣ». Однимъ словомъ, онъ дѣлалъ все, чтобы расположить къ себѣ крестьянъ и чтобы употребить ихъ самихъ на общественную охрану. Но, въ качествѣ помѣщика и притомъ военнаго человѣка, на него смотрѣли подозрительно,

такъ какъ вся община поддалась вліянію своего старшины, Пэррона, который заправлялъ у нихъ всѣмъ. Пэрронъ объявилъ имъ, что такъ какъ «король не сдержалъ своего клятвеннаго обѣщанія», то ему ни въ чемъ нельзя болѣе вѣрить, слѣдовательно, ни его офицерамъ, ни его дворянамъ. Де-Бюсси, приглашавшій національную гвардію идти тушить пожаръ въ замокъ дю-Тиль, который былъ весь охваченъ пламенемъ, встрѣтилъ сопротивленіе со стороны Пэррона, остановившаго народъ слѣдующими словами: «вѣдь это дворянство и духовенство дѣлаютъ всѣ эти поджоги!» Де-Бюсси настаивалъ, умолялъ, предлагалъ имъ отказаться отъ всѣхъ своихъ помѣщичьихъ правъ, если только крестьяне пойдутъ теперь за нимъ тушить пожаръ; но ему отвѣчали отказомъ. Онъ, съ своей стороны, продолжалъ настойчиво заявлять свое требованіе и узнавъ, что замокъ Жюльенисъ также находится въ опасности, почти насильно заставилъ идти за собою полтора ста человѣкъ изъ своего прихода и пришелъ спасать замокъ въ ту самую минуту, когда толпа народа собиралась поджечь его. Но этотъ взрывъ народныхъ страстей, для укрощенія котораго онъ явился въ Жюльенисъ, сообщился также его собственному отряду; разбойничья шайка успѣла соблазнить легкостью наживы его людей, «что заставило его увести ихъ оттуда; но во время обратнаго пути ему дѣлали такія заявленія, въ которыхъ явно выражалось поползновеніе избавиться отъ его начальства». По возвращеніи домой, ему угрожали даже и тамъ; образовалась цѣлая толпа, намѣревавшаяся разгромить его замокъ; но когда она увидала его слишкомъ хорошо защищеннымъ, то стала требовать, чтобы ее отпустили разнести до крайней мѣры Курсельскій замокъ. Посреди всѣхъ этихъ проявленій своеволия, де-Бюсси, съ помощью пятнадцати человѣкъ друзей и преданныхъ слугъ, удалось охранить себя отъ явныхъ нападеній и посредствомъ терпѣнія, энергии, хладнокровія, не убивъ и не ранивъ ни одного человѣка, добиться водворенія спокойствія и безопасности во всей окрестной мѣстности. Крестьянскій открытый бунтъ затихъ, и казалось, что вновь учрежденный порядокъ, наконецъ, укрѣпился. Де-Бюсси даже рѣшился вызвать къ себѣ свою жену. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Но искоренить ядъ, однажды закравшійся въ народное воображеніе, уже невозможно; что бы ни дѣлалъ, какъ бы ни поступалъ дворянинъ, во мнѣніи народа ему болѣе нѣтъ мѣста на землѣ. Въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда, 29 апрѣля 1790 года, де-Буа д'Эзи, депутатъ національнаго собранія, воротился въ свой приходъ, чтобы принять

тамъ участіе въ новыхъ выборахъ. Но едва успѣлъ онъ пріѣхать, какъ община Буа д'Эзи велѣла передать ему черезъ своего мэра, «что она не желаетъ избирать его на какую бы то ни было должность». Тѣмъ не менѣе онъ явился въ избирательное собраніе, которое происходило въ церкви; тамъ, муниципальный офицеръ, забравшійся на кафедрѣ, всячески понесилъ и ругалъ дворянъ и духовенство, и закончилъ тѣмъ, что они не должны быть допускаемы къ участію въ выборахъ. Тогда глаза всѣхъ обратились на де-Буа д'Эзи, какъ на единственнаго, присутствовавшего тамъ дворянина; тѣмъ не менѣе онъ принялъ гражданскую присягу, хотя за такое мужество онъ рисковалъ дорогою поплатиться; вокругъ него уже раздавался громкій ропотъ и многіе крестьяне выражались такъ: «чтобы не допустить его до участія въ выборахъ, просто нужно было бы повѣсить его, какъ это сдѣлали съ помѣщикомъ въ Сентъ-Коломбъ».

Дѣйствительно, наканунѣ этого дня, этотъ самый помѣщикъ, де-Витто, семидесяти-четырёхлѣтній старикъ, былъ выгнанъ изъ первоначальнаго собранія, потомъ вытасченъ изъ дома, гдѣ онъ хотѣлъ спрятаться, и жестоко избитъ палками; послѣ чего, толпа поволокла его по улицамъ на площадь; ему напихали полонъ ротъ навоза и тыкали палкою въ уши; «наконецъ, онъ умеръ отъ всѣхъ этихъ истязаній, продолжавшихся болѣе трехъ часовъ». Въ тотъ же самый день, въ Семюрѣ, сельскіе приходы, собравшіеся въ церкви Капуциновъ, точно такими же способами исключили изъ своей среды нѣсколькихъ священниковъ и дворянъ; двое изъ нихъ, де-Дама и де-Сень-Моръ, были до смерти забиты палками и каменьями; сельскій священникъ умеръ отъ шести ранъ, нанесенныхъ ему ножомъ, а де-Виріе кое-какъ спасся. Послѣ такихъ примѣровъ, по всей вѣроятности, у большинства дворянъ должна была пропасть охота воспользоваться своимъ правомъ подачи голоса. Но де-Бюсси даже не принялъ и этого обстоятельства въ соображеніе; онъ просто хотѣлъ доказать свою преданность націи, и что онъ ничего не замышляетъ противъ національной гвардіи или противъ народа. Съ самаго начала, онъ предложилъ маконскимъ волонтерамъ присоединиться къ нимъ съ своимъ маленькимъ отрядомъ; но ему отвѣтили на это отказомъ; слѣдовательно, съ этой стороны, виноватымъ оказывался не онъ. 14 іюля 1790 года, въ день федераціи, праздновавшейся въ его имѣніи, онъ послалъ въ Вилье всѣхъ своихъ людей, съ трехцѣтными кокардами на шляпахъ. Онъ самъ, съ тремя пріятелями, явился также на эту торжественную церемонію, чтобы принять присягу;

всѣ четверо были въ мундирахъ, съ кокардою на шляпѣ, и безъ всякаго оружія, кромѣ шпаги и маленькой тросточки въ рукѣ. Они раскланялись со всѣми національными гвардейцами, собравшимися изъ трехъ сосѣднихъ приходоу, и отошли къ сторонѣ, чтобы не дать повода къ какимъ бы то ни было подозрѣніямъ. Поступая такимъ образомъ, они не приняли въ расчетъ предубѣжденій и враждебнаго настроенія новыхъ муниципалитетовъ. Пэрронъ, прежній старшина, сдѣлался мэромъ; другимъ муниципальнымъ чиновникомъ оказался Балли, деревенскій сапожникъ; а ихъ главнымъ совѣтникомъ—бывшій драгунскій солдатъ, по всей вѣроятности одинъ изъ тѣхъ дезертировъ или выгнанныхъ изъ службы людей, которые обыкновенно являются подстрекателями при всѣхъ мятежахъ.

Вдругъ, изъ общихъ рядовъ отдѣлился маленькій отрядъ человекъ въ двѣнадцать или въ пятнадцать и направился къ четверымъ дворянамъ; послѣдніе, снявъ изъ вѣжливости шляпы, пошли къ нимъ на встрѣчу, но въ эту самую минуту отрядъ прицѣлился въ нихъ ружьями, и Балли сердитымъ голосомъ спросилъ ихъ:

— За какимъ чортомъ вы пришли сюда?

На это де-Бюсси отвѣчалъ, что, узнавъ о готовящейся федераціи, онъ пришелъ затѣмъ, чтобы, наравнѣ съ прочими, принять присягу. Балли опять спрашиваетъ его:—затѣмъ же онъ пришелъ вооруженный?

На это де-Бюсси далъ ему поясненіе такого рода: что находясь прежде на службѣ самъ, онъ долженъ знать правило, по которому, надѣвая мундиръ, нужно всегда имѣть при себѣ шпагу; поэтому онъ считалъ невѣжливымъ относительно собранія явиться безъ этой принадлежности мундира, и всѣ присутствующіе могутъ убѣдиться въ томъ, что при немъ не находится никакого другаго оружія. Балли, разсерженный еще болѣе этими безусловно справедливыми доводами, все еще продолжая стоять прицѣлившись, обратился къ начальнику отряда съ вопросомъ:

— Командиръ, прикажете?

Командиръ не осмѣлился дать разрѣшенія на такое безпричинное убійство; онъ помолчалъ, и наконецъ повелительнымъ тономъ приказалъ де-Бюсси, тотчасъ же убираться отсюда.

— Что я и сдѣлалъ, прибавляетъ де-Бюсси.

Однако, воротаясь домой, онъ написалъ въ муниципалитетъ, чтобы объяснить причину своего прихода, и въ то же время просилъ сказать ему, что значить такое съ нимъ обращеніе? Но

мэръ Пэрронъ бросилъ это письмо, даже не читавъ его, а на другой день, по окончаніи обѣдни, національные гвардейцы окружили садъ де-Бюсси и, въ видѣ устрашенія и угрозы, принялись заряжать свои ружья.

Нѣсколько дней спустя, по наущеніямъ Балли, двое другихъ сосѣднихъ помѣщиковъ были убиты въ своихъ собственныхъ домахъ. Наконецъ, во время путешествія своего въ Ліонъ, де-Бюсси узналъ, «что въ Пуату народъ опять принялся поджигать замки и того же нужно ожидать повсюду». Встревоженный всѣми этими дурными предзнаменованіями, «онъ твердо рѣшилъ сформировать отрядъ волонтеровъ, которые, помѣщаясь въ его замкѣ, могли бы тотчасъ же являться во всѣ окрестныя села на помощь, по призыву законной власти». Онъ полагалъ, что для этого было бы совершенно достаточно пятнадцати храбрыхъ человѣкъ. Въ октябрѣ 1790 года у него уже было шестеро, для которыхъ заказана была зеленого цвѣта обмундировка и куплены были форменныя пуговицы; для пополненія недостающаго количества людей можно было взять шестерыхъ или семерыхъ изъ своихъ надежныхъ лакеевъ. Что же касается запасовъ оружія и прочихъ снарядовъ, то въ замкѣ еще съ 1789 года хранились два боченка съ порохомъ, семь мушкетонныхъ и пять кавалерійскихъ сабель, забытыхъ здѣсь во время стоянки драгуновъ, которыми прежде командовалъ де-Бюсси; прибавьте къ этому еще два двухствольныхъ охотничьихъ ружья, три солдатскихъ ружья, пять паръ пистолетовъ, два плохихъ простыхъ ружья, двѣ старыя шпаги, охотничій ножъ, и на-лицо оказывается весь арсеналъ и весь комплектъ гарнизона. Вотъ эти-то, именно оправдываемыя смутнымъ временемъ и въ сущности столь ничтожныя приготовленія, — народное предубѣжденіе, въ связи съ различными выдумками, и превратило въ громадный заговоръ.

Дѣйствительно, деревня съ самыхъ первыхъ дней стала смотрѣть на замокъ подозрительно; всѣ его посѣтителы, всѣ ихъ входы и выходы, всѣ обстоятельства и всѣ подробности, все подвергалось шпіонству, а затѣмъ доносамъ въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ. Если, вслѣдствіе неловкости или неосторожности когонибудь изъ импровизированныхъ національныхъ гвардейцевъ, вдругъ, среди бѣлаго дня, пролетала надъ крестьянскимъ гумномъ какаянибудь шальная пуля, то всѣ рѣшали, что она была пущена изъ замка, что это аристократы стрѣляютъ въ крестьянъ. Такая же подозрительность обнаруживалась и въ городахъ. Валенскій муниципалитетъ, узнавъ, что двое молодыхъ

людей заказали себѣ платье, цвѣтъ котораго казался подозрительнымъ, призываетъ къ допросу портнаго, который признается, что онъ шилъ это платье, и господа приѣтомъ сказали; ему, «что пуговицы они уже сами поставятъ».

Подробность эта возбуждаетъ тревогу. Начинается тайное выслѣживаніе, которое еще болѣе увеличило опасенія; многіе видѣли людей, одѣтыхъ въ неизвѣстный мундиръ, проходящихъ въ замокъ де-Вилье, откуда, когда ихъ наберется человекъ двѣсти, они отправятся въ Безансонъ, чтобы присоединиться къ тамошнему гарнизону; а для того, чтобы не возбудить подозрѣнія, они пойдутъ маленькими партіями, человека по четыре. Въ Безансонѣ ихъ уже будетъ ожидать сорокатысячный корпусъ, подъ командою д'Отишана; затѣмъ корпусъ этотъ отправится въ Парижъ, чтобы похитить оттуда короля и распустить національное собраніе. По пути, военныя силы этого корпуса будутъ все увеличиваться присоединяющимися къ нему отрядами національной гвардіи. Когда они пройдутъ извѣстное разстояніе, имъ будетъ роздано по 1,200 ливровъ на человека; а по окончаніи экспедиціи, каждый изъ участвовавшихъ въ ней будетъ назначенъ въ гвардію графа д'Артуа, или отпущенъ съ награжденіемъ въ 12,000 ливровъ. Тѣмъ временемъ, принцъ Кондэ, съ сорокатысячною арміею, придетъ черезъ Понтъ-Сантъ-Эспри въ Лангедокъ, захватитъ съ собою всѣхъ злонамѣренныхъ въ Карпантрасѣ и въ жалезскомъ лагерѣ, и займетъ городъ Сеттъ и всѣ другія надежныя мѣста. А графъ д'Артуа, съ своей стороны, придетъ черезъ Понтъ-Бовуазенъ, съ тридцатитысячною арміею. Что могло быть ужаснѣе подобнаго открытія! И вотъ, валенскій муниципалитетъ предупреждаетъ объ этомъ ліонскій, безансонскій, шалонскій, маконскій и прочіе муниципалитеты. Тогда, маконскій муниципалитетъ, «сообразивъ, что враги революціи постоянно стараются всѣми силами уничтожить конституцію, въ которой заключается все благо страны», убѣжденный въ томъ, «что необходимо разрушить ихъ планы», посылаетъ двѣсти человекъ изъ своей національной гвардіи въ замокъ Вилье «съ уполномочіемъ прибѣгнуть къ оружію въ случаѣ сопротивленія».

Для большей вѣрности, это войско захватываетъ съ собою національныхъ гвардейцевъ изъ трехъ сосѣднихъ приходоу. Де-Бюсси, предувѣдомленный о томъ, что они уже перелѣзаютъ черезъ заборъ его сада, беретъ ружье, прицѣливается, но не стрѣляетъ; потомъ, сознавая законность ихъ требованія, допус-

каетъ ихъ къ обыску его замка, гдѣ они нашли шесть мундировъ зеленого цвѣта, семь дюжинъ большихъ пуговицъ и пятнадцать дюжинъ маленькихъ. Доказательство явное! Напрасно онъ объяснялъ имъ свой плачъ и его побудительную причину; это считаютъ только пустымъ предлогомъ!... Вотъ онъ отдалъ знакомъ какое-то приказаніе слугѣмъ—очевидно, что это его соучастникъ!

На основаніи такого рода уликъ, де-Бюсси, трое его гостей, его лакей, были арестованы и отведены въ Маконъ. Тамъ начался процессъ, снятіе показаній, допросы, при которыхъ истина выступила съ еще большею ясностію наружу, не смотря на самыя злонамѣренные навѣты; понятно, что де-Бюсси и не думалъ защищаться.

Но предубѣжденіе было такъ велико, что его можно сравнить съ повязкою, закрывающею глаза враждебно настроенныхъ людей; судьи никакъ не хотѣли допустить, чтобы при конституціонномъ правленіи, которое есть верхъ совершенства, совѣтъ невинный человѣкъ могъ подвергаться какимъ нибудь опасностямъ; ему возражали, «что просто ненатурально помышлять о сформированіи вооруженнаго отряда для охраненія края отъ опустошеній, которыя ни откуда не грозятъ ему», и потому всѣ были заранее увѣрены, что онъ виновенъ. Вслѣдствіе декрета національнаго собранія, отъ министра получено было предписаніе, доставить обвиняемыхъ въ Парижъ, подъ конвоемъ мѣстной команды и гусаровъ; но маконская національная гвардія взбунтовалась и объявила, что такъ какъ де-Бюсси былъ арестованъ ею, то она не потерпитъ, чтобы доставка его въ Парижъ предоставлена была другой военной командѣ.

Несомнѣнно, думали они, что тутъ кроется свой умыселъ: «дать ему возможность бѣжать во время этого перехода»; но они не допустить до этого. И она дѣйствительно самовольно сопровождала де-Бюсси до самаго Парижа, гдѣ его посадили въ тюрьму de l'Abbaye, продержали тамъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а тѣмъ временемъ приступили къ переслѣдованію судебного процесса; но такъ какъ нецѣлостность обвиненія была уже слишкомъ осязательна, то, наконецъ, и были принуждены освободить его. Таково было положеніе большинства дворянъ въ ихъ помѣстьяхъ, и де-Бюсси, даже вполнѣ признанный оправданнымъ и невиннымъ, конечно, былъ настолькоъ благоразуменъ, чтобы не воротиться въ свое имѣніе.

III.

Тамъ онъ, конечно, очутился бы въ положеніи заложника. Будучи одинъ противъ тысячей, одинъ въ качествѣ уцѣлѣвшаго представителя уничтоженнаго и всѣмъ ненавистнаго порядка управленія,— за него, какъ за помѣщика, конечно, прежде всего принялись бы при всякомъ кажущемся политическомъ потрясеніи власти новаго правительства.

По меньшей мѣрѣ, такъ какъ дворянина все-таки считали человекомъ опаснымъ, то его обезоруживали; а что касается такого рода народныхъ эзекуцій, то сопровождающая ихъ грубость и алчность вырываются наружу какъ быкъ, сломавшій своими рогами дверь своего стойла и бросающійся прямо на то, что у него передъ глазами. Въ этомъ же самомъ департаментѣ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда получено было извѣстіе объ арестованіи короля въ Вареннѣ, «всѣ принявшіе присягу священники и бывшіе помѣщики подверглись всѣмъ ужасамъ преслѣдованія и гоненій. Цѣлыя шайки разбойниковъ врываются къ нимъ въ дома, чтобы отобрать имѣвшееся у нихъ оружіе. Такого рода обыски были сдѣланы въ замкахъ: Комиранъ, Гросбуа, Монкюло, Шоденъ, Креансэ, Туаси, Шательно и другихъ, причемъ многіе изъ нихъ были почти совсѣмъ разрушены». Въ ночь съ 26 на 27 іюля 1791 года, «замокъ Креансэ былъ совершенно разграбленъ, всѣ зеркала разбиты, картины прорваны, двери выломаны. Владѣлецъ его, де-Комо-Креансэ, кавалеръ ордена св. Людовика, подвергся страшнымъ истязаніямъ и въ безчувственномъ состояніи, почти полумертвый, былъ сташенъ съ лѣтницы; прежде всего, онъ долженъ былъ заплатить значительную контрибуцію, а потомъ его заставили возвратить всѣ штрафныя деньги, собранныя имъ, еще до революціи, въ качествѣ помѣщика». Съ двумя другими сосѣдними помѣщиками, тоже кавалерами ордена св. Людовика, поступлено было точно также. «Хорошая награда для троихъ храбрыхъ старыхъ воиновъ за ихъ службу отечеству». Четвертый, самый миролюбивый изъ нихъ, заранѣе успѣшилъ скрыться, оставивъ ключи во всѣхъ замкахъ, а при домѣ—своего садовника. Тѣмъ не менѣе, всѣ двери и шкафы его были разломаны; грабежъ продолжался пять съ половиною часовъ, и негодяи грозили поджечь замокъ, если сію же минуту не явится къ нимъ его владѣлецъ; при этомъ они наводили справки о томъ: «ходитъ ли онъ къ обѣдни, которую служить новый приходскій

священникъ; брагъ ли онъ прежде штрафы съ крестьянъ за неисправный платежъ оброка? наконецъ, не имѣтъ ли кто-либо изъ деревенскихъ жителей причинъ пожаловаться на него?» Однако, жалобъ ни откуда не поступало; напротивъ, помѣщикъ былъ всѣми любимъ. Но въ подобное смутное время, сотня остервенившихся негодяевъ и нѣсколько десятковъ бродягъ предписываютъ законы равнодушнымъ или робкимъ людямъ. Эти разбойники объявили, что имѣютъ въ рукахъ «дѣйствительно законное предписаніе, вслѣдствіе чего принудили мэра и старшину присутствовать при ихъ грабежахъ, а сверхъ того, въ видѣ мѣры предосторожности, съ угрозами приказали нѣкоторымъ вполне честнымъ гражданамъ слѣдовать за ними». Послѣдніе, будучи вовлечены въ это дѣло насильно, на другой же день явились съ извиненіемъ къ ограбленному помѣщику, а муниципальное начальство составило протоколъ объ учиненномъ надъ ними насиліи. Но однажды такое, дѣйствительно пущенное въ ходъ насиліе осталось ненаказаннымъ, можно было быть вполне увѣреннымъ, что оно возобновится вскорѣ опять.

Въ двухъ сосѣднихъ департаментахъ насилія такого рода не только возобновились, но были даже доведены до конца. Тамъ, въ особенности на югѣ, представляется поучительный для человѣчества образецъ того увлеченія, посредствомъ котораго бунтъ, поднятый во имя пользы общественной, тотчасъ же принимаетъ другой характеръ, вслѣдствіе инстинктивныхъ побужденій къ приобрѣтенію личныхъ выгодъ, и наконецъ приводитъ къ преступленіямъ. Въ окрестностяхъ Ліона, подъ тѣмъ же предлогомъ и въ то же самое число, подобнаго рода шайки производятъ подобные обыски, во время которыхъ «онѣ жгутъ всѣ документы на владѣніе помѣстьемъ, грабятъ и жгутъ дома. Муниципальная власть, учрежденная для охраны всякаго рода собственности отъ расхищенія, въ рукахъ большинства оказывается только новымъ средствомъ къ нарушенію правъ собственности. Національная гвардія является въ полномъ вооруженіи только для того, чтобы покровительствовать беспорядкамъ и грабежамъ».

Впродолженіи тридцати лѣтъ слишкомъ, де - Шапонэ, отецъ шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ трое уже были на службѣ, тратилъ почти весь громаднй доходъ съ своего имѣнія Боле на то, что давалъ работу массамъ рабочихъ рукъ, мужчинамъ, женщинамъ и дѣтямъ.

Послѣ бывшаго въ 1761 году страшнаго града, который произвелъ ужасныя опустошенія въ деревнѣ Моранэ, онъ по-

правиль на свой счет тридцать три крестьянских усадьбы; другим крестьянамъ далъ лѣсу на постройку новыхъ избъ; далъ цѣлой общинѣ хлѣбныхъ сѣмянъ для засѣва полей, а потомъ выхлопоталъ для всей деревни сбавку податей на нѣсколько лѣтъ. Въ 1790 году, онъ торжественно справилъ праздникъ федераціи и устроилъ угощеніе въ видѣ двухъ обѣдовъ, изъ которыхъ одинъ, на сто тридцать кувертовъ, былъ данъ муниципалитетамъ и офицерамъ національной гвардіи, а другой, на тысячу кувертовъ, простымъ рядовымъ національной гвардіи. Ужь, конечно, если какойнибудь помѣщикъ могъ разсчитывать на популярность, такъ это именно онъ. 24 іюня 1791 года, муниципалитеты Моронэ, Люсенэ и Шазелэ, въ сопровожденіи своихъ мэровъ и полного состава своихъ национальныхъ гвардій, что въ общемъ количествѣ представляло цифру въ двѣ тысячи человекъ, отправились въ замокъ, съ барабаннымъ боемъ и съ распушенными знаменами. Де-Шапонэ вышелъ къ нимъ на встрѣчу и спросилъ: чему обязанъ онъ, что имѣетъ удовольствіе видѣть ихъ у себя? Ему отвѣчали на это, что они пришли не съ тѣмъ, чтобы его обидѣть, но чтобы исполнить предписаніе окружнаго начальства, которое приказало имъ взять въ свое завѣдываніе замокъ и поставить въ немъ шестьдесятъ человекъ караульныхъ, потому что завтра окружное начальство и національная гвардія изъ Вильфранша придутъ сюда дѣлать обыскъ. Де-Шапонэ подчинился этому требованію; онъ только попросилъ муниципальных чиновниковъ, чтобы они сами произвели обыскъ для того, чтобы все было въ порядкѣ. Тогда командиръ люсенеской національной гвардіи съ запальчивостью замѣтилъ на это, «что здѣсь всѣ равны и что обыскъ дѣлать будутъ всѣ»; въ то же мгновеніе вся толпа кинулась въ замокъ. «Де-Шапонэ велѣлъ отворить двери во всѣ комнаты; но толпа нарочно ихъ запирала, а потомъ заставляла саперовъ рубить ихъ топорами». Разграблено было все, до чиста: «серебро, банковые билеты, масса всякаго бѣлья, кружевъ и другихъ цѣнныхъ вещей; деревья въ садовыхъ аллеяхъ были порублены и поломаны, погреба опустошены, бочки выкачены на терасу, все вино розлито, бельведеръ разрушенъ... Причемъ офицеры даже понуждали тѣхъ, которые, какъ имъ казалось, работали вяло».

Около девяти часовъ вечера де-Шапонэ былъ предупрежденъ своею прислугою, что муниципальные власти рѣшили заставить его подписать отрѣченіе отъ всѣхъ своихъ феодальныхъ правъ, а потомъ отрубить ему голову. Ему удалось спа-

стись, вмѣстѣ съ своею женою, скрывшись черезъ одну калитку, къ которой не было приставлено караула; онъ всю ночь скитался, рискуя быть застрѣленнымъ посланными за нимъ въ погоню людьми, и только лишь къ утру добрался до Ліона. Между тѣмъ грабители послали ему сказать, что если онъ не откажется отъ владѣнія своимъ имѣніемъ въ ихъ пользу, то они примутся истреблять порубежами принадлежавшіе ему лѣса и выжгутъ дотла все его помѣстье. И дѣйствительно, они три раза начинали поджигать замокъ, а въ этотъ промежутокъ времени совершили еще поджогъ въ другомъ замкѣ въ Байерѣ и, возвращаясь оттуда опять въ помѣстье Шапонэ, разломали шляюзъ, постройку котораго обошлась ему въ 10,000 ливровъ. Между тѣмъ, общественный обвинитель не предпринималъ никакихъ мѣръ, не смотря на многократныя напоминанія ему его обязанности; по всей вѣроятности онъ полагалъ, что для дворянина, у котораго дѣлали обыскъ, хорошо еще, что онъ остался живъ, тогда какъ другіе, напримѣръ, Гильенъ - Дюмутэ, не отдѣлались, при подобныхъ обстоятельствахъ, такъ счастливо.

Дворянинъ этотъ, служившій прежде капитаномъ корабля индѣйской компаніи, потомъ назначенный командиромъ въ Сенегали, а теперь удалившійся отъ служебныхъ занятій къ мирной сельской жизни, поселился въ своемъ замкѣ Полежье, съ своею молодою женою, двумя малолѣтними дѣтьми, съ своими сестрами, племянницами и свояченицею, такъ что семейство его состояло изъ десяти лицъ женскаго пола, включая прислуги; мужчинъ было всего только двое: негръ - лакей и онъ самъ, шестидесятилѣтній старикъ; вотъ и весь воинственный притонъ заговорщиковъ, которыхъ нужно было поскорѣе обезоружить. Къ несчастію, одинъ изъ братьевъ Гильена, обвинявшійся въ оскорбленіи націи, былъ арестованъ десять мѣсяцевъ тому назадъ, и этого было достаточно для деревенскихъ клубовъ. Уже въ декабрѣ 1790 года, окрестные приходы являлись съ обыскомъ въ замокъ, гдѣ перерыли все, но, не найдя ничего, возвратились домой; за такое самовольное распоряженіе имъ былъ сдѣланъ выговоръ департаментскимъ начальствомъ. Они приняли это къ свѣдѣнію и рѣшили, что на будущее время они уже примутся за дѣло иначе. 26 іюня 1791 года, въ десять часовъ утра, къ замку отправились всѣ муниципальные чины изъ Полежье, въ сопровожденіи двухъ другихъ постороннихъ муниципальных чиновниковъ, въ шарфахъ, и трехсотъ національныхъ гвардейцевъ, все подъ тѣмъ же предлогомъ обыска будто-бы скрываемаго тамъ оружія. Ихъ

встрѣтила госпожа Гильенъ, которая напомнила имъ запрещеніе департаментскаго начальства и потребовала у нихъ предъявленія законнаго предписанія, на основаніи котораго они имѣютъ право поступать такимъ образомъ. Ей отвѣтили отказомъ. Тѣмъ временемъ къ нимъ вышелъ самъ Гильенъ и сказалъ, что немедленно впуститъ ихъ, какъ только они покажутъ ему предписаніе. Ему отвѣчали, что у нихъ нѣтъ никакого предписанія. Пока шли эти переговоры, нѣкто Розье, солдатъ, исключенный изъ службы за двукратное дезертирство, а теперь командиръ національной гвардіи, схватилъ Гильена за горло; старый капитанъ сталъ защищаться и хотѣлъ выстрѣлить въ него изъ пистолета, который однакожь осѣкся; потомъ, высвободившись отъ душившаго его негоддя, онъ бросился къ себѣ въ домъ и заперся въ немъ. Тогда ударили въ окрестныхъ деревняхъ въ набатный колоколъ; тридцать приходоувъ поднялись въ количествѣ двухъ тысячъ человекъ. Госпожа Гильенъ умоляла ихъ выбрать по крайней мѣрѣ изъ всей толпы нѣсколькихъ уполномоченныхъ для обыска въ замкѣ. На это согласились; отрядили уполномоченныхъ, которые обошли всѣ закоулки внутри замка и воротились къ прочимъ объявить, что не нашли ничего, кромѣ самаго обыкновеннаго оружія. Но заявленіе это ни къ чему не послужило. Взволнованная толпа разгорячилась еще болѣе во время ожиданія; она чувствовала свою силу и не хотѣла возвращаться съ пустыми руками. Посыпался цѣлый градъ ружейныхъ выстрѣловъ, направленныхъ въ окна замка, гдѣ не осталось ни одного стекла, которое не было бы разбито въ дребезги. Затѣмъ, въ видѣ послѣдней попытки, госпожа Гильенъ, держа за руки своихъ дѣтей, вышла изъ замка и, обращаясь къ муниципальнымъ чиновникамъ, напомнила имъ ихъ обязанность на счетъ водворенія порядка. вмѣсто отвѣта, они удержали ее при себѣ какъ заложницу и поставили ее такъ, чтобы выстрѣлы, въ случаѣ если будутъ стрѣлять изъ замка, попали прямо въ нее. Между тѣмъ толпа выламывала двери и врвалась въ замокъ; начался грабѣжъ, по окончаніи котораго подожгли замокъ. Гильенъ, скрывавшійся на бельведерѣ, понялъ, что онъ долженъ сдѣлаться жертвою пламени. Въ эту самую минуту, нѣкоторые изъ осаждавшихъ замокъ, люди менѣе жестокосердые, чѣмъ всѣ прочіе, увидавъ его, ободрали сойти внизъ, говоря, что они отвѣчаютъ ему за цѣлость его жизни; но едва только онъ вышелъ, какъ всѣ прочіе набросились на него, крича, что нужно его убить, что онъ пользуется отъ государства пожизненнымъ

доходомъ на сумму 36,000 франковъ и потому «это все-таки сбережетъ лишнія деньги въ пользу націи». «Его живаго изрубилъ въ куски»; потомъ отсѣкли голову и насадили ее на пику, а въ заключеніе всего, у бездыханнаго трупа распоролъ животъ, вынули всѣ внутренности и разослали по куску его мяса во всѣ приходы; многіе изъ этихъ злодѣевъ даже вымазали себѣ руки и лицо его кровью. Эта ужасная свалка, эти крики, эти вопли, пламя пожара, грабежъ и убійство, какъ будто пробудили въ нихъ не только жестокія чувства дикаря, но даже скотскіе кровожадные инстинкты; нѣкоторые изъ этихъ изверговъ, захваченные жандармами въ Шасселе, зажарили лопатку своей жертвы и пожирали это человѣческое мясо въ видѣ закуски. Госпожа Гильенъ, спасенная сострадательностью двоихъ мѣстныхъ жителей, добралась, наконецъ, встрѣчая почти на каждомъ шагѣ опасности, въ Ліонъ; она съ дѣтьми лишилась положительно всего: «замка, принадлежащихъ къ нему земель, хлѣбнаго урожая предшествовавшаго года, запасовъ вина, зерноваго хлѣба, мебели, столоваго серебра, денегъ въ звонкой монетѣ и въ ассигнаціяхъ, кредитныхъ билетовъ, контрактовъ». Десять дней спустя, департаментъ доводилъ до свѣдѣнія національнаго собранія, «что такіе же точно грабежи и убійства готовятся опять; что народъ грозитъ (по прежнему) поджогами замкамъ и сожженіемъ всѣхъ документовъ на владѣніе помѣстьями»; что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, «что крестьяне ждутъ только удобнаго случая, чтобы возобновить всѣ прежнія сцены ужаса» ¹⁾.

IV.

Передъ этими, все увеличивающимися и безпрестанно возобновляющимися крестьянскими безчинствами, болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ бѣжать; дворянство, положительно выгнанное изъ деревень, отправилось искать убѣжища въ городахъ. Но тамъ ихъ ожидала такая же перспектива. По мѣрѣ того, какъ обнаруживались все съ большею и большею ясностью послѣдствія конституціи, безпрестанно возобновлявшіяся административныя лица постепенно становились все слабѣе и пристрастнѣе въ исполненіи своихъ обязанностей, а распущенная чернь стала болѣе раздражительною и болѣе жестокою; водворив-

¹⁾ Донесеніе департамента оканчивается слѣдующею наивною, вли провісію: «намъ остается одержать лишь послѣднюю побѣду, это заставить народъ слушаться закона и подчиниться ему».

шій свое господство клубъ дѣлался все болѣе и болѣе подозрительнымъ и болѣе деспотичнымъ. Теперь уже онъ, а никто другой, вопреки и помимо административныхъ лицъ, руководилъ массою бродягъ, которые относились къ дворянству даже еще враждебнѣе, чѣмъ его бывшіе крестьяне. Всѣ кружки дворянства, даже самыя либеральныя, были закрыты, также какъ были закрыты парижскій кружокъ, посредствомъ незаконнаго вмѣшательства народной толпы и посредствомъ криводушнаго вмѣшательства избранныхъ народомъ чиновниковъ. Всѣ ихъ асоціаціи, даже самыя законныя, самыя благотворныя по своимъ цѣлямъ, разрушались грубою силою, или нетерпимостью муниципальных властей. Дворянъ наказывали за то, что они осмѣливались защищаться, и убивали ихъ за то, что они хотѣли устранить себя отъ грозящаго имъ ножа.

Триста или четыреста человекъ дворянъ, считавшихъ себя небезопасными въ своихъ помѣстьяхъ, пріютились съ своими семействами въ городѣ Каэнѣ, надѣясь найти тамъ спокойствіе, потому что, тремя письменными, послѣдовавшими одно за другимъ постановленіями, муниципалитетъ обѣщалъ имъ свою помощь и свое покровительство. Но, къ несчастію, мѣстный клубъ былъ инваго о нихъ мнѣнія и 23 августа 1791 года, онъ обнарудовалъ печатно списокъ ихъ именъ и ихъ мѣста жительства, объявляя при этомъ, что «такъ какъ ихъ подозрительный образъ мыслей заставилъ ихъ покинуть свои помѣстья», то значитъ «ихъ слѣдуетъ считать эмигрантами, только возставшими внутри страны», изъ чего слѣдуетъ, «что нужно зорко слѣдить за ихъ поступками, потому что они могутъ быть замышляютъ какой нибудь, опасный для отечества, заговоръ». При этомъ въ особенности было указано на пятнадцать человекъ, между прочимъ, «на прежняго приходскаго священника изъ Сентъ-Лула, какъ на самаго главнаго шпіона аристократовъ; что вообще всѣ эти поименованные люди личности крайне подозрительныя и въ высшей степени неблагонамѣренныя». При такомъ обвиненіи и такомъ прямомъ на нихъ указаніи, дворяне, понятно, не могли уснуть ни одной ночи спокойно; кромѣ того, съ той поры, какъ были опубликованы адреса ихъ жилищъ, имъ явно угрожали обысками ихъ жилищъ. Что же касается административныхъ властей, то на ихъ посредничество нечего было рассчитывать; само департаментское начальство доносило министру, что оно не можетъ, согласно закону, передать городской замозъ занятію линейными войсками, потому что это, по его мнѣнію, способно поднять бунтъ въ

національной гвардіи. «А потомъ, какимъ образомъ могли бы мы, безъ содѣйствія общественной силы, вырвать этотъ постъ изъ рукъ людей, которые имъ овладѣли? Это вещь положительно невозможная при тѣхъ средствахъ, какія предоставила намъ въ наше распоряженіе конституція». И такъ, для защиты угнетенныхъ конституція оказывалась мертвою буквою. Вслѣдствіе этого, укрывавшіеся отъ преслѣдованій дворяне, не видя помощи ни откуда, рѣшились сами помочь себѣ. Трудно было даже придумать болѣе оправдываемую обстоятельствами, болѣе миролюбивую, болѣе невиннаго свойства асоціацію, цѣлью которой было «требовать точнаго примѣненія законовъ, на каждомъ шагу нарушаемыхъ, и огражденія собственности и личности отъ расхищенія и опасности»; они предполагали сформировать по кварталамъ «кружки честныхъ людей»; образовать комитетъ состоящій изъ восьми членовъ, и чтобы при каждомъ комитетѣ всегда находился «чиновникъ судебного вѣдомства, или членъ мѣстной администраціи, съ офицеромъ и унтеръ-офицеромъ изъ національной гвардіи». Если кто нибудь изъ гражданъ подвергнется нападкамъ на свою личность или рискуетъ быть лишеннымъ своего имущества, асоціація будетъ ходатайствовать о защитѣ его отъ подобныхъ притѣсненій. Если же какою нибудь случай крайняго насилія сдѣлаетъ необходимымъ примѣненіе общественной силы, то члены квартала соберутся, чтобы, подъ предводительствомъ чиновника судебного вѣдомства и офицера національной гвардіи, идти на помощь пострадавшему и возвратитъ ему отнятое. «Но во всякихъ случаяхъ, они всегда старательно будутъ избѣгать всякой частной обиды или оскорбленія, потому что кружокъ ихъ собственно имѣетъ цѣлью упрочить общественное спокойствіе и обезпечить каждому гражданину покровительство, котораго онъ вправѣ ожидать отъ закона». Короче сказать, они брали на себя роль добровольныхъ констаблей; самый враждебно настроенный муниципалитетъ, самый предубѣжденный судъ, какъ бы ни придирались къ такому учрежденію, не могли усмотрѣть въ немъ ничего дурнаго. Единственный случай, къ которому они считали возможнымъ придаться, это было перехваченное ими письмо одного изъ основателей общества къ другому дворянину, котораго онъ отговаривалъ отъ его поѣздки въ Кобленцъ, довазывая ему, что онъ будетъ полезенъ въ Казнѣ. Самымъ главнымъ свидѣтельствомъ противъ злонамѣренности этой асоціаціи явилось показаніе одного буржуа, котораго хотѣли завербовать въ этотъ кружокъ и которому, когда его спросили на счетъ его образа

мыслей и получили въ отвѣтъ, что онъ стоитъ за точное исполненіе законовъ, сказали: «въ такомъ случаѣ вы изъ нашихъ, вы въ бѣльшей степени аристократъ, чѣмъ вы объ этомъ думаете». И дѣйствительно, весь ихъ аристократизмъ заключался въ предупрежденіи случаевъ разбойническаго грабежа. Конечно, никакое намѣреніе не кажется болѣе ненавистнымъ массѣ проходивцевъ, потому что оно ставило преграду господству партіи, которая считала все для себя позволительнымъ. 4 октября, Олизскій полкъ ушелъ изъ города и всѣ честные люди остались въ распоряженіи милиціи, «состоявшей изъ разныхъ оборвышей», такъ какъ только она оказывалась вооруженною.

Въ этотъ самый день, въ первый разъ послѣ долгаго времени, нѣкто Бюнель, прежній священникъ сень-жанскаго прихода, отслужилъ обѣдню съ разрѣшенія и совокупно съ своимъ, принявшимъ присягу, преемникомъ, что привлекло большое стеченіе вѣрующихъ; это обстоятельство встревожило патриотовъ. На другой день Бюнель долженъ былъ опять служить обѣдню; но патриоты, черезъ муниципальныхъ властей, запретили ему это и онъ подчинился распоряженію. А такъ какъ объ этомъ никто не былъ предупрежденъ заранѣе, то богомольцы толпами сходились со всѣхъ сторонъ и церковь вскорѣ была полна народа. Такое большое стеченіе показалось подозрительнымъ патриотамъ и они вмѣстѣ съ національными гвардейцами явились «возстановлять порядокъ», который нигдѣ и не былъ нарушенъ; но они нарушили его сами, своимъ приходомъ. Началась перепалка между лакеями, сопровождавшими дворянъ въ церковь, и національными гвардейцами, которые тотчасъ же обнажили шпаги, причемъ былъ даже раненъ и смятъ подъ ногами толпы одинъ молодой человекъ. Де-Сабрэй, хотя и не имѣвшій при себѣ оружія, но бросившійся къ нему на помощь, получилъ нѣсколько ранъ саблею и тотчасъ же былъ насквозь пронизанъ всаженными въ него штыками; двое другихъ были также ранены. Между тѣмъ, въ сосѣдней улицѣ, Ашаръ-де-Вагонъ, увидавъ какъ нѣсколько вооруженныхъ людей жестоко бьютъ какого-то человѣка, подошелъ, чтобы прекратить это побоище; въ эту же самую минуту избитый былъ положенъ на мѣстѣ выстрѣломъ изъ ружья, а самого Ашара подняли на штыки и принялись рубить его саблями, «причемъ все платье его до нитки было смочено кровью, которая положительно лилась даже въ его башмаки». Въ этомъ положеніи его, едва живаго, отвели вмѣстѣ съ де-Сабрэй въ городской тюремный замокъ; другіе выломали двери въ домъ дю-Розеля, оставнаго семидесяти-пяти-лѣтняго

офицера, состоявшего на службѣ пятьдесятъ девять лѣтъ, бросились на него, и когда онъ хотѣлъ убѣжать отъ нихъ, то они гнались за нимъ вплоть до самой загородки его сада, черезъ которую онъ собирался перелѣзть. Четвертый отрядъ напалъ на д'Эризи, другаго семидесяти-лѣтняго отставнаго офицера, который, также какъ и дю-Розель, ничего не зналъ о случившемся и преспокойно ѣхалъ къ себѣ на дачу. Весь городъ пришелъ въ волненіе и, по приказанію муниципалитета, барабаны забили тревогу.

Наступила для добровольцевъ-констаблей минута дѣйствовать; собралось около шестидесяти человекъ дворянъ съ нѣсколькими людьми изъ купеческаго и ремесленнаго сословія. По уставу ихъ ассоціаціи, не отступая отъ принятаго ими правила осторожности, имѣвшаго въ данное время большое значеніе, они попросили одного, проходившаго мимо, офицера національной гвардіи стать во главѣ ихъ и такимъ образомъ дошли до площади Сенъ-Соверъ, гдѣ, встрѣтивъ посланнаго къ нимъ отъ муниципалитета чиновника, по первому его требованію, пошли вслѣдъ за нимъ въ ратушу. Тамъ, не смотря на то, что они не оказывали ни малѣйшаго сопротивленія, ихъ арестовали, обезоружили и обыскали; при обыскѣ у нихъ въ карманѣ нашли по экземпляру статутувъ ихъ союза, — вотъ и улика, что у нихъ былъ заговоръ произвести контръ-революцію. Противъ нихъ поднялись яростные крики, такъ что «для ихъ же безопасности» нашли нужнымъ отвести ихъ въ тюремный замокъ, причемъ, во время этого перехода, они все-таки подверглись разнымъ оскорбленіямъ и даже побоямъ сопровождавшей ихъ толпы. А другіе, захваченные у себя на дому, нѣкто Левальянъ и лакей д'Эризи, насквозь пронизанные штыками и окровавленные, были перенесены туда же. Тамъ скопилось уже болѣе восьмидесяти человекъ арестованныхъ и явилось опасеніе, чтобы они не убѣжали; «всякую получаемую ими пищу, въ видѣ мяса и хлѣба, разрѣзываютъ предварительно на самыя мелкіе кусочки, чтобы убѣдиться, что тамъ не спрятано чего нибудь подозрительнаго; къ нимъ не допускаютъ даже лекарей, которые хотѣли подать имъ помощь, укоряя послѣднихъ тѣмъ, что они, по всей вѣроятности, сами аристократы». Въ то же самое время устраивались ночные обыски въ каждомъ домѣ; каждому пріѣзжему въ городъ приказано было тотчасъ же явиться въ городскую ратушу для объясненія причинъ своего пріѣзда и для сдачи имѣющагося при немъ оружія; всѣмъ, непринавшимъ присягу, священникамъ запрещено было служить обѣдню. Департаментское начальство, которое хотѣло не допустить такихъ

распоряжений, чувствовало, что руки у него были связаны, и открыто заявляло о своемъ безсиліи. Вотъ что пишетъ оно въ своемъ докладѣ: «Народъ сознаетъ теперь свою силу и понимаетъ, что мы, съ своей стороны, не имѣемъ никакой; будучи подстрекаемъ злонамѣренными гражданами, онъ позволить себѣ все, что будетъ потворствовать его страстямъ и что, по его понятіямъ, можетъ быть выгодно для него; онъ постарается повліять на наши совѣщанія и потомъ исторгнуть у насъ рѣшенія, которыхъ, при другихъ обстоятельствахъ, мы никогда бы не приняли». Три дня спустя, побѣдители уже праздновали свою побѣду: «съ барабаннымъ боемъ, съ музыкою, съ зажженными факелами, народъ отправился отбивать молотками гербы лѣтней работы на фасадѣ дворянскихъ домовъ»; поражение аристократовъ было полное. Однако ихъ невинность была настолько очевидна, что даже само законодательное собраніе не могло не признать ее; послѣ одиннадцати-мѣсячнаго заключенія вышелъ приказъ объ ихъ освобожденіи, выключая одного восемнадцати-лѣтняго юноши и восьмидесяти-лѣтняго старика, на которыхъ еще лежала тѣнь подозрѣнія по поводу какихъ-то двухъ, дурно перетолкованныхъ писемъ. Но, однако, нельзя было быть увѣреннымъ, что народъ, съ своей стороны, захочетъ отпустить ихъ на свободу. Національная гвардія отказалась служить имъ конвоемъ въ случаѣ ихъ выпуска изъ тюрьмы. Еще наканунѣ этого дня «большія толпы женщинъ, въ числѣ которыхъ были также и мужчины, толкуютъ о томъ, что нужно было бы перебить до смерти всѣхъ этихъ людей, когда ихъ выведутъ изъ тюремнаго замка». Въ предупрежденіе этого оказалось необходимымъ вывести ихъ оттуда въ два часа ночи, тайкомъ, подъ крѣпкимъ конвоемъ, послѣ чего они тотчасъ же уѣхали изъ города, какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ они такъ же внезапно пріѣхали сюда изъ деревни. Ни въ деревнѣ, ни въ городѣ, они уже не могли рассчитывать на покровительство гражданскихъ или церковныхъ законовъ, и одинъ дворянинъ, который нисколько не былъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, замѣчаетъ по поводу этого, что положеніе ихъ хуже, чѣмъ положеніе протестантовъ и бродягъ въ самый худшій періодъ прежняго правительства: «Не самимъ ли закономъ предоставлена была священникамъ (непринявшимъ присягу) свобода совершать богослуженіе? Почему же, не рискуя своею жизнью, нельзя ходить въ церковь для слушанія литургіи? Не самъ ли законъ повелѣваетъ всѣмъ гражданамъ заботиться объ охранѣ общественнаго спокойствія? Почему же тѣ, которые при пер-

воиъ призывѣ къ оружію, явились вооруженные для водворенія порядка, были встрѣчены бросившейся на нихъ толпою изъ-за того только, что они аристократы? Почему безъ всякихъ приказаній, безъ всякихъ уликъ или даже кажущейся подозрительности, вторгаются въ жилище гражданъ, которое декретами закона признано неприкосновеннымъ? Почему непременно понадобилось отбирать оружіе преимущественно у людей дворянскаго рода и съ обезпеченнымъ состояніемъ? Развѣ оружіе существуетъ исключительно для тѣхъ, кто прежде былъ лишенъ права имѣть его, и кто злоупотребляетъ имъ? Почему равенство признается только относительно всякихъ платежей, но не соблюдается оно, когда дѣло идетъ о преслѣдованіяхъ и оскорбленіяхъ?» И слова эти вполнѣ вѣрны. То, что господствовало теперь, это былъ какой-то особеннаго рода аристократизмъ на выворотъ, противный закону и еще болѣе противный природѣ. Потому что теперь, на постепенной лѣстницѣ образованія и культуры, вслѣдствіе внезапнаго переворота ея, нижнія ступени оказались наверху, а верхнія внизу. Уничтоженное конституціей неравенство утвердилось въ обратномъ смыслѣ. Съ большимъ произволомъ, съ болѣею грубостью, съ болѣею несправедливостью, чѣмъ старинные феодальные бароны, деревенская и городская чернь совершала поборы, сажала въ тюрьмы, грабила и убивала своихъ прежнихъ господъ, какъ своихъ крѣпостныхъ рабовъ.

V.

Предположимъ, что они, не желая давать повода къ подозрѣніямъ, согласятся не имѣть при себѣ никакого оружія, не формироваться между собою въ отдѣльныя группы, совсѣмъ не являться на выборы, сидѣть запершись у себя дома и ограничиться вполнѣ своею частною жизнью. Но и тогда ихъ преслѣдовали то же недовѣріе и та же вражда. Въ Кагорѣ, гдѣ муниципалитетъ, вопреки закона, явился выгнать изъ монастыря Шартрезъ монаховъ, которые, ссылаясь на разрѣшеніе закона, отстаивали свое право пребыванія въ обители на началахъ общежитія, двое монаховъ, передъ выѣздомъ изъ монастыря, подарили де-Бомону, своему сосѣду и другу, изъ своего сада четыре крошечныхъ грушевыхъ дерева и нѣсколько цвѣточныхъ луковицъ. Вслѣдствіе этого муниципалитетъ постановилъ «признать помѣщика Луи де-Бомона, бывшаго графа, ви-

новнымъ въ деревомъ и предумышленномъ отчужденіи въ свою пользу національной собственности», приговорилъ его къ уплатѣ 300 ливровъ штрафа и приказалъ, «чтобы завтрашній же день, въ среду, четыре, выртыя изъ сада бывшаго монастыря Шартрезъ, грушевыя деревья были поставлены противъ оконъ дома вышеупомянутаго помѣщика де-Бомона, гдѣ онѣ должны оставаться впродолженіи четырехъ сутокъ при денномъ и ночномъ караулѣ двоихъ вооруженныхъ фузелеровъ, содержаніе которыхъ должно быть отнесено насчетъ вышеупомянутаго помѣщика де-Бомона; а на деревья эти повѣсить доску съ надписью: Луи де-Бомонъ, похититель національной собственности. И постановленіе это отпечатать въ количествѣ тысячи экземпляровъ, которые должны быть прочитаны, опубликованы и расклѣбены насчетъ вышеупомянутаго помѣщика де-Бомона, а также разосланы по всему лотскому департаменту, во всѣ находящіяся въ немъ округа и муниципалитеты, равно какъ во всѣ общества друзей конституціи и свободы». Въ каждой строгѣ этого, облеченнаго въ законную форму, гнуснаго обвиненія проскальзываетъ завистливое чувство злобы мѣстнаго писака, который мститъ этимъ за свое прежнее холопское униженіе. На слѣдующій годъ, когда де-Бомонъ выкупилъ нотаріальнымъ порядкомъ церковь, проданную окружнымъ начальствомъ, со всѣми украшениями и находящейся въ ней церковною утварью, мэръ и муниципальные чиновники, захвативъ съ собою работниковъ, явились для отобранія и уничтоженія всѣхъ этихъ предметовъ, исповѣдалень, алтарей, причемъ не пощадили даже тѣла какого-то канонизированнаго святаго, которое было похоронено тамъ болѣе полутораго лѣтъ тому назадъ; такъ что, послѣ ихъ ухода, «все зданіе имѣло видъ сарая, наполненнаго всякимъ мусоромъ». Необходимо замѣтить приэтомъ, что де-Бомонъ состоялъ въ то время военнымъ начальникомъ Перигора; судя по тому какъ поступили съ нимъ, можно себѣ представить, чѣ эти люди готовили недолжностнымъ дворянамъ. Они не могли свободно пользоваться даже удовольствіями простаго семейнаго кружка, тѣмъ менѣе отправиться въ гости, чтобы провести тамъ вечеръ совершенно спокойно. Въ самомъ Парижѣ произошло слѣдующее: въ одномъ изъ отелей предмѣстія Сентъ-Онорэ, большая компанія, состоявшая изъ людей хорошаго общества, въ томъ числѣ датскій и венеціанскій посланники, собрались для слушанія концерта, дававшагося какими-то иностранцемъ-виртуозомъ; въ это время на дворъ въѣхала телѣга, нагруженная пятидесятью вязанками сѣна, составлявшими мѣсячный за-

пасъ для продовольствія хозяйскихъ лошадей. Одному патриоту, видѣвшему какъ эта телѣга вѣхала на дворъ, вдругъ влѣзло въ голову, что подъ этими вязанками сѣна спрятанъ король, который будто бы этимъ способомъ хотѣлъ пробраться въ отель для совѣщанія съ аристократами на счетъ приведенія въ исполненіе заговора о его побѣгѣ. Тотчасъ же собралась толпа, явился комисаръ въ сопровожденіи національной гвардіи, а къ телѣгѣ приставленъ былъ караулъ изъ четырехъ гренадеровъ. Между тѣмъ комисаръ взшелъ въ самый домъ для обыска, но увидавъ тамъ разставленные пюпитры для нотъ и приготовленія къ ужину, воротился назадъ, далъ разрѣшеніе сваливать съ телѣги вязанки сѣна, и объявилъ народу, что онъ не нашелъ ничего подозрительнаго. Народъ не повѣрилъ ему и потребовалъ вторичнаго обыска, который совершился уже двадцатью четырьмя уполномоченными; кромѣ того сосчитали вязанки сѣна, растрепали нѣкоторыя изъ нихъ, но разумѣется не нашли ничего. Озлившись на свою собственную ошибку и разочаровавшись въ своемъ ожиданіи какого-нибудь интереснаго зрѣлища, толпа потребовала, чтобы всѣ приглашенные гости, мужчины и женщины, убрались домой и не иначе, какъ пройдя пѣшкомъ всю улицу, въ самомъ концѣ которой имъ разрѣшено было сѣсть въ свои экипажи. «Сначала распорядились отправить прочь отъ подъѣзда пустыя кареты, потомъ всѣ посѣтители, мужчины во фракахъ, а дамы въ бальныхъ туалетахъ, дрожація отъ страха и съ опущенными глазами, должны были проходить между стоявшими по обѣ стороны, рядами, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, которые заглядываютъ имъ прямо въ лицо и осыпаютъ ихъ всякими обидными названіями».

Подозрѣваемый въ составленіи тайныхъ сборищъ и необезпеченный въ неприкосновенности своего жилища, имѣлъ ли дворянинъ по крайней мѣрѣ право являться въ публичномъ мѣстѣ, закусывать въ ресторанѣ и подышать тамъ на балконѣ чистымъ воздухомъ? Виконтъ де-Мирабо, обѣдавшій въ Пале-Роялѣ, высунулся въ окно, чтобы немного освѣжиться. Его узнали; тотчасъ же собралась толпа, которая кричала: «долой эту бочку — Мирабо!» «Въ ту же самую минуту въ него со всѣхъ сторонъ стали бросать мелкими камушками и булыжникомъ мостовой; однимъ изъ этихъ камней разбито было стекло того самаго окна; но Мирабо, сохранившій хладнокровіе, поднялъ брошенный камень, показалъ его толпѣ и преспокойно положилъ его около себя на подоконникъ, въ знакъ своей сдержанности». Но толпа разразилась на это руганью, такъ что друзья Мирабо

насилно увели его отъ окна, а для усмиренія этихъ наглыхъ негодаевъ необходимо было появленіе самого мѣра Балли. Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ они имѣли достаточную причину для выраженія своего чувства ненависти. Дворянинъ, въ котораго они пустили цѣлымъ градомъ каменье, былъ толстый и жирный кутила, любившій поѣсть много и съ толкомъ, такъ что, на основаніи этого, чернь представила его себѣ чудовищемъ, даже хуже того, просто какимъ-то людоѣдомъ.

По поводу дворянъ, главная вина которыхъ заключалась въ ихъ утонченной образованности и свѣтскости, возбужденное воображеніе толпы положительно создавало небылицы. Жившій въ улицѣ Ришелье, де-Монлюэ замѣчалъ, что народъ провожаетъ его глазами всякій разъ, когда онъ отправлялся въ національное собраніе. Въ особенности упорно смотрѣла на него одна женщина лѣтъ тридцати, торговавшая мясомъ на лодкѣ въ пассажѣ Сентъ-Гильомъ, «и каждый разъ, когда онъ проходилъ мимо ея, она принималась вострить свой длинный и широкій ножикъ, причѣмъ бросала на него самые свирѣпыя взгляды». Въ разговорахъ съ своею экономкою, онъ узналъ, что въ ихъ кварталѣ были украдены цыганами двое маленькихъ дѣтей и нигдѣ не могутъ найти ихъ, вслѣдствіе чего въ народѣ распространилась молва, что де-Монлюэ, маркизь де-Мирабо и другіе депутаты правой стороны «сходятся на свои оргіи, гдѣ лакомятся мясомъ маленькихъ дѣтей».

При такомъ настроеніи народныхъ умовъ, не было такого преступленія, котораго бы не приписывали дворянамъ; не было обиды, на которую бы не рѣшились относительно ихъ. Измѣнники, тираны, заговорщики, убійцы,—вотъ обычные названія, подъ которыми они были извѣстны въ клубахъ и въ газетахъ. Всѣ эти свойства соединялись въ кличѣ «аристократъ», и тотъ, кто осмѣлился бы сказать, что это безсовѣстно выдуманная на нихъ клевета, рисковалъ самъ быть заподозрѣннымъ въ аристократизмѣ. Въ Пале-Роялѣ сталъ упорно ходить слухъ, будто нѣкто де-Кастри, во время своей послѣдней дуэли, дрался шпагою, которая была вымазана ядовитымъ составомъ, и когда одинъ морской офицеръ сталъ громко опровергать ложность этого слуха, то его самого обвинили въ соучастничествѣ, тотчасъ же судили и рѣшили, «что его слѣдуетъ отослать въ казармы подъ арестъ или сейчасъ же бросить его въ бассейнъ». Пусть дворяне не осмѣливаются болѣе защищать свою честь обыкновеннымъ путемъ и на явное оскорбленіе отвѣчать вызовомъ. Въ Кастельно, близъ Кагора, одинъ изъ тѣхъ,

которые въ предшествовавшемъ году участвовали въ усмиреніи поджигателей, де-Беллюдъ, кавалеръ ордена св. Людовика, показавшійся на общественной площади съ своимъ братомъ лейбъ-гвардейцемъ, былъ встрѣченъ криками: на фонарь аристократовъ! Братъ его былъ въ утреннемъ халатѣ и въ туфляхъ. Не желая навивать себѣ неприятностей, они не отвѣтили на это ни однимъ словомъ. Проходившій мимо отрядъ національной гвардіи подхватилъ этотъ крикъ; но тѣ по прежнему промолчали. Крики все не смолкали. Тогда де-Беллюдъ попросилъ командира заставить замолчать своихъ подчиненныхъ. Онъ отказался и де-Беллюдъ потребовалъ у него удовлетворенія за чертою города. Въ эту самую минуту солдаты національной гвардіи кинулись на де-Беллюда со штыками. Братъ его получилъ ударъ саблею по воротнику, а онъ самъ, защищаясь саблею, слегка ранилъ при этомъ командира и еще одного солдата. Будучи одни противъ такого множества людей, оба брата ретировались въ свой домъ, который былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и гдѣ ихъ держали совершенно въ блокадѣ. Около семи часовъ вечера, къ осаждающимъ явилось изъ Кагора подкрѣпленіе въ лицѣ двухсотъ или трехсотъ національныхъ гвардейцевъ. Домъ былъ взятъ приступомъ, а лейбъ-гвардеецъ, бросившійся бѣжать въ поле, вывихнулъ себѣ ногу и былъ взятъ въ плѣнъ. Де-Беллюдъ успѣлъ тѣмъ временемъ укрыться въ другомъ домѣ и тамъ продолжалъ защищаться; тогда домъ этотъ подожгли и онъ загорѣлся вмѣстѣ съ двумя сосѣдними домами. Найдя себѣ убѣжище въ погребѣ, преслѣдуемый де-Беллюдъ все еще продолжалъ отстрѣливаться; чтобы вызвать его оттуда, въ отверстіе стали бросать пучки зажженной соломы. Почти задохнувшійся отъ дыма, онъ, наконецъ, вышелъ, выстрѣломъ изъ пистолета убилъ на-повалъ перваго, бросившагося на него человѣка, а другимъ выстрѣломъ убилъ самого себя. Тогда ему отрубили голову, также какъ и его лакею; лейбъ-гвардейца заставили цѣловаться съ этими обѣими отрубленными головами, а когда онъ попросилъ пить, то вмѣсто стакана воды, къ его губамъ поднесли окровавленную голову его брата, и раскрыли ему ротъ, чтобы капавшая изъ нея кровь попадала ему прямо въ горло. Затѣмъ, ликующая толпа отправилась въ Кагоръ съ двумя отрубленными головами на штыкахъ и съ лейбъ-гвардейцемъ, посаженнымъ въ телѣгу. На пути она остановилась противъ дома, гдѣ собирался литературный кружокъ, на который подозрительно смотрѣли члены якобинскаго клуба; раненаго стащили съ телѣги, повѣсили, разрядили свои ружья, стрѣляя въ его трупъ, потомъ бросились въ помещеніе

кружка, «гдѣ ломаютъ все, выбрасываютъ изъ оконъ мебель и разносятъ самый домъ». Всѣ народныя экзекуціи вообще имѣютъ такой характеръ; онѣ быстры, рѣшительны и подобны казни, собственноручно совершаемой какимъ нибудь восточнымъ деспотомъ, который мгновенно, безъ суда и слѣдствія, мститъ за оскорбленіе своего величества, и за всякую обиду опредѣляетъ всегда одно и то же наказаніе—смерть. Въ Тюль, де-Массей, лейтенантъ королевскаго наварскаго полка, ударившій человѣка, его оскорбившаго, былъ схваченъ въ томъ домѣ, куда онъ скрылся, и не смотря на вмѣшательство администраціи, тотчасъ же убитъ. Въ Брестѣ, кто-то нарисовалъ углемъ, на стѣнахъ одной посѣщаемой военными кофейни, двѣ антиреволюціонныя карикатуры; разъяренная толпа бросилась изъ-за этого на всѣхъ офицеровъ; одинъ изъ нихъ, Патри, сознался, что это его дѣло и видя, что народъ готовился его растерзать, хотѣлъ застрѣлиться, но у него вырвали изъ рукъ его оружіе, а когда муниципальныя власти явились выручать его, то уже не застали его живымъ: «онъ только что испустилъ духъ отъ множества нанесенныхъ ему ранъ», и вслѣдъ затѣмъ его отрубленная голова моментально появилась на остріѣ пики. Нѣтъ, гораздо лучше жить подъ деспотическимъ скипетромъ восточнаго властелина, потому что онъ не можетъ быть ни вездѣсущимъ, ни постоянно до бѣшенства изступленнымъ, какъ чернь!

Ни въ общественной, ни въ частной жизни, ни въ деревнѣ, ни въ городѣ, ни въ разныхъ кружкахъ, ни отдѣльно, дворяне нигдѣ не могли укрыться отъ нея. Какъ мрачная, зловѣщая туча нависла надъ ихъ головами народная ненависть, и во всей странѣ, изъ конца въ конецъ, гроза раздражалась градомъ непрерывныхъ придиорокъ, обидъ, клеветъ, захватовъ и насилій; то тамъ, то здѣсь, почти ежедневно, какой нибудь смертельный громовой ударъ падалъ случайно на голову самыхъ смирныхъ, безобидныхъ людей, то на спящаго старика-дворянина, то на прогуливающагося кавалера ордена св. Людовика, то на молящееся въ церкви семейство. Но въ средѣ этого, мѣстами окончательно придавленнаго и всюду избиваемаго дворянства, молниеносная стрѣла отыскивала какъ-бы predeterminedъ къ гибели отдѣльную группу, которая особенно притягивала ее къ себѣ и которую она поражала; это была корпорація офицеровъ.

VI.

Выключая небольшого числа фатовъ, всегдашнихъ посѣтителей гостинныхъ, любимцевъ двора и добившихся первоклассныхъ степеней посредствомъ лакейскихъ интригъ, именно въ этой группѣ, и преимущественно въ среднихъ слояхъ ея, можно было найти тогда наиболѣе нравственно благородныхъ людей. Во всей Франціи не было личностей, обладавшихъ въ такой степени солидными и на дѣлѣ доказанными достоинствами; одинъ гениальный человѣкъ (Кювье), имѣвшій случай часто посѣщать ихъ въ своей молодости, отдалъ имъ въ этомъ полную справедливость и отозвался объ нихъ, что многіе изъ нихъ были люди «самаго пріятнаго характера и самаго возвышеннаго ума». И дѣйствительно, большинство ихъ смотрѣло на военную службу не какъ на честолюбивую цѣль составить себѣ карьеру, а какъ на долгъ, къ которому они призваны были по своему рожденію. Во всякой дворянской фамиліи уже было поставлено за правило, чтобы одинъ сынъ непременно служилъ въ арміи.

О быстромъ повышеніи въ чинахъ никто изъ нихъ и не думалъ. Онъ исполнялъ долгъ, къ которому его обязывало общественное положеніе; такого сознанія было для него вполне достаточно, такъ что послѣ двадцати или тридцатилѣтней службы онъ не имѣлъ права рассчитывать на чтонибудь болѣе, какъ на полученіе ордена св. Людовика, а иногда и просто какой-нибудь жалкой пенсіи. Изъ девяти или десяти тысячъ офицеровъ, вышедшее изъ среды мелкаго и бѣднаго провинціального дворянства, лейбъ - гвардейцы, лейтенанты, капитаны, майоры, подполковники и даже полковники, не претендовали на чтонибудь высшее. Безропотно вынося несправедливости и нарушенія порядка въ производствѣ, обрѣченные оставаться вѣчно въ своемъ второстепенномъ чинѣ, они предоставляли высшія должности наследникамъ знатныхъ фамилій, постояннымъ посѣтителямъ или выскочкамъ Версаля, и довольствовались ролью надежныхъ охранителей порядка и храбрыхъ защитниковъ государства. При такихъ умѣренныхъ требованіяхъ, если человѣкъ не подлець по своей натурѣ, то чувства его непременно дѣлаются благороднѣе: онъ ставляетъ себѣ за честь служить безъ вознагражденія; онъ болѣе ничего не имѣетъ въ виду, кромѣ общественной пользы, тѣмъ болѣе, что въ данную минуту этотъ вопросъ занималъ всѣ умы и раз-

работывался, какъ словесно, такъ и на бумагѣ. Практическая философія, та самая, духъ которой заключался въ полнѣйшемъ самоотверженіи, никуда не проникла такъ глубоко, какъ въ эту группу лучшихъ, но неопѣненныхъ по своему достоинству, людей. Подъ ихъ полированной, блестящей, иногда, пожалуй, легкомысленною внѣшностью крылись глубокія душевныя свойства; ихъ старинное понятіе о долгѣ и чести превратилось въ патриотизмъ. Поставленные для приведенія въ исполненіе законовъ, имѣя въ своихъ рукахъ силу для поддержанія мира посредствомъ страха, они сознавали всю важность своей служебной обязанности и, въ продолженіи двухъ лѣтъ, постоянно исполняли ее съ должнымъ чувствомъ мѣры, съ мягкостью и необыкновеннымъ терпѣніемъ, не только подвергая свою жизнь опасности, но, посреди страшныхъ и безпрестанно повторявшихся оскорбленій, поступаясь своею властью, своимъ самолюбіемъ и подчиняя свою волю способныхъ людей неспособной диктатурѣ новыхъ, навязанныхъ имъ начальниковъ.

Тяжело было для офицера-дворянина повиноваться требованіямъ буржуазнаго, экспромтомъ созданнаго муниципалитета; подчинить свое знаніе дѣла, свою храбрость и свое благоразуміе промахамъ и тревожнымъ недоумѣніямъ пяти или шести новичковъ-прокуроровъ; предоставить свою инициативу и свою энергію въ распоряженіе ихъ самолюбія, ихъ нерѣшительности и ихъ слабости, даже въ такихъ случаяхъ, когда ихъ приказанія или отказы въ отдачѣ этихъ приказаній оказывались очевидно нецѣльными и вредными; даже въ такихъ случаяхъ, когда послѣднія прямо противорѣчили предшествовавшимъ инструкціямъ, полученнымъ имъ отъ своего генерала и отъ министра своего вѣдомства; даже когда все это вело къ открытому грабежу на рынкѣ, къ поджогу какого-нибудь замка, къ убійству совершенно невинной личности; даже когда отъ него настойчиво требовали, чтобы онъ присутствовалъ при совершеніи подобнаго убійства, не обнажая сабли и сложа руки. Тяжело было для офицера-дворянина смотрѣть на то, какъ рядомъ съ его войскомъ формировалось другое, независимое, народное, буржуазное, соперничающее и даже враждебное ему войско, во всякомъ случаѣ вдасятеро болѣе многочисленное, столь же требовательное, какъ и обидчивое; тяжело было быть поставленнымъ относительно его въ необходимость оказывать ему всякія любезности и почтительность, уступать ему занимаемые своимъ собственнымъ войскомъ посты, арсеналы, крѣпости, обходиться съ его начальниками, какъ съ равнымъ себѣ, не смотря на ихъ

крайнее невѣжество, а часто и на всю гнусность ихъ личныхъ свойствъ, кто бы они ни были, въ одномъ мѣстѣ адвокатъ, въ другомъ — капуцинскій монахъ, въ третьемъ — какой-нибудь пивоваръ или сапожникъ, чаще всего ярый демагогъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ или деревняхъ просто дезертиръ, или выгнанный изъ поля за дурное поведеніе солдатъ, оказывавшійся иногда однимъ изъ солдатъ его же собственной команды, котораго онъ когда-то выгналъ изъ своего полка съ волчьимъ паспортомъ, предоставивъ ему отправляться на всѣ четыре стороны безобразничать гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не въ полку. Тяжело было для офицера-дворянина быть ежедневно и публично предметомъ клеветы и злословія его чина и его положенія; получать названіе измѣнника въ клубахъ и газетахъ; быть называемымъ по имени съ цѣлю возбужденія противъ него подозрѣній и народной ярости; быть мишенью для всякаго рода оскорбительныхъ насмѣшекъ на улицѣ и въ театрѣ; выносить непослушаніе своихъ подначальныхъ солдатъ; потворствовать ложнымъ доносамъ, клеветамъ, арестамъ, вымогательствамъ денегъ, побоямъ со стороны этихъ людей и черни; всегда имѣть въ виду самую ужасную, постыдную смерть, которая никѣмъ не будетъ отомщена, въ родѣ той насильственной смерти, которою погибъ де-Лонэ въ Парижѣ, де-Бельжюксъ въ Канѣ, де-Боссэ въ Марсели, де-Буазенъ въ Валенсѣ, де-Рюльи въ Бастіи, де-ла-Рошталъ въ Сентъ-Этьеннѣ, де-Модюи въ Портъ-о-Пренсѣ. И все это терпѣливо переносилось офицерами изъ дворянъ. Ни одинъ муниципалитетъ, даже якобинскій, не могъ найти предлога, чтобы указать хотя на одинъ примѣръ, ослушанія съ ихъ стороны. Посредствомъ вѣжливаго обращенія и умѣнья держать себя, они избѣгали всякаго столкновенія съ національными гвардейцами. Они сами никогда не вызывали ихъ на неприятность; но если это дѣлалось со стороны послѣднихъ, то они весьма рѣдко отражали ихъ нападенія. Неосторожные разговоры, горячность выраженій, острые слова, — вотъ въ чемъ заключается вся главная вина ихъ; какъ добрыя пастушья собака, находящаяся посреди испуганнаго чѣмъ нибудь постороннимъ стада, которое давить ихъ своими копытами и бьетъ рогами, они позволяли давить и бить себя, не кусая тѣхъ, кто причинялъ имъ боль, и которыя до конца остались бы исполнять свое дѣло, если бы ихъ не отогнали прочь.

Но ничто не помогало. Двойнѣ подозрѣваемые, какъ члены сословія, обреченнаго на истребленіе, и какъ начальники вооруженной силы, они должны были испытывать на себѣ обще-

ственное недовѣріе, выразившееся именно противъ нихъ всплывшими гнѣва, которыя въ особенности были сильны потому, что употребляемый ими способъ обезоруженія своихъ враговъ еще болѣе разжигалъ послѣднихъ. Набранная изъ вольнонаемныхъ людей, «изъ среды пылаго, буйнаго и уже нѣсколько развращеннаго народа», королевская армія состояла «изъ самыхъ горячихъ, самыхъ буйныхъ и самыхъ развратныхъ личностей, какъ бы выбранныхъ изъ цѣлой націи». Прибавьте къ этому еще всякую сволочь изъ притоновъ нищенства, порядочное количество которой облеклось въ военный мундиръ. Если притомъ принять въ соображеніе скудное жалованье, дурную пищу, строгую дисциплину, трудное повышеніе и мѣстные случаи дезертирства, то господствовавшее въ этой арміи дезертирство и рознь нѣсколько не должны показаться удивительнымъ; для такихъ людей приманка своеволія была слишкомъ велика, чтобы они могли устоять противъ нея. При самомъ началѣ имъ вскружили голову попойками, публичными женщинами, раздачею денегъ, и изъ Парижа эта зараза сообщилась и провинціямъ. Въ Бретани, гренадеры и стрѣлки Иль-де-Франса «продаютъ свое платье, свое оружіе, свою обувь и потомъ требуютъ себѣ выдачи жалованья впередъ, чтобы пропить его въ кабацѣ»; пятьдесятъ шесть человѣкъ пентьеврскихъ солдатъ «хотѣли убить своихъ офицеровъ», и все заставляло предполагать, что, предоставленные самимъ себѣ, они въ скоромъ времени, не получая болѣе жалованья, «отправятся грабить и убивать по большимъ дорогамъ». Въ департаментѣ Эры и Луары, драгуны, вооруженные саблями и пистолетами, ходили по мызамъ и отбирали у ихъ хозяевъ хлѣбъ и деньги, а пѣхотинцы полка Рояль-Комтуа (Royal-Comtois) и драгуны полка Колонель-Женераль дезертировали цѣлыми толпами, чтобы отправиться въ Парижъ, гдѣ такъ весело жилось. У нихъ прежде всего была на умѣ мысль о томъ, «чтобы попить всласть». И дѣйствительно, большія возмущенія, происшедшія въ войскѣ за первый періодъ этого времени, парижскія, версальскія, безансонскія, страсбургскія, и начиналась, и кончались оргіями. На этой почвѣ грубыхъ похотей возросли естественныя честолюбивыя стремленія. Уже болѣе двадцати лѣтъ многіе солдаты влучивались читать и полагали себя вполне способными исполнять офицерскую обязанность. Кромѣ того, четвертая доля этихъ вольнонаемныхъ молодыхъ людей родилась въ такой обстановкѣ, гдѣ люди пользуются даже нѣкоторымъ избыткомъ и которыхъ заставлялъ избрать военную карьеру какой нибудь безразсудный

поступокъ. Они задыхались въ этомъ узкомъ, низкомъ, мрачномъ и замкнутомъ проходѣ, изъ котораго выбраться имъ не было никакой возможности, потому что впереди ихъ находилась масса привилегированныхъ по своему происхожденію людей, и для того, чтобы пробить себѣ путь, они должны были пойти противъ своихъ начальниковъ. Вотъ и причина для появленія недовольныхъ, резонеровъ, ораторовъ солдатской артели, а затѣмъ, между этими казарменными политиками и уличными политиками немедленно заключался полнѣйшій союзъ. Исходя изъ одного и того же источника, они шли къ одной и той же цѣли, тѣмъ же самымъ путемъ, и дѣятельно работающее воображеніе, которое очернило правительство въ мнѣніи народа, очерняло офицеровъ во мнѣніи солдатъ.

Казна была совершенно истощена, вслѣдствіе чего были случаи задержки выдачи жалованья даже за прошлое время. Города, обремененные долгами, не могли исправно доставлять свою долю денежныхъ взносовъ, такъ что въ Орлеанѣ, въ виду безвыходнаго положенія муниципалитета, швейцарцы изъ Шатовье должны были сами предложить вычетъ изъ своего жалованья по одному су съ человѣка, чтобы пользоваться топливомъ во время зимы. Въ зерновомъ хлѣбѣ ощущался большой недостатокъ, запасы муки оказывались испорченными, а солдатскій паекъ, который и безъ того былъ плохъ, сталъ въ настоящее время еще хуже. Администрація, подточенная прежними злоупотребленіями, совсѣмъ разстроилась водвореніемъ новаго безпорядка, и солдаты терпѣли пріятномъ какъ отъ ея распадешя, такъ и отъ ея неразсчетливыхъ растратъ. Они полагали, что ихъ обирали, жаловались на это, сначала умѣренно, и на ихъ справедливыя заявленія обращено было вниманіе. Вскорѣ потомъ они потребовали отчета въ расходующихъ суммахъ и онъ былъ имъ представленъ. Въ Страсбургѣ, при повѣрѣ сдѣланной въ присутствіи Келлермана и комисара національнаго собранія, имъ было доказано, что отъ ихъ суммъ никто не пользовался ни однимъ су; тѣмъ не менѣе имъ тутъ же выдали по шести франковъ награды на каждого человѣка, причеиъ солдаты кричали, что они совершенно довольны и что болѣе они уже ни о чемъ не просятъ. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ являлись новыя жалобы, новыя повѣрки; одинъ штандартъ-юнкеръ, обвиняемый въ корыстныхъ злоупотребленіяхъ и котораго они хотѣли повѣсить, былъ тотчасъ же потребованъ въ судъ, гдѣ отчетность его книгъ оказалась вполнѣ исправною и вѣрною; никто изъ нихъ не могъ привести ни одной улики въ его

виновности и на этот раз они должны были замолчать. Въ другой разъ, когда имъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ читали отчеты, они зѣвали, не слушали совѣмъ и уходили въ кабачекъ, чтобы промочить себѣ горло. Но цифра ихъ денежныхъ претензій, сложившаяся въ ихъ головахъ по расчетамъ, сдѣланнымъ артельнымъ счетчикомъ, уже засѣла въ ихъ мозгу такъ, что ее ничѣмъ нельзя было выбить оттуда; она укоренилась тамъ и постоянно возобновлялась въ ихъ памяти, такъ что никакіе отчеты, никакія опроверженія не могли поколебать ее. Къ чему вся эта бесполезная письменная процедура и разговоры; имъ не это нужно, а деньги 11,000 ливровъ бонскому полку, 39,500 ливровъ форецскому, 44,000 сальмскому, 200,000 шатоввезскому, и многимъ другимъ. Тѣмъ хуже для офицеровъ, если въ кассѣ мало наличныхъ денегъ; пусть они сдѣлаютъ складчину между собою или пусть займутъ на свое имя у муниципалитета или у городскихъ богачей. Для большаго обезпеченія себя въ этомъ отношеніи, во многихъ мѣстахъ солдаты взяли къ себѣ войсковую кассу и приставили къ ней караулъ; вѣдь касса составляетъ ихъ собственность, такъ какъ они сами составляютъ полкъ, и во всякомъ случаѣ она будетъ надежнѣе сохранена въ ихъ рукахъ, чѣмъ въ рукахъ людей подозрительнаго свойства. Уже 4 июня 1790 г., военный министръ доводилъ до свѣдѣнія собранія, «что въ военномъ вѣдомствѣ нужно въ самомъ скоромъ времени опасаться полнѣйшей анархіи». Въ своемъ докладѣ онъ указывалъ прямо «на самыя неслыханныя претензіи, заявляемыя безъ всякихъ околичностей; на приказанія, остающіяся безъ исполненія; на лишенное всякаго авторитета начальство; на унесеніе солдатами полковой кассы и знаменъ къ себѣ; на королевскія повелѣнія, встрѣчаемыя съ явнымъ ослушаніемъ; на терпящихъ всякія оскорбленія, униженія, угрозы, даже изгнаніе изъ полковъ офицеровъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ остаются какъ бы плѣнниками посреди своихъ подчиненныхъ, гдѣ они влечутъ жизнь полную тревогъ и отвратительныхъ униженій; а къ довершенію ужаса, на командировъ, убиваемыхъ въ глазахъ своихъ собственныхъ солдатъ, которые иногда сами принимаютъ участіе въ такого рода убійствахъ».

Послѣ іюльской федераціи положеніе вещей еще болѣе ухудшилось. Угощаемые, балуемые и поучаемые въ клубахъ, ихъ депутаты, унтеръ-офицеры и солдаты, возвращались въ полкъ якобинцами и съ той самой поры начинали переписываться съ парижскими якобинцами, получая отъ нихъ инструкціи и от-

давая имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ». Три недѣли спустя, военный министръ лично явился предупредить національное собраніе на счетъ того, что своеволие арміи перешло всякія границы. «Безпрестанно прѣзжаютъ курьеры съ какою нибудь новою жалобою». Въ одномъ мѣстѣ «требуютъ выдачи воинскихъ капиталовъ, съ предложеніемъ раздѣлить ихъ». Въ другомъ мѣстѣ, гарнизонъ, съ барабаннымъ боемъ, вышелъ за городъ, отрѣшилъ отъ должности своихъ офицеровъ и воротился опять обратно съ саблями на-голо. Каждый полкъ сталъ управляться комитетомъ, состоящимъ изъ солдатъ; «въ этихъ-то комитетахъ и подготовлялся два раза арестъ подполковника Пуату; тамъ же положено было начало бунту полка Рояль-Шампань», выразившемся въ отказѣ признать своимъ начальникомъ присланнаго въ полкъ подпоручика. «Каждый день кабинетъ министра бываетъ полонъ солдатъ, присланныхъ къ нему въ качествѣ депутатовъ, которые съ надменнымъ видомъ являются передавать волю своихъ довѣрителей». Наконецъ, въ Страсбургѣ, семь полковъ, выбравъ изъ среды себя по три уполномоченныхъ, учредили военный конгрессъ.

Въ томъ же мѣсяцѣ вспыхнулъ страшный бунтъ въ Нанси; взбунтовались три полка, съ ними вмѣстѣ чернь, причемъ былъ разграбленъ арсеналъ; на улицахъ происходила самая отчаянная битва въ продолженіи трехъ часовъ; бунтовщики стрѣляли въ окна домовъ и въ отверстія погребовъ, послѣ чего оказалось пятьсотъ убитыхъ между побѣдителями и три тысячи труповъ между побѣжденными.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ начался другой бунтъ, продолжавшійся шесть недѣль,—бунтъ, хотя менѣе кровопролитный, но болѣе обширный по своимъ размѣрамъ, болѣе обдуманый, болѣе упорный, въ которомъ участвовала вся брестская эскадра, состоящая изъ двадцати тысячъ человекъ, взбунтовавшаяся сначала противъ своего адмирала и противъ своихъ офицеровъ, потомъ противъ новаго уголовного кодекса и противъ самого національнаго собранія, которое, послѣ тщетныхъ увѣщаній, было вынуждено не только отказаться отъ принятія крутыхъ мѣръ для наказанія мятежниковъ, но даже измѣнить самый законъ.

Съ этой минуты уже невозможно было перечестъ всѣхъ возмущеній, происходившихъ во флотѣ и въ арміи. Съ разрѣшенія самого министра, солдатъ отправлялся въ клубъ, гдѣ ему повторяли, что его офицеры, будучи аристократами, всѣ до одного измѣнники; а въ Дюнкирхенѣ его даже, сверхъ того, научили и способамъ избавиться отъ нихъ. Яростные крики, доносы, ос-

корбленія, ружейные выстрѣлы являлись самыми естественными приемами въ подобныхъ случаяхъ и ихъ тотчасъ же пускали въ ходъ. Но былъ придуманъ еще другой способъ, недавно открытый, посредствомъ котораго можно было выгнать энергичнаго и опаснаго офицера. Для этого отыскивали какого-нибудь патриота-бретера, который долженъ былъ вывести его изъ себя какою нибудь нахальною выходкою. Если офицеръ будетъ драться съ нимъ на дуэли и не будетъ убитъ, то муниципалитетъ долженъ потребовать его къ суду, послѣ котораго его прямые начальники удалятъ его изъ полка, вмѣстѣ съ его секундантами, «чтобы не нарушить согласія, которое должно существовать между военнымъ и гражданскимъ сословіями». Если же онъ откажется отъ вызова на дуэль, то преврѣніе солдатъ заставитъ его покинуть полкъ. Такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ оказывалась возможность избавиться отъ него. Чего стѣсняется относительно ихъ? Несомнѣнно, что офицеръ-дворянинъ, находящійся на-лицо или отсутствующій, навѣрно участвуетъ въ заговорѣ съ своими эмигрировавшими товарищами. По поводу этого сложилась даже цѣлая легенда. Прежде, стараясь доказать, что кули съ мукою бросали въ рѣку, солдаты увѣряли, что будто эти кули были всѣ связаны голубыми лентами (cordon bleu); теперь, для того, чтобы повѣрили, что какой нибудь офицеръ находится въ заговорѣ съ кобленцами эмигрантами, достаточно было засвидѣтельствовать, что онъ ѣздитъ верхомъ на бѣлой лошади. Такъ, одного капитана чуть не удушили шарфомъ въ Страсбургѣ за такого рода преступленіе: «потому что самъ чортъ не могъ бы выбить изъ ихъ головъ засѣвшую тамъ мысль, что этотъ человѣкъ взялся за ремесло шпиона, и что маленькая левретка», которая всюду сопровождала его во время прогулокъ, «служить ему средствомъ подавать разные сигналы».

Годъ спустя, когда національное собраніе довершило свое дѣло, Ламеть, Фрето, Альеке, довели до его свѣдѣнія, что Люкнеръ, Рошамбо и самые популярныя генералы «уже болѣе ни за что отвѣчать не могутъ». Оверньскій полкъ прогнавъ своихъ офицеровъ и сформировалъ изъ себя совсѣмъ отдѣльное общество, которое никому не повинуется. Второй бокскій батальонъ собирается выжечь городъ Аррасъ. А въ Фальсбургѣ пришлось прибѣгнуть къ осадному положенію для усмиренія его взбунтовавшагося гарнизона. Въ одномъ мѣстѣ «солдаты оказывали формальное ослушаніе приказаніямъ генерала». Въ другомъ мѣстѣ «нужно убѣдительно просить солдатъ не покидать своего караула, и за ослушаніе не смѣютъ посадить ихъ

подъ арестъ; они безирестанно грозятъ своимъ офицерамъ, что будутъ въ нихъ стрѣлять, когда тѣ препятствуютъ имъ сворачивать съ дороги куда нибудь въ сторону для грабежей, причемъ они уже однажды прицѣливались въ капрала, который хотѣлъ удержать ихъ отъ этого». Въ Блуа, одна часть полка «вдругъ явилась безъ платья и безъ оружія, потому что, во время пути, солдаты все продали, чтобы удовлетворить разгулу своихъ плотскихъ страстей». Одинъ изъ нихъ, избранный депутатомъ отъ своихъ товарищей, предлагалъ парижскимъ якобинцамъ очистить армию отъ аристократовъ, перебивъ вездѣ дворянъ. Другой, при громкихъ рукоплесканіяхъ всего клуба, объявилъ, «что замѣтивъ, какъ дурно сдѣланы палисады въ Живэ, онъ намѣренъ донести на оплошность военного министра въ трибуналь шестаго округа Парижа».

Очевидно, что для офицеровъ-дворянъ такое положеніе дѣлалось невыносимымъ; такъ что, промучившись такимъ образомъ въ продолженіи двадцати трехъ мѣсяцевъ, многіе изъ нихъ сочли долгомъ своей совѣсти удалиться совсѣмъ, когда національное собраніе потребовало отъ нихъ еще третью присягу, изъ формулы которой исключено было имя короля, ихъ прирожденнаго главнокомандующаго. Другіе выходили въ отставку къ концу конституціоннаго собранія, «потому что они рискуютъ быть повѣшенными». Большинство ихъ подало въ отставку въ концѣ 1791 года и въ началѣ 1792 года, по мѣрѣ того, какъ обнаруживались послѣдствія новаго кодекса и новаго способа набирать армию.

Дѣйствительно, съ одной стороны, когда солдаты и унтеръ-офицеры стали принимать участіе въ избраніи своихъ начальниковъ и пользоваться правомъ засѣдать въ военныхъ судахъ, исчезла даже всякая тѣнь дисциплины; чистый капризъ руководилъ рѣшеніями этихъ судовъ; солдатъ уже пріобрѣлъ привычку не обращать вниманія на своихъ начальниковъ, отъ которыхъ онъ уже не боялся получить никакого наказанія и не ожидалъ никакихъ наградъ; офицеры чувствовали всѣ свои дѣйствія парализованными въ такой степени, что личность ихъ становилась какъ-бы совершенно лишней.

Съ другой стороны, большинство національныхъ волонтеровъ состояло «изъ людей, купленныхъ общинами» и административными вѣдомствами, «изъ негодяевъ, взятыхъ съ улицы, изъ деревенскихъ бродягъ, которыхъ заставляли идти на службу или по жребію, или за деньги»; къ нимъ присоединились еще нѣсколько до фанатизма разгоряченныхъ головъ, такъ

что, начиная съ марта 1792 года, съ самаго мѣста ихъ завербованія до самой границы, путь ихъ всюду обозначался грабежами, кражами, опустошеніями и убійствами. Разумѣется, что во время пути и на границѣ они дѣлали доносы на своихъ офицеровъ, прогоняли ихъ отъ себя, сажали въ тюрьму или даже убивали. Не смотря на это, большое число офицеровъ изъ дворянъ, въ особенности инженеры и артиллеристы, настойчиво оставались на своихъ постахъ, одни изъ либеральныхъ принциповъ, другіе изъ чувства долга, даже послѣ 10 августа, даже послѣ 2 сентября, даже послѣ 21 января, какъ ихъ генералы: Биронъ, Кюстинъ, де-Форсъ, де-Брольи, де-Монтескю, имѣя всегда передъ собою въ перспективѣ гильотину, куда они попадутъ или прямо съ поля сраженія, или изъ канцелярій Карно.

VII.

Становилось необходимымъ офицерамъ и дворянамъ уходить совсѣмъ и притомъ за-границу, и не только имъ самимъ, но даже ихъ семьямъ. «Дворяне, имѣющіе не болѣе шестисотъ ливровъ годоваго дохода, отправляются въ этотъ путь пѣшкомъ», и на счетъ причины такого ухода не остается уже никакого сомнѣнія¹⁾. «Всякій, кто захочетъ безпристрастно вникнуть въ единственныя и настоящія причины эмиграціи,—такъ замѣчаетъ одинъ честный человѣкъ,—навѣрное отыщетъ ихъ въ анархіи». Если бы личной свободѣ не грозила ежедневно опасность, и если бы, «въ гражданскомъ и военномъ управленіи» не примѣнялся на практикѣ безумный, проповѣдуемый бунтовщиками догматъ, что на преступленія массъ нужно смотрѣть, какъ на небесное правосудіе, то внутри Франціи осталось бы три четверти всего количества людей, по необходимости сдѣлавшихся бѣглецами. Подвергаясь въ продолженіи двухъ лѣтъ опасностямъ испытать

---

¹⁾ *Mercure de France*, 5 mars, 4 juin, 3 septembre, 22 octobre 1791 (Articles de Mallet-Dupou). Ib., 14 avril 1792. «Волею 600 эгоистичныхъ офицеровъ подали въ отставку послѣ возмущенія брестской эскадры. Двадцать два случая возмущенія въ портахъ остались безнаказанными, многіе по приговорамъ морскаго суда». «Не было примѣра, чтобы возмущеніе въ портахъ или на судахъ, а также чтобы оскорбленіе офицеровъ было наказано... Вотъ что было причиною отставки морскихъ офицеровъ. Въ своихъ письмахъ, они пишутъ, что готовы отдать свою жизнь Франціи, до послѣдней капли крови, но отказываются командовать тѣми кто не повинуются».

самыя постыдныя униженія; терпя всевозможныя обиды, безчисленныя преслѣдованія; имѣя постоянно въ перспективѣ ножъ убійць, поджоги своихъ жилищъ рукою злодѣевъ, самыя гнусныя извѣты, доносы, «со стороны своихъ подкупленныхъ слугъ, домашніе обыски», назначаемыя вслѣдствіе какого нибудь негѣнаго уличнаго слуха, «тюремное заключеніе, вслѣдствіе произвола комитета, занимающагося розысками виновныхъ»; лишенныя своихъ гражданскихъ правъ, и выгнанныя изъ предварительныхъ собраній,—они должны были также явиться отвѣтчиками и за свой справедливый ропотъ и выносить наказаніе за ощущаемыя ими видимыя страданія, которыя, казалось, должны были бы тронуть сердце даже тогда, если-бы онѣ испытывались какимъ нибудь животнымъ». «При всемъ этомъ ни откуда не было сдѣлано попытки къ сопротивленію; начиная съ царскаго престола и кончая домою простаго сельскаго священника, пронесшійся надъ ними ураганъ ошеломилъ недовольныхъ въ такой степени, что они покорились постигшей ихъ участи. Предоставленные ярости волнующихся клубовъ, доносчиковъ, застращенныхъ администраторовъ, они постоянно встрѣчали палачей тамъ, гдѣ благоразуміе и сохраненіе основъ государства ставило имъ въ обязанность какъ бы не видѣть и не замѣчать своихъ враговъ... Всякій, кто съ отвращеніемъ относился къ общественному фанатизму и жестокости; всякій, кто выразилъ хотя чѣмъ нибудь свое участіе къ жертвамъ, задавленнымъ обломками столькихъ законныхъ правъ и массою гнусныхъ злоупотребленій; наконецъ, всякій, кто осмѣливался возвысить голосъ, чтобы выразить свое сомнѣніе или жалобу,—былъ объявленъ врагомъ націи. Сравнивъ такимъ образомъ недовольныхъ съ заговорщиками, народъ узаконилъ въ общественномъ мнѣніи всѣ направленныя противъ нихъ преступленія. Общественная совѣсть, созданная мятежниками и тою шайкою политическихъ злодѣевъ, которые были бы позоромъ челоуѣчества даже у какой нибудь варварской націи, уже стала смотрѣть на захваты собственности и городской власти, какъ на національное правосудіе, и уже нѣсколько разъ бывали случаи, что вѣсть объ убійствѣ или произнесеніи смертнаго приговора надъ безвиннымъ челоуѣкомъ принималась съ радостными кликами восторга. Въ то время уже завелось два рода естественныхъ правъ, два рода суда, два рода понятій о нравственности; по правиламъ одной изъ нихъ, допускались относительно себѣ подобнаго, слышшаго за аристократа, такіе поступки, которые считались бы преступными относительно его же, если бы онъ былъ патриотомъ... Могъ ли кто нибудь предвидѣть,

что через два года Франція, обладающая такою массою законовъ, правителей, трибуналовъ, національной гвардіи, связанныхъ между собою торжественными клятвами по поводу соблюденія общественнаго порядка и спокойствія, все еще по прежнему будетъ представлять собою арену, гдѣ лютые звѣри будутъ пожирать безоружныхъ людей?» Всѣмъ, даже старикамъ, вдовамъ, дѣтямъ, вмѣняли въ преступленіе желаніе избавиться отъ ихъ когтей. Не разбирая, кто изъ этихъ людей спѣшитъ спастись бѣгствомъ, чтобы не сдѣлаться ихъ добычей, и кто вооружался, чтобы сдѣлать на Францію вмѣнное нападеніе, конституціонное и законодательное собраніе безъ различія изрекало свой приговоръ надъ всѣми отсутствующими. Конституціонное собраніе утроило налоги на ихъ движимыя и недвижимыя имущества и предписало сдѣлать тройной вычетъ изъ ихъ годовыхъ доходовъ и получаемыхъ оброковъ; а законодательное собраніе наложило запрещеніе, конфисковало и потомъ продало всѣ ихъ движимыя и недвижимыя имущества, выручивъ при этомъ тысячу пятьсотъ миліоновъ чистой прибыли. Пусть попробуютъ они воротиться теперь домой, гдѣ чернь уже отточила ножи, чтобы перерѣзать ихъ; если же они не воротятся, тогда и они сами, и ихъ потомства, навсегда останутся нищими. По этому поводу, переполненная мѣра негодованія выразилась у совершенно посторонняго человѣка, либерала и буржуа по рожденію, Маллэ Дюпана, въ слѣдующихъ словахъ: «Какъ! двадцать тысячъ семействъ, совершенно чуждыхъ планамъ собирающихся въ Кобленцѣ эмигрантовъ; двадцать тысячъ семействъ, разсѣянныхъ по всей Европѣ, вслѣдствіе ярыхъ криковъ клубовъ, преступленій разбойниковъ, недостатка въ постоянномъ обезпеченіи безопасности ихъ жизни, вслѣдствіе бессмысленнаго и подлаго бездѣйствія застрашенныхъ властей, вслѣдствіе разграбленія имѣній, вслѣдствіе дерзости когорты голодныхъ и оборванныхъ тирановъ, вслѣдствіе убійствъ и поджоговъ, вслѣдствіе гнуснаго лакейства не осмѣливающихся возвысить свой голосъ министровъ, вслѣдствіе всей этой массы сопровождающихъ революцію золь, — всѣ эти двадцать тысячъ доведенныхъ до отчаянія семействъ, всѣ эти женщины, старики, должны быть свидѣтелями того, какъ ихъ наслѣдственныя имѣнія сдѣлаются добычею національныхъ грабежей. Какъ! госпожа Гиллэнъ, которая въ ужасѣ должна была бѣжать изъ имѣнія, гдѣ эти чудовища сожгли домъ, въ которомъ она жила, зарѣзали и потомъ съѣли ея мужа, послѣ чего продолжали нахально оставаться въ ея сосѣдствѣ, — госпожа Гиллэнъ увидитъ все свое состояніе

конфискованнымъ въ пользу тѣхъ самыхъ общинъ, которымъ она обязана всѣми этими страшными несчастіями! А де-Кларакъ, подвергшійся такой же народной карѣ, долженъ будетъ со-временемъ принятъ за поправку своего полуразрушеннаго замка, гдѣ огромной толпѣ негодяевъ не удалось задуть его!»

Тѣмъ хуже для нихъ, если они не смѣютъ воротиться теперь. Всѣхъ ихъ должна постигнуть гражданская смерть, всѣ они подвергнутся вѣчной ссылке; а если они не выдержатъ ея, то ихъ ждетъ гильотина, и вмѣстѣ съ ними также и другихъ, еще болѣе неповинныхъ, которые покинули свое отечество, городскіе начальники, частные богатые люди, буржуа и католическіе крестьяне, а главнымъ образомъ цѣлая каста людей, состоящая изъ непринявшаго присягу духовенства, начиная съ кардинала-архіепископа и кончая самымъ послѣднимъ сельскимъ священникомъ,—всѣ, подвергнувшіеся гоненіямъ, лишены своей собственности, потому подавленные однимъ общимъ народнымъ гнетомъ и притѣсненіями законоположеній, причемъ каждый изъ этихъ двухъ способовъ преслѣдованія вызывалъ и обоюдно усиливалъ другой, до такой степени, что наконецъ чернь и законъ, сдѣлавшіеся между собою соучастниками, не оставляли болѣе ни крова, ни куска хлѣба, ни одного часа безопасной жизни, дворянину и священнику.

VIII.

И все это оттого, что господствующая страсть винить въ каждомъ случаѣ встрѣчающіяся препятствія, даже тѣ, которыя поставлены имъ же самимъ на своемъ пути. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго захвата власти въ свои руки, невѣрующее, равнодушное или нерадивое къ своему дѣлу меньшинство захотѣло непременно навязать свою форму церковныхъ обрядовъ католическому большинству, и положеніе, созданное имъ католическому священнику, было таково, что послѣднему оставалось только сдѣлаться схизматикомъ, если онъ не желалъ, чтобы на него смотрѣли, какъ на врага. Напрасно подчинился онъ заявленнымъ ему требованіямъ; напрасно отдалъ все свое имущество безъ сопротивленія, покинулъ свой домъ приходскаго священника, вручилъ ключи своей приходской церкви своему преемнику, а самъ держался въ сторонѣ, не нарушая, ни упущеніемъ, ни дѣйствіемъ, ни одной статьи изъ всѣхъ изданныхъ декретовъ. Напрасно пользовался онъ своимъ законнымъ правомъ, разрѣшавшимъ ему

воздержаніе отъ принятія присяги, которая противна его совѣсти. Черезъ это его обвиняли въ отказѣ и отъ принятія гражданской присяги, въ которую влючена была также и духовная присяга; въ томъ, что онъ будто бы отвергалъ конституцію, которую онъ признавалъ во всей ея цѣлости, за исключеніемъ лишь одной, вторгающейся въ чужую область статьи; въ томъ, что онъ будто бы противился новому соціальному и политическому порядку, который онъ въ большинствѣ случаевъ одобрялъ и которому почти всегда подчинялся. Напрасно замыкался онъ въ своей, исключительно принадлежавшей ему и признанной за нимъ сферѣ духовнаго пастыря. Этимъ самымъ онъ уже оказывалъ сопротивленіе новымъ законодателямъ, которые намѣревались сами принять на себя эту роль руководителей, потому что, въ качествѣ католическаго священника, онъ долженъ былъ считать избраннаго ими священника за отпаднаго члена церкви, а отправленіе послѣднимъ его церковныхъ обязанностей—незаконнымъ, причемъ онъ самъ, какъ духовный пастырь своихъ овецъ, долженъ былъ стараться не допустить ихъ утолять свою жажду у нечистаго источника. Напрасно, впрочемъ, сталъ бы онъ проповѣдовать своей паствѣ умѣренность и уваженіе къ новымъ церковнымъ учрежденіямъ. Потому только, что установилась схизма, послѣдствія ея обнаруживались уже сами собою, такъ какъ крестьяне не всегда были расположены послѣдовать примѣру своего терпѣливаго пастыря. Они знали его болѣе двадцати лѣтъ; отъ него они приняли св. крещеніе, онъ совершалъ надъ ними и таинство брака, и поэтому они полагали, что только онъ служилъ, какъ слѣдуетъ, настоящую обѣдню; они совсѣмъ не желали отправляться слушать другую церковную службу за двѣ или за три мили и покидать свою собственную, выстроенную ими самими церковь, гдѣ они сами, ихъ отцы и дѣды привыкли молиться; покидать ее ради того, что она отдана въ распоряженіе какаго-то новичка, пришльца, еретика, который совершалъ богослуженіе въ пустой церкви и котораго водворили къ нимъ вооруженные жандармы. Разумѣется, когда они будутъ встрѣчать его на улицѣ, то станутъ смотрѣть на него косо, и нѣтъ ничего удивительнаго, если въ скоромъ времени женщины и дѣти будутъ въ глаза насмѣхаться надъ нимъ; если ночью въ окна его дома полетятъ брошенные враждебною рукою камни; если въ департаментахъ особенно преданныхъ католицизму, въ верхне и ниже-рейнскомъ, въ дубскомъ и юрскомъ, въ лозерскомъ, въ де-севрскомъ и вандейскомъ, въ финистерскомъ, морбиганскомъ и Котъ-дю-Нордъ, его появленіе

сопровождалось общимъ удаленіемъ отъ него прихожанъ, за чѣмъ послѣдовало общее къ нему нерасположеніе, окончившееся его изгнаніемъ изъ прихода; если народъ являлся прерывать совершаемое имъ богослуженіе; если даже самая его личность оказывалась не въ безопасности; если питаемая къ нему ненависть, таившаяся до сихъ поръ только въ людяхъ высшихъ классовъ, сообщилась даже самымъ низшимъ слоямъ народа; если во всѣхъ концахъ Франціи скрытая вражда глухо роптала противъ новыхъ учрежденій, съ той поры, какъ политическая и социальная конституція слилась съ церковною конституціею, какъ зданіе съ своимъ шпикомъ, который привлекаетъ своимъ остриемъ молнію, свергающую въ мрачныхъ облакахъ неба. Все зло происходило отъ этой неумѣлой, безпричинной, насильственной спайки, слѣдовательно, отъ тѣхъ, кто взялся ее сдѣлать. Но не было еще примѣровъ, чтобы когда нибудь партія, одержавшая верхъ, созналась въ томъ, что она могла ошибиться, и въ ея глазахъ единственными виновниками во всемъ этомъ оказывались священники, которые отказались принять присягу; она раздражалась противъ ихъ непокорной совѣсти, и для подавленія такого рода возмущенія, даже въ недоступномъ для кого бы то ни было святилищѣ внутреннихъ убѣжденій, она не погнушалась прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ законнаго и грубаго насилія.

И вотъ началась новая травля на такого сорта дичь, количество которой было почти неистощимо, потому что въ составъ ея входили не только всѣ монашескіе ордена и лица духовнаго званія, носящія сѣрую или черную одежду, т. е. болѣе сорока тысячъ священниковъ, болѣе тридцати тысячъ монахинь, нѣсколько тысячъ монаховъ, но еще, сверхъ того, и всѣ сколько нибудь ревностные поклонники религіи, т. е. всѣ женщины низшаго и средняго сословія, не считая провинціального дворянства, большинства солидной и хорошо ведущей свои дѣла буржуазіи, большинства крестьянъ, почти всего населенія нѣсколькихъ восточныхъ, западныхъ и южныхъ провинцій. Этой категоріи людей дали также особенное названіе фанатиковъ, какъ уже дали всему дворянскому сословію названіе аристократовъ, причемъ и то, и другое названіе получило одинаковое значеніе: людей, враждебныхъ общественному благу и потому стоящихъ виѣ закона. Что за бѣда, что самый законъ на ихъ сторонѣ; его перетолковываютъ въ неблагопріятномъ для нихъ смыслѣ, самопроизвольно искажаютъ, открыто нарушаютъ пристрастными или застрашенными администраціями, которыхъ кон-

ституція отстраняла отъ авторитета центральной власти и подчиняла авторитету народныхъ скопищъ. Съ самыхъ первыхъ мѣсяцевъ 1791 года опять возобновилась эта облава, и весьма нерѣдко во главѣ загонщиковъ являлись сами муниципалитеты, окружное и департаментское начальство. Шестъ мѣсяцевъ спустя, декретомъ отъ 29 ноября, законодательное собраніе подало сигналъ и, не смотря на королевское veto, со всѣхъ сторонъ началась травля. Въ началѣ апрѣля 1792 года, сорокъ два департамента приняли противъ непринявшихъ присягу священниковъ «мѣры, которыхъ не предписывала и не разрѣшала конституція», и до окончанія засѣданій законодательнаго собранія, примѣру этихъ департаментовъ послѣдовали остальные сорокъ три. Вслѣдствіе цѣлой серіи подобнаго рода беззаконныхъ мѣропріятій, рѣшенныхъ безъ совершенія проступка и безъ суда, непринявшіе присягу священники были выгнаны изъ своихъ приходовъ во всей Франціи, водворены на постоянное, безвыѣздное жительство въ главномъ городѣ округа или департамента, а въ иныхъ мѣстахъ даже были прямо посажены въ тюрьму, присоединены къ разряду эмигрантовъ и лишены всѣхъ своихъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ. Не доставало еще только одного, именно, декрета о поголовномъ ихъ изгнаніи, что, впрочемъ, не заставило себя ждать и случилось тотчасъ вслѣдъ за постановленнымъ собраніемъ низложеніемъ короля.

Между тѣмъ національные гвардейцы, добывъ себѣ такого рода предписанія, тотчасъ же приступили къ исполненію ихъ, усиливая ихъ строгость вслѣдствіе своего личнаго усердія къ дѣлу. И въ такомъ ихъ враждебномъ настроеніи нѣтъ ничего удивительнаго. Въ торговлѣ былъ застой, всякая промышленность почти заглохла; и ремесленникъ, и лавочникъ оба страдали отъ этого, и для объясненія такого всеобщаго недовольства они находили только одну причину—это непокорность священниковъ. Если-бы не упрямство послѣднихъ, то, конечно, все пошло бы хорошо, потому что, по ихъ мнѣнію, конституція сама по себѣ была верхъ совершенства, и только священники одни не хотѣли признавать ее. А такъ какъ они не признаютъ ее, слѣдовательно, они нападаютъ на нее. Они составляютъ послѣднее препятствіе къ осуществленію общественнаго блага, пусть же они будутъ козлищами отпущенія. Невужно никакой пощады этимъ противнымъ людямъ, и городская милиція, то по своему собственному почину, то подстрекаемая своимъ соучастникомъ—муниципалитетомъ, являлась въ церковь для прекращенія богослуженія, разгоняла конгрегации, хватала священниковъ за горло, потомъ взащей выталаки-

вала ихъ вонь изъ города, съ угрозою повѣсить ихъ, если они осмѣлятся когда нибудь опять воротиться въ него. Въ Дуэ, толпа, съ ружьемъ въ рукахъ, принудила директорію департамента отдать приказъ о закрытіи всѣхъ молельнъ и домашнихъ церквей въ госпитальяхъ и монастыряхъ. Въ Каенѣ, также съ заряженными ружьями и захвативъ съ собою пушку, она отправилась громить сосѣдній версонскій приходъ, гдѣ врывалась въ дома и забрала человѣкъ пятнадцать подозрѣваемыхъ въ чрезмѣрномъ усердіи къ церкви, канониковъ, кушцовъ, мастеровыхъ, чернорабочихъ, женщинъ, дѣвицъ, стариковъ, слабыхъ и драхлыхъ; всѣмъ имъ остригли волосы, били ихъ прикладами ружей и, привязавъ ихъ къ хоботу пушки, такимъ образомъ привели въ Каенъ; и все это за то, что въ Версонѣ пока еще продолжалъ совершать богослуженіе непринявшій присягу священникъ и куда многіе изъ благочестивыхъ каенскихъ жителей ходили къ обѣднѣ, изъ чего слѣдовало заключить, что Версонъ есть также одно изъ гнѣздъ контръ-революціонеровъ. Кромѣ того, во всѣхъ домахъ, куда вторгалась эта милиція, вся мебель была поломана, у бочекъ съ виномъ было вышиблено дно, бѣлье, деньги и посуда были разграблены, потому что къ этой экспедиціи присоединилась также каенская чернь. Здѣсь, какъ и всюду въ другихъ мѣстахъ, послѣдней предоставляли распоряжаться въ подобныхъ случаяхъ по своему, потому что тутъ дѣло шло объ имуществѣ, свободѣ, жизни, оскорбленіи чувства сѣромности людей, которыхъ считали опасными. Вслѣдствіе этого, отказавшіеся отъ присяги священники и ихъ приверженцы, мужчины и женщины, находились теперь въ ея власти и, благодаря потворству вооруженной силы, которая отказывалась отъ вмѣшательства для предупрежденія такихъ безобразій, чернь смѣло удовлетворяла на этой отверженной группѣ людей свои обычные инстинкты жестокости, грабежа, цинизма и разрушенія.

Совершалось ли такого рода служеніе Богу публично или частнымъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ требовалось непремѣнное его воспрещеніе, причемъ средства, къ какимъ прибѣгали для воспрещенія, оказывались вполне достойными самихъ исполнителей. Въ одномъ мѣстѣ, непринявшій присяги священникъ, осмѣлившійся напутствовать одного тяжело-больнаго, навлекъ своимъ появленіемъ бѣду на его домъ, въ который ворвалась цѣлая толпа, выбила всѣ двери и окна, причемъ почти таковой же участи подвергся домъ живущаго по сосѣдству другаго священника. Въ другомъ мѣстѣ, квартиры двоихъ рабочихъ, обвиняемыхъ въ томъ, что они приглашали, для совершенія надѣ

своими дѣтьми обряда крещенія, одного изъ такихъ священниковъ-ослушниковъ, пострадали такъ, что въ нихъ все было переломано и перебито. Въ третьемъ, толпа всякой сволочи остановила погребальную процесію одного старика-священника, который умеръ, не принявъ присяги, и не допустила его погребенія на кладбищѣ. Въ четвертомъ—былъ случай вторженія въ церковь во время служенія вечерни, причемъ всѣ свамейки, алтарь и церковная утварь были поломаны; на слѣдующій день настала очередь другой сосѣдней церкви, а въ довершеніе всего, подвергся полнѣйшему разграбленію монастырь урсулинокъ.

Въ Ліонѣ, въ самый день Пасхи 1791 года, когда богомольцы выходили отъ ранней обѣдни, окончившейся въ шесть часовъ утра, толпа, вооруженная веревочными бичами, бросилась на женщинъ, которыхъ раздѣли, избили и потащили ихъ за ноги, головою внизъ, по грязи, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока онѣ, всѣ окровавленныя, лишились чувствъ; одна молодая дѣвушка не вынесла этого и тутъ же умерла. Подобнаго рода покушенія на скромность женщинъ до такой степени распространились, что даже въ Парижѣ свѣтскія дамы, отправлявшіяся слушать обѣдню, не выходили изъ дома иначе, какъ зашивъ свою рубашку наглухо, въ видѣ панталонъ. Разумѣется, для эксплуатированія предоставленной въ руки злодѣевъ добычи стали формироваться цѣлыя общества для подобнаго рода травли. Такія общества, болѣе или менѣе многочисленныя, смотря по населенію города или мѣстечка, образовались въ Монпелье, Арлѣ, Юзосѣ, Алэ, Нимѣ, Карпантрасѣ и въ болъшой части городовъ или мѣстечекъ гардскаго, вольюзскаго и герольскаго департаментовъ, однѣ, человекъ въ десять или двѣнадцать, другія, человекъ въ двѣсти или триста, состоявшія изъ всякой сволочи, добровольно взявшей за такую роль; въ числѣ ихъ были такіе, которые не давали спуска никому, прежніе разбойники и каторжники, у которыхъ на спинѣ еще не успѣли зарости наложенныя на нихъ вѣлья. Нѣкоторые изъ этихъ обществъ придумали для своихъ членовъ видимый знакъ, по которому они могли бы узнавать другъ друга, какую-то особенную медаль, и всѣ до одного присвоили себѣ названіе исполнительной власти, заявляя, что они ни отъ кого не зависятъ и что нужно «горячо браться за исполненіе закона». Предлогомъ для нихъ было побровительство присягнувшимъ священникамъ и, съ этою цѣлью, они впродолженіи двадцати мѣсяцевъ, начиная съ апрѣля 1791 г., дѣйствовали «толстыми дубинами съ желѣзными наконечниками», помимо пускаемыхъ въ ходъ сабель и штыковъ.

венно они совершали свои экспедиціи ночью. Нежданно вривались они въ дома гражданъ, заподозрѣнныхъ въ недостатокъ патриотизма, «въ дома отказавшихся принять присягу священниковъ, въ дома шеолъ христіанскаго братства, гдѣ все подвергалось ломкѣ, уничтоженію и расхищенію; владѣльцу дома тотчасъ же отдавался приказъ убираться изъ этого края втеченіи сутокъ, причеиъ иногда, въ видѣ мѣры предосторожности, его убивали на мѣстѣ. Впрочемъ эти шайки распорядились такимъ образомъ также и днемъ; онѣ сѣкли на улицахъ женщинъ, входили съ саблею на-голо въ церкви, выгоняли оттуда непріятныхъ присягу священниковъ, не давая имъ докончить совершаемаго богослуженія,—и все это дѣлалось, съ вѣдома и въ глазахъ парализованныхъ или снисходительно смотрящихъ на такіе подвиги властей, этимъ подобіемъ тайнаго и дополнительнаго правительства, которое бралось не только за пополненіе пробѣловъ въ церковныхъ законахъ, но даже присвоивало себѣ право распорядиться кошелекомъ частныхъ лицъ. Въ Нимѣ, подъ предводительствомъ какого-то танцевальнаго учителя патриота, не довольствуясь «приговорами къ изгнанію, грабежами и убійствами», эти новые заступники галликанской церкви вздумали еще взяться за способы подогрѣванія усердія жертвователей. Сначала предложена была подписка въ пользу семействъ повѣдающихъ свои дома волонтеровъ, послѣ чего исполнительная власть приняла на себя повѣрку списка пожертвованій; она облагала произвольно, какою ей вздумается, цифрою побора тѣхъ, кто ничего не далъ или далъ слишкомъ мало, и требовала «съ бѣдныхъ мастеровыхъ и рабочихъ, съ кого пятьдесятъ, съ кого двѣсти, триста, девятьсотъ, тысячу ливровъ, подъ угрозой побоевъ и опустошенія ихъ жилищъ». А волонтеры изъ Бэ и другихъ общинъ близъ Тараскона сами набивали себѣ карманы, и «подъ предлогомъ, что они должны покинуть свои дома для того, чтобы идти на защиту отечества, они брали страшную контрибуцію съ собственниковъ», съ одного—четыре тысячи, съ другаго—пять тысячъ ливровъ, унося, случаѣ неплатежа этихъ денегъ, весь находившійся на фермѣ зерновой хлѣбъ, не исключая даже запаса, оставленнаго на посѣвъ, и грозя отнять все до-чиста или поджечь домъ, если-бы кто нибудь вздумалъ пожаловаться; такъ что собственники не смѣли даже намекнуть на это хотя бы однимъ словомъ, а прокуроръ-синдикъ сосѣдняго департамента, опасаясь за самого себя, просилъ, чтобы не разглашали о сдѣланномъ имъ объ этомъ донесеніи.

Начавшись въ средѣ поддонковъ городского населенія, эта междоусобица черни перешла также и въ деревни. Она была уже шестая по счету и приняла самые обширные размѣры изъ всѣхъ, предшествовавшихъ ей въ продолженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ.

Къ этому крестьянина подстрекали двѣ причины. Съ одной стороны, его напугали слухи о всеобщемъ вооруженіи и безпрестрастно повторявшіяся предсказанія о скоромъ непріятельскомъ нашествіи. Со времени Пильницеой деклараціи, клубы, журналы и ораторы законодательнаго собранія четыре мѣсяца сряду постоянно поддерживали въ немъ эту тревогу своими воинственными возгласами, до того, что даже въ то время, когда онъ пахалъ на своихъ волахъ, онъ, постегивая ихъ бичемъ, кричалъ на одного: «ну, тани, Прусія!» а на другаго: «гей, двигайся, Австрія!» Онъ былъ убѣжденъ, что Австрія и Прусія, а также всѣ иностранные государи и дворяне, соединившись съ эмигрировавшимъ дворянствомъ, придутъ во Францію и силою опять водворятъ: соляной налогъ, оброки, феодалныя права, десятинный сборъ; что они снова возьмутъ всѣ проданныя и перепроданныя національныя имущества, съ помощью оставшихся во Франціи или возвратившихся на родину дворянъ и при соучастіи непріятельскихъ присягу священниковъ, которые считаютъ такую продажу святотатствомъ и никогда не простятъ этого грѣха его совершившимъ. Съ другой стороны, уже приближалась недѣля Св. Пасхи и пріобрѣтатели чувствовали, что въ продолженіи года, на совѣсти ихъ накопилось много подобныхъ грѣховъ. Къ 24 марта 1791 года оказалось, что національныхъ имуществъ продано было всего только на 180 миліоновъ; но послѣ того, какъ національное собраніе отсрочило плату и облегчало перепродажу небольшими участками, крестьянину трудно было устоять противъ такого искушенія и онъ почалъ свою казну, которую до тѣхъ поръ припрятывалъ гдѣ нибудь въ старомъ шерстяномъ чулкѣ, или въ зарытомъ въ землю горшкѣ. Такимъ образомъ въ продолженіи семи мѣсяцевъ онъ купилъ земель на 1,346 миліоновъ и многіе пріобрѣли въ полное собственное владѣніе ключевъ земли, на который они столько лѣтъ смотрѣли съ такою завистью; иногда онъ даже совѣмъ неожиданно имѣлъ возможность сдѣлать довольно крупную покупку: лѣсной участокъ, мельницу, или луга. Теперь ему нужно было исполнить свои христіанскія обязанности относительно церкви; если ему былъ отсроченъ денежный платежъ, то расплата съ католическою церковью никогда не отсрочивается и произво-

дится всегда въ опредѣленный день и число. Съ незапамятныхъ временъ было заведено, чтобы всякій человѣкъ говѣлъ и причащался на Страстной недѣлѣ великаго поста, какъ дѣлала это всегда и его жена, и его мать, и если онъ самъ и не придавалъ этому обряду слишкомъ большой важности, то онѣ обѣ считали его долгомъ очень важнымъ. Потому ему нужно было причастить своего, уже давно больного старика-отца, своего новорожденного ребенка и другаго ребенка, постарше, который скоро долженъ будетъ идти въ первый разъ къ причастію. Но всѣ таинства, какъ причащеніе, крещеніе, исповѣдь, для того, чтобы быть дѣйствительными, должны получаться изъ вѣрныхъ рукъ и доброкачественность ихъ должна цѣниться наравнѣ съ доброкачественностью муки и съ настоящими, не фальшивыми деньгами; фальшивой монеты и безъ того вездѣ и во всемъ развелось даже слишкомъ много, поэтому кредитъ принявшихъ присягу священниковъ съ каждымъ днемъ все уменьшался, какъ падающая цѣнность асигнацій. Необходимость заставляла прибѣгнуть къ священнику, отказавшемуся принять присягу, который собственно и можетъ дать человѣку дѣйствительное отпущеніе грѣховъ; а между тѣмъ вышло такъ, что онъ не только отказывался сдѣлать это, но даже считался врагомъ всякаго новаго порядка. Будучи поставленъ въ такое затруднительное положеніе, крестьянинъ прибѣгъ къ своему обычному способу—кулачной расправѣ; онъ хваталъ своего сельскаго священника, какъ прежде своего помѣщика, за горло и требовалъ отъ него росписку въ отпущеніи своихъ грѣховъ, какъ прежде требовалъ у послѣдняго росписку въ полученіи съ него оброка. По меньшей мѣрѣ, онъ хотѣлъ принудить отказавшихся отъ присяги священниковъ принять ее, хотѣлъ закрыть всѣ домовныя церкви и ввести во всей окрестности одинъ общій способъ отправленія церковнаго богослуженія. При удобномъ случаѣ, онъ вымѣщалъ свое неудовольствіе также и на приверженцахъ священниковъ, непринявшихъ присягу, на ихъ замкахъ, на всѣхъ роскошныхъ палатахъ, на дворянахъ, на богатыхъ людяхъ и на всѣхъ собственникахъ вообще, къ какому-бы классу они не принадлежали. Наконецъ, по случайному стеченію обстоятельствъ, такъ какъ послѣ сентябрьской амнистіи 1791 года, всѣ заключенные въ тюрьмахъ арестанты были выпущены на свободу, большая часть новыхъ судовъ еще не открыла своихъ дѣйствій и въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ уже не существовало болѣе никакой полиціи, то всѣ воришки, бродяги и отъявленные раз-

бойники, которые шатались всюду безпрепятственно и безъ призора, присоединялись въ этимъ группамъ крестьянъ и набивали свои карманы чужимъ добромъ.

Въ департаментѣ Па-де-Калэ триста человекъ крестьянъ, съ барабаннымъ боемъ, ворвались въ картезианскій монастырь и подвергли все полнѣйшему разграбленію, унося отсюда съ собою провизію, напитки, бѣлье, мебель, разные вещи, между тѣмъ какъ въ то же самое время другая шайка хозяйничала точно такимъ же образомъ у мэра и у прежняго священника, грозя все сжечь и всѣхъ перебить до смерти, съ обѣщаніемъ придти опять въ слѣдующее воскресенье. Въ нижне-рейнскомъ департаментѣ, близъ Форта-Луи, оказались разграбленными двадцать домовъ, принадлежавшихъ аристократамъ. А въ другихъ мѣстахъ, въ департаментѣ Иля и Вилены, сельскія соединенныя милиціи ходили изъ прихода въ приходъ и насильственнымъ образомъ забирали съ собою людей для увеличенія своихъ шаекъ, которыя вслѣдствіе этого уже представляли собою цифру въ двѣ тысячи человекъ, закрывали церкви, выгоняли отказавшихся принять присягу священниковъ, снимали у колоколовъ языки, ѣли и пили всласть на счетъ жителей, причемъ иногда, ради потѣхи, ломали все въ домахъ мэра, или составителя росписей мѣстныхъ государственныхъ доходовъ. Если какой нибудь офиціальнй чиновникъ позволялъ себѣ сдѣлать имъ за это выговоръ, то они сейчасъ кричали: «бей его, аристократа!» Одинъ изъ этихъ, такъ не встати выразившихъ свое мнѣніе, совѣтниковъ получилъ ударъ въ спину ружейнымъ прикладомъ, а двое другихъ рисковали быть застрѣленными на мѣстѣ; впрочемъ даже сами начальники этой экспедиціи находились не въ лучшемъ положеніи, такъ что, по ихъ же собственному признанію, они должны были, будучи въ главѣ прочихъ, прежде всего позаботиться о томъ, чтобы самими не быть обворованными или ограбленными. Тоже самое происходило въ майенскомъ, орнскомъ, мовельскомъ округахъ и въ Ландахъ. Но это было только случаи мѣстной и ограниченной болячки, тогда какъ на Югѣ и въ центральныхъ провинціяхъ она проявилась въ видѣ огромнаго, заразительнаго свойства, лихая, который, начиная отъ Авиньона до Периге, отъ Орильяка до Тулузы, покрываетъ собою сплошь десять департаментовъ: вольюзскій, ардѣшскій, гардскій, кантальскій, коррезскій, лотскій, дордоньскій, герскій, Верхней Гаронны и Геро. Громадныя массы сельскаго населенія вдругъ всюду зашевелились и поднялись вслѣдствіе однихъ и тѣхъ же причинъ—ожиданія въ скоромъ времени войны и при-

ближенія Пасхи. Въ Канталѣ, на кантональномъ собраніи, состоявшемся въ Орильяхѣ по поводу рекрутскаго набора для арміи, командиръ сельской національной гвардіи потребовалъ мщенія «тѣмъ, которые не принадлежатъ въ числу патриотовъ»; вслѣдъ затѣмъ распространился слухъ, что будто-бы изъ Парижа присланъ приказъ истреблять всѣ помѣщичьи замки. Кромѣ того, мятежники старались доказать, что священники, своимъ отказомъ принять присягу, ведутъ націю къ междуусобной войнѣ; «народу надоѣло уже не имѣть покоя ради ихъ; пусть они сдѣлаются хорошими гражданами, и пусть всѣ ходятъ въ одну церковь, когда они будутъ служить обѣдню».

Вслѣдствіе этого бунтовщики входили въ дома, разными вымогательствами собирали деньги съ жителей, не только «съ священниковъ и бывшихъ дворянъ», но даже «съ тѣхъ, кого считали ихъ приверженцами, съ тѣхъ, кто не ходилъ въ церковь къ обѣднѣ, когда ее служилъ конституціонный священникъ», и наконецъ съ бѣднаго люда: ремесленниковъ, крестьянъ, съ которыхъ они брали по пяти, по десяти, по двадцати, по сорока франковъ, причемъ они сверхъ того опустошали его винный погребъ и его хлѣбныя закромы. Восемнадцать замковъ были разграблены, сожжены или разрушены, и въ числѣ ихъ находились замки, принадлежавшіе нѣкоторымъ, никогда невыѣзжавшимъ изъ этого края дворянамъ-помѣщикамъ и помѣщичкамъ. Одинъ изъ нихъ былъ д'Юмберъ, восьмидесятилѣтній старикъ, отставной военный служака; госпожа де-Пейроненъ спасла своего сына только тѣмъ, что переодѣла его крестьяниномъ. Госпожа де-Боклеркъ, принужденная бѣжать въ горы съ своимъ ребенкомъ, должна была видѣть, какъ онъ безпомощно умиралъ на ея рукахъ. Въ Орильяхѣ, передъ всѣми главными домами были поставлены висѣлицы; де-Нюссель, прежній уголовный судья, посаженный въ тюрьму ради спасенія его жизни, былъ вытасченъ оттуда, послѣ чего ему отрубили голову, которую потомъ бросили въ навозную кучу; де-Болинэ, пріѣхавшему изъ Мальты и заподозрѣнному въ аристократизмъ, распоролъ животъ, изрубилъ его трупъ въ куски, отсѣкли голову и, насадивъ ее на конецъ пива, носили съ собою въ видѣ трофея. Наконецъ, когда муниципальные чиновники, судьи, королевскій коммисаръ, начали производить слѣдствіе надъ дѣйствіями этихъ убійць, то они сами подверглись столь большой опасности, что были принуждены или сложить съ себя свою должность, или спастись бѣгствомъ.

Въ департаментѣ Верхней Гаронны возмущеніе точно также

началось противъ священниковъ, отказавшихся принять присягу, и противъ преданныхъ имъ прихожанъ, тѣмъ болѣе, что во многихъ приходяхъ конституціонные священники состояли членами клуба и требовали, чтобы ихъ поссорѣ избавили отъ ихъ противниковъ. Одинъ изъ такихъ священниковъ, въ Сентъ-Жанъ-Лорнѣ «взмостился на крестьянскую телѣгу и оттуда проповѣдывалъ грабежъ собравшейся вокругъ него толпѣ въ восемьсотъ человѣкъ». Вслѣдствіе этого, въ видѣ дебюта, каждая шайка начала съ того, что выгнала непокорныхъ священниковъ и принуждала ихъ приверженцевъ ходить къ обѣднѣ, которую служилъ принявшій присягу священникъ. Но подобнаго рода отвлеченный и, такъ сказать, сухой успѣхъ, не приносилъ самъ по себѣ никакихъ существенныхъ выгодъ, и взбунтовавшіеся крестьяне не удовлетворялись этимъ, находя что этого мало. Когда цѣлыя десятки приходовъ отправлялись въ такую экспедицію и такимъ образомъ теряли свои рабочіе дни ради служенія обществу, то имъ нужно было получить вознагражденіе за эту жертву, дровами, хлѣбомъ, виномъ, деньгами, причемъ всѣ издержки такой экспедиціи должны были непременно быть отнесены на счетъ аристократовъ. Аристократами же считались не только соучастники священниковъ, отказавшихся отъ присяги, какъ, напримѣръ, старая дѣвица, «крайняя фанатичка, и которая болѣе сорока лѣтъ употребляла всѣ свои доходы на филантропическія учрежденія», но даже всѣ зажиточные люди, крестьяне или дворяне, потому что они хотѣли «смотреть голодомъ бѣдный людъ», оставляя непроданными въ своихъ амбарахъ и погребахъ запасы хлѣба и винограднаго вина и ограничиваясь исполненіемъ только самыхъ необходимыхъ полевыхъ работъ, съ тою цѣлію, чтобы отнять у деревенскихъ работниковъ средства въ добыванію себѣ пропитанія. Слѣдовательно, чѣмъ болѣе ихъ будутъ грабить, тѣмъ болѣе большую услугу окажутъ этимъ обществу. По словамъ самихъ бунтовщиковъ, все дѣло заключалось въ томъ, «чтобы извлечь изъ рукъ враговъ націи доходы, вторыми они пользуются, съ тѣмъ, чтобы они не могли пересылать этихъ денегъ въ Кобленцъ или въ какія-либо другія мѣста внѣ предѣловъ королевства». На основаніи такого аргумента, шайки въ шестьсотъ, въ восемьсотъ и въ тысячу человѣкъ обходили по очереди всѣ округа Тулузы и Кастельсаразена, гдѣ всѣ собственники, аристократы и патриоты, подверглись обложенію контрибуціей. Напримѣръ, у старой дѣвицы «съ филантропическими замашками, но крайней фанатички, въ домѣ вышибли всѣ окна и двери, переломали всю мебель, унесли во-

семьдесят два сетье (setiers) зерноваго хлѣба и увезли шестнадцать бочекъ съ виномъ». Въ другомъ мѣстѣ, въ Рокферьерѣ, сожгли всѣ феодальныя грамоты и разграбили одинъ замокъ. Далѣе, въ Лассэрѣ, потребовали тридцать тысячъ франковъ и унесли всѣ наличныя деньги. И почти вездѣ муниципальные чиновники, съ шарфомъ черезъ плечо, должны были волею-неволею разрѣшать подобнаго рода грабежи. Сверхъ того, «они оцѣнивали предметы продовольствія по самой низкой цѣнѣ и притомъ на асигнаціи, что уже составляло большую разницу, если принять въ соображеніе стоимость звонкой монеты», причемъ они вдвое возвысили цѣну за рабочій день. Между тѣмъ, другія шайки опустошали принадлежащіе націи лѣса, а жандармы, изъ опасенія, чтобы ихъ не называли аристократами, сами потворствовали этимъ грабителямъ.

Послѣ этого, уже стало очевидно, что собственность ни для кого болѣе не существовала, кромѣ голышей и воровъ.

И дѣйствительно, въ Дордонѣ, «подъ предлогомъ изгнанія священниковъ, отказавшихся принять присягу, эти безпрестанно появляющіяся шайки грабятъ и крадутъ все, что только попадаетъ имъ подъ руку... причемъ они севестровали даже зерновой хлѣбъ, привезенный для размола на вѣтряныя мельницы». Деревенскій людь эксплуатировалъ, какъ общинную собственность, всѣ лѣса, всѣ принадлежавшія эмигрантамъ имѣнія, и эта эксплуатация производилась самымъ радикальнымъ образомъ; напримѣръ, одна шайка, найдя въ чьемъ-то имѣніи новыя амбары, строительный матеріалъ которыхъ показался ей хорошимъ, тотчасъ-же разломала ихъ и подѣлила между собою бревна и кровельную черепицу. Въ Коррэзѣ, пятнадцать тысячъ вооруженныхъ крестьянъ, пришедшихъ изъ Тюля для обезоруженія и для изгнанія приверженцевъ священниковъ, не принявшихъ присягу, перебили и переломали все въ домахъ, которые казались имъ подозрительными, такъ что стоило большаго труда удержать ихъ отъ грабежа. Тогда, по возвращеніи домой, они бросились грабить сосѣдніе замки: Сентъ-Жаль, Сельякъ, Гурдонъ, Сентъ-Базиль, Рокеттъ, причемъ не пощадилъ также множества другихъ деревенскихъ дачъ, принадлежавшихъ разнотинцамъ, изъ которыхъ многіе оказались отсутствующими. Это чыла положительно собачья стая, набросившаяся на добычу, бакъ что нивогда отчужденіе собственности не совершалось въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ въ это время. Вотъ что говорится по поводу этого въ одномъ судебномъ протоколѣ: «они старательно уносятъ все, что только можетъ быть унесено:

мебель, обои, зеркала, шкафы, картины, вина, провизию, даже паркетъ и рѣзные деревянныя украшенія, не забывая при этомъ самыя ничтожныя желѣзныя и деревянныя, столярной работы, вещи; остальное-же все сплошь ломалось ими, такъ что въ домѣ оставались цѣлыми только стѣны, крыши и лѣстницы».

Въ лотскомъ департаментѣ, гдѣ бунтъ не прекращался въ продолженіи двухъ лѣтъ, опустошенія были еще ужаснѣе. Въ ночь съ 30 на 31 января «всѣ самыя лучшіе дома въ Сульякѣ оказались разграбленными до-чиста», владѣльцы ихъ принуждены были бѣжать, и мятежи повторялись въ департаментѣ такъ часто, что директорія положительно не успѣвала сообщать объ этомъ министру. Восстаніе совершалось цѣлыми округами; а такъ какъ «въ каждой общинѣ всѣ жители ея оказывались соумышленниками бунтовщиковъ, то и не находились свидѣтели для того, чтобы можно было приступить къ уголовному слѣдствію, и потому совершенныя преступленія оставались ненаказаннымъ». Въ округѣ Кабрера, крестьяне потребовали возврата взимавшагося съ нихъ прежде земельного оброка чистыми деньгами, въ количествѣ той суммы, которая составила за двадцатилѣтній срокъ. Окрестная милиція совершенно наводнила собою маленькій городокъ Лозертъ, жители котораго, не имѣя при себѣ оружія, оставались въ полномъ распоряженіи предмѣстья, населеннаго сплошь якобинцами. Въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, въ фижаксомъ округѣ «всѣ дома бывшихъ дворянъ разорены или сожжены», потомъ добрались даже до голубатней и до всѣхъ деревенскихъ домовъ мало мальски порядочной архитектуры. «Цѣлыя толпы босоногихъ оборванцевъ» безъ позволенія входили въ дома зажиточныхъ людей, докторовъ, адвокатовъ, купцовъ; разбивали ихъ подвалы, гдѣ выпивали до капли все вино и неистовствовали надъ хозяевами какъ пьяные завоеватели. Во многихъ общинахъ, такого рода экспедиціи просто вошли въ обыкновеніе и въ нихъ участвовало «множество всякой сволочи, которая только и живетъ грабежомъ», и клубъ самъ подавалъ имъ въ этомъ примѣръ. Полгода тому назадъ, въ главномъ городѣ провинціи, въ національной гвардіи сформировался кружокъ, получившій названіе черной шайки, который поставилъ себѣ обязанностью выгонять всѣхъ неправившихся ему людей «грабить самовольно дома, безпощадно бить и даже крошить саблею тѣхъ, кто былъ исключенъ изъ ихъ собраній», при чемъ никакой чиновникъ, никакой стражчій не могъ принять отъ послѣднихъ заявленій и ихъ жалобъ. Разбойничество, приерываясь маскою патріо-

тизма; и патриотизмъ, проявляющійся въ разбойническихъ способахъ, возстали въ одно и тоже время противъ собственности и противъ прежней системы управленія, и чтобы избавиться отъ всего, что могло внушать имъ хотя какой нибудь страхъ, они хватались за все, что можетъ доставить имъ добычу.

Впрочемъ, все это было только отраженіемъ грозы, центръ которой находился въ другомъ мѣстѣ, вокругъ Нима, Авиньона, Арля и Марселя, въ томъ самомъ краѣ, гдѣ уже съ давнихъ поръ стычки, происходившія между городами и споры по поводу вѣроисповѣданія, сгруппировали и разогли всѣ злыя страсти обоюдной ненависти. Если взглянуть на три департамента: гардскій, устьеви Роны и воклювскій, то можно было бы предположить, что въ нихъ происходитъ самый разгаръ войны варварскихъ временъ. Тутъ происходило положительно вражеское нашествіе якобинцевъ и черни, за которыми слѣдовали: побѣда, отчужденіе собственности, истребленіе людей, въ гардскомъ департаментѣ броженіе въ умахъ національной гвардіи, усилившее междуусобицу; нашествіе всѣхъ поддонковъ населенія Графства (Comtat), всплывшихъ на поверхность и покрывшихъ весь воклювскій департаментъ своимъ осадкомъ и даже цѣлой шеститысячной арміи марсельцевъ нахлынувшей въ Арль. Въ округахъ Нима, Сомьера, Юзеса, Алэ, Жалэ, Сентъ-Ипполита, всѣ документы на владѣніе имѣніями были сожжены, сами собственники обложены контрибуціею, а муниципальные чиновники молчали, потому что имъ грозили смертью за ихъ вмѣшательство; двадцать замковъ и болѣе сорока деревенскихъ домовъ и дачъ были опустошены, сожжены или разорены до основанія. Арль и Авиньонъ, предоставленные во власть этихъ, пришедшихъ изъ Марселя и Графства шаяекъ, съ ужасомъ ожидали, что и у нихъ вскорѣ наступятъ такія же конфискаціи и убійства. Вокругъ коменданта, получившаго приказъ очистить Арль, «собрались цѣлыя толпы жителей, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ партіямъ, и всѣ они хватали его за руки, со слезами умоляя его не покидать ихъ; женщины и дѣти дѣлались даже за его сапоги», такъ что онъ не зналъ, какъ вырваться отъ нихъ, не зашибивъ кого нибудь; тотчасъ послѣ его отъѣзда эмигрировало тысяча двѣсти семействъ. Когда же городъ былъ занятъ марсельцами, то по обоимъ берегамъ Роны расположились тысяча восемьсотъ избирателей, изгнанныхъ изъ своихъ разграбленныхъ жилищъ, «совершенно какъ во времена сарацинскихъ пиратовъ». Всѣ зажиточные люди, бывшіе на лицо, и всѣ отсутствующіе, были обложены контрибуціею въ 1.400,000

ливровъ; женщины и дѣвицы, полураздѣтыхъ, сажали на ословъ и такимъ образомъ воели ихъ по улицамъ, а въ заключеніе всего, онѣ были публично высѣчены. Жизнью всѣхъ располагалъ «сабельный комитетъ», который указывалъ жертвы и самъ казнилъ ихъ; это было царство судовщиковъ, носильщиковъ и черни изъ самыхъ гнусныхъ слоевъ общества. Въ Авиньонѣ это были настоящіе разбойники, поджигатели и убійцы, которые, полгода тому назадъ, превратили рѣчку Глазьеръ въ складъ труповъ. Теперь они возвратились торжествующіе, говоря, что «на этотъ разъ рѣка Глазьеръ будетъ наполнена до-верха». Еще до первой поголовной рѣзни, пятьсотъ семействъ поспѣшили уѣхать изъ Франціи, а теперь, въ ожиданіи такой же бѣды, весь наличный составъ честной буржуазіи, въ количествѣ тысячи двухсотъ человѣкъ, обратился въ бѣгство; но ужасъ, объявившій маленькіе города, былъ такъ великъ, что они не смѣли даже хотя на время пріютить у себя этихъ эмигрантовъ. И дѣйствительно, съ этой минуты два департамента, вольюзскій и устьевь Роны, были наводнены этими шайками, состоявшими изъ двухъ тысячъ вооруженныхъ человѣкъ, съ женами, дѣтьми и прочими добровольно присоединившимися къ нимъ сообщниками; вся эта масса народа переходила изъ одного прихода въ другой, чтобы поживиться тамъ на счетъ «фанатиковъ», причемъ они грабили не однихъ только образованныхъ людей. Простые крестьяне-хлѣбопашцы, имущество которыхъ было оцѣнено въ 10,000 ливровъ, получали шестьдесятъ постольцевъ изъ этого гарнизона, который въ ихъ глазахъ билъ и ломалъ все находившееся у нихъ въ домѣ, убивалъ и потомъ пожиралъ ихъ домашній скотъ, а ихъ самихъ выгонялъ вонъ, такъ что они, какъ непріютные бѣглецы, скрывались нѣсколько дней въ камышахъ Роны, стараясь улучшить удобную минуту, чтобы переправиться черезъ рѣку въ сосѣдній департаментъ. Такимъ образомъ, съ весны 1792 года, какъ только какогонибудь гражданина заподозрѣвали въ недоброжелательствѣ или просто въ равнодушіи къ господствующей партіи бунтовщиковъ или даже предполагали, что онъ, хотя не явно, но въ душѣ не расположенъ къ нимъ, то онъ подвергался народной ненависти, расхищенію своего имущества, изгнанію и даже чемунибудь еще худшему, какъ бы ни былъ законенъ его образъ дѣйствій, какъ бы ни была безупречна его совѣсть, какъ бы ни была безоружна и безобидна его личность, кто бы онъ ни былъ, дворянинъ, буржуа, крестьянинъ, старикъ-священникъ или старая женщина; и все это тогда, когда общественная опасность

не была ни велика, ни осязательна, ни близка, потому что Франція все еще находилась въ мирныхъ отношеніяхъ съ Европою и правительство все еще пока существовало во всей своей цѣлости.

IX.

Что же стало потомъ, когда опасность, сдѣлавшись осязаемою и серьезною, увеличивалась съ каждымъ днемъ; когда завязалась война и армія Лафайэта отступала въ разсыпную; когда собраніе объявило отечество въ опасности; когда король былъ свергнутъ съ престола; когда Лафайэтъ перешолъ въ иностранцамъ; когда вся французская земля была наполнена вторгнувшимися въ нее врагами; когда пограничныя крѣпости сдавались безъ сопротивленія; когда прусаки уже заняли Шампань; когда вандейское возстаніе прибавило къ грозному бичу войны съ иностранцами еще ужасы и бѣдствія междоусобной войны, и когда всюду раздался крикъ объ измѣнѣ? Уже 18 мая, въ Мецѣ, де-Фивельмонтъ, прежній каноникъ, остановившійся на площади Сентъ-Жаеъ, чтобы поговорить съ какимъ-то гусаромъ, былъ тотчасъ же заподозрѣнъ въ вербовкѣ войска для принцевъ королевскаго дома, вытащенъ изъ кружка сомнѣвавшихся около него охранителей, избитъ палками, исколотъ штыками, изрубленъ саблями, причемъ изступленная толпа поощряла убійцъ неистовыми криками. Съ каждымъ мѣсяцемъ, по мѣрѣ возраставшихъ страховъ, ея воображеніе все болѣе разгоралось, неистовство все болѣе усиливалось. Вотъ образчикъ тогдашняго народнаго настроенія. 31 августа 1792 года, восемь тысячъ отказавшихся принять присягу священниковъ, изгнанныхъ изъ своихъ приходовъ, собрались въ Руанѣ, какъ городъ, который отличался отъ другихъ сравнительно большею терпимостью, гдѣ они, согласно декрету, подвергавшему ихъ изгнанію, готовились выѣхать изъ Франціи. Два судна уже увезли человѣкъ сто изъ нихъ и еще сто двадцать человѣкъ отправились въ Остенде на большомъ кораблѣ. Они не взяли съ собою ничего, кромѣ небольшого количества денегъ, нѣсколькихъ перемѣнъ платья и бѣлья и самаго необходимаго для совершения требъ запаса церковныхъ книгъ, оставя большую часть ихъ, потому что они надѣялись въ скоромъ времени возвратиться. При каждомъ изъ нихъ былъ исправный паспортъ; но, въ самую минуту ихъ отъѣзда, національная гвардія нашла нужнымъ все осмотрѣть,

чтобы они не могли провезти съ собою чего нибудь подозрительнаго. Тѣмъ не менѣе, прїѣхавъ въ Кильбефъ, оба первые транспорта были остановлены. Дѣйствительно, въ то время распространился слухъ, что священники намѣреваются присоеди- ниться за границую въ непріятелю и завербоваться въ армію иностранцевъ, вслѣдствіе чего жители того края, бросившись въ лодки, окружили оба судна. Они потребовали, чтобы священ- ники вышли на берегъ, поднявъ при этомъ цѣлую бурю не- истовыхъ воплей, оскорбленій, ругательствъ, проклятій и бо- гохульствъ; одинъ изъ священниковъ, сѣдой какъ лунъ старикъ, оступился и упалъ въ тину; это обстоятельство вызвало новые крики и новыя насмѣшки: «тѣмъ лучше если утонетъ! все-таки будетъ однимъ меньше!» Когда всѣ они вышли на берегъ, то ихъ тотчасъ же посадили въ тюрьму, гдѣ они должны были лечь прямо на голый полъ, потому что имъ не бросили туда ни клочка соломы, ни куска хлѣба, чтобы утолить ихъ голодъ. Между тѣмъ въ Парижѣ написали запросъ, что дѣлать и какъ поступить съ этою массою сутанъ?

Тѣмъ временемъ, на третьемъ, отправившемся съ слѣдую- щимъ транспортомъ, суднѣ оказался недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ и потому послали двоихъ священниковъ въ Киль- бефъ и Понтъ-Одемаръ для закупки тамъ двух-сотъ фунтовъ пе- ченаго хлѣба. Какъ только ихъ примѣтила деревенская мили- ція и дала знать объ этомъ другимъ, то ихъ стали травить точно дикихъ звѣрей, такъ что они должны были ночевать въ лѣсу и воротились съ пустыми руками. Узнавъ также о на- хожденіи по близости самаго судна, развѣдчики сообщили въ свою очередь и о немъ куда слѣдуетъ. Во всѣхъ прибрежныхъ муниципалитетахъ неумолкаемо раздавался барабанный бой, съ цѣлю предупредить окрестныхъ жителей, чтобы они были на- сторожѣ. Появленіе корсарскаго судна изъ Алжира или Три- поли въ Адриатическомъ морѣ навѣрное не произвело бы тамъ такого ужаснаго волненія. Одинъ матросъ распустилъ слухъ, что чемоданы изгнанниковъ всѣ биткомъ набиты всякаго сорта оружіемъ, и деревенскій людъ каждую минуту ждалъ, что священ- ники сейчасъ бросятся на него съ саблями и пистолетами. Впро- долженіи многихъ томительныхъ дней, весь голодающій тран- спортъ изгнанниковъ оставался на суднѣ, стоящемъ посреди рѣки, и не смѣя двинуться съ мѣста, потому что его караулили и не спускали съ него глазъ. Вокругъ его разѣзжали въ лод- кахъ волонтеры и крестьяне, съ угрозами и ругательствами, между тѣмъ какъ на ближайшемъ лугу національные гвардейцы

собирались въ ряды, какъ-бы готовясь къ бою. Наконецъ, рѣшились приступить къ дѣлу; самые смѣлме, вооружившись съ головы до ногъ, сѣли въ лодки, осторожно подплыли къ судну, кинулись на бордажъ, овладѣли судномъ и остались крайне удивленными, не найдя тамъ ни неприятелей, ни оружія. Тѣмъ не менѣе священникамъ приказано было выйти на берегъ и выбрать изъ среды себя депутатовъ, которые должны были явиться къ мэру, бывшему эзекутору (huissier) и ярому явобинцу, который, струсивъ болѣе всѣхъ остальныхъ, оказался вслѣдствіе этого наиболѣе суровымъ. Онъ отказался признать законность священническихъ паспортовъ и замѣтивъ, что двое подходившихъ къ нему священниковъ опирались — одинъ на трость, внутри которой находилась шпага, а другой на палецъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, онъ вдругъ вообразилъ, что уже начинается непріятельское нашествіе. «Вотъ еще двое!» закричалъ онъ въ отчаяніи. — «Сейчасъ и всѣ остальные высадятся на берегъ! Господа, городъ въ опасности!» Эти сказанныя на вѣтеръ слова встревожили толпу, которая кинулась къ депутатамъ съ угрожающимъ крикомъ: «на фонарь!» и чтобы спасти ихъ, національные гвардейцы, окруживъ ихъ своими штыками, должны были отвести ихъ въ тюрьму.

Нужно притомъ замѣтить, что самые ярые изъ этихъ крикуновъ были «въ сущности самые добрѣйшіе люди»; такъ, напримеръ, «послѣ абордажа, одинъ изъ самыхъ ужасныхъ и наиболѣе неистовствовавшихъ тогда людей, цирюльникъ по ремеслу, увидѣвъ небритыя бороды этихъ бѣдныхъ священниковъ, тотчасъ же смягчился, вытащилъ изъ кармана свой ящичекъ съ бритвами и весьма любезно вызвался побрить этихъ господъ, посвятивъ на это занятіе нѣсколько часовъ времени». Въ обыкновенное время всѣ эти духовныя лица были бы навѣрное всюду встрѣчены съ низкими поклонами, потому что, три года тому назадъ, «ихъ уважали какъ своихъ отцовъ и руководителей». Но, въ настоящую минуту, деревенскій житель, простолюдинъ, былъ окончательно выбитъ изъ своей колеи. Насильно и вопреки своей природѣ, изъ него сдѣлали богослова, политика, капитана жандармеріи, мѣстнаго и независимаго владыку, и потому неудивительно, что у него закружилась голова при исполненіи такихъ должностей и обязанностей. Между всѣми этими людьми, какъ будто совсѣмъ лишившимися разсудка, только одинъ сохранилъ хладнокровіе, это былъ офицеръ національной гвардіи; впрочемъ, этотъ господинъ, весьма вѣжливый, съ прекрасными манерами, пріятный собесѣдникъ, который

вечеромъ являлся успокоить заключенныхъ и выпить вмѣстѣ съ ними въ тюрьмѣ чашку чая, такъ какъ, въ сущности, онъ уже привыкъ къ трагическимъ развязкамъ и, вслѣдствіе практикуемаго имъ ремесла, нервы его натурально не такъ легко приходили въ расстройство, — этотъ господинъ былъ палачъ. Прочіе же, «которыхъ сначала можно было принять за тигровъ», были просто обезумѣвшіе отъ испуга бараны, которые все-таки, тѣмъ не менѣе, могли быть опасными, потому что, дѣйствуя подъ вліяніемъ отупляющаго ихъ головокруженія, они всею своею массою бросались на все, что внушало имъ недовѣріе. По дорогѣ изъ Парижа въ Ліонъ, комиссары Ролана были свидѣтелями такого ужаснаго, явившагося вслѣдствіе испуга, переполоха. Народъ безпрестанно задавалъ себѣ вопросъ на счетъ того, «что дѣлаютъ и чего смотрять наши генералы и наши арміи?» причемъ у него нерѣдко срывалось съ языка слова мщенія. «Да, — говоритъ онъ, — мы также пойдемъ сражаться, но (прежде) мы очистимъ государство внутри». При этомъ готовилось нѣчто ужасное; скоро нужно было ожидать седьмой крестьянской войны, которая уже будетъ общею и окончательною, сначала грубою, потомъ легальною и систематическою, предпринятою и ведомою въ силу отвлеченныхъ принциповъ руководителей, достойными слѣпыхъ исполнителей ихъ приказаній. До сихъ поръ въ исторіи никогда не было подобныхъ примѣровъ; свѣтъ въ первый разъ увидитъ обезумѣвшихъ свотовъ, работающихъ долго и въ широкихъ размѣрахъ подъ руководствомъ обезумѣвшихъ глупцовъ.

Въ кварталахъ, обитаемыхъ бѣдняками, весьма часто бывають случаи одной странной болѣзни. Работникъ, надорвавшій свои силы тяжелымъ, безустаннымъ трудомъ, терпящій самую крайнюю нужду, никогда не наѣдающійся до-сыта, начинаетъ пить; съ каждымъ днемъ онъ пьетъ все болѣе и прибѣгаетъ для своего опьяненія все къ болѣе крѣпкимъ напиткамъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, вся его нервная система, при истощенномъ недостаточномъ питаніемъ организмѣ, приходитъ въ возбужденное состояніе и расстроивается. Наступаетъ минута, когда внезапно парализованный мозгъ уже отказывается приводить въ дѣйствіе всю машину организма; сколько ни настаиваетъ онъ на своихъ требованіяхъ, машина не слушается; каждый членъ, каждый суставъ, каждый мускулъ, дѣйствуя самъ по себѣ и врознь съ другими, конвульсивно вздрагиваетъ въ самыхъ противоположныхъ подергиваніяхъ. Между тѣмъ, человекъ этотъ веселъ; онъ воображаетъ себя миллионеромъ, ца-

ремъ, любимымъ и возбуждающимъ во всѣхъ восторженное удивленіе; онъ не чувствуетъ причиняемой имъ себѣ боли; онъ не понимаетъ даваемыхъ ему совѣтовъ; онъ отказывается отъ предлагаемыхъ ему лекарствъ; онъ поетъ пѣсни и кричитъ цѣлые дни съ утра до ночи, причемъ онъ пѣетъ еще больше, чѣмъ когда нибудь. Наконецъ, лицо его принимаетъ мрачное выраженіе, а глаза наливаются кровью. Приятныя видѣнія смѣняются чудовищными и мрачными образами; онъ постоянно видитъ вокругъ себя грозныя лица предателей, которые готовятся неожиданно броситься на него изъ засады; убійцы, которые заносятъ надъ его головою ножъ, чтобы зарѣзать его; палачей, приготовляющихъ орудія пытки; и ему кажется, что куда бы онъ ни ступилъ, вездѣ подъ его ногами лужи крови. Тогда онъ кидается на кого попало и, чтобы не быть убитымъ, убиваетъ самъ. Трудно представить себѣ что нибудь болѣе ужасное, какъ состояніе этого остервенившагося человѣка, потому что его поддерживаетъ горячечный бредъ, который придаетъ ему необыкновенную силу; всѣ его движенія внезапны и онъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на все его окружающее, переноситъ такія бѣдствія и такія получаемыя имъ равы, какихъ никогда не вынесъ бы совершенно здоровый человѣкъ. Тоже самое происходило и съ Франціею, истощенною безкормидею при монархическомъ правленіи, упившеюся дурнаго качества водкою «общественнаго договора» и другими подмѣшанными горячительными напитками, потомъ вдругъ пораженной параличемъ мозга, почему она уже не въ силахъ была удержаться на ногахъ отъ беспорядочныхъ и конвульсивныхъ подергиваній всѣхъ членовъ своего распадающагося организма. Въ настоящее время она уже перешла веселый періодъ и вступила въ мрачный періодъ болѣзни, когда она способна была рѣшиться на все, все перестрадать, и совершить неслыханныя по своей жестокости варварства, ожидая только минуты, когда ея руководители, разсудокъ которыхъ былъ въ такой же степени отуманенъ, укажутъ ей на непріятеля или на препятствіе, на которыхъ она можетъ излить всю свою ярость ¹⁾).

Конецъ перваго тома.

¹⁾ Второй томъ: «Торжество якобланцевъ» начнется печатаніемъ съ января будущаго года. Примѣч. редакціи.

РОЖДЕСТВО.

(Изъ СѢТЕРА ЛѢМАНА).

Праздникъ богатаго, сытаго міра,
Праздникъ балуемыхъ жизнью дѣтей,
Славить тебя не должна моя лира!
Все, что забито, унижено, сиро,
Близво и дорого ей.

Пусть предается кругомъ ликованью
Самодовольно-напыщенный свѣтъ,
Сердцемъ отзывчивъ къ чужому страданью,
Съ грустью свое посвящаетъ вниманье
Пасынкамъ рока поэтъ.

Дѣла мнѣ мало до елокъ прекрасныхъ,
Свѣчекъ, сластей и подарковъ на нихъ;
Знаю я только сочельникъ несчастныхъ,
Полный и слезъ, и рыданій ужасныхъ,
Въ царствѣ бездомныхъ, больныхъ.

Городъ—глубокое, бурное море
Лютыхъ, тяжелыхъ, гнетущихъ невзгодъ,
Область обмана, разврата и горя,
Въ мутныхъ волнахъ твоихъ, съ голодомъ спора,
Гибнетъ безъ счета народъ.

Помнишь ли, муза, мы въ дѣтствѣ мечтали:
Если-бъ рождественской ночью Христось

(Разъ уже ближніе въ томъ отказали)
Пищу съ одеждою жертвамъ печали,
Холода жертвамъ принесъ.

Было бы это великое чудо!
Грезили часто мы въ прежніе дни
О возрожденіи темнаго люда,—
Братевъ, которымъ жилося такъ худо...
Нынѣ довольны-ль они?

Нѣтъ не улѣчилась жалкая доля
Голи изнывшей большихъ городовъ;
Мучать ее—роковая неволя,
Жажда простора широваго поля
Или цвѣтущихъ луговъ.

Но съ духотою въ борьбѣ неприглядной
Жаркое лѣто проходить всегда;
Страшенъ зимою морозъ беспощадный—
Хилый работникъ, въ тоскѣ безотрадной,
Стонеть подъ гнетомъ труда.

Роскошь въ сосѣдствѣ съ нуждой—преступленье!
Убранныхъ елокъ теперь не люблю;
Весело здѣсь, посреди оживленья,
Тамъ же, въ подвалѣ, сосеть озлобленье
Тощихъ страдальцевъ семью.

Вѣрю, однако, я—праздникъ чудесный,
Братскій настанетъ для цѣлой земли;
Будетъ не въ залѣ проведенъ онъ тѣсной,
А подъ сіяющей твердью небесной!
Ждутъ его люди вдали.

И, со взаимной любовью священной,
Дружно сплотившись, отсюду пойдутъ
Массы на общую елку вселенной,
Гдѣ бѣдняги для себя непременно
Пропастъ подарковъ найдутъ!

Кіевскій.

ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ПИСЕМЪ.

ДОЛИНА РІОНА.

III.

Городъ Мединъ.

Бутансъ не произвелъ на меня того впечатлѣнія, которое я отъ него ждалъ, судя по рассказамъ и собственнымъ своимъ фантазіямъ.

Я думалъ попасть въ какіе нибудь Армидины сады, кипящія всею роскошью южной растительности, въ оригинальный азіатскій городъ, съ опредѣленнымъ историческимъ и національнымъ выраженіемъ, а очутился вдругъ въ какомъ-то неприбранномъ, непріютномъ русскомъ городѣ, не то уѣздомъ, не то губернскомъ, съ безхарактерною фізіономіею ничѣмъ неинтересныхъ построекъ,—городѣ, словно еще не оконченномъ выолнѣ и живущемъ на какихъ-то беспорядочныхъ временныхъ бивакахъ.

Такое точно впечатлѣніе производитъ обыкновенно и человѣкъ, когда онъ распатаетъ окончательно свое скромное, но самобытное прошлое и потянется, необдумавши и неумѣючи, подражать формамъ иной, болѣе сложной жизни, ему чуждой, мало понятной, для которыхъ не приготовлено внутри его ни силъ, ни даже искреннихъ вкусовъ.

Крымскій татаринъ въ бѣлыхъ воротничкахъ и городской

накидеѣ, пьющій водку, развращенный языкомъ и душою, но за то умѣющій настолько коверкать русскія слова, чтобы надуть публику,—конечно, считаетъ себя совсѣмъ русскимъ и совсѣмъ европейцемъ.

Но что касается до меня, то мнѣ всегда были противны эти ублюдки уличной цивилизаціи, и я отъ всей души предпочитаю имъ заправскихъ дикарей Крыма, обшитыхъ косматыми овчинами и буйволовою кожей, съ амулетами черезъ плечо, съ ножомъ у пояса.

Оттого мнѣ не по сердцу и кавказскіе города, чуть смазанные сверху цивилизаціею Европы и за то совсѣмъ утерявшіе патриархальность Азии, эти безхарактерныя птицы, отставшія отъ воронъ и неприставшія къ павамъ.

Быть кутайсцевъ нельзя назвать очень щепетильнымъ, потому что почти вся жизнь ихъ снаружи, хотя и безъ слѣда удобствъ.

Въ неогороженныхъ дворахъ, заваленныхъ камнями, въ топкихъ и пыльныхъ садикахъ видны столики съ самоварами, за которыми хозяева прохлаждаются чайкомъ по-русски.

Скверная мостовая, грязь, пустыри, встрѣчаютъ васъ сейчать же послѣ желѣзной дороги.

Правда, въ садикахъ цвѣтеть гледичія, акація, гранатникъ, зеленѣютъ смоковницы.

Какъ будто и точно югъ. Но все это такъ недомовито, такъ небрежно, словно вчера куплено на базарѣ, а завтра будетъ стащено опять на базаръ.

Никакого уваженія къ своему быту, никакой прочной вѣры въ свое будущее, чѣмъ дышетъ всякое нѣмецкое или швейцарское мѣстечко.

Пришлый народъ, минутные интересы, жизнь сплуста рукава, такъ и рисуется сама собою въ этихъ первыхъ впечатлѣніяхъ Кутанса.

Словно какая-то сонная рука лежитъ или по крайней мѣрѣ долго лежала на этомъ заброшенномъ городѣ, когда-то известномъ своею торговлею и богатствомъ, и теперь имѣющемъ всѣ условія процвѣтанія.

Все, что начато, неокончено; что должно быть уже кончено—еще не начато.

Вонъ черезъ живописный Ріонъ, изъ города къ подножію горнаго берега, идетъ мостъ; подѣзжаю, что за дивовина! Виситъ надъ волнами Фазиса однѣ желѣзныя цѣпи. Ужъ не историческая ли аллегорія, думаю; не эмблема ли тѣхъ цѣпей, которыми

русская цивилизація оковала, наконецъ, дикія стихіи кавказской природы?

Нѣтъ, спутники мои смѣются, называютъ эти цѣпи «ожерелиемъ Зубовой».

Какая Зубова? Оказывается, инженеръ такой былъ Зубовъ, одинъ изъ русскихъ цивилизаторовъ Кавказа, не вѣдаю, впрочемъ, когда, и не вѣдаю вправду ли; этотъ російскій Язонъ, вѣроятно, тоже прибывшій въ Колхиду за золотымъ руномъ, вздумалъ побѣдить древній Фазисъ не тѣмъ отсталымъ способомъ, какимъ строили черезъ него свои каменные мосты милетскіе колонисты, римляне или генуэзцы, а коварно перебросивъ черезъ него цѣпной мостъ.

Мостъ этотъ, хотя и восхитилъ начальство своею красотою и воздушною легкостью, но на практикѣ скоро оказался дѣйствительно воздушнымъ.

Онъ благополучно провалился со всѣмъ своимъ полетнѣмъ, оставивъ въ предостереженіе легкомысленному потомству, а можетъ быть, и будущимъ строителямъ «самопадающихъ» мостовъ черезъ золотоносныя рѣкы, эти безмолвно угрожающія желѣзные цѣпи.

Вонъ дальше еще что-то, очень интересное и очень красивое.

Ужъ не древній ли аквадукъ какогонибудь Помпея, уцѣлѣвшій своими изящными арками втеченіи тысячелѣтій?

Подъѣзжаю—дѣйствительно, аквадукъ, дѣйствительно, изящныя арки и дѣйствительно, развалины.

Только развалины вовсе не древняго, а самаго новаго времени, воздвигнутыя не при римлянинѣ Помпеѣ, а при русскомъ губернаторѣ графѣ Левашовѣ.

Заброшенная водочапка уныло высится около этого начатаго и тоже заброшеннаго водопровода. А стоило бы докончить.

Вѣдь этотъ насосъ накачиваетъ не простую воду, а золотую воду Фазиса, соблазнительною доходностью своихъ струй еще далекихъ Аргонатовъ сѣдой древности. Но, вѣроятно, качалка эта не оставалась же вовсе безъ дѣйствія, если она существуетъ; вѣроятно же, успѣла накачать она куданибудь и скольконибудь золотой воды, хотя вода эта и не попала въ городскую водопроводъ.

Правители Колхиды вообще, какъ видно, все больше хлопотали около воды. Должно быть, баснословное преданіе грековъ не давало имъ покоя. Правда, хотя и не пришлось воз-

становить судоходства по Ріону въ тѣхъ мѣстахъ его, гдѣ оно производилось въ древности, хотя не пришлось имъ также дать удобный доступъ въ страну Аргонавтовъ и морскимъ кораблямъ, платонически любующимся теперь на Поти изъ своего прекраснаго далека, однако ихъ пристрастіе къ водѣ несомнѣнно сказалось не только въ легендахъ ріонскаго моста и ріонскаго водопровода, но еще и въ третьей легендѣ о Кутаисскомъ озерѣ. Жители увѣряли меня, что на это озеро было истрчено графомъ Левашовымъ болѣе 30,000 р. сер. изъ скудныхъ городскихъ суммъ.

Озеро это должно было, по увѣренію строителей его, не только дать кутаисскому городскому саду необыкновенную свѣжесть, столь цѣнную жителями юга въ лѣтній зной, но еще и здоровое дыханіе цѣлому городу. Не знаю, чтò кому дало это озеро въ дѣйствительности,—устроители его знаютъ это, конечно, лучше меня,—но только городу оно облегчило не дыханіе, а одинъ карманъ.

Когда озеро приблизилось къ своему осуществленію, оказалось, что нельзя было спрятаться нигуда отъ миазмовъ и сырости, такъ что новорожденное озеро было тотчасъ же и похоронено распорядительнымъ начальствомъ опять-таки, разумѣется, на городской счетъ и опять за нѣсколько тысячъ. Миѣ показывали безвременную могилу этихъ городскихъ капиталовъ и этой оросительной маніи кутаисскаго начальства. Заботы начальства не оставляли впрочемъ и сушу. Въ Кутаисѣ заведена была на городской счетъ садоводственная ферма, чтобы приучить нерадивыхъ мингрельцевъ и имеретинъ къ рациональному садоводству, которымъ они впрочемъ, по странному стеченію судебъ, занимались не только до графа Левашова, но еще и до Рождества Христова, хотя, конечно, не рациональнымъ, а доморощеннымъ способомъ. Я осмотрѣлъ эту ферму, полюбовался ея запущенными аллеями, ея великолѣпными магноліевыми деревьями, теперь уже заглушаемыми, пожалѣлъ ея засохшіе пробковые дубы и ея забытыя оранжереи, изъ которыхъ, вѣроятно, въ прежнее время можно было убирать цвѣтами и растеніями не только домъ генералъ-губернатора, но и дворецъ самихъ имеретинскихъ царей.

По осмотрѣ, я пришелъ къ грустному заключенію, что какъ ни плохо доморощенное садоводство полудикихъ обитателей Ріона, но все-таки, какъ показываетъ исторія, оно уже много вѣковъ поитъ ихъ хоть какимъ нибудь виномъ и кормитъ хоть какими нибудь плодами; между тѣмъ рациональное садоводство

русскаго начальства привело только въ тому, что цѣною затраты значительныхъ общественныхъ суммъ городу Кутаису представилось небольшое лишнее гулянье, гдѣ можно напиться нѣмецкаго пива, но нельзя купить ни одного яблока, ни одной кисти винограда. Теперь затѣя начальства брошена и ферма рациональнаго садоводства отдана въ распоряженіе города, который тотчасъ же обратилъ этотъ храмъ Флоры въ пивную, замѣнивъ поэзію прозой.

Гостинницы Кутаиса довольно порядочны, и если не особенно комфортны, то вполне чистоплотны. Въ гостинницѣ, гдѣ остановился я, содержатель французъ держитъ очень приличный и разнообразный столъ, въ которомъ охотники могутъ полакомиться разною горною дичью и прекрасною рыбою Ріона.

Въ этомъ отношеніи Кутаисъ сдѣлалъ значительный шагъ къ усовершенствованію, если вспомнить, какъ бѣдовалъ въ немъ въ тридцатыхъ годахъ извѣстный французскій ученый Дюбуа де-Монперё. Бѣдному археологу не удалось тогда найти приюта среди проливнаго дождя и онъ долженъ былъ провести ночь среди вучки пьяныхъ казаковъ, которые для сворѣйшаго ознакомленія его съ характерными чертами націи, всю ночь ругались и колотили другъ друга, падая даже на постель любознательнаго путешественника. Даже прославленные Шарденомъ и Гамбою отцы-капуцины и тѣ были настолько жестоки, что не захотѣли облегчить жребія своего странствующаго католическаго брата.

— Ah, messieurs les voyageurs, ne comptez pas sur les pèges sarucines de Koutais, трогательно предостерегаетъ своихъ неосторожныхъ соотечественниковъ злополучный археологъ, который, не смотря на всецѣлое поглощеніе своихъ вкусовъ архивною эрудиціею, немножко смалодушествовалъ при такомъ, слишкомъ ужъ ощутительномъ лишеніи житейскаго комфорта.

Отдавъ неизбежную дань маммонѣ, я всецѣло посвятилъ себя историческимъ памятникамъ Кутаиса и его окрестностей.

Директоръ кутаисской классической гимназіи г. Стояновъ, знатокъ Кавказа и его древностей, авторъ весьма интереснаго путешествія въ Сванетію, былъ мой старый знакомый, гостилъ когда-то у меня въ Крыму и участвовалъ въ одномъ изъ многихъ путешествій по пещернымъ городамъ Крыма. Само собою разумѣется, что я обратился къ нему съ просьбою помочь мнѣ ознакомиться съ древностями Кутаиса.

Кутаисъ одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ Европы,

если вѣрить археологамъ. Онъ былъ еще городомъ царицы-волшебницы Меден, прославленной Аргонавтами, такъ что ему нѣкоторые насчитываютъ болѣе 3,000 лѣтъ.

Въ такомъ случаѣ эта неважная столица маленькой Имеретіи на дѣлькѣ пять столѣтій старше Рима, «вѣчнаго города». «Кутайя» въ глубокой древности уже была колоніею милетцевъ и родиною царя Аэта. Лазы, съ своимъ царемъ Губазомъ, уничтожили ее; но на мѣстѣ разрушенной Кутайи возникъ въ VI вѣкѣ Кутатиссіумъ, построенный персидскимъ царемъ Мермерисомъ; этотъ Кутатиссіумъ дѣлается потомъ столицею лавовъ и всей колхидской страны, цари которой часто живутъ въ его укрѣпленныхъ замкахъ, господствуя надъ всею обильною долиною Ріона и надъ торговлею черноморскаго побережья. Это уже точные факты исторіи, занесенные въ византійскія лѣтописи Прокопія, который при императорѣ Юстиніанѣ былъ секретаремъ знаменитаго полководца и правителя Веливарія, часто боровшагося съ персами, и потому долженъ былъ знать изъ очень вѣрныхъ источниковъ мѣстности, пограничныя съ византійскою имперіею.

Собственно Кутатиссіумъ былъ на мѣстѣ современнаго Кутаиса, т. е. на южной низменной равнинѣ Ріона, по его лѣвому берегу.

Но напротивъ его, на правой сторонѣ Фазиса, издревле существовалъ, ясно отличаемый отъ него всѣми древними писателями и особенно Прокопіемъ, также очень древній городъ Укимеріонъ.

Развалинами этого Укимеріона до сего времени покрытъ противоположный гористый берегъ Ріона, на которомъ расположена часть теперешняго Кутаиса, съ домомъ архіепископа, духовною семинаріею и знаменитымъ разрушеннымъ соборомъ Баграта.

Въ нижнемъ Кутаисѣ много слѣдовъ развалившихся церквей и часовень, мостоваго укрѣпленія, каменныхъ устоевъ нѣсколькихъ мостовъ черезъ Ріонъ въ верхній городъ; но по всей вѣроятности, древности эти относятся ко времени грузинскихъ и имеретинскихъ царей.

Въ этомъ можно убѣдиться изъ развалинъ хорошо сохранившейся часовни зеленоватаго камня, живописно торчащей на вершинѣ скалы, надъ самыми волнами Ріона, при выѣздѣ изъ Кутаиса въ гелатскій монастырь, на плитахъ которой Дюбуа де-Монперё въ 1837 г. видѣлъ грузинскія надписи 1109 г. Часовня эта, сообщавшаяся, повидимому, съ группою пещеръ,

вырытыхъ въ ея скалѣ, по всѣмъ признакамъ должна считаться однимъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ Кутанса; другія же развалины его гораздо позднѣйшаго времени.

Кромѣ этой зеленой часовни и сосѣдняго съ нею циклопическаго кладбища изъ громадныхъ саженныхъ плитъ, на подобіе долменовъ,—въ нижнемъ Кутансѣ удѣляль старый дворецъ имеретинскихъ царей, обращенный теперь въ русскую классическую гимназію.

Хотя дворецъ этотъ былъ значительно разрушенъ и даже Дюбуа видѣлъ его еще въ развалинахъ, однако зданіе гимназіи воспользовалось почти цѣликомъ сохранившимися нижними сводами и открытыми галереями этого обширнаго помѣщенія, кольцомъ охватывающаго большой дворъ.

Посолъ нашего царя Алексѣя Михайловича бояринъ Никифоръ Толочановъ, посланный въ 1650 г. въ имеретинскому царю Александру, видѣлъ въ этомъ дворцѣ много просторныхъ комнатъ, разрисованныхъ по стѣнамъ картинами битвъ царей имеретинскихъ. Но, конечно, теперь не осталось ни малѣйшаго слѣда этой живописи.

Прежде онъ былъ оцепанъ рвами, обнесень древнею стѣною и заключалъ въ себѣ, кромѣ главнаго зданія и тѣнистаго сада, еще другой маленькій дворецъ надъ самымъ обрывомъ Ріона, упиравшійся своею высокою каменною аркою прямо въ воду. Этотъ «Золотой чердакъ» или Чертогъ, что все равно, назначался для ночлега царскихъ гостей, а теперь занимается квартирою инспектора гимназіи, который былъ настолько любезенъ, что позволилъ намъ осмотрѣть его въ подробности.

Изъ большого, вокругъ дворца, сада, который видѣлъ русскій посолъ, также удѣляла только одна исполнинская чинара (или платанъ), стоящая теперь среди обширнаго пустаго двора гимназіи.

Чинара эта большая рѣдкость и большая красота своего рода. Ей несомнѣнно нѣсколько вѣковъ, если она еще не видѣла саму Медею или царя Авта.

Въ обхватъ она около 15 аршинъ. Ея далеко вытанутые кругомъ сучья—цѣляя дерева огромной толщины. Подъ небольшою тѣнью этой тысячелѣтней чинары можетъ пріютиться въ лѣтній зной вся гимназія. Дождь никогда не проходитъ сивозъ ея многоэтажную листву.

Есть еще въ Кутансѣ старинки, которые хорошо помнятъ, какъ послѣдній имеретинскій царь Соломонъ судилъ и разилъ своихъ подданныхъ подъ тѣнью этого дерева, можетъ быть на

той самой каменной скамьѣ, на которой сидимъ мы теперь, и вѣшалъ осужденныхъ, съ патриархальною простотою и краткостью, на тѣхъ самыхъ могучихъ сучьяхъ стараго дерева, которыми мы теперь любуемся.

На высотѣ человѣческаго роста, чинара имѣеть углубленіе по всей окружности, какъ будто отъ постоянной перевязки веревкою. Увѣряютъ, что къ ней дѣйствительно привязывался канатъ парома, ходившаго черезъ Ріонъ къ дворцу царей.

Что паромы ходили черезъ Ріонъ, это видно и изъ того, что въ обрывахъ каменистаго берега Ріона мнѣ не разъ попадались грубо выдолбленные въ камнѣ кольца, за которыя долженъ былъ привязываться канатъ.

Древности нагорнаго Кутанса гораздо многочисленнѣе и интереснѣе. Очевидно, что этотъ, нѣкогда отдѣльный городъ Укимеріонъ былъ уже давно обращенъ въ сильную крѣпость, защищавшую долину Ріона и нижній городъ, гдѣ сосредоточивалась жизнь и торговля.

Какъ только перейдешь ріонскій мостъ, сейчасъ же вступаешь въ царство полуразрушенныхъ стѣнъ и башенъ всякаго рода, спускающихся до самой подошвы горы, почти въ волны Ріона.

Цементъ этихъ древнихъ стѣнъ такъ крѣпокъ, что его не беретъ ничто. Огромные сплошные обломки валяются по горѣ, не рассыпавшись на свои составныя части даже послѣ паденія, даже отъ взрыва пороховъ.

Дюбуа думаетъ, судя по римскому способу постройки, что стѣны эти сложены еще византійцами при Юстиніанѣ, который укрѣплялъ и Укимеріонъ въ числѣ другихъ пограничныхъ пунктовъ своей необъятной имперіи.

Нижнее укрѣпленіе Укимеріона поддерживаетъ своими стѣнами верхнюю терасу горы, на которой было расположено верхнее, главное, укрѣпленіе, теперь занятое архіерейскимъ домомъ и семинаріею. Башни обѣихъ укрѣпленій, кое-гдѣ еще отчасти уцѣлѣли и жители воспользовались ими и древними стѣнами, чтобы пригородить къ нимъ, на нихъ и подъ ними, свои кое-какъ сбитыя, глиною смазанныя жилища, представляющіе никакого удобства, но за то очень живописныя, въ этой общей картинѣ разрушенія. Архіерейскій дворъ, обнесенный стѣною, сохранилъ какимъ-то чудомъ, среди этого историческаго хаоса, среди обломковъ и развалинъ, на огромное разстояніе покры-

вающихъ гору, свои чудныя старыя деревья, многовѣковые орѣхи и липы, пріосѣняющіе молоденькую зеленую траву, сплошнымъ ковромъ устилающую большой дворъ.

Такимъ отряднымъ пріютомъ покоя и мира глядитъ въ глубинѣ этого двора скромный бѣлый домъ, съ обыкновенною тѣнистою галереєю впереди. Подъ широкими зелеными шатрами орѣховъ, непроницаемыхъ для дождя и солнца, зеленѣетъ нѣсколько безмолвныхъ могилъ съ каменными плитами, разныхъ значительныхъ людей старой и новой Имеретіи.

Послѣ тяжкаго непривычнаго подъема по осыпямъ каменныхъ горъ, черезъ обломки крѣпости, подъ горячимъ солнцемъ полудня, такъ свѣжо и легко дышалось въ прохладной тѣни этихъ гигантскихъ орѣховъ.

На зеленый дворъ вдругъ неслышно вѣхалъ по мягкой травѣ маститый старикъ-монахъ, съ умнымъ величественнымъ лицомъ, верхомъ на бойкой горской лошади. Не смотря на свою сѣдую обладистую бороду, онъ проворно и ловко, какъ юноша, соскочилъ съ коня, не дождавшись послушника, бросившагося къ нему съ галереи.

Въ этихъ увѣренныхъ пріемахъ всадника сейчасъ сказался кровный кавказецъ, джигитъ по натурѣ, не смотря на его иноческое одѣяніе и почтенный видъ старца.

Это былъ преосвященный Гавріилъ, архіепископъ имеретинскій и мингрельскій. Мы подошли къ нему подъ благословеніе, и Стояновъ, хорошо знавшій архіепископа, представилъ меня ему.

Преосвященный любезно пригласилъ насъ къ себѣ, въ свой прохладный и безмолвный иноческій пріютъ.

Я былъ очень доволенъ случаемъ познакомиться съ преосвященнымъ Гавріиломъ, о которомъ еще прежде слышалъ много хорошаго отъ брата своего, директора тифлисскаго гимназіи, близко его знавшаго, и отъ другихъ людей, которымъ я вѣрилъ.

И русскіе, и грузины, какъ я убѣдился, одинаково высоко цѣнятъ чистоту его нравственнаго характера, его энергическую, вполне просвѣщенную дѣятельность.

Гавріилъ вообще одна изъ самыхъ выдающихся личностей грузинской интеллигенціи. Это монахъ не по имени только и по одеждѣ.

Это человѣкъ дѣйствительнаго труда и подвига. Онъ неутомимо заводитъ училища всякаго рода, неутомимо объѣзжаетъ

свою слишкомъ обширную епархію, проникая верхомъ даже въ такую глухую и опасную дичь, какъ недоступныя горныя деревни вольной Сванетіи, пріютившіяся подъ самыми ледниками Эльборуса и Пасситы, на головокружительной высотѣ, за непроходимыми пропастями.

Возстановленіе христіанства въ одичавшей и облычившейся Сванетіи болѣе всего обязано мисіонерской ревности Гавріила.

Жизнь Гавріила отличается истинно монашескою скромностью и простотою, въ сожалѣнію, далеко необычною среди высшихъ прелатовъ всякихъ церквей вообще.

Въ Грузіи онъ считается вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ ученѣйшихъ архипастырей и талантливѣйшимъ проповѣдникомъ церкви.

Мнѣ много рассказывали о его необыкновенномъ дарѣ трогать сердце народа ясною простотою и теплою искренностью своего слова.

Преосвященный учился въ русской духовной академіи, чуть ли не въ Троицкой Лаврѣ, и довольно свободно говорить по-русски, хотя грузинское произношеніе слышится рѣзко.

Мы побесѣдовали съ нимъ о его поѣздкахъ по Сванетіи, о состояніи христіанства въ горныхъ дебряхъ Кавказа, но, въ сожалѣнію, не могли воспользоваться дальше интереснымъ обществомъ преосвященнаго, потому что спѣшили осмотрѣть развалины Старога Кутаиса.

Соборъ Баграта, построенный грузинскимъ царемъ Багратомъ III и оконченный Багратомъ IV, въ 1003 по Рождествѣ Христовѣ, считается самымъ замѣчательнымъ историческимъ памятникомъ Закавказья и самымъ совершеннымъ образцомъ армяно-грузинской архитектуры. Соборъ стоитъ выше архіерейскаго двора, на горѣ, широко господствующей надъ всею окрестностью, надъ нынѣшнимъ Кутаисомъ, прильнувшимъ къ ней кругомъ, глубоко внизу, надъ Риономъ, который съ немолчнымъ рокотомъ и плескомъ омываетъ ея подошву. Соборъ уже наполовину разрушенъ, но еще держится своими расцѣпшимися, осыпавшимися, надвое разодранными громадными стѣнами; почти весь обхватъ его цѣль, и архитектурный типъ его можно видѣть довольно ясно.

Съ нами былъ альбомъ чертежей этой археологической святыни Кавказа, извлеченный изъ чрезвычайно рѣдкаго драгоценнаго атласа Дюбуа де-Монперѣ. Чертежи эти давали намъ воз-

возможность уяснить нѣкоторыя неясности и разобрать точнѣе то, что уже разбирается теперь не легко.

Куполь собора давно провалился, и на стѣнахъ, нагрязанныхъ и зазубренныхъ разрушеніемъ, въ трещинахъ, которыя располагаются сверху внизъ по уцѣлѣвшимъ еще стѣнамъ, какъ первые приступы наступающей гибели, — растутъ цѣлыя деревья, кусты, травы, странно колыхаясь своею зеленью и цвѣтами на этой необычной высотѣ, на фонѣ ярко синяго неба, перепутываясь корнями съ каменными плитами, съ барельефами карнизовъ.

Обширный пустырь лежитъ теперь внутри этихъ высокихъ на-половину разъединенныхъ стѣнъ, на которыхъ разглядишь, то остатки древнихъ фресокъ, то рѣзныя колонки оконъ и арки нишей.

Четыре огромные столба, когда-то поддерживавшіе куполь, низвергнуты давно и отъ нихъ остались только массивные четырехугольные постаменты; обломки зеленыхъ порфировыхъ колонъ навалены другъ на друга. Еще легко различить мѣсто алтаря, по бокамъ котораго были устроены изящныя ниши въ два этажа. Нѣсколько каменныхъ гребницъ, на видъ довольно новыхъ, помѣщаются внутри собора. Весь полъ его покрытъ обломками и щебнемъ.

Жутко быть долго въ этихъ развалинахъ, подъ сырою тѣнью высокихъ, какъ башня, стѣнъ, которыя уже не держатся другъ другомъ и, кажется, качаются при каждомъ сильномъ порывѣ вѣтра. Съ угрожающимъ видомъ нависли сверху надъ головою вашей, то сорвавшійся съ своего гнѣзда тяжелый кусокъ карниза, то совсѣмъ навренившійся, по воѣмъ швамъ растреснувшій зубецъ стѣны. Быстро, какъ струйка воды, переползетъ черезъ него зеленая ящерица, зашелеститъ сухою дробью осмывавшійся изъ-подъ ея ногъ мелкій соръ, и тревожно вскинешь туда глазами, и ждешь, ужъ не летитъ ли оттуда давно подготовляющійся обвалъ. Снаружи украшенія собора сохранились гораздо болѣе и вообще онъ представляетъ болѣе цѣльный и грандіозный видъ.

Особенно интересна западная его сторона, откуда былъ главный входъ. Тамъ сосредоточено болѣе всего каменной рѣзбы и скульптурныхъ украшеній. Горельефы первобытнаго стиля, изображающіе царя Баграта и ангела, фигуры льва и грифовъ, превосходный карнизъ около дверей, и вообще все, что есть наиболѣе характернаго и изящнаго въ атласѣ Дюбуа, — еще можно хорошо видѣть на этой западной стѣнѣ. Видна и зна-

менная надпись о годѣ построенія, сдѣланная крайне оригинальнымъ начертаніемъ арабскихъ цифръ. Ручную надпись можно разобрать надъ восточнымъ портикомъ собора. Но остальные фигуры и надписи, которыя Дюбуа еще видѣлъ на мѣстѣ, уже исчезли теперь. Особенно пострадалъ южный портикъ, котораго значительная часть была съ варварскою грубостью употреблена недавно на постройку небольшой новой церкви, прилегающей теперь вплотную къ собору, въ стѣнѣ которой можно отыскать теперь много загубленныхъ украшеній южнаго портика.

Въ высокой травѣ около западнаго входа я наткнулся на два великолѣпные каменные архитрава съ изящно вырѣзанными единорогами, леопардами, апокалиптическими птицами, съ лицомъ человѣка, и на многіе другія замѣчательныя архитектурныя украшенія, которыми въ высшей степени облегчались и разнообразились сплошныя стѣны собора громадной высоты и ширины.

Рѣзкость ихъ поворотовъ, уступовъ и угловъ вездѣ смягчается какою нибудь легкою группою художественно вырѣзанныхъ колонокъ или затѣйливыми карнизами самаго благороднаго узора. Однообразіе плоской стѣны замаскировывается рядами фальшивыхъ арокъ и нишъ, или прерывается скульптурными фигурами строгаго стиля.

Расхищеніе этой археологической святыни идетъ также неутомимо и систематически, какъ и ея разрушеніе.

Въ длинной оградѣ архіерейскаго двора, также какъ и въ оградахъ многихъ сосѣднихъ домиковъ, я видѣлъ множество камней съ фигурами и надписями, наваленныхъ въ числѣ обыкновеннаго булыжника и мусору.

Правда, кавказское географическое общество предлагало г. Стоянову, какъ члену своему, устроить ограду около собора, содержать сторожа и производить раскопки въ его осмѣяхъ. Но оно назначало на этотъ предметъ 200 р., на которые, разумѣется, невозможно было бы устроить даже и одну ограду, поэтому дѣло и не пошло дальше добраго желанія.

А между тѣмъ, это такой монументъ древней архитектуры, передъ которымъ благоговѣть вся ученая Европа и который имѣетъ въ ней немного себѣ равныхъ.

По изслѣдованіямъ Дюбуа, храмы мухетскіе, гелатскій и др. знаменитыя древніе храмы Грузіи въ настоящемъ своемъ видѣ построены по образцу багратова собора, но значительно уступаютъ ему размѣрами и архитектурнымъ изяществомъ.

Багратъ, женатый на дочери римскаго императора, восполь-

зовался греческими архитектурами и каменщиками, чтобы довершить постройку собора, замышленную въ обычномъ армянскомъ стилѣ, и такимъ образомъ византійскій характеръ базилики, въ формѣ креста, сочетался въ немъ со многими армянскими особенностями украшеній, скульптуры и проч.

Замѣчательно, что тотъ же самый византійскій императоръ, который прислалъ мастеровъ нашему великому князю Ярославу Мудрому для постройки святой Софіи и лаврской церкви въ Киевѣ, прислалъ такихъ же мастеровъ и грузинскому Меле Баграту IV.

Молодой педагогъ, любезно провожавшій насъ при посѣщеніи собора, предложилъ намъ зайти на минуту въ духовную семинарію, въ которой онъ жилъ и учительствовалъ и которая была по сосѣдству съ соборомъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ пѣшаго хожденія по камнямъ и жарѣ было дѣйствительно не лишне немножко отдохнуть. Мы усѣлись на длинной тѣнистой галерейѣ семинарскаго дома, гдѣ насъ сейчасъ же съ большимъ радушіемъ окружили товарищи нашего спутника, жившіе въ томъ же домѣ, и на столѣ незамѣтно появилась безхитростная грузинская закуска и неизбѣжный кувшинчикъ вина.

Молодые педагога наперерывъ другъ передъ другомъ угощали насъ кто мѣстнымъ сыромъ, кто виномъ, кто огурцами и свѣжими черешнями.

Мы искренно выжили за ихъ здоровье и съ любопытствомъ побесѣдовали съ ними объ устройствѣ семинаріи и ихъ житьѣ-бытьѣ. Эти духовныя семинаріи первые проводники русской цивилизаціи среди азіатскихъ народностей Кавказа. Овладевъ хорошо русскимъ языкомъ, ставъ нечувствительно на точку зрѣнія образованныхъ классовъ Европы, черезъ знакомство съ русскою оригинальною и переводною литературою, воспитанники семинаріи дѣлаются потому учителями и священниками въ разныхъ глухихъ уголкахъ Кавказа. Жизнь ихъ въ семинаріи очень трудовая и очень тяжелая.

Они не живутъ въ пансіонѣ, а разселены по квартирамъ и домикамъ своимъ по горѣ стараго Укимеріона.

Впрочемъ, жалкія земляныя и хворостяныя лачуги ихъ даже не заслуживаютъ названія домовъ.

Скорѣе это звѣринныя норы или пещеры первобытнаго человека. Семинаристы получаютъ очень скудную денежную стипендію (пятьдесятъ рублей въ годъ) и должны все дѣлать сами, топить свои вѣтушки, готовить кушанье, рубить дрова, носить воду, покупать чтó нужно. Прислуги, разумѣется, у нихъ

нѣтъ никакой и они вынуждены чередоваться въ этихъ работахъ своихъ, поневолѣ пропускавая классы. Въ этомъ, конечно, неудобство и невыгода. Но въ общемъ, эта суровая сторона воспитанія гораздо полезнѣе, чѣмъ наше обычное баловство молодежи въ школахъ, пріучающихъ ее заранѣе къ такимъ запросамъ, которымъ почти никогда не отвѣчаетъ подвижная жизнь, и подрывающихъ въ нашихъ юныхъ поколѣніяхъ способность настойчивой борьбы, терпѣнія и скромности.

Подкрѣпивъ свои силы, мы уже цѣлою компаніею отправились доканчивать осмотръ древняго города Медеи. Самая семинарія стоитъ среди грудъ историческихъ развалинъ и устроена изъ нихъ же; вся крутая, обширная гора кругомъ нея и собора покрыта ими почти сплошь. Новая жизнь только отчасти воспользовалась этимъ громаднымъ кладбищемъ прошлаго и пріютилась почти незамѣтно въ разныхъ уголкахъ его. Мы наткнулись ежеминутно на остатки церквей, памятниковъ, стѣнъ, башенъ, домовъ. Пovyше и посѣвернѣе собора возвышался древній акрополисъ, также полный храмовъ и другихъ построекъ; его стѣны и башни разрушены были въ послѣдній разъ вмѣстѣ съ другими укрѣпленіями и зданіями нагорнаго Кутаиса въ 1769 году, когда геройскій отрядъ русскихъ, подъ предводительствомъ Тотлебена, перешелъ непроходимые хребты Кавказа черезъ горную Осетію и спустился въ Рачинскій округъ, а оттуда въ Кутаисъ. Тотлебенъ былъ посланъ Екатериною II на помощь имеретинскому царю Соломону I и долженъ былъ бомбардировать цитадель Кутаиса, въ которой заперлись турки, съ того берега Ріона.

Турки были выбиты, Кутаисъ возвращенъ Соломону, вставшіе имеретины усмирены, но древній Укимеріонъ Прокопій съ тѣхъ поръ пересталъ существовать и, вѣжется, уже никогда не возстанетъ изъ своего пепла.

Любознательные археологи, въ родѣ Дюбуа де-Монперё, и въ теперешнихъ развалинахъ умѣютъ различать и дворецъ царей лавовъ, и остатки турецкихъ мечетей, и храмъ св. Георгія, улицы и рынки, водопроводы и городскія ворота.

Но, признаюсь, эти сомнительныя подробности не стоятъ потраченнаго на нихъ труда, такъ какъ губительное время сравняло теперь все въ одну кучу камней—дворцы и рынки. За то какой дивный видъ открывается со стѣнъ акрополиса и отъ маленькой церкви, окруженной старинными гробовыми плитами, надъ самымъ обрывомъ скалистой горы.

Не только весь новый Кутаисъ съ пестротой своихъ церк-

вей, домовъ и улицъ стелется у вашихъ ногъ, за неистово несущимся Ріономъ, но еще далеко видна вся цвѣтущая, роскошная низина ріонской равнины, цѣлая области Имеретіи и Гуріи.

А налѣво, въ сѣверу, одно живописнѣе, одно заманчивѣе другаго, зовуть къ себѣ сердце путешественника зеленыя, темнѣющія ущелья горъ, покрытыя курчавыми лѣсами, поднимающіяся все выше, все уже, въ синіе туманы далекаго Кавказа.

Бѣлые свергающіе черепа далекой Пасситы и ея сосѣдей-великановъ сурово выглядываютъ изъ-за голой отвѣсной стѣны Квамлі, этой «скалы Прометея», и другихъ каменныхъ горъ, отдѣляющихъ Кутаисъ отъ Рачинскаго уѣзда, поднимающихъ свои громады за ближними лѣсистыми горами, сквозь тѣснины которыхъ прорываются Ріонъ и Красная рѣка. Тутъ и долина Гелати, куда намъ ѣхать завтра.

Обзоръ древняго Укимеріона окончился оригинально.

Спутники наши повели насъ черезъ хитроумный подземный ходъ, вырубленный въ края скалы и укрѣпленный кое-гдѣ кирпичными сводами. Этотъ тайникъ, когда-то совершенно закрытый отъ глазъ враговъ, но теперь уже во многихъ мѣстахъ осыпавшійся своею наружною стѣнкою и обнажившій себя, огибаетъ сѣверную стѣну укрѣпленной горы и ведетъ по очень крутому, далеко не вездѣ удобному скату въ потайному же руднику, который бьетъ изъ сердца скалы и наливаетъ свой естественный каменный бассейнъ, почти на половинѣ высоты скалы, въ полуоткрытой и полутемной пещерѣ, заросшей ежевикой и плющемъ.

Спутники мои рассказали мнѣ по этому случаю, что въ прежнее время бассейнъ этого ключа былъ совершенно закрытъ снаружи; но одинъ имеретинъ, во время осады Кутаиса, посоветовалъ генералу Тотлебену разбить ядрами сводъ, прикрывавшій ключъ, и прекратить осажденнымъ доступъ къ водѣ. Въ ту же ночь черезъ этотъ самый проломъ русскіе ворвались въ цитадель и заставили турокъ сдаться.

Мы забрались въ этотъ постычскій уголокъ напиться ключевой воды и усѣлись вздохнуть нѣсколько минутъ, свѣсивъ ноги надъ обрывомъ, любуясь шумѣвшимъ недалеко Ріономъ. Подъ нами, по дорогѣ, двигались арбы, люди, лошади, спѣшившія въ Кутаисъ изъ окрестныхъ деревень.

Какой-то лохматый, оборванный имеретинъ несъ за плечами на базаръ огромную корзину спѣлыхъ черныхъ черешень.

Наши молодые педагоги перекинулись съ нимъ нѣсколькими словами и вдругъ я съ изумленіемъ увидалъ, что этотъ неуклюжій на видъ мужчина сталъ быстро и ловко, какъ паукъ, карабкаться по отвѣсной скалѣ, наверху которой сидѣли мы, не снимая съ своихъ плечъ тяжелой корзины, не менѣ пуда вѣсомъ.

Корзина, полная душистыхъ и сладкихъ, только что нарванныхъ черешень, какихъ не купишь ни у какого Елисева на Невскомъ проспектѣ, была уступлена безхитростнымъ торговцемъ, вмѣстѣ съ посудиною, за 2 абазы, т. е. за 40 к. Мы всѣ наѣлись до-сыта черешень, но корзина была словно не тронута. Имеретинецъ однако былъ, повидимому, очень доволенъ своимъ неожиданнымъ и выгоднымъ торгомъ, потому что не только его рискованная гимнастика по обрыву сошла за тѣ же 2 абазы, но онъ еще охотно вызвался въ тотъ же счетъ дотащить корзину съ своими черешнями на гору въ семинарію, т. е. еще добрую версту по камнямъ и жарѣ.

IV.

Святѣни Грузіи.

Гелатскій монастырь для всей древней Грузіи, включая въ нее не только Карталиню, Кахетію и Сомхетію, но и Имеретію, и Гурію, и Мингрелію, тоже самое, что Сергіево-Троицкая лавра для стараго московскаго государства.

Этотъ высокоушедшій въ горы увѣрѣленный монастырь служилъ втеченіе вѣвовъ соврощицею грузинскихъ и имеретинскихъ царей и убѣжищемъ ихъ въ частыя минуты опасности. Въ Гелатахъ жили обыкновенно католиковсы, т. е. патріархи Грузіи, такіе же верховные вожди народа, какъ и цари, часто становившіеся рѣшителями даже ихъ собственныхъ судебъ. Въ такомъ глубоко христіанскомъ народѣ, какъ грузины, для котораго весь смыслъ многовѣковой исторіи часто заключался въ защитѣ своей вѣры, глава церкви естественнымъ образомъ становился въ положеніе, можетъ быть, еще болѣе авторитетное и непоколебимое, чѣмъ даже глава свѣтской власти.

Не посѣтитъ Гелаты, было бы святотатствомъ для путеше-

ствующаго по Грузіи. Насъ собралась цѣлая компанія: Стояновъ, я и два учителя гимназіи, люди такіе же любознательные какъ и мы, и вромѣ того сильно нуждавшіеся въ отдыхѣ послѣ едва законченныхъ экзаменовъ.

Къ моему изумленію, оказалось возможнымъ взобраться въ этотъ заоблачный монастырь безъ всякой романтической обстановки, невольно соединяющейся въ нашемъ воображеніи съ поѣздками по горамъ Кавказа; ни верховыхъ лошадей, ни бурокъ, ни проводниковъ по тропинкамъ, ничего не потребовалось. Нанята была просторная буржуазная коляска четвернею, и подъ прикрытіемъ прозаическихъ городскихъ зонтиковъ, въ обыденныхъ городскихъ пальто, усѣлись мы въ ней, радуясь какъ дѣти прекрасному синему дню и чуднымъ перспективамъ, ожидавшимъ насъ впереди. Въ первомъ порядочномъ магазинѣ запаслись мы винами, не особенно рассчитывая на гостепрѣмство монаховъ, и весело тронулись въ путь на четверей бойвихъ кабардинскихъ лошадокъ, не знающихъ ни страха, ни усталости. Имеретинъ-извозчикъ за всю прогулку въ облака и обратно взялъ съ насъ 15 р. и, надо отдать ему справедливость, не жалѣлъ своихъ каменноногихъ коней.

Мы выѣхали изъ Кутаиса по Рачинской дорогѣ черезъ многолюдный и зажиточный еврейскій кварталъ, который весь вишѣлъ разряженнымъ праздничнымъ народомъ по случаю шабаша.

Красивыя закавказскія еврейки въ своихъ богатыхъ и оригинальныхъ уборахъ толпились отдѣльно отъ мужчинъ, какъ подобаетъ восточнымъ женщинамъ.

Въ Закавказьѣ не только евреи, но и грузины, и вообще всѣ мѣстныя христіанскія племена болѣе или менѣе соблюдаютъ общій обычай азіатскаго мусульманства, требующій почти полного отчужденія быта мужчины отъ быта женщины. По крайней мѣрѣ это очень замѣтно среди простонародія.

Мы ѣхали круто въ гору, но все-таки рысью. Горская лошадь имѣетъ мѣдное легкое и чугунную ногу, и то, что она продѣлываетъ здѣсь безъ всякаго напряженія, для нашей русской равнинной лошади было бы совершенно немислимо и невѣроятно.

Сначала мы ѣхали по лѣвому берегу на встрѣчу Ріону, который, вырвавшись изъ ущелій, кружится и бѣсится въ своихъ высокихъ каменныхъ берегахъ, среди которыхъ онъ сбѣгаетъ внизъ съ одурающею быстротою.

Дорога вьется по тѣсному карнизу горы, какъ разъ надъ

обрывами рѣки, и съ непривычки очень волнуетъ нервы, особенно, когда встрѣчаются имеретинскія арбы и извозчику приходится то почти переваливать на бокъ коляску, забираясь однимъ колесомъ на крутой обвалъ горы, то пробираться надъ самою пропастью, по ссыпающемуся краюшку дороги, поминутно срываясь колесами.

Потомъ мы бросили долину Ріона и поднялись въ ущеліе его притока Цхаль-Цители, Красной рѣки. Выше, по этому же ущелю, находится всѣмъ извѣстная пещера Язона, въ которой еще недавно производилъ свои раскопки, не особенно, впрочемъ, удачныя, нашъ извѣстный археологъ графъ Уваровъ.

Цхаль-Цители нисколько не успокоительнѣе Ріона. Опасныя осыпи и кручи и тутъ тоже на каждомъ шагу; тяжелая коляска наша то вынуждена переправляться, съ вѣрнымъ шансомъ провалиться, черезъ углы, еле-дышащіе мостыки, то наудачу переѣзжать рѣку вбродъ черезъ огромные камни, способные безъ труда раздробить колеса и опрокинуть экипажъ. Къ тому же, самое названіе брода только одна напрасная иллюзія, потому что малѣйшій дождь дѣлаетъ этотъ бродъ непроѣзднымъ.

Мы тоже изрядно черпали водицы кузовомъ своей коляски и не разъ ожидали необходимости окончить свою переправу вплавь.

Но возница нашъ и его лошади изумляли меня своею ловкостью. Въ то время, какъ правая пристяжная, съ цѣпностью дикой козы, бѣжитъ, не срываясь, чуть не по отвѣсному косо-гору скалы, на ходу перепрыгивая и обѣгая кусты и выступы камней, лѣвая почти виситъ надъ пропастью и только кончиками копытъ успѣваетъ попадать въ сыпучій край карниза.

Кажется, потеряй она на одинъ волосокъ равновѣсіе, и мы всё, съ экипажемъ, лошадьми и пассажирами, полетимъ внизъ.

У насъ, въ Россіи, ѣзда по такимъ дорогамъ считалась бы опасною даже въ одиночку, въ простой телѣгѣ, а кавказскій извозчикъ запрягаетъ четырех-мѣстную коляску и валитъ себя четверкою въ рядъ, ежеминутно повертывая то на право, то на лѣво, подъ острымъ угломъ, да еще, какъ ни въ чемъ не бывало, разминутся съ нагруженными арбами, которыя тутъ встрѣчаются цѣлыми обозами. За то какъ хороши лѣсныя ущелья, которыми ѣдемъ мы. Забудешь и ревъ Ріона, и обрывы, и опасности.

Роскопная южная растительность заполняетъ эти сочныя ущелья до того густо, что буквально ужю не проползти. Вѣчно

зеленые лавры, мирты и лавровишни, падубъ, кровавые цвѣты гранатника, только что отцвѣтшіе азалии и рододендроны съ своими сверкающими лакомъ листьями, персикъ, орѣхъ, айва, смоковница,—все это сплошь наполняетъ лѣсную дичь ущелья, не требуя никакого ухода, снабжая горнаго жителя своими даровыми плодами и чудными цвѣтами, рядомъ съ каштаномъ, дубомъ, грабомъ и другими болѣе обыкновенными деревьями. Плющъ и дикій виноградъ перепутываютъ этотъ разнообразный естественный садъ своими ползучими лианами, преграждая всякую дорогу не только человѣку, но и звѣрю. Дѣлается жалко, когда сознаешь, что все это природное обиліе и красота болѣею частью погибаютъ безцѣльно и бесплодно, никому ненужное, часто даже невѣдомое и недоступное, въ то время, какъ въ другихъ странахъ есть столько людей, лишенныхъ даже самой скромной доли этой роскоши земли.

Тѣснота и гуща этихъ лѣсовъ такова, что нога моя не могла отыскать въ нихъ почвы. Ступаешь не на землю, а на переплеты упругихъ вѣтвей, на кучи сухолома, на гниющія колоды. Дерево тутъ не допускаетъ до земли; тутъ все только лѣсъ, и вверху, и внизу, и кругомъ.

Подъемъ дороги дѣлается круче съ каждымъ шагомъ, и жаркій лѣтній день нисколько не облегчаетъ его.

Въ мѣлѣ не только лошади, но и мы сами.

Гелатскій монастырь торчитъ очень высоко, почти надъ самою вершиною лѣсной и скалистой горы, за Цхалъ-Цители. Его бѣлые храмы и крѣпостныя стѣны живописно вырѣзаются на яркой зелени горы, подъ знойнымъ синимъ куполомъ неба, широко опровернутомъ надъ всею этою чудною панорамомъ горныхъ вершинъ и ущелій.

Только въ рѣдкихъ мѣстахъ долины и скаты кое-гдѣ поцарапаны виноградниками и кукурузниками, да и эти скудныя попытки людскаго хозяйства кажутся какими-то случайными и затерянными, среди торжественно царящей кругомъ дикой мощи лѣсовъ, альпійскихъ пастбищъ и скалистыхъ пустырей.

Разбѣянные по скатамъ деревушки тоже кажутся ошибкою появившимися въ это пустынное царство горъ. Бѣдныя домишки ихъ чуть прикрыты остарѣвшими соломенными крышами или замшившейся деревянною черепицею. Это жилища пастуховъ и лѣсниковъ.

Послѣдній подъемъ на конусобразную гору Гелати такъ

трудень, что намъ пришлось выйти изъ коляски и продирались вверхъ пѣшкомъ по утомительнымъ тропинкамъ; коляска отпривилась въ объѣздъ.

Мы вдохнули съ большимъ удовольствіемъ, очутившись наконецъ на верху, насквозь потные, хотя уже давно снимали съ себя верхнее платье и шли въ одномъ бѣльѣ. Прозрачная какъ ледъ холодная вода монастырскаго колодезя показалась вкуснѣе всякаго нектара.

На высокой тѣнистой галерей братскаго дома услыли мы отдохнуть и подкрѣпить свои силы бывшею съ нами провизіей. У монаховъ ничего не достали. Настоятеля не было дома, а безъ него словно нието ни смѣлъ принять на себя роль хозяина.

Въ Гелатской лаврѣ три древнихъ уцѣлѣвшихъ храма: большой соборъ Богоматери въ срединѣ обширнаго монастырскаго двора, сзади его маленькая, но вмѣстѣ самая старая церковь св. Георгія, и впереди храмъ св. Николая, позднѣйшей постройки.

Монастырь основанъ Давидомъ Возобновителемъ, въ XI вѣкѣ, въ одно время съ Киевопечерскою лаврою.

Большой соборъ очень напоминаетъ собою Софійскую церковь Киевопечерской лавры, только своды его выше и изящнѣе. Какъ кievская Софія, какъ успенскій соборъ Москвы, какъ св. Маркъ въ Венеціи, Гелатскій большой соборъ сплошь покрытъ внутри замѣчательными старинными фресками и мозаиками.

Особенно хороши знаменитыя мозаики алтаря, гдѣ все обширное золотое поле круглаго купола, занято тремя громадными фигурами Богоматери и двухъ ангеловъ, рѣдкаго искусства. Полустертыя фрески пестрыхъ сливающихся тоновъ персидскаго ковра, ласкающихъ глазъ, сплошь выстилаютъ своды, арки, стѣны, купола, будто драгоценныя старинныя гобелены своего рода, и придаютъ собору характерный видъ истинно-византійскаго храма.

Въ этихъ огромныхъ, наивныхъ до первобытности фигурахъ, расположенныхъ безъ малѣйшаго соблюденія перспективы, нарисованныхъ безъ всякаго понятія объ анатоміи, со всѣмъ дѣтскимъ простодушіемъ средневѣковаго благочестія, заключается какая-то своеобразная красота, не всякому доступная, понятная только чутью художника, да умиленному настроенію вѣрующаго. Что-то цѣлостное, искреннее, гармоническое, оправды-

вающее самое себя, и согласное со всѣмъ младенчески-тайнственнымъ полуязыческимъ міросозерцаніемъ тѣхъ темныхъ временъ и тѣхъ простыхъ людей, глядѣть въ каждой чертѣ древняго рисунка.

Иванъ-Креститель нелѣпнаго вида, въ звѣриныхъ шкурахъ и съ крыльями; столпники въ дивовиныхъ столбахъ съ бородами, вросшими въ землю; громадные глазатыя лица съ рѣзкими, будто окаменѣвшими черными морщинами; фантастическія фигуры апокалипсическихъ чудищъ, многоголовыя, многокрылыя, полулюди, полувѣри, полуптицы,—весь бредъ пылаго восточнаго воображенія, вдохновеннаго религіознымъ ужасомъ и религіозными чаяніями невѣдомаго, воплощенный въ формы и краски рукою художника, глубоко вѣрующаго въ реальность и въ истинность всѣхъ этихъ сновидѣній фантазіи...

Среди этихъ безчисленныхъ поблекшихъ изображеній, висящихъ на стѣнахъ и сводахъ собора, словно полчища загробнаго міра, безмолвно столпившіеся вокругъ алтаря, дающаго смыслъ и жизнь даже въ безотрадныхъ пустыняхъ смерти, фигуры исторіи перемѣшаны съ созданіями воображенія, съ мечтаніями вѣры...

Цари, царицы, младенцы-царевичи и католикосы древней Грузіи стоятъ въ рядахъ хевувимовъ, пророковъ и мучениковъ. Тутъ ужъ видна не одна сила религіозной фантазіи, а живьемъ легла печать времени и народа.

Черноволосыя фигуры съ широко-открытыми большими черными глазами, ярко восточнаго типа, въ азіатскихъ парчевыхъ бешметахъ по пятки, съ монгольскими косами по плечамъ, съ монгольскими сердитыми усами, въ персидскихъ и киргизскихъ шапкахъ,—попали на эти стѣны прямо съ натуры, изъ живой когда-то жизни.

Даже образы Христа и Богоматери невольно запечатлѣлись этимъ мѣстнымъ азіатскимъ колоритомъ, и съ огромныхъ мѣстныхъ иконъ глядятъ такіе же смуглые глазатыя грузины, какъ и съ портретовъ благочестивыхъ царей, щедротами своими создавшими когда-то этотъ домъ молитвы.

Иконостасъ почти весь заставленъ и завѣшанъ знаменитыми чудотворными иконами Грузіи; тутъ и Хахульская Божья Матерь, и Ацхурская, и Бичвинтская, и Гелатская, и многія другія. Не смотря на рабское положеніе восточной женщины, Богоматерь пользуется въ Закавказьи особеннымъ благоговѣйнымъ почетомъ, и нигдѣ нѣтъ столько иконъ, храмовъ и празнествъ въ честь Пресвятой Дѣвы, какъ у грузинъ. Видно,

недаромъ женщина была первою насадительницею христіанства въ Грузіи, не даромъ самымъ славнымъ и любимымъ царемъ Грузіи сдѣлалась потомъ царь-женщина.

Чудотворныя иконы Гелатскаго храма почти все огромныхъ размѣровъ и неописаннаго богатства. Они стоятъ рядомъ впереди иконостаса. Большая часть ихъ имѣетъ видъ складней самаго рѣдкаго и мастерскаго золотого чекана, усѣяннаго въ поразительномъ обиліи всевозможными драгоценными камнями, иногда замѣчательной величины. Темное письмо ихъ глубочайшей древности. Но на самыхъ старыхъ, письма даже вовсе невидны: онѣ сплошь окованы золотымъ окладомъ мельчайшаго тончайшаго узора, и на нихъ виденъ только золотой горельефъ съ египетски-неподвижными и египетски-неулыбчивыми фигурами. Такъ же отчеканены и также одѣты въ сілосныя ризы царскія врата. Подобныя религіозныя сокровища древности можно видѣть развѣ только въ Успенскомъ соборѣ Москвы.

Соборъ Богоматери имѣетъ шесть отдѣльныхъ круглыхъ сводовъ въ обычной формѣ креста. Въ срединномъ сводѣ, самомъ обширномъ, гдѣ сосредоточена главная масса фресокъ и иконъ, помѣщается и древнее каменное сидѣнье католикосовъ Грузіи, украшенное оригинальною каменною рѣзбою. Множество фресокъ этого свода, изображающихъ святыхъ угодниковъ, кажутся слѣпыми, потому что глаза ихъ выпарапаны или выбиты турецкимъ мечемъ; у другихъ отрублены турками головы и руки, или совсѣмъ стиснены лица... Это обычное поруганіе христіанскихъ святыхъ со стороны мусульманина.

Кругомъ главнаго отдѣленія собора идутъ хоры. На нихъ нужно подниматься по темной лѣстницѣ гомерической простоты. Камни, составляющіе ступени, не менѣе аршина высоты и, по истинѣ, нужно быть богатыремъ грузинскихъ свазовъ, чтобы шагать по этой лѣстницѣ гигантовъ.

За то съ хоръ можно отлично разсмотрѣть самыя старыя и самыя стертыя фрески, которыя, дѣйствительно, достойны вниманія любителей. Но еще интереснѣе маленькая ризница направо отъ алтаря. Въ ней вещей немного, всего одинъ шкафъ; это далеко не тѣ безконечныя палаты, до потолковъ наполненныя жемчужными ризами, безцѣнными митрами, свержающими золотомъ сосудами и иконами, которыми поражаетъ путешественника ризница Сергіево-Троицкой Лавры или патриаршая ризница Москвы.

Но за то всякая вещь маленькой гелатской сокровищницы есть замѣчательная историческая реликвія.

Въ глазахъ знатоковъ древности нѣтъ цѣны древнимъ ру-

кописнымъ евангеліямъ, украшеннымъ дивною миниатюрою VII, VIII и XI вѣковъ. Особенно интересно своимъ оригинальнымъ почеркомъ въ высшей степени простое евангеліе, съ оторваннымъ началомъ, найденное въ недоступныхъ дебряхъ Сванетіи и относящееся къ VII или VIII вѣку. Впрочемъ, большая часть гелатскихъ евангелій имѣетъ безцѣнные оклады древнѣйшей работы, украшенные дорогими камнями. Но и кромѣ евангелій тутъ много историческихъ рѣдкостей: корона царя Бограта III, несказаннаго богатства, сплошь унизанная жемчугомъ, изумрудами, рубинами, еще того типа, по которому дѣлались вѣнцы древнихъ библейскихъ царей, съ зубцами, увѣнчанными небольшими крестиками; тутъ митры грузинскихъ патріарховъ характерной цилиндрической формы, также богато усыпанные камнями, и все вообще облаченіе католикозовъ, ихъ хитоны, пояса, баньлики, остроконечныя туфли, залитыя жемчугомъ, расшитыя золотомъ съ удивительнымъ вкусомъ и роскошью, и также убранныя всевозможными самоцвѣтными камнями. Тутъ, между прочимъ, сохраняется и золотой перстень царя Давида Возобновителя, соорудителя храма, портреты котораго видѣются на фрескахъ почти каждой стѣны, перстень невѣроятной величины и массивности, съ именною печатью царя и скрытыми частицами мощей. Судя по величинѣ пальца, носившаго подобное кольцо, невольно повѣришь, что громадная фреска только вѣрное подобіе когда-то живой дѣйствительности, и что ступени хоръ гелатскаго храма были совершенно по ногѣ его старинныхъ молеельщикоу.

При осмотрѣ ризницы я впервые разъ услышалъ новость, которую впоследствии подтвердили мнѣ имеретини и мнигрельцы, имѣвшіе случай говорить со мною, и которая въ высшей степени смутила меня въ качествѣ русскаго человѣка. Я не считаю возможнымъ умолчать о ней, тѣмъ болѣе, что по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, она уже возбудила въ свое время громкій ропотъ не только въ мѣстномъ обществѣ, но и въ мѣстной литературѣ, тѣсно связанной цѣнами цензуры.

Мнѣ рассказывали, что одно изъ знаменитыхъ и древнѣйшихъ евангелій гелатской ризницы было будто бы взято бывшимъ кутанскимъ губернаторомъ графомъ Левашовымъ, подъ предлогомъ чистки и поправки его въ Парижѣ, и что затѣмъ цѣны неимѣющей древней окладъ съ драгоценными камнями исчезъ невѣдомо куда, и только послѣ многихъ настояній духо-

венства знаменитое евангеліе было возвращено монастырю, но въ самомъ обыденномъ новѣйшемъ окладѣ.

Прибавляли еще и другія возмутительныя подробности, которыхъ я не повторяю. Увѣряютъ даже, будто отъ свѣтѣйсшаго Синода до сего времени объ этомъ производится слѣдствіе, и что будто слѣдствію этому ставятся со стороны свѣтскихъ властей такія препятствія, при которыхъ оно до сихъ поръ не въ силахъ придти къ концу. Я знаю, какъ люди много врутъ, путаютъ, преувеличиваютъ и даже клеветуютъ; поэтому я не позволилъ бы себѣ печатно повторить этотъ оскорбительный слухъ, которому желалъ бы совершенно не вѣрить, и котораго провѣрить, конечно, не въ состояніи, если-бы я не убѣдился, что слухъ этотъ составляетъ глубоко укоренившееся убѣжденіе всего Ріонскаго края.

Съ кѣмъ бы изъ имеретинъ ни говорилъ я, прежде всего я долженъ былъ выслушивать эти горькія жалобы на дерзкое похищеніе народной святыни представителемъ русской власти и самое искреннее негодованіе на разореніе Ріонской области въ печальное время его управленія; старъ и малъ твердили одно и то же.

Отъ простаго имеретинскаго извозчика приходилось слышать тѣ же недобрыя пожеланія бывшему правителю, какъ и отъ богатыхъ деревенскихъ князей и отъ образованныхъ горожанъ.

При этой повальной ненависти дѣлаго народа, конечно, трудно судить, на сколько правда перемѣшана съ выдумкою и пустая выдумка съ дѣйствительнымъ знаніемъ дѣла. Очень можетъ быть, что во всѣхъ этихъ враждебныхъ отзывкахъ о бывшемъ кутанскомъ губернаторѣ, извѣстною долею звучитъ нерасположеніе грузинскаго племени къ русскому владычеству. Но, допуская даже возможность всякихъ преувеличеній молвы и всякихъ пристрастій, нельзя не сознаться, что великая задача управленія иноплеменными народностями рѣшительно недостижима при такомъ прискорбномъ отношеніи мѣстнаго населенія къ представителямъ правительства; что самая возможность появленія въ управляемомъ народѣ такихъ упорныхъ и широко распространенныхъ слуховъ о беззаконіяхъ власти несомнѣнно указываетъ на какія нибудь существенные пороки ея и во всякомъ случаѣ на ея непригодность въ этомъ дѣлѣ.

Какъ бы ни были сильны племенные страсти, трудно повѣрить, чтобы энергическая, честная, строго-законная администрація могла оставить по себѣ во всѣхъ слояхъ общества та-

кую плохую память и такія строго опредѣленныя обвиненія. Развѣ Ермоловъ, Воронцовъ, Барятинскій, были не русскіе люди и развѣ они дѣйствовали не среди тѣхъ же инородческихъ племенъ Кавказа? И однако сколько добрыхъ словъ о нихъ, сколько искренняго сожалѣнія о минувшихъ съ ними порядкахъ слышалъ я въ разныхъ углахъ Кавказа отъ представителей всевозможныхъ народностей.

Мнѣ кажется, строго-публичное слѣдствіе послужило бы лучше всего къ раскрытію истины, къ разоблаченію клеветы, и къ снятію этого слишкомъ темнаго пятна съ имени людей, быть можетъ, неизмѣющихся другой возможности очиститься отъ этого всѣми раздѣляемаго, но ни чѣмъ официально неформулированнаго тяжкаго обвиненія. Избѣгать гласности въ дѣлахъ подобнаго рода—это самая плохая защита и самая вредная услуга. Гласности должны прежде всѣхъ требовать, какъ своего права, тѣ, имя которыхъ наиболѣе страдаетъ отъ обидныхъ слуховъ, настойчиво повторяемыхъ цѣлою страной, и возбуждающихъ въ цѣломъ племени страстную ненависть.

Но, кромѣ того, само достоинство и прочность власти русской неминуемо требуютъ, чтобы подобныя явленія не оставались на волю случая. Ненависть къ лицу въ данныхъ обстоятельствахъ слишкомъ легко можетъ перейти въ ненависть къ племени, къ принципу. По одному представителю народъ склоненъ судить и о всемъ характерѣ власти. Безнаказанность произвола и незаконій отдѣльныхъ правителей, въ глазахъ народа, мало знакомаго съ истинными цѣлями русской государственной власти, можетъ показаться системою управленія, одобренною свыше и предназначенною отдать интересы всего грузинскаго народа въ жертву личнымъ интересамъ русскихъ людей. Азіатскій востокъ слишкомъ приучилъ грузинъ къ такому способу дѣйствій, чтобы онъ могъ показаться имъ невѣроятнымъ и со стороны Россіи. Грузинъ особенно чувствителенъ къ оскорбленіямъ своей религіи, къ посягательствамъ на свою церковь. Не даромъ вся его многовѣковая исторія—есть только защита церкви. Поэтому страстность его отношеній къ исторіи похищенія гелатскаго евангелія вполне понятна. Какъ ни популярна въ грузинскомъ народѣ высоконравственная личность преосвященнаго Гавріила, однако и его репутація сильно пострадала изъ за этого прискорбнаго дѣла. Кутаискій владыка былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ бывшимъ губернаторомъ и, горюя, имѣлъ слабость уступить его настояніямъ, относительно

передачи ему древней народной святыни для исправленія оклада. Этого имеретинны не хотять простить ему.

Но евангеліе только наиболѣе эффектный эпизодъ. Графа Левашова Имеретія поминаеть лихомъ и за многое другое. Между прочимъ ему приписываютъ проведеніе желѣзной дороги, изъ за личныхъ расчетовъ, мимо Кутаиса черезъ имѣніе князя Святополькъ-Мирскаго и извѣстнаго армянскаго богача Ананова. Этому трудно вѣрить уже потому, что губернаторъ одной области не можетъ имѣть рѣшающаго вліянія въ вопросахъ государственнаго значенія, какъ направленіе желѣзной дороги, соединяющей два моря; трудно предположить, чтобы центральная власть Кавказа, и общая государственная власть Россіи, допустили бы измѣнить направленіе важнѣйшей торговой и стратегической линіи цѣлаго Закавказья въ угоду второстепеннымъ личнымъ цѣлямъ. Тѣмъ не менѣе имеретинны громко твердятъ свое,—а имъ ротъ не замажешь.

Снаружи соборъ Богородицы такъ же типиченъ, какъ и внутри. Если кутаисскій соборъ громаднѣе и величественнѣе его, за то гелатскій сохранился вполне и можетъ служить прекраснымъ образцомъ для изученія византійско-грузинскаго стиля золотого вѣка Грузіи.

Въ немъ особенное обиліе изящныхъ рѣзныхъ украшеній изъ камня вокругъ характерныхъ узкихъ и высокихъ оконъ, такъ называемыхъ «щельныхъ», многосаженной высоты, шириною менѣе аршина, не столько оконъ, сколько бойницъ, а также вокругъ дверныхъ арокъ и нишъ, по карнизамъ, изгибамъ и поворотамъ стѣнъ. Пучки тонкихъ и легкихъ витыхъ волоножъ, по 2, по 3, по 10 вмѣстѣ, съ затѣйливыми узорчатыми капителями, служатъ самымъ обыкновеннымъ орнаментомъ оконъ и дверей, слишкомъ гладкихъ простѣнковъ и угловъ.

Въ стѣнкахъ кое-гдѣ виднѣются сверхъ того особня плиты съ очевидно очень древнимъ горельефомъ, вставленныя безъ всякой симетріи. Особенною древностью пахнутъ подобныя плиты въ стѣнахъ маленькой церкви св. Георгія, гдѣ одна изъ нихъ раскрашена и изображаетъ св. Георгія пѣшимъ, а не на конѣ, въ формахъ младенческой простоты. При своихъ посѣщеніяхъ грузинскихъ храмовъ я замѣтилъ, что этотъ пѣшій святой Георгій попадаетъ только на иконахъ и горельефахъ самой глубокой древности. Очень можетъ быть, что и здѣсь плита, на которой онъ высѣченъ, представляетъ уцѣлѣвшій обломокъ какого

нибудь еще болѣе древняго храма, вставленныйъ благочестивою рукою въ стѣны, сравнительно, новѣйшей постройки, хотя и ей историки Грузіи считаютъ теперь чуть не 1,000 лѣтъ. Этому искренно повѣришь, посѣтивъ маленькую старую церковь св. Георгія. Она уже стала словно уходить въ землю. Фрески ея, ея иконы, закрывающія живопись сплошнымъ серебромъ, таковаго дѣтскаго рисунка, который только и могъ быть мыслимъ въ дни наивнаго средневѣковаго христіанства. За деревяннымъ иконостасомъ, писаннымъ золотомъ по черному фону, по-старовѣрчески, съ позднѣйшими славянскими надписями, видны болѣе древнія каменныя колонны царскихъ вратъ, и самъ алтарь устроенъ по древнѣйшему типу грузинскихъ церквей, т. е. престолъ его былъ прислоненъ къ стѣнѣ, а не возвышался по срединѣ, какъ теперь, и жертвенника не было вовсе. Въ большомъ соборѣ уже не то; тамъ посрединѣ каменныя ступени для престола и каменныя сидѣнья кругомъ стѣны.

Надъ живописнымъ обрывомъ скалъ видны еще полууцѣлѣвшія развалины трапезы очень романтическаго вида, выстланная, какъ шпалерами, темнозеленымъ плющемъ, опутанная гирляндами ползучихъ растений, заросшія цвѣтущими и благоухающими деревьями. Изъ расколотыхъ амбразуръ ея удивительный видъ на пропасть и на окрестную страну горъ. Огромный камень въ красномъ углу этой трапезы служилъ когда-то сѣдалищемъ католика. Уцѣлѣлъ только очень живописный и характерный притворъ на массивныхъ гранитныхъ колонахъ, съ грубою, но выразительною скульптурою, съ узорчатымъ круглымъ сводомъ своеобразнаго грузинскаго рисунка. На кольцѣ этого свода висѣлъ прежде колоколъ, сзывавшій братію къ трапезѣ.

Усыпальница царей грузинскихъ посрединѣ двора. Это совсѣмъ простая, почти темная часовня изъ грубыхъ огромныхъ камней, съ каменнымъ полуязыческимъ престоломъ въ крошечномъ алтарѣ. Громадныя плиты таковаго же дикаго камня прикрываютъ собою безхитростныя гробницы царей Грузіи: Давида Возобновителя, Тамары и другихъ. Никакого убранства, никакого ухода, никакого благоговѣнія къ этой заброшенной исторической святынѣ.

Въ притворѣ часовни, у могилъ царей, стоитъ одинъ замѣчательный историческій памятникъ, желѣзныя ворота Дербента. Уцѣлѣла одна половина ихъ, а другую монахи, говорятъ, употребили куда-то на крышу. Ворота эти дѣйствительно большой древности. Желѣзо, съѣденное ржавчиною, превратилось почти въ уголь. Десятка два тяжелыхъ неровныхъ брусевъ, циклопи-

ческой работы, грубо, но крѣпко склепаны съ поперечными брусьями и массивными желѣзными полотнищами.

Высота этихъ воротъ 14 футовъ, а ширина одной половины—семь. На воротахъ этихъ выбита неразборчивая арабская надпись, которая однако прочтена археологами. Изъ нея видно, что ворота сдѣланы въ 1063 году, по повелѣнію Шавира изъ династіи Бени-Шедадовъ ганджинскихъ. Онѣ были устроены противъ набѣговъ кочевниковъ и запирали собою знаменитыя Каспійскія ворота, т. е. крѣпость дербентскаго ущелья. Грузинскій царь Дмитрій, отецъ Давида Возобновителя, побивъ мусульманъ, привезъ эти ворота изъ взятой имъ Ганджи, теперешняго Елисаветполя, и поставилъ ихъ, какъ трофей побѣды, въ гелатскомъ монастырѣ.

Молчаливые домики монаховъ, осѣненные деревьями, съ пустыми тѣнистыми галереями, стоятъ кругомъ этихъ древнихъ храмовъ и историческихъ развалинъ. Въ дневной зной на дворѣ невидны ни одной фигуры, кромѣ провожающаго насъ монаха.... Кажется, весь старыи монастырь вымеръ и обратился въ такую же усыпальницу, какъ и часовня царя Давида.

Мы сидѣли на одной изъ верхнихъ галерей, прямо висѣвшей надъ обрывами скаль, спрятавшись отъ солнца, и не зная чѣмъ охладить свое разгорѣвшееся тѣло. Вино было выпито и тѣмъ хуже было для насъ.

Полдневный покой природы, такой же глубокой, какъ и ея полуночный покой, казалось, овладѣлъ теперь всею жизнью. Лѣсныя горы, широкими и далекими волнами обставшія кругомъ монастырь, словно застыли въ синемъ знойномъ туманѣ. Застыли цвѣтушія безуны, зіявшія подъ нами каменные обвалы дороги, сады, хуторки, видимыя отсюда, какъ на ладони, даже сама бѣшеная и ревущая рѣка, изливы которой свергали тамъ, внизу, между лѣсовъ и скаль, неподвижнымъ серебромъ, но которой ревъ и плескъ уже не достигаютъ сюда до мирныхъ высотъ обители...

За этими зелеными горами всѣ тоны дальнихъ горъ, сначала темносинихъ, потомъ скалистыхъ, потомъ снѣговыхъ... «Прометеевы скалы» живописно висятъ своими голыми, словно ножомъ обрѣзанными, утесистыми стѣнами. За ними еще не растаявшіе снѣга Сванетскихъ горъ, а еще дальше, правѣе, вѣчные ледники главнаго хребта. Но выше насъ, выше всего, что намъ было видно отсюда, на подоблачной макушкѣ лѣсистой скалы, осѣняющей Гелати, вырѣзаются на яркой синевѣ неба

развалины еще другого монастыря, бывшего древнимъ уже въ тѣ далекіе вѣка, когда царь Давидъ клалъ первые камни своего знаменитаго храма, возникшаго, можетъ быть, еще въ годины первой христіанской проповѣди и первыхъ христіанскихъ гоненій.

Торжественное великолѣпіе жаркаго лѣтняго солнца, казавшагося неподвижнымъ въ своемъ царственномъ одиночествѣ, на своей полдневной высотѣ, словно залило потоками золотого огня и эту бездонную синеву южнаго неба, и эту чудную панораму красотъ земныхъ, на которую мы любовались съ своей безмолвной монастырской галерейки...

Монастырь Моцамети совершенно спрятанъ въ боковомъ ущельи горъ, такъ что его едва видно съ Гелатской дороги. Но пропустить его мнѣ не хотѣлось.

Моцамети, пожалуй, древнѣе самаго Гелатскаго монастыря и тоже очень почитается народомъ. Мы добрались къ нему удивительно живописною, но съ непривычки очень опасною дорогою. Она идетъ большею частью по краямъ высокаго обрывистаго берега Цхалъ-Цители... Сама красная рѣчка извивается внизу на днѣ прелестной благоухающей и цвѣтущей пропасти, а коляска наша четверкою въ рядъ едва умѣщается на тѣсной дорожкѣ между скалами и бездной; если-бы не привычныя лошади, прижимающіяся другъ къ другу, какъ люди, въ необходимыя минуты, и не ловкость нашего смѣлаго возницы, беззаботно погоняющаго свою четверню на самыхъ жуткихъ поворотахъ дороги,—можно было бы дорого поплатиться за подобную дерзкую поѣздку по дорогѣ, едва устроенной для пары лошадей. Хорошо еще, что не было дождя, и мало было осмлей и промывовъ, которые обыкновенно разрушаютъ здѣшнія дороги съ невѣроятною быстротою.

Видъ Моцамети одинъ изъ поразительнѣйшихъ по красотѣ и оригинальности. Изъ глубокой зеленой бездны на вкрутомъ поворотѣ рѣки поднимаются отвѣсныя стѣны скалъ, на высокомъ мѣстѣ которыхъ стоятъ башни, церкви и живописные домики этой маленькой древней обители, вырѣзаясь на фонѣ окрестныхъ зеленыхъ горъ. Коляску нужно бросить и взбираться на скалы пѣшкомъ.

Ворота монастыря заперты оригинальною цѣпью, гибкою и несокрушимою дикою виноградиною. Вообще виноградина нерѣдко замѣняетъ на Кавказѣ веревки, цѣпи и прочія связи. Въ Сванетіи изъ нея дѣлаются висячія мосты черезъ пропасти и

рѣки, по которымъ впрочемъ можетъ переходить только желѣзная нога Сванета, до того гибокъ и шатокъ этотъ воздушный мостъ. Одинъ нашъ инженеръ, дѣлавшій изысканіе дорогъ въ Сванетіи, погибъ на такомъ мосту вмѣстѣ съ своимъ багажемъ, сорвавшись съ этой неудержимо качающейся пружины.

• Моцаметскій монастырь съ трехъ сторонъ окруженъ глубокою пропастью Красной рѣчки и поэтому почти неприступенъ. Кромѣ того его охраняли еще каменные башни, двѣ изъ которыхъ стоятъ и теперь. Онъ весь скученъ на узкомъ темени скалъ и, можно сказать, состоитъ изъ обрывовъ. Негдѣ разбить сада, негдѣ устроить двора; ступишь шагъ и натѣнешся на пропасть. Убогіе домики его келій, съ зыбкими точеными лѣсенками, галерейками, балкочниками, придѣланы къ обрывамъ, какъ стрижиныя гнѣзда, и поэтически убраны плющемъ и ярко-красными гранатникомъ. Все просто, бѣдно, тѣсно до крайности. Большая, низкая комната для богомольцевъ совершенно пуста. Крошечныя садки, въ родѣ цвѣтниковъ, сбѣгаютъ между келейками по обрывамъ. Въ одномъ изъ нихъ мы увидѣли запертый въ землю огромный кувшинъ вина съ открытымъ отверстіемъ («чорру»), и тутъ же маленькій черпачекъ изъ пустой тѣквы насыженный на палку. Не знаю, для кого открыто это даровое угощеніе, для самихъ монаховъ, какъ утѣшеніе пустынножителства, или для странниковъ, алчущихъ и жаждущихъ.

Ходъ въ церковь идетъ съвозъ старую башню, тѣсною своеобразною лѣстницей. Церковь глубокой древности, но очень бѣдна. Живопись деревянной иконы Спаса чуть можно разобрать. Направо отъ входа стоитъ высоко чтимая всею Грузіею святая монастыря, деревянная рава на рѣзныхъ деревянныхъ львахъ, устроенная не особенно давно усердіемъ одного русскаго богомольца, пестраго и довольно безвкуснаго вида, крапящая въ себѣ мощи князей мучениковъ Давида и Константина.

Это единственныя мощи во всемъ Закавказьѣ. Князья эти въ началѣ VII вѣка владѣли восточною областью Имеретіи, землю Аргветскою, славились своимъ благочестіемъ и мужествомъ, и погибли во время нашествія на Имеретію аравійскаго халифа Мурвана Глухаго; онъ замучилъ молодыхъ князей за ихъ смѣлый отказъ принять исламъ, и тѣла утопилъ въ Ріонѣ. Они были потомъ вытаны изъ воды и похоронены въ древнемъ погребальномъ склепѣ, надъ которымъ стояла полуразрушенная церковь Благовѣщенія.

Черезъ 300 лѣтъ послѣ этого событія, въ 1040 году, царь

Багратъ возобновилъ перковь на ея теперешнемъ мѣстѣ и перенесъ въ нее изъ склепа останки святыхъ мучениковъ для открытаго поклоненія вѣрующимъ. Здѣсь возникъ монастырь Моцаметскій, что значитъ «мученичeskій».

Монахи, кажется, и теперь считаютъ мученическую смерть спеціальнымъ преимуществомъ своего монастыря. Бездны зѣяютъ кругомъ, и ничего нѣтъ легче, какъ оборваться въ нихъ съ какого нибудь чуть живаго балкончика, или капризно извивающейся лѣсенки. Особенно страшно на убогомъ балконѣ убогой монастырской гостинницы. Кажется, одно неосторожное движеніе—и нѣтъ человѣка. Голова мутится не на шутку, пока не привыкнешь.

Недавно одинъ простой имеретинъ ночевалъ въ гостинницѣ и, выйдя въ темнотѣ на дворъ, не попалъ на лѣстницу и сорвался въ пропасть.

Монахи однако рассказываютъ это не въ видѣ предостереженія, а въ видѣ соблазна. Человѣкъ этотъ, растроганный благочестивою поэзіею святой обители, пожелалъ будто бы сложить въ ней свои кости; Богъ услышалъ его молитву, и черезъ нѣсколько минутъ онъ уже покоился мертвый въ желанныхъ стѣнахъ монастыря. Братія его похоронила въ оградѣ своей, чего почти никто не можетъ удостоиться даже и за большія деньги. Съ такимъ оптимистическимъ складомъ мыслей можно безъ труда сжиться со всякою судьбою. Цѣль-ли, пропалъ-ли, сѣть-ли, или голоденъ, всегда найдется объясненіе въ твою выгоду.

Счастливы въ такомъ случаѣ эти Моцаметскіе монахи, въ своемъ ласточкиномъ гнѣздѣ! Они сдумали самымъ простымъ образомъ разрѣшить одну изъ неразрѣшенныхъ задачъ житейской философіи.

Евгеній Марковъ.

---

* *
* *

Нѣтъ, не сломила судьба безпощадная
Силу въ неравной борьбѣ;
Въ сердцѣ живетъ еще вѣра отрадная,
Не измѣню я себѣ.

Вѣрю я свято, что все переносится;
Смѣло иду я впередъ.
Пусть ураганъ надо мною пронесется,
Онъ и съ пути не собьетъ.

Помню минуту сомнѣнья безумнаго,
Но я ее прогнала;
Голосу долга я, строго-разумнаго,
Сердце свое отдала.

Онъ поддержалъ мою волю слабѣвшую;
Онъ отреченью училъ;
Душу, для горя еще не созрѣвшую,
Онъ не робѣть приучилъ.

Много терпѣвшая, много понявшая,
Я не ропщу ужъ съ тѣхъ поръ.
Жизнь, до сознанья мнѣ душу поднявшая,
Ты-ль мой услышишь укоръ?

Александра Львова.

КОРОЛЕВСКИЙ СОКОЛЬ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ВАЛЕРІЯ ПШИБОРОВСКАГО.

(Переводъ съ польскаго).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

Петръ Гондидскій.

Послѣ вышеописанныхъ событій прѣшло нѣсколько недѣль; наступили запусы ¹⁾ 1569 года, который, какъ поворотный камень, высится въ исторіи Рѣчи Посполитой и вершиною своею теряется въ облакахъ. Въ этомъ году завершилось великое дѣло, начатое подѣ Грюнвальденомъ, въ годину «великой войны», и оконченное въ Люблинѣ. Чего-чего не сдѣлала унія, т. е. союзъ Короны съ Литвою?! Великія Луки, Кирхгольмъ, Хотимъ, Ключинь, Вѣна ²⁾— ея дѣти! Какой блестящій сонмъ! Исполнены, дѣти исполнителей! Но, Боже, дѣти эти были бесплодны!

И такъ, были запусы; освободившись отъ недавняго мора, Варшава точно вновь родилась, и жизнь въ ней закипѣла во-

---

¹⁾ Запусы—время между Рождествомъ Христовымъ и масленицею (остатками).

²⁾ Мѣста великихъ побѣдъ польскихъ войскъ.

селемъ, свободнымъ потокомъ, недоступнымъ мысли о завтрашнемъ днѣ. Показавъ королю свой «ндравъ», по отношенію къ его соколамъ, и прогнавъ Зайончковскую, горожане совсѣмъ позабыли о Гижанѣ. Да и какое дѣло было Варшавѣ до Гижанки? Моръ прекратился, залусти наступили, съ королемъ пріѣхалъ въ Варшаву развеселый дворъ, съѣхалась шляхта и сенаторы, а потому всѣ отъ души веселились.

По итальянскому обычаю устраивались маскарады, играли свадьбу за свадьбой, весь городъ гремѣлъ звуками оркестра и веселыми пѣснями. Жизненный потокъ, остановившійся на мгновение, вслѣдствіе заразы, помчался теперь съ удвоенною скоростью, съ лихорадочнымъ жаромъ. Случалось, что когда который нибудь изъ городскихъ вельможъ выдавалъ свою дочь, пиршества продолжались недѣлями съ необыкновеннымъ блескомъ и расточительностью. Вино лилось ручьями, поѣдались цѣлыя бочки заморскихъ лакомствъ и сластей, выдавались сотни тысячъ золотыхъ; «на нашъ вѣкъ хватитъ, говорили мѣщане, — жизнь коротка, а придетъ новый моръ, такъ сотретъ насъ съ лица земли какъ ни въ чемъ не бывало!»

Дошло до того, что даже магистратъ испугался, какъ бы не лопнули втеченіи нѣсколькихъ дней большія городскія фирмы. Повыкопали старые *leges sumptuariae* ¹⁾, дополнили ихъ новыми строгостями и грозили неуклоннымъ примѣненіемъ закона. Запретили справлять свадьбы долѣе трехъ дней, нанимать болѣе десяти музыкантовъ и приглашать болѣе тридцати человекъ гостей. Напомнили мѣщанкамъ, что только шляхтѣ дозволено носить парчу, жемчугъ и золотыя повязки, одѣвать болѣе одной нити кораловъ, вбивать волосы въ нѣсколько ярусовъ и переплетать ихъ золотомъ и алмазами. Не смотря на то, благодаря умѣнью людей обойти всяческіе, даже и самыя строгіе законы, Варшава оглашалась небывалыми криками веселья и радости и пестрѣла цѣлымъ рядомъ блестящихъ увеселеній.

Одни только сродники Гизы не принимали участія въ повальной радости освобожденнаго отъ заразы города. Когда всѣ громко веселились, они одни угрюмо молчали. Городской казначей съ того времени, какъ сестра его сдѣлалась соколомъ, ходилъ какъ шальной и глазъ не смѣлъ поднять.

— Стыдомъ и позоромъ покрыла она насъ, говорилъ онъ. --- Гизы отъ сотворенія міра всегда были чисты и смѣло глядѣли

¹⁾ Законы противъ расточительности.

въ глаза людямъ. А теперь все пропало; продамъ я весь скорбь своей и уйду на край свѣта, хоть-бы въ Нюрнбергъ, въ Германію; тамъ схороню я стыдъ свой.

Частенько повторялъ онъ это и худѣлъ отъ печали. Грустилъ онъ и по цѣлымъ днямъ не сходилъ съ мѣста, съ помутившимся взоромъ, думая крѣпкую думу.

— Да ну-же, не горюй! говорили ему,—что было то было, не передѣлаешь. Северно это, слова нѣтъ; но онъ король, да какой король! Ягелло не нѣмецкій князь, у него собака хвостомъ царства не закроетъ, онъ великій и могущественный государь! Лучше было бы бросить всю эту дурь да печалованье, воспользоваться случаемъ и содрать, что можно. Того гляди, изъ мѣщанина-сѣрака владѣтельнымъ шляхтичемъ сдѣлаешься, а внуки твои и въ сенаторы выйдутъ; а тамъ, смотришь, кому митра, кому булава Рѣчи Посполитой на долю выпадетъ! Никто не спроситъ, какъ и что, а всякій челомъ бить будетъ!

Такъ говорили люди; но Гиза не слушалъ совѣтовъ, прикрикнулъ даже на одного, на другаго—его и оставили въ покоѣ. На глазахъ всѣхъ угасалъ и таялъ понемногу, живя одинъ съ своими мыслями, недавно еще бойкій и задорный вазначей.

За то Фукеръ взялся за дѣло по своему. Его также грызла тоска, но онъ не сидѣлъ сложа руки. Жену свою, которая продала Варвару Твардовскому, онъ заточилъ въ монастырь и строго-на-строго велѣлъ монашенкамъ держать ее въ послушаніи, не падать искусовъ и даже розогъ.

Всѣ удивлялись, потому что Фукеръ, какъ говорится, былъ до того времени подъ женинымъ башмакомъ, а теперь вдругъ сталъ огрызаться и приступу къ нему не было.

— Согрѣшила ты, матушка, ну и расплачивайся, говорилъ онъ женѣ.

А когда баба по прежнему думала не покоряться, онъ страшно бѣсился и грозилъ ей палкою:

— Берегись! палки хочешь? кричалъ онъ.

Раздумывалъ онъ также какъ бы отнять у короля Гизанку. Разные планы ронлись въ годовѣ его; то силою отнять, то тайкомъ похитить и въ монастырь засадить хотѣлъ, но, очевидно, что всѣ эти проекты проектами и остались; сдѣлать чтонибудь было трудно, а погубить себя—легко.

«Мнѣ ли, холопу безталанному, посягать на величіе короны, думалъ онъ,—у меня дѣти, и я имъ нуженъ. Схватятъ меня

и сгнѣю я въ подвалѣ, а дѣти пропадутъ за даромъ. Не Фукеру за королемъ тягаться».

Думалъ онъ думалъ, ломалъ онъ ломалъ голову что дѣлать въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, и въ одинъ пріятный день полѣзъ на пятый этажъ въ Петру Гонендзскому.

Красный, вспотѣвшій, измученный, съ трудомъ добрался онъ наверхъ и тотчасъ-же усѣлся на лавкѣ, сопя и охая, таеъ какъ человѣкъ онъ былъ дородный и толстый.

Петръ, по обыкновенію своему, также сидѣлъ на этой лавкѣ, завернувшись въ потертый плащъ; онъ читалъ огромную, лежавшую на колѣняхъ, книгу. Увидѣвъ Фукера, онъ закрылъ ее, разъ, другой, подышалъ на ооченѣвшія отъ холода руки и повернулся лицомъ къ Фукеру.

— Что надо, Фукеръ? спросилъ онъ, — пришелъ за совѣтомъ? Или душа твоя наполнена сомнѣніемъ? Скажи мнѣ, братъ мой! Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ сомнѣвался въ силѣ своей ночью въ Геосиманскомъ саду, «ибо тѣло наше бренно», говоритъ священное писаніе. Каюсь, что и на меня порою находятъ минуты отчаянія, когда я вижу, что уча людей, только даромъ трачу силы и жизнь, потому что ничему не научилъ ихъ, и потому что братъ все еще возстаетъ на брата, ненависть растетъ на землѣ и много крови проливается даромъ и вопіетъ ко Господу, требуя мести. Кровавый потъ точилъ я въ трудахъ моихъ, работалъ всю жизнь, измаялъ силы свои — и все напрасно. Ей, ей, говорю тебѣ Фукеръ, напрасно! А все же придетъ время, когда для всѣхъ будетъ на небѣ только одинъ Богъ, когда всѣ люди сольются въ одинъ народъ и заживутъ въ любви и мирѣ; но я не дожидку до того времени. Что дѣлать, я, какъ навозъ, удобряю ниву грядущихъ поколѣній и хвалю Бога за его милосердіе!

Онъ говорилъ, расхаживая большими шагами по тѣсной комнатѣ и волоча за собою по полу подолъ оборванной мантии. Онъ былъ нищій, но въ глазахъ его сіялъ таковой свѣтъ, такая глубокая грусть и доброта, что хотѣлось пасть ницъ передъ этимъ оборванцемъ-старцемъ.

— Не метись сомнѣніемъ, братъ мой, продолжалъ онъ, — но неси дальше крестъ свой; не сразу Краковъ построили. Сначала надо отыскать глину, надѣлать изъ нея кирпичей, обжечь и свезти въ одну вучу; потомъ приготовить известь, позвать каменщиковъ и тогда только строить. А кто знаетъ, какъ долго придется строить? Постройка можетъ сгорѣть, нахлынетъ вода, налетитъ буря и повалитъ, и уничтожитъ твою рабо-

ту, такъ что придется начинать снова, какъ мифическому Сизифу. Но придетъ время, когда величественное зданіе всеобщей любви будетъ окончено снизу и доверху, и это будетъ день веселья и радости. А мы?... а мы?... отъ костей нашихъ не останется и горсти пыли; но помни, что все-же мы первые копали глину и лѣпили изъ нея кирпичи.

Фуверъ молча слушалъ слова учителя.

— Все это правда, учитель! отвѣчалъ онъ, — да я и не сомнѣваюсь; я увѣренъ — и твердъ въ вѣрѣ своей, — что придетъ время, о которомъ ты говоришь, учитель. Но я пришелъ сюда по другому дѣлу...

Петръ Гонендзскій внимательно взглянулъ на Фувера и печально присѣлъ на безногий стулъ, стоявшій возлѣ стѣны.

— Чего-же ты хочешь, братъ мой? спросилъ онъ.

Фуверъ неловко завертѣлся на лавкѣ и кашлянулъ.

— Вѣрно ты знаешь — весь городъ знаетъ — какой позоръ легъ на семью Гизы и на мою? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ Петръ, поднявъ голову.

— Странно; въ городѣ только о томъ и рѣчь.

— Такъ что-жъ? въ городѣ я не бываю, ничего не слышу.

Читаю теперь св. Августина, времени мало... оправдывался Петръ.

— Ну, такъ я скажу: сестра жены моей, Варвара Гижанка, сдѣлалась любовницей короля...

— Короля?

— Да, короля... позоръ, позоръ!

— Молчи, молчи! запальчиво воскликнулъ учитель и опять зашагалъ по комнатѣ; — вотъ тебѣ и король, милѣйшій! Эготъ вѣдь ягеллонъ, добрый до мозга костей, тихій, спокойный, а все же позорить честныхъ людей! Развѣ я не говорилъ, не убѣждалъ? Даже для тебя, Фуверъ, слова мои были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ! А теперь, положивъ руку на рану, которую нанесло тебѣ величіе короля, скажи мнѣ, Фуверъ, необходимы ли короли, и неужели люди и Рѣчь Посполитая не могли бы обойтись безъ нихъ?

— Мм... да, что правда, то правда! пробормоталъ Фуверъ.

— О! воскликнулъ Петръ, продолжая ходить по комнатѣ и потрясая лохмотьями своего плаща, — нова будетъ корона, не видать намъ добра! Обаяніе короля! Зачѣмъ оно? Развѣ нѣтъ обаянія народа? О, какое богатство, какой достатокъ и миръ были бы въ Рѣчи Посполитой, если-бы не короли! Пусть недоумки болтаютъ свое, но я буду стоять на своемъ; Богъ

дасть, когданибудь будетъ таѣь, какъ я говорю, ибо я пришла на землю пролагать путь народамъ!

Фукеръ съ неудовольствіемъ слушалъ эти изліянія.

— Таѣь-то таѣь, сказалъ онъ, когда наставникъ умолкъ, — но все же позоръ лежитъ на насъ и люди будутъ указывать на насъ пальцами.

Петръ остановился и строго посмотрѣлъ на Фукера.

— Берегись, братъ мой! сказалъ онъ, — гордыня твоя говорить въ тебѣ. Что-же, что люди будутъ смѣяться надъ тобой? Ты чистъ передъ Богомъ твоимъ и не люди судьи твои, а Онъ!

— А имя мое? Дѣвка обезчестила его!

— Твое имя, Фукеръ? горячился Петръ, — а что такое имя? Развѣ на страшномъ судищѣ Христовомъ будутъ вызывать по именамъ? Воистину говорю тебѣ, что передъ лицомъ Господа Бога Матей или Куба значать больше, чѣмъ Гурко или Оссолинскій!.. Имя?! О, Боже! Неужели ученіе мое всегда будетъ падать на камень? Развѣ имена людей, будь они самыя древнія и лучшія, не пустыя звуки? Всѣ мы равны передъ Богомъ, и нѣтъ тамъ ни вляхты, ни ерестьянъ, ни мѣщанъ, но всѣ мы сыны Божіе. Кто же, какъ не ты самъ, можешь обезчестить себя?

Фукеръ потупился и не зналъ что отвѣчать; мгновеніе спустя, онъ собрался съ мыслями.

— Учитель, все это правда, сказалъ онъ; — но мнѣ обидно, что дѣвка вышла изъ моего гнѣзда. Я хотѣлъ просить тебя сходить къ ней и возвратить ее на путь истинный.

Выслушавъ Фукера, Петръ подошелъ къ маленькому запяленому окошечку и, смотря въ него, сказалъ, какъ бы про себя:

«А кто знаетъ, который путь истинный?» И онъ опять обернулся лицомъ къ Фукеру.

— Хорошо, тебя ради схожу я къ дѣвкѣ, Фукеръ, сказалъ онъ. — Ты лучший ученикъ мой, и пусть никто не будетъ имѣть права сказать, что я не хотѣлъ помочь тебѣ въ тяжелые и горестные для тебя дни. Но Фукеръ, говорю тебѣ, и ты идешь по пути нечестивыхъ. Слышалъ я, что твоими и Гизы стараніями, выгнали на-дняхъ изъ города какую-то женщину. Вы пытаете жидовокъ, жгете ихъ на кострѣ, выгоняете женщинъ, преслѣдуя ихъ какъ дикихъ звѣрей... развѣ это братство и любовь къ ближнему твоему, которую проповѣдывалъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ? Какой ты ученикъ мой? Таѣь-то ты слушаешься меня, провозвѣстника любви, мира и всепрощенія? Ей, ей, говорю тебѣ, обливается кровью сердце мое!

Окончивъ рѣчь свою, онъ нахлобучилъ шапку, завернулся въ изорванный плащъ, подвязалъ деревянную шпагу и вышелъ изъ комнаты.

— Я иду въ замокъ къ той дѣвѣѣ, сказалъ онъ, — поговорю съ ней о многомъ, внушу ей мысли о великихъ дѣлахъ. Кто знаетъ, можетъ быть послушается! Остайся здѣсь, Фукеръ, и подожди меня; если хочешь, ступай домой, въ комнату холодно и душно; я потомъ найду въ тебѣ.

— Да, ужь лучше ты зайди; у меня теплѣе, и я приготовлю для тебя стаканъ горячаго вина съ приносами.

— Ну хорошо; жди меня и молись. Богъ дастъ, мнѣ посчастливится, и я спасу дѣвушку отъ погребель, и зажгу въ головѣ ея свѣтильникъ разума. Почему знать, Фукеръ, кого Господь избираетъ орудіемъ своихъ предначертаній? Трудныя времена наступили для Рѣчи Посполитой; говорятъ, король ослабѣлъ и ни за что не хочетъ браться. Его надо побуждать, подстрекать; надо разогрѣть славную кровь ягеллона... мнѣ сдается, что дѣвѣа ваша одѣластъ это. Увидимъ!

Распрощавшись съ Фукеромъ, Петръ отправился въ замокъ, куда и мы отправимся слѣдомъ за нимъ.

IX.

Передъ лицомъ короля.

Со времени, когда воцарилась въ варшавскомъ замкѣ Гижанка, начались тамъ забавы, танцы, игры; самъ король какъ-то расшевелился, повеселѣлъ; цѣлыми вечерами слушалъ онъ музыку оркестра, любовался Гижанкою какъ картиною, и на всѣ стороны сыпалъ золотомъ.

— Къ чему мнѣ все это, говорилъ онъ, — на что мнѣ золото и сокровища? Я не оставляю потомства; пусть же возьмутъ все тѣ, которые любятъ меня при жизни; вѣдь послѣ смерти, все равно, все растащутъ. Налѣзетъ сюда всякая сволочь, и какъ черви при трутѣ, такъ и они у тѣла послѣдняго ягеллона станутъ ссориться за мое наслѣдство, за великое ягеллонское наслѣдство. Пусть же возьмутъ все тѣ, которые милы сердцу моему.

Брали всѣ: Мнишевъ, Гижанка и другіе; пустѣли поне-

многу богатя ягеллонскія сокровищницы. Не проходило дня, чтобы король не присылалъ пану Лукѣ Гурницкому, который былъ старостою въ Тывоцинѣ и завѣдывалъ королевскими сокровищницами, записки съ требованіемъ выплатить такому-то столько-то, или отдать такую-то драгоценность. Староста морщился, чесалъ въ затылкѣ, но отдавалъ, потому что было велѣно.

Гижанка и Мнишекъ потирали руки.

Король сталъ строить въ Броновѣ замокъ для своего сокола, или, какъ тогда начали говорить, палацъ, весь изъ мрамора и золота. Сотни тысячъ уходили на постройку; рушились великія ягеллонскія богатства.

— Развѣ на мой вѣкъ не станеть? говаривалъ король, — два вѣка и пять царствованій копилъ эти богатства. Пусть вѣдаетъ свѣтъ, какъ ягеллоны награждаютъ любимцевъ!

Твардовскій, который послѣ выѣзда изъ Ынышина, на нѣкоторое время куда-то исчезъ, вновь появился въ Варшавѣ, и поговаривали, что онъ порядкомъ наживается при этомъ грабежѣ сигизмундовыхъ сокровищъ. Онъ рассказывалъ по замку въ своемъ черномъ костюмѣ, при тоненькой шпагѣ, и выкидывалъ разныя штучки на потѣху и удивленіе придворныхъ: глоталъ мечи, обращалъ деньги въ голубей и голубей въ деньги; разъ даже вызывалъ духовъ.

Всѣ боялись его.

— Сила моя велика, говорилъ онъ, — я могу сдѣлать все, что хочу.

А король съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался къ Гижанкѣ; распустили слухъ, что Твардовскій очаровалъ короля или опойлъ его любовнымъ элексиромъ, потому что король сталъ веселѣе и даже какъ бы моложе. Въ замокъ набралось множество проходимцевъ со всѣхъ концовъ свѣта, еретиковъ и чернокнижниковъ. Пожаловалъ и сеньоръ Гентились.

— А ты зачѣмъ явился? обратился къ нему однажды Твардовскій. — Ты учишь, что нѣтъ Бога. Я же говорю тебѣ, что Онъ есть, потому что я видѣлъ и вижу Его въ каждой былинкѣ, въ полетѣ птицы, во всемъ, чѣмъ сказывается сила Его. Ты, проходимецъ, хочешь поучать королей, да какихъ королей! Знаешь ли ты ягеллоновъ? Пусть весь міръ исповѣдуеть, что Бога нѣтъ, а все же ни одинъ ягеллонъ не скажетъ этого. Кто вывелъ ихъ изъ мрачныхъ, заколдованныхъ литовскихъ нущъ, кто далъ имъ одинъ изъ лучшихъ троновъ міра? Сотвори это своею силою, заставь вырости хотя одну травинку!

— А тебѣ что надо, бѣсовское отродье, питомецъ Вельзе-

вула? огрызнулся Гентились.—У тебя нѣтъ науки, кромѣ дьявольской!

Такъ вотъ что дѣлалось въ варшавскомъ замкѣ. А Мнишекъ потиралъ только украдкою руки и шепталъ:

«Не сегодня, завтра, а Мнишки возвеличатся; глядишь—засядутъ въ сенатѣ Рѣчи Посполитой и станутъ потрясать престолами мира. И все это я, я сдѣлалъ!»

А Гижанка? Гижанка радовалась и веселилась.

— Чего горевать, говорила она,—погубила я себя, но любовникъ мой—король! Я люблю грустнаго ягеллона и хорошо мнѣ съ нимъ; я и думать не хочу о томъ, что будетъ послѣ. Пусть мѣщане выгонятъ меня, какъ Зайончовскую, мнѣ все равно, я и такъ буду счастлива; никто не сотретъ съ моихъ губъ королевскаго поцѣлуя!

И вотъ, ко двору явился однажды Петръ Гонендзскій, на другой день послѣ разговора съ Фужеромъ.

Съ боку болталась у него, по обыкновенію, деревянная шпага, а на плечахъ наброшенъ былъ потертый, когда-то малиновый жупанъ. Онъ прямо хотѣлъ идти къ Гижанкѣ, но передумалъ.

«Зачѣмъ идти? сказалъ онъ самъ себѣ.—Дѣвка она пустая, молодая; ей говорить, что горохъ въ стѣну. Перемолвлю я лучше словечко съ королемъ; быть можетъ, Богъ осѣнитъ меня и вдохнетъ въ меня, какъ въ Моисея, слова правды».

Ко многимъ поочереды обращался онъ, прося, чтобы его допустили, но не могъ допроситься. Его толкали, смѣялись, пока, наконецъ, одинъ изъ придворныхъ, узнавъ кто онъ, провель его до комнатъ короля, сказавъ:

— Король любитъ разговаривать съ проповѣдниками; онъ и съ вами поговорить. Почему нѣтъ? О васъ небылицы рассказываютъ: будто вы съ деревяннымъ мечемъ ходите и учите, что человѣкъ съ человѣкомъ въ мирѣ жить долженъ, и что война быть не должно. Я въ этихъ дѣлахъ мало смыслу, но мнѣ вѣжется, что безъ войны... это ужъ слишкoмъ глупо!

— Почему же глупо? спросилъ Петръ.

— Да я не знаю почему. Только какъ же такъ безъ битвъ и войны?

— А почему бы и нѣтъ? Развѣ хуже, если-бы люди жили въ мирѣ?

Они дошли до дверей королевскихъ покоевъ. Придворный остановился.

— Знаете что, сказалъ онъ,—когда выговоритесь съ коро-

лень, зайдите, прошу покорно, ко мнѣ, потолкуемъ. Любопытно мнѣ знать, что за наука такая, которая запрещаетъ людямъ драться.

— Хорошо, найду, сказалъ Петръ и толкнулъ дверь королевской половины.

Король стоялъ посреди комнаты и очевидно поджидалъ Петра; его уже предупредили и онъ внимательно съ ногъ до головы осматривалъ гостя своими большими черными глазами.

— Что тебѣ надо? спросилъ онъ ласково и повернулся къ топившемуся камину. — Я слышу, что ты проповѣдуешь новую науку, и очень странную, говорятъ, прибавилъ онъ; — но теперь столько наплодилось этикъ новыхъ учений, что всѣхъ и не запомнишь. Ты шляхтичь?

— Я слуга Господа моего, отвѣчалъ Петръ, — зачѣмъ мнѣ шляхетство, государь? Всѣ мы равны передъ Богомъ. Я рабъ Его!

Король посмотрѣлъ на него съ минуту и сказалъ:

— Чего же тебѣ надо? Объясни мнѣ свое учение!

— Государь мой, я не учить тебя пришелъ, отвѣчалъ тотъ, — я небольшой человѣкъ и никого не учу. Я пришелъ къ тебѣ, государь, чтобы сказать тебѣ, какъ пророкъ Иона: «не пройдетъ и сорока дней и Ниневія погибнетъ!»

— Такъ ты и пророкъ? спросилъ король.

Петръ выпрямился, точно выросъ, и прямо подошелъ къ королю; глаза его свѣтились твердымъ рѣшеніемъ и силою.

— Нѣтъ, я не пророкъ, Богъ не далъ мнѣ этой силы! воскликнулъ онъ. — Но Онъ далъ мнѣ сердце, и сердце мое обливадается кровью при видѣ того, что дѣлается...

— Что же такое дѣлается? холодно и съ неудовольствіемъ спросилъ король; онъ очевидно тѣготился разговоромъ. — Ты говоришь загадками, я не понимаю, прибавилъ онъ.

— Загадками? О, Боже! Вотъ видишь, государь, Богъ далъ тебѣ престолъ могучей, а все же слабой Рѣчи Посполитой. Положи руку на сердце и скажи: поддержалъ ли ты надтреснувшія стѣны ея? Соединилъ ли ты какъ слѣдуетъ Литву съ Короною, ты, послѣдній изъ ягеллоновъ? Что станется послѣ смерти твоей? Все погибнетъ, что стѣжали отцы твои!

Голосъ Петра гремѣлъ, какъ раскаты грома.

Король поблѣднѣлъ и, подойдя къ вреслу, почти упалъ въ него.

— О, пустите кровь изъ сердца моего, если это нужно для Рѣчи Посполитой! шепталъ онъ. — Послѣдній ягеллонъ! Что будетъ дѣлать Литва?.. И она, и Корона пойдетъ каждая своею дорогою и все погибнетъ!.. Но что я могу сдѣлать? Всю жизнь,

якъ левъ, боролся я съ завистью, ненавистью и частными интересами... не стало силъ моихъ! Послѣднія капли крови сосутъ у меня соколы... А Рѣчь Посполитая? О Боже, когда я умру и предстану передъ лицомъ отцовъ и дѣдовъ моихъ, что скажу я имъ? Потратилъ я силы свои, и потратилъ напрасно! Есть ли человекъ несчастнѣе меня? Для того ли возсѣли агеллоны на престолъ полуміра, чтобы изнывать на немъ?

И король на минуту замолчалъ.

— Черезъ сорокъ дней Ниневія погибнетъ, говоришь ты? продолжалъ онъ. — Но что мнѣ дѣлать? Костью въ горлѣ стали мнѣ Радзивиллы и другіе. Да простить имъ Богъ! Я хотѣлъ мирить, соглашать—не помогало. Зданіе даеъ трещины и вотъ-вотъ развалится въ прахъ!.. Рѣчь Посполитая? А кто же одѣнетъ агеллонскій вѣнецъ, вѣнецъ литовскихъ князей? Тяжелъ онъ имъ будетъ, слишкомъ тяжелъ! Разрубать его и стануть носить осколки; надо связать ихъ желѣзною цѣпью. Но какъ? Развѣ грюнвальденская кровь не обручила Литву и Польшу? Какая помолвка! Сорокъ тысячъ труповъ, потоки нѣмецевъ въ собственной крови, развѣ этого мало?.. О, Богъ ихъ накажетъ! Станутъ они цѣловать ноги тѣхъ, которыхъ теперь попираютъ ногами, будутъ рабами ихъ! Буря сорветъ ихъ, какъ осенніе листья... удержи-ка теперь эту бурю!

— Удержать можно, государь, прошепталъ Петръ.—Сезови сеймъ, заключи унію Литвы съ Польшею, и будемъ мы могущественны какъ никто. Не мечемъ, а миромъ сдѣлаемъ мы дѣло. Кто осмѣлится поднять руку противъ Рѣчи Посполитой, когда она омоетъ ноги въ Балтійскомъ морѣ и будетъ теряться въ степяхъ дикаго юга?

«Унія? да развѣ я не желалъ ея? Развѣ я не стремился въ ней всю жизнь, какъ въ звѣздѣ избавленія? Едва успѣвалъ я связать нить, ее порывали; теперь конецъ, не стало силъ моихъ. Теперь мнѣ, какъ Лазарю, надо залечивать собственныя раны. Богъ мнѣ свидѣтель, что я желалъ добра Рѣчи Посполитой. Когда не станеть агеллоновъ, поплачутъ надъ ними и пожалѣютъ. Но будетъ поздно! Пора мнѣ умирать, не хочу видѣть я трупъ Рѣчи Посполитой. Не агеллонамъ тѣшиться этимъ!»

— Чего же тебѣ надо? кромѣ моей? внезапно спросилъ онъ обращаясь къ Петру,—возьми, нацѣди, я охотно отдамъ послѣднія капли!

— Не крови мнѣ надо, государь; мнѣ дорога кровь твоя; я хочу сейма, уніи.

«О, если-бы не Радзивиллы! шепталъ король,—но мнѣ не подѣ силу борьба съ ними. Когда я вспомню о нихъ, передъ глазами моими стоитъ опять виленскій замокъ, майскія ночи, бѣлыя березы и лебеди на дворцовомъ пруду. Развѣ я могу тягаться съ Радзивиллами? Они дали мнѣ столько счастья, столько блаженства: дали мнѣ Варвару!»

И король закрылъ лицо руками. Слезы градомъ капали съвозъ его пальцы. Тронутый до глубины души, Петръ дрожа припалъ къ ногамъ короля и, обнявъ его колѣни, воскликнулъ:

— Ты умилилъ сердце мое, государь; Богъ наградитъ тебя за это! Воспрань, прогони дармоѣдовъ и соколовъ; мощный духъ освѣтитъ тебя и спасетъ Рѣчь Посполитую.

Король на минуту задумался.

— Прогнать? ее?... Нѣтъ, это невозможно, сказалъ онъ, и только-что хотѣлъ продолжать свою рѣчь, какъ двери вдругъ отворились и на порогѣ съ глубокимъ поклономъ появился Твардовскій въ своемъ обычномъ костюмѣ чернаго венеціанскаго бархата, обутый въ башмаки съ серебряными пряжками, съ длинною, тонкою, украшенною самоцѣтными камнями шпагою, держа въ рукахъ черный баретъ, красное перо котораго волочилось по мраморному полу комнаты.

Онъ стоялъ, низко склонясь, передъ королею; тотъ слегка насунилъ брови, потому что Твардовскій вошелъ безъ доклада.

— Государь! сказалъ онъ,—большая новость!

Король ждалъ, гнѣвно смотря на Твардовскаго и ожидая, что онъ скажетъ ему.

— Николай Радзивиллъ Черный... продолжалъ тотъ.

— Что? что такое? нетерпѣливо перебилъ его король.

— Умеръ, государь!

— Умеръ?

— Да, только-что приѣхалъ съ этою вѣстью гонецъ.

Король повернулся къ Петру Гонендвскому, весь блѣдный, и смотрѣлъ на него.

— Самъ Богъ послалъ тебя, прошепталъ онъ, кивнувъ Твардовскому, чтобы тотъ убирался. Твардовскій свернулъ глазами на Петра и, вторично кланяясь, вышелъ.

— Ты пришелъ подвигнуть меня на великое дѣло, говорилъ король,—и вотъ Богъ точно хочетъ подтвердить слова твои: онъ отовсвалъ Радзивилла Чернаго, злѣйшаго врага уни.

Король сѣлъ и обѣими руками подперъ голову.

«И этотъ умеръ, шепталъ онъ;—Николай, послѣдній братъ

ея. Никто уже не напоминает мнѣ о ней, никто изъ близкихъ ея. О Боже, Боже! какъ летитъ время! какъ чуденъ былъ вечеръ въ виленскомъ замкѣ... Какъ теперь помню его!.. Была ночь; темно-голубое небо все искрилось звѣздами; мѣсяцъ ярко свѣтилъ. Помню я, на березовомъ островѣ близъ фонтанъ, лебеди плавали по водѣ, а она бросала имъ изъ овна шарики хлѣба. О! не вернуть этого времени, не вернуть его! За одинъ взглядъ ея, отдалъ бы я не только корону Рѣчи Посполитой, но вѣнецъ всего свѣта, будь это даже теперь. Не въ тронѣ счастье. Бѣднѣйшій шляхтичъ, чтó сидитъ на одномъ загонѣ и ходитъ въ лаптяхъ, счастливѣе меня, если жена его живетъ боже о боже съ нимъ... И за что Богъ наказалъ меня? За грѣхи ли отцовъ моихъ, за мои ли собственные? О, о! Окруженные не блескомъ счастья, а горемъ и смятеніемъ умираютъ ягеллоны. Точно сильно натянутая струна звучали и нѣли мы, и струна эта лопнула! Всего, всего мнѣ жаль! Жаль мнѣ этой жизни, хотя вся она перевита горемъ и грустью. Но что дѣлать?!

Онъ вскочилъ и подошелъ къ Петру.

— Кто ты, что такъ растрогалъ меня? спросилъ онъ.

— Я рабъ Божій; я пришелъ въ міръ сей, чтобы проповѣдывать слова любви и мира.

Король не отвѣчалъ; казалось, въ головѣ его роились уже инныя мысли.

— Знаю, знаю! сказалъ онъ, подойдя къ окну, — зовутъ тебя Петромъ изъ Гонѣнда; я слышалъ о тебѣ, но позабылъ! И отвернувшись, онъ прибавилъ:

— Зайди-ко мнѣ попозже, потолкуемъ.

Петръ поклонился и вышелъ, а король, усѣвшись въ кресло, погрузился въ глубокую, тоскливую думу.

X.

Панна Гизанка.

Выйдя отъ короля, Петръ отеръ влажные глаза рукавомъ и промолвилъ:

«Надо идти къ дѣвѣ; удалось одно, можетъ удастся и другое. Богъ вдохнулъ въ меня сегодня силу свою, и мнѣ кажется, что я подвигнулъ бы скалы. Развѣ я смѣлъ даже

мечтать когданибудь о томъ, что предстану предъ лицомъ короля и онъ, какъ женщина, заплачетъ отъ словъ моихъ? Да благословенъ Богъ мой за то, что онъ выбралъ меня, ничтожнаго червя, орудіемъ предначертаній своихъ!»

Петръ говорилъ и молился въ душѣ своей, глядя сквозь окно дворцоваго коридора на синюю ленту Вислы, на Прагу и на желтые запражскіе пески. Глядѣлъ онъ на полныя хлѣбомъ баржи и на кипучую дѣтельность пражскаго берега; видѣлъ онъ, какъ гуляетъ вѣтеръ по мазурскимъ равнинамъ и какъ тамъ, вдали, лазурь неба сливается съ темною синевою пучи.

Углубясь взоромъ въ непредѣльную даль и погружаясь въ глубокую думу, онъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то взялъ его за плечо. Петръ въ испугѣ быстро повернулся. Этотъ кто-то подврался, подползъ какъ воть; Петръ не слышалъ ни малѣйшаго шума и потому съ ужасомъ смотрѣлъ на гостя. Передъ нимъ стоялъ худощавый, высокій мущина, въ нѣмецкомъ платьѣ и съ мечомъ у бедра. Судя по носу, крючковатому какъ у сокола, и по узкимъ, всегда насмѣшливо улыбавшимся губамъ, его можно было принять за слугу Вельзевуда, если не за самого сатану. Петръ, какъ мы свазали, живо обернулся и, вытаращивъ глаза и широко раскрывъ ротъ, стоялъ и глядѣлъ, безмолвный отъ страха.

— Что ты дѣлалъ у короля? спросилъ незнакомецъ.

Петръ пришелъ въ себя, отодвинулся, вздохнулъ и, ни слова не говоря, продолжалъ смотрѣть на синюю Вислу, на Прагу, на песчанныя поляны и далекій лѣсъ.

— Чего молчишь? прикрикнулъ на него тотъ;— не слышалъ, что ли, что я спрашиваю?

— Кто ты такой, что спрашиваешь меня такъ грозно? спросилъ Петръ, медленно повернувъ къ нему свою голову.

— Какое тебѣ дѣло до того, кто я, бродяга? Чего сталъ какъ колъ? Мнѣ стоитъ пальцемъ повести и тебя засадятъ; будешь сидѣть, да раздумывать, какъ скверно не отвѣчать, когда спрашиваютъ!

Петръ спокойно выслушалъ угрозу.

— Я Петръ изъ Гонѣндва и пришелъ въ міръ проповѣдовать слова мира, а не войны; мнѣ все равно гдѣ сидѣть. Я старъ и усталъ. Возьми же меня, временщикъ; вижу, что ты сильнѣе самаго короля; вели заточить меня. Раавѣ стыдно сидѣть въ тюрьмѣ? Сиживали тамъ и получше меня. Съ чего ты выдумалъ грозить мнѣ? Думаешь, что я боюсь тебя? Кто ты такой? Ей, ей, говорю тебѣ, скорѣе міръ дрогнетъ въ осно-

вахъ своихъ, чѣмъ одинъ волосокъ упадетъ съ головы моей безъ воли Божіей! Петра Гонѣндзскаго ты хочешь бросить въ тюрьму? Возьми и брось! Но и за рѣшеткою не перестану я взывать: люди, идите по тропѣ жизни вашей не другъ противъ друга, какъ разъяренные львы, а какъ братья, какъ сыновья одной матери... О, теперь вяжи меня!

Незнакомецъ въ удивленіи долго смотрѣлъ на Петра и съ перваго раза не зналъ, что дѣлать.

— Я Николай Мнишекъ! сказалъ онъ наконецъ.

— А развѣ мнѣ не все равно, Мнишекъ или Гурьо, Зебжидовскій или Тарновскій, всѣ вы люди, которыхъ надо учить и наставлять на путь истины.

И онъ прошелъ мимо Мнишка въ глубь коридора; но тамъ обернулся.

— Послушай, началъ онъ:— прежде чѣмъ ты велишь взять меня, позволь мнѣ поговорить съ панной Барварой Гижанкой, и покажи, гдѣ она живетъ; я здѣсь чужой и не знаю куда идти.

— А что тебѣ надо отъ Гижанки? мучимый любопытствомъ спросилъ, подходя, Мнишекъ.

— Мнѣ надо передать ей кое-что.

— Отъ кого?

— Отъ кого? спрашиваешь ты, Мнишекъ; а если отъ Бога? Наставлять грѣшниковъ и наводить на путь истины заблудшихъ, долгъ мой. Аа! да ты вѣдь Мнишекъ! воскликнулъ онъ, какъ-бы вспоминая.— Берегись! Богъ глядитъ на тебя, а люди осуждаютъ. Мнишекъ! вмѣсто любви съешь ты распрю, вмѣсто мира войну; вмѣсто того, чтобы прокладывать народу твоему дорогу жизни, ты готовишь ему гробъ и могилу. Ой, Мнишекъ, берегись конца! Ты какъ плевелъ, какъ сухое древо: придетъ часъ, велитъ Господь Богъ устѣчь сѣвирою все, что не родитъ хорошихъ плодовъ!

— Болтунъ проклятый! прошипѣлъ Мнишекъ и глаза его отъ ярости налились кровью,— вотъ я заткну тебѣ глотку!

И взявшись за мечъ, онъ шелъ къ нему, весь дрожа отъ гнѣва. Но въ эту минуту точно чудомъ появился передъ Мнишкомъ Твардовскій и, остановивъ его рукою, сказалъ:

— Успокойся, братъ мой, успокойся! Развѣ ты не видишь, что мужъ сей ходитъ съ деревяннымъ мечемъ и что нѣтъ въ немъ рыцарскаго духа? Къ тому же онъ мудрецъ и великій проповѣдникъ.

Но Мнишекъ не слушалъ и въ слѣпой ярости рвался къ Петру.

— Онъ былъ у короля, продолжалъ Твардовскій—и надавалъ ему много хорошихъ и полезныхъ намъ совѣтовъ.

Мнишекъ вздохнулъ, еще разъ грозно взглянулъ на Петра, подошелъ къ окну, и съ тѣмъ же вниманіемъ сталъ разглядывать то, на что смотрѣлъ Петръ: синюю Вислу, работающую Прагу, желтыя сыпи песковъ и черныя пущи...

А Твардовскій, братски поздоровавшись съ Петромъ, сказалъ:

— Кажется, братъ мой, ты хотѣлъ видѣться съ панной Варварой Гижанвой?

— Да, и если можно, такъ я попросилъ-бы проводить меня къ ней; я былъ бы очень благодаренъ. Я къ ней отъ родни.

— А! отъ родни! Провожу съ удовольствіемъ.

И Твардовскій пошелъ вдоль коридора, а за нимъ Петръ. Мнишекъ молча продолжалъ стоять у окна, прислоняясь отъ времени до времени головою къ стѣламъ, точно хотѣлъ остудить горячій лобъ.

— Чего хотятъ родственники отъ панны Варвары? спросилъ Твардовскій.

Петръ не отвѣчалъ; онъ шелъ точно погруженный въ глубокую думу.

Твардовскій разъ, другой посмотрѣлъ на него изподлобья, пожалъ плечами и, дотронувшись пальцемъ, спросилъ:

— О чемъ ты задумался, братъ мой?

— О чемъ? Развѣ мнѣ не о чемъ думать? Развѣ я не пошу въ себѣ ученія, которое со временемъ подвинетъ міръ? Есть о чемъ думать.

Твардовскій ничего не отвѣтилъ; съ изумленіемъ взглянулъ онъ на маленькаго человѣчка, который хочетъ двигать міромъ, а самъ ходитъ въ потертомъ жупанѣ и съ деревяннымъ мечемъ.

«Или шальной, или мудрецъ!» буркнулъ онъ себѣ подъ носъ и пошелъ дальше.

«Кто онъ такой — думалъ уже про себя Твардовскій, — что хочетъ двигать міръ? Какое ученіе даетъ эту силу? А почему-бы нѣтъ? Сказалъ же тотъ славный греческій философъ: дайте мнѣ точку опоры и я переверну весь свѣтъ. Конечно, точкой опоры должна быть наука. Владѣетъ онъ ею, или нѣтъ? и что это за наука?»

Понуривъ голову, онъ молча шелъ подлѣ проповѣдника, и мысли обоихъ, оторвавшись отъ праха и заботъ мірскихъ, какъ орлы летѣли гдѣ-то въ назвѣздныхъ пространствахъ.

Но Твардовскій сейчасъ очнулся.

— И такъ, братъ мой, началъ онъ снова:—родственники,

узнавши, что Гижанка зашла далеко, поумнѣли и хотятъ легко драть, пока можно?

Петръ взглянулъ на Твардовскаго и отвѣчалъ:

— Фарисей, ты обойти меня хочешь; думаешь, что я проговорюсь. Отойди и не искушай меня!

Твардовскій подбоченился и сталъ смѣяться, но такъ страшно, что волосы дыбомъ встали на головѣ Петра. Смѣялся онъ тихо, точно въ глубинѣ существа своего, и смѣхъ не выходилъ наружу. Это былъ точно смѣхъ змѣи, ежели змѣи когда нибудь смѣются.

Петръ отскочилъ и, перекрестившись, съ ужасомъ смотрѣлъ на смѣхъ своего собесѣдника. А Твардовскій такъ и заливался, такъ что весь худой станъ его трясся и вздрагивалъ.

Насмѣявшись вдоволь, онъ указалъ рукою въ глубь коридора.

— Ступай, великій мастеръ, сказалъ онъ,—который хочетъ ворочать свѣтомъ, а глупъ, какъ баранъ; ступай сначала прямо, а потомъ налѣво, тамъ и будутъ комнаты панны Гижанки. И, обернувшись спиною, онъ опять сталъ беззвучно смѣяться.

Недолго думая, Петръ пошелъ, слѣдуя указаніямъ Твардовскаго, удивляясь всему, что только что видѣлъ и слышалъ; въ концѣ коридора онъ нашелъ комнаты Гижанки.

Когда его впустили, онъ въ первое время подумалъ, что попалъ въ заколдованный міръ, такъ прелестна была вся обстановка жилья. Первая комната была обита малиною турецкою камкою, затканною золотыми и серебряными нитями. На полу лежалъ большой турецкій коверъ, ярко испещренный цвѣтами и красками. Два большихъ венеціанскихъ зеркала—тогда во истину царская роскошь—украшали стѣны. Столы, кресла, лавки, все было обито лучшимъ венеціанскимъ бархатомъ бѣлаго цвѣта, который рѣзко выдѣлялся на рѣзномъ дубовомъ деревѣ. На спинѣхъ каждаго кресла было рѣзное изображеніе ателлонскихъ орловъ. Роскошь была, однимъ словомъ, такая, о которой жившій подъ крышею Петръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Вся комната была наполнена благовоніемъ, а на мраморномъ очагѣ горѣлъ можжевеловый огонь.

Сама панна Гижанка, одѣтая въ усыпанное жемчугомъ платье, не сидѣла, а скорѣе лежала на покрытой дамастомъ лавкѣ, опустивъ прелестную головку на дорогую подушку. Увидѣвъ Петра, она вскочила и съ радостью подбѣжала къ нему.

— А, Петръ! воскликнула она,—какъ хорошо, что ты пришелъ! Всѣ мои позабыли обо мнѣ, а у меня хоть и всего вдо-

воль, чего душѣ угодно, а все же тоскую по домѣ. Ну что тамъ? какъ тамъ? Что брать и зять? Здоровы ли? А дѣти, Ясь, Кася и Сигмунтъ¹⁾? Боже мой, какъ давно не видала я ихъ! Хоть король и позволяетъ мнѣ ѣздить въ городъ, да я боюсь.

— Чего же ты боишься? спросилъ Петръ.

— Выгнали же они Зайончковскую; я сама видѣла, какъ они гнали ее въ краковскимъ воротамъ. Они и меня схватить готовы и, заперевъ подъ ратушею, выгнать на другой день изъ города, точно я провинилась передъ ними.

— Боишься потому, что грѣшишь, отозвался Петръ; — у кого совѣсть чиста, тотъ ничего не боится.

— Э, мнѣ-то что! воскликнула, вставая, Гижанка. — Король мой — и я королева, хотя бы на одинъ только день. Смотри, сколько золота! А Сигизмундъ? Если-бы ты зналъ, Петръ, какой онъ печальный, добрый, тихій! Какъ погляжу я иной разъ ему въ глаза, большіе, черные, глубокіе, всегда влажные, — слезы подступаютъ у меня къ горлу отъ сожалѣнія. О, пускай проклянутъ, выгонятъ, четвертуютъ меня; никогда, до самой смерти, не оставлю я короля-печальника... да поможетъ мнѣ въ этомъ Богъ мой!

«Гм! съ нею и говорить нечего, подумалъ про себя Петръ, — дѣвка вѣтреная, полюбила и короля, и роскошь».

— Не стану я уговаривать тебя, продолжалъ онъ уже громко, — чтобы ты ушла отсюда и стала вести жизнь кающейся грѣшницы послѣ всей этой роскоши. Нехорошо, Варя, что ты пропала задаромъ... ну, что-жъ дѣлать!.. Помни только, что Богъ не оттолкнетъ величайшаго грѣшника, если только онъ истинно раскается въ грѣхахъ своихъ.

— Правда, я согрѣшила, отвѣчала Гижанка; — но Богъ проститъ мнѣ, потому что согрѣшила я для польскаго короля, для послѣдняго ягеллона. Я должна омыватъ прахъ ногъ его, дышать на него, какъ на замерзшую птичку, охранять его отъ холода, вихря и бурь... такъ какъ же мнѣ не любить его? Вѣдь это послѣдкія ягеллонской крови. О, я знаю, Богъ проститъ меня!

— Ну дѣлай, какъ хочешь! Одно только скажу тебѣ: впереди тебя великая задача. Я не даромъ пришелъ сюда. Правда, и брать, и зять твои очень огорчены и стыдно имъ; мѣщане пальцами на нихъ показываютъ.

— Боже мой, пальцами показываютъ! съ горечью воскликнула она, всплеснувъ руками.

¹⁾ Ваза, Катя и Сигизмундъ.

— Да, такъ, подтвердилъ Петръ;—они задумываютъ даже продать добро свое и выѣхать куда нибудь на край свѣта, гдѣ бы люди не знали объ ихъ поворѣ.

Услышавъ это, Гижанка закрыла лицо руками и слезы градомъ полились севозъ ея пальцы.

— Что было, того не воротись, продолжалъ Петръ,—порозрь легъ на нихъ на вѣки; тебѣ нельзя къ нимъ вернуться... Въ монастырь развѣ...

— Не хочу, не хочу, не пойду! Оставить его одного, съ его воспоминаніями и тоскою? Онъ исчахнетъ отъ горя. О нѣтъ, это невозможно!

— Все возможно для тѣхъ, кто хочетъ; спасеніе души—это главное. А если ужъ ты остаешься у короля, Варя, такъ дѣлай такъ, какъ говоришь; смотри, чтобы король не тосковалъ, а работалъ на пользу своего народа.

— А мнѣ что за дѣло? Я женщина и не знаю государственныхъ дѣлъ.

— Ой, берегись! Я говорилъ пока какъ отецъ, а теперь заговорю какъ судья. Что-жъ ты, дура, хочешь убавать на лонѣ своемъ голову послѣдняго ятеллона, а съ нимъ и всю Рѣчь Посполитую? Берегись, говорю я тебѣ! Богъ всевидецъ, а я, говорящій съ тобою, рабъ его!

Взглянувъ на Петра, который точно вырбсь при этихъ словахъ, Гижанка немного поблѣднѣла и, потушившись, спросила:

— Что же мнѣ дѣлать, сважи мнѣ?

— А вотъ что: былъ я сегодня у короля и оживилъ его, вдохнулъ духъ бодрости въ бабью тоску его, и король готовъ воспрянуть и взяться за дѣло. Не удерживай его, Варя; не опутывай ногъ его бѣлыми руками; напротивъ, побуждай, заохочивай.

— На войну, на битвы хочешь ты послать его? спросила дѣвушка грустно.

— О нѣтъ! я вѣстникъ мира, войны не проповѣдую. То, что хочетъ дѣлать король, нельзя сдѣлать мечемъ, а только словами мира и любви.

— Хорошо, хорошо! Если такъ, то я сдѣлаю все, что ты желаешь, учитель. Я сама скажу ему: за дѣло, Зигмунтъ, королевичъ ты мой! иди, дѣйствуй, исполни все, что требуетъ Петръ Гонендскій, только не брось меня и хотя подъ вечеръ зайди ко мнѣ, чтобы я могла упокоить многодумную твою головушку.

И Гижанка повеселѣла, разговорилась, разболталась, велѣла подать сласти и лакомства и стала угощать ими Петра.

Таеъ окончилось его посѣщеніе Гижанки.

XI.

Гороскопъ.

Послѣ разговора съ Петромъ Гонѣндаскимъ король нѣсколько дней не выходилъ изъ внутреннихъ покоевъ и все время проводилъ, замкнувшись съ Гижанкою. Даже Мнишка и Твардовскаго не велѣно было пускать, хотя они настойчиво добивались свиданія. Нахмурившись, сердито расказывали они по замку. Мнишекъ грозилъ даже, что велить схватить и повѣсить Петра.

— Никто другой, только болтунъ этотъ надѣлалъ намъ бѣды. Оговорилъ насъ передъ королемъ, а тотъ и повѣрилъ, потому что любить слушать, а потомъ раздумывать о томъ, что ему налетутъ.

Да и погода была пресеверная, дождливая и туманная. Не диво, что люди злились, а король сидѣлъ, запершись, возясь съ своею душею.

Но вдругъ король точно воскресъ и обнаружилъ небывалую дѣятельность. Въ канцеляріи закипѣла работа, заскрипѣли перья, исписывалось много чернилъ. Во всѣ стороны полетѣли грамоты, письма, воззванія.

Король повеселѣлъ, пріосанился, позвалъ Твардовскаго и Мнишка и только и говорилъ о сеймѣ и униі; когда же письма, приглашавшія сенаторовъ на совѣщаніе, были посланы и разосланы всѣ универсалы къ шляхтѣ, сзывавшія ее на сеймъ въ Люблинѣ, король опять предался забавамъ, велѣлъ играть оркестру и радъ былъ, если придворные кавалеры и дамы забавлялись при немъ танцами. Онъ смѣялся и шутилъ, такъ что у тѣхъ, которые любили его (а такихъ было много), радовалось сердце. И слѣда не осталось въ немъ меланхоліи и тоски, которыя грызли его раньше.

Однажды вечеромъ, король, слушая игру оркестра и любясь танцами придворныхъ, вдругъ задумался, какъ въ былыя времена, упорно глядя куда-то вдаль и тяжело опустивъ голову на руку. Придворные, увидѣвъ задумчивость короля, сдѣлали

знакъ оркестру, чтобы тотъ замолчалъ и тотчасъ же прекратили забавы и танцы, чтобы не помѣшать глубокимъ думамъ, которыя очевидно роились въ головѣ короля. Но результатъ былъ какъ разъ противоположный. Внезапная тишина послѣ шумной забавы и громкой музыки разбудила короля посреди его грустныхъ мыслей; онъ поднялъ голову, потеръ лобъ и, вставъ съ кресла, подошелъ къ окну. Съ минуту постоялъ онъ тамъ, посмотрѣлъ на усѣянное звѣздами небо и, обернувшись, повелъ глазами по залѣ.

— Зачѣмъ не играетъ музыка? спросилъ король. — А вы отчего не пляшете, прибавилъ онъ и опять подошелъ къ своему креслу.

Вновь заигралъ оркестръ, опять начались танцы и забавы, а король, посмотрѣвъ еще съ минуту, вдругъ кивнулъ Твардовскому.

Тотъ приблизился тихо, какъ котъ, и покорно склонившись передъ королемъ, ждалъ его приказаній.

— Послушай, почтенный, шепнулъ ему король: — пойди взглянуть на звѣзды, можно ли сегодня ворожить по нимъ; вѣдь ты умѣешь составить гороскопъ?

— Я все умѣю, что надо, государь, сказалъ улыбаясь Твардовскій.

— Ступай-же, взгляни на небо.

Твардовскій подошелъ къ окну, посмотрѣлъ и уже возвращался къ королю, который громко аплодировалъ безконечной мазуркѣ, какъ вдругъ на полъ-пути перехватилъ его Мнишекъ и, взявъ за рукавъ, спросилъ:

— Куда послалъ тебя король?

— Поглядѣть на звѣзды.

— Зачѣмъ?

— Гороскопъ хочетъ узнать.

— А что такое гороскопъ?

Твардовскій изнодлобя вскинулъ на него глазами, пожалъ плечами и рѣзко замѣтилъ Мнишку:

— Ступай братъ въ бакалярню ¹⁾, тамъ научатъ.

Бормоча что-то себѣ подъ носъ, онъ смѣло продолжалъ путь свой и, ставъ за кресломъ короля, склонился надъ нимъ въ своей обычной смиренной позѣ. Король продолжалъ аплодировать, а потомъ, обернувшись къ Твардовскому, спросилъ его:

¹⁾ Бакалярня, родъ высшей школы, семинарскаго характера.

— Ну что?

— Все хорошо, государь.

Король опять опустил голову на руку и опять глубоко задумался, а Мнишекъ, замѣтивъ разсѣянность короля, подошелъ къ Твардовскому и шепнулъ:

— Говори же, что такое гороскопъ? Дьявольское слово какое-то; я никогда не слышалъ его.

— Дуракъ ты, и ничего не знаешь; я не бакалавръ, учить тебя не стану.

— Берегись, Твардовскій, не доводи себя до бѣды.

— Боюсь я, что-ли, твоего гнѣва? отвѣчалъ тотъ, взглянувъ на Мнишка и засмѣялся своимъ обычнымъ тихимъ внутреннимъ смѣхомъ.— Теперь не до объясненій, сказалъ онъ, насмѣившись вдоволь,—я объясню тебѣ позже.

— Отчего не теперь?

— Не время. Да ну, не сердись; никакихъ ужасовъ не будетъ. Гаданье по звѣздамъ, вотъ и все.

Въ это мгновеніе король очнулся и, вставъ, позвалъ Твардовскаго.

Они вышли; танцы тотчасъ прекратились и всѣ собрались по домамъ. Но король остановился и, вернувшись, сказалъ:

— Пожалуйста веселитесь; еще не поздно, да и я сейчасъ вернусь.

Король и Твардовскій вышли; дойдя до большой пустой комнаты, король опять выглянулъ въ окно на звѣзды и сказалъ:

— Вотъ видишь ли: я задумалъ великое дѣло—унію Литвы и Польши, и мнѣ хотѣлось бы знать, что о томъ сказано въ звѣздахъ.

— Хорошо, государь, увидимъ, отвѣчалъ Твардовскій.

— Въ виду такого громаднаго дѣла какъ унія, продолжалъ король,—душа моя колеблется въ рѣшеніяхъ своихъ; я самъ не знаю, что дастъ намъ эта унія. Счастье или несчастье? вотъ вопросъ. Ты прочтешь это по звѣздамъ.

— Прикажешь, государь, сейчасъ?

— Почему я знаю, можно ли сейчасъ.

— Почему бы и нѣтъ?

— Все ли у тебя съ собой, необходимое для гаданья?

— При себѣ нѣтъ, но я могу привести.

— Да вѣдь здѣсь нельзя гадать, замѣтилъ король: во первыхъ, намъ могутъ помѣшать; а во вторыхъ, и звѣздъ отсюда не видно.

— Я и не говорю, чтобы здѣсь; мы пойдемъ во мнѣ, въ мою убогую комнату.

— А гдѣ твоя комната?

— На башнѣ.

— А, на башнѣ, на башнѣ... Да, конечно, оттуда лучше всего видны звѣзды; хорошо же, види и позови Мнишка.

Твардовскій поклонился и вышелъ, а король опять обернулся къ окну и сталъ глядѣть на небо. Вдругъ онъ услышалъ за собою шорокъ женскаго платья, въ ту же минуту бѣлыя руки охватили его шею и алмы губы стали цѣловать его въ глаза.

— Ай, Вара, пошутить король, — ты меня задушишь.

— Соколикъ ты мой, шептала Гижанка, — что ты здѣсь дѣлаешь, зачѣмъ бѣжишь отъ веселья?

— Не бѣгу я, не бѣгу, говорилъ король, лаская румяное лицо дѣвушки, — у меня дѣло есть; я вернусь черезъ полчаса.

— Какое дѣло, прошу повторить? спросила дѣвушка съ шутовскою строгостью.

— О! этого тебѣ не понять.

— Не понять? Не тутъ-то было. Я уже знаю, съ тобою идутъ Мнишекъ и Твардовскій; чары, значить, будутъ. Зигмунтъ, милый мой, возьми и меня!

Король взглянулъ на Гижанку, на мгновеніе задумался, а потомъ, точно про себя, сказалъ:

— Почему бы и нѣтъ?

Въ ту же минуту вошли въ комнату Твардовскій и Мнишекъ. Увидѣвъ ихъ, король сказалъ:

— Идите! Вара также пойдетъ съ нами.

И они пошли на башню, которая укранила обращенную къ Вислѣ сторону замка.

Здѣсь Твардовскій поселился по лѣвому выбору, хотя Мнишекъ давалъ ему гораздо лучшее помѣщеніе.

— Не хочу я лучшаго, говорилъ Твардовскій, какъ ни усердно навязывалъ ему Мнишекъ другое помѣщеніе; — мнѣ здѣсь лучше; здѣсь я одинъ, никто мнѣ не мѣшаетъ, да и въ Богу и въ небу я здѣсь ближе.

Комната была маленькая, тѣсная, о трехъ окнахъ, изъ которыхъ открывался далекій видъ на Вислу ¹⁾ и на вавилонскую даль; рѣка сверкала какъ живое серебро, невясь въ лучахъ полного мѣсяца. Каждая вода играла разными цвѣтами, переливаясь серебрянымъ блескомъ.

Какъ только всѣ собрались въ комнату Твардовскаго, онъ

пододвинулъ королю и Гижанѣ по креслу, а самъ, взявъ въ руки черную доску, мѣлъ и жезлъ чернокнижниковъ, обратился къ присутствовавшимъ съ слѣдующими словами:

— Попрошу объ одномъ, государь, а также и вась, дорогие гости: будьте покойны и молчите.

Затѣмъ онъ одѣлъ длинную черную мантию, исписанную странными чародѣйскими знаками, — были тамъ и черепа, и кости, и другія ужасныя вещи, — послѣ чего отырыкъ окно и долго смотрѣлъ на небо. Мѣсяцъ свѣтилъ ему прямо въ лицо и придавалъ выраженію его страшный, не земной видъ. Онъ смотрѣлъ и смотрѣлъ; въ комнатахъ и на дворѣ было тихо; ночь была поздняя; только изъ нижнихъ валь доносились отъ времени до времени отрывистые звуки музыки.

Наглядѣвшись, Твардовскій сталъ чертить на доскѣ какіе-то знаки и водить жезломъ своимъ отъ звѣзды къ звѣздѣ.

Вдругъ онъ бросилъ жезлъ, оперся о подоконникъ и, продолжая глядѣть на искрещающееся небо, шепталъ едва слышнымъ голосомъ:

— Тамъ, въ безграничномъ пространствѣ небесъ, я вижу великую, начертанную звѣздами книгу. Книга открыта, и я читаю.

Тутъ онъ на минуту остановился, перегнулся впередъ еще больше, точно хотѣлъ взглянуть въ что-то, и тихимъ отрывистымъ голосомъ говорилъ, какъ будто ему трудно давалось каждое слово.

— Вижу я короля Рѣчи Посполитой... вижу я, какъ гаснетъ на немъ правая линия ягеллоновъ... вижу двоихъ дѣтей, рожденных отъ Гижанки... но тронъ не для нихъ...

При этихъ словахъ Гижанка вспыхнула и закрыла лицо руками, а Твардовскій продолжалъ:

— Вижу, какъ разные люди восходятъ на польскій тронъ и потрясаютъ его основаніями... Дрожатъ основы рѣчи Посполитой! Непріятель врывается въ ея сердце, кровью залиты ея поля, все рассыпается въ прахъ... Вижу я стоглавую гидру польской шляхты, какъ она пожираетъ собственныя внутренности... вижу я великія битвы, великія побѣды, великія пораженія... О! вотъ я вижу, какъ чей-то огненный перстъ пишетъ на разверстыхъ стѣнахъ Рѣчи Посполитой слова Балтазара: Богъ разгромитъ тебя, поелику ты не умѣла любить, не умѣла чтить саму себя. Богъ разгромитъ тебя за то, что исполнисія силы свои ты растратила даромъ, безъ пользы себѣ и другимъ!

Вижу я, неразрывны узы соединяють Корону съ Литвой, и всюду горе, не смотря на эту Унію. Мало по малу плѣсень покрываетъ стропила и основы... трупные черви врываються съ запада и точать Рѣчь Посполитую... О... о... о! трупъ! трупъ! Deleta est haec Carthago!

При этихъ словахъ онъ схватилъ себя за голову, зашатался какъ пьяный и съ страшнымъ стономъ рухнулъ на землю.

Король, Гижанка и Мнишекъ вскочили и стали приводить его въ чувство. Самъ государь въ ужасѣ схватилъ стоявшій возлѣ печи горшокъ съ водой и плеснулъ его въ лицо астролога. Тотъ очнулся, сѣлъ, глубоко вздохнулъ и, протирая глаза, сказалъ:

— О, вы тутъ, государь! я видѣлъ страшныя, ужасныя вещи!

Минуту спустя, онъ прибавилъ, глядя въ лицо изумленнымъ слушателямъ:

— Такъ говорятъ звѣзды!

Потомъ обратился къ Мнишку:

— Эй, Мнишекъ! слушай: не Мнишковъ кровь полетѣла потокомъ на подлясскихъ и мазурскихъ полянахъ, но кровь отъ сохи и отъ плуга... А ты?.. что тебѣ? Ты возьмешь все, и ничего не дашь свѣту взамѣнъ... Долой съ глазъ моихъ!...

Повернувшись къ Мнишку спиной, онъ торжественно сказалъ королю:

— Государь, вотъ все, что написано въ небѣ; а теперь поступайте, какъ знаете...

И низкимъ поклономъ онъ проводилъ короля, Гижанку и Мнишка, который вышелъ, дрожа отъ гнѣва и ярости. Самъ-же крикнулъ Кубѣ:

— Куба, собирайся, мы ѣдемъ!

Куба посмотрѣлъ, покивалъ головой, почесалъ въ затылкѣ и спросилъ:

— Такъ ѣдемъ, значить?

— Да, ѣдемъ! сейчасъ—слышалъ?

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ по камнямъ дворовой мостовой застучали конскія подковы и два всадника въ черной одеждѣ вихремъ помчались по направленію къ Волѣ.

Въ этотъ вечеръ король уже не возвратился въ парадныя залы...

XII

Люблинскій сеймъ.

Король, собравъ сеймъ въ Люблинъ, ѣхалъ на него съ большою пышностью и торжествомъ; съ нимъ были, по обыкновению, Мнишекъ и Гижанка, безъ которой онъ никуда шагу не дѣлалъ и души въ ней не чаялъ. Послѣ весенней распутицы дорога была очень скверная, такъ что иногда весь поѣздъ завязалъ въ грязи и пескахъ, и въ королевскій возокъ приходилось запрягать по шесть лошадей. Сеймъ начинался дурными предзнаменованіями; говорили, что Литва сопротивляется и никогда не согласится на унію; что Янъ Ходкевичъ, староста жмудскій, Василій Острожскій, воевода кievскій, и Александръ Чарторыйскій, воевода волынскій, а также и другіе вельможи, ропшутъ и сердятся за то, что король, какъ говорили они, хочетъ погубить и Литву, и Русь.

— Если сеймъ этотъ будетъ напрасенъ, — говорилъ король Гижанкѣ, — не жилецъ я на свѣтѣ. Только унія и поддерживаетъ меня какъ якорь спасенія; ускользнетъ она — тутъ и конецъ мой будетъ...

— Зачѣмъ говорить такія рѣчи, соколикъ мой царскій — шептала дѣвушка — ну что тебѣ въ уніи? Такъ-то, жить ты не хочешь? Такъ не пушу же я тебя, придержу, отмолю... Ты вѣдь еще молодъ, дорогой мой! Зигмунтъ, милый — жить-бы тебѣ, да не умирать...

— Не знаешь ты, Варя, что значить властвовать — Крестъ Господень нести; да еще надъ такимъ народомъ, какъ польскій! О, если-бы Рѣчь Посполитая была поразумнѣе, куда завели-бы ее ягеллоны! Гдѣ имъ найти такихъ королей, какъ мы; мы дали имъ великихъ воеводъ, великихъ ученыхъ и даже святыхъ! Если я, послѣдній въ родѣ, не проведу уніи, я помру отъ тоски!

— Ты опять загрустилъ, королевичъ! Говоришь все о смерти, какъ монахъ. Развѣ я монашенка, чтобы слушать разсужденія о смерти?

Король оглянулся и, наклонившись къ дѣвушкѣ, шепталъ:

— Варя, тамъ, въ тыкоцинскомъ замкѣ лежитъ большой дубовый гробъ, который я велѣлъ приготовить для себя. Въ гробъ этотъ насыпано теперь зерно, чтобы видѣть не надтреснулъ-ли онъ. Когда я помру, вели положить меня въ гробъ

этотъ, Вара; въ руки дай мнѣ скипетръ, а на голову одѣнь корону; съ божовъ поставь ягеллонскихъ орловъ. Пусть знаютъ, кто лежитъ въ гробу! Мнѣ въ немъ будетъ просторно; не годится ягеллону лежать въ тѣснотѣ; я вѣдь не выродокъ какой нибудь, да и плечи мои распухли подъ тяжестью трехъ вѣвовъ..

Король замолчалъ и задумался.

— Одѣньте мнѣ корону, говорю я; на что она міру? Кто будетъ носить ее, провалится въ нее, какъ въ котель! Развѣ имъ носить ягеллонскую корону?

— Королевичъ... Зигмунтъ... дорогой мой!.. шептала дѣвушка, — перестань, перестань! Тоску только нагоняешь ты на себя, говоря о гробахъ, объ орлахъ, о коронахъ; зачѣмъ тебѣ умирать?

— Умру, умру, если не достигну уніи; надорвется сердце мое, разорвется на части. Ты положишь въ мой гробъ мечъ героя Варны, а въ руки дашь мнѣ крестъ св. Казимира; плечи мои закроешь пунуровымъ, подбитымъ горностаемъ, плащемъ. Наслѣдники мои не должны ходить въ пурпурѣ; порфира волочилась бы за ними по землѣ и тонула въ грязи и пыли. Пусть будетъ она саваномъ моимъ, пусть стгнѣтъ, но въ могилѣ, а не на землѣ¹⁾.

Король каждый день говорилъ на эту тему. Постоянно тоскуя и предаваясь меланхолиі, ѣхалъ онъ въ Люблинъ, только и думая о смерти; всякая надежда поставить себя величайшій изъ памятникоевъ польской исторіи оставила его.

— Къ смерти готовлюсь я, говорилъ онъ, — потому что умру отъ горя.

Увидѣвъ люблинскія башни, онъ глубоко вздохнулъ и перекрестился.

— Вотъ смерть моя! сказалъ онъ.

Магистратъ и народъ съ большою торжественностью встрѣчали его, стрѣляли изъ пушекъ, звонили во всѣ колокола.

— Похоронный звонъ, похоронный звонъ ягеллонамъ, говорилъ король.

Но когда начался сеймъ и королю не разъ приходилось вести упорную борьбу съ частною корыстью, малодушіемъ, отсутствіемъ гражданскихъ доблестей, онъ оживился и поправился, работая какъ послѣдній наемникъ, и все ради милой ему Рѣчи Посполитой.

¹⁾ Авторъ, устами короля, намекаетъ на то, что наслѣдники ягеллоновъ не были царской крови.

Прошла весна, пришло лѣто, а сеймъ все тянулся. Еще въ мартѣ Литва, не желая подписать уніи, ночью бѣжала изъ Люблина; но король настоялъ на своемъ и сеймъ, не смотря на то, продолжался. Литовцы, не зная что дѣлать, вернулись и теперь уже только роптали.

Въ день засѣданія, 27 іюня, съ утра уже было жарко, душно и, казалось, собиралась гроза. Около полудня сеймъ сошелся въ полномъ составѣ. Когда король усѣлся на тронѣ, всталъ Янъ Ходкевичъ, староста жмудскій, человекъ серьезный и угрюмый, и, подойдя въ трону, грустнымъ голосомъ сказалъ:

— Государь, еще разъ умоляемъ мы тебя, не веди Литву на погибель. Вѣдь она отчина твоя, взростила и тебя, и отцовъ твоихъ. Сдѣлай что нибудь и для насъ. Неужели мы на вѣки будемъ рабами коронныхъ магнатовъ? Дай намъ особую печать и Инфлянты¹⁾. Неужели должны мы слиться съ громадою Рѣчи Посполитой?

При этихъ словахъ онъ преклонилъ передъ трономъ колѣни, а вслѣдъ за нимъ бросились ницъ и прочіе депутаты Литвы и стали досаждать королю. Послѣдній ягеллонъ вспыхнулъ, снялъ съ головы своей шапку и, вставъ, дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Пока я живъ, не будетъ этого, нѣтъ! Я соединяю, скрѣпляю васъ, чтобы дорогая сердцу моему Рѣчь Посполитая и впередъ торжествовала грюнвальденскія побѣды. А еще скажу я вамъ, что стоять на колѣняхъ должно только передъ Богомъ, а не предъ человекомъ.

Нѣсколько дней спустя, всѣ подписывали начертанный на пергаментѣ актъ уніи. До послѣдней минуты король сидѣлъ и смотрѣлъ, какъ ложились печать за печатью, подпись за подписью. Когда все было кончено, онъ вздохнулъ и при громѣ пушекъ, звонѣ колоколовъ и громкихъ крикахъ народа отправился въ костель. Король изъ собственной казны велѣлъ бросать въ народъ деньги, чтобы всѣмъ остался въ памяти этотъ радостный день. Потомъ онъ задалъ при дворѣ большой пиръ; много было радости и веселья, только литвины сердились и плакали, сами не зная чего.

Король былъ веселъ.

— Я сдѣлалъ свое, говорилъ онъ,—и мнѣ легче будетъ умирать.

¹⁾ Западная часть Витебской, восточная—Литовской и Курляндской, и сѣверная—Виленской губерніи.

А Гижанкѣ и Мнишку онъ тотчасъ изъ рукъ въ руки далъ по десяти тысячъ червонцевъ, такъ онъ былъ счастливъ и доволенъ.

Затѣмъ, посреди празднествъ и забавъ, онъ поѣхалъ въ Варшаву, а оттуда на лѣто въ Кнышинъ.

Съ того времени прошло три года. Послѣдній ягеллонъ медленно догоралъ въ варшавскомъ замкѣ. 6 мая 1572 года онъ позвалъ къ себѣ Мнишка и, кашляя и стоная, сказалъ ему:

— Николай, дорогой мой, пошли за Августиномъ Ротундомъ, варшавскимъ войтомъ, знаешь?

— Зачѣмъ вамъ войтъ, государь?

— А тебѣ какое дѣло? вспыхнулъ король.— Не спрашивай, а дѣлай, что сказано!

Пришелъ войтъ, сухой какъ щепка, въ черной одеждѣ, и, низко кланаясь, остановился у дверей, ожидая, что скажетъ король.

— Ты Ротундусъ? спросилъ тотъ.

— Я, государь.

— Ну такъ садись, вонъ столъ, и пиши завѣщаніе, сказалъ Сигизмундъ.

— Завѣщаніе, государь?

— Ну да, завѣщаніе; чего-жъ удивляться? Старъ я и боленъ, протяну недолго. И король, какъ всякій смертный, долженъ умереть; довольно я пожилъ и радъ, что оставляю суетный міръ. Пиши же!

Ротундусъ сѣлъ, а король слабымъ, прерывающимся голосомъ диктовалъ ему слѣдующее:

«Ничего болѣе не желаемъ мы отъ Господа Бога и ни о чемъ не просимъ мы съ такимъ усердіемъ, какъ чтобы сподобиться намъ въ мирѣ, сохраненіи и цѣлости оставить Рѣчь Посполитую, такъ, какъ мы приняли ее отъ предковъ нашихъ, и о благѣ которой старались мы, по силѣ и возможности нашей, во весь вѣкъ царствованія нашего, и счастье и здравіе которой, видитъ Богъ, ставили выше собственнаго здоровья и жизни; ничто же, кромѣ согласія, любви, общественнаго единенія, не можетъ впредь сохранить ее».

Такъ начиналось завѣщаніе Сигизмунда-Августа.

XIII.

Последнія минуты Сигизмунда-Августа.

Королю дѣлалось со дня на день все хуже и хуже; подагра страшно мучила его и иногда онъ стоналъ по цѣлымъ часамъ. Онъ лежалъ въ угловой комнатѣ, выходящей на Вислу; такъ какъ дни были хорошіе, онъ велѣлъ отворять окна и переносить себя къ нимъ.

— Недолго жить мнѣ, говорилъ онъ, — пусть же посмотрю я на то, что любилъ: на Вислу, на мазурскія пущи.

Былъ май мѣсяцъ; погода стояла, какъ мы уже говорили, прекрасная. Небо было удивительно чистое, голубое, и вдаль, за Вислою, точно сливалось съ синими лентами пущъ и терялось въ прозрачномъ туманѣ. Но на бѣду въ Варшавѣ вновь появилась зараза, и смертность, сначала незначительная, увеличивалась съ каждымъ днемъ. Тогда пришелъ къ королю докторъ Фогельвердеръ, ученый и до мозга костей добрый нѣмецъ.

— Государь, говорилъ онъ: — въ Варшавѣ морь; надобно ѣхать.

— Ну что-жь? Я знаю, что морь; да не все ли равно, умереть ли отъ мора или отъ подагры.

— Далеко вамъ до смерти, государь, отвѣчалъ врачъ; — вотъ подышите другимъ воздухомъ и выздоровѣете.

— Ты думаешь? отвѣчалъ король. — Ну, ѣдемъ въ Кнышинъ, ближе къ Литвѣ и «ея» могилѣ!

Онъ говорилъ о могилѣ покойной королевы Варвары.

И такъ, было рѣшено, что на слѣдующій день весь дворъ чѣмъ свѣтъ двинется въ Кнышинъ. Приготовили большую колымагу, чтобы положить въ нее короля вмѣстѣ съ постелью.

На другое утро, когда все уже было готово, пришелъ къ королю доѣзжій Карвицкій и, поклонившись въ поясъ, сказалъ:

— Государь, неужели ваше величество поѣдете, не попрощавшись съ всемилюбовѣйшей королевною, сестрою вашей?

Карвицкій подразумѣвалъ королеву Анну, съ которой, какъ извѣстно, король давно уже жилъ не въ ладу и никогда съ ней не видѣлся.

При этихъ словахъ доѣзжаго король задумался.

— Ну, продолжалъ тотъ, — видно придется ей умереть съ горя. Государь, вели ей придти, она слезно просить объ этомъ.

Король съ минутою помолчалъ.

— Вели ей придти, сказалъ онъ.

Нѣсколько минутъ спустя вошла королева и съ плачемъ пала къ ногамъ короля; тотъ поднялъ ее и что-то тихо говорилъ ей. Потомъ вдругъ обернулся и, вынувъ изъ-подъ подушки запечатанную грамоту, подалъ ей со словами:

— Вотъ мое завѣщаніе, Анна; спрячь его хорошенько.

И тутъ же сталъ торопить, чтобы его снесли въ повозку, а подлѣ себя велѣлъ сѣсть двумъ наемнымъ слугамъ, Андрею Боболѣ и Фабиану Кипиискому. Наконецъ, поѣздъ тронулся.

Тернистъ былъ путь.

Король лежалъ въ постелѣ, привѣшенной въ повозкѣ какъ люлька; рядомъ съ нимъ ѣхала Гижанна; онъ уже не могъ разстаться съ ней. Какъ только ее не было, онъ кричалъ:

— А гдѣ Варя? Нѣтъ ея! Всѣ бросили меня, видно трупнымъ запахомъ несетъ отъ меня!

Странныя вещи говорилъ онъ всю дорогу, лежа въ своей колымагѣ.

Случилось какъ-то, что подъ самымъ Высоко-Мазовецкомъ, когда повозка медленно тащилась по сыпучимъ пескамъ, въ жаркій и душный день показался черный орелъ, полеталъ въ поднебесьѣ и вдругъ мертвымъ упалъ у колесъ королевской повозки.

Всѣ изумились, потому что испоконъ вѣку нивогда не бывало орловъ на мазовецкихъ пескахъ; къ тому же орлы бываютъ сѣрые или рыжіе, а этотъ былъ черный, блестящій.

Странно и то, что орелъ упалъ ни съ того, ни съ сего, ничѣмъ непораженный.

Всѣ молчали, глядя на короля; онъ же привсочилъ на постели, оперся руками, посмотрѣлъ на орла и сказалъ:

— Иду, иду!.. И опять упалъ на подушки, продолжая говорить самъ съ собой:

— Возьмите орла и положите въ гробъ мой. Это ягеллонскій орелъ; не слѣдъ ему валяться неогребеннымъ въ пыли и гравіи... Ого! Такой-то пришелъ ему конецъ! Летѣлъ ты изъ Гданска за Дунай, весь свѣтъ поклонялся тебѣ, а упалъ на мазурскихъ пескахъ. Одинъ шагъ оставался тебѣ изъ Варны въ Царьградъ, чтобы развернуть крылья на софійской башнѣ!.. Все погибло! Кому поднять мечъ героя Варны? Кто дастъ изъ-подъ сердца своего столько крови, сколько дали для своихъ ягеллоны, да не для однихъ своихъ, и для чужихъ также? Мо-

гачь, Могачь! ¹⁾ Каждая былина на полях твоихъ красна кровью ягеллонскою!

Потомъ, положивъ руки подъ голову, онъ сталъ глядѣть на кусокъ лазури неба, видѣвшійся изъ-подъ полога колымаги.

«Были у насъ и святые. Грѣшникъ, говорятъ, Сигизмундъ-Августъ; соколы сосали его кровь, кровь, героя Варны, Людовика, Ольбрахта. Да кому же грѣшнить, какъ не послѣдному ягеллону? Вѣдь тамъ, у престола Господа Бога, у него есть свой, который постоитъ за него. Много ли такихъ родовъ на свѣтѣ, которые дали бы и великихъ героевъ, и святыхъ? Ого! какъ вспомню чѣмъ мы были, сердце мое разрывается на части!»

Тамъ-то тащился въ Кнышинъ весь поѣздъ. Нѣсколько миль не доѣзжая до города, король послалъ Боболю узнать, ѣдетъ ли за поѣздомъ тыкоцинскій староста.

— Ёдетъ, отвѣчалъ наемникъ.

— Позови его сюда, къ повозкѣ.

Староста, которымъ былъ, какъ извѣстно, Луза Гурлицкій, человекъ книжный и знавшій письменное дѣло, тотчасъ прискочилъ къ возку.

— Я вѣдь, государь, отвѣчалъ онъ, снимая шапку.

Король посмотрѣлъ на него.

— Брѣньки ли своды въ тыкоцинскомъ замкѣ? спросилъ онъ.

— Брѣньки, государь!

— А что, никто съвозъ нихъ не проберется?

— Никто! Стѣны толстыя, двери желѣзныя.

— Ну хорошо!

Король замолкъ, а староста, осадивъ коня, поѣхалъ тутъ-же подлѣ возка, раздумывая, что бы могли значить государевы рѣчи.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца король былъ уже въ Кнышинѣ, и когда опять угнѣздился тамъ какъ слѣдуетъ, нѣсколько повеселѣлъ.

— Мнѣ лучше въ Кнышинѣ, повторялъ онъ;—я всегда говорилъ, что ягеллонамъ умирать либо на полѣ битвы, либо въ литовскихъ пуцахъ. И онъ велѣлъ настѣжь отворить всѣ окна.

— Дайте мнѣ въ послѣдній разъ подышать воздухомъ. Пусть только широкою струею войдетъ въ грудь мою запахъ сосновыхъ лѣсовъ, и мнѣ сейчасъ будетъ лучше.

Но не къ здоровью шло дѣло, а къ смерти. Гизанка, правда,

¹⁾ Битва съ Турками въ 1526 году, въ которой погибъ Людовикъ ягеллонъ, король венгерскій, и съ нимъ много другихъ ягеллоновъ.

ни на шагъ не отходила отъ него, ухаживая за королемъ, приготовляя ему припарен, но сама, украдкою, проливая горькія слезы.

Такъ прошелъ іюнь мѣсяцъ. Въ первыхъ числахъ іюля король опять призвалъ къ себѣ тыкоцинскаго старосту.

— Гурницкій, вѣренъ ты мнѣ? спросилъ онъ, когда тотъ явился.

Слова эти король произнесъ съ такою тоскою въ голосѣ, что Лука, павъ на колѣни у изголовья королевскаго ложа, расплакался какъ баба и, цѣлуя руки короля, шепталъ:

— Въ огонь и воду готовъ я, государь, прикажи только!

— Протри руку подъ кровать, сказалъ король въ отвѣтъ.

Гурницкій протянулъ и съ трудомъ вытащилъ изъ-подъ кровати дубовую шкатулку, тонкой работы, крѣпко окованную желѣзомъ.

Увидѣвъ шкатулку, король опять заговорилъ:

— Возьми ее и спрячь въ подвалахъ тыкоцинскаго замка. А вотъ тебѣ и ключи, сказалъ онъ, вынувъ изъ-подъ подушки и подавая Гурницкому связку ключей. — Въ шкатулѣ этой, продолжалъ король, — двѣсти тысячъ червонцевъ и на такую же сумму разныхъ драгоценностей. Много, какъ видишь. Два столѣтія копилась эта сумма, еще со временъ Ольгерда и Гедимины. Тамъ есть одинъ рубинъ, вынутый изъ шлема великаго магистра фонъ-Юнгингенъ подъ Грюнвальдомъ... много и другихъ камней, оставшихся отъ Казимира, Александра, отъ моего отца. Я собиралъ ихъ, потому что любилъ эти вещи. Спрячь все какъ слѣдуетъ, Гурницкій, и не отдавай ключей никому, кромѣ королевны Анны. Это ягеллонская собственность, а не Рѣчи Посполитой; пусть у ягеллонки и останется, когда нѣтъ ягеллона. Дай мнѣ слово рыцаря, что не отдашь никому, только королевнѣ.

Гурницкій опять всталъ на колѣни и торжественно произнесъ:

— Даю слово рыцаря, что ни шкатулки, ни ключей отъ нея не дамъ никому, кромѣ королевны Анны, хотя бы головою пришлось мнѣ заплатить за это.

Король съ напряженнымъ вниманіемъ выслушалъ присягу Гурницкаго, не спуская съ него глазъ; потомъ онъ глубоко вздохнулъ, точно бремя спало съ плечъ его, и упавъ на подушки, сказалъ:

— Когда я умру, — а мнѣ кажется, что до этого недолго, — собери всѣ мои книги и, уложивъ ихъ какъ слѣдуетъ, чтобы

они не попортились, потому что ихъ много и цѣна имъ не грошъ, отошли ихъ въ Вильно къ отцамъ-іезуитамъ. Всѣ же мои письма сожги, потому что читать чужія письма и узнавать чужія тайны не годится.

Послѣ этого король вздохнулъ и слабымъ голосомъ прибавилъ:

— Вотъ и все. А теперь сейчасъ поѣзжай въ Тывоцинъ и береги швацулку какъ зеницу ока своего.

Гурницкій поклонился и, отирая рукавомъ слезы, вышелъ. Въ комнатѣ стало тихо. День склонился къ вечеру; солнце заходило за боры и пущи; нѣсколько багровыхъ лучей его ворвались въ комнату короля и медленно скользили по полу. Король долго лежалъ не двигаясь; потомъ вдругъ вскочилъ, поблѣднѣлъ, широко раскрылъ глаза и страшнымъ голосомъ крикнулъ:

— Эй! есть тамъ ктонибудь!

Вбѣжалъ Мнишекъ. Увидѣвъ его, король сдѣлалъ рукою знакъ, чтобы тотъ подошелъ, и тогда вдругъ съ такою силою схватилъ его за руку, что Мнишекъ даже ахнулъ отъ боли; другою же рукою онъ показывалъ на темнѣвшій уголъ комнаты и шепталъ:

— Что, видишь? видишь?

Мнишекъ тревожно осмотрѣлся и сильная охота бѣжать овладѣла имъ, но онъ удержался.

— Нѣтъ, ничего не вижу, государь, сказалъ онъ.

— Какъ ничего?! воскликнулъ король, продолжая смотрѣть въ уголъ, — не видишь Владислава и Витольда? Вонъ! вонъ! гляди!.. Самъ побѣдитель подъ Варною несетъ подъ мышкою свою голову и кровь такъ и сочится изъ нея! А вотъ Казиміръ... о, какой сонмъ, сколько ягеллоновъ! Смотри, какой свѣтъ окружаетъ его голову... это святой! Вотъ отецъ мой, вотъ мать!.. Иду, иду!.. О, Боже! когда-жъ это кончится!.. О, сколько ягеллоновъ! Людовикъ, Ольбрахтъ, Александръ!..

Онъ вдругъ приподнялся, вскочилъ съ постели, и протянувъ впередъ руки, воскликнулъ надорваннымъ отъ слезъ голосомъ:

— Варя! Варя! и упалъ на полъ.

Въ эту минуту распахнулись двери и Варвара Гижанка вбѣжала, крича:

— Я здѣсь! что надо, государь?

Увидѣвъ короля, она остановилась, съ врикомъ припала къ нему и стала его поднимать. Мнишекъ помогъ ей, и короля въ обморокъ снесли въ постель. Съ этого времени со дня на день

ему было все хуже. Въ воскресенье, 6 іюля, пришли въ нему доктора и сказали:

— Государь, пусть ваше величество лучше сведеть свои счеты съ Богомъ. Хотя признаковъ смерти нѣтъ, но порою бываетъ, что послѣ исповѣди и святаго причастія, больнымъ становится гораздо лучше.

Пришелъ и епископъ краковскій; онъ наканунѣ этого дня пріѣхалъ въ вьшшинскій замокъ и говорилъ тоже самое.

Король, выслушавъ все, сказалъ:

— Давно уже слѣдовало предупредить меня, а не тѣшить напрасною надеждою; завтра я исполню все, что слѣдуетъ. Пусть все будетъ готово, всендѣ-епископъ.

Затѣмъ онъ далъ знакъ, чтобы всѣ вышли, и оставшись одинъ, приказалъ служителю призвать Варвару Гижанку. Она пришла, вся заплаканная, и рыдая, сѣла возлѣ королевской постели.

— Не плачь, Варя, не плачь, говорилъ король, — всякій человѣкъ долженъ умереть; не мало я пожилъ на этомъ свѣтѣ.

При этихъ словахъ онъ протянулъ руку подъ подушку и, вынувъ толстую кошну, подалъ ей, говоря:

— Вотъ двадцать тысячъ червонцевъ; возьми, для себя и для дѣтей.

Но Гижанка продолжала плакать; король взялъ ее за голову, поцѣловалъ и просилъ оставить его въ покоѣ, чтобы какъ слѣдуетъ приготовиться къ завтрашней исповѣди.

— Послѣдній разъ во всю жизнь... много взялъ я на себя грѣха, сказалъ онъ.

Слѣдующій день былъ понедѣльникъ; послѣ причастія и миропомазанія король позеленѣлъ и въ груди у него захрипѣло какъ передъ смертью. Всѣ, и сенаторы и придворные, окружили его ложе; а король, кивнувъ епископу краковскому, заговорилъ:

— Тамъ, въ тыкоцинскомъ замкѣ, стоитъ гробъ... Гурницкій дастъ... сухой, дубовый... такой же, какъ для покойной королевы, съ серебряными орлами... туда меня положите. Тамъ мнѣ будетъ удобно, гробъ широкій... Два вѣка лежатся туда со мною... много надо мѣста...

Король замолчалъ, точно отъ утомленія; отдохнувъ, онъ продолжалъ:

— Похороните меня въ Вильнѣ, подлѣ Вари. Мнѣ не на Вавелѣ лежать... Къ чему бы? Литвины мы родомъ, пусть на Литвѣ и ляжемъ... Да и не хорошо было бы мнѣ лежать, не

чувствуя возлѣ себя трупа Варм... не вдыхая воздуха Литвы... не слыша шума ея пущь...

Дальше уже словъ не было слышно; онъ что-то шепталъ, но видно было какъ только шевелились блѣдныя губы. Вдругъ онъ приподнялся, воскликнулъ:

— Рѣчь Посполитая!—и, упавъ на подушки, скончался. Такъ умеръ послѣдній изъ ягеллоновъ ¹⁾.

К О Н Е Ц Ъ .

---

¹⁾ Хотя повѣсть представляетъ довольно вѣрную картину внутренняго состоянія Рѣчи Посполитой, но личность короля въ ней слишкомъ идеализована, не менѣе какъ и любовь его къ первой супругѣ своей, Варварѣ Радзивилловнѣ, вдовѣ Гаштольда.

Это былъ очень умный, хитрый, ловко умѣвшій играть на дурныхъ струнахъ челоуѣческаго сердца; но вътоѣ съ тѣмъ слабохарактерный, легко поддававшійся вліянію магнатовъ монархъ.

Удаливъ вторую жену свою Катерину, онъ открыто предавался распущенной жизни и соколами дѣйствительно сосали кровь его.

Сама Варвара Радзивиллъ пользовалась еще въ дѣвухнахъ, а потомъ, будучи женою Гаштольда, весьма дурною славою, и тайная женатба на ней молодого королевича произвела весьма дурное впечатлѣніе на шляхту и въ значительной степени способствовала охлажденію чувствъ, которыми дворянство питало къ королю. Петръ Гонендаскій въ своей филищкѣ противъ королей является выразителемъ чувствъ значительнаго большинства современнаго ему общества, такъ какъ въ Польшѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали смерти Сигизмунда Августа.

(Смотри «Исторію Польши» Бобжинскаго. Варшава, 1879. г.)

Примѣчаніе переводчика.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТЪ.

(РОМАНЪ ДЖЕМСА ПАЙНА).

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Дезертиры.

Никто въ семьѣ не имѣлъ ни правъ, ни обыкновенія справляться относительно не частныхъ отлучекъ изъ дома дяди Стэфена, и единственная личность иногда просто и наивно обращавшаяся къ нему съ подобными вопросами, была въ эту минуту слишкомъ углублена въ свои собственныя горестныя мысли. Не смотря на то, мистеръ Даргамъ былъ весь день какъ на иглокахъ и сильно опасался малѣйшаго намека относительно его утренней поѣздки. Ему казалось, что онъ читалъ подозрѣнiе въ глазахъ Эми, хотя та, могла лишь догадываться, что поѣздка эта имѣла что-либо общее съ поисками Мэтью, и онъ почувствовалъ большое облегченiе, когда Барло вернулся домой изъ конторы. Конечно, онъ не могъ ждать, не отъ адвоката ни отъ каго-либо иного, дѣйствительной помощи, но онъ хотѣлъ облегчить тяжесть своего собственнаго горя тѣмъ, что раздѣлить его съ другимъ.

Однако до послѣобѣденнаго времени ничего нельзя было сказать, по случаю присутствiя Эми, болѣе чѣмъ когда-либо встревоженной относительно сестры.

— Помимо того, что она по ночамъ совсѣмъ не спитъ, ге-

ворила она, но и днемъ безпокойство и волненіе ея все усиливаются; она молчитъ, но не перестаетъ ходить по своей комнатѣ, за исключеніемъ того времени, когда она пишетъ у своего стола.

— Да что она такое пишетъ? спросилъ мистеръ Бэрло.

— Этого она мнѣ не говоритъ. Когда я съ нею, она перестаетъ писать и даже замыкаетъ на ключъ свое бюро, точно боится, что я буду разузнавать ея секреты; мнѣ иногда случилось видѣть цѣлыя кучи почтовой бумаги, разорванной на ключья и валяющейся на полу.

Это серьезный признакъ, размышлялъ дядя Стэфенъ.

— Боюсь, что да! О, мистеръ Дѣргамъ, я начинаю опасаться за разсудокъ моей бѣдной сестры!

— Не будемъ предполагать такихъ ужасныхъ вещей, Эми; на ея долю выпало уже и безъ того довольно несчастія.

— Да, и хотя я горячо люблю Мэтью, но бываютъ минуты, когда я даже желаю, чтобы поскорѣе подтвердилось извѣстіе о его смерти и вмѣстѣ съ его невиновности. Эта неизвѣстность начинаетъ превышать ея силы.

— Я согласенъ съ тобою, глубоко вздохнулъ дядя Стэфенъ.

— Говорятъ, что время все излечиваетъ, продолжала Эми; — но можетъ ли оно излечить это? Я стараюсь заглянуть въ будущность, когда это несчастіе и для нея нѣсколько утратитъ свою силу; но слѣдъ его останется на многіе годы, хотя у нее есть ребенокъ, для котораго она можетъ жить. Нѣтъ, я все-таки не могу себѣ этого представить, прибавила она; — бѣдная моя Сэбей!

— Все современемъ обойдется, дорогая Эми, увѣщевалъ ее Фрэнкъ, — день утѣшенія, теперь кажушійся намъ столь отдаленнымъ, настанетъ и для насъ. Жизнь сложится въ другія, болѣе тяжелыя условія для Сэбей, но она останется съ нами и, повѣрь мнѣ, понемногу успокоится.

Онъ взялъ ее руку, но она не отвѣчала на его пожатіе.

— Нѣтъ, Фрэнкъ, это невозможно!

Дядя Стэфенъ наблюдалъ за обѣими и вывелъ свои заключенія изъ ихъ взаимнаго обращенія. Мистеръ Бэрло былъ, конечно, весь погруженъ въ свое собственное счастье и лишь прибавлялъ къ этому: «сестра твоя будетъ жить съ нами»; между тѣмъ, какъ Эми казалась и не поминила объ этомъ будущемъ счастьи. И ея жизнь, подобно его жизни вся сосредоточивалась въ другой личности; но эта личность не была ея женихъ.

Мистеръ Дѣргамъ зналъ глубокую преданность Эми къ сестрѣ, зналъ то, что она способна жертвовать собою, и боялся одного, что если опасенія ея, основанныя на слышанномъ сегодня утромъ, дѣйствительно подтвердятся, то еще новое несчастіе грозитъ обрушиться на ихъ семейство.

— Если-бы только представилась возможность снять съ имени Мэтью пятно, лежащее на немъ вслѣдствіе людской несправедливости, тогда я не потеряла бы надежду и за Сэбей, продолжала въ раздумьѣ Эми.

— Но, моя дорогая, увѣщевалъ ее Бэрло, — вѣдь мы же пришли къ тому заключенію, что самый этотъ фавтъ, возбуждивъ ее негодованіе, этимъ уже до нѣкоторой степени умѣрилъ ея отчаяніе и, слѣдовательно, былъ по своему не бесполезенъ.

— Онъ придалъ ей лишь фиктивную силу, Фрэнкъ; но возбуждивъ въ ней ея теперешнее волненіе и безпокойство, онъ грозитъ намъ новою опасностью. Печальная судьба имѣть лишь одну надежду на свѣтѣ, а именно: спасти память любиматаго и потеряннаго для насъ человѣка отъ всеобщаго поношенія.

— А когда исполнится эта надежда, моя голубушка, вознижнуть и другія.

— Можетъ быть, отвѣчала Эми, поднимаясь со стула и собираясь идти наверхъ. — Послѣ того, что случилось здѣсь съ лучшими, достойнѣйшими, все дурное на свѣтѣ кажется возможнымъ; не допустить ли это и относительно только хорошаго.

— Когда дѣла доходятъ до худшаго положенія, какъ онѣ въ настоящее время относительно Сэбей, то, надо полагать, что онѣ поправятся, дорогая Эми.

Она только вздохнула въ отвѣтъ и вышла изъ комнаты.

Оба оставшіеся выразительно переглянулись.

— Такою я никогда еще не видѣлъ Эми, сказалъ мистеръ Бэрло.

— Вы вѣрно еще никогда не испытали, что значить потерять вѣру въ добро? рѣзко обратился къ нему дядя Стѣфенъ.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю. Ночь, конечно, очень темна, но за нею слѣдуетъ заря; вездѣ свой свѣтъ и свои тѣни. Если, напряжѣръ, читаете библію...

— Вотъ если вы ее будете читать, то увидите, перебилъ его дядя Стѣфенъ, — что бываетъ время, когда тучи опять возвращаются послѣ дождя вмѣсто солнца. Я естественнымъ образомъ дошелъ до этого періода, а этихъ бѣднѣшекъ онъ достигъ преждевременно; да поможетъ имъ Богъ!

— Но я скажу все-таки, что когда дѣла дошли до худшаго положенія, то слѣдуетъ ожидать улучшенія.

— Но что вы называете худшимъ положеніемъ? Худшее еще не было достигнуто въ настоящемъ случаѣ. Я былъ сегодня въ Бликстритъ...

— Боже мой! И вы слышали тамъ о Гельстонѣ?

— Вы прежде называли его Мэтью, замѣтилъ дядя Стэфенъ.

— Конечно, а развѣ я сказалъ Гельстонъ?

— Да; и вы сдѣлали это потому, что прочли на моемъ лицѣ: онъ убѣжалъ съ Люси Мортлокъ.

— И съ бриллиантами? проивнесъ въ ужасѣ Берло.

— Первый фактъ, если это фактъ, неизбѣжно вчеть за собою второй.

— Но такъ ли это? Онъ мнѣ кажется невѣроятнымъ.

— Такъ чѣмъ же онъ долженъ казаться мнѣ? говорилъ съ горечью дядя Стэфенъ.— Слушайте и судите сами.

И онъ рассказывалъ ему все, что случилось во время его утренней поѣздки, даже до самыхъ словъ, употребленныхъ объими хозяйками. Онъ не могъ болѣе сомнѣваться относительно отождествленія личности Батта съ Мэтью. Описание его наружности: средняго или даже низкаго роста, плотнаго сложенія, съ короткими каштановыми волосами и въ особенности съ манерами, заставлявшими предполагать, что онъ скрывается—все это подходило къ нему, насколько вообще можетъ подойти описаніе. Всѣ же остальные обстоятельства еще болѣе подтверждали это предположеніе. Первая женщина сказала, что человѣкъ этотъ приходилъ только днемъ, вѣроятно, между часомъ и двумя, когда предполагалось, что Мэтью уходитъ изъ Паулетстрита обѣдать. Затѣмъ, самое число; въ злополунную субботу утромъ онъ посѣтилъ эту дѣвушку, съ намѣреніемъ, какъ она предполагала, или, по крайней мѣрѣ, дѣлая видъ, что предполагаетъ жениться на ней. И «онъ походилъ на человека, — говорила тамошняя служанка, — знающаго, что полиція преслѣдуетъ его».

— Все это ужасно! сказалъ мистеръ Берло послѣ продолжительнаго молчанія.— Однако все это, можетъ быть, одна случайность. Подобныя обстоятельственныя показанія къ то же время и сильнѣйшее, и слабѣйшее доказательство. Вы видѣли своими глазами и слышали своими ушами, слѣдовательно, вы лучшій судья; а между тѣмъ... да скажите, вы конечно были и въ меріи?

— Нѣтъ, женщина не могла мнѣ указать ее. Ей только сказали, что она гдѣ-то по сосѣдству.

— Да оно въ сущности и не представляетъ особенной важности.

— Т. е., вы хотите сказать, что фиктивный бракъ только прибавляетъ одно лишнее преступленіе,—дайте мнѣ стаканъ вина Бэрло.— Да, мы должны и это перенести; но лучше бы мнѣ быть въ могилѣ, такъ какъ я ничѣмъ здѣсь не могу помочь. Тамъ, гдѣ эта женщина, тамъ, несомнѣнно, и онъ... Я забылъ сказать, что достала ее портретъ; вотъ онъ!

И онъ бросилъ его черезъ столъ своему собесѣднику.

Мистеръ Бэрло взялъ портретъ съ чувствомъ отвращенія, точно прикасался къ мертвой змѣѣ, и открылъ его, держа далеко отъ себя.

— И когда подумаешь, сказалъ дядя Стэфенъ, — что это была соперница Сабей!

— Хорошенькое лицо, сказалъ мистеръ Бэрло, нѣсколько смягченный осмотромъ.

— Правда, съ горечью отвѣтилъ старикъ; — я забылъ, что вы молоды. Изъ-за хорошенькаго личика жертвовали имперіями и болѣе того, дружбою, любовью и честью; чему же тутъ удивляться?

— А я все-таки удивляюсь, тихо проговорилъ мистеръ Бэрло.

— Но развѣ вы и теперь считаете Мэтью невиновнымъ?

— Я думаю, что это невозможно. Да, я такъ думаю!

— Мистеръ Бэрло, съ чувствомъ воскликнулъ дядя Стэфенъ, — вы хороший человекъ; у васъ доброе сердце! я былъ несправедливъ къ вамъ! Вы стоите той дѣвушки, которую выбрали, она...

Въ эту минуту открылась дверь и вошла Эми.

Она сейчасъ же замѣтила, что что-то взволновало ихъ обоихъ, и вопросительно смотрѣла отъ одного къ другому. Они молчали.

— Я пришла за виномъ для Сабей, сказала она, и глаза ея, устремясь на столъ, остановились на открытомъ портретѣ.

— Гдѣ нашли вы это? воскликнула она, вся взволнованная. — Онъ, конечно, принадлежитъ Мэтью?

Дядя Стэфенъ утвердительно кивнулъ головою. Онъ дѣйствительно, въ нѣкоторомъ смыслѣ, принадлежалъ ему; а, отвѣтивъ такимъ образомъ на свой собственный вопросъ, она вывела ихъ изъ очень затруднительнаго положенія.

— Ради самого Бога, продолжала она,—не показывайте его Сэбей!

— Почему же? освѣдомился дядя Стэфенъ.

— Потому, что въ настоящую минуту, это бы ее огорчило. Это портретъ одной личности, къ которой, много лѣтъ тому назадъ, Мэтью былъ очень привязанъ. То была юношеская, почти дѣтская любовь и, какъ я слышала, очень неумѣстная.

— А ты ее знала?

— Да; она была дочь лѣтберійскаго мельника. Это очень печальная исторія, только Мэтью здѣсь ни въ чемъ не виновать.

— Я спрячу его у себя, сказалъ мистеръ Бэрло, вкладя портретъ въ карманъ.—При настоящихъ обстоятельствахъ, лучше его не оставлять здѣсь въ домѣ.

— Ты правъ, Фрэнки; оно, вонечно, лучше, говорила Эми;—но только вы должны знать, что дѣло это было хорошо извѣстно Сэбей. Мэтью не былъ бы способенъ что либо скрыть отъ нея и тогда, если-бы дѣло говорило противъ него; но здѣсь ничего подобнаго не было.

Она взяла вино, которое налилъ мистеръ Бэрло, и вышла изъ комнаты болѣе твердою поступью, нежели обыкновенно. Хотя не было сказано ни единого слова противъ Мэтью, но она старалась говорить какъ можно тверже и убѣдительнѣе. Въ ней была какъ-бы маленькая болянь, что они, сами будучи муцинами, могутъ, въ подобномъ случаѣ, подозрѣвать Мэтью.

Лишь только дверь закрылась за нею, дядя Стэфенъ и мистеръ Бэрло многозначительно и горестно переглянулись.

— Тамъ вотъ разгадка всего предъидущаго, сказалъ первый съ отчаяніемъ. — Ваша теорія о случайностяхъ болѣе немислима. Если Люси Мортлокъ нѣчто иная, какъ Фэба Мейсонъ, въ чемъ не можетъ быть болѣе сомнѣнія, то пропала наша послѣдняя надежда. Не такъ ли?

Мистеръ Бэрло только склонилъ голову въ знакъ согласія. Еще одинъ изъ друзей Мэтью покидалъ его сторону. Нѣчто болѣе не вѣрилъ въ его честность, кромѣ двухъ безпомощныхъ женщинъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Миледи и Сэбей.

— Эми, дорогая моя, сказала Сэбей на другое утро послѣ поѣздки дяди Стэфена въ Блумсбери:—сегодня утромъ будетъ у насъ леди Перджитеръ.

— Леди Перджитеръ? у насъ? повторила Эми голосомъ, въ которомъ звучало и изумленіе, и отвращеніе.

— Да; я писала ей про Мэтью. Что касается мыслей всѣхъ другихъ, всего остальнаго міра, если они думаютъ дурно о моемъ бѣдномъ мужѣ, то это дѣло ихъ собственной совѣсти. Богъ рассудитъ немилосердныхъ и жестокихъ; но эту женщину кто-то обокралъ.

— Мистеръ Сайнэтъ этого не думаетъ, замѣтила Эми.

— Можетъ быть; по крайней мѣрѣ, онъ такъ говоритъ; но дядя Стэфенъ и Фрэнкъ предполагаютъ, что онъ ошибается; и всѣ мы того же мнѣнія. Какая же женщина могла бы быть столь испорчена и бессердечна, чтобы самой украсть эти брилліанты и затѣмъ свалить вину на невиннаго. Нѣтъ, она дѣйствительно предполагаетъ здѣсь вину, а это для меня невыносимо. Увидь она только меня, услышь меня,—жену, защищающую своего бѣднаго мужа, она бы убѣдилась въ его безупречности.

Эми покачала головою.

— Нѣтъ, Сэбей, она именно потому и не повѣритъ тебѣ, что ты жена Мэтью. Что ты писала ей?

— Я писала ей то, что можетъ писать одна женщина другой, одна жена другой; я умоляла ее именемъ Бога и милосердія не чернить памяти Мэтью несправедливыми подозрѣніями. Я сказала также, что мнѣ известно обвиненіе, взводимое противъ нея нѣкоторыми личностями, но что я не считаю ее виновною.

— Ты написала ей это? воскликнула Эми.

— Да; что-жъ въ томъ? Если она склонна подозрѣвать другихъ, отчего же и я не могу сдѣлать того же? Развѣ ея пропавшіе брилліанты ей дороже, нежели мнѣ мой Мэтью?

— Я не о томъ думаю, Сэбей: я боюсь, что подобныя увѣренія могутъ повредить нашимъ друзьямъ. Вѣдь мистеръ Сайнэтъ показалъ себя нашимъ другомъ.

— Да, ты права; но я все-таки не вижу, какимъ образомъ

мое письмо могло бы помѣшать дѣйствіямъ мистера Сайнэта? Напротивъ того, если мнѣ удастся убѣдить леди Перджитеръ въ справедливости моихъ словъ, это будетъ ему даже полезно.

— Но все-таки, дорогая моя, я сожалею, что ты написала, не посоветовавшись предварительно съ дядею Стэфеномъ и съ Фрэнкомъ.

— Этого и я сама жалею; они вполнѣ заслужили мое довѣріе, и ты, ты болѣе всѣхъ, дорогая моя Эми!..

Здѣсь голосъ ея оборвался.

Что говорить обо мнѣ, Сэбей; мой совѣтъ, въ подобномъ случаѣ, не представляетъ никакой важности.

— Нѣтъ, нѣтъ, наоборотъ; онъ былъ бы для меня безцѣненъ! Меня поддерживаетъ твоя твердость, твоя любовь, твоя вѣра въ Матью. Но въ этомъ дѣлѣ я чувствовала, что могла бы совѣтоваться только съ однимъ, который, духомъ, теперь со мною. Прости же мнѣ, дорогая!

— Мнѣ нечего прощать тебѣ, милая Сэбей; я боюсь только одного, чтобы ты не пожалѣла о свиданіи, которое назначила этой женщинѣ. Ну а она какъ отвѣтила тебѣ?

— Вотъ!—Она передала Эми записку.— «Леди Перджитеръ будетъ въ Кэвендиш-гровъ завтра утромъ въ 11 часовъ».

— И ты хочешь видѣться съ нею наединѣ?

— Если это тебѣ все равно и если ты не сочтешь это за недостатокъ довѣрія съ моей стороны, я лучше бы хотѣла видѣться съ нею наединѣ.

— О, конечно, конечно, моя голубушка! согласилась Эми.

Ей казалось весьма естественнымъ то, что Сэбей желала переговорить съ леди Перджитеръ безъ свидѣтелей. Сама она этимъ была даже довольна; она втайнѣ опасалась, что эта женщина, о которой она слышала только дурное, способна высказать Сэбей такія вещи, которыя ей будетъ еще тяжелѣе выслушать въ присутствіи другихъ.

Въ одиннадцать часовъ, на углу маленькаго полукруга показалась карета леди Перджитеръ. Ея широкія разукрашенные козлы, казалось, достигали сосѣднихъ домовъ, а высокій вывздной лакей съ невыразимымъ презрѣніемъ взиралъ на все окружающее, пока, наконецъ, не дернулъ за звонокъ № 13-го съ такою энергіею, что запыхавшаяся служанка ждала, что сейчасъ-сейчасъ обрушится весь домъ.

Величественнымъ, хотя и возбужденнымъ шагомъ, подобно погребальной клячѣ, долге простоявшей въ вагонѣ желѣзной

дороги, леди Перджитеръ вышла изъ кареты и вступила въ гостиную.

Сэбей приняла ее вѣжливо, но съ спокойнымъ достоинствомъ, и предложила ей сѣсть.

— Я лучше постою, сказала леди Перджитеръ.

Голосъ ея былъ рѣзокъ, обращеніе сурово, почти до звѣрства. Она походила на коршуна, влетѣвшаго въ голубиное гнѣздо. Но Сэбей дрожала не отъ страха.

— Я получила ваше письмо, миссисъ Гельстонъ, въ которомъ вы настолько добры, что снимаете съ меня обвиненіе въ ограбленіи и убійствѣ вашего мужа.

— Вы ошибаетесь, леди Перджитеръ, я выразилась не такъ; я только не соглашалась съ тѣми, кто обвинялъ васъ въ этомъ дѣлѣ.

Если леди Перджитеръ и почувствовала какую-либо благодарность за произнесенныя слова, она хорошо сумѣла скрыть это; за то она не старалась скрывать своей ноги, замѣчательно большой и съ нетерпѣніемъ стучавшей по полу.

— Что же дальше, сударыня?

— Я хотѣла васъ убѣдить въ томъ, леди Перджитеръ, что всѣ подозрѣнія, которыя вы можете питать противъ моего мужа, лишены всякаго основанія и несравненно болѣе жестоки, нежели обвиненія противъ васъ самой, такъ какъ онъ не можетъ защищаться; боюсь, что его уже нѣтъ въ живыхъ.

— А мои бриліанты? произнесла она рѣзкимъ, вызывающимъ голосомъ.

— По поводу ихъ я вамъ и писала, продолжала Сэбей. — Вы единственная особа, которая имѣетъ не право, такъ какъ права и вы не имѣете, а нѣкоторое извиненіе подозрѣвать моего мужа. Вы понесли большую потерю—хотя сравнительно съ моею она совсѣмъ ничтожна—повидимому черезъ него; вотъ почему я желала выравить вамъ свое глубокое сожалѣніе. Но прежде всего я желала убѣдить васъ въ невинности Мэтью, леди Перджитеръ, продолжала она, вся взволнованная. — Клянусь вамъ, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, болѣе безупречнаго, нежели Мэтью Гельстонъ! Я не говорю какъ жена его; то же говорятъ всѣ, кто зналъ его. Если во всей его прошлой жизни отыщется хоть единое пятно, тогда думайте что хотите. Но онъ совершенно чистъ. Онъ могъ повредить себѣ самому, такъ какъ въ послѣднее время онъ сомнѣвался въ своихъ способностяхъ, но онъ неспособенъ вредить другимъ. Онъ былъ всегда олицетворенною справедливостью и честью; сомнѣваться въ немъ, да это

все равно, что сомнѣваться вотъ въ этомъ сіяющемъ солнцѣ, въ этомъ голубомъ небѣ, въ милосердіи Божиємъ, создавшемъ все это! Тяжело перенести горечь смерти, леди Перджитеръ; но еще тяжелѣе—горечь позора. Я перенесла бы свой собственный позоръ; я сдумала бы страдать невинно; но его, его... о, пощадите меня! я буду молиться за васъ, я буду работать для васъ, служить вамъ, все, что вы хотите, только повѣрьте, что мой Мэтью невиненъ!.. Ваше сердце тронуту; я вижу это по вашему лицу... вашъ добрый ангелъ проснулся въ васъ... о, утѣшите меня только однимъ словомъ, однимъ, однимъ!

Перемена дѣйствительно произошла въ лицѣ леди Перджитеръ и перемена къ лучшему. Выраженіе оставалось то же жестокое, но ярость въ глазахъ нѣсколько потухла; только то, что Сэбей приняла за состраданіе, было презрѣніемъ.

— Право ужъ не знаю, моя милая, что во мнѣ заговорило, добрый ли мой ангелъ, или моя собственная глупость; но только я теперь другаго мнѣнія о васъ, чѣмъ была нѣсколько минутъ тому назадъ. Я тогда думала, что вы низкая обманщица и мошенница; я думала, что вы хотите вымолить у меня прощеніе вору, обокравшему меня; что вы надѣялись тронуть меня вашими слезами и мольбами о бѣдности, какъ это дѣлаетъ вся, подобная вамъ, сволочь, и упросить меня быть милостивѣе съ этимъ негодяемъ. Теперь же я вижу, что вы просто дурочка, и если у васъ есть хоть на грошъ разсудка, то слушайте. Вы предлагаете мнѣ сдѣлать то, чего и я желаю. И такъ, выдайте мнѣ этого Сайнэта. Скажите мнѣ про него что-либо, къ чему можетъ прицѣпиться законъ, сообщите объ его заговорѣ, соучастіи, что бы тамъ ни было, лишь бы удалось погубить его, и тогда, я вамъ вянусь, я не стану преслѣдовать вашего мужа изъ-за брилліантовъ.

Сэбей провела рукою по лбу.

— Я васъ не понимаю, шептала она;—я вѣрно не слышала.

— Я, кажется, достаточно ясно выразалась. Конечно, когда замѣшаны два мерзавца, то очень трудно наказать одного и пощадить другаго; но мнѣ говорили, что въ данномъ случаѣ это возможно. Руководящею силою тутъ былъ этотъ Сайнэтъ онъ былъ хозяиномъ вашего Мэтью, какъ вы его называете, и потому болѣе виновенъ. Какъ истецъ, я въ подобномъ случаѣ могу ходатайствовать у суда снисхожденія. То, что вы бѣдны, и что, какъ я вижу, у васъ есть ребенокъ (ребенокъ лежалъ въ люлькѣ, поставленной тамъ вѣроятно съ намѣреніемъ тро-

нута сердце почительницы), все это будетъ говорить въ его пользу. Во всякомъ случаѣ онъ отдѣляется легкимъ наказаніемъ. Между тѣмъ какъ Сайнэтъ—приэтомъ леди Перджитеръ заскрежетала зубами и затрясла стиснутыми кулаками, точно каждымъ изъ нихъ она сжимала шею призрачнаго ювелира,—получить должное возмездіе.

— Легкое наказаніе! И для Мэтью? Вы съ ума сошли! воскликнула Сэбей.—Я же говорю вамъ, что онъ невиненъ, какъ этотъ ребенокъ.

— Правда, я и забыла. Но разъ навсегда говорю я вамъ, бѣдная дурочка, что онъ виновенъ; мнѣ еще сегодня утромъ представили въ этомъ доказательство.

— Доказательство въ виновности Мэтью?

— Да, и неоспоримое.

— Вы лжете! воскликнула Сэбей. Она вся выпрямилась, и хотя въ ту минуту она походила на ландышъ, выросшій рядомъ съ старою крапивою, но глаза ея гордо сверкали и отвѣчали презрѣніемъ на презрѣніе.

На минуту безжалостный воршунъ сробѣлъ передъ этою голубкою, защищавшею своего друга. Затѣмъ она медленно проговорила:

— Такъ все это была одна комедія? Какъ я вижу, вы ни въ чемъ не уступите другимъ, себѣ подобнымъ. Я больше ничего не хочу слышать, сударыня; меня дважды не проведешь! Я же прибавлю лишь одно: недѣлю тому назадъ этотъ самый Сайнэтъ, союзникъ вашего мужа и вапшъ, какъ я теперь ясно вижу, пришелъ въ мой домъ и, прибѣгая къ тѣмъ же орудіямъ, къ которымъ сейчасъ прибѣгали вы, только болѣе острымъ, оскорблялъ и поносилъ меня. Я объявила ему, что на другой же день сдѣлаю вещь, которая заставитъ его дрожать отъ страха. Но мнѣ посоветовали не дѣлать пока подобнаго шага; имѣй я доказательство въ рукахъ, я бы это сдѣлала немедленно. Но больше я не отложу и завтра же, завтра!.. А этотъ ребенокъ современемъ проклянетъ свою мать за то, что она отвергла мой совѣтъ—единственную и послѣднюю возможность, которая ей предлагалась, чтобы спасти его отца отъ смерти или каторги.

— Прочь отсюда, отвратительная женщина! иди и дѣлай свое злостное дѣло! воскликнула Сэбей, указывая ей на дверь.— Стоя тамъ, гдѣ стоялъ такъ часто онъ, ты совершаешь святотатство; я не хочу дышать однимъ воздухомъ съ тобою, ты заражаешь его! Иди и молись о томъ, чтобы Богъ смягчилъ твое безчеловѣчное сердце. Иди! иди!

Она говорила съ такимъ презрительнымъ негодованіемъ, что даже леди Перджитеръ невольно съежилась отъ ея словъ и быстро вышла. Лишь выйдя за дверь, гдѣ холодная струя воздуха охватила ее, она вспомнила, что она жена баронета, обладательница 30,000 годового дохода, и что никто не имѣетъ права безнаказанно оскорблять ее.

Усѣвшись въ свою помѣстительную карету, она припомнила всю предыдущую сцену и вся запылала негодованіемъ, злобою, ненавистью и невыразимою жаждою мщенія.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

«Эми, я не могу этого написать».

Дядя Стэфенъ и Эми сидѣли вдвоемъ въ столовой, пока леди Перджитеръ находилась съ Сэбей въ сосѣдней комнатѣ. Онъ принялъ сообщеніе о посѣщеніи первой почти равнодушно, чего Эми не умѣла даже себѣ объяснить. Можетъ быть, это было обычною принадлежностью старости; но въ такомъ случаѣ, какъ могла она такъ вдругъ проявиться. Она начала съ того, что извинилась за сестру; она сожалѣла нѣсколько небдуманый и важный шагъ ея, который та сдѣлала, не посоветовавшись съ остальными членами семейства и въ особенности же съ нимъ, всегда такъ горячо принимавшимъ къ сердцу всѣ ея интересы. Но вѣдь бѣдной, злосчастной Сэбей можно было простить, ради ея великаго горя и того глубокаго довѣрія, которое она всегда питала къ мистеру Даргаму.

— Бѣдняжка, бѣдняжка! вздыхалъ дядя Стэфенъ.

— Что касается меня, продолжала Эми,—то я не ожидаю ничего хорошаго отъ подобнаго свиданія. Сэбей надѣется убѣдить леди Перджитеръ въ томъ, что намъ такъ хорошо извѣстно — въ неспособности Мэтью на несправедливость, а тѣмъ менѣе на преступленіе.

Дядя Стэфенъ медленно склонилъ свою сѣдую голову. Этотъ жестъ показался страннымъ Эми.

«Конечно, онъ имъ хотѣлъ выразить согласіе, думала она,—или же это простой знакъ того, что онъ слушаетъ мои слова».

— Бѣдная Сэбей старалась увѣрить себя, что не обращаетъ вниманія на людскіе толки и мѣннія; но, къ сожалѣнію, это

далеко не такъ, мистеръ Дэргамъ. Все, говорившееся противъ Мэтью, поражало прямо ее; но главное зло, главный ядъ лежитъ несомнѣнно въ словахъ, сказанныхъ противъ него лэди Перджитеръ, такъ какъ эта женщина считала себя вправѣ ихъ высказать.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія! машинально повторялъ дядя Стэфенъ.

— Если-бы Сэбей могла ее убѣдить, то это, конечно, было бы большимъ утѣшеніемъ; но по всему тому, что мы знаемъ о лэди Перджитеръ, относительно этого мало надежды, и я къ тому же очень боюсь, чтобы она не оскорбила Сэбей.

— Последнее болѣе чѣмъ вѣроятно, моя милая Эми.

Дядя Стэфенъ не часто употреблялъ ласкательныя слова, хотя обращеніе его съ обѣими сестрами было всегда одинаково, добро и ласково, когда же онъ это дѣлалъ, то обыкновенно вслѣдствіе особаго сочувствія или сожалѣнія. Горе не пощадило никого въ этомъ маленькомъ кружкѣ, но до сихъ поръ онъ выказывалъ особенное участіе главной страдальцѣ — Сэбей.

— Меня тревожитъ еще одно обстоятельство, мистеръ Дэргамъ; я боюсь, чтобы мистеръ Сайнэтъ не обидѣлся на поступокъ моей сестры. Правда, что Фрэнкъ очень не расположенъ къ нему; но каковы ни были его цѣли и причины, руководившія имъ, мы не можемъ не сознаться, что относительно Мэтью онъ поступалъ очень честно, вслѣдствіе чего мы обязаны быть ему благодарны. Не слѣдуетъ-ли ему сообщить о случившемся?

— Это не можетъ повредить дѣлу, сказалъ дядя Стэфенъ. Отчаяніе, звучавшее въ его голосѣ, поразило Эми.

— Скажите, мистеръ Дэргамъ, не случилось-ли что либо сегодня утромъ? Нѣтъ-ли дурныхъ вѣстей? О, прошу васъ, будьте со мною откровенны!

— Нѣтъ, милая, новаго ничего не случилось... Такъ ты говоришь о мистерѣ Сайнэтѣ?

— Да, я думаю, что слѣдовало бы написать мистеру Сайнэту и объяснить ему причину этого свиданія. Не возьмете-ли вы этого на себя?

Вся вспыхнувъ и нервнѣйшимъ голосомъ произнесла она эту просьбу, а дѣлала она это вслѣдствіе нежеланія Фрэнка продолженія ея сношеній съ ювелиромъ.

— Что-же написать ему? разсѣянно и какъ бы нехотя спросилъ старикъ.

— Да слѣдовало-бы объяснить, до какой степени бѣдная Сэбей все думала и думала о своемъ горѣ; какъ наконецъ,

всякая надежда заглохла въ ней и явилось одно страстное желаніе возстановить его доброе имя. Единственно это могло заставить ее, не посоветовавшись съ мистеромъ Сайнэтомъ, написать леди Перджитеръ. Что планъ ея не удастся, въ этомъ я почти увѣрена, и тогда вы напишете и объ этомъ. Что вы, я и всѣ мы глубоко проникнуты самою искреннею вѣрою въ честность Мэтью, ему уже извѣстно; но и это не мѣшало бы прибавить. Личности, подобной мистеру Сайнэту, подверженной всевозможнымъ стороннимъ вліяніямъ, необходимо достаточно часто повторять подобное убѣжденіе, хотя намъ это и кажется не нужнымъ.

Она говорила такимъ серьезнымъ, поучительнымъ тономъ, что, при иныхъ обстоятельствахъ, дядя Стефенъ отъ души бы посмѣялся надъ нею; но въ настоящую минуту онъ могъ чувствовать лишь горе и сожалѣніе.

— Я до сихъ поръ не имѣлъ сношеній съ мистеромъ Сайнэтомъ, отвѣчалъ онъ опустивъ глаза, — и, по правдѣ сказать, не хотѣлъ бы писать подобнаго письма. Другое дѣло, если-бы это могло принести пользу; но это бесполезно.

— Вы вообще не желаете писать мистеру Сайнэту, или же не желаете писать подобнаго письма?

— Я не считаю вообще нужнымъ писать ему, дорогая Эми, въ настоящемъ случаѣ.

— Но это не совсѣмъ отвѣтъ на мой вопросъ, дорогой мистеръ Дѣргамъ. Припомните, что вы ни разу не видѣли мистера Сайнэта со времени нашего несчастія. Всѣ увѣренія относительно Мэтью онъ слышалъ только отъ Себей и отъ меня; но, вы, котораго онъ такъ глубоко уважаетъ, если напишете нѣсколько строкъ...

— Эми, я не могу этого написать, внезапно перебилъ онъ ее, — не проси меня больше объ этомъ и не спрашивай, почему я отказываюсь.

— Въ этомъ нѣтъ надобности, мистеръ Дѣргамъ, спокойно отвѣтила она; — я прочла это на вашемъ лицѣ уже вчера вечеромъ и читаю это на немъ и сегодня. Вы потеряли вѣру въ честность вашего племянника, но почему, скажите? Это невѣроятно.

— Мнѣ самому это кажется невѣроятнымъ, Эми, произнесъ старикъ дрожащимъ голосомъ, — но ты слишкомъ далеко зашла. Я не говорю, чтобы я не вѣрилъ; я только не чувствую того полного, глубокаго убѣжденія, которое одно даетъ право утверждать свою вѣру передъ другими.

Эми горько улыбулась.

— Понимаю, сказала она, — бѣдный, бѣдный Мэтью!

Нѣсколько минутъ они оба молчали. Мистеръ Дѣргамъ стоялъ у окна и съ нервнымъ движеніемъ поглаживалъ свою бороду, стараясь избѣгать укоризненнаго взгляда Эми.

— Я думала, медленно произнесла она, — что чтобы ни думалъ весь остальной міръ, мы, знающіе его, никогда не измѣнимъ ему. Сомнѣваться въ томъ, что невинность Мэтью обнаружится и восторжествуетъ, да это было бы сомнѣваться въ самомъ Провидѣніи, сомнѣваться въ справедливости Того, по образу Котораго онъ сотворенъ. Тотъ былъ старше васъ, сэръ, Который сказалъ намъ, что Богъ никогда не оставитъ праведника.

— Но жизненная опытность моя обширнѣе Его, спокойно отвѣтилъ старикъ. — Ты же, Эми, слишкомъ умная женщина, чтобы бороться противъ фактовъ подобнымъ оружіемъ. Нельзя обобщать частныхъ; намъ говорятъ, наприимѣръ, что жизнью дорожать, а между тѣмъ, Богу извѣстно, всегда ли это такъ. Одинъ изъ твоихъ любимыхъ поэтовъ сказалъ: «Никогда не приходило днѣ, чтобы не разбилось чье-нибудь сердце». А развѣ люди съ разбитымъ сердцемъ дорожатъ жизнью? Нѣтъ, Эми, и въ этой жизни, и въ будущей, жизнь имъ опротивѣла. Спроси сестру свою.

— Нѣтъ, мистеръ Дѣргамъ; вѣра не измѣнила ей, какъ вамъ; а будь оно и такъ, у нея остается любовь. Она же никогда ей не измѣнитъ, и если я не ошибаюсь въ себѣ, то она и мнѣ не измѣнитъ.

— Любовь слѣпа, мрачно проговорилъ старикъ.

— Не подобная любовь, сказала Эми, — которой предшествуетъ уваженіе. Я любила Мэтью по той именно причинѣ, по которой я не въ состояніи теперь приписать ему чего-либо дурнаго. Нѣтъ человѣка въ мірѣ, — если онъ еще въ этомъ мірѣ, — котораго бы я почитала и уважала больше его. Я не считаю заслугою то, что осталась вѣрна ему, когда весь свѣтъ возсталъ противъ него. Многіе оставались преданы недостойнымъ королямъ, когда тѣхъ постигало несчастіе, неужели мнѣ предать достойнаго.

— Предать, жестокое слово Эми, если ты говоришь обо мнѣ, грустно проговорилъ мистеръ Дѣргамъ. — Вѣдь ты жалѣешь тѣхъ, кто хотѣлъ бы вѣрить, да не можетъ; тоже и со мною. Что же касается любви, то я однажды зналъ человѣка, брошеннаго въ тюрьму за преступленіе, въ которомъ его обвинили. Одинъ другъ пришелъ къ нему и сказалъ: «Я вѣрю въ

твою невинность и постою за тебя». Другой же сказалъ: «я не увѣренъ въ твоей невинности, но во всякомъ случаѣ я буду стоять за тебя». Послѣдній, Эми, не былъ предателемъ.

— Понимаю, мистеръ Доргамъ, и да проститъ вамъ Богъ ваше недовѣріе къ Мэтью, какъ проститъ онъ вамъ самъ, если еще живъ и узнаетъ объ этомъ. Кажется лэди Перджитеръ уже уходитъ; я пойду къ Сэбей, а васъ прошу, общайте мнѣ, никогда ей не говорить о томъ, что вы потеряли вѣру въ Мэтью, съ горечью прибавила она.

— Я это знаю; это значило бы потерять ея любовь.

— Да, холодно отвѣчала Эми, направляясь къ двери, — это бы ее убило.

«Боже мой! что я сдѣлалъ? размышлялъ дядя Стэфенъ, инстинктивно прислушиваясь къ шуму запиравшейся входной двери и къ стуку удалявшагося экипажа. — Ясно, что эта бѣдняжка презираетъ меня за правду или за половину правды, которую я ей высказалъ. Было бы большое искушеніе высказать ей все; я такъ дорожу ея хорошимъ мнѣніемъ; но, благодаря Бога, я сумѣлъ устоять. Нѣтъ, я не хочу разбивать ея сердца; пусть лучше она сердится на меня. Однако, со временемъ все станетъ извѣстно. «Предатель» сказала она, также какъ говорятъ «невѣрующій», когда человекъ остается вѣренъ своему разуму. Какъ эти женщины неправдивы; а между тѣмъ какъ любятъ ихъ и какъ онѣ, въ свою очередь, насъ любятъ! А Богъ, говорятъ, любить насъ всѣхъ,» прибавилъ онъ, въ раздумьѣ стуча пальцами по столу.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Объявленіе.

Дядя Стэфенъ ждалъ не безъ нетерпѣнія вечера и возвращенія изъ Сити мистера Бэрло, теперь обыкновенно обѣдавшего съ ними втроемъ. Было и странно и грустно садиться за столъ безъ хозяина и хозяйки (такъ какъ дядя Стэфенъ всегда считалъ тебя гостемъ); но сегодня старикъ не могъ бы помириться съ мыслью обѣдать вдвоемъ съ Эми. Послѣ ихъ разговора она ушла къ сестрѣ и все время оставалась съ нею. Прежде иногда она приходила поговорить съ нимъ до обѣда, и онъ боялся, чтобы

она этого не сдѣлала сегодня. Себя, конечно, онъ не могъ ни въ чемъ упрекнуть, но онъ зналъ, какъ горько она упрекала его; въ тому же ему хотѣлось раньше поговорить наединѣ съ мистеромъ Бэрло. Мнѣніе его относительно молодого адвоката очень измѣнилось за послѣднее время, и измѣнилось въ лучшему. На него благоприятно подѣйствовала та твердость, съ которою адвокатъ боролся противъ доказательствъ виновности Мэтью, ему самому казавшихся неотразимыми; теперь же, когда тотъ долженъ былъ сдаться, въ виду отождествленія Бэтта съ Гельстономъ, тайна эта связывала ихъ можетъ быть болѣе, чѣмъ это случилось бы при какихъ либо иныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, услышавъ звонокъ Бэрло нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, онъ самъ побѣжалъ въ переднюю и впустилъ — мистера Сайнэта.

— Очень радъ васъ видѣть, дорогой сэръ, проговорилъ ювелиръ тихимъ и взволнованнымъ голосомъ;—я принесъ съ собою извѣстіе, которое желалъ бы передать сперва вамъ одному. Ну, а какъ здоровье дамъ?

— Онѣ тамъ, наверху. Пойдите сюда! И онъ тихонько повелъ его въ курильню.—У васъ, конечно, дурныя вѣсти?

— Зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на вещи; быть можетъ не совсѣмъ. Это просто объявленіе войны; врагъ сдѣлалъ первый выстрѣлъ.

— Врагъ? Какой врагъ?

— Конечно, лэди Перджитеръ. Она уже грозила это сдѣлать недѣлю тому назадъ, однако одумалась. Теперь, вѣроятно, что либо случилось.

— Она сегодня была здѣсь, замѣтилъ мистеръ Дѣргамъ.

— Здѣсь? Въ Кэвендишгровъ? Быть не можетъ!

— Да, и вслѣдствіе письма, которое ей писала миссисъ Гельстонъ. Послѣдняя можетъ быть поступила неблагоразумно, но она дѣлала это съ добрымъ намѣреніемъ. Слѣдуетъ отнестись со всевозможнымъ снисхожденіемъ къ женщинѣ, поставленной въ такое исключительное и прискорбное положеніе. Цѣлью ея было убѣдить лэди Перджитеръ въ невинности Мэтью. Не знаю, каковъ былъ результатъ, но не сомнѣваюсь въ томъ, что она потерпѣла неудачу. Лэди Перджитеръ, насколько мнѣ извѣстно, не изъ тѣхъ, которыхъ легко тронуть.

— Тронуть? Попробуйте-ка! Говорятъ, что въ срединѣ каждаго брилліанта есть слеза, хотя я никогда не находилъ ея, и потому, можетъ быть и въ этой женщинѣ, столь немилосердной и жестокой, есть также что либо подобное. Только наврядъ-ли слезу эту

выжмешь состраданіемъ. Вотъ если ей наступишь на мозоли, а у нея навѣрное ихъ есть не мало...

— Но ваши извѣстія? нетерпѣливо воскликнулъ мистеръ Даргамъ.

— Вотъ онѣ, и теперь это уже всеобщее достояніе. При этомъ, онѣ развернулъ громадное объявленіе, напечатанное краснымъ шрифтомъ.

«Пятьсотъ фунтовъ награды! Мэтью Гельстонъ, агентъ мистера Сайнэта, ювелира, бѣжалъ въ субботу утромъ 12 числа настоящаго мѣсяца изъ Мурстрита съ брилліантовыми украшеніями очень высокой цѣнности, описаніе которыхъ при семъ прилагается; вышеозначенная награда будетъ заплачена за его арестованіе».

«Чарльсъ Перджитеръ».

Конечно, мистеръ Даргамъ зналъ, что дѣло рано или поздно дойдетъ до этого; но ударъ былъ все-таки ужасенъ. Его племянника клеймили именемъ вера, выставляли это обвиненіе, написанное огромными красными буквами, вездѣ на стѣнахъ, и самый фактъ преступленія Мэтью съ невыразимою отчетливостью всталъ вдругъ передъ нимъ. Онѣ отпрянулъ назадъ и съ негодованіемъ ударилъ своею ослабѣвшею рукою по стулу, что казалось весьма понятнымъ мистеру Сайнэту.

— Вашъ гнѣвъ нисколько не удивляетъ меня, мистеръ Даргамъ, сказалъ онѣ. — Проклятая дерзость! Я и въ своемъ почтовомъ ящикѣ нашелъ это объявленіе, положенное туда несомнѣнно по ея приказанію. «Убѣжалъ съ ея брилліантами, вотъ какъ! А гдѣ у васъ росписка Гельстона, хотѣлось бы мнѣ знать?..» Да по меньшей мѣрѣ она сама подѣ такимъ же подозрѣніемъ. Я только удивляюсь тому, какъ ея мужъ, который котя и игрокъ и мотъ, но все-таки человѣкъ порядочный, рѣшился подписать подобный документъ. Единственная вещь, меня очень печальная во всемъ этомъ дѣлѣ, конечно, за исключеніемъ вашихъ дамъ, это то, что сэръ Чарльсъ замѣшался въ него. Онѣ, вѣроятно, нашелъ причину измѣнить своему взгляду; добудь она его одобреніе раньше, она бы не заставила себя ждать. Они, вѣрно, добрались до чего нибудь, вѣрьте моему слову. И мистеръ Сайнэтъ наморщился и въ волненіи началъ кусать ногти.

— Вы хотите сказать, что они добрались до какаго либо новаго доказательства? произнесъ дядя Стефенъ, у котораго чувство отвращенія къ собесѣднику только нѣсколько уступало чувству отчаянія и стыда.

— Да, надо полагать, что кое-что открылось; ничего важ-

наго и рѣшительнаго, какъ это намъ извѣстно, но могущее казаться имъ таковымъ, относительно виновности Гельстона. Надо будетъ посовѣтоваться съ Брейлемъ, раньше чѣмъ отвѣчать на ихъ огонь.

— А какимъ образомъ предполагаете вы отвѣчать?

— Да придется прибѣгнуть къ тому же оружію. Я предложу награду за отысканіе Мэтью Гельстона, котораго видѣли въ послѣдній разъ, замѣтите это, въ Мурстритъ № 10, вечеромъ 12 декабря, и повидимому похитили. Мы выведемъ это тонко, но однако такъ, что суть будетъ очень ясна; можетъ быть прибавимъ: «несправедливо обвиняемаго въ сообщничествѣ при кражѣ брилліантовъ». Она пойметъ въ чемъ дѣло! И мистеръ Сайнэтъ съ наслажденіемъ потерь руки.

— А между тѣмъ говорить, что всѣ мы отъ одной плоти и крови, что всѣ мы братья! прошепталъ старикъ.

Замѣчаніе это, хотя не предназначавшееся для ювелира, не ускользнуло отъ его тонкаго слуха.

— Извините меня, дорогой сэръ! но повѣрьте, лэди Перджитеръ не плоть и кровь, а одинъ гранитъ, и трудно, даже невозможно расколоть его; вся наша надежда заключается въ возможности нѣсколько ее поцарапать. Затѣмъ онъ вдругъ измѣнилъ тонъ и сказалъ съ глубокимъ уваженіемъ:—Я предполагаю, что мнѣ позволено будетъ видѣться съ миссъ Барло на нѣсколько минутъ? Я обѣщала ей акуратно сообщать все, что случится касательно этого несчастнаго событія.

— И вы собираетесь показать ей это? освѣдомился мистеръ Даргамъ, указывая на злобное объявленіе.

— Не лучше ли будетъ, если покажетъ ей это хорошій другъ, чѣмъ если она впервые прочтетъ его гдѣ-либо на углу улицы, или услышитъ какъ выкрикиваетъ его мальчишка, разносящій новостей? А рано или поздно это неуремѣнно случится.

— Пожалуй что такъ, вздыхалъ дядя Стефенъ, самъ едва зная, что говорилъ. Онъ мысленно погрузился въ темное будущее, когда эти бѣдныя женщины не только узнаютъ все говорящееся объ ихъ идолѣ, но должны будутъ, помимо своей воли, покориться общему мнѣнію.—Бѣды въ томъ пѣтъ, если вы скажете о случившемся миссъ Барло; но прошу васъ, ни полслова объ этомъ миссисъ Гельстонъ.

— Очень вамъ благодаренъ за предостереженіе, сказалъ ювелиръ, такъ какъ иначе замѣчаніе это могло бы прорваться случайно.—И такъ, съ вашего позволенія, я пойду наверхъ.

— Горничная доложитъ миссъ Барло о вашемъ присутствіи,

сказалъ холодно мистеръ Даргамъ. — Мэри, проводите этого господина въ гостинную.

Самъ онъ не рѣшился послѣдовать за ювелиромъ. Что могъ сказать онъ въ утѣшеніе бѣдной дѣвушки? Какъ могъ онъ прикинуться, что раздѣляетъ ея негодованіе? А если вдругъ она станетъ уворать его въ недоуѣрїи къ Мэтью въ присутствїи его бывшаго принципала?

И такъ мистеръ Сайнэтъ пошелъ одинъ.

Двѣ минуты спустя пришелъ Берло, которому старикъ разсказалъ о всемъ случившемся.

— Надѣюсь, что Сэбей онъ не показавъ этой афиши? воскликнулъ молодой адвокатъ.

— Нѣтъ, я предупредилъ его этого не дѣлать, и это къ счастью, а иначе онъ самъ сознался, что могъ бы проговориться.

— А теперь онъ говорить съ Эми наединѣ?

— Не знаю, но предполагаю, что такъ; онъ не изъ тѣхъ людей, которымъ можно поручить веденіе казого-либо деликатнаго дѣла.

— Вы совершенно правы, согласился адвокатъ.

— Конечно, всего этого слѣдовало ожидать, продолжалъ старикъ;— но это объявленіе ужасно. Онъ говорить, что его наклеять по улицамъ.

— Оно уже наклеено, мистеръ Даргамъ; и я уже видѣлъ его на углу нашей улицы.

— Боже мой! это навѣрное по приказанію самой лэди Перджитеръ; она зла какъ дьяволъ!

— Она женщина, жаждущая получить обратно или свои брилїанты, или сумму, ихъ представляющую, спокойно отвѣчалъ адвокатъ.— Если она не сможетъ добраться до Гельстона и съ него получить свои деньги, то пусть страдаетъ его жена, говорить она себѣ. Говорю вамъ, что тигрица, у которой отняли ея дѣтеныша, ничто, сравнительно съ нѣкоторыми женщинами, у которыхъ отняли ихъ собственность. Я ихъ хорошо знаю. Къ тому-же, продолжалъ Берло, — Сайнэтъ оскорбилъ ее. Сколько времени онъ уже здѣсь?

— Право не знаю, да и что въ томъ? отвѣчалъ дядя Стефенъ.— Онъ сюда больше не вернется. Онъ угадалъ, когда говорилъ, что вѣдь-ли предложили награду, не представляя новаго доказательства; иначе сэръ Чарльсъ не подписалъ бы своего имени. Повѣрьте мнѣ, скоро все обнаружится.

— Тише, это его голосъ! воскликнулъ Берло.

Мистеръ Сайнэтъ, собираясь уходить, говорилъ съ кѣмъ-то

въ передней. Дверь въ курильную комнату была открыта, такъ что голосъ его явственно доносился туда.

— Я такъ радъ, что пришелъ, говорилъ онъ,—и несказанно радъ тому, что вы со мною согласны. Я теперь сдѣлаю по своему, не обращая вниманія на слова Брейля, такъ какъ мнѣнїе мое одобрено вами. До свиданія, моя дорогая миссъ Эми!

— До свиданья, отвѣчалъ надорванный, но благодарный голосъ, и затѣмъ входная дверь тихо затворилась.

— Слава Богу, онъ не свелъ ее съума! вздыхалъ дядя Стэфенъ.

— Въ этомъ я еще не увѣренъ, пробормоталъ адвокатъ, но такъ, что старикъ его не могъ слышать.

— Пойдите ка въ ней сейчасъ; продолжалъ мистеръ Даргамъ, — и посоветуйте ей, какъ поступить относительно Сэбей; хотя, боюсь, что будетъ невозможно скрыть отъ нея этого послѣдняго удара.

— Да, я пойду къ Эми, отвѣчалъ мистеръ Барло.

И онъ поднялся наверхъ не съ поспѣшностью влюбленнаго, стремящагося къ своей невѣстѣ, но медленно и съ озабоченнымъ, омрачившимся лицомъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

Разлука.

Извѣстно, что самыя незначительныя событїя, близко насъ касающїяся, несравненно важнѣе для насъ, нежели самыя серьезныя обстоятельства, касающїяся другихъ. И потому нельзя было обвинить мистера Барло за то, что хотя Мэтью Гельстонъ можетъ быть погибъ или, хуже того, лично замѣшанъ въ дѣло о похищенїи перджитерскихъ брилїантовъ, но солнце все еще не переставало свѣтить ему въ лицѣ Эми Тэрло, и что онъ не терялъ надежду на скорое лучшее время. Но кромѣ разныхъ надеждъ посѣщали его нерѣдко въ послѣднее время сомнѣнїя и даже подозрѣнїя. Ему было совершенно ясно, что со времени исчезновенїя Мэтью, мистеръ Сайнотъ желалъ всего возможнаго, чтобы добиться расположенїя Эми; и хотя настоящая цѣль его ухаживанїя могла быть ей и неизвѣстна, но онъ, ея женихъ, далъ ей ясно понять, что онѣ были ему неприятны.

Между тѣмъ человѣкъ этотъ не переставалъ приходить въ Кэвендишгровъ, былъ и сегодня, оставался съ нею наединѣ, Богъ знаетъ какъ долго, и расстался съ словами, показавшимися крайне оскорбительными мистеру Бэрло. Случайно услышанныя имъ слова, «моя дорогая миссъ Эми», крѣпко запали ему въ сердце. Онъ пока не ревновалъ еще Эми и не сомнѣвался въ ея вѣрности, но только былъ сильно озлобленъ на ювелира.

— Онъ больше сюда не придетъ, говорилъ дядя Стэфенъ, и мистеръ Бэрло хотѣлъ немедленно и окончательно порѣшить этотъ вопросъ. Когда онъ вошелъ въ гостиную, Эми собралась уходить оттуда; она была блѣдна и казалась взволнованною, на глазахъ ея были слѣды слезъ.

— О, Франкъ, сказала она, — я такъ рада, что ты вернулся.

А онъ заключилъ ее въ свои объятія. Въ ту минуту куда дѣвались всѣ его сомнѣнія, опасенія и намѣренія.

— Дорогая, милая, что случилось? спросилъ онъ не изъ любопытства, такъ какъ все было ему извѣстно, но потому, что было такъ пріятно выражать ей свое участіе.

— Случилась ужасная вещь. Ты недавно пришелъ, мой дорогой?

— Не очень давно, отвѣчалъ онъ и руки его невольно опустились. — И въ чему ей знать это? — думалъ онъ. — Я пришелъ немедленно за мистеромъ Сайнэтомъ.

— Значитъ, ты уже видѣлъ мистера Дэргама? Онъ страшно огорчилъ меня.

— Кто? мистеръ Сайнэтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ; а между тѣмъ и онъ принесъ очень печальное извѣстіе. Намѣреніе его было доброе и весь вопросъ былъ, конечно, только во времени... Что это такое?

На столѣ лежало что-то, завернутое въ тонкую серебристую бумагу, какую обыкновенно употребляютъ ювелиры, и походило формою на медальонъ.

— Это портретъ Мэтью, который мистеръ Сайнэтъ принесъ обратно.

Онъ лежалъ на другомъ концѣ стола; мистеръ Бэрло потянулся въ нему и открылъ его, какъ казалось, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

Однако Эми этого не замѣтила.

— Онъ хотѣлъ снять съ него нѣсколько копій, продолжала она, — чтобы при помощи ихъ искать Мэтью.

— Портретъ очень похожъ, замѣтилъ адвокатъ, — только его выраженіе я совсѣмъ не узнаю.

— А у него было когда-то подобное, сказала она со вздохомъ, — а помню его такимъ. Бѣдный, бѣдный Мэтью! Тогда все было свѣтло и радостно; онъ былъ полонъ надеждъ и жизни.

— Будемъ надѣяться, что онъ и теперь живъ, холодно произнесъ мистеръ Бэрло.

— А если и такъ, медленно проговорила она, — что ему въ томъ, когда самые дорогіе и близкіе отшатнулись отъ него? Если же онъ умеръ и знаетъ это, то и рай ему не въ рай.

Мистеръ Бэрло вздохнулъ и уставился на свои сапоги. Что могъ сказать онъ ей въ утѣшеніе; и хотя онъ не предавалъ обвиненію Эми личнаго значенія, но внутренно сознавалъ, что оно могло, до нѣкоторой степени, отнестись и къ нему.

— Отсутствующіе всегда виноваты, неопредѣленно отвѣчалъ онъ.

— Пословица, хорошо характеризующая легкомысленный и пустой народъ, который создалъ ее, холодно проговорила Эми. — А между тѣмъ въ ней, какъ будто есть и правда. Какъ горько находить въ чужихъ, въ постороннихъ, то довѣріе къ нашей прямотѣ и истинности, въ которомъ намъ отказываютъ наши друзья!

— Если я говорю пословицами, Эми, то ты говоришь загадками, сказалъ мистеръ Бэрло, задѣтый за живое ея тономъ, или можетъ быть сознаниемъ своего собственнаго отступничества отъ Мэтью. — И между прочимъ я предполагаю, что слова твои относятся къ мистеру Сайнэту, хотя его едва ли можно считать чужимъ.

— Это правда, отвѣчала она, не замѣчая его сатирическаго тона. — Большинство людей въ его положеніи были бы недовольны, и небезосновательно, тѣмъ, что Сэбей написала лэди Перджитеръ, не посоветовавшись съ нимъ.

— А Сэбей сдѣлала это?

— Да, въ надеждѣ на то, бѣдняжка, что ей удастся убѣдить ее въ невинности Мэтью. И вотъ результатъ, прибавила она съ горечью, указывая на афишу, которая, вся свомканная, лежала на полу.

— Но, однако, была и другая причина, Эми, о которой сообщилъ мистеръ Сайнэтъ, почему лэди Перджитеръ приступила къ такому рѣшительному шагу. Онъ говорилъ, что она имѣетъ новыя доказательства.

— Онъ говорилъ это, Фрэнкъ, единственно какъ свое предположеніе. Какимъ образомъ могла бы она въ дѣйствительности

добыть подобныя доказательства, если каждое новое свидѣніе способно лишь болѣе и болѣе удостовѣрить всѣхъ въ невинности Мэтью? Нельзя, конечно, требовать отъ мистера Сайнэта, чтобы онъ чувствовалъ въ этомъ дѣлѣ подобно намъ, а между тѣмъ онъ твердо держится своихъ убѣжденій; онъ изъ тѣхъ людей, на которыхъ можно положиться.

— У него много настойчивости, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, сказалъ мистеръ Бэрло;—можетъ быть, подобно лэди Перджитеръ, онъ думаетъ, что его все болѣе и болѣе поощряютъ.

— Я тебя не понимаю, Франкъ, спокойно проговорила Эми, — но, повидимому, ты опять желаешь узнать мистера Сайнэта. Я могу только сказать, что онъ дѣлаетъ все отъ него зависящее для бѣднаго Мэтью, и хотя, какъ я уже замѣтила, горько принимать помощь отъ посторонняго, когда наши же друзья отказываютъ намъ въ ней, но это все-таки лучше, чѣмъ ничего.

— Когда же я отказывался помочь Мэтью? защищался адвокатъ.

— Я въ этомъ и не обвиняла тебя; я совсѣмъ не о тебѣ думала, Франкъ.

— И я это хорошо понимаю, возразилъ тотъ;—я знаю, я для тебя ничто сравнительно съ другимъ.

Называя этого «другаго», мистеръ Бэрло думалъ о Мэтью, но Эми предположила, что онъ намекалъ на ювелира. Лицо ея сперва все вспыхнуло и затѣмъ вдругъ поблѣднѣло.

— Ты заблуждаешься, произнесла она съ холодностью, — хотя въ эту минуту я не нахожу нужнымъ унижаться до объясненій. Я только хотѣла сказать, что мистеръ Сайнэтъ не придаетъ особеннаго значенія этому оскорбленію и собирается достойно наказать за него.

— Другими словами, разъ лэди Перджитеръ снизошла до подобныхъ нападеній, онъ собирается прибѣгнуть къ тому же оружію.

— А почему же и нѣтъ? освѣдомилась Эми, — въ ея рукахъ это оружіе наступательное, но въ нашихъ оно не будетъ таковымъ; мы употребимъ его лишь для защиты невиннаго, на котораго напали несправедливо. Какими же иными способами добьемся мы нѣкоторой гласности для защиты Мэтью; вѣдь эта женщина прибѣгаетъ же къ ней для его обвиненія.

— Да развѣ ты не видишь, Эми, что этотъ человѣкъ хватается за послѣднюю соломенку не изъ увѣренности въ невинности твоего вятя, но только потому, что виновность его

влечетъ за собою огромную для него денежную потерю. Въ глубинѣ же души онъ хорошо знаетъ...

Здѣсь мистеръ Бэрло внезапно остановился, такъ какъ взоръ Эми, устремленный на него, былъ не только испытующимъ, но въ немъ сверкала даже угроза.

— Что знаетъ онъ? воскликнула она въ негодованіи;— что знаешь ты самъ противъ Мэтью Гельстона? Я только что собиралась передать о случившемся сегодня здѣсь у насъ, страшно огорчившимъ меня, а знай это Сэбей, оно бы ее убило; но теперь, повидимому, меня ожидаетъ худшее. Отвѣчай: и ты, подобно мистеру Дэргаму, считаешь Мэтью воромъ?

Бэрло невольно подумалъ о томъ, что никогда еще Эми не была такъ хороша, какъ въ эту минуту, только характеръ ея красоты совершенно измѣнился. Мистеръ Дэргамъ, въ виду ея познаній, иногда въ шутку называлъ ее Минервой; но никогда не представлялъ онъ ее себѣ Минервой съ поднятымъ копьемъ, которымъ она собирается сразить непокорнаго.

— Дорогая Эми, сказалъ нерѣшительно мистеръ Бэрло:— я не въ состояніи опровергнуть логику самыхъ фактовъ, она неумолима. Не обвиняй же меня, если по своему воспитанію, по своимъ привычкамъ, я принужденъ покориться ей. Я юристъ.

— Я это знаю, перебила его Эми ледянымъ тономъ;— но не смотря на то, я предполагаю, что тебѣ возможно дать прямой отвѣтъ на такой же вопросъ. Считаешь ли ты Мэтью Гельстона воромъ?

Никогда еще мистеру Фрэнку Бэрло не приходилось быть въ такомъ затруднительномъ положеніи, и не смотря на всю свою изворотливость, онъ сталъ совершенно въ тупикъ. У него было сильное предчувствіе, что скажи онъ «да», и разлетатся прахомъ всѣ его розовыя мечты; сказать же «нѣтъ», онъ не могъ.

Онъ имѣлъ, конечно, возможность передать ей все узнанное ими относительно Фэбы Мейсонъ, что вѣроятно убѣдило бы Эми и, слѣдовательно, оградило бы его самого. Но не смотря на всѣ свои недостатки, мистеръ Бэрло былъ истиннымъ джентльменомъ, и, не взирая на всю опасность для самого себя, имѣлъ достаточно рыцарства, чтобы не подвергать это бѣдное уже измученное сердце новымъ страданіямъ; онъ думалъ, что хотя покража бриліантовъ, вѣроятно, и обнаружится, но къ чему же еще разоблачать фактъ невѣрности Мэтью женѣ.

— Дорогая Эми, сказалъ онъ,— я не оспариваю твоего права предлагать подобный вопросъ, но не совсѣмъ-то велико-

душно пользоваться этимъ правомъ. Мистеръ Дѣргамъ, повидимому говорилъ съ тобою откровенно объ этомъ предметѣ, но, вѣроятно, не съ тою полною откровенностью, которую ты требуешь отъ меня. Я могу сказать только одно: факты, насколько они намъ теперь извѣстны, роковымъ образомъ указываютъ въ одномъ направленіи. Можетъ быть я и ошибаюсь, и въ такомъ случаѣ я буду въ тысячу разъ счастливѣе, чѣмъ если мои предположенія окажутся основательными; если-же, къ несчастію, я правъ, то тѣмъ не менѣе я все душою готовъ служить твоему зятю.

— Ты берешься защищать его, когда онъ будетъ на скамьѣ подсудимыхъ? сказала Эми.

Лицо ея было блѣдно, голосъ звучалъ жестко и рѣзко, но въ немъ слышался также тяжелый укоръ и невыразимое горе, отъ котораго онъ невольно содрогнулся.

— Будемъ надѣяться, что этого не понадобится, Эми.

— Мнѣ теперь все ясно, тихо проговорила она;— ты потерялъ не только вѣру, но и надежду. Ну, что-же дѣлать! у него все-таки остались мы двое—Сэбей и я, и, быть можетъ, Богъ намъ поможетъ.

— Я тебѣ уже сказала, Эми: я сдѣлаю для Мэтью все, что только въ человѣческихъ силахъ.

— Нѣтъ, сэръ, онъ не нуждается въ помощи людей, подобныхъ вамъ, холодно отвѣтила она.—Да и мы въ ней не нуждаемся.

— Эми! произнесъ онъ съ вроткимъ укоромъ и стараясь взять ея руку.

Она ее отдернула, не быстро, но рѣшительно, и отступила назадъ.

— Нѣтъ, мистеръ Берло, я не могу взять вашей руки. Мистеръ Дѣргамъ другое дѣло; онъ до сихъ поръ всегда былъ другомъ Мэтью. Я постараюсь думать о немъ какъ прежде, въ былое время, воспоминаніе о которомъ теперь наше единственное утѣшеніе.

— Ты называешь меня «вы», «мистеръ Верло», и не хочешь дать мнѣ руки! воскликнулъ изумленный молодой человѣкъ.—Эми, ты помѣшалась?

— Нѣтъ, я не помѣшалась, хотя то, что происходитъ, заставляетъ меня, дѣйствительно, сомнѣваться въ моемъ здоровомъ разсудкѣ. Надо быть сумасшедшею или жалкою и ничтожною, чтобы оставаться о васъ того же мнѣнія, какова я была прежде.

Успокойтесь, сэръ, я никогда не подвергну васъ униженію ради себя.

— Это и немислимо Эми, серьезно отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; вы слишкомъ деликатны, мистеръ Бэрло, а моя обязанность говорить прямо, откровенно. Если Мэтью воръ, то каковой же честный человѣкъ можетъ жениться на его сестрѣ; а онъ мнѣ такъ же дорогъ, какъ родной братъ.

— Да что мнѣ до этого? нетерпѣливо перебилъ ее молодой человѣкъ.

— Но мнѣ есть до этого дѣло, быстро возразила Эми;— если-бы я могла настолько унизиться, чтобы сдѣлаться вашею женою при подобныхъ условіяхъ, я не могла бы быть вашимъ другомъ. Быть можетъ Мэтью Гельстонъ погибъ невозвратно, но честь его останется для меня священна; я не протяну руки человѣку, который въ ней сомнѣвается. И любовь, и благодарность, и сама справедливость, все удерживаетъ меня. Съ этой минуты мы другъ другу чужіе, сэръ.

— Ты никогда не любила меня! пылко воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Не любила? отвѣчала она съ горькою усмѣшкою;— значить сердце мое обманывало меня; и если это такъ, то тѣмъ лучше для насъ обоихъ.

— Эми! и ты, ты говоришь мнѣ это!

Въ его голосѣ звучалъ глубокой, нѣжный упрекъ. Услышь его теперь его компаніонъ въ Сити, его довѣріе въ юридическимъ способностямъ мистера Фрэнка Бэрло сильно бы поколебалось.

— Я не желала быть жестокою, тихо проговорила она,— но я должна говорить правду: если Мэтью воръ,—было поразительно съ какою настойчивостью она повторяла эту ненавистную фразу, словно она ее привлекала,—то... да поможетъ мнѣ Богъ... но я никогда не буду вашею женою.

Онъ взглянулъ на нее и въ глазахъ его читалось отчаяніе; затѣмъ выраженіе ихъ вдругъ измѣнилось и они сдѣлались злыми и свирѣпыми.

— Но можетъ быть вы будете женою кого-то другаго?

— Я!.. Что онъ говоритъ? Сэръ, я, вѣроятно, не въ полномъ сознаніи, прибавила она жалобно,—но я васъ не понимаю.

— Все равно, сказалъ онъ весь вспыхнувъ,—я, можетъ быть, и самъ не въ полной памяти. Я теперь уйду, Эми.

— Да, уходите, и навсегда, мистеръ Бэрло; я не желаю, я не могу видѣть васъ больше. Между нами все кончено. И не только это, быстро прибавила она, видя, что онъ собирается

говорить,—я не перенесу присутствія кого бы то ни было,—если это только отъ меня зависитъ,—кто думаетъ о Матью, какъ вы? Я не буду предательницею.

И когда она говорила о зятѣ, странно было видѣть, какъ сила и твердость за минуту передъ тѣмъ, повидимому, покинувшія ее, снова къ ней вернулись. Она сурово и рѣшительно указала ему на дверь.

Бэрло дважды собирался говорить и дважды измѣнилъ свое намѣреніе; наконецъ, глубоко вздохнувъ, онъ медленно вышелъ изъ комнаты и закрылъ за собою дверь. Пальто и шляпа его висѣли въ передней, онъ ихъ одѣлъ, словно во снѣ, и вышелъ на улицу.

«Да любила ли она меня дѣйствительно?» задавалъ онъ себѣ вопросъ.

А если-бы онъ могъ въ ту минуту заглянуть опять въ комнату, которую только что оставилъ, онъ не затруднился бы въ отвѣтъ.

Затворивъ дверь на ключъ, Эми бросилась въ ближайшее кресло и, закрывъ лицо руками, разразилась такимъ сильнымъ, неудержимымъ рыданіемъ, какого не знала съ самаго дѣтства.

«О Матью, Матью! плакала она,—ты не сдѣлалъ того, въ чемъ обвиняютъ тебя даже хорошіе люди, но ты разбилъ сердце, счастье и жизнь своей сестры!»

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

Еще разлука.

Эми ни въ какомъ случаѣ не сообщила бы сестрѣ и ради самой Сабей о томъ, что все покончилось между нею и ея женихомъ; теперь же тѣмъ болѣе, такъ какъ въ подобномъ случаѣ пришлось бы сообщить о причинѣ ихъ размолвки, чего она боялась болѣе всего. Какъ могла бы она сказать: «мой Фрэнкъ считаетъ Матью безчестнымъ и, слѣдовательно, не можетъ быть болѣе моимъ».

Съ другой стороны, она только могла надѣяться скрыть это на короткое время. Сабей, хотя и удрученная своимъ горемъ, не теряла своего расположенія къ окружающимъ.—«Гдѣ же Фрэнкъ? Отчего Фрэнкъ не приходитъ, какъ по обыкнове-

нію?» были вопросы, которые рано или поздно она, навѣрное, предложитъ; а что ей на это отвѣтить?

Эми уже и безъ того приходилось плохо отъ тѣхъ натянутыхъ отношеній, которыя установились теперь между дядею Стэфеномъ и ею; пропала вся прежняя сердечность въ обращеніи, и со стороны Эми проглядывало озлобленіе, съ его же, — какъ бы мольба и жалоба на ея гнѣвъ.

Вечеромъ того же дня, когда произошло послѣднее свиданіе ея съ мистеромъ Бэрло, Эми въ самыхъ краткихъ словахъ передала о случившемся мистеру Даргаму. Это было неизбежно для того, чтобы объяснить отсутствіе молодаго адвоката, и старикъ выслушалъ ее со спокойствіемъ, хотя не безъ глубокаго участія.

— Я все это предвидѣлъ, Эми, отвѣчалъ онъ. — Ты говоришь, что тебѣ не оставалось ничего инаго, какъ освободить его отъ обязательства, которое, по его понятіямъ, безчестило его, и хотя ты не называешь иной причины вашей размолвки; но я знаю ее.

— Не спрашивайте меня объ этомъ, мистеръ Даргамъ.

— Къ чему же, когда она мнѣ извѣстна. Ты умалчиваешь о ней ради меня, такъ какъ и я осужденъ тобою наравнѣ съ Фрэнкомъ, и только благодаря тому, что я дядя Мэтью и всегда любилъ его какъ сына, ты нѣсколько извиняешь мнѣ мою вину.

— Конечно, я никогда не забуду того, что вы сдѣлали для него и для всѣхъ насъ, мистеръ Даргамъ.

Онъ сдѣлалъ умоляющее движеніе рукою.

— Не въ томъ теперь дѣло, моя милая. Хотѣлось бы мнѣ знать, не сообщилъ ли тебѣ мистеръ Бэрло подробныхъ свѣдѣній относительно дѣла Мэтью, помимо того, что произошло между нами?

— Нѣтъ, не сообщалъ.

— Въ такомъ случаѣ ты оттолкнула отъ себя честнаго человѣка, моя дорогая Эми, — человѣка, какихъ очень мало, какихъ трудно найти.

— И вы думаете, что я этого не знаю? спросила она съ горечью.

— О, вѣра, вѣра, какъ многого ты требуешь отъ насъ бѣдныхъ смертныхъ! прошепталъ дядя Стэфенъ. — Само священное писаніе — не все благая вѣсть; оно говоритъ: «враги человѣка пусть будутъ врагами всего его дома». Мужъ противъ жены, женихъ противъ невесты! Какъ было тогда, такъ и теперь. Но такъ-ли это, Эми?

— Что? священное писаніе?

— Нѣтъ, твоя вѣра въ Мэтью.

— Для меня, мистеръ Даргамъ, она евангельская истина; прошу васъ, лучше не говорить объ этомъ; уже достаточно тяжело одно сознание того, что мы въ этомъ расходимся.

И съ этой минуты они болѣе не упоминали о томъ, что тяжелѣе всего лежало у нихъ на сердцѣ и занимало всѣ ихъ мысли.

На другое утро, когда сестры сидѣли вдвоемъ, раздался звонокъ въ тотъ обыденный часъ, когда Фрэнкъ обыкновенно заходилъ передъ отправленіемъ своимъ въ Сити. Но Эми не пошевелинулась.

— Голубушка моя, это мистеръ Барло, тихо проговорила Сэбей.

Сегодня въ глазахъ ея стояли слезы, хотя она такъ рѣдко плакала теперь; до нея доносился веселый звонъ рождественскихъ колоколовъ, а въ душѣ вставали горестныя воспоминанія. Всѣмъ сегодня такъ весело, а непроходимая тоска грызетъ ея сердце.

— Мистеръ Барло не придетъ сегодня, Сэбей.

— Отчего-же? спросила она испуганно; голосъ сестры звучалъ такъ странно.—Развѣ между вами что-либо случилось? вы не поссорились?

— Нѣтъ, дорогая, мы не поссорились; только онъ больше сюда не придетъ.

— Не придетъ? Что это значитъ, Эми? воскликнула она вся взволнованная.—Если онъ потерялъ тебя, то я одна тому виновно. О, я понимаю въ чемъ дѣло: ты слишкомъ горюешь обо мнѣ и о Мэтью; ты не можешь разорвать своего сердца и потому выбрала между Фрэнкомъ и мною, и себѣ же на погибель.

Испугъ и огорченіе Сэбей были такъ велики, что не смотря на свое первоначальное намѣреніе указать, хотя и въ очень смягченной формѣ, на подобную причину, чтобы объяснить свою размолвку съ женихомъ, она только воскликнула:

— Нѣтъ, Сэбей, тысячу разъ нѣтъ! тебѣ рѣшительно не въ чемъ себя упрекать!

— Въ такомъ случаѣ, что-же могло произойти между вами? Если не я тому причиною, то не сама-же ты? О, Эми, неужели Фрэнкъ тебя ревнуетъ?

Эми молча бивнула головою, такъ какъ она не рѣшалась заговорить. Фрэнкъ дѣйствительно нѣсколько ревновалъ ее, и,

во всякомъ случаѣ, пусть лучше сестра считаетъ это причиною ихъ размолвки, нежели будетъ доискиваться до настоящей.

— Какое несчастье! Какое сумасшествіе! воскликнула Сэбей. — Никогда-бы я этому не повѣрила о немъ. Сейчасъ-же слѣдуетъ все объяснить и уладить; я сама пойду къ нему; онъ не откажется меня выслушать.

— Нѣтъ, дорогая, это не поможетъ, грустно проговорила Эми.

— Не поможетъ? Да это невозможно! Дѣло не могли дойти до такого безнадежнаго положенія. О, Эми! я потеряла свое сокровище не по его или своей винѣ; я знаю, что значитъ терять любимаго человѣка, и потому умоляю тебя, не допускай самолюбію или гордости взять верхъ надъ чувствомъ и встать между тобою и тѣмъ, кого ты любишь. Конечно, онъ ошибается; онъ заблуждается именно вслѣдствіе своей привязанности къ тебѣ. Прости же ему! Позволь мнѣ быть посредникомъ между вами; я еще могу ходатайствовать за другихъ, хотя устала дѣлать это за себя. Да это и мой долгъ, Эми; потому что, хотя ты скажешь, что это не моя вина, но мистеръ Сайнэтъ познакомился въ домѣ черезъ Мэтью, а дѣло идетъ о немъ, я знаю. Не взваливай же новаго обвиненія на моего бѣднаго Мэтью.

Она говорила, а въ голосѣ ея звучала такая горячая мольба и въ то же время столько убѣдительной силы.

Эми была глубоко тронута, но въ то же время положеніе ея стало еще затруднительнѣе, вслѣдствіе самыхъ доводовъ сестры, такъ какъ тѣ указывали именно на тотъ предметъ, который она хотѣла избѣгнуть.

Къ счастью въ эту минуту вошла служанка.

— Пришелъ мистеръ Сайнэтъ, миссъ, и желаетъ видѣть васъ по очень важному дѣлу.

— Очень хорошо; скажите ему, что я сейчасъ приду, сказала Эми.

Когда горничная вышла, Сэбей обратилась къ сестрѣ.

— Ты не должна его видѣть; позволь мнѣ пойти вмѣсто тебя. Конечно нѣтъ бѣды въ томъ, что ты его увидишь; но Фрэнку это не понравится. Разрывъ между вами этимъ только увеличится.

— Нѣтъ, нѣтъ, Сэбей, отвѣчала рѣшительно Эми:— мистеръ Сайнэтъ имѣетъ право видѣть меня и наединѣ, у насъ есть маленькій секретъ.

— Секретъ?

— Не изъ такихъ, за которые могутъ ревновать, продолжала Эми съ горькою усмѣшкою;— общаю тебѣ больше не

видѣться съ нимъ иначе, какъ въ твоёмъ присутствіи; но сегодня это необходимо.

— А секретъ этотъ извѣстенъ Франку?

— Да, моя хорошая, Франкъ его знаетъ, хотя ничто не измѣнитъ того, о чемъ я тебѣ говорила.

Сэбей больше не возражала и только грустно глядѣла на сестру, а та крѣпко поцѣловала ее въ лобъ и быстро вышла изъ комнаты.

Она думала, что мистеръ Сайнэтъ пришелъ переговорить о наградѣ, которую онъ предполагалъ предложить за отысканіе Мэтью, въ отвѣтъ на жестокия оскорбленія лэди Перджитеръ. При подобныхъ условіяхъ, однако, можно было ожидать, что на лицѣ ювелира выразится самодовольство, а между тѣмъ онъ былъ блѣденъ и казался разстроеннымъ.

— Я принесъ дурныя вѣсти, дорогая миссъ Эми, были его первыя слова.

— Къ этому мы уже привыкли, отвѣчала она съ горечью. — Про хорошія вѣсти я бы сказала: говорите ихъ осторожно, но дурныхъ мы уже перестали бояться. Говорите же!

— Могу сказать, что у васъ самый благоразумный взглядъ на вещи при настоящихъ условіяхъ, дорогая миссъ Эми. Дѣло въ томъ, что намъ теперь все извѣстно.

— Такъ Мэтью умеръ? Силы ей измѣнили и она почувствовала, какъ все вдругъ закружилось передъ ея глазами; рука ея машинально ухватилась за ближайшую стѣну, но когда ювелиръ бросился ей на помощь, она ее отклонила почти съ отвращеніемъ.

— Теперь мнѣ лучше, сказала она тихимъ, но твердымъ голосомъ, — я перенесу всю правду. Говорите?

Вотъ видите ли, я очень опечаленъ, конечно и за себя, но повѣрьте мнѣ, миссъ Эми, въ тысячу разъ болѣе за васъ. Все объяснилось относительно мистера Гельстона; только онъ не умеръ... не то, совсѣмъ не то...

— Боже, благодарю Тебя, шептала Эми.

— Но оказалось, что бриліанты у него; онъ теперь въ Парижѣ и старается ихъ продать; его тамъ видѣли.

— Это ложь! воскликнула Эми

— Дорогая миссъ Эми, это правда. Больше нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ. Я слышалъ это отъ самого сэра Чарльса Перджитера. Это случилось такимъ образомъ. Я, согласно рѣшенію, напечаталъ объявленіе о наградѣ, выражаясь при этомъ не очень то лестно о миледи; вотъ оно здѣсь, въ этой газетѣ. А также

я велѣлъ напечатать отдѣльныя афиши, одну изъ которыхъ отослалъ ей вчера вечеромъ, чтобы отблагодарить ее за ея доброту къ миссисъ Гельстонъ. Какъ видно, объявленіе это попало въ руки сэра Чарльса, который лично явился ко мнѣ. Онъ вообще малый недурной, а главное, ненавидитъ свою жену. «Послушайте, Сайнэтъ, говоритъ онъ мнѣ, — намъ съ вами не изъ за чего ссориться; (а оно дѣйствительно такъ, тѣмъ болѣе, что однажды я оказалъ ему довольно значительную услугу). — Я только что прочелъ ваше прелестное объявленіе, изъ-за котораго миледи чуть не взбѣсилась окончательно. Скажу вамъ, мой другъ, что вы хотите прошибить стѣну лбомъ. Убійство ужъ обнаружено». Убійство? говорю я. Такъ неужели же бѣдный Гельстонъ убитъ? — «О нѣтъ, говоритъ онъ; — онъ живъ и въ настоящее время въ Парижѣ. Мой другъ, маіоръ Ловель» — извѣстно вамъ это имя, миссъ Тэрло?..

— Да, я знаю это имя, сказала Эми, тяжело дыша и прижимая руку къ сердцу, чтобы унять его біеніе.

— Я такъ и думалъ. Онъ былъ замѣшанъ въ одной исторіи съ нѣкой молодой особой по имени Мэйсонъ, не такъ ли? Такъ этотъ человѣкъ видѣлъ Гельстона и вмѣстѣ съ нею.

— Это ложь! человѣкъ этотъ лжетъ! гнѣвно проговорила Эми.

Мистеръ Сайнэтъ покачалъ головою и улыбнулся полудукаво, полусочувственно. Нѣтъ, моя дорогая миссъ Эми; къ сожалѣнію это вѣрно. Подобныя вещи случаются съ людьми, бывшими прежде достойными, честными, и тамъ, гдѣ ихъ никакъ не ожидали. Слѣдуетъ отдать Брейлю справедливость: онъ всегда это думалъ, относительно брилліантовъ, т. е. того, у котораго они находятся; дѣло теперь вполне опредѣлилось.

— Такъ зачѣмъ же вы пришли сюда? сурово спросила Эми.

— Вамъ бы не слѣдовало этого спрашивать, упрекнулъ ее ювелирь. — Я надѣялся, моя дорогая миссъ Эми, что вы поймете причину моего посѣщенія. Брилліанты пропали и пропали безвозвратно, и вся тяжесть этой потери падаетъ на меня. Двадцать пять тысячъ фунтовъ очень значительная сумма для кого бы то ни было; но она не разоритъ Стара и Сайнэта, не разоритъ, будь она хоть втрое больше. Такъ какъ брилліанты, безъ сомнѣнія, въ рукахъ Гельстона, то лэди Перджитеръ болѣе не отвѣтственна за ихъ потерю и, слѣдовательно, не имѣетъ болѣе надобности его преслѣдовать. Такимъ образомъ истцомъ станю я. Но я не желаю преслѣдовать Мэтью Гельстона. Понимаете вы почему?

— Нѣтъ, сэръ, не понимаю, отвѣчала Эми. Она едва могла собраться съ мыслями, подобно человѣку, оглушенному ударомъ.— Матью такъ же невиненъ въ этомъ преступленіи, какъ и я, мистеръ Сайнэтъ. Я не обращаю вниманія на то, что говоритъ майоръ Ловель или кто бы то ни было; сойди ангелъ съ неба и скажи мнѣ это, я и ему не повѣрю. Однако я не могу не допустить, что, съ вашей точки зрѣнія, вы поступаете великодушно: вы желаете насъ пощадить и не хотите еще прибавить къ страданіямъ моей бѣдной сестры...

— Я не о вашей сестрѣ думаю, миссъ Эми, возразилъ ювелиръ съ откровенностью, — хотя, конечно, я ее жалѣю.— Я хотѣлъ сказать, что готовъ пожертвовать пропавшими бриліантами, — хотя нечего и говорить, если бы явилась возможность ихъ воротить я бы этого не упустилъ, — и отвѣтаться отъ всякаго преслѣдованія вашего зятя... однимъ словомъ, я готовъ совсѣмъ замать это несчастное происшествіе взаимнѣ одного вашего словечка. Я вижу, вы удивлены. Вы можетъ быть думали, что человѣкъ въ моемъ положеніи любить только деньги; между тѣмъ какъ я, съ своей стороны, люблю ихъ только какъ средство къ достиженію цѣли; а деньгами можно добиться и многого хорошаго... Надѣюсь, что вы меня полюбите немножко и ради меня, но если бы не было известной разницы въ нашемъ положеніи въ денежномъ отношеніи, я бы не рѣшился обратиться къ вамъ съ подобными словами, въ виду значительной разницы съ другой стороны, т. е. со стороны лѣтъ. Мнѣ больше нечего говорить, такъ какъ вы сама проникательность, и это одна изъ причинъ почему я такъ вами восхищаюсь, миссъ Эми... вы такъ умны, такъ прекрасны во всѣхъ отношеніяхъ, такъ хорошо воспитаны... Вы можетъ быть думаете, что я со-временемъ раскаюсь въ томъ, что соединилъ свою судьбу съ личностью, имѣвшею несчастіе быть въ родствѣ съ... впрочемъ нѣтъ надобности упираться на этотъ предметъ, — я могу только сказать одно: если ваша нерѣшительность возникаетъ вслѣдствіе этой причины, то она дѣлаетъ вамъ честь.

— Она совсѣмъ не возникаетъ вслѣдствіе подобной причины, мистеръ Сайнэтъ, съ твердостью возразила Эми.— Если я съ минуту не рѣшалась отвѣтить вамъ прямо, то я дѣлала это только ради васъ самихъ; я старалась поставить себя на ваше мѣсто и убѣдить себя, что вы не имѣли намѣренія меня оскорбить.

— Боже меня избави! воскликнулъ изумленный ювелиръ.

— Я васъ освобождаю отъ подобнаго обвиненія, сэръ, продолжала она.— Вы не были въ состояніи понять моего по-

ложенія; даже болѣе того: я вижу, что должна быть вамъ благодарна за ту жертву, которую вы мнѣ предлагали, и которую я обязана цѣнить. Да будетъ мнѣ извиненіемъ мое несчастіе. Впрочемъ не оно заставляетъ меня отказаться отъ вашего предложенія, на него я ни въ какомъ случаѣ не могла бы согласиться.

— Вы меня крайне удивляете, сказалъ мистеръ Сайнэтъ.— Если-бы вы хорошенько обдумали это...

— Совершенно наоборотъ, перебила его Эми,— я постараюсь забыть это. Можетъ быть я васъ удивила, но я не могла васъ огорчить, мистеръ Сайнэтъ, и съ своей стороны, могу васъ только поблагодарить за вашу непрощенную любезность.

Когда и какимъ образомъ Эми вышла изъ комнаты, этого мистеръ Сайнэтъ такъ и не примѣтилъ; онъ опомнился, когда стоялъ уже одинъ въ комнатѣ, утирая платкомъ крупныя капли пота, выступившія у него на лбу.

— «Любезность! бормоталъ онъ.— Какой чортъ хотѣла она этимъ сказать? Потерять двадцать пять тысячъ фунтовъ, да и ее въ придачу! А она еще толкуетъ о любезностяхъ! Никогда въ жизни не вдавался я въ такія неудачныя спекуляціи... Здѣсь навѣрное что нибудь неладно. Можетъ быть сумасшествіе у нихъ наследственная болѣзнь?.. Да, должно быть такъ; она помѣшана; надо быть безумною, чтобы отказать человѣку, подобному мнѣ; а въ такомъ случаѣ я еще счастливо отдѣлался.»

ГЛАВА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Мистеръ Берло принимается за дѣло.

Мистеръ Фрэнкъ Берло имѣлъ обыкновеніе относиться къ своимъ неудачамъ въ дѣлахъ такъ-же спойкойно и разсудительно, какъ и самъ мистеръ Самуель Сайнэтъ. Одна бѣда: онъ не могъ, подобно ювелиру, ставить на одну точку съ дѣлами денежными, дѣла сердечныя. Хотя онъ принадлежалъ къ людямъ самымъ обыкновеннымъ, ничѣмъ особенно невыдающимся, къ натурамъ прозаичнымъ и неувлекающимся, но онъ умѣлъ искренно и глубоко чувствовать. Когда Эми Тэрло оттолкнула его, онъ почувствовалъ себя невыразимо несчастнымъ и одиночимъ.

Бѣдняга совершенно потерялъ аппетитъ, и сидя у своего одинокаго огонька, а затѣмъ и ворочаясь на постелѣ, онъ припоминалъ все, что свазала ему Эми, и перебралъ всѣ обстоятельства и усложненія своего положенія. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что Мэтью Гельстонъ укралъ брилліанты лэди Перджитеръ, а между тѣмъ, Эми говорила, что для нея немислимы какія бы то ни были отношенія, даже просто дружественныя, съ человѣкомъ, раздѣляющимъ подобное воззрѣніе. Но рано или поздно она сама должна будетъ убѣдиться въ его вѣрѣ и тогда, конечно, ея рѣшеніе потеряетъ свою силу. Опять-же она объявила, что если будетъ доказано, что зять ея совершилъ вышеназванное преступленіе, то она никогда не согласится выйти замужъ за честнаго человѣка. Время, быть можетъ, думалъ онъ, измѣнитъ и это рѣшеніе, и если нѣтъ возможности заслужить ея благодарности, доказавъ невинность Мэтью, то не достигнетъ ли онъ этого, избавляя его отъ послѣдствій подобнаго преступленія, а тѣмъ болѣе убѣдивъ его по возможности исправить сдѣланное.

Такимъ образомъ надежда мистера Барло лежала на самомъ Мэтью, и имѣя извѣстный планъ въ виду, къ тому же будучи человѣкомъ дѣятельнымъ, онъ немедленно принялся за работу.

На другое утро онъ отправилъ своему компаніону письмо, объяснявшее, что непредвидѣнныя и важныя дѣла заставляютъ его нѣсколько дней не являться въ контору, а затѣмъ, уложивъ свой саквояжъ, онъ кликнулъ извозчика и отправился сперва прямо въ Паулетстритъ къ ювелиру. Того не было дома, такъ какъ онъ только что уѣхалъ въ Кэвендишгровъ; но мистеръ Брейль, находящійся въ одной изъ заднихъ комнатъ и услышавшій имя пріѣхавшаго, немедленно къ нему вышелъ.

— Прошу васъ сюда на минутку, мистеръ Барло, сказалъ онъ, указывая дорогу.— Вы пріѣхали по дѣлу Гельстона, не такъ-ли?

Тотъ утвердительно кивнулъ головою.

— Значитъ, вы не встрѣтились съ мистеромъ Сайнэтомъ; онъ отправился къ вамъ.

— Нѣтъ, я его не видалъ.

— А онъ поѣхалъ сообщить дурную вѣсть. Все, наконецъ, обнаружилось. Сэръ Чарльсъ Перджитеръ былъ здѣсь вчера вечеромъ и, какъ другъ, совѣтовалъ намъ не бросать денегъ напрасно, съ цѣлью защитить репутацію мистера Гельстона.

— Вотъ какъ! холодно проговорилъ мистеръ Барло;— очень

странно, что сэръ Чарльсъ Перджитеръ рѣшился на подобный шагъ.

— Безъ сомнѣнія, это должно васъ поражать какъ юриста. Между тѣмъ, я все-таки не сомнѣваюсь въ томъ, что здѣсь нѣтъ обмана. Гельстона видѣли въ Парижѣ съ молодою женщиною, его прежнею зазнобушкою.

— Кто его видѣлъ?

— Нѣкто маіоръ Левель, ея прежняя зазноба.

— Чтѣ заставляеть нѣсколько сомнѣваться въ его показаніи, замѣтилъ адвокатъ.

— При обыкновенныхъ условіяхъ, да, я согласенъ съ вами; но въ настоящемъ случаѣ думаю иначе. Я былъ здѣсь во время посѣщенія сэра Чарльса и видѣлъ письмо маіора. Оно, повидимому, выражаетъ нѣкоторое сожалѣніе о томъ, что автору его приходится разоблачать преступленіе Гельстона. «Моя дружба къ вамъ и къ лэди Перджитеръ, въ виду подлыхъ инсинуацій, направленныхъ противъ васъ обоихъ, пишетъ онъ,—заставляетъ меня высказать то, что я знаю касательно этого дѣла. Гельстонъ въ Парижѣ съ Фэбой Мейсонъ и уже дѣлалъ попытки продать брилліанты. Это вѣрно, такъ какъ я самъ видѣлъ ее».

— И это его подлинныя слова, не такъ ли? освѣдомился мистеръ Барло.

— Можете убѣдиться въ этомъ сами. Я имѣлъ возможность ихъ списать. И Брейль подаль ему свою записную книжку.

— Здѣсь ничего не сказано о томъ, чтобы молодую женщину видѣли вмѣстѣ съ Гельстономъ, сухо проговорилъ адвокатъ.

— Вы правы; сэръ Чарльсъ, вѣроятно, самъ пришелъ къ подобному заключенію. Положимъ, что къ этому можно придраться; остается затѣмъ необъясненнымъ тотъ фактъ, отчего лэди Перджитеръ не имѣетъ росписки Гельстона. Однако, если имъ удастся доказать то, что сказано здѣсь, относительно его попытки продать брилліанты, то, конечно, мы теряемъ всѣ наши шансы. Во всякомъ случаѣ, я думаю, что мистеръ Сайнетъ слишкомъ скоро уступаетъ; но, впрочемъ, это дѣло его, и онъ можетъ распоряжаться по собственному усмотрѣнію.

— Развѣ мистеръ Сайнетъ не имѣетъ намѣренія давать ходъ дѣлу?

— Нѣтъ. По правдѣ говоря, въ настоящее время мнѣ слѣдовало бы быть въ Парижѣ; но, видите ли, здѣсь еще другаго рода исторія.

— Значитъ мистеръ Сайнетъ совершенно отказывается отъ

преслѣдованія? замѣтилъ Бэрло; говорившій по возможности спокойно, но въ то же время сильно покраснѣвшій.

Брейль приложилъ указательный палецъ къ носу.

— Именно такъ, сказалъ онъ.— По моему мнѣнію не слѣдуетъ позволять чувствамъ мѣшать серьезнымъ дѣламъ. Ну, да это ужь его добрая воля.

— И не будетъ сдѣлано попытки вернуть брилiанты?

Брейль пожалъ плечами.

— Я не имѣю приказаній относительно этого, хотя каждый потерянный часъ значительно отнимаетъ у насъ шансы на успѣхъ. Я однако постараюсь уговорить мистера Сайнета предложить за нихъ награду.

— Это во всякомъ случаѣ не можетъ повредить, согласился Бэрло.— Дѣло въ томъ, что я сегодня же ѣду въ Парижъ съ цѣлью найти эти самые брилiанты, и если вы поможете мнѣ и дѣло удастся, то награда будетъ ваша.

— Вы хотите сказать, что мы раздѣлимъ ее пополамъ.

— Совсѣмъ нѣтъ. Денегъ этихъ мнѣ не нужно; моя цѣль, въ которой я сознаюсь откровенно, заставить этого несчастнаго человѣка возвратить похищенное.

— Прекрасно и похвально, сказалъ сыщикъ.

— Чувства ваши дѣлаютъ вамъ честь. Однако, здѣсь дѣло идетъ о тысячѣ фунтовъ, сухо прибавилъ онъ; такъ какъ ни лэди Перджитеръ, ни мистеръ Сайнэтъ не отступились отъ предложенныхъ ими наградъ за отысканіе самого Гельстона.

— Это меня совсѣмъ не касается, отвѣчалъ адвокатъ;— я не занимаюсь ловлею воровъ.

— Я не имѣлъ намѣренія васъ оскорблять, мистеръ Бэрло.— Я знавалъ многихъ джентельменовъ, имѣвшихъ къ этому склонность, хотя, я съ вами согласенъ, это не дѣлаетъ имъ чести. Любителямъ нечего отнимать хлѣбъ у тѣхъ, кто служитъ этому дѣлу по призванію. Вѣдь вамъ было бы крайне непріятно, если бы кто-либо сталъ заниматься вашимъ дѣломъ, положимъ только изъ любви къ искусству, и защищалъ бы всѣхъ даромъ.

— Это было бы неслыханнымъ преступленіемъ общепринятыхъ правилъ, съ естественнымъ негодованіемъ замѣтилъ мистеръ Бэрло.

— Именно такъ. Чѣмъ же я могу служить вамъ, сэръ, въ этомъ дѣлѣ?

— Тремя вещами: мнѣ нужна одна изъ фотографическихъ карточекъ, которую мистеръ Сайнэтъ велѣлъ снять съ портрета мистера Гельстона; мнѣ нуженъ тщательный рисунокъ съ про-

павшихъ бриліантовъ, и наконецъ, адресъ маіора Ловела въ Парижѣ. Взамѣнь этихъ услугъ, я обещаю представить вамъ всякое вознагражденіе, какое предложитъ мистеръ Сайнэтъ за бриліанты, если только мнѣ посчастливится вернуть ему ихъ.

— Положимъ, сэръ, что это все не совсѣмъ по правиламъ, нерѣшительно замѣтилъ мистеръ Брейль;—однако, въ видахъ сохраненія интересовъ мистера Сайнэта и на условіяхъ, вами назначенныхъ, я поступилъ бы несправедливо, не содѣйствовавъ вамъ. Вы можете быть не откажетесь дать мнѣ маленькую росписочку?

— Никакихъ росписокъ я не дамъ рѣшительно отказался адвокатъ. — Я не желаю подписывать своего имени тамъ, гдѣ дѣло идетъ о мистерѣ Гельстонѣ; къ тому же я не привыкъ, чтобы сомнѣвались въ моемъ словѣ.

— Прошу васъ, не думайте этого, мой дорогой сэръ, съ поспѣшностью проговорилъ мистеръ Брейль.—Увѣряю васъ, что я глубоко вамъ довѣряю; къ тому же, наивно прибавилъ онъ, — у меня нѣтъ выбора. Кажется, я знаю, гдѣ можно достать и фотографію, и рисунокъ; да, впрочемъ, вотъ они самыя, а маіоръ остановился въ Луврскомъ отелѣ.

— Благодарю васъ. Еще одно: не подсказаетъ ли вамъ ваша опытность въ подобныхъ случаяхъ, какого-либо метода при веденіи этого дѣла.

— Въ подобныхъ случаяхъ невозможно начертать себѣ предварительнаго плана; приходится дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами. Если-бы вамъ была знакома наружность молодой особы, которая,—какъ я подозреваю, хотя и не имѣю удовольствія ее знать,—виною всей этой исторіи, тогда конечно...

— Портретъ ея у меня въ карманѣ, перебилъ его мистеръ Барло.

— Неужели! воскликнулъ сыщикъ съ самымъ искреннимъ восхищеніемъ. Лицо его впервые не утало его чувствъ, и на немъ можно было прочесть слѣдующее: «вы совсѣмъ не таковой дуракъ, какимъ я васъ считалъ».—Позвольте-ка мнѣ посмотреть на него.

Мистеръ Барло подалъ ему портретъ.

— Я положительно гдѣ-то видѣлъ эту молодую женщину, пробормоталъ сыщикъ.

— Гдѣ? и при какихъ условіяхъ?

— На это ужъ не могу вамъ отвѣтить. Разъ увижу лицо, и я его никогда не забуду; но мнѣ приходится видѣть такъ многихъ, что нѣтъ возможности запомнить, гдѣ и когда; могу

сказать одно: навѣрное только не въ церкви. Да, если вы ее найдете, то найдете и Гельстона. Какъ бы я хотѣлъ быть на вашемъ мѣстѣ, вздыхалъ онъ, съ нѣжностью глядя на портретъ.

— Ваша шутка, сэръ, совершенно неумѣстна, сурово замѣтилъ мистеръ Бэрло. Скромный молодой человѣкъ, чувствовавшій себя въ этомъ дѣлѣ вообще въ фальшивомъ положеніи, былъ искренно возмущенъ.

— Шутка! воскликнулъ сыщикъ. — Могу васъ увѣрить, сэръ, что вы совсѣмъ меня не поняли. Я хотѣлъ только сказать, что имѣй я дѣло съ этою барынею, я бы счумѣлъ извлечь изъ нея пользу. Если я только умѣю читать лица, то она вѣтреная; за пятьдесятъ фунтовъ она, пожалуй, продастъ этого джентельмена.

— О, понимаю, сказалъ адвокатъ, выслушавшій извиненіе съ равносильнымъ отвращеніемъ; — но однако я не имѣю намѣренія покупать его.

— Совершенно справедливо! Но если она готова продать самого человѣка, то тѣмъ скорѣе согласится на сдѣлку относительно брилліантовъ, т. е. если ужъ ихъ не пристроили раньше. Мистеръ Бэрло, если вамъ понадобится кто-либо въ Лондонѣ, могущій немедленно приняться за это дѣло, представься въ томъ надобность, то вотъ мой постоянный адресъ, по которому всякая телеграмма будетъ мнѣ сейчасъ же передана. Хотѣлось бы поѣхать съ вами, или даже безъ васъ. Я бы даже поѣхалъ на свой страхъ, да только ужъ положилъ себѣ за правило разъ навсегда не браться за дѣло безъ согласія человѣка, для котораго я работаю. Ваше дѣло нѣсколько сложно и трудновато, но это лишь усиливаетъ удовольствіе въ случаѣ удачи; а въ случаѣ неудачи, самые поиски, уже сами-по-себѣ, представляютъ нѣкоторое удовольствіе. До-свиданія же, сэръ, и желаю вамъ успѣха!

— До свиданія, отвѣчалъ мистеръ Бэрло, крайне озабоченнымъ голосомъ.

Не смотря на всѣ пріятности, приписываемыя, этому дѣлу Брейлемъ, адвокатъ охотно отказался бы отъ него, пользу этого самого джентельмена, будь малѣйшая возможность сдѣлать это. Даже при самыхъ благопріятныхъ обѣщаніяхъ, т. е. если ему удастся отыскать Гельстона и встать глазу на глазъ, перспектива эта не была особенно привлекательна. Онъ видѣлся съ нимъ въ послѣдній разъ за его жизнь въ качествѣ гостя и друга. Самымъ дорогимъ желаніемъ было соединиться съ нимъ еще болѣе тѣсными у

человѣкъ этотъ опозорилъ себя и всѣхъ своихъ, и лучшее, на что можно было надѣяться, это была бы готовность съ его стороны искупить и поправить свою вину. Но, во всякомъ случаѣ, какъ затруднительна и неприятна будетъ ихъ встрѣча. Затѣмъ, какъ уже намекалъ о томъ сыщикъ, ему вѣроятно придется по-неволѣ познакомиться и съ этою, далеко не порядочною молодою женщиною; да и самъ маіоръ Ловель не былъ изъ тѣхъ людей, съ которыми бы онъ желалъ имѣть сношенія. Смотри онъ на дѣло исключительно со стороны закона и правосудія, онъ несомнѣнно зналъ бы, какъ взяться за него; но при настоящихъ условіяхъ, стороннія причины такъ сильно связывали его, что онъ положительно не могъ начертать себѣ предварительнаго плана. Къ тому же, хотя это было вопросомъ совершенно второстепеннымъ, мистеръ Барло получилъ прекрасное, но исключительно англійское воспитаніе; другими словами, онъ отлично зналъ наизусть чуть-ли не всего Горация, между тѣмъ какъ не имѣлъ понятія о французскомъ языкѣ; да и вообще весь континентъ былъ для него такъ же чуждъ, какъ центральная Африка первымъ знаменитымъ путешественникамъ, и ему приходилось куда хуже послѣднихъ, такъ какъ онъ не имѣлъ вѣрнаго туземца, который руководилъ бы его стопами и передавалъ бы его мысли. Это можетъ показаться незначительнымъ относительно важнаго дѣла, имъ предпринимаемаго, но въ сущности оно далеко не такъ. Неудобство это вполне испытали всѣ подобные ему путешественники, у которыхъ въ чужой странѣ вдругъ заболѣвалъ кто либо изъ близкихъ, или случалось дѣло, не терпящее отлагательства; они знаютъ, до какой степени самое маленькое промедленіе или недоразумѣніе часто можетъ повредить, и если подобнымъ случайностямъ иногда подвергаются въ незнакомомъ городѣ люди, хорошо говорящіе на мѣстномъ языкѣ, то какъ тяжело должно подчасъ приходиться тѣмъ, которые говорятъ лишь на своемъ отечественномъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЯТАЯ.

Адвокатъ и маіоръ.

Маіоръ Фрэнкъ Барло пустился въ путь по направ-
 онъ сперва поѣхалъ на Фолькстонъ. Въ тѣ дни
 взрослые бессемерскіе двойные пароходы; но

надо полагать, что навряд-ли бы и это благословенное изобрѣтеніе спасло его отъ всѣхъ печальныхъ послѣдствій морской болѣзни. Вся натура его противилась подобнымъ экспериментамъ, и если случилось ему доселѣ скользнуть по волнамъ, то не иначе, какъ при посредствѣ плывучаго моста, соединяющаго Госпортъ съ Портсмутомъ. А всѣ мы знаемъ, что творить океанъ надъ непосвященнымъ. Онъ принимаетъ его нѣсколько на подобіе того, какъ въ былыя времена товарищи принимали новаго мичмана въ свою среду. Когда мистеръ Бэрло вступилъ на Булонскій берегъ, онъ былъ въ такомъ плачевномъ состояніи, что, кажется, скорѣе согласился бы принять французское подданство и навсегда поселиться во Франціи, нежели вторично переплыть каналъ. Къ довершенію несчастія, во всемъ буфетѣ желѣзной дороги не отыскалось ничего подкрѣпительнаго для ввбаламученнаго желудка, кромѣ какого-то невообразимо-каменистаго печенія, маленькихъ палочекъ шоколада и очень большихъ судювъ съ уксусомъ и прованскимъ масломъ. Правда, онъ добылъ себѣ супу, но такъ какъ послѣдній состоялъ исключительно изъ горячей воды, нѣсколько заправленной масломъ, то отъ него было мало пользы.

Годы спустя послѣ этой единственной пытки, такъ какъ онъ больше никогда не покидалъ родной страны, мистеръ Бэрло имѣлъ обыкновеніе замѣчать, что хотя во время своихъ странствованій по континенту онъ часто видѣлъ въ живомъ видѣ то, что обыкновенно употребляется на сушъ, но въ супахъ никогда не замѣчалъ и малѣйшаго признака этого полезнаго животнаго. На одной станціи ему удалось-таки добыть себѣ апельсинъ, единственную знакомую ему пищу и которой, слѣдовательно, онъ могъ довѣрять, и купилъ онъ ихъ за полфранка штуку. Однако, сильный голодъ принудилъ его раздобыться какими-то сомнительными пирожками, начиненными чуть-ли не однимъ анисомъ. Такимъ образомъ страдая остатками морской болѣзни, соединенной съ новою тошнотою, возбужденной обиліемъ аниса и тоскою по родинѣ, начинавшей уже проявляться, мистеръ Фрэнъ Бэрло пріѣхалъ въ Парижъ и остановился въ луврскомъ отелѣ. Онъ нисколько не опечалился тѣмъ, что не засталъ маіора Ловеля дома, такъ какъ это дало ему возможность нѣсколько оправиться и отдохнуть. Воспользовавшись сперва этимъ, онъ послалъ маіору короткую записку, прося свиданія по важному дѣлу, послѣ чего сталъ ожидать отвѣта съ своимъ обычнымъ и невозмутимымъ спокойствіемъ.

Въ тотъ же вечеръ пришелъ отвѣтъ отъ маіора, выразившаго

согласіе на его просьбу, и мистеръ Бэрло, не теряя ни минуты, отправился къ нему въ номеръ.

Трудно было себѣ представить двухъ людей одинаковыхъ лѣтъ, того же положенія въ свѣтѣ и одной національности, имѣвшихъ такъ мало общаго, какъ Фредерикъ Ловель и Фрэнкъ Бэрло. Съ послѣднимъ мы уже знакомы какъ съ вполне честнымъ малымъ, преданнымъ своей професіи и своей невѣстѣ, строгой нравственности и искренно, хотя безъ фанатизма, религиознымъ, однимъ словомъ прекраснымъ представителемъ средняго сословія, къ которому онъ и принадлежалъ. Въ положеніи общественномъ оба стояли на одной ступени, однако жизненная обстановка маіора была болѣе аристократична съ самаго начала. Родители его умерли рано, и дядя, бывшій въ то время его опекуномъ, помѣстилъ его въ общественное училище, откуда онъ прямо поступилъ въ военную службу. Такимъ образомъ воспитаніе получилъ онъ весьма ограниченное, въ нравственномъ же отношеніи былъ совершенно предоставленъ самому себѣ. Отецъ его когда-то пользовался нѣкоторою знаменитостію въ тѣхъ фэшенебельныхъ кружкахъ, о которыхъ Бэрло отецъ не имѣлъ и понятія, и былъ извѣстенъ подъ именемъ «Ловеля Гусеницы». Прозвище это возникло вслѣдствіе того, что у него было вышеназванное насекомое, на которое, въ дни регентства, когда подобныя эксцентричныя выходы были въ модѣ, онъ обыкновенно держалъ огромныя денежныя пари, заключавшіяся въ томъ, что гусеница его выползетъ изъ глубокой тарелки съ гораздо большею поспѣшностію, чѣмъ всякое другое подобное животное. Это насекомое было источникомъ всѣхъ его доходовъ, пока, наконецъ, кто-то не открылъ, что тарелка предварительно грѣлась, вслѣдствіе чего доходы Ловеля-отца изсякли.

Послѣ него осталось очень мало, но Фредерикъ возлагалъ большія надежды на дядю, ученаго холостяка. Астрономія была слабостію старика и онъ обладалъ самымъ большимъ телескопомъ и самую высокою обсерваторію во всемъ государствѣ. Когда ожидались важныя передвиженія планетъ, то тераса его обыкновенно вся покрывалась веревками съ деревянными гвоздями и затычками, изображавшими явленіе, совершавшееся въ небесныхъ сферахъ. Однажды, когда мистеръ Фредерикъ проводилъ праздники въ домѣ дяди, онъ раззорилъ это ученое построеніе, для того, чтобы устроить какую-то игру, и затѣмъ, устанавливая все по прежнему, совершенно непростительно перепуталъ Юпитера съ Венерою. Подобное самовольное вторженіе въ теченіе небесныхъ свѣтилъ обошлось ему лишеніемъ на-

слѣдства. Большая часть состоянія дяди была завѣщана въ пользу научныхъ изысканій, между тѣмъ, какъ самъ Фредерикъ остался бѣднякомъ съ большими наклонностями къ мотовству, обладая лишь красивою наружностью и изящными манерами, при помощи которыхъ онъ надѣялся проложить себѣ дорогу. Не смотря на то, онъ никогда не ѣздилъ въ омнибусахъ и иначе не останавливался въ отеляхъ, даже парижскихъ, какъ беря номеръ съ отдѣльною гостиною. Въ настоящую минуту, онъ въ ней и находился, лежа на кушеткѣ съ папиросою во рту и съ «Парижскою Жизнью» въ рукахъ. При появленіи Бэрло, онъ немедленно всталъ, и его изящный и вѣжливый поклонъ очень благопріятно для него контрировалъ съ холоднымъ и неловкимъ поклономъ адвоката. Маіоръ попросилъ его сѣсть.

— Кажется, имѣю удовольствіе говорить съ мистеромъ Бэрло?

— Да, я рѣшился потревожить васъ по очень важному дѣлу, относительно котораго, согласно отзыву сэра Чарльса Перджитера, вы имѣете кое-что сообщить. Дѣло это касается Мэтью Гельстона.

Краска выступила на блѣдномъ и красивомъ лицѣ маіора.

— Вы дѣйствуете именемъ сэра Чарльса? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сэръ. Я адвокатъ.

Маіоръ поклонился еще съ большею почтительностью, чѣмъ первый разъ, но также и съ большею холодною. Его жизненный опытъ по части адвокатовъ не былъ особенно благопріятенъ послѣднимъ.

— Цѣль моего пріѣзда въ Парижъ, маіоръ Ловель, заключается во первыхъ, въ томъ, чтобы отыскать мѣстожительство мистера Гельстона; а во вторыхъ, чтобы вернуть пропавшіе брилліанты.

— Значитъ, вы дѣйствуете согласно инструкціямъ мистера Сайнэта, возразилъ тотъ. — Впрочемъ, теперь это не составляетъ почти никакой разницы, такъ какъ, судя по письму, которое я получилъ отъ сэра Чарльса сегодня вечеромъ, интересы ихъ сходятся. Очень жаль, что не могу вамъ помочь, мистеръ Бэрло; но я не знаю гдѣ находится мистеръ Гельстонъ, а тѣмъ менѣе не знаю, гдѣ брилліанты.

— А между тѣмъ вы видѣли мистера Гельстона.

— Нѣтъ, сэръ, я его не видѣлъ; и, говоря откровенно, если-бы я и видѣлъ его, я бы не считалъ себя вправѣ сообщить вамъ что бы то ни было касательно этого человѣка. Вы,

можетъ быть, отвѣтите мнѣ на это, что долгъ каждаго способствовать дѣлу правосудія. Я этого и не оспариваю; я только пользуюсь своимъ правомъ поступать по собственному убѣжденію и, слѣдовательно, не могу вамъ помочь въ настоящемъ случаѣ.

— Вы говорите о личномъ убѣжденіи, сказалъ мистеръ Барло,—а между тѣмъ, не есть ли это, скорѣе, какое нибудь личное чувство, которое руководитъ вами при этомъ отказѣ помочь мнѣ? Мнѣ также не безвѣстно, что хотя вы теперь и чужды другъ другу, но, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обстоятельства столкнули васъ съ Мэтью Гельстономъ.

— Можетъ быть, сэръ, отвѣтилъ тотъ высовомѣрно;—но, во всякомъ случаѣ, я не желаю касаться этого въ разговорѣ съ постороннимъ.

— Сознаюсь, хотя я и читалъ о томъ, что если кто-либо сдѣлалъ зло другому, то его обуреваютъ искушеніе еще и еще вредить ему, но я все-таки не могу себѣ представить, чтобы порядочный человѣкъ, видящій соперника у ногъ своихъ, и безъ того разбитаго, еще сталъ бы помогать топтать его. Я здѣсь въ качествѣ друга Мэтью Гельстона и хотѣлъ бы, насколько это въ моихъ силахъ, помочь ему выйти изъ этого ужаснаго положенія. Увидь я его, мнѣ удалось бы, можетъ быть, уговорить его по возможности искупить свою вину. Я узналъ бы, во всякомъ случаѣ, живъ ли онъ, тогда какъ, въ настоящую минуту, его бѣдная жена ничего о немъ не знаетъ и невыносимо по немъ терзается.

— Поклянитесь же мнѣ, внезапно перебилъ его маіоръ,—что это единственная причина, руководящая вами; что вы не дѣйствуете въ виду полученія награды, предложенной лэди Перджитеръ, или въ виду исполненія инструкцій ея же, или мистера Сайнэта, и ни въ какомъ случаѣ съ цѣлью причинить какой либо вредъ Гельстону.

— Видитъ Богъ, что нѣтъ, маіоръ Ловелль торжественно произнесъ адвокатъ.—Если я при этомъ прибавлю, что лучшая моя надежда—жениться на особѣ очень близкой и дорогой ему, не смотря на все случившееся, то вы легко сообразите, могу ли я желать ему зла, и способенъ ли я предать его въ руки правосудія, не смотря на все свое уваженіе къ законамъ моей страны.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ маіоръ,—всѣ мои свѣдѣнія касательно этого дѣла къ вашимъ услугамъ; боюсь только, что онѣ далеко недостаточны. Во всякомъ случаѣ, вамъ самому

лучше объ этомъ судить; я же, съ своей стороны, просто передамъ вамъ все мнѣ извѣстное.

— Можно у васъ попросить пера и чернилъ? спросилъ адвокатъ.

Вслѣдствіе этого онъ былъ немедленно снабженъ вышеназванными предметами, но въ такой оригинальной формѣ, что онъ едва ихъ призналъ: чернильница представляла яйцо, лежавшее въ птичьемъ гнѣздѣ, а гусиное перо было все унизано бисеромъ и на концѣ его висѣла кисточка.

— Я видѣлъ мистера Гельстона всего дважды въ жизни, и каждый разъ самое непродолжительное время, началъ майоръ;— но, благодаря обстоятельствамъ, на которыя вы намекнули, извѣстіе объ его исчезновеніи вмѣстѣ съ перджитерскими брилліантами возбудило во мнѣ большой интересъ, чѣмъ это могло бы быть при другихъ условіяхъ. Я долженъ, между прочимъ, замѣтить, что разъ привелось мнѣ также быть свидѣтелемъ одной сцены, во время которой леди Перджитеръ обошлась съ нимъ крайне дерзко, причемъ я его искренно пожалѣлъ, и хотя онъ, нѣсколько времени спустя, выразилъ удовольствіе по случаю одного несчастія со мною, а именно, денежной потери вслѣдствіе проигрыша пари, я не былъ на него за это въ претензіи, хорошо сознавая, что онъ имѣетъ достаточную причину относиться во мнѣ враждебно. Пари же это я держалъ съ капитаномъ Лангтономъ, и такъ какъ Гельстонъ въ его присутствіи нѣкоторымъ образомъ оскорбилъ меня...

— Извините, майоръ Ловель, перебилъ его адвокатъ;— но при какихъ обстоятельствахъ встрѣтилъ васъ Гельстонъ въ обществѣ капитана Лангтона? Мистеръ Барло повидимому придавалъ этому факту особенное значеніе; являлось сомнѣніе относительно того, не имѣлъ ли Гельстонъ знакомыхъ, совершенно неизвѣстныхъ его друзьямъ и семейству.

— Все это было дѣломъ одной минуты. Мы, однажды, ночью остановили его къбъ, принявъ его за незнакомаго, для того, чтобы онъ рѣшилъ наше пари, т. е. это сдѣлалъ собственно Лангтонъ.

— Странно! пробормоталъ мистеръ Барло, крайне озадаченный подобною выходкою.

— И вотъ почему, продолжалъ майоръ, — хотя сознаю, что слѣдовало бы объ этомъ умолчать, — я говорилъ съ Лангтономъ о Гельстонѣ послѣ этой покражи.

— Значить вы уже съ самаго начала были убѣждены въ его виновности?

— Да, дѣло это и тогда показалось мнѣ очень сомнительнымъ, хотя я первое время объ этомъ не говорилъ, также какъ и Лангтонъ. Онъ же, напротивъ того, предполагалъ, что воровство совершенно самимъ Перджитеромъ, очень нуждавшимся въ деньгахъ.

— Но онъ не могъ серьезно этого предполагать? спросилъ изумленный адвокатъ.

— Онъ говорилъ это полушутя, полусерьезно; вообще Лангтонъ очень странный человѣкъ. Теперь я припоминаю, что говорилъ съ нимъ объ этой кражѣ, вслѣдствіе желанія, разъ какъ-то выраженнаго имъ, увидѣть эти брилліанты; и онъ, зная что я друженъ съ Перджитеромъ, просилъ меня доставить ему этотъ случай.

— И вы это сдѣлали?

— Нѣтъ! Лангтонъ не изъ числа тѣхъ людей, которыхъ я желалъ бы знакомить съ своими друзьями. Я ему отказалъ, представивъ какое-то извиненіе.

Хотя разсказъ маіора повидимому не представлялъ особеннаго значенія, однако, онъ сильно заинтересовалъ адвоката.

— Вы намекнули на то, возразилъ онъ,—что этотъ капитанъ Лангтонъ не особенный вамъ пріятель; нельзя ли васъ спросить, что вамъ о немъ извѣстно?

— Да очень мало; это только клубное знакомство, и онъ въ нашемъ обществѣ не пользуется популярностью, что, впрочемъ, легко объясняется его постоянными выигрышами; однако, нѣкоторые изъ нашихъ очень его не долюбиваютъ, и между прочимъ, сэръ Чарльсъ Перджитеръ. Я помню, онъ какъ-то разъ сказалъ въ клубѣ, что Лангтонъ навѣрное когда-либо совершилъ убійство, и кто-то ему на это отвѣтилъ: «о да! но только на морѣ», и это мнѣ кажется не совсѣмъ-то невѣроятнымъ.

— Стало ли вамъ извѣстно сейчасъ же о грабежѣ въ Мур-стритѣ? спросилъ Берло.

— О нѣтъ, мы узнали объ этомъ послѣ.

— А не говорили ли вы объ этомъ дѣлѣ съ капитаномъ Лангтономъ на другой день?

— Нѣтъ, онъ немедленно послѣ того уѣхалъ въ Парижъ съ намѣреніемъ провести тамъ праздники Рождества; о Гельстонѣ же мы говорили уже нѣсколько времени спустя, а именно послѣ объявленія лэди Перджитеръ о предлагаемой наградѣ. Онъ замѣтилъ, что мелоди опоздала, такъ какъ Гельстонъ уже болѣе недѣли въ Парижѣ и, вѣроятно, успѣлъ пристроить

бриллианты; онъ даже называлъ какого-то ювелира въ улицѣ Бри, которому тотъ ихъ предлагалъ.

— Но какимъ образомъ могло это сдѣлаться извѣстнымъ капитану Лангтону?

— Не могу вамъ сказать; одно мнѣ, впрочемъ, хорошо извѣстно: самъ Лангтонъ не очень-то гнушается разныхъ темныхъ дѣлъ; не было ли у него собственнаго дѣла съ этимъ бриллиантинкомъ. Повторяю, онъ нѣсколько сомнительный субъектъ.

— А между тѣмъ вы, вслѣдствіе его же показанія, написали лѣди Перджитеръ о присутствіи Гельстона въ Парижѣ.

— Нѣтъ, не совсѣмъ, проговорилъ маіоръ, краснѣя и въ замѣшательствѣ.— Правда, самъ я его не видѣлъ; но за то я видѣлъ другую личность, присутствіе которой здѣсь, взявъ при этомъ во вниманіе показаніе Лангтона, убѣдило меня въ томъ, что это правда.

— Однако, я не совсѣмъ васъ понимаю, маіоръ Ловель; простите, если я принужденъ коснуться нѣсколько щекотливаго вопроса, но въ настоящую минуту это весьма важно.

— Вотъ видите ли, дѣло въ томъ, что я встрѣтилъ здѣсь на улицѣ особу, въ которой мистеръ Гельстонъ въ ранней молодости былъ очень привязанъ, и...

— То есть Фэбу Мейсонъ?

— Именно ее! Лангтонъ сообщилъ мнѣ свѣдѣніе, почерпнутое имъ неизвѣстно изъ какихъ источниковъ, о томъ, будто Гельстонъ возобновилъ свои сношенія съ нею, и что они вмѣстѣ пріѣхали въ Парижъ. Весь его разговоръ показался мнѣ настолько правдоподобнымъ, что я счелъ за долгъ, и главное въ виду отказа мистера Сайнота признать себя отвѣтственнымъ за пропажу, сообщить Перджитеру о положеніи вещей. Но могу васъ увѣрить, что я сдѣлалъ это очень неохотно.

— Я въ этомъ убѣжденъ, сказалъ мистеръ Бэрло;— но между прочимъ, вамъ, конечно, неизвѣстно, гдѣ живетъ молодая особа, о которой вы говорите?

— Безъ всякаго сомнѣнія нѣтъ, возразилъ маіоръ тономъ увѣденнаго самолюбія.

— А имя ювелира?

— Оно или Монтеръ, или Монтанъ, французскій языкъ Лангтона очень неясенъ; но улица Бри, гдѣ онъ живетъ, невелика, и вы, конечно, отыщете его безъ особеннаго затрудненія.

— Очень благодаренъ вамъ, маіоръ Ловель, сказалъ вставая Бэрло;— вы поступили вполне благородно.

— Совсѣмъ нѣтъ, оправдывался маіоръ. — Прошу васъ принять мои лучшія пожеланія не только относительно отысканія бриліантовъ, но и относительно извлеченія вашего друга изъ когтей правосудія. Добраго вечера!

При всякихъ другихъ обстоятельствахъ Берло горячо бы протестовалъ противъ фразы, обвинявшей его въ весьма противозаконныхъ намѣреніяхъ; но онъ былъ слишкомъ доволенъ поведеніемъ своего собесѣдника и слишкомъ занятъ одною мыслью, возникшею вслѣдствіе разсказа, и потому отнесся къ этому вновь хладнокровно. То, что его такъ занимало, въ глазахъ маіора повидимому не имѣло большаго значенія; въ его же — оно принимало каждую минуту все болѣе и болѣе ясныя очертанія и, наконецъ, обрисовало ему самаго капитана Лангтона, человѣка такъ сильно желавшаго взглянуть на перджитерскіе бриліанты и хотя и терпимаго въ нѣкоторыхъ слояхъ общества, но однако подозрѣваемаго даже въ убійствѣ. Берло, не смотря на всѣ свои предположенія относительно Гельстона, все-таки не хотѣлъ допустить, чтобы подобный человѣкъ былъ друженъ съ нимъ, а тѣмъ болѣе пользовался его довѣріемъ. Какимъ же образомъ могло быть тому извѣстно, что Гельстонъ въ Парижѣ, что бриліанты при немъ, и что онъ даже собирался ихъ пристроить.

Подобное важное соображеніе, сопоставленное съ нѣкоторыми возможностями, естественно изъ него истекавшими, и съ тѣми непривычными и странными движеніями, которыя совершались надъ нимъ пуховикъ, покрывавшій его постель, имѣли результатомъ для мистера Берло очень тревожную первую ночь въ Парижѣ.

ГЛАВА СОРОКЪ ШЕСТАЯ.

Собираютъ свѣдѣнія.

Хорошіе лингвисты часто утверждаютъ въ утѣшеніе ли тѣхъ, кому не только чуждъ французскій языкъ Парижа, но даже и французскій языкъ какого-либо жалкаго англійскаго провинціального городишка, или же къ ихъ огорченію и даже отчаянію, что всѣ парижане говорятъ по-англійски; наконецъ, если они не рѣшаются прямо утверждать такую очевидную ложь, то по крайней мѣрѣ увѣряютъ, что въ этомъ всемірномъ городѣ масса людей понимаютъ по англійски, и что во всякомъ слу-

чай въ отеляхъ и въ лавкахъ вы почувствуете себя совершенно какъ дома. Они никогда не намекаютъ на то, что весь разговоръ злосчастнаго островитянина во время его пребыванія на континентѣ неминуемо сведется къ жалкому перебиранию словъ, почерпнутыхъ изъ карманнаго словаря, и что дай Богъ ему съумѣть достаточно ясно пояснить свои нужды отельной прислугѣ. Но бѣдному мистеру Бэрло и съ прислугою не повезло; а въ лавкахъ ему приходилось прибѣгать исключительно къ пантомимамъ. Улицу Бри ему, наконецъ, удалось отыскать при помощи плана, но самаго Монтера онъ долго не могъ найти; онъ все искалъ магазинъ и никакъ не воображалъ, что господинъ этотъ занимаетъ цѣлый небольшой домъ, лежащій въ глубинѣ порядочнаго двора. Когда же, наконецъ, онъ узрѣлъ самаго хозяина, приваившаго его въ гостиной въ самомъ оригинальномъ костюмѣ и съ бархатною шапочкою на головѣ, то онъ съ минуту не зналъ, стоитъ ли онъ въ присутствіи бриллиантника или обезьяны. Онъ даже нѣсколько склонился къ послѣднему предположенію, въ виду того, что Монтеръ принялъ его съ обычною своею націю любезностью, т. е. съ невѣроятными поддѣргиваніями и безперерывною болтовнею. Наконецъ, мистеру Бэрло удалось-таки объяснить, что онъ англичанинъ, и новый его знакомецъ воскликнулъ немедленно самымъ восторженнымъ тономъ.

— Отлично! отлично! я сейчасъ позову мою дочь! Сказавъ это, онъ позвонилъ, приказавъ что-то вонедшей горничной, и минуту спустя изумленнымъ взоромъ мистера Бэрло представилась очень молоденькая дѣвушка-подростокъ, довольно привлекательной наружности. Оказалось, что это и была дочь Монтера, побывавшая въ туманномъ Альбіонѣ и, слѣдовательно, говорившая по-англійски, какъ чистокровная англичанка.

Послѣ нѣсколькихъ объяснительныхъ словъ со стороны старика, она обратилась къ адвокату съ словами:

— У васъ есть дѣло до моего папа; отлично! Говорите мнѣ, а я стану передавать ему; ну, валяйте!

Мистеръ Бэрло въ изумленіи уставился на нее; однако молодая дѣвушка, хотя повидимому довольная дѣломъ, ей предложеннымъ, оставалась совершенно серьезна.

— Я рѣшился обратиться къ моему Монтеру, сказалъ онъ, — по нѣкоторому дѣлу, которое, впрочемъ, едва-ли заслуживаетъ этого имени; но я все-таки надѣюсь на его любезность и вниманіе. Одинъ джентельменъ, которымъ я сильно интересуюсь, внезапно пропалъ изъ своей семьи, къ ея невыразимому горю

и ужасу, и вотъ я прїѣхалъ въ Парижъ, съ намѣреніемъ отыскать его. Я имѣю основаніе предполагать, что нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ у вашего отца по дѣлу о продажѣ брилліантовъ.

Слова эти были переданы брилліантщику при посредствѣ его дочери и черезъ нее же онъ отвѣтилъ, что дѣйствительно на прошлой недѣлѣ былъ у него одинъ соотечественникъ Барло, но по совершенно другому дѣлу.

— Ужъ пожалуйста только не думайте, что отецъ мой дастъ вамъ какія-либо свѣдѣнія касательно этого дѣла, если у васъ нѣтъ на то достаточныхъ правъ, сказала она самымъ нѣжнымъ и вроткимъ голосомъ, словно говорила: «отецъ мой искренно и глубоко объ этомъ сожалеетъ».

Мистеръ Барло былъ очень озадаченъ этими словами и лицо его значительно вытянулось.

— Вы вѣрно родственникъ этого господина, который такъ взвѣлся на свою сволочь дома, за то, что его хотѣли обкарнать? съ нѣжностью освѣдомилась молодая дѣвушка. Ее нельзя было назвать красавицею, такъ какъ скулы ея были слишкомъ выступающія, но за то глаза были очаровательны и голосъ крайне симпатиченъ; не будь этого непопозволительнаго трущобно-англійскаго языка, онъ навѣрное призналъ бы за нею всѣ прелести женственности. Его не мало затруднялъ французскій языкъ, которымъ говорили французы, но англійскій языкъ этой молодой дѣвушки просто ужасалъ его.

— Нѣтъ, я не родственникъ особы, о которой идетъ рѣчь, началъ онъ.

— Именуемой Вѣтомъ, востѣшно и серьезно встала она.

— Вотъ именно; но возможно, даже очень вѣроятно, что я скоро породнюсь съ нею.

— А, съ живостью проговорила она:—вы вѣрно собираетесь жениться на его сестрѣ! Вы уже клюнули?

Это превышало всякую мѣру. Мистеру Барло казалось святотатствомъ, что осмѣливаются говорить о его любви съ такимъ ухарствомъ; однако слѣдовало заручиться расположеніемъ этой молодой особы.

— Да, мадемуазель, я клюнулъ.

Вслѣдствіе этого, мадемуазель восторженно захопала ладошами и, обращаясь къ отцу, казалось ходатайствовала передъ нимъ въ пользу мистера Барло.

— Отецъ мой проситъ васъ описать ему наружность вашего будущаго зятя, сказала она,—иначе онъ не можетъ сооб-

щить вамъ его адреса. Папа мой человѣкъ дѣловой, какъ вы видите; къ тому же, добавила она самымъ ласковымъ голосомъ, — онъ не какой нибудь болванъ, и вамъ его едва-ли удастся одурачить.

— Могу васъ увѣрить, мадемуазель, я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія дурачить его, защищался мистеръ Бэрло. — Зять мой приблизительно моего же роста, только сложенія болѣе плотнаго.

— Какъ вы сказали? Да, впрочемъ, понимаю; вѣдь я же его видѣла. Да, онъ коренастый, дюжій.

— У него коротко-остриженные каштановые волосы, и лицо его серьезно.

— Да, именно такъ. Онъ съ виду тяжеловѣсенъ, и, какъ вы англичане выражаетесь, онъ проглазѣлъ свое счастье и словно потерялъ свой шилингъ.

— Онъ потерялъ гораздо больше этого, вздыхалъ мистеръ Бэрло. — Если Монтеръ еще сомнѣвается въ моемъ личномъ знакомствѣ съ этимъ джентельменомъ, то какъ подтвержденіе, я могу привести тотъ фактъ, что мнѣ известно дѣло, по которому онъ къ вамъ обратился. Онъ желалъ продать бриліанты вотъ подобныя этимъ. И онъ развернулъ рисунокъ, изображавшій перджитерскую парюру, полученный имъ отъ мистера Брейля.

Ювелиръ взялъ рисунокъ и съ любопытствомъ сталъ его разсматривать.

— Да, это правда, сказалъ онъ по-французски; — и я, пожалуй, согласился бы купить ихъ, дай мнѣ этотъ джентельменъ нѣсколько объясненій, которыхъ я отъ него требовалъ. Изъ твоихъ словъ, моя милочка, я вижу, что бриліанты эти принадлежать, по всей вѣроятности, его женѣ и, слѣдовательно, онъ на нихъ правъ не имѣетъ. Она же должно быть очень богата. Надѣюсь, однако, что я достаточно уважилъ его желаніе оставить дѣло въ секретѣ; а нашъ гость, повидимому, имѣетъ право на тѣ свѣдѣнія, которыя мы можемъ ему дать. Вотъ адресъ этого джентельмена: отель де-ла-Фонтэнъ, улица Симонъ.

— Вы очень добры, мадемуазель, сказалъ Бэрло съ благодарностью, когда слова эти были переданы ему. — Вы облегчили мнѣ дѣло, представлявшее первоначально большое для меня затрудненіе.

— Не стоитъ благодарности, сэръ, любезно отвѣтила она; — напрасно вы повѣсили носъ и изображаете изъ себя утѣу

во время грозы; повѣрьте, все тринь-трава, пока уцѣлѣлъ хоть одинъ зарядъ!

— Вашъ совѣтъ превосходенъ, мадемуазель, сказалъ Бэрло, и затѣмъ прибавилъ съ неудержимымъ любопытствомъ:—осмѣлюсь васъ спросить, гдѣ вы научились англійскому языку?

— Да, да, меня всегда спрашиваютъ, гдѣ я научилась по-англійски, вскричала она вся сіяющая.—И вѣдь я говорю какъ чистокровная англичанка, неправда-ли?

— Несомнѣнно, мадемуазель; скажу даже болѣе: далеко не всѣ англичанки такъ говорятъ.

— И это все благодаря моимъ двумъ кузенамъ изъ рэгбійской школы. Они обучали меня этому нарѣчію во время всѣхъ рождественскихъ вакацій въ домѣ своей матери. Да, я говорю самымъ бравымъ англійскимъ языкомъ; не такъ ли, дружище?

Что могъ сказать ей на это мистеръ Бэрло? Она такъ наивно игнорировала свои лингвистическія погрѣшности и сама, напротивъ того, такъ ими восторгалась, что было бы жестокостью разувѣрять ее. Онъ только могъ протянуть ей руку и радушно проститься съ нею.

— То! то! то! воскликнула она съ наивнымъ восхищеніемъ ребенка, выгружающаго всѣ свои познанія,—ну, съ Богомъ и проваливайте по-добру по-здорову!

Мистеръ Бэрло не обладалъ юмористическимъ духомъ, къ тому же черныя мысли преслѣдовали его, однако его невольно позабавила эта наивная, простодушная дѣвушка. Его смѣшило въ особенности то безграничное восхищеніе и довѣріе къ ея англійскому языку, какое выказывалъ отецъ, даже когда разговоръ касался серьезнаго дѣла. Но когда привратникъ закрылъ за нимъ входную дверь, ему показалось, что онъ навѣки простился съ беззаботнымъ смѣхомъ и веселостью. Не смотря на свое адвокатство, мистеръ Бэрло обладалъ весьма впечатлительною совѣстью и потому укорялъ себя за то, что хоть на одну минуту, но не воздержался отъ проявленія насмѣшливости, тогда какъ извѣстіе, ему только что сообщенное, должно было привести его въ полнѣйшее уныніе. Всякая искра надежды, тлѣвшая въ немъ до того, должна была теперь безвозвратно потухнуть. Правда, онъ забылъ показать Монтеру портретъ Мэтью; но изустное описаніе его наружности, данное самимъ же Бэрло бриллианщику, до такой степени согласовалось съ воспоминаніями о немъ послѣдняго, что не могло оставаться ни ма-

дѣйшаго сомнѣнія относительно отождествленія мнимаго Бэтта съ дѣйствительнымъ Гельстономъ.

И вотъ теперь придется ему объясниться съ нимъ съ глазу на глазъ. Не уличать его, нѣтъ, такъ какъ самыя обстоятельства уже достаточно уличили его, но придется приложить всѣ старанія, чтобы возбудить въ немъ не желаніе исправиться или чувство раскаянія, такъ какъ это уже поздно, а хотъ желаніе по возможности поправить свою вину.

Странно, до какой степени онъ въ ту минуту мало думалъ о своемъ собственномъ горѣ и даже о тѣхъ тяжелыхъ послѣдствіяхъ, какія преступленіе Мэтью должны были имѣть для всего его семейства. Онъ былъ почти всецѣло охваченъ чувствомъ глубочайшаго сожалѣнія къ нему. Что скажетъ онъ, по возвращеніи, женѣ и сестрѣ его? Однако настоящее было настолько тяжело, что всѣ мысли о будущемъ уходили на второй планъ.

Онъ нанялъ фіакръ и остановился на углу улицы Симонъ. Онъ словно хотѣлъ отдалить тяжелую минуту объясненія и предпочелъ дойти пѣшкомъ до отеля, который разбискивалъ. Съ томительнымъ чувствомъ подвигался онъ впередъ, мысленно даже рассчитывая на то, что быть можетъ не застанетъ Мэтью, или даже что тотъ успѣлъ перемѣнить квартиру въ виду всѣхъ поисковъ, направленныхъ противъ него.

Отель этотъ былъ нѣсколько претензiознаго вида, и мистеръ Бэрло невольно подумалъ: если Мэтью живетъ въ этомъ отелѣ со времени своего исчезновенія, то, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ перджитерскихъ бриліантовъ долженъ быть проданъ, чтобы заплатить всѣ издержки. Выборъ такого элегантнаго мѣста вообще не согласовался съ его старыми привычками и его расчетливостью; но что значило все это, когда имъ были попораны всѣ главныя, основныя жизненныя правила.

Дворъ гостиницы былъ открытъ и выходилъ на улицу, и Бэрло направился къ швейцару, чтобы спросить про мистера Бэтта. Имена всѣхъ постояльцевъ были написаны на доскѣ, вѣшанной на стѣнѣ, и тѣ, которые вышли съ утра, были отмѣчены крестомъ.

Мистеръ Бэттъ принадлежалъ, повидимому, къ числу послѣднихъ, такъ какъ швейцаръ, на вопросъ адвоката, отвѣчалъ отрицательно.

— Не знаете ли вы, когда онъ вернется? спросилъ послѣдній.

Швейцаръ не зналъ. Мистеръ Бэттъ обыкновенно уходилъ послѣ завтрака и не возвращался до полудня.

— Но миссисъ Бэттъ, какъ по обыкновенію, дома? добавилъ онъ.

Выраженіе «какъ по обыкновенію» не могло не имѣть для адвоката большаго значенія. Слова эти рисовали ему цѣлую картину пресыщенія и раскаянія. Онъ подозрѣвалъ, что Мэтью уже начиналъ тяготиться предметомъ своей преступной страсти и что совѣсть начинала сильно корить его.

— Можеть быть вы желаете видѣть миссисъ Бэттъ?

Вопросъ этотъ не мало его озадачилъ, такъ какъ въ числѣ всѣхъ затруднительныхъ положеній, рисовавшихся его воображенію, ему ни разу не представлялась возможность бесѣды съ глазу на глазъ съ миссъ Фэбою Мейсонъ.

А между тѣмъ разочарованіе это не было ли взаимно? Не раскаявалась ли сама дѣвушка въ своемъ поступкѣ и не желала ли она, съ своей стороны, освободиться отъ узъ, связывавшихъ ее съ бѣглецомъ? И не удастся ли ему уговорить ее на подобный шагъ? Во всякомъ случаѣ свиданіе съ молодою женщиною не могло не разоблачить ему кое-чего, касавшагося настоящаго положенія Мэтью.

— Да, отвѣтилъ онъ съ внезапною рѣшимостью, — я желаю видѣть его жену.

И адвоката провели въ третій этажъ, въ номеръ, занимаемый мистеромъ Бэттомъ.

ГЛАВА СОРОКЪ СЕДЬМАЯ.

Съ Фэбою Мейсонъ.

Лавей привелъ мистера Бэрдо къ двери номера 53-го и скромно удалился, предоставивъ ему поступить далѣе, какъ ему заблагоразсудится, за что тотъ не зналъ чувствовать ли благодарность или наоборотъ, такъ какъ предстоящее дѣло принадлежало въ числу самыхъ щекотливыхъ. Но чѣмъ больше онъ о немъ думалъ, тѣмъ менѣе оно ему нравилось и начинало даже сильно смущать его, вслѣдствіе чего онъ безъ дальнѣйшихъ размышленій прямо постучалъ въ дверь. Отвѣта сперва не воспослѣдовало, только раздалось шуршаніе шелховаго платя, точно кто-то быстро поднялся съ мѣста; онъ постучалъ еще разъ и сильнѣе.

— Войдите, сказалъ женскій голосъ по-англійски.

Минуту спустя онъ стоялъ противъ говорившей. Ему казалось, что она сперва сидѣла вблизи двери, но, услышавъ его ступь, быстро удалилась въ углубленіе, недалеко отъ окна, гдѣ она оставалась въ тѣни. Это была высокая, стройная женщина, красиво сложенная, съ густыми каштановыми волосами, гораздо болѣе свѣтлыми, какъ ему показалось, чѣмъ у Эми, и съ прекрасными глазами, увлажненными слезами, слѣды которыхъ ясно замѣчались, не смотря на всѣ ея старанія скрыть ихъ.

— Что вамъ угодно, сэръ? рѣзко спросила она, голосомъ, въ которомъ звучала скорѣе досада, чѣмъ испугъ, хотя она видимо была встревожена.

— Я имѣю дѣло до мистера Бэтта, сказалъ Бэрло.

— Моего мужа нѣтъ дома. Развѣ швейцаръ вамъ этого не сказалъ?

— Да, сударыня; но онъ не могъ сообщить мнѣ ничего относительно времени его возвращенія; вотъ отчего я и рѣшился побеспокоить васъ.

— Мнѣ ничего неизвѣстно касательно дѣлъ мистера Бэтта, неохотно проговорила она. — Но если вы имѣете что-либо ему сказать, то я передамъ ему это.

— Вотъ именно. Я собственно это и имѣлъ въ виду. Вамъ, конечно, хорошо извѣстна цѣль его пріѣзда въ Парижъ?

Она пришла въ замѣшательство и покраснѣла; взоръ ея обѣжалъ маленькую гостиную, точно она искала какого-либо предмета, лежавшаго гдѣ-нибудь на столѣ или на стулѣ; затѣмъ она отвѣтила:

— Нѣтъ, сэръ, мнѣ рѣшительно ничего неизвѣстно о дѣлахъ мистера Бэтта.

— Вамъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно то, что имя, которымъ онъ теперь называется, вымышленное.

— Это едва-ли можетъ васъ касаться, сэръ, сказала она надменно и выпрямившись во всю свою вышину. Она была, дѣйствительно, очень хороша, еще красивѣе, чѣмъ казалось на портретѣ; хотя поза ее, нѣсколько аффектированная, напоминала портретъ болѣе, нежели въ первую минуту, но куда дѣвалась живость и беззаботность ея прежняго выраженія; теперь она казалась озабоченною и блѣдною, не смотря на краску, моментально выступившую на ея щекахъ при послѣднемъ вопросѣ.

— Простите меня, сударыня, если я кажусь вамъ невѣжливымъ, продолжалъ мистеръ Бэрло. — Но дѣло мое не терпитъ отлагательства.

— Однако, оно едва-ли может касаться меня, сэръ, замѣтила она.

— Извините, сударыня, но оно васъ касается, хотя и отчасти. Я пришелъ сюда во имя одной личности, которую вы оба оскорбили, если и не въ равной степени.

— Я никого не оскорбляла.

— Будемъ надѣяться, что неимѣренно, сударыня; хотя трудно допустить, чтобы фактъ его женитьбы былъ-бы вамъ безызвѣстенъ.

— Его женитьба! Какъ смѣете вы утверждать подобную вещь? Это ложь!

Она говорила съ негодованіемъ, но далеко не съ такимъ, съ какимъ говоритъ обманутая женщина. Да ему казалось и невѣроятнымъ, чтобы Фэбъ Мейсонъ могла остаться неизвѣстной женитьба Мэтью.

— Изъ сожалѣнію, сударыня, это правда; вы были причиною, хотя можете быть и безсознательною, распаденія очастливой семьи и того, что повинута любящая и вѣрная жена.

Къ его изумленію она громко и презрительно засмѣялась.

— Это уже слишкомъ, сказала она;—вы превышаете данныя вамъ уполномочія. Я теперь знаю; къмъ вы посланы.

— Если такъ, сударыня, то фактъ этотъ долженъ возбудить въ васъ не горечь и насмѣшку, а сожалѣніе и даже раскаяніе. Жалкое торжество, когда издѣваешься надъ чистыми и невинными, и, если я не ошибаюсь, торжество это будетъ очень кратковременно.

— Скажите, актеръ вы или сумасшедшій? произнесла она презрительно.

— Имя мое Фрэнкъ Берло; сказать вамъ, какое было вамъ передъ тѣмъ, что вы назвались Люси Мортлокъ или миссъ Ветъ? Имя это было Фэба Мейсонъ.

Въ своемъ возбужденіи она выступила на нѣсколько шаговъ впередъ, но теперь снова отступила въ свой темный уголъ; она видимо задрожала и проговорила нетвердымъ голосомъ:

— Такъ что-же, хоть-бы и такъ? Какое дѣло до этого вамъ или кому-либо другому? Последнія слова прозвучали какъ-то жалобно.

— Мнѣ — никакого, отвѣтилъ онъ;—не той, которую вы такъ ужасно оскорбили... Будь вы кто-либо иной, а не эта Фэба Мейсонъ, которой удалось похитить его первую любовь, для того, чтобы ее потомъ отбросить,—ни всей вашей красотѣ и

никакимъ хитростямъ и приманкамъ вашимъ не удалось-бы отнять у нея ея мужа. Теперь-же, воспользовавшись своимъ предательскимъ оружіемъ, вамъ удалось пронзить ея сердце. Даже больше, хуже того: вы не только оторвали его отъ семейнаго очага и отъ сердецъ, ему искренно преданныхъ, но вы были причиною того, что онъ—и это вамъ должно быть известно—отступился отъ чести и навсегда опозорилъ свое имя. Да, преступная женщина, благодаря тебѣ одной, Мэтью Гельстонъ сталъ воромъ.

— Мэтью Гельстонъ! — Она прижала руки въ груди и глядѣла на него въ нѣмомъ изумленіи. — Мэтью Гельстонъ! повторила она. — Что знаете вы о немъ, и какъ смѣете вы клеветать на него и мнѣ? Мэтью Гельстонъ верь! Да онъ ангелъ! Да онъ совершенство! Онъ только разъ ошибся въ жизни, когда повѣрилъ общанію женщины. Я считала себя самой низкой и жалкой изъ всѣхъ человѣческихъ существъ, восликнула она въ новомъ порывѣ негодованія;— но вы лжецъ и клеветникъ, вы еще хуже меня!

Мистеръ Берло ничего не отвѣтилъ, но спокойно вынулъ изъ кармана газету, въ которой предлагалась награда за поимку Гельстона, и пальцемъ указалъ на параграфъ.

— Это ложь, едва слышно проговорила она, — никогда онъ не бралъ этихъ брилліантовъ!

— А почему вы это знаете? спокойно освѣдомился адвокатъ.—Развѣ вы можете доказать противное?

— Я это знаю потому, что я знаю его, отвѣчала она.— Доказательства! Неужели же вы думаете, что человѣкъ, надъ которымъ надругались, котораго обманули и который все-таки простилъ...

— Извините, сударыня, — прервалъ ее адвокатъ;— но вы совершенно заблуждаетесь, предполагая, что я желаю зла Мэтью Гельстону; напротивъ того, будь это только возможно, я бы и не подумалъ о немъ ничего дурнаго. Я здѣсь съ цѣлью служить ему и его семейству; если вы также желаете ему добра...

— Желаю-ли я ему добра! — воскликнула она, всплеснувъ руками.— Да я бы охотно отдала свою жизнь, хоть она ему и не нужна — для того только, чтобы услужить ему.

— Не знаю навѣрное, можете ли вы услужить ему, тихо произнесъ адвокатъ, — но думаю, что это не невозможно. Есть, повидимому, событія въ его жизни, которыя сокрыты и для тѣхъ, кто думалъ, что знаетъ его лучше другихъ. Я предполагаю, что вы можете до известной степени сорвать съ нихъ

завѣсу и тѣмъ самымъ помочь намъ разгадать настоящую тайну. Пропало уже не мало дней съ тѣхъ поръ, какъ онъ пропалъ для семьи, а съ нимъ пропали и эти брилліанты. Мое предположеніе, ошибочное, какъ я ясно вижу теперь, было то, что онъ съ вами бѣжалъ во Францію.

— Со мною? О, вѣтъ, сэръ! отвѣчала она тихимъ, жалобнымъ голосомъ. Онъ былъ очень великодушнень и добръ ко мнѣ, но любовь его во мнѣ умерла. Могло ли оно быть иначе. Я вѣдь жалкое и низкое существо, а это ему извѣстно болѣе чѣмъ кому-либо. А прежде было не то. Вотъ видите ли: человекъ томить жажда, онъ видитъ чистый и свѣтлый ручей, но не можетъ достигъ его; дальше, ниже въ своемъ теченіи, онъ становится совсѣмъ доступнень, но онъ протекаетъ по мутному, грязному ложу и человекъ съ отвращеніемъ отъ него отворачивается. Тоже было и съ нами обоими: я никогда его не любила, какъ онъ этого заслуживалъ, такъ какъ сама я существо недостойное; но онъ, ради прежняго времени, сжалился надо мною, хотя все во мнѣ было грязно и грѣховно. Былъ одинъ человекъ, не буду называть его, для котораго я покинула его. Вскорѣ человекъ этотъ началъ тяготиться мною и бросилъ меня, что я вполне заслуживала. Тогда я стала падать все ниже и ниже. Какъ-то разъ, недавно, Матью Гельстонъ встрѣтилъ меня на улицѣ и заговорилъ со мною; слова его дышали добротою, но онъ жгли меня, какъ раскаленное желѣзо. Онъ самъ былъ бѣденъ, а между тѣмъ предлагалъ помочь мнѣ, вытащить меня изъ этой грязи; но я отказалась. Я сдѣлала по своему. Человекъ, называющій себя мистеромъ Бэттомъ, предложилъ мнѣ выйти за него замужъ. Сдѣлаться женою даже человека подобнаго ему, и это—да простить мнѣ Богъ—казалось мнѣ улучшеніемъ. Съ какой стати, спрашиваете вы себя, предложилъ онъ мнѣ подобную честь? Я и сама не задавала себѣ подобнаго вопроса; а сдѣлай я это, я бы отвѣтила, что должно быть на его взглядъ я еще сохранила нѣкоторую прелесть, что никакая честная женщина не захотѣла бы его, и что я все-таки была во многомъ выше большинства несчастныхъ падшихъ. Вы скажете мнѣ, что я не особенно цѣню свои достоинства, а между тѣмъ я, какъ оказалось, оцѣнила ихъ слишкомъ высоко. Обрядъ вѣнчанія былъ, повидемому, совершенъ въ точности; но я имѣю достаточно основанія предполагать, что все это было ложью и обманомъ; и не смотря на то, (по этому вы можете судить сколько я выстрадала), хотя я женщина, я все-таки ему благодарна.

Въ словахъ ея звучало глубочайшее униженіе и отчаяніе; только тамъ, гдѣ она говорила о человѣкѣ, называвшемся ея мужемъ, слышалось негодование при воспоминаніи о недавно пережитыхъ униженіяхъ и жестокостяхъ.

Мистеръ Барло былъ и возмущенъ, и тронутъ. Какъ-бы ни были велики грѣхи этой женщины, онъ чувствовалъ, что она уже достаточно за нихъ наказана.

— Если человѣкъ этотъ вамъ не мужъ, — съ участіемъ проговорилъ онъ, — то вы можете отъ него избавиться; если я могу быть вамъ полезенъ своимъ совѣтомъ, или если вы нуждаетесь въ средствахъ для того, чтобы вернуться въ Англію...

— Благодарю васъ, сэръ, проговорила она не столько съ благодарностью, сколько съ чувствомъ презрѣнія къ самой себѣ; — не все ли равно, что станется со мною. Вѣдь мы говоримъ о Мэтью Гельстонѣ.

— Вы правы; и я надѣялся узнать отъ васъ, какимъ образомъ этому мистеру Бэтту сдѣлался извѣстенъ фактъ, что Гельстонъ въ Парижѣ и ищетъ случая продать бриллианты. Я имѣю основаніе предпологать, что это такъ; я сейчасъ отъ бриллианщика Монтара.

— Изъ улицы Бри? перебила она его.

— Да; а вы какимъ образомъ это знаете?

— Насколько мнѣ извѣстно, мистеръ Бэттъ также былъ тамъ по дѣлу.

— Вотъ какъ! По какому же дѣлу?

— Если не ошибаюсь, то съ цѣлью продать какіе-то семейные бриллианты. Я думаю, вы пришли по поводу этого дѣла, такъ какъ я увѣрена, что оно несомнѣнно чисто. Я очень испугалась, когда вы вошли, и осматривалась, опасаясь того, не лежатъ ли эти бриллианты гдѣ-либо на виду.

— Значитъ вы ихъ видѣли? быстро спросилъ адвокатъ.

— Да; мистеръ Бэттъ какъ-то очень недавно показывалъ ихъ мнѣ.

— Не таковы ли они? спросилъ адвокатъ, развертывая рисунокъ парюра.

Она отрицательно покачала головою.

— Праве не знаю, сказала она; — они были уже вынуты изъ оправки, и вотъ что прежде всего возбуждало мое подозрѣніе.

— Вы говорите «возбуждало»; скажите, а послѣ не подтвердилось ли это что-либо?..

— Не могу сказать, чтобы подозрѣніе мое подтвердилось раньше, чѣмъ вы мнѣ предложили эти вопросы; но этотъ

человѣкъ, мужъ мой, какъ его называютъ, былъ послѣднее время очень нервнъ, взволнованъ, и какъ будто все чего-то опасался. Онъ и теперь часто получаетъ телеграммы, которыя его видимо беспокоятъ; онъ пропадаетъ по цѣлымъ днямъ, говоря, что уходитъ по дѣламъ, а по вечерамъ возвращается недовольный и угрюмый. Въ особенности же недоволенъ былъ онъ послѣ своей поѣздки въ улицу Бри; а мнѣ известна эта поѣздка потому, что я его ждала тогда на улицѣ въ кэбѣ.

— Мнѣ кажется, я начинаю понимать, съ оживленіемъ воскликнула мистеръ Бэрло; — вотъ посмотрите на этотъ портретъ Мэтью Гельстона, не представляетъ ли онъ сходства съ мистеромъ Бэттомъ?

Она опять покачала головою.

— Ни малѣйшаго, пресрительно проговорила она. — Все равно, что сравнить Аполлона съ Сатиромъ.

Лицо мистера Бэрло вытянулось.

— Но я все-таки попрошу васъ описать мнѣ наружность этого человѣка.

— Онъ средняго роста и довольно плотнаго сложенія. Волоса у него каштановые; выраженіе лица, какъ я уже замѣчала, недовольное и мрачное.

Мистеръ Бэрло даже вскрикнулъ отъ восторга.

— Подозрѣнія мои оправдываются; хотя съ виду они нисколько не похожи, но описаніе обоихъ почти одно и то же. Гельстонъ совсѣмъ и не былъ въ улицѣ Бри, а былъ тамъ мистеръ Бэттъ, и этотъ Бэттъ нието иной, какъ капитанъ Лангтонъ.

— Это весьма возможно, спокойно отвѣчала она. — Онъ только вчера еще сказалъ мнѣ, что женился на мнѣ подъ вымышленнымъ именемъ. Объясняетъ ли это вамъ что-либо?

— Да, да, многое, въ раздумьѣ говорилъ адвокатъ; — но все-таки недостаточно. Вопросъ о томъ, что случилось съ Гельстонъ въ ту ночь въ Мурстритѣ, остается все-таки неразъясненнымъ, даже если воръ — самъ Лангтонъ.

— Мурстритъ... Мурстритъ! повторяла она; — я гдѣ-то видѣла это имя.

— Ради Бога, сударыня, постарайтесь припомнить, упражняла ее адвокатъ; — все можетъ зависѣть отъ вашего отвѣта.

— Да, теперь я вспоминаю, сказала она послѣ минутнаго раздумья. — Я не видѣла его, но слышала, какъ произнесли это имя.

— Кто произнесъ? мистеръ Бэттъ?

— Да. Онъ въ моемъ присутствіи читалъ телеграму, въ которой упоминалось о Мурстритѣ; я это навѣрное помню.

— Какимъ образомъ это случилось?

— Онъ сдѣлалъ это совершенно безсознательно. Телеграммы эти, входящія постоянно, сильно его волнуютъ.

— Не можете ли вы показать мнѣ одну изъ нихъ?

— Нѣтъ; онъ ихъ немедленно уничтожаетъ. Но вотъ, что я могу сдѣлать: телеграммы эти часто приходятъ въ его отсутствіе. Я открою первую, которую принесутъ, и дамъ вамъ съ нея копію. Я также пороюсь въ его бумагахъ; я сдѣлаю все на свѣтѣ, чтобы помочь вамъ отыскать Мэтью Гельстона.

— Однако вы этимъ можете повредить себѣ; вы сами говорите, что человѣкъ этотъ негодный, находящійся въ тому же въ отчаянномъ положеніи. Какъ мы теперь имѣемъ основаніе предполагать.

— Я же говорила вамъ, что для Мэтью Гельстона я не пожалѣю и жизни, съ жаромъ воскликнула она.—Но напрасно вы за меня опасаетесь. Я не уступлю ему въ хитрости и буду очень осторожна. Кстати; онъ теперь каждую минуту можетъ вернуться, и не слѣдуетъ, чтобы онъ засталъ васъ здѣсь. Дайте мнѣ вашъ адресъ и довѣрьтесь мнѣ. Самое позднее завтра утрому, а можетъ быть и сегодня въ ночь, я напишу вамъ словечко.

— Вамъ, можетъ быть, нужны деньги, говорилъ Бэрло, вынимая портмоне.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула она умоляющимъ голосомъ;— у меня еще есть нѣсколько шиллинговъ и этого будетъ достаточно; не мѣшайте мнѣ; я хочу употребить свои собственные деньги ему на пользу. Идите, идите и вѣрьте мнѣ!

Мистеръ Бэрло нисколько не сомнѣвался въ желаніи ея помочь ему. Онъ вполне понялъ стремленіе этой женщины выказать Мэтью свою благодарность, понялъ и ея преданность ему. Однако онъ далеко еще не былъ увѣренъ въ успѣшномъ результатѣ. Онъ также почти не сомнѣвался въ участіи Лангтона въ мурстритскомъ грабежѣ, и былъ увѣренъ въ томъ, что брилліанты, находившіеся у него, были именно перджитерскіе, такъ какъ они были признаны Монтеромъ. Но какимъ образомъ доказать это. Другое дѣло, если дѣвушка еще пользовалась бы расположеніемъ Лангтона; быть можетъ ей удалось бы тогда выпытать отъ него важныя свѣдѣнія; теперь же было ясно, что они успѣли рассориться. Человѣкъ этотъ, безъ сомнѣ-

нiя, вполне сознавая, что пока брилiанты не были пристроены, положенiе его становилось опаснѣе съ минутой на минуту; она уже замѣтила его подозрительность и опасенiя, и потому было тѣмъ болѣе трудно рассчитывать на какiя бы то ни было сообщенiя съ его стороны. Она общалась порываться въ его вѣщахъ и бумагахъ, но врядъ-ли онъ былъ настолько неостороженъ, чтобы не уничтожить заранѣе все, что могло его компрометировать. Даже если-бы представилась возможность его арестовать, это нисколько бы не подвинуло дѣла относительно Мэтью Гельстона.

Онъ вернулся въ отель, заперся въ своей комнатѣ и погружился въ размышленiя. Его сильно поразило то обстоятельство, какую незначительную роль игралъ самъ Мэтью въ этомъ дѣлѣ, не смотря на всю массу впечатлѣнiй и подозрѣнiй, наполнявшихъ теперь его голову. Одно было ясно: Лангтонъ наипрѣе выставлялъ въ лицѣ Мэтью настоящаго вора; но какимъ образомъ добраться до того, дѣйствительно ли извѣстно что-либо Лангтону о немъ, а главное о томъ, гдѣ онъ находится?

Въ заключенiе онъ написалъ длинный и очень обстоятельный отчетъ о всемъ, что удалось ему узнать въ Парижѣ, и послалъ его Брейлю, съ инструкцiею быть наготовѣ дѣйствовать немедленно по полученiи какой-либо телеграммы.

До полуночи, когда онъ, наконецъ, легъ, утомленный и озабоченный, отъ Фэби Мейсонъ еще не пришло никакого извѣстiя.

ГЛАВА СОРОКЪ ВОСЬМАЯ.

Жертва.

Не смотря на свои опасенiя въ будущемъ, на тревогу истекшаго дня и непривычный пуховикъ французской постели, мистеръ Барло крѣпко и сладко проспалъ нѣсколько добрыхъ часовъ и, по всѣмъ вѣроятiямъ, пробылъ бы въ этомъ блаженномъ состоянiи вплоть до утра, не случись крайне страннаго обстоятельства. Ему снилась Эми и всевозможныя препятствiя къ ихъ браку, хотя совсѣмъ иного рода, чѣмъ въ дѣйствительности существовавшiя, которыя ему удалось преодолѣть тѣмъ, что онъ, наконецъ, убѣждалъ съ нею, (на что въ дѣйствительно-

сти онъ, конечно, никогда бы не рѣшился); одна бѣда: не было у него денегъ, чтобы заплатить извознику, который, какъ и слѣдовало ожидать, былъ очень недоволенъ.

— Я извозчикъ, твердилъ тотъ. — Помните, что я извозчикъ, извозчикъ, извозчикъ!

И когда, наконецъ, онъ озлобился до того, что хватилъ мистера Берло рукояткою своего кнута въ самые ребра, джентльменъ этотъ проснулся и удралъ себя въ присутствіи двухъ солдатъ, въ полномъ вооруженіи, изъ которыхъ одинъ безцеремонно подставлялъ фонарь къ самому его лицу, другой же, какъ ему казалось, неистово ругался.

— Какого чорта вамъ здѣсь нужно? воскликнула мистеръ Берло со всѣмъ негодованіемъ англичанина, котораго осмѣлились потревожить въ его собственной квартирѣ, да еще такимъ насильственнымъ образомъ.

— Мы здѣсь именемъ закона, послѣдоваль отвѣтъ на французскомъ языкѣ. — Прошу васъ немедленно за нами послѣдовать.

Изъ всего сказаннаго, адвокатъ понялъ только одно слово: «законъ»; но этого было для него совершенно достаточно, чтобы сообразить, что лица эти, не смотря на свои шпаги и свирѣпый видъ, были не солдаты, а полицейскіе.

Рука его нырнула подъ подушку и быстро вытащила оттуда книгу діалоговъ и карманный словарь, неизмѣнно находившіеся въ самомъ непосредственномъ соседствѣ съ его особою. При помощи первой онъ освѣдомился о томъ, что имъ нужно и что случилось; при помощи же послѣдняго онъ узналъ, что его требуютъ въ отель де-ла-Фонтанъ по дѣлу объ убійствѣ.

— Великій Боже! это вѣрно бѣдняжка Фэба Мейсонъ, воскликнулъ онъ, охваченный ужасомъ, — и это, конечно, дѣло ружейнаго негодяя Лангтона!

Возбужденіе его и негодованіе были такъ сильны, что одно проявленіе ихъ, будь онъ обвиненъ въ этомъ преступленіи, по всѣмъ вѣроятіямъ, при усердномъ содѣйствіи судебного слѣдователя, привели бы его прямо въ эшафоту; но, въ счастью, подозрѣнія полиціи клонились совершенно въ иную сторону.

Онъ вскочилъ съ постели и сталъ быстро одѣваться, исполненный негодованія и даже раскаянія. Его преслѣдовала мысль, что бѣдная дѣвушка погибла отъ руки своего любовника, вслѣдствіе того, что исполняла порученіе, возложенное на нее самимъ имъ же, Берло. Въ первый разъ въ жизни или, по крайней мѣрѣ, во всякомъ случаѣ въ первый разъ съ тѣхъ поръ,

какъ онъ посвятилъ себя карьерѣ адвоката, онъ разразился не-
удержимымъ потокомъ такихъ выраженій, которыя, вонечно, не
находились ни въ его французскомъ, ни въ англійскомъ словарѣ.
Красота этой женщины, весь ужасъ ея положенія, ея сердеч-
ность и великодушіе, самоотверженное намѣреніе пожертвовать
всѣмъ, лишь бы помочь любимому и потерянному для нея че-
ловѣку,—все это съ страшною силою и ясностью предстало пе-
редъ нимъ и потрясло его до глубины души. Въ немъ даже
на минуту проснулася звѣрь, и этого нравственнаго, миролюбиваго
человѣка внезапно охватило страшное желаніе самому раз-
дѣлаться съ ея убійцею.

Когда онъ вышелъ изъ воротъ отеля, сопровождаемый обоими
жандармами, и помѣстился въ ожидавший ихъ фіаеръ, портье
громогласно воскликнулъ:

— Вотъ ведутъ убійцу! И кто бы подумалъ о немъ это
еще вчера? Да, впрочемъ, чему тутъ удивляться; вѣдь онъ ан-
гличанинъ.

Но это нисколько не смутило бы мистера Барло, пойми онъ
даже его любезныя, милыя слова.

— А что, онъ умеръ? спросилъ онъ жалобнымъ голосомъ
своихъ провожатыхъ, причемъ тѣ покали плечами, улыбнулись
и несомнѣнно думая, что онъ спрашиваетъ про преступника,
такъ какъ употребляетъ мужскій родъ, отвѣчали:

— Пока еще нѣтъ; нашъ ножищеъ—какъ они характери-
стично обзывали гильотину—не такъ-то ужъ очень быстро ра-
ботаетъ.

Случилось однако, что бѣднаяже Феба еще не умерла, но
была уже при смерти и безъ сознанія, какъ сообщилъ мистеру
Барло ломанымъ англійскимъ языкомъ полицейскій комисаръ,
стоявшій у дверей отеля. Убійца уже захваченъ, но бѣдная
дама у себя и желала видѣть мистера Барло. Его повели въ
ту же комнату, гдѣ онъ былъ нѣсколько часовъ тому назадъ,
но въ которой теперь находилось цѣлое собраніе должностныхъ
лицъ, одно изъ которыхъ, мировой судья, сообщилъ ему по-
англійски, что онъ составилъ протоколъ всего, что только успѣла
заявить эта дама, лежавшая въ сосѣдней комнатѣ. Съ нею былъ
докторъ, позволеніе котораго ожидалось, чтобы ввести его къ ней.

— Развѣ нѣтъ надежды? спросилъ глубоко взволнованный
адвокатъ.

Судья отрицательно покачалъ головою.

Ея нанесено полдюжины ударовъ, а докторъ говоритъ, что
одного подобнаго было бы достаточно, чтобы убить ее. Кро-

вотеченіе уже остановлено, но она долго лежала въ обморокѣ. Какое злодѣйство уничтожить столько красоты! Но вы вѣдь ее знаете?

Еще нѣсколько часовъ до того, адвокатъ, конечно, не счелъ бы за особую честь подобное знакомство, но теперь все измѣнилось; онъ смотрѣлъ на несчастную дѣвушку, какъ на мученицу. Онъ склонилъ голову въ знакъ согласія и спросилъ: известна ли причина убійства?

Мировой судья, маленький, добродушный и разбитной старичокъ, ежeminутно прибѣгавшій къ своей табакеркѣ, выразительно развелъ руками.

— Думаю, что самая обыкновенная исторія. Нашли открытій бюваръ, разбросанныя письма; дама эта, вѣроятно, была неосмотрительна, а мужъ пришелъ въ ярость вслѣдствіе ревности.

— Позвольте замѣтить, что предположеніе ваше совершенно ошибочно, быстро проговорилъ мистеръ Барло. Его оскорбляло то, что на эту несчастную женщину влетали передъ самою ея смертью, и къ тому же за послѣдній и, по всѣмъ вѣроятіямъ, самый великодушный поступокъ всей ея жизни.— Причина ихъ ссоры была, какъ я имѣю полное основаніе предполагать, совершенно иного рода. Вы увидите, что бюваръ и письма принадлежать не ей, а мужу; она искала свѣдѣній съ дѣлюю помочь одному другу, что, какъ я предполагаю, разсердило этого человѣка.

— Разсердило! Да, признаюсь! Нѣтъ сомнѣній, что онъ убилъ ее за это. Онъ человѣкъ сильный и одного удара было бы достаточно, чтобы повончить съ нею; но въ своемъ бѣшенствѣ онъ нанесъ ихъ нѣсколько.

— Боже мой! Какой ужасъ! воскликнулъ мистеръ Барло.— Какимъ же образомъ, если какъ вы говорите, дѣло было такъ, несчастная женщина могла послѣ кричать?

— Она и не кричала; по крайней мѣрѣ ее никто не слышалъ. Убійца, совершивъ свое гнусное дѣло, вообразилъ, что онъ въ полнѣйшей безопасности. Онъ уложилъ свой чемоданъ и собрался улізнуть, не будь полиціи, которая въ Парижѣ замѣчательно бдительна, проворна и ловка.

Адвоката невольно покоробило отъ похвалъ, расточаемыхъ полиціи его собесѣдникомъ въ такую тяжелую минуту.

— Однако, не смотря на всю гениальность вашей полиціи, отвѣчалъ онъ злобно,—она едва-ли была бы въ состояніи предвидѣть и предупредить преступленіе.

— Несомнѣнно; полиція вѣдь и пришла совсѣмъ не по дѣлу объ убійствѣ; это было лишь счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Она пришла арестовать этого человѣка совсѣмъ за иное преступленіе.

— За иное?

— Да за попытку, посредствомъ подлога, обмана, извлечь деньги. Онъ старался продать нѣкоторымъ ювелирамъ поддѣльные бриліанты за настоящіе. Вся разница въ томъ, что вмѣсто одного только мошенника, мы захватили разомъ и убійцу.

Подобное, столь неожиданное извѣстіе, при иныхъ обстоятельствахъ удивило бы и заинтересовало мистера Барло; въ настоящую же минуту умъ его былъ занятъ болѣе важными соображеніями.

— Какимъ образомъ случилось, что вы послали за мною? спросилъ онъ.

— Вотъ видите ли: послѣ того, какъ захватили убійцу, дама эта немного пришла въ себя; она проговорила нѣсколько англійскихъ словъ, которыя долгъ мой заставилъ меня записать; это было желаніе видѣть васъ. Къ тому же на ней самой найдена была записка, адресованная на ваше имя, которую...

Въ эту минуту открылась дверь внутренней комнаты и оттуда вышелъ докторъ, съ серьезнымъ лицомъ, и одна изъ горничныхъ отея, вся въ слезахъ.

— Вы опоздали, сказалъ онъ, обращаясь къ англичанину: — бѣдная женщина умерла,

Въ первую минуту сердце молодого адвоката было переполнено только горемъ и сожалѣніемъ, но въ слѣдующую онъ уже позабылъ судьбу умершей, помышляя лишь объ интересахъ живущихъ. «Неужели же она умерла напрасно? неужели смерть ея не поможетъ отыскать Мэтью?» думалъ онъ.

— Не желаете ли вы, сударь, войти? спросилъ судья, указывая на открытую дверь.

Адвокату очень не желалось этого; однако онъ счелъ за свою обязанность отдать послѣдній долгъ бѣдной Фей и потому послѣдовалъ за старикомъ.

Она лежала на одной изъ узкихъ, маленькихъ кроватей, которыхъ въ комнатахъ было двѣ, съ закрытыми глазами, и не будь на лицѣ ея ужасающей блѣдности, она казалась бы спящею. Докторъ, изъ чувства уваженія къ религіи, или просто изъ чувствительности, скрестилъ ей руки на груди, а горничная вложила въ нихъ маленький восковой цвѣтокъ, служив-

шій украшеніемъ камня. Смотря на ея кроткое, безмятежное лицо, можно было принять ее за святую.

— Когда я первый разъ вошелъ сюда, говорилъ судья,— все выглядѣло совершенно иначе; но, какъ видите, все теперь прибрано.

— Въ моемъ отечествѣ, отвѣчалъ Бэрло, находившійся все еще подъ впечатлѣніемъ жалости и соболенованія, чего онъ впрочемъ какъ-бы нѣсколько стыдился:— въ моемъ отечествѣ все бы оставили неприкосновеннымъ до производства судебного осмотра.

— Вы забываете, что эта бѣдная молодая женщина была еще жива, сэръ, а между тѣмъ не было возможности тревожить ее. Я составилъ протоколъ и затѣмъ мы привели все по возможности въ порядокъ. Мы принадлежимъ къ націи, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не забывающей правилъ вѣжливости. И французъ, какъ-бы въ подтвержденіе своего замѣчанія, вѣжливо поклонился, многозначительно разведя при этомъ руками.

— Вы сдѣлали все, что только зависѣло отъ васъ, для бѣдной моей соотечественницы и я вамъ за это душевно благодаренъ, съ жаромъ проговорилъ мистеръ Бэрло.— Но вы говорили о какой-то запискѣ?

— Да, вотъ она; я могу вамъ ее показать. Но, въ настоящее время, конечно, она составляетъ собственность правосудія; это наше извиненіе въ виду того, что, не смотря на вашъ адресъ, стоящій на немъ, мы должны были присвоить ее себѣ.

Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана маленькую записку, запечатанную и вторыхъ сложенную въ неправильный треугольникъ. Мистеръ Бэрло не безъ содроганія взялъ ее, такъ какъ она была покрыта кровью.

— Да, да, отвѣтилъ судья на его взоръ, исполненный ужаса;—это самый печальный *billet-doux*, такъ какъ кровь, его покрывающая—кровь ея сердца; къ тому-же онъ даже разорванъ. Я предполагаю, что они боролись изъ-за него, и во время борьбы, она запртала его къ себѣ за corsage, гдѣ мы и нашли его. Въ своемъ гнѣвѣ и страхѣ убійца, совершивъ преступленіе, вѣроятно, забылъ о немъ.

Бэрло развернулъ записку, причемъ пальцы его дрожали отъ волненія и ожиданія. Записка была буквально пропитана кровью; едва можно было прочесть нѣсколько отдѣльных словъ, видимо написанныхъ виццыхахъ и въ сильномъ волненіи.

«М. Г. еще въ Мур.... но.... съ голоду. Ради Бога.... торопитесь».

Недостающія слова были вырваны.

— Ясно-ли вамъ содержаніе этой записки? съ любопытствомъ спросилъ французъ.

— Да... нѣтъ, т. е. отчасти. Быть можетъ она заключаетъ свѣдѣнія глубочайшей важности.

— И конечно она, помимо того, сильнѣйшимъ образомъ интересуется васъ лично?

— Несомнѣнно, несомнѣнно, воскликнулъ адвокатъ.

— Въ такомъ случаѣ вотъ что я вамъ скажу, сэръ: при ннхъ обстоятельствахъ моею обязанностью было бы удержать ее; но здѣсь, когда убійца былъ захваченъ почти на мѣстѣ преступленія, даже почти во время совершенія его, законъ можетъ уступить свое право и—записка ваша, берите ее.

— Вы очень добры, отвѣчалъ адвокатъ.—Въ отвѣтъ на вашу неожиданную и незаслуженную любезность я могу только сказать, что въ случаѣ, если-бы понадобились мои показанія въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, то вотъ мой настоящій адресъ, и я весь въ вашихъ услугахъ.

Затѣмъ онъ бросилъ на Фэбу послѣдній, прощальный взглядъ. Въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на это милое, блѣдное лицо, пережившее и раскаяніе, и униженіе, онъ почувствовалъ, что въ руку его вложили что-то холодное. Это были пошлнцы. Подобный поступокъ, конечно, не пришелъ бы ему самому на умъ; но, по приглашенію, онъ невольно нагнулся, срывалъ одинъ изъ локоновъ покойницы и вложилъ его въ свою записную книжку.

— Теперь она на небѣ, вы тамъ ее встрѣтите, прибавилъ ему въ утѣшеніе мировой судья, несколько несомнѣвавшійся въ томъ, что безукоризненный по своей высокоправственности адвокатъ былъ ея любовникомъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ДЕВЯТАЯ.

Несомнѣнный гость.

«Какъ можете вы цѣть и чирикать, вы, маленькія птички, когда я такъ томлюсь, такъ горюю?» взываетъ цоэтъ въ своей безысходной тоскѣ; когда же радуются и ливуютъ вокругъ

насъ люди, какъ еще тяжелѣе, невыносимѣе для насъ ихъ веселье. Было Рождество и отголоски всеобщаго ликования доносились и до бѣдной, опечаленной семьи въ Кэвендиш-гровѣ. Вездѣ, вкругомъ, мужья и отцы возвращались изъ своихъ конторъ и отъ другихъ занятій не на нѣсколько часовъ, какъ по обыкновенію, а на нѣсколько дней, и молодое поколѣніе встрѣчало ихъ съ возгласомъ восторга. До Сэбей долетали радостные голоса и она первый разъ въ жизни не порадовалась за всѣхъ дѣтей. Остролистникъ съ своими красными ягодами не украшалъ на этотъ разъ ихъ домика, какъ въ былыя времена. Теперь было не до украшеній; и хотя служанкѣ было позволено, какъ по обыкновенію, пригласить къ себѣ отца и мать, но и она горько чувствовала отсутствіе добраго хозяина, всегда такого ласковаго и привѣтливаго. Добродушная Мери, конечно, не доискивалась до разгадки тайны мурстритскаго дѣла; она вѣрила по-просту, безъ отговорокъ, и доказывала свою вѣру на дѣлѣ; когда, на примѣръ, мальчикъ изъ мясной рѣшился сообщить ей, не въ видѣ укора, а просто какъ интересную новость, что за арестованіе мистера Гельстона, обвиняемаго въ кражѣ брилліантовъ, предлагалась награда, она съ такимъ усердіемъ хватила его по щекѣ, что, не смотря на зимній холодъ, онъ никакъ не рѣшился подставить ей другую, но удралъ съ самою крайнею поспѣшностью. Даже вѣтка омелы, принесенная въ подарокъ приващикомъ изъ зеленой лавки, была принята съ злобнымъ: «ну, нечего, проваливайтесь!» вмѣсто обычнаго любезнаго: «хорошо, хорошо, убирайтесь съ Богомъ!»

Другой ея хозяинъ, какъ она иногда величала дядю Стефена, казался ей очень мрачнымъ и озабоченнымъ, что особенно поражало ее во время обѣда, когда старикъ частенько приходилось теперь оставаться наединѣ съ своими тревожными мыслями, такъ какъ Эми не имѣла ни мужества, ни силы раздѣлять его трапезу. Хотя сильно огорченная отсутствіемъ мистера Дэргама относительно Мэтью, она была слишкомъ справедлива и не могла не сознаться, что трудно было ему устоять противъ такихъ, повидимому, неотразимыхъ доводовъ; къ тому же она ни на минуту не забывала всего того, чѣмъ всѣ они, не исключая и Мэтью, были обязаны старику, и въ душѣ считала своею обязанностью по возможности услаждать его одиночество. Но уже глубоко опечаленная катастрофою съ Мэтью, она окончателно упала духомъ послѣ размолвки съ своимъ женихомъ. Въ присутствіи Сэбей она еще старалась казаться по возможности спокойною, но самое усиліе скрыть свои чувства

дѣлало ей еще болѣе тяжелымъ и невыносимымъ общество всѣхъ другихъ.

Однако, въ первый день Рождества она собралась съ духомъ и сошла къ обѣду. И Сэбей собиралась сдѣлать тоже, но какое-то воспоминаніе или сопоставленіе, въ послѣднюю рѣшительную минуту такъ сильно подвѣствовало на нее, что она не выдержала и осталась наверху съ ребенкомъ. Обѣдъ былъ ранній и случилось такъ, что Эми и мистеръ Даргамъ увидѣлись впервые въ этотъ день. У него было усталое, измученное лицо, но онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы улыбнуться ей.

— Эми, сказалъ онъ тихимъ и ласковымъ голосомъ, — ты понимаешь, почему я не рѣшаюсь поздравить тебя съ праздникомъ?

Даже этого было слишкомъ бѣднажкѣ или, можетъ быть, ее тронула нѣжность, звучащая въ его словахъ, но она разрыдалась.

— Я радъ, что ты плачешь, моя голубушка, сказалъ онъ и добавилъ, видя ея усиліе, чтобы удержаться: — не стыдись своихъ слезъ; я и самъ охотно бы поплакалъ. А что Сэбей?

— Все по прежнему; все та же. Развѣ только хуже, благодаря сегодняшнему дню.

Старикъ глубоко вздохнулъ.

— Да, первый день Рождества! съ горечью промолвѣлъ онъ. — День доброй вѣсти и великой радости!

— Онъ пройдетъ не безъ пользы для меня, смиренно проговорила Эми. — Онъ напомнилъ мнѣ о моемъ долгѣ, о долгѣ любви и уваженія. Дядя Стэфенъ, позвольте мнѣ поцѣловать васъ и попросить вашего прощенія.

— Я радъ поцѣловать тебя, моя дорогая; но мнѣ нечего прощать.

— О да, я поступила нехорошо! Самъ Мэтью сказалъ бы тоже. Я была несправедлива и жестока относительно васъ.

— Не относительно меня, моя голубушка, но жестока къ себѣ самой и къ другому.

— Я мысленно и у него прошу прощенія, прошептала она.

— Позволишь ли мнѣ передать ему это?

— Нѣтъ, нѣтъ; боюсь, что онъ превратно пойметъ подобное посланіе.

— Эми, знаешь ли ты, гдѣ онъ?

— Нѣтъ, и не говорите мнѣ этого; между нами все кончено и навсегда! Пощадите меня, умоляю васъ! со словами просила она.

— Хорошо, мы больше не будемъ говорить о немъ въ на-

стоящую минуту; одно только ты должна знать: передь своимъ отъѣздомъ изъ Англiи...

— Изъ Англiи?

— Да. Передь тѣмъ, чтобы повинуть Англiю, онъ помогъ мнѣ написать духовное завѣщанiе, по которому бѣдняжка Сэбей, по крайней мѣрѣ, избавится скоро отъ всѣхъ матеріальныхъ заботъ и опасевій. Я говорю объ этомъ, ради ея ребенка; для того, чтобы подобныя мысли не прибавлялись бы въ ея и безъ того тяжелому горю.

— Какъ заботливы, какъ добры вы!

— Она не раздѣляетъ этого мнѣнiя, вздыхалъ дядя Стэфенъ.

— О да, тысячу разъ да! горячо вступилась Эми.

— А знаетъ ли она, какъ я противъ своей воли былъ принужденъ убѣдиться относительно виновности Мэтью?

— О, нѣтъ! Знай она это...

— Знай она это, тогда что?

— Дядя Стэфенъ, она никогда не должна этого знать!

— Понимаю. Если-бы она знала, то не взяла бы ни полупушки изъ моихъ денегъ, будь я живъ или мертвъ, и никогда бы мнѣ не простила.

— Боюсь, что да.

— Но, положимъ, вдругъ случится что-либо такое, вследствие чего не останется ни малѣйшаго сомнѣнiя, ни малѣйшей надежды относительно вопроса, на которомъ мы расколдима?

— Вы хотите сказать, если будетъ доказана виновность Мэтью?

— Да. Но не сердись, ради Бога! Я ставлю вопросъ въ видѣ одного предположенiя, даже пустого, немислямаго, если хочешь.

— Въ такомъ случаѣ, медленно проговорила Эми, — ребенокъ могъ бы воспользоваться вашими добрыми намѣренiями; мать же умерла бы. Но подобное доказательство невозможно.

Въ эту минуту кто-то громко позвонилъ у входной двери.

— Что можетъ это быть? воскликнула Эми, вдрогнувъ.

— Не знаю. Не то ли, чего я такъ опасался и что ты отвергаешь?

Она повачала головою.

— Не то, не то! сказала она.

— А между тѣмъ ты вдрогнула, Эми.

— Да, потому что это можетъ быть извѣстiе объ его смерти; объ его же позорѣ — никогда!

Въ эту минуту открылась дверь и служанка, расплывшая ее, была быстро отстранена небольшимъ худенькимъ старич-

комъ, съ сморщеннымъ лицомъ, но съ живымъ, выразительнымъ взглядомъ.

— Какъ живете? быстро проговорилъ онъ.—Вы меня не знаете, но я васъ знаю. Вы, подобно мнѣ, его дядя, мистеръ Дѣргамъ; а вы Эми Тѣрло, сестра его жены.

— Это мистеръ Роджеръ Гельстонъ изъ Лѣтбери, пояснила Эми дядѣ Стафену.

— Кажется такъ! хотя случились такіа мудренныя дѣла, что, чего добраго, усомнишься, пожалуй, въ своей собственной личности, не безъ раздраженія вставилъ гость.—Что это, напрымѣрь, значить эта награда за арестованіе Мэтью?

— Это низкое и лживое обвиненіе, взведенное на него леди Перджитеръ, отвѣчала Эми.

— Еще бы не такъ! Смѣть называть воромъ моего племянника! Чортъ побери эту проклятую женщину! Да я бы скорѣе повѣрилъ, что онъ... ну, положимъ, хоть единорогъ! Да какимъ образомъ могли это допустить? Заплатить она мнѣ за это! Я возьму ему самаго лучшаго адвоката во всей Англии, пусть защищаетъ его Сторкъ; заплачу хоть тысячу фунтовъ; чего тысячу, не пожалѣю и десяти! Гдѣ онъ теперь?

— Одинъ Богъ вѣдаетъ, грустно проговорилъ мистеръ Дѣргамъ.

— О, понимаю! съ негодованіемъ произнесъ тотъ.—Мэтью еще не отыскали; не смотря на то, я немедленно заручусь Сторкомъ. Какъ вамъ это нравится: моего племянника, да еще Гельстона, смѣть называть воромъ! Дорого же вамъ это обойдется, миледи! Гдѣ жена Мэтью?

— Она у себя, сэръ, отвѣчала Эми,—и физически, и нравственно больная...

— Понятно, перебилъ ее гость,—и нездорова, и опечалена. Однако я вижу, что вы собираетесь обѣдать; я же ничего не ѣлъ съ той самой минуты, какъ прочелъ эту проклятую штуку вчера вечеромъ въ Лѣтбери. Я вотъ сяду, да поклюю немножко. Предупреждаю: во время ѣды не веду и не люблю слушать серьезныхъ разговоровъ, мѣшающихъ пищеваренію; за то послѣ обѣда вы мнѣ все хорошенько объясните.

Первое извѣстіе, дошедшее до мистера Роджера Гельстона относительно исчезновенія Мэтью, заключалось, повидимому, въ объявленіи о наградѣ, прочтенномъ имъ наканунѣ, такъ какъ старикъ только что вернулся изъ Америки, куда ѣздилъ по важнымъ дѣламъ. Правда, въ обычай его не входило выслушиваніе другихъ за обѣдомъ, однако это нисколько не мѣшало ему го-

ворить самому, такъ что обѣдъ далеко еще не кончился, а онъ уже успѣлъ изложить своимъ собесѣдникамъ во всѣхъ подробностяхъ причины, побудившія его посѣтить Кэвендиш-гровъ.

По отъѣздѣ Мэтью изъ Лэтбери, онъ очень скучалъ по немъ и самъ охотно протянулъ бы ему руку примиренія. Между тѣмъ онъ все ждалъ перваго шага отъ Мэтью; но тотъ не поддавался, и тогда гордость обуяла старика и заставила его послать за какимъ-то дальнимъ родственникомъ, однихъ же лѣтъ съ Мэтью, для того, чтобы замѣнить его въ своей конторѣ. Юноша этотъ, въ чемъ онъ предварительно убѣдился, обладалъ однимъ хорошимъ качествомъ, а именно: не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ математическимъ наукамъ и механикѣ. Но этою отрицательною добродѣтелью, повидимому, и заканчивались всѣ его достоинства. Никакая металлическая Мэджъ не прельщала его; за то онъ былъ крайне впечатлителенъ, когда дѣло шло о прелестяхъ разныхъ неметаллическихъ Моллэй и Бэтти. Такимъ образомъ, поведеніе его немало скандализировало стараго стряпчаго.

— А между тѣмъ надо вамъ сказать, что Мэтью, продолжалъ старикъ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ Эми, — всего дважды былъ одураченъ женщинами; къ тому же въ первый разъ это было не болѣе какъ мимолетная фантазія... Вы что?

Послѣднее было обращено къ дядѣ Стэфену, мысли котораго невольно перенеслись въ Бликстритъ и къ Люси Мортлокъ, вслѣдствіе чего онъ глубоко вздохнулъ.

— Успокойтесь, дурнаго ничего не было, сэръ, продолжалъ мистеръ Гельстонъ раздраженнымъ голосомъ, воображая, что его призываютъ къ порядку въ виду какъ-бы неприличія его разсказа — въ тому же, въ великому счастью для него, эта молодая дѣвушка убѣжала съ кѣмъ-то другимъ. Вторая же исторія вышла по серьезнѣе. Присутствіе миссъ Тэрло, о которомъ вы такъ добры, что напоминаете мнѣ, удерживаетъ меня отъ разговора объ этомъ предметѣ. Могу прибавить, что я все-таки считаю ошибкою бракъ Мэтью, хотя я и простилъ его. И такъ, я уже сказалъ, Мэтью всего дважды далъ себя одурачить женщинамъ; такая умѣренность не можетъ не свидѣтельствовать въ его пользу. Про вузена же Ритгарда, его преемника, доложу вамъ, что онъ набитый болванъ, помимо другихъ своихъ милыхъ качествъ, а это, согласитесь, послѣднее дѣло, пожалуй, хуже мошенничества, для конторы стряпчаго. Какъ примѣръ приведу вамъ тотъ фактъ, что въ самый день возвращенія моего въ Лэтбери, онъ указалъ мнѣ на статью въ газетѣ о наградахъ за по-

имеу, думая, несомнѣнно, порадовать меня извѣстіемъ, что съ бѣднымъ Мэтью случилось несчастье.

— Ну, благодарю тебя, Дикъ, сказалъ я ему;—благодарю, что отерываешь мнѣ глаза.

— Да, признаюсь, этотъ мистеръ Мэтью должно быть очень дурной человѣкъ, процѣдилъ онъ.

— Не то, не то, отвѣчалъ я;— а вотъ что ты лжець и клеветникъ, такъ это неоспоримо, и я поблагодарилъ тебя за то, что ты разоблачаешь передо мною свои душевныя качества. Что ты идіотъ, въ томъ я никогда не сомнѣвался, но пока еще не зналъ, что ты мерзавецъ. И я послалъ его къ чорту. Если Мэтью желаетъ вернуться въ Лэтбери и быть моимъ компаніономъ, то я буду этому душевно радъ.

— Но вы забываете, сэръ, что племянникъ вашъ пропалъ со слезами говорила Эми.

Она восхищалась старикомъ, его твердою, непоколебимою увѣренностью и внутренно несравненно болѣе хвалила его, чѣмъ онъ того заслуживалъ. Не носи Мэтью его имени, по всѣмъ вѣроятіямъ одни кровныя узы не такъ бы сильно на него подѣйствовали. Но при настоящихъ условіяхъ, униженіе его племянника бросало тѣнь и на него, противъ чего возставала его гордость. Что же касается дяди Стѣфена, то онъ чувствовалъ, что достаточно будетъ какихъ нибудь двухъ минутъ разговора, чтобы совершенно уничтожить въ старикѣ всякую увѣренность въ невинности его племянника, а вмѣстѣ съ нею и его къ нему расположеніе.

— Пропалъ! презрительно повторилъ мистеръ Гельстонъ. —Теперь, какъ я пріѣхалъ разыскивать его, повѣрьте, онъ скоро найдется.—Еще что случилось?

Во время разговора вошла служанка и шепнула Эми, что кто-то въ передней желалъ говорить съ нею по весьма важному дѣлу, и прибавила:

— О, миссъ, это полицейскій.

Даже бѣдная Эми на минуту потерялась. Вѣра ея не колебалась, но она опасалась какого-либо къ кризиса въ дѣлѣ Мэтью, или того, что лэди Перджитеръ прибѣгла къ новому жестокому шагу. Съ минуту она не могла ни двинуться, ни говорить.

— Что случилось? повторилъ мистеръ Гельстонъ, обращаясь къ горничной.

— О, сэръ, въ передней стоитъ полицейскій.

— Ну такъ что-жь? Можно подумать, что это не полицейскій, а разбойникъ какой.

Онъ быстро направился къ выходу, гдѣ, дѣйствительно, стоялъ полицейскій въ самой напряженной и внимательной позѣ.

— Ну, любезный, въ чемъ-же дѣло?

— Я имѣю нѣчто сообщить миссъ Эми Тэрло по порученію инспектора Брейля.

— И отлично! вотъ она самая. Ну, говорите!

— Мистеръ Мэтью Гельстонъ отыскался, сударыня.

— Слава Богу! воскликнула она.—Онъ живъ, онъ здоровъ?

— Живъ-то, живъ, сударыня; но не то чтобы очень здоровъ. Меня послали впередъ въ кэбъ, чтобы предупредить васъ о его пріѣздѣ; черезъ полчаса онъ будетъ здѣсь. Скоро нельзя его вести; его придется уложить въ постель и поухаживать за нимъ.

— Портвейну рюмку, портвейну этой барышнѣ, суетился мистеръ Гельстонъ.—Ну вотъ и отлично! теперь вамъ лучше, неправда ли? Вѣдь съ вами не сдѣлается истерика, не такъ ли? Вы вѣдь, надѣюсь, не такъ глупы, какъ мой кузень Ритгардъ?

Его добродушно-грубыя слова какъ нельзя лучше подѣйствовали на бѣдную дѣвушку.

— Онъ не боленъ, т. е. не опасно боленъ? прошептала она.

— Нѣтъ, сударыня; онъ только нѣсколько ослабъ и въ забытьѣ, потому что ничего не ѣлъ въ послѣдніе сорокъ восемь часовъ.

— Ничего не ѣлъ въ первый день Рождества! воскликнулъ старый страпчій.—Господи, что же это такое!

Эми бросилась навверхъ къ сестрѣ, такъ что вопросъ этотъ былъ обращенъ къ мистеру Дѳргаму. Дядя Стѳфенъ только покачалъ головою и произнесъ:

— Я ничего не знаю.

Что болѣе всего теперь волновало его это вопросъ: неужели онъ невиненъ? но онъ не рѣшился его произнести.

У входной двери послышался сильный стукъ, затѣмъ шумъ неровныхъ шаговъ, точно нѣсколько человѣкъ несли что-то тяжелое. Но дядя Стѳфенъ ничего уже не слышалъ. Съ глухимъ крикомъ: «Мэтью! Мэтью!» крикомъ какъ-бы выходившимъ изъ самаго его сердца, старикъ безъ сознанія опустился на кресло.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ.

Найденъ наконецъ.

Хотя мистеръ Сайнэтъ, конечно, прямо не говорилъ миссъ Эми Тэрло о томъ, что если она согласится на его предложеніе, онъ не будетъ преслѣдовать ея зятя, въ противномъ же случаѣ будетъ поступать обратно, но послѣднее ихъ свиданіе не могло не произвести на нее подобнаго впечатлѣнія. Быть можетъ, огорченный ювелиръ совсѣмъ и не желалъ разубѣждать ее въ этомъ, хотя далеко не имѣлъ намѣренія прибѣгать ко всей строгости закона. Если въ немъ не было рыцарскихъ чувствъ, то, съ другой стороны, не было жестокости или особенной алчности. Еще не сдѣлавъ предложенія Эми, онъ уже рѣшительно запретилъ Брейлю приступать къ какимъ бы то ни было попыткамъ къ арестованію Мэтью. Когда, послѣ своей неудачи въ Кэвендиш-гровъ, онъ вернулся домой, сыщикъ не только передалъ ему о недавнемъ визитѣ Барло и о всемъ томъ, что тотъ сообщилъ ему, но даже и о своихъ личныхъ предположеніяхъ относительно цѣли путешествія послѣдняго въ Парижъ.

— Понятно, что онъ отправился въ Парижъ не ради вашихъ интересовъ; но отысканіе брилліантовъ все-таки главная цѣль его путешествія, а взявъ въ соображеніе отношенія его къ Гельстону, нельзя не допустить, что онъ имѣетъ шансы.

— Все это пустяки, раздражительно перебилъ его мистеръ Сайнэтъ. — Игра проиграна окончательно, и не будь лэди Перджитеръ такою скотиною, я бы давно махнулъ рукою и выплатилъ бы всю сумму.

— Это было бы безуміемъ, мистеръ Сайнэтъ. У нея же нѣтъ росписки.

— Къ чорту тутъ всякую росписку, когда она можетъ доказать, что брилліанты у Гельстона! хотя, положимъ, они уже не у него, а давно проданы. Деньги мои пропали, въ этомъ почти нѣтъ сомнѣнія.

— Будь я въ этомъ увѣренъ, я бы добылъ ихъ изъ его шкуры.

— Что мнѣ въ его шкурѣ? огрызся мистеръ Сайнэтъ. — Ну ихъ всѣхъ къ чорту, такъ они мнѣ надобли!

Это «всѣхъ» было очень выразительно и многозначительно, хотя, къ счастью, мистеръ Брейль не зналъ, кого оно вклю-

чало. Однако сыщику все-таки удалось заручиться общаниемъ, что безъ его вѣдома не будетъ приступлено ни къ какимъ переговорамъ съ лэди Перджитеръ.

На слѣдующее утро пришло письмо мистера Бэрло изъ Парижа, содержаніе котораго сильно заинтересовало и взволновало Брейля. Положимъ, рѣшительнаго въ немъ ничего не было, за то было много такого, что невольно наводило на всевозможныя мысли и ожиданія. Главная же суть дѣла—что бриліанты въ Парижѣ, пока еще не проданы, а надежда пристроить ихъ съ каждымъ днемъ ускользаетъ все больше и больше. Неужели же мистеръ Сайнэтъ и теперь не поручить ему отысканіе ихъ? Представится, конечно, затрудненіе въ арестованіи этого Бэтта; но затрудненіе преодолимое, тѣмъ болѣе, что не существовало болѣе главнаго, а именно, непонятнаго нежеланія со стороны ювелиря арестовать Гельстона, такъ какъ бриліанты теперь не были въ его владѣніи, хотя первоначально, несомнѣнно, прошли черезъ его руки. Болѣе же всего обнадеживало мистера Брейля отысканіе молодой женщины.

Съ письмомъ адвоката въ рубѣ, онъ уже собирался отправиться въ Паулэтстритъ, когда ему подали телеграмму. Она содержала краткое описаніе всего случившагося ночью въ отелѣ «de la Fontaine», съ буквальною копіей записки, найденной подъ корсажемъ убитой дѣвушки.

Первый шагъ Брейля, по полученіи этого поразительнаго сообщенія, былъ крайне характеристиченъ. Онъ немедленно телеграфировалъ одному парижскому полицейскому комисару, котораго зналъ, что бриліанты, найденные у убійцы, были, по всѣмъ вѣроятіямъ, перджитерскіе, и что онъ, именемъ ихъ владѣльцы, заявляетъ на нихъ права, въ ожиданіи дальнѣйшихъ, болѣе рѣшительныхъ дѣйствій.

Затѣмъ только обратилъ онъ вниманіе на вопросъ, касавшійся не болѣе, какъ жизни и смерти, и сталъ съ глубочайшимъ интересомъ разбирать послѣднюю записку убитой женщины.

«М. Г. еще въ Мур... Но... съ голоду. Ради Бога... торопитесь».

Нѣкоторые изъ пропусковъ онъ пополнилъ безъ затрудненія. «Матью Гельстонъ еще въ Мурстритѣ. Но... Онъ умираетъ съ голоду. Ради Бога поторопитесь!»—Вотъ какъ онъ по своему прочелъ записку. Но что могло означать это «Но»? Если-бы она въ точности не могла опредѣлить его мѣстопребываніе, то, вѣроятно, допуская пріетомъ и страхъ и торопливость, она выразилась бы иначе, и потому это «Но» могло означать лишь

номеръ; недостающія же цифры были по всей вѣроятности—10. «Номеръ 10, Мурстритъ»—иначе, адресъ лэди Перджитеръ. Будь мистеръ Сайнэтъ здѣсь, онъ бы навѣрное воскликнулъ: «такъ Гельстонъ все-таки тамъ; я же всегда говорилъ, что женщина эта способна на все ужасное!» Однако Брейль нисколько не пришелъ къ подобному заключенію. Онъ позвонилъ и въ комнату черезъ секунду влетѣлъ молодой, очень проникательный съ виду еврейчикъ.

— Былъ сегодня утромъ Браунъ?

— Точно такъ, сэръ.

— Гдѣ онъ теперь?

— Пошелъ домой спать; онъ живетъ въ Мильфорд-ланѣ.

— Это рукою подать. Если привезете его сюда черезъ десять минутъ, то получите пять шилинговъ, а если раньше, то десять.

Еще удивляются всѣмъ чудесамъ электричества; гдѣ вы усмотрите такую притягательную силу металла, какъ ту, которая неудержимо проявляется во всякомъ еврейскомъ юношѣ.

По прошествіи семи минутъ Браунъ былъ уже въ комнатѣ, растерянный, запыхавшійся, полуодѣтый, но все-таки Браунъ.

— Вы, со времени исчезновенія бриліантовъ, каждую ночь дежурите въ Мурстритѣ. Скажите, нѣтъ-ли тамъ домовъ, отдающихся подъ квартиры?

— Тамъ есть гостиницы, сэръ.

— Прошу отвѣчать на мой вопросъ.

— Тамъ нѣтъ квартирныхъ домовъ, мѣсто слишкомъ нарядное.

— И дома всѣ заняты?

— Да, сэръ, т. е. всѣ меблированные дома; но есть одинъ немеблированный.

— Подъ какимъ номеромъ?

— Подъ номеромъ одиннадцатымъ, сэръ.

Мистеръ Брейль словно вздрогнулъ; затѣмъ онъ сталъ чесать ногу, точно его укусила блоха.

— Бываетъ ли ктонибудь въ этомъ домѣ? спросилъ онъ самымъ равнодушнымъ голосомъ.

— Только одинъ сторожъ, сэръ; невзрачный, оборванный такой съ виду. Я видѣлъ какъ онъ входитъ, ключъ при немъ.

— И часто?

— Да, сэръ, почти каждую ночь.

— И прошлую также?

— Нѣтъ, сэръ, прошлую не былъ.

— А запрошлую?

— Нѣтъ, сэръ; помнится, что уже я ночи двѣ не видѣлъ его.

— Вѣроятно на окнахъ наклеены билетики?

— Нѣтъ, сэръ; домъ уже сдать, мнѣ говорили объ этомъ въ трактирѣ.

— А кто и что именно?

— Да человекъ тутъ одинъ отъ Кэрбери, агентовъ по найму домовъ и квартиръ въ Бондстритѣ; онъ пришелъ выпить вчера вечеромъ и говорилъ мнѣ, что наемщикъ совсѣмъ не заплатилъ денегъ. Полагаю, тутъ что либо неладно.

— Можетъ быть. Теперь можете отправиться спать. Ной, кливните возницу.

— Прикажете кэбъ, сэръ?

— Говорю вамъ—возницу. «Мальчишка этотъ уже начинаетъ разсуждать, бормоталъ Брейль;—это его непременно погубить».

Минуты двѣ спустя, сыщикъ быстро катилъ по направлению Бондстрита, въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ, которыхъ онъ поддѣпилъ на дорогѣ. Былъ первый день Рождества, и потому улицы были относительно пусты, такъ что извозчикъ имѣлъ возможность въ точности исполнить приказаніе и не мѣшкать. У Кэрбери онъ нашелъ только одного конторщика, коротко и ясно объявившаго ему, что онъ не намѣренъ заниматься дѣлами въ первый день Рождества.

— Ужъ вамъ придется ждать до завтра ключа къ номеру 11 въ Мурстритѣ, заключилъ онъ свою рѣчь.

— Отлично! Я лишь изъ любезности обратился къ Кэрбери съ подобною просьбою, отвѣтилъ сыщикъ.—И пяти минутъ не понадобится, чтобы разломать двери. Вашъ принципалъ, быть можетъ, предпочтетъ подобный образъ дѣйствія. Я принадлежу къ сысканой полиціи. Счастливо оставаться!

И онъ не только немедленно получилъ ключъ отъ дома, но даже немного масла, чтобы безъ шума открыть его, и отправился дальше въ путь.

Мурстритъ казался такимъ же мрачнымъ и молчаливымъ, какъ и всегда, даже нѣсколько скучнѣе обыкновеннаго. Бѣольшая часть его обитателей была въ своихъ имѣніяхъ, справляя праздникъ. Однако номеръ 11 казался самымъ скучнымъ и мрачнымъ домомъ во всей улицѣ. Онъ стоялъ пустымъ не болѣе одного или двухъ мѣсяцевъ, но на немъ уже лежали слѣды запустѣнія: оконныя ставни покрылись густымъ слоемъ пыли, и въ менѣе фашенебельной мѣстности, гдѣ допускается присутствіе уличныхъ мальчишекъ, онъ были бы навѣрное разломаны. Грязь, накопив-

шаяся подъ входнымъ навѣсомъ, казалась еще чернѣе и непригляднѣе, вслѣдствіе окружавшаго ее снѣга.

Мистеръ Брейль вышелъ изъ экипажа первый и отперлъ дверь; одинъ изъ полицейскихъ быстро послѣдовалъ за нимъ, другой же остался въ кэбѣ, съ глазами, устремленными на ступени крыльца.

Внутри 11 номеръ не былъ такъ запущенъ, какъ снаружи. Къ ихъ не малому удивленію, передняя была меблирована самымъ общепринятымъ образомъ, но отъ нея такъ и вѣяло сыростью и холодомъ, и шаги ихъ раздавались по всему дому, хотя они ступали по возможности осторожно. Окинувъ быстрымъ взглядомъ окружающіе предметы, мистеръ Брейль поднялся вверхъ по лѣстницѣ, проходя комнату за комнатою, между тѣмъ какъ спутникъ его оставался внизу, поджидая его. Говорили они только шопотомъ; отвѣчали другъ другу односложными словами, а болѣе жестами. Не было нигдѣ ничего живаго, за исключеніемъ пауковъ, и нигдѣ, за исключеніемъ передней, не было ни малѣйшихъ признаковъ какой либо мебели. Въ гостиной поблекшее великолѣпіе росписныхъ потолковъ и рѣзной мраморъ камина еще болѣе оттѣняли всю окружающую наготу.

Брейль вернулся въ переднюю, нигдѣ не найдя и слѣдовъ недавняго пребыванія; затѣмъ оба агента направились въ кухню и людскія, но все съ тѣмъ же результатомъ. Сторожъ, какъ называлъ его Браунъ, или только изрѣдка и на короткое время посѣщалъ этотъ домъ, или же нисколько не заботился о своемъ собственномъ комфортахъ.

— Во всемъ этомъ домѣ нѣтъ ни единой души, замѣтилъ полицейскій, первый разъ позволивъ себѣ нѣсколько возвысить голосъ.

— Это еще увидимъ, спокойно возразилъ мистеръ Брейль.— Мы еще не обѣсвали погребѣ.

Дверь погреба, находившаяся, какъ обыкновенно, около кладовой, въ самомъ центрѣ дома, была заперта на ключъ. Слыщикъ нагнулся и внимательно осмотрѣлъ замочную севажину и косяки.

— Дверь эту очень недавно отворяли, спокойно замѣтилъ онъ.— Зажгите-ко фонарь и будьте на-готовѣ. А теперь дайте сюда отмычку.

Черезъ двѣ-три минуты, при помощи этого удобнаго инструмента, дверь была открыта, и глазамъ ихъ представилась лѣстница, ведущая внизъ. Воздухъ тамъ былъ спертый и, сравнительно съ окружающимъ, даже теплый. Они спустились по ступенямъ, и вдругъ свѣтъ фонарика упалъ на человѣческую фигуру, за-

вернутую въ шерстяное одѣяло и лежавшую на тюфякъ. Лицо было блѣдное и истощенное, а глаза бессмысленно уставились на свѣтъ и на нихъ.

— Такъ я и думалъ, воскликнулъ сыщикъ, невольно обрадованный оправданіемъ своего предположенія. — Это онъ самъ и есть!

— Теперь крыло должно придти въ движеніе, шепталъ лежавшій. — Вся ошибка была въ верхней части гайки, въ самой бабочкѣ.

— Человѣкъ этотъ пьянъ, замѣтилъ полицейскій, печально покачивая головою.

— Бѣгите къ доктору Крейку, дурень вы этакій! онъ живетъ въ сосѣдней улицѣ подь № 6, приведите его сюда немедленно! воскликнулъ мистеръ Брейль, глядя на него самымъ подавляющимъ презрѣніемъ.

Затѣмъ онъ даже съ нѣкоторою нѣжностью опустился на колѣни и, вынувъ изъ кармана флажку, поднесъ ее къ губамъ Мэтью

— Я васъ накормлю хорошимъ бульономъ у Кэрбера, хотя бы пришлось сварить его изъ печени того милаго юноши, шепталъ онъ ему успокоительно;—а затѣмъ я васъ отвезу домой.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Разгадка тяжелой загадки.

Еще много дней пролежалъ Мэтью Гельстонъ въ своей постелѣ въ Кэвендиш-гровѣ, раньше чѣмъ пришелъ въ совершенное сознаніе и былъ въ состояніи сообщить что либо о своемъ исчезновеніи. Пошли мистеръ Брейль за менѣ искуснымъ врачомъ, нежели докторъ Крейкъ, или отыщи онъ его нѣсколькими часами позже, Мэтью уже не было бы въ живыхъ.

Пришлось такъ, что всѣ приготовленія, сдѣланныя Сэбей къ его возвращенію, надѣявшейся и тогда, когда, какъ казалось, не оставалось болѣе мѣста для малѣйшей надежды,—приготовленія, на которыя даже Эми взирала скорѣе съ нѣжнымъ сожалѣніемъ, нежели съ одобреніемъ,—оказались крайне полезны. Теплая ванна, которую можно было приготовить въ нѣсколько минутъ, и уже готовая, только лишь перенесли его черезъ по-

рогъ дома, топившійся каминъ въ его комнату, крѣпкій бульонъ, — все это какъ нельзя болѣе способствовало къ его полнѣйшему хотя и медленному выздоровленію.

Дня черезъ два-три, докторъ обрадовалъ всѣхъ извѣстіемъ о томъ, что пациентъ его внѣ всякой опасности.

— Весь вопросъ теперь исключительно во времени, пояснял онъ дядѣ Стэфену, — или скорѣе въ самой конституціи моего больного, быстро возстановливающейся, хотя слѣды мозгового возбужденія повидимому остаются долѣе другихъ, что признаюсь, не мало меня удивляетъ.

— А мнѣ такъ это какъ нельзя болѣе ясно, замѣтилъ мистеръ Даргамъ. — Просидѣть цѣлыя три недѣли въ темномъ погребѣ, да этого достаточно, чтобы свести съума всякаго.

— Совсѣмъ не то, сэръ, спокойно сказалъ докторъ (онъ былъ очень сѣдой, съ густыми сѣдыми же бровями, благодаря которымъ, а равно и своей долготѣйшей практикѣ, онъ получилъ прозвище «Нестора Крейка», и онъ со всѣми обращался какъ съ внучатами). — Онъ совсѣмъ не страдалъ раздраженіемъ головного мозга, какъ вы это себѣ воображаете; онъ даже и не помышлялъ о способахъ выбраться изъ мѣста своего заключенія. Симптомы его того же свойства, какъ тѣ, которые я наблюдалъ у одного изъ моихъ пациентовъ, слишкомъ усердно и исключительно занимавшагося какими-то математическими вычислениями на тощій желудокъ.

Дядя Стэфенъ, еще далеко не успокоенный, слегка улыбнулся, не отвѣтивъ ничего. Послѣ всего случившагося, онъ предпочиталъ вообще безъ особенной надобности воздерживаться отъ лишнихъ разговоровъ. Большинство людей его лѣтъ и его репутаціи было бы несомнѣнно глубоко уязвлено сознаниемъ ошибочности собственныхъ заключеній, онъ же только совѣстился ихъ. Когда Сэбей, каждое утро, подходя къ полукрытой двери изъ комнаты больного, нѣжно и ласково цѣловала его, чѣмъ и ограничивались пока ихъ свиданія, такъ какъ она ни днемъ, ни ночью не покидала своего мужа, онъ чувствовалъ, что не заслуживаетъ этого попѣлуя. «Что почувствуетъ она къ нему, думалъ онъ, — когда она отъ него самого узнаетъ (а онъ рѣшился сообщить ей объ этомъ непременно) его отступничество отъ Мэтью, внутреннее ему не сердцемъ, а его слишкомъ логическимъ разсудкомъ».

На второй день по возвращеніи Мэтью, явился къ обѣду мистеръ Гельстонъ-старшій; надо замѣтить, что онъ имѣлъ достаточно такта, чтобы на время удалиться, предоставивъ всему

семейству заняться исключительно заботами о больномъ. Повидимому, онъ считалъ дѣломъ рѣшеннымъ, что нечего вспоминать прошлаго, тѣмъ болѣе, что обиженнымъ и прощающимъ считалъ только себя, и такимъ образомъ полагалъ, что удовольствіе, производимое его посѣщеніями, не могло подлежать и вопросу. Распросивъ всѣ подробности о состояніи здоровья племянника, онъ сейчасъ же перешелъ на вопросъ, повидимому его крайне занимавшій.

— Если осмѣлюсь спросить, кто-бишь таковой нѣкій мистеръ Фрэнкъ Берло? освѣдомился онъ.

Бѣдняжка Эми вся зардѣлась, но дядя Стэфенъ весьма спокойно отвѣчалъ:

— Это очень добрый и честный малый, живущій рядомъ съ нами.

— И полагаю, что другъ вашего семейства, хотя я о немъ и не слышалъ еще, продолжалъ мистеръ Гельстонъ. — Ну, это нѣсколько объясняетъ то, что я иначе считалъ бы за самую непозволительную дерзость. Когда я вчера оставилъ васъ, я прямо отправился къ знаменитому адвокату нашему Сторку. Тотъ оказался въ клубѣ, и конторщикъ его увѣрялъ меня, что лишится своего мѣста, если осмѣлятся послать къ нему туда по дѣлу; тогда я побѣжалъ къ нему вторично сегодня утромъ и онъ, хотя крайне вѣжливо, но очень рѣшительно извинился, заявляя, что какъ человекъ семейный, онъ считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ проводить первый день Рождества исключительно въ своемъ семействѣ. — Да, собственно говоря, сказалъ я ему, дѣло, по которому я къ вамъ обращаюсь, не особенно спѣшное; я только хотѣлъ непременно заручиться вашимъ согласіемъ относительно веденія нѣкоего дѣла, поднимаемаго моимъ племянникомъ противъ лэди Перджитеръ за диффамацию.

— Странно, очень странно, отвѣчалъ онъ; — но я долженъ вамъ сказать, что уже общалъ свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ.

— Какъ! общали защищать? И эту женщину?

— Нѣтъ, наоборотъ, общалъ ее преслѣдовать. Я вчера вечеромъ получилъ телеграму изъ Париза, отъ адвоката вашего племянника, мистера Фрэнка Берло.

— Вотъ такъ штука! сказалъ я; — а я даже и не зналъ, что у него есть свой адвокатъ. Надо вамъ замѣтить, меня крайне удивило подобное вмѣшательство. Я — дядя Мэтью, и потому могли бы довѣрить исключительно мнѣ веденіе этого дѣла; къ тому же, какъ мнѣ кажется, я не потерялъ и минуты.

— Да вѣдь мистеръ Берло совсѣмъ не зналъ о вашемъ

пріѣздѣ въ Лондонъ, успокаивалъ его дядя Стэфенъ;—да какъ же было ему и узнать объ этомъ?

— Понимаю; вы хотите сказать, что, до вчерашняго дня, не было причины довѣрять мнѣ, сухо возразилъ старикъ.— Можетъ быть вы и правы по-своему; однако этотъ молодой человекъ—Старикъ сказалъ мнѣ, что онъ совсѣмъ молодъ—долженъ быть чертовски-ловкимъ и смѣтливимъ.

— Мистеръ Барло очень способный и умный человекъ, замѣтилъ дядя Стэфенъ, стараясь не глядѣть на Эми,—и только благодаря его прозорливости и его стараніямъ, какъ сообщилъ мнѣ вчера мистеръ Брейль, племянникъ нашъ найденъ живымъ. Барло отправился въ Парижъ и тамъ, втеченіи сутокъ, уже узналъ о томъ, гдѣ находится бѣдный Мэтью. Какимъ образомъ Мэтью попалъ туда, это намъ и теперь еще неизвѣстно; но его нашли почти умирающимъ съ голоду. Брейль того мнѣнія, что человекъ, посадившій его туда, кто бы онъ ни былъ, пришелъ въ страшную злобу, въ виду того, что ему не удавалось продать брилліанты, и пересталъ снабжать его пищею. Это одно изъ ужаснѣйшихъ дѣлъ, когда либо случавшихся. Къ счастью, мерзавца этого арестовала французская полиція по дѣлу объ убійствѣ кого-то другаго.

— Въ такомъ случаѣ они навѣрное найдутъ разныя смягчающія вину обстоятельства, горячился мистеръ Гельстонъ.— Къ счастью еще, прибавилъ онъ, потирая руки, — что миледи Перджитеръ, назвавшая моего племянника воромъ, здѣсь, въ Англіи. Отдѣлаемъ же мы ее!

— О, мистеръ Гельстонъ, воскликнула Эми,—не будемъ помышлять теперь о возмездіи или мщеніи; будемъ благодарны! Если-бы вы только видѣли Себея! Сердце ея все переполнено одною благодарностью Богу, за то, что онъ возвратилъ ей ея Мэтью, хотя онъ еще очень боленъ, блѣденъ и слабъ.

— И скажу я вамъ, дорогая моя барышня, спокойно замѣтилъ мистеръ Гельстонъ,—пусть-ка онъ подольше выгладитъ такимъ, не смотря на дѣйствительное поправленіе. Да, появленіе его въ судъ, при подобныхъ условіяхъ, принесетъ намъ навѣрное лишнюю тысячу фунтовъ. Я только воображаю громадную сенсацію, какую произведетъ рѣчь Сторка, обращенная къ присяжнымъ засѣдателямъ.

Трудно было найти болѣе горячаго партизана, нежели Роджеръ Гельстонъ, или такого, который съ большимъ бы наслажденіемъ готовился къ битвѣ.

И битва уже завязалась по всей линіи относительно «таин-

ственного мурстритскаго дѣла, какъ его называли. Хотя мистеръ Бэрло, едва лишь узнавъ отъ сыщика объ отысканіи Мэтью, началъ дѣло въ его пользу; но невиновность его еще далеко не была утверждена повсемѣстно. Самъ мистеръ Сайнэтъ еще не былъ твердо въ ней убѣжденъ, между тѣмъ, какъ лэди Перджитеръ, все еще лишенная своихъ бриліантовъ, по прежнему считала покражу дѣломъ рукъ Мэтью. Правда, что его нашли заключеннымъ, да еще при нѣсколькихъ неудобныхъ условіяхъ; но все это могло легко возникнуть вслѣдствіе ссоры между нимъ и его сообщниками при дѣлежѣ добычи. Ни на іоту не убавила она своей злобы и ядовитости ни относительно его, ни ювелира, на что послѣдній отвѣчалъ открытымъ презрѣніемъ, не безъ примѣси затаеннаго опасенія. Допустивъ даже, что Гельстонъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ кражѣ бриліантовъ, и что, наоборотъ, ихъ отняли у него силою, послѣ того, какъ ихъ сдала ему лэди Перджитеръ, все-таки отвѣтственность за нихъ падаетъ на ювелира. Если они въ Парижѣ, и это будетъ доказано, онъ сознавалъ, что отсутствіе росписки Мэтью не можетъ помѣшать милэди заявить на нихъ свои права.

Что же касается мистера Брейля, то не смотря на первоначальный успѣхъ, онъ все еще былъ на-сторожѣ, пока, наконецъ, не добился слѣдующаго результата.

На вторую ночь послѣ отысканія Мэтью Гельстона, какая-то взыляющая, подозрительная личность тихонько и осторожно пробиралась по Мурстриту, пока, наконецъ, не остановилась передъ 11 номеромъ. Мистеръ Браунъ, все еще неизмѣнно стоявшій на своемъ посту, немедленно узналъ ее и захватилъ въ ту самую минуту, какъ она, дрожащими руками, старалась всунуть ключъ въ дверь необитаемаго дома.

— Оставьте, оставьте меня, жалобно взмолилась она, — я ничего; я только принесъ хлѣба и мяса, чтобы поужинать здѣсь, на крылечѣ.

— Самое подходящее мѣсто для ливника, спокойно замѣтилъ Браунъ. — Это вы открыли дверь, чтобы провѣтривать домъ; не такъ ли?

Самъ Соломонъ не сумѣлъ бы удовлетворительно отвѣтить на подобный вопросъ. Господинъ Ричардъ Дартморъ, такъ какъ это и былъ онъ самый, почувствовалъ, что на такой вопросъ не существуетъ отвѣта, и потому искалъ спасенія въ явленіяхъ физиологическихъ.

Если съ человѣкомъ приключится бѣлая горячка, то что

тутъ мудренаго, коли онъ забудеть, гдѣ живетъ, и отыскиваетъ вездѣ дверь своей квартиры, сказалъ онъ.

— Понимаю, сказалъ Браунъ, отбирая у него ключъ.— Буду имѣть честь и удовольствіе препроводить васъ домой.

И онъ повелъ его въ ближайшій полицейскій участокъ.

Мистеръ Ричардъ Дартморъ, говоря, что у него была бѣлая горячка, не солгалъ можетъ быть первый разъ въ жизни; но что еще удивительнѣе, это что его поймали при совершеніи, относительно говоря, хорошаго поступка, хотя, вслѣдствіе своей недавней болѣзни и испуга, испытаннаго имъ при арестованіи, онъ лишь нѣсколько дней спустя могъ объяснить суть дѣла.

Капитанъ Лангтонъ, которому не удалось завербовать Джона Рутерфорда въ помощники по дѣлу о похищеніи перджитерскихъ брилліантовъ, придумалъ совершенно иную комбинацію для приведенія въ исполненіе задуманнаго имъ плана.

Хотя № 11 въ Мурстритѣ былъ слишкомъ роскошнымъ мѣстопробываніемъ для человѣка, не имѣвшаго опредѣленныхъ средствъ и жившаго исключительно на счетъ людской непредусмотрительности или собственной изобрѣтательности, однако онъ нанялъ его, въ то же время очень долго не заключая окончательнаго контракта, что естественно возбудилъ противъ себя подозрѣніе господъ Кэрбери. Впрочемъ, онъ не имѣлъ намѣренія меблировать нанятый домъ, въ которомъ нуждался лишь временно. Вся привлекательная сила и прелесть его заключались для него въ томъ, что онъ находился рядомъ съ домомъ лэди Перджитеръ. Не однажды и не дважды, но частенько-таки, возвращаясь раннимъ утромъ изъ «Фробишера» или изъ иного своего любимаго мѣстопробыванія, онъ далеко не въ пьяномъ видѣ, такъ какъ онъ совсѣмъ не пилъ, но вслѣдствіе усталости, темноты ночи, дождя, снѣга и другихъ причинъ, ошибался дверью и попадалъ рядомъ къ своей прелестной сосѣдѣ. Подобное обстоятельство, какъ онъ справедливо рассуждалъ, могло случиться съ каждымъ и даже легко могло повториться. Только въ данномъ случаѣ онъ, страннымъ образомъ, принималъ весьма оригинальныя мѣры для того, чтобы это повторялось въ дѣйствительности. Онъ меблировалъ переднюю № 11 совершенно такъ же, какъ была меблирована передняя сосѣднаго дома, что онъ узналъ вслѣдствіе неоднократнаго личнаго наблюденія. Помимо мистера Дартмора, у него было еще двое помощниковъ, которыхъ онъ нарядилъ въ ту же, канареечнаго цвѣта, съ серебряными галунами, ливрею, какую носили лакеи лэди Перджитеръ. Къ сожалѣнію, не смотря на всю свою предусмотрительность,

сообразительность и мастерски-обдуманнй планъ, никто никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ ручаться впередъ за полнѣйшій успѣхъ, такъ какъ вездѣ и прежде всего нужна все-таки удача; такимъ образомъ всѣ приготовления и надежды капитана Лангтона нѣкоторое время оставались тщетными. Уже дважды уѣзжалъ Мэтью Гельстонъ въ своемъ кэбѣ вмѣстѣ съ бриліантами; но каждый разъ тотъ или другой изъ рослыхъ лакеевъ милэди оставался въ дверяхъ, наблюдая за погодою или усердно зѣвая на звѣздное небо, пока, наконецъ, кэбъ не заворачивалъ за уголъ сосѣдней улицы и всѣ шансы капитана не разлетались прахомъ. Въ третій разъ, однако, судьба смилостивилась и даже какъ-бы сыграла ему въ руку.

Какъ намъ уже извѣстно, ночь, въ которую пропалъ Мэтью Гельстонъ, была исключительно бурная: небо было покрыто сплошными тучами, вѣтеръ не переставалъ реветъ, а снѣгъ падалъ густыми хлопьями; была ночь, какъ говорится, ни зги не видно, а дрожащій газовый рожокъ еле-еле мерцаетъ. Не успѣлъ Мэтью, получивъ бриліанты, переступить порога номера 10-го, какъ лакей быстро захлопнулъ за нимъ дверь, чтобы не дать вѣтру и снѣгу ворваться во-внутрь. Тогда-то и пришла удобная минута для капитана. Не успѣлъ Джонъ Рутерфордъ отъѣхать шаговъ на двадцать, какъ, повидимому, тотъ-же самый лакей подбѣжалъ къ нему, говоря, что присланъ своею госпожей просить мистера Гельстона вернуться; она забыла ему что-то сказать и во всякомъ случаѣ непременно желала его видѣть. Мэтью былъ только удивленъ, извоиикъ же очень недоволенъ; однако, дѣлать нечего, надо было вернуться, и онъ вторично подбѣжалъ къ двери, которую, какъ ему казалось, онъ только что оставилъ. Передъ его слипающимся отъ снѣга глазами засверкали яркіе огни знакомой передней и неменѣе яркія кинारेечныя ливреи; затѣмъ дверь затворилась за его сѣдобомъ, который черезъ секунду лежалъ съ завязаннымъ ртомъ и съ крѣпкими веревками на рукахъ и ногахъ.

Минуту спустя, лакей опять появился съ извѣщеніемъ о томъ, что мистеръ Гельстонъ принялъ приглашеніе его госпожи переночевать у нея, и честный Джонъ, очень довольный перспективою отправиться прямо домой, не забывая въ Паулэтстритъ и въ Кэвендиш-гровъ, уѣхалъ съ полною увѣренностью, что оставляетъ Мэтью Гельстона въ номерѣ 10-мъ.

Капитанъ Лангтонъ совсѣмъ не имѣлъ намѣреніе убить своего плѣнника, и это не изъ какого-либо нравственнаго соображенія, а исключительно потому, что законъ былъ ему хорошо

извѣстнѣ, относящійся вообще такъ снисходительно ко всѣмъ преступленіямъ противъ личности, сравнительно съ преступленіями противъ собственности, за исключеніемъ одного только убійства. И не смотря на то презрѣніе, съ какимъ нашъ капитанъ, судя по рассказамъ, относился къ этому закону на морѣ тѣмъ не менѣе на сушѣ, онъ благоразумно воздерживался отъ проявленія этого, не всегда удобнаго въ видахъ самохраненія, чувства. Намѣреніе его было лишь таково: держать этого чловека въ тѣсномъ и секретномъ заключеніи, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никому не придетъ въ голову отыскивать его, до тѣхъ поръ, пока отнятые у него брилліанты не будутъ пристроены надлежащимъ образомъ. Последнимъ же дѣломъ онъ хотѣлъ заняться исключительно самъ.

Не прошло и получаса послѣ захвата несчастной жертвы, какъ брилліанты были уже въ квартирѣ капитана, а самъ онъ успѣлъ вторично показаться въ «Фробшерѣ», такъ что многіе изъ присутствовавшихъ воображали, что онъ провелъ тамъ весь вечеръ безотлучно. Потребуя того обстоятельства, ему было бы нетрудно представить alibi.

Большинство людей, предаваясь какому-либо важному дѣлу, временно забываютъ всѣ остальные, но не таковъ былъ нашъ капитанъ. Похищая перджитерскіе брилліанты, онъ не упускалъ изъ виду еще другой, въ настоящую минуту нѣсколько занимавшей его цѣли. Когда Фэба Мейсонъ разсталась съ капитаномъ Ловелемъ, она упала еще ниже, хотя рассказы ея о себѣ мистеру Бэрло были все-таки преувеличены. Послѣ своей случайной встрѣчи съ Мэтью Гельстономъ она старалась опять встать на честную дорогу, что было не легко при существовавшихъ условіяхъ, не имѣя къ тому же никакихъ средствъ къ пропитанію. Въ этотъ-то періодъ почти безнадежной борьбы во время ея пребыванія въ Бликстритѣ, познакомилась она съ Лангтономъ. Она не скрыла отъ него ни своего прошлаго, ни своихъ настоящихъ добрыхъ намѣреній. По всѣмъ вѣроятіямъ, она была къ нему совершенно равнодушна; но возможность выйти за него замужъ казалась ей все-таки спасеніемъ въ ея затруднительномъ положеніи.

Что же касается Лангтона, то онъ былъ женатъ; но будь онъ холостъ, онъ бы не задумался пожертвовать своею свободою ради удовлетворенія минутнаго влеченія. Въ данномъ же случаѣ, что значило для подобнаго чловека обмануть. И такъ, послѣ совершенія брачнаго обряда, онъ увезъ несчастную дѣвушку въ Парижъ, а что послѣдовало затѣмъ — намъ хорошо извѣстно. Мы, конечно, не знаемъ, что именно произошло пе-

редъ ея убіеніемъ; но онъ, вѣроятно, догадался объ ея участіи въ Мэтью и пришелъ въ неукротимое бѣшенство. Что же касается самаго Мэтью, то нѣтъ основанія предполагать, чтобы Лангтонъ намѣревался умерить его съ голоду. Напротивъ того, Ричарду Дартмору было приказано снабжать его каждую ночь достаточнымъ количествомъ пищи и затѣмъ каждое утро телеграфировать въ Парижъ о положеніи дѣлъ въ Мурстритѣ. Только не устоявъ противъ искушеній вѣрныхъ напитковъ, Дартморъ подвергся припадку бѣлой горячки, что и имѣло слѣдствіемъ двухдневный перерывъ въ его посѣщеніяхъ Мэтью, едва неуморившій послѣдняго.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

Еще разныя подробности.

Только въ день Нового года Мэтью оправился настолько, что заговорилъ, чѣмъ несказанно обрадовалъ Сэбей. Узналъ онъ ее уже раньше, но до тѣхъ поръ приходилось довольствоваться слабымъ и безмолвнымъ пожатіемъ руки съ долгимъ взглядомъ, исполненнымъ самой нѣжной и искренней любви.

— Нашъ малютка, Эми, дядя Стэфенъ, Френкъ, — она поочередно называла имена всѣхъ ему дорогихъ и увѣряла, что всѣ они здоровы. Затѣмъ онъ началъ что-то бормотать про себя, похожее на слова: врыля бабочки, гайка. Это ее сильно испугало и, предполагая, что онъ еще въ безпамятствѣ, она послала за Эми.

— Это что-либо изъ области механики, рѣшила она. — Гайка — это закручивающаяся часть винта. — Ты это про Мэдждъ, дорогой Мэтью? тихо проговорила она.

Надо было видѣть, какой свѣтъ загорѣлся въ его глазахъ; онъ словно воскресъ. Не было сомнѣнія, что это касалось Мэджди; поэтому, съ позволенія доктора, ее перенесли наверхъ и поставили у постели больного. Когда онъ увидалъ ее, такую свѣтленькую и блестящую, онъ съ благодарною улыбкою посмотрѣлъ на жену.

— Конечно, я ходила за Мэдждью, пока хозяина не было дома, сказала обрадовавшаяся Сэбей.

Объяснивъ, наконецъ, обѣимъ женщинамъ, что если гайкѣ

известнаго винта придать форму крыльевъ бабочки, движеніе передастся самой машинѣ, Мэтью потребовалъ, чтобы немедленно послали за дядю Стэфеномъ, дабы и ему сообщить объ этомъ важномъ открытіи.

— Я такъ счастливъ, дорогой дядя! говорилъ онъ.

— И ты вполне заслуживаешь этого, мой хорошій, отвѣчалъ ему взволнованный старикъ, — по крайней мѣрѣ, если есть правда въ теоріи о возмездіи.

Мэтью покачалъ головою.

— Не то, совсѣмъ не то, говорилъ онъ, — сама гайка и составляетъ двигательный аппаратъ.

— Понимаю, замѣтилъ старикъ, ровно ничего не понимавшій.

— Это единственная вещь (хотя иногда весь погребъ наполнился летающими Меджами), поддерживавшая меня въ моей тюрьмѣ, шепталъ Мэтью. — Когда же я думалъ о Сэбей и о нашемъ малюткѣ, я совершенно падалъ духомъ.

Тогда они поняли, какъ посреди тишины и уединенія своей тюрьмы онъ рѣшалъ проблему приведенія въ движеніе своей Мэджи и этимъ самымъ изгонялъ мысли отчаянія и тоски, которыя несомнѣнно погубили бы его.

— Быть опять со всѣми вами, да это рай, само блаженство! шепталъ онъ. — Но послѣ того... и онъ снова произнесъ названіе своего открытія. — О, я такъ счастливъ, такъ доволенъ!

По лицу дяди Стэфена пробѣжала опять та серьезная и жалостливая улыбка, которая такъ шла къ нему.

— Ты теперь такъ думаешь, голубчикъ мой; но ты навѣрное не успокоишься, пока не сдѣлаешь еще двухъ открытій, а именно: квадратуры круга и ключа къ начертаніямъ въ пирамидѣ Хеопса.

— А можетъ быть ты и правъ, согласился Мэтью, съ дружескою улыбкою. Затѣмъ онъ освѣдомился о Фрэнкѣ, но ему отвѣтили молчаніемъ. — Надѣюсь, что онъ не боленъ? продолжалъ онъ, встревоженный. — Вы сказали мнѣ, что онъ здоровъ. Эми, гдѣ же онъ?

Сэбей отвѣтила за нее.

— Онъ сегодня возвращается изъ Парижа и вечеромъ будетъ у насъ.

Какъ могла бы Эми сказать «нѣтъ», разъ какъ Мэтью желалъ его видѣть. Спроси онъ про мистера Сайнэта или хотя бы про самую леди Перджитеръ — Сэбей навѣрное бы отвѣтила: «они непремѣнно придутъ», и навѣрное бы ихъ добыла.

Когда явился мистеръ Барло, Сэбей первая обняла его въ

гостиной — вѣдь онъ спасъ жизнь ей мужу; вторую же обняла его Эми.

— Фрэнкъ, простишь ли ты мнѣ? рыдала она.

— Не ты, а я нуждаюсь въ прощеніи, отвѣчалъ онъ.

— И я также, вмѣшался дядя Стэфенъ, но такъ кротко и тихо, что Сэбей его не разслышала.

Эми бросила на него умоляющій взоръ, просившій не повторять этихъ словъ. Онъ уже примирился съ своею совѣстью, сознавшись въ присутствіи Сэбей и свидѣтелей въ своемъ отступничествѣ, и если она не обратила на это вниманія, то тѣмъ лучше для всѣхъ ихъ. Онъ не имѣлъ ни желанія, ни мужества возобновить подобное признаніе. Такъ Сэбей и не узнала о томъ, что была минута, когда и дядя Стэфенъ, и мистеръ Берло усомнились въ честности ея Мэтью.

Самому же Мэтью все рассказали и онъ немедленно согласился, что, имѣя подобные факты налицо, было совершенно немислимо придти къ иному заключенію, нежели въ тому, къ которому пришли, хотя и неохотно, мистеръ Дэргамъ и Фрэнкъ Берло.

— А между тѣмъ и Сэбей, и Эми ни минуты въ тебѣ не сомнѣвались, Мэть, говорилъ старикъ, преслѣдуемый чувствомъ раскаянія.

— Это потому, что онѣ женщины и у нихъ нѣтъ логики, весело пояснялъ Мэтью.— Но это нисколько не убавляетъ нашу къ нимъ любовь.

Мистеру Берло удалось не безъ труда выбраться изъ Парижа и вернуться въ Кэвендиш-гровъ въ самый день Нового года, такъ какъ парижская полиція нуждалась въ его показаніяхъ относительно дѣла объ убійствѣ бѣдной Фэбы. Онъ сперва не хотѣлъ безъ нужды огорчать маіора, сообщая ему объ этомъ убійствѣ, но, при его невѣдѣніи законовъ и обычаевъ страны, ему пришлось—таки обратиться къ нему за совѣтомъ, и онъ былъ немало пораженъ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на маіора это извѣстіе.

— Какъ, Фэба убита, и этимъ проклятымъ мерзавцемъ?

Куда дѣвались его томины, аристократическія манеры и онъ немедленно пошелъ посмотрѣть на покойницу.

Вернулся онъ сильно-взволнованный и какъ-бы инымъ человекомъ.

— Я, я убилъ ее, мистеръ Берло! воскликнулъ онъ, проникнутый горькимъ сознаніемъ своего прежняго безчестнаго поступка,—я, хотя этотъ мерзавецъ и нанесъ ей ударъ. Его гнѣвъ

противъ убійцы былъ неумолимъ.—Если законъ не исполнить своего долга, клянусь жизнью, что я исполню свой! И дѣйствительно, увернисъ капитанъ Лангтонъ отъ когтей закона, онъ бы навѣрное не ушелъ отъ когтей другаго, неумолимаго врага.—Если нужны деньги, мистеръ Бэрло, прибавилъ онъ:—то вотъ двѣсти фунтовъ, которые я, благодаря Бога, вчера выигралъ въ клубѣ.

Однако, хотя капитану и удалось спасти свою голову, на томъ основаніи, что при убійствѣ имъ руководило чувство ревности, во онъ былъ приговоренъ къ пожизненной каторжной работѣ.

Бриллианты были найдены у него; изъ оправы были вынуты только три камня. Мистеръ Сайнэтъ немедленно и охотно заплатилъ сумму въ 500 фунтовъ, назначенную имъ за отысканіе ихъ. Но та же сумма, предложенная самою миледи, очень солоно обошлась ей, такъ какъ Брейль, какъ онъ выражался, нашелъ ей въ Гельстонѣ пренепріятнаго субъекта, а именно, истца въ дѣлѣ о диффамаци.

Что же касается бриллиантовъ, то они были переданы ей, причемъ Мэтью заявилъ, что принялъ ихъ отъ нея, давъ ей росписку въ ихъ полученіи. Остается объяснить теперь, какимъ образомъ миледи лишилась этой росписки. Въ самую ночь исчезновенія Мэтью, леди Перджитеръ, возвратившись съ бала, нашла ожидавшее ее письмо отъ одной высокопоставленной личности,—письмо, несказанно ее огорчившее. Она страстно желала быть приглашенною на какое-то празднество, даваемое самою королевою, и приглашенія этого она добивалась, не щадя ни времени, ни усилий; а тутъ высокопоставленное лицо извѣщало ее, хотя и въ вѣжливыхъ, но крайне рѣшительныхъ выраженіяхъ объ ея полнѣйшемъ неуспѣхѣ. Послѣ ухода Мэтью миледи провела нѣсколько минутъ въ томъ, что злобствовала на свою горничную, затѣмъ, въ порывѣ негодованія или же изъ боязни, чтобы объ этомъ не узнали другіе, она схватила со стола письмо и бросила его въ огонь. Только вмѣсто письма она сожгла росписку въ полученіи бриллиантовъ, лежавшую тутъ рядомъ. Она сейчасъ же замѣтила свою ошибку и, не медля ни минуты, послала Пэтти Сельвудъ съ приказаніемъ отправить лакея въ погоню за кэбомъ. Выйдя онъ пятью минутами раньше, онъ бы увидѣлъ, какъ возвращается этотъ самый кэбъ, съ точнымъ воспроизведеніемъ его личности, въ такой же канареечной ливреѣ, бѣгущей рядомъ и впускающей сѣдова въ домъ № 11. Теперь же онъ узрѣлъ лишь опустѣвшую улицу. Хотя отсутствіе рос-

писки и волновало миледи, но она въ ту минуту не придавала этому особеннаго значенія. На другое же утро, когда сдѣлалось извѣстнымъ исчезновеніе Мэтью, фактъ этотъ сталъ для нея фактомъ величайшей важности. Послѣдовало затѣмъ то двусмысленное поведеніе леди Перджитеръ, справедливо возбуждившее противъ нея весьма серьезныя подозрѣнія; съ другой стороны, противъ нея немало свидѣтельствовало и показанія, данныя ея же горничною, хитрость и ненависть которой ясно указали ей на то, сколько и что именно надо было сказать.

Однако этимъ не кончилось наказаніе леди Перджитеръ. Брейль, получивъ съ нея обѣщанныя деньги, счелъ своимъ долгомъ сообщить ей и о томъ, что фамиліные ея брилліанты, какъ доказали французскіе эксперты, были поддѣльные, что собственно и послужило первымъ поводомъ къ арестованію капитана Лангтона, на основаніи его старанія сбыть поддѣльные за настоящіе. Понятно, что она со всею свойственною ей яростью выразила свое недовѣріе; однако фактъ остался фактомъ.

Когда миледи убѣдилась, наконецъ, въ своемъ несчастіи, она обвинила мистера Сайнэга въ подмѣнѣ настоящими брилліантовъ поддѣльными. Однако невинность этого джентльмена, послѣ произведеннаго разслѣдованія, скоро вполнѣ опредѣлилась. Перджитерская парюра когда-то дѣйствительно состояла изъ настоящихъ камней, еще въ тѣ времена, когда мистеръ Инготъ, отецъ миледи, искалъ случая продать ихъ ювелиру; и такъ, понятно, почему мистеръ Сайнэгъ не усомнился въ томъ, что это были тѣ же брилліанты, которые онъ тогда внимательно осматривалъ и оцѣнивалъ, хотя и отказался отъ ихъ покупки. Случилось же такъ, что достойный ростовщикъ успѣлъ-таки пристроить ихъ до смерти, приказавъ замѣнить ихъ искусственными. Онъ полагалъ, что не станутъ освѣдомляться въ ихъ доброкачественности и что они навсегда останутся достояніемъ его потомства.

«Къ тому же, случись такъ, — думалъ онъ, — что они вдругъ пропадутъ у ювелира, которому поручены, какая блестящая афера для его дочери и наследницы получить, въ видѣ возмездія за потерю, 25,000 фунтовъ за вещь, въ дѣйствительности стоившую не болѣе 100 фунтовъ!»

Къ несчастію или же къ счастью, дѣла приняли несовсѣмъ тотъ оборотъ, какаго ожидалъ хитрый ростовщикъ. Полиціи удалось отыскать ювелира, при посредствѣ котораго были проданы настоящіе брилліанты парюры и который сдѣлалъ для мистера Ингота фальшивую парюру, и его подробный рассказъ,

съ ссылками на свидѣтелей, снялъ всякое подозрѣніе съ мистера Сайнота.

Но довольно о прелестной миледи и объ ея расчетливомъ родителѣ; перейдемъ, въ заключеніе, въ болѣе свѣтлой, привѣтливой картинѣ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ.

Нѣсколько заключительныхъ словъ.

Хотя леди Перджитеръ и была сама жестовосерда, но за то она оказалась причиною милосердія въ другихъ. Взавъ во вниманіе то, что пришлось перенести ей, и какъ то, что, главнымъ образомъ, составляло ея гордость, вдругъ, словно въ волшебной сказкѣ, превратилось въ какую-то жалкую горсть простаго стекла, — Мэтью Гельстонъ отступился отъ своего иска противъ миледи. Дядя Роджеръ однако такъ упорно стоялъ на томъ, чтобы искъ былъ предъявленъ, что, не возстанъ противъ этого Сэбей, дѣлу неминуемо былъ бы данъ ходъ.

— Объ одномъ прошу: не продолжайте вражду; миру, побольше миру! Богъ былъ такъ несказанно милосердъ къ намъ; не будемъ же преслѣдовать одно изъ его созданій, говорила она.

И теперь все шло какъ по маслу. При помощи Эми, Сэбей руководила всѣми въ домѣ. Мэтью и прежде не стремился къ власти, а дяди Стэфенъ и Фрэнкъ Барло сдѣлались теперь со-всѣмъ ея рабами. Они какъ-бы чувствовали, что не въ силахъ вознаградить ее за то оскорбленіе, которое, впрочемъ, такъ и осталось для нея тайною навсегда.

Дядя Роджеръ, совершенно разочарованный въ кузенъ Дигъ и серьезно желавшій полнѣйшаго примиренія съ своимъ единственнымъ племянникомъ, сообразилъ, что кратчайшій къ тому путь лежалъ черезъ посредство его жены, и, такимъ образомъ, онъ охотно увеличилъ число ея подданныхъ. Онъ рассчитывалъ на то, что Мэтью вернется въ Лэтбери, въ качествѣ его компаньона, и даже льстилъ себя надеждою, что тотъ съ восторгомъ ухватится за подобное предложеніе. Однако онъ отказался или, скорѣе, Сэбей отказала за него, выражая при этомъ свою глубочайшую благодарность.

— Мужъ мой человѣкъ гениальный, говорила она, — только

геній его совсѣмъ не юридическаго направленія. Онъ изобрѣтатель крылатой гайки.

— Къ чорту эту Мэджд! ворчалъ про себя дядя Роджеръ и горько жаловался мистеру Дэггаму о своей неудачѣ.— Мэтью заслуживаетъ того, чтобы я оставилъ все свое состояніе въ пользу какой нибудь больницы.

— Весьма вѣроятно, дорогой сэръ, отвѣчалъ дядя Стэфенъ,— только, повѣрьте, никто на этомъ свѣтѣ не получаетъ заслуженнаго.

— А что вы скажете, если я дѣйствительно это сдѣлаю, сэръ? возразилъ старикъ не безъ нѣкотораго злорадства.

— Это вполне зависитъ отъ васъ, хотя я въ этомъ сильно сомнѣваюсь, спокойно отвѣтилъ тотъ.— Нѣтъ худа безъ добра. Я всегда считалъ Мэтью неудачникомъ и несчастнымъ человекомъ, а, между тѣмъ, посмотрите, какое счастье принесла ему эта самая Мэджд.

— Но онъ все-таки ошибся, такъ какъ движенія она не приобрѣла ни на единый дюймъ.

— Конечно, нѣтъ. Но хотя крылатая гайка въ этомъ случаѣ непримѣнима, этимъ открытіемъ онъ установилъ однако теорію двигательнаго винта. Продай онъ свой патентъ, онъ завтра же получитъ за него 10,000 фунтовъ. Возьмемъ для примѣра перджитерскіе брилліанты, которые оказались простыми стеклами. Возьмемъ также Джона Рутерфорда, котораго считали чуть-ли не гнусѣйшимъ лжецомъ, нежели самого Карла IX или герцога бокенгемскаго, а между тѣмъ оказывается, что онъ говорилъ частѣйшую правду.

— Есть кого приводить для примѣра; да это просто дрянной бродяга, который, какъ говорилъ мнѣ Брэйль, самъ собирался убить Мэтью и даже купилъ для этого пистолеты, горчился дядя Роджеръ.

— И это полнѣйшее заблужденіе, мой дорогой сэръ; онъ купилъ пистолеты единственно съ цѣлію защитить его противъ злыхъ намѣреній Дартмора. Вѣдь намъ все это извѣстно отъ него же самого.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ умалчивалъ о намѣреніяхъ Дартмора?

— Допускаю, что фактъ этотъ очень страненъ, однако его можно объяснить такимъ образомъ: Рутерфордъ человекъ честно исполняющій данныя имъ обѣщанія, что, между прочимъ, новый примѣръ необыкновеннаго, неожиданнаго въ извощикѣ, а онъ обѣщалъ не выдавать ихъ; а такъ какъ онъ былъ по своему

вполнѣ увѣренъ, а слѣдовательно вполнѣ ошибочно, въ томъ, что оставилъ Мэтью у лэди Перджитеръ, вслѣдствіе чего Дартморъ не могъ способствовать его исчезновенію, то онъ и молчалъ. Затѣмъ еще одно: говоря между нами, кто могъ ожидать такого поведенія отъ нашего друга мистера Бэрло? Со-знаюсь, я прежде былъ о немъ весьма скромнаго мнѣнія.

— Чертовски проинцательный и способный малый, согласился дядя Роджеръ.

Дядя Стэфенъ только пожалъ плечами.

— Пожалуй что и такъ; во всякомъ случаѣ, какъ прекрасно повелъ онъ это дѣло. Не будь его, Мэтью теперь уже не былъ бы въ живыхъ.

— Вы правы, отвѣтилъ дядя Роджеръ; — этимъ я вполнѣ обязанъ ему.

— Ну, а какъ же на счетъ больницы? лукаво спросилъ дядя Стэфенъ.

— Ну ее къ чорту! А лондонскую свою контору я передамъ Бэрло.

Замѣчательно, до какой степени поѣздка въ Парижъ повлияла на развитіе характера мистера Бэрло; надо полагать, что тому, главнымъ образомъ, способствовало пріобрѣтеніе имъ нѣкоторой жизненной опытности. Она какъ-бы пробудила въ немъ всевозможныя новыя чувства и качества, о существованіи которыхъ догадывалась прежде лишь одна особа. Оказалось, что, въ сущности, онъ вполнѣ ея достоинъ.

Еще до своей женитьбы на Эми онъ привязался къ Мэтью, какъ къ родному брату, а тотъ питалъ къ нему глубочайшую благодарность за все, сдѣланное имъ для бѣдной Фэбы. Все было хорошо извѣстно Сэбей, которая отъ души сожалѣла свою умершую соперницу. Мэтью не любилъ много говорить о своей несчастной первой любви, за то онъ часто о ней думалъ и всегда съ нѣжностью и съ благодарностью. Странно, что душевныя качества этого молчаливаго, сдержаннаго и необщительнаго человѣка были такъ хорошо извѣстны тремъ женщинамъ и такъ высоко ими цѣнимы; двое изъ нихъ какъ-бы жили для него одного, третья же умерла ради него; а надо полагать, что если человѣкъ честно любимъ болѣе нежели одною женщиною, то онъ заслуживаетъ любовь.

Что же касается обоихъ дядей, то трудно рѣшить, кто изъ нихъ болѣе боготворилъ племянника. На привязанность одного изъ нихъ, во всякомъ случаѣ, не влиялъ жизненный успѣхъ Мэтью. Успѣхъ этотъ, однако, остался не безъ слѣдовъ на соб-

ственный его характеръ, который какъ бы развернулся подъ вліяніемъ теплоты и счастья. Не было больше крупныхъ неудачъ; сожалеалъ онъ только о бѣдной Феві, хотя не лучше ли было для нея самой, что она, бѣдная, умерла.

Въ томъ же бюро, гдѣ уже хранилось столько дорогихъ воспоминаній, находился теперь и оборванный клочекъ бумаги, весь мокрый кровью, на которомъ были кое-какъ написаны слова, спасшія жизнь Мэтью; на него часто смотрѣлъ онъ съ горячими слезами самою искренней благодарности.

Конецъ.

ОСНОВЫ МОЛЕКУЛЯРНОЙ БИОЛОГИИ.

XII.

Развитіе двигательной функціи.

Исслѣдованія простѣйшей, амeboобразной формы движенія протоплазмы привело насъ къ заключенію, что движеніе это необходимо разсматривать, какъ внѣшнее выраженіе самодѣятельности протоплазмы, ея внутренней энергіи. О другой причинѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Но изъ этого положенія вытекаетъ другое, не менѣе важное и не менѣе универсальное. Если двигательная функція протоплазмы опредѣляется ея внутренней энергіей, то тѣ или другія измѣненія, испытываемыя подъ вліяніемъ высшихъ дѣятелей этой функціей, должны вмѣстѣ съ тѣмъ согласоваться съ условіями проявленія внутренней энергіи протоплазмы. Вотъ почему измѣненія эти не могутъ накопляться безразлично, а напротивъ, должны наростать въ направленіи, опредѣляемомъ требованіями наиболѣе всесторонняго развитія, наиболѣе полного расширенія этой, внутренней энергіи. Другими словами это значитъ, что всякое измѣненіе двигательной функціи, содѣйствующее наиболѣе полному проявленію внутренней энергіи протоплазмы, представляетъ собою приспособленіе данной функціи къ основнымъ жизненнымъ требованіямъ послѣдней.

Мы сейчасъ пояснимъ настоящее положеніе на примѣрѣ:

Амебообразныя движенія представляютъ собою самую простѣйшую форму двигательной функціи и съ тѣмъ вмѣстѣ отличаются крайне неопредѣленнымъ, несовершеннымъ характеромъ. Несовершенство это въ томъ именно и состоитъ, что проявленіе двигательной функціи сопряжено здѣсь съ значительною затратою внутренней энергіи непроизводительно. Припомнимъ случай перемѣщенія амебообразнаго существа; перемѣщеніе это, какъ мы знаемъ, достигается насчетъ ложноножекъ, которыя выступаютъ съ различныхъ, часто даже противоположныхъ точекъ тѣла. Вслѣдствіе этого «передвиженіе особи въ ту или другую сторону обуславливается разностью между силою движенія протоплазмы въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ». Отсюда уже само собою ясно, что перемѣщеніе особи необходимо предполагаетъ тѣмъ большую затрату внутренней энергіи, чѣмъ неопредѣленнѣе и многоразличнѣе направленія, въ которыхъ происходитъ теченіе протоплазмы. Простое вычитаніе показываетъ всю невыгоду такого перемѣщенія, при которомъ значительная доля внутренней энергіи расходуется на преодоленіе противоположныхъ, взаимно парализующихъ теченій протоплазмы, вмѣсто того, чтобы цѣлкомъ раскодироваться на передвиженіе самаго тѣла.

И такъ, простѣйшая, амебообразная форма движенія, потому именно и несовершенна, что она сопряжена съ чрезмѣрною, крайне непроизводительною затратою внутренней энергіи. Въ свою очередь, такая непроизводительная затрата составляетъ прямое слѣдствіе крайне неопредѣленнаго распредѣленія сократительной способности протоплазмы, прямое слѣдствіе несовершенной гармоніи, нецѣльной солидарности между тѣми внутренними частичными движеніями протоплазмы, которыя, суммируясь, обуславливаютъ амебообразныя сокращенія.

Допустите въ самомъ дѣлѣ, что эти внутреннія движенія отличаются большею солидарностью; что вмѣсто того, чтобы обнаруживаться въ различныхъ, часто взаимно уничтожающихъ направленіяхъ, онѣ слѣдуютъ въ одномъ и томъ же постоянно опредѣленномъ направленіи, сливаются въ одну общую работу. Тогда уже перемѣщеніе особи будетъ обуславливаться не разностью между силою данныхъ движеній, а ихъ суммою, что, само собою разумѣется, устраняетъ непроизводительную затрату внутренней энергіи протоплазмы.

Но въ борьбѣ съ окружающимъ, экономія внутренней энергіи, достиженіе опредѣленныхъ результатовъ съ наименьшею затратою этой внутренней, жизненной

энергии составляет необходимое условие побѣды и не только побѣды, но и прогрессивнаго развитія. Такимъ образомъ изъ двухъ однородныхъ функций та, которая сопряжена съ наименьшею затратою жизненной энергии, отличается большими шансами на преобладаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ высшую, болѣе совершенную степень развитія.

Если отъ этого основнаго положенія мы обратимся къ рассматриваемой здѣсь двигательной функции протоплазмы, то должны будемъ признать, что устраненіе непронизводительнаго и, стало быть, не только безполезнаго, но и вреднаго расходованія жизненной энергии, воплотивъ требованія наиболее полнаго проявленія послѣдней, могло быть достигнуто только однимъ путемъ, путемъ перехода неопредѣленнаго, неправильнаго распредѣленія сократительной способности протоплазмы въ болѣе опредѣленное и правильное, что въ свою очередь ведетъ къ обособленію двигательной функции и къ выработкѣ спеціальнаго органа передвиженія.

У простѣйшихъ, амѣбообразныхъ существъ такого спеціальнаго органа передвиженія нѣтъ; роль его выполняютъ здѣсь ложноножки, но выполняютъ, по причинамъ только что помеченнымъ, весьма несовершенно: онѣ отличаются крайнимъ непостоянствомъ и отсутствіемъ той солидарности дѣйствій, которая необходима для совмѣстной работы. Эти ложноножки—образованія временныя и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне неправильныя: то онѣ являются въ видѣ тончайшихъ ниточекъ, идущихъ каждая порознь, то переплетаются и образуютъ такой лабиринтъ петель и развѣтвленій всевозможныхъ величинъ, «что не только разобрать ихъ, но и подмѣтить всѣ нѣтъ никакой возможности». Само собою разумѣется, что при такомъ хаотическомъ беспорядкѣ о совмѣстной работѣ не можетъ быть и рѣчи.

Но по мѣрѣ того какъ внутреннія частичныя движенія протоплазмы все болѣе и болѣе обнаруживаются въ одномъ и томъ же постоянно опредѣленномъ направленіи, побуждаемая къ тому экономіей жизненной энергии, временныя образованія должны были постепенно переработаться въ болѣе постоянныя; изъ ложноножекъ могли продолжать функционировать съ наибольшимъ успѣхомъ и всего болѣе соответствовали указанному требованію тѣ именно, которыя отличались наибольшою симметриєю взаимнаго расположенія и наиболѣе равномернымъ развитіемъ. Это именно потому, что симметричное расположеніе и равномерное развитіе органовъ, участвующихъ въ общей работѣ, составляетъ

необходимое условие солидарности действий, а стало быть необходимым условием эволюции жизненной энергии.

И такъ, вотъ тотъ путь, въ условияхъ котораго простѣйшая двигательная функция, постепенно обособляясь, вела къ выработкѣ специального органа передвиженія. Изъ временныхъ образований, каковыми являются ложноножки, выработались постоянныя образования, отличающіяся симметричностью взаимнаго расположенія и равномернымъ развитіемъ.

Дѣйствительно, факты вполне подтверждаютъ этотъ процессъ постепеннаго обособленія двигательной функции, процессъ ложноножиаго развитія ея простѣйшей, амѣбообразной формы въ болѣе совершенную. Такъ, уже среди амѣбообразныхъ существъ можно замѣтить, что не всѣ онѣ отличаются указаннымъ хватическимъ характеромъ и неопредѣленностью временныхъ образований --- ложноножекъ. Напротивъ, и здѣсь наблюдаются первые признаки указанного процесса преобразования и притомъ иногда въ довольно рѣзко опредѣленной формѣ.

Примѣромъ можетъ слъжить недавно отеритая Мережковскимъ ¹⁾ на зоологической станціи въ Неаполѣ, новая форма монеры, названная имъ въ честь нашего извѣстнаго зоолога А. В. Ковалевскаго, *Monerodium Kowalewskii*. Монера эта характеризуется весьма интереснымъ признакомъ, отличающимъ ее отъ всѣхъ извѣстныхъ формъ. Тѣло этой монеры состоитъ изъ довольно плотной зернистой протоплазмы, округлой и мало измѣняющейся въ своихъ очертаніяхъ. Уже это постоянство формы свидѣтельствуетъ объ отсутствіи временно возникающихъ и вновь исчезающихъ многочисленныхъ развѣтвленій или ложноножекъ. Дѣйствительно, эта монера снабжена одною только длинною безвершиною ложноножкою, превышающею диаметръ ея тѣла въ десять разъ. Эта единственная ложноножка служитъ организму для болѣе удобнаго передвиженія его съ мѣста на мѣсто. Мережковский нашелъ рассматриваемую монеру на гидродѣ, обросшемъ нитями одного бездѣтнаго грибка (*Leptothrix*); она ползала по этимъ нитямъ, передвигаясь отъ одной къ другой. «Такое условіе жизни монеры, говоритъ названный наблюдатель, — на нитяхъ грибка, находящихся иногда на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, по всѣмъ вѣроятіямъ было причиною развитія одного щупальца на счетъ другихъ, болѣе корот-

¹⁾ «Речи и протоколы VI сѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ». Зоологія, стр. 51.

вяхъ. И дѣйствительно ей выгоднѣе имѣть одное длинное, чѣмъ нѣсколько короткихъ щупалецъ».

Мы видимъ въ данномъ случаѣ наглядный примѣръ начального обособленія ложноножки въ специальный органъ передвиженія, отличающійся большимъ постоянствомъ и большою опредѣленностью формы. Съ другой стороны, можно было бы указать и на такихъ монеръ, у которыхъ ложноножки хотя и не развиваются въ одну, но обнаруживаютъ уже нѣкоторую симметрію въ своемъ расположеніи и не представляютъ въ своихъ очертаніяхъ тѣхъ неправильностей, которыми отличаются ложноножки известной уже намъ протомиксы и ей подобныхъ амeboобразныхъ существъ.

Дальнѣйшіи шагъ отъ этихъ начальныхъ формъ обособленія двигательной функціи представляютъ жгутиковья и рѣсничныя инфузоріи. Только что рассмотрѣнная новая форма монеры указываетъ на возможность развитія ложноножекъ въ одинъ опредѣленный органъ передвиженія; жгутиковыя же инфузоріи вполне осуществляютъ эту возможность. Эти простѣйшія инфузоріи, отличающіяся круглою, овальною, или продолговатою формою, снабжены на одномъ концѣ, иногда на двухъ противоположныхъ, болѣе или менѣе длинною нитью, жгутомъ, быстрыя движенія котораго позволяютъ микроскопическому существу перемѣщаться съ мѣста на мѣсто.

Исторія развитія, насколько она выяснена относительно жгутиковыхъ и другихъ микроскопическихъ организмовъ, снабженныхъ подобными же органами передвиженія, представляетъ наглядныя, фактическія подтвержденія постепеннаго перехода простѣйшей амeboобразной формы движенія въ колебательную, причемъ ложноножки уступаютъ свое мѣсто опредѣленному органу—жгуту. Это постепенное преобразование обыкновенно наблюдается въ начальномъ періодѣ индивидуальнаго существованія, когда жгутиковые или другіе, подобные же имъ организмы проходятъ амeboобразную стадию развитія. Геккель ²⁾, де-Барн ³⁾, Клеркъ ⁴⁾ и др. приводятъ очень много подобныхъ наблюденій.

Наконецъ, не меньшее же число данныхъ говоритъ также въ пользу того, что органы передвиженія рѣсничныхъ инфузо-

²⁾ Er. Haeckel, «Biologische, studien. Erstes Heft, стр. 127—131.

³⁾ De Bary, «Die Mycetozoen». (Zeitsch. f. w. Zool.) 1860, стр. 655.

⁴⁾ James Clark, «Spongiae ciliata, as Infusoria Flagelata», приведено у Геккеля.

рій, именно рѣснички, которыми снабжены эти микроскопическія существа, въ свою очередь, представляютъ собою видоизмѣненіе ложноножекъ ¹⁾, специально приспособленныхъ къ условіямъ возможной солидарности дѣйствій. Существеннымъ условіемъ такой солидарности, какъ мы знаемъ, служитъ симметричное расположеніе органовъ и ихъ равномерное развитіе. И это дѣйствительно наблюдается у всѣхъ безъ исключенія рѣсничныхъ инфузорій; рѣснички, выполняющія здѣсь роль органовъ передвиженія, расположены всегда правильно, симметрично; если этихъ рѣсничекъ нѣсколько, то тѣ изъ нихъ, которыя сидятъ по бокамъ тѣла, всегда отличаются равномернымъ развитіемъ; если инфузорія снабжена только двумя рѣсничками на одномъ и томъ же концѣ, то рѣснички эти одинаково развиты.

Достаточно принять во вниманіе простой законъ сложения силъ, чтобы согласиться, что такое симметричное расположеніе рѣсничекъ представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ, наиболѣе выгоднымъ въ дѣлѣ совместной работы, которою обусловливается перемѣщеніе микроскопическаго существа. Выбѣтъ съ тѣмъ, оно совершенно устраняетъ уже ту непроизводительную затрату жизненной энергіи, которою сопровождается простѣйшая, амeboобразная форма движенія, и даетъ стало быть возможность расходовать ее съ большою пользою.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно сопоставить крайне медленные и неопредѣленные передвиженія амeboобразнаго существа съ тою быстрою перемѣщеніемъ, которою отличаются жгутиковые и рѣсничные инфузоріи, вообще микроскопическіе организмы, снабженные болѣе или менѣе специализированнымъ органомъ передвиженія, чтобы понять весь вредъ непроизводительной затраты жизненной энергіи и всю пользу устраненія такой непроизводительной затраты.

Рассмотрѣнное здѣсь обособленіе двигательной функціи и составляетъ простѣйшій случай этого перехода къ болѣе производительному, болѣе цѣлесообразному расходованію внутренней энергіи протоплазмы.

И такъ, обособленіе двигательной функціи протоплазмы въ опредѣленномъ, специально выработанномъ для того органѣ или органахъ, симметричное расположеніе послѣднихъ и ихъ соотнoсительное развитіе—представляютъ собою результатъ приспособленія дан-

¹⁾ Haeckel, «Entwicklungsgeschichte der Siphonophoren». Utrecht, 1869.

ной функціи въ условіямъ наиболѣе производительнаго расходованія жизненной, внутренней энергіи протоплазмы. Стало быть, это явленіе не можетъ быть уподобяемо приспособленію къ внѣшнимъ условіямъ; оно прежде всего представляетъ собою фактъ приспособленія къ внутреннимъ условіямъ, именно приспособленіе дѣятельности частей къ требованіямъ цѣлаго.

У амебообразныхъ существъ эта дѣятельность частей, какъ мы видѣли, далеко не совершенно приспособлена къ условіямъ общей, совмѣстной работы, только съ дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ между ними все болѣе и болѣе устанавливается динамическая связь и онѣ все болѣе и болѣе, такъ сказать, «научаются» вибрировать въ унисонъ другъ другу, сливаясь въ концѣ концовъ въ общую работу, и тогда только эта работа составляетъ дѣйствительно сумму ихъ, а не разность, тогда именно дѣятельность частей является уже вполне приспособленною къ требованіямъ цѣлаго.

Мы, конечно, не хотимъ этимъ сказать, чтобы такіе простѣйшіе организмы, какъ инфузоріи, отличались совершеннымъ приспособленіемъ въ только что указанномъ смыслѣ; но во всякомъ случаѣ здѣсь это приспособленіе частей къ цѣлому гораздо выше, нежели среди протоплазматическихъ существъ; мало того, изъ всѣхъ одноклѣточныхъ организмовъ, рѣсничныя инфузоріи, въ отношеніи даннаго приспособленія, занимаютъ высшее мѣсто и рядомъ съ тѣмъ у нихъ именно органы передвиженія достигаютъ наибольшаго развитія, наибольшей обособленности.

Но и въ этой обособленности основное свойство протоплазмы — ея самоподвижность продолжаетъ сказываться. Мало того, здѣсь это свойство выступаетъ еще рѣзче, насколько рѣзче выдѣляется и специализируется самая двигательная функція.

Если еще можно сомнѣваться въ произвольномъ характерѣ амебообразныхъ движеній, если и можетъ еще казаться, что для каждаго даннаго момента эти движенія вызываются извнѣ, хотя, какъ мы видѣли такое толкованіе ошибочно, то относительно движеній, обнаруживаемыхъ, напримѣръ, рѣсничными инфузоріями, утверждать подобное же едва-ли кто рѣшится. Зависимость этихъ движеній именно отъ внутренняго стимула, а не внѣшняго, въ такой степени несомнѣнна, что производитъ впечатлѣніе той самостоятельности, той свободы дѣйствія, которою такъ характеризуется жизненность данныхъ явленій.

Движенія инфузорій и подобныхъ имъ простѣйшихъ существъ кажутся намъ свободными, самостоятельными, именно

потому, что причина ихъ внутренняя, что причина ихъ — самоподвижность протоплазмы. Онѣ, эти движенія, отличаются еще болѣе самостоятельнымъ характеромъ, нежели амебообразныя собращенія какой-нибудь монеры, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что съ развитіемъ двигательной функціи зависимость ея отъ внутренняго стимула постепенно возрастаетъ, а отъ внѣшняго также постепенно убываетъ.

Само собою разумѣется, что съ разсматриваемой здѣсь точки зрѣнія искать въ явленіяхъ движенія микроскопическаго міра иной причины, помимо той, которую представляетъ основное свойство протоплазмы — ея самоподвижность, было бы ненаучно; въ крайнемъ случаѣ пришлось бы признать одно изъ двухъ: или движенія, обнаруживаемыя микроскопическими существами, не отличаются биологическимъ характеромъ, не представляютъ никакого отношенія къ жизнедѣятельности этихъ существъ и, стало быть, не могутъ быть разсматриваемы, какъ физиологическая функція; или же эти явленія дѣйствительно относятся къ числу биологическихъ, и въ такомъ случаѣ мы должны признать, что движенія всякаго микроскопическаго организма, хотя бы такого, напримѣръ, несложнаго, какъ бактерія, опредѣляются не внѣшними причинами, а внутренними, именно самоподвижностью протоплазмы.

Вотъ почему никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, которые, повидимому, готовы совершенно устранить участіе иныхъ причинъ, помимо внѣшнихъ физическихъ дѣятелей, и только въ этихъ дѣятеляхъ ищутъ объясненія «кажущейся» самостоятельности движеній, обнаруживаемыхъ микро-организмами. Таково, напримѣръ, мнѣніе Костырева¹⁾, который доказываетъ, что движенія такихъ микро-организмовъ, какъ бактерія, совершенно пассивны, и въ дѣйствительности представляютъ собою чисто физическое явленіе, зависящее отъ величины микро-организмовъ и неравномѣрнаго теченія различныхъ слоевъ жидкости, въ которой они плаваютъ. Испаренія жидкости у краевъ пюкровнаго стеклышка и термическія колебанія обуславливаютъ ея теченіе, а законъ волосности объясняютъ «неравномѣрность этихъ теченій въ тѣхъ волосныхъ пространствахъ между стеклами, съ которыми несомнѣнно мы здѣсь имѣемъ дѣло». Взятая вмѣстѣ, явленія эти и причиняютъ тѣ движенія микро-органи-

¹⁾ С. Костыревъ, «Способъ изученія движенія бактерій» и т. д. («Дописъ хирургическаго общества» въ Москвѣ, т. I., 1876).

мовъ, которыя наблюдаются подъ микроскопомъ и которыя, по увѣренію Костырева, могутъ быть также наблюдаемы въ текущей по трубкѣ водѣ, если въ послѣдней плаваютъ пузырьки воздуха или частицы твердаго тѣла. «Разница только въ томъ, что подъ микроскопомъ мы видимъ лишь одну плоскость, въ фокусѣ лежащую, и потому большей величины круглые элементы, сильно крутящіеся въ различныхъ плоскостяхъ, т. е. слояхъ жидкости, даютъ намъ видѣть за-разъ только часть своихъ движеній и оттого импонируютъ за самостоятелно движущіеся».

И такъ, на самомъ дѣлѣ движенія, обнаруживаемыя такими простѣйшими микро-организмами, какъ бактеріи, пассивны; онѣ составляютъ прямой результатъ теченій жидкости и ничего жизненнаго въ себѣ не заключаютъ.

Какъ-бы ни казалось такое «механическое» объясненіе правдоподобнымъ, въ дѣйствительности же оно идетъ въ разрѣзъ съ фактами. Правда, не всякое движеніе, видимое подъ микроскопомъ, есть жизненное; но правда также, что этотъ фактъ далеко недостаточенъ, чтобы, основываясь на немъ, усматривать пассивность тамъ, гдѣ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ живымъ существомъ.

Вѣдь согласно воззрѣнію Костырева, совершенно безразлично живая бактерія или мертвая; въ томъ и другомъ случаѣ она должна обнаруживать движенія, въ томъ и другомъ случаѣ движенія эти должны отличаться одинаковымъ характеромъ, такъ какъ явленіе всецѣло зависитъ отъ неравномѣрнаго теченія жидкости; а между тѣмъ достаточно убить бактерію, чтобы убѣдиться въ противномъ. Далѣе, теченіе жидкости зависитъ отъ испаренія, стало быть, усиливая, замедляя или уничтожая испареніе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны ускорить, замедлить или совсѣмъ остановить движеніе бактерій; ничего подобнаго однако въ дѣйствительности не наблюдается.

Да, наконецъ, самый характеръ движеній, обнаруживаемыхъ бактеріями, не дозволяетъ, по справедливому замѣчанію Соровина, признать толкованіе Костырева.

Если внимательно наблюдать за движеніями такихъ, напримеръ, бактерій, какъ вибрионы, то можно часто видѣть, какъ нѣсколько, положимъ, три индивидуума движутся рядомъ, другъ около друга, по извѣстному направленію; потомъ, вдругъ одинъ, положимъ средний, приостанавливается, отстаетъ отъ своихъ спутниковъ, поворачивается въ сторону и быстро исчезаетъ съ поля зрѣнія микроскопа. Допустивъ положеніе, что всѣ три

экземпляра плыли пассивно, увлекаясь потокомъ, какъ объяснить отставаніе одного? Отчего потокъ дѣйствовалъ на одного и не дѣйствовалъ на сотоварищей? Тоже самое можно сказать, если слѣдить за однимъ экземпляромъ вибриона. При этомъ можно прекрасно видѣть, какъ неодинакова скорость его движенія: то онъ плыветъ быстро и изгибается волнообразно, приостанавливается, то повернетъ направо, то налево. Если говорить о «произволь» движеній инфузорій, то его съ такимъ же вѣроятіемъ можно допустить и у этихъ организмовъ¹⁾.

И такъ, «неравномѣрное теченіе» жидкости тутъ ни причемъ; какъ ни просты движенія бактерій, но онѣ достаточно самостоятельны, для того, чтобы признавать ихъ жизненными, а не пытаться пояснить ихъ «внѣшними причинами». Нѣтъ и здѣсь возможна только одна причина—самоподвижность протоплазмы. Правда, протоплазма бактерій покрыта довольно плотною оболочкою и за исключеніемъ спираиллы²⁾, остальные бактеріи не имѣютъ никакихъ органовъ движенія; но насколько, при данныхъ условіяхъ, можетъ продолжаться обнаруживаться во внѣ самоподвижность протоплазмы—явленія движенія необходимо должны имѣть мѣсто. Такъ, по мнѣнію Кона³⁾, протоплазма бактерій обладаетъ нѣкоторою долею сократимости, благодаря которой тѣло ихъ послѣдовательно сгибается и вытягивается, причѣмъ оболочка пассивно растягивается. Вотъ эти-то послѣдовательныя сгибанія и вытягиванія и обуславливаютъ собою перемѣщеніе бактерій.

Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ двигательная функція менѣе совершенна, нежели у инфузорій, но въ сравненіи съ амебообразною формою она отличается большею обособленностью, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что сократимость протоплазмы бактерій болѣе опредѣленна.

Однако далеко не во всѣмъ одноклѣточнымъ организмамъ, неснабженнымъ спеціальными органами передвиженія, примѣнимо только что упомянутое объясненіе Кона. Есть одноклѣточные растенія, тѣло которыхъ не обнаруживаетъ никакихъ сгибаній или вытягиваній, которыя не имѣютъ никакихъ особенныхъ органовъ передвиженія и которыя тѣмъ не менѣе движутся. Сюда

¹⁾ Н. Сорокинъ, «Основы микологіи», выпускъ 1-й, стр. 179—180.

²⁾ Спирилла—спирально свернутая бактерія, снабженная двумя длинными рѣсничками, расположенными по одной на каждомъ концѣ тѣла.

³⁾ Cohn, «Untersuch. u. Bacterien». («Biologie». I, стр. 137).

относятся микроскопическія водоросли, именно, десмидіевыя и діатомовыя. Водоросли эти отличаются весьма изящною, симметричною формою и притомъ очень разнообразною: то онѣ имѣютъ видъ лодочекъ, табличекъ, цилиндриковъ, сферондовъ, или звѣздочекъ и полумѣсяцевъ. Внутреннее содержимое десмидіевыхъ окрашено зеленымъ веществомъ — хлорофиломъ и заключено въ плотную оболочку, совершенно нерастяжимую и потому недопускающую никакихъ измѣненій въ наружномъ очертаніи этихъ красивыхъ микро-организмовъ. Діатомовыя, помимо жесткой оболочки, снабжены еще снаружи твердымъ, кремнистымъ покровомъ — сворлупкою или панциремъ; это самая характерная особенность названныхъ водорослей.

И тѣ, и другія изъ названныхъ формъ обнаруживаютъ движенія, и несомѣнно жизненнаго характера, такъ какъ со смертію эти движенія прекращаются. Гдѣ же слѣдуетъ искать причину даннаго явленія? Какимъ образомъ можетъ обнаруживаться въ настоящемъ случаѣ двигательная способность протоплазмы, совершенно замкнутой плотнымъ, нерастяжимымъ покровомъ. Само собою разумѣется, о сократимости протоплазмы, какую допускаетъ Контъ относительно бактерій, здѣсь не можетъ быть и рѣчи; если-бы такая сократимость и имѣла мѣсто, она не могла бы измѣнить формы тѣла разсматриваемыхъ водорослей, этому препятствуетъ твердый наружный покровъ.

Существуютъ двѣ гипотезы. По мнѣнію однихъ, причиною движенія служитъ просто пересачиваніе жидкости, проникающей черезъ наружный покровъ кѣтки въ ея полость. Предполагается именно, что такое пересачиваніе всего быстрѣе и интенсивнѣе происходитъ на одномъ изъ концовъ кѣтки, если послѣдняя продолговата, что и побуждаетъ ее, вслѣдствіе получаемого приэтомъ толчка, передвигаться въ противоположную сторону ¹⁾. Въ пользу этого объясненія какъ бы говорить тотъ фактъ, что движеніе однокѣточныхъ водорослей, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, совершенно прямолинейное и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма медленное. Но существуетъ другой, не менѣе важный фактъ, на который мы имѣли уже случай указывать и который весьма трудно согласуется съ тѣмъ, что приведеннымъ толкованіемъ, это именно способность діатомовыхъ, а также и десмидіевыхъ принимать опредѣленное положеніе къ источнику свѣта; такая

¹⁾ «Ueber die Ursache der bewegung der diatomaceen» («Naturforscher», № 43, 1880).

чувствительность несомненно свидетельствует, что въ движеніяхъ, обнаруживаемыхъ названными водорослями, протоплазма принимаетъ болѣе живое участіе, нежели какое допускается гипотезою простаго пересачиванія.

Съ этой стороны ближе къ истинѣ другое объясненіе, приписывающее причину движенія самой протоплазмѣ, именно, тонкимъ протоплазматическимъ нитямъ, проникающимъ черезъ поры твердой наружной оболочки. Правда, ни этихъ нитей, ни этихъ поръ никто еще съ достовѣрностью не видѣлъ; но «не видѣлъ» не значитъ «не существуетъ»; не видѣли досихъ поръ, увидятъ впоследствии; въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, въ виду новѣйшихъ изслѣдованій Фромана, о которыхъ мы говоримъ ниже. Да, наконецъ, достовѣрно извѣстно, что кремнистый напцерь діатомовыхъ имѣетъ на своихъ верхушечныхъ сторонахъ отверстіе; такимъ же образомъ относительно десмидіевыхъ констатировано, что если слегка надавить одну такую водоросль, то на остромъ концѣ ея выступаютъ нити изъ содержаемаго клѣтчки ¹⁾, свидетельствуя тѣмъ самымъ, что въ остромъ концѣ ея существуютъ отверстія, черезъ которыя внутреннія движенія протоплазмы, существующія какъ у десмидіевыхъ, такъ и у діатомовыхъ, могутъ передаваться на окружающую воду и, такимъ образомъ, приводить въ движеніе всю клѣтку.

Словомъ, мы видимъ, что движеніе рассматриваемыхъ водорослей нисколько не противорѣчитъ нашему основному положенію, по которому единственною біологическою причиною двигательной функціи является самоподвижность протоплазмы; мало того, не только не противорѣчитъ, а напротивъ, какъ нельзя болѣе согласуется съ тѣми заключеніями, къ которымъ, какъ было пояснено выше, приводитъ это положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что развитіе двигательной функціи идетъ рука объ руку съ условіями наиболѣе полнаго проявленія внутренней энергіи протоплазмы. Мы видимъ теперь, что тѣ одноклѣточные организмы, самоподвижность протоплазмы которыхъ значительно служена, отличаются вмѣстѣ съ тѣмъ весьма слабымъ развитіемъ двигательной функціи. Изъ всѣхъ этихъ организмовъ самоподвижность протоплазмы наиболѣе служена у одноклѣточныхъ водорослей, десмидіевыхъ и діатомовыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что обнаруживаемыя ими движенія не только отличаются крайне слабою энергіею, но и

¹⁾ Егеръ, «Микроскопическій міръ», переводъ А. Бекетова. стр. 138.

весьма слабо выраженною самостоятельностью. Совершенно противоположное представляют, какъ мы знаемъ, одноклѣточные животныя, каковы, на примѣръ, инфузоріи.

Эти два обстоятельства, взятые вмѣстѣ, приводятъ насъ къ весьма важному заключенію, онѣ именно позволяютъ признать, что условія болѣе или менѣе полнаго проявленія внутренней энергіи протоплазмы, ея самоподвижности, должны были послужить первымъ толчкомъ къ раздѣленію общаго до того потока жизни на два русла, постепенно все болѣе и болѣе расходящихся, послужить первымъ толчкомъ къ обособленію органическаго міра на два царства, животное и растительное; въ одномъ самоподвижность протоплазмы не только не подавлялась, а напротивъ, постепенно все болѣе и болѣе развивалась; въ другомъ—эта самоподвижность была поставлена въ очень тѣсныя рамки. Но какимъ образомъ объяснить происхожденіе такого различія, гдѣ слѣдуетъ искать тому причину? Къ этому вопросу мы и перейдемъ теперь.

XIII.

Подавленіе двигательной функціи.

Обращаясь къ вопросу о томъ, какое отношеніе представляетъ самоподвижность протоплазмы къ начальному обособленію органическихъ существъ на два царства—животное и растительное, мы прежде всего просимъ читателей припомнить только что разсмотрѣнные явленія движенія одноклѣточныхъ водорослей въ связи съ плотнымъ, нерастяжимымъ покровомъ, окружающимъ ихъ тѣло. Тамъ, гдѣ такая плотная, нерастяжимая оболочка отсутствуетъ, гдѣ клѣтки снабжены вѣсною, тонкою пленкою, легко уступающею внутреннему давленію протоплазмы, легко измѣняющейся подъ вліяніемъ этого давленія,—а сюда относятся всѣ одноклѣточные животныя,—тамъ, какъ мы знаемъ, и самоподвижность протоплазмы обнаруживается съ наибольшою полнотою. Но по мѣрѣ уплотненія оболочки, по мѣрѣ того, какъ она все менѣе и менѣе уступаетъ давленію внутреннихъ теченій протоплазмы, вліяніе послѣднихъ суживается, энергія самоподвижности протоплазмы не распространяется болѣе на измѣненіе вѣшной формы клѣтки. Двигатель-

ная функція, рассматриваемая какъ внѣшнее выраженіе внутренней энергіи протоплазмы, по необходимости сьуживается.

И такъ, стало быть, вопросъ сводится къ условіямъ происхожденія и постепеннаго уплотненія наружнаго покрова протоплазмы, оболочки клѣтки. Простейшія протоплазматическія существа не имѣютъ оболочки и это состояніе обще всѣмъ клѣткамъ въ начальномъ періодѣ ихъ развитія. Стало быть, оболочка представляетъ собою позднѣйшее образованіе; самый процессъ ея возникновенія несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что она есть продуктъ протоплазмы. Именно, она представляетъ собою измѣненіе наружныхъ слоевъ протоплазмы, выработанное послѣднею въ борьбѣ за устраненіе своей внутримолекулярной подвижности отъ разрушающаго вліянія внѣшнихъ условій. Степень уплотненія этого предохранительнаго покрова идетъ рука объ руку съ возрастающею силою разрушающаго внѣшняго вліянія и съ пониженіемъ внутренней энергіи протоплазмы.

Тамъ, гдѣ эта энергія отличается достаточнымъ развитіемъ, чтобы съ надлежащею интенсивностью воздѣйствовать давленію извнѣ, тамъ уплотненіе оболочки не переступаетъ границъ тонкой, растяжимой пленки; напротивъ, съ пониженіемъ внутренней энергіи, съ пониженіемъ ея воздѣйствія, образованіе плотной оболочки составляетъ необходимое условіе предохраненія внутримолекулярной подвижности отъ разрушительнаго вліянія внѣшнихъ условій.

Факты, къ обзору которыхъ мы сейчасъ перейдемъ, вполне подтверждаютъ высказанныя здѣсь положенія. Мы говорили уже о такъ называемомъ скрытомъ состояніи, въ которое переходятъ простѣйшіе организмы, будучи поставлены въ условія, подавляющія ихъ жизнедѣятельность (высыханіе и проч.). При этомъ, какъ мы знаемъ, даже такія клѣтки, которыя въ періодъ бодрствованія покрыты тонкою, растяжимою пленкою, одѣваются въ плотную, твердую оболочку, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда воздѣйствіе внутренней энергіи уступаетъ подавляющему вліянію окружающаго—внутримолекулярная подвижность протоплазмы сьуживается, появляется плотная оболочка, какъ послѣднее предохранительное средство отъ полнаго разрушенія; между смертію и временнымъ заточеніемъ—протоплазма избираетъ послѣднее.

Само собою разумѣется, рассматриваемое здѣсь положеніе отличалось бы крайнею слабостью, если-бы въ пользу его не было

другихъ фактовъ помимо тѣхъ, которые обнаруживаются состояніемъ скрытой жизни. Но это далеко не такъ. Если мы примемъ во вниманіе, что уплотненіе наружныхъ слоевъ протоплазмы представляетъ собою начальный моментъ обособленія вѣшняго покрова, и обратимся затѣмъ къ условіямъ, опредѣляющимъ собою это уплотненіе, то увидимъ тогда, что и здѣсь такими условіями служитъ пониженіе внутренней энергіи протоплазмы рядомъ съ подавляющимъ вліяніемъ извнѣ. Убѣдительные тому примѣры можетъ представить уже извѣстная полужидкая протоплазма слизистыхъ грибовъ (плазмодій). Протоплазма эта, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, покрывается твердымъ покровомъ, «кожистымъ» слоемъ, и изученіе этихъ обстоятельствъ свидѣтельствуетъ, что онѣ действительно относятся къ числу только что упомянутыхъ условій.

Прежде всего припомнимъ указанный уже нами фактъ, что когда подъ вліяніемъ механическаго давленія останавливается движеніе протоплазмы комочка плазмодія, вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ появляется «кожистый» слой, постепенно все болѣе и болѣе утолщающійся. Образование твердаго покрова идетъ рука объ руку съ пониженіемъ или, въ крайнемъ случаѣ, съ подавленіемъ внутримолекулярной подвижности; когда же вѣшнее вліяніе устранено и движеніе протоплазмы восстанавливается—твердый покровъ исчезаетъ.

Но если механическое давленіе вызываетъ подобныя измѣненія, то невольно рождается вопросъ, не оказываютъ ли соотвѣтствующее вліяніе на протоплазму плазмодія и другіе вѣшніе дѣятели, подавляющіе его жизненную энергію? Сюда, какъ мы знаемъ, относится, между прочимъ, большая или меньшая степень влажности. Отсутствие влаги губительно дѣйствуетъ на полужидкую протоплазму плазмодія и побуждаетъ ее, какъ мы знаемъ, избѣгать сухихъ мѣстъ, въ которыхъ пребываніе сопряжено съ значительнымъ испареніемъ, а стало быть и съ пониженіемъ внутримолекулярной подвижности. Въ данномъ случаѣ очевидно возникновеніе болѣе или менѣе плотнаго покрова могло бы представить прекрасную защиту отъ чрезмѣрной потери протоплазмой влаги тамъ, гдѣ этого требуетъ окружающая среда. И наблюденіе показываетъ, что такъ оно и на самомъ дѣлѣ; именно, наблюденіе показываетъ, что уплотненіе наружныхъ слоевъ протоплазмы зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ степени влажности окружающей среды; чѣмъ влажнѣе, напри- мѣръ, воздухъ, тѣмъ это уплотненіе незначительнѣе, тѣмъ

тоньше кожистый слой; и наоборотъ, толщина его растетъ съ уменьшеніемъ влаги въ окружающемъ.

Вотъ одинъ изъ интереснѣйшихъ и поучительныхъ примѣровъ приспособленія протоплазмы къ вышнимъ условіямъ; это приспособленіе не только не расширяетъ, а напротивъ, побуждаетъ жизненную энергію протоплазмы сокращаться, такъ какъ постепенно возрастающее уплотненіе протоплазмы происходитъ очевидно насчетъ и въ ущербъ ея внутримолекулярной подвижности.

Еще рѣче высказывается это подавляющее вліяніе въ дѣйстви свѣта на подвижность протоплазмы въ связи съ образованіемъ «кожистаго» слоя. Послѣдній, какъ было рассмотрѣно въ XI-й главѣ, избѣгаетъ освѣщенныхъ мѣстъ. Если же его подвергнуть дѣйствию свѣта, то наружный, до того подвижный слой начинаетъ постепенно уплотняться, какъ это было показано Гофмейстеромъ ¹⁾ и затѣмъ подтверждено Баранецкимъ ²⁾. Но одновременно съ этимъ, внутренніе слои протоплазмы, неподвергнутыя этому подавляющему вліянію вышняго физическаго дѣятеля, продолжаютъ сохранять свою подвижность. На основаніи этихъ фактовъ Баранецкій находитъ возможнымъ объяснить, какимъ образомъ плазмодій, избѣгающій свѣта, тѣмъ не менѣе въ извѣстный моментъ своей жизнѣдѣтельности, именно предъ размноженіемъ, появляется на освѣщенной поверхности.

Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь это объясненіе, такъ какъ оно представляетъ особенный интересъ въ отношеніи занимающаго насъ вопроса.

«При стремленіи плазмодія двигаться вверхъ, говоритъ Баранецкій, — одно изъ его развѣтвленій достигаетъ, наконецъ, освѣщенной поверхности субстрата. Дальнѣйшее самостоятельное движеніе впередъ освѣщенной части плазмодія тотчасъ же прекращается, но оно находится въ связи съ другими, лежащими внутри субстрата и, слѣдовательно, затемнѣнными частями плазмодія, стремленіе которыхъ двигаться вверхъ несколько не уменьшилось; протоплазма этихъ частей продолжаетъ поэтому притекать къ частямъ плазмодія, лежащимъ уже на поверхности, наполняя ихъ и отчасти пріэтомъ можетъ быть выдвигая механически еще болѣе наружу. Такимъ обра-

1) W Hofmeister, «Die Pflanzenzelle», стр. 21.

2) Вліяніе свѣта на плазмодій *Aethalium septicum* («Записки кіевскаго общества естествоиспытателей», т. IV, в. 3).

зомъ, постепенно вся масса протоплазмы изъ внутренности субстрата можетъ перелиться, наконецъ, въ наружныя скопленія, гдѣ лишь поверхностные слои ея находятся въ раздраженіи подъ вліяніемъ свѣта, между тѣмъ, какъ масса, лежащая внутри, можетъ сохранять еще вполне свою подвижность. Что такое представленіе должно быть вѣрно, въ пользу этого говорятъ нѣкоторыя наблюденія надъ способомъ движенія, какой представляютъ, при благоприятныхъ условіяхъ влажности и температуры, плазмодіи *Aethalium serticum* на ярко освѣщенной поверхности субстрата. Такъ профессоръ Борщовъ ¹⁾ наблюдалъ обильныя массы протоплазмы названнаго минимидета, разлившіяся какъ сплошной слой жидкаго тѣста на многихъ квадратныхъ дюймахъ поверхности субстрата и находившіяся въ постоянномъ движеніи. Движеніе это, однако, состояло лишь въ томъ, что масса протоплазмы, заключенная подъ наружнымъ слоемъ, представляла постоянныя волнообразныя колебанія: мѣстами она вздувалась быстро въ видѣ пузыревидныхъ выпуклостей, которыя также быстро втягивались опять, между тѣмъ, какъ на другихъ мѣстахъ появлялись новыя движенія, которыя Борщовъ сравниваетъ съ кипѣніемъ полужидкой массы. Наконецъ, въ какомъ либо мѣстѣ, подъ напоромъ вздувающейся волны, наружный слой плазмодія разрывался и часть жидкой протоплазмы стремительно вытекала наружу. Наблюдая эти явленія, профессоръ Борщовъ пришелъ уже къ заключенію, что стремленіе къ самостоятельному движенію свойственно лишь внутренней массѣ плазмодія, тогда какъ наружный слой представляетъ лишь сопротивленіе этому движенію. Заключение это должно быть совершенно справедливо, и въ свою очередь, явленіе, описанное Борщовымъ, вполне согласно съ моими наблюденіями надъ вліяніемъ свѣта на протоплазму плазмодіевъ, по которымъ наружный освѣщенный слой протоплазмы находится какъ-бы въ сокращенномъ состояніи, сдерживая внутреннюю массу, сохраняющую сильное стремленіе подвижности» (Варанецкій).

Едва-ли можно требовать другаго болѣе нагляднаго свидѣтельства подавляющаго вліянія вѣшняго дѣятеля на протоплазму и тѣхъ измѣненій, какія при этомъ она испытываетъ: наружный освѣщенный слой ея теряетъ свою подвижность, уплотняется, и хотя онъ тѣмъ самымъ предохраняетъ внутрен-

¹⁾ Ein Beitrag z. Pilzflora d. Prov. Czernigow. (Mélanges biologiques de l'Acad. sc. St. Petersburg. т. VI, стр. 755).

ною массу протоплазмы отъ той же участи, но съ тѣмъ вмѣстѣ сдерживаетъ ея стремленіе къ подвижности. Здѣсь опять мы видимъ тѣ же результаты приспособленія къ внѣшнимъ условіямъ; это приспособленіе достигается насчетъ внутренней энергіи протоплазмы; оно не только не расширяетъ, а напротивъ, суживаетъ данную энергію.

Въ этомъ движеніи внутреннихъ слоевъ плазмодія, въ сравненіи съ неподвижнымъ состояніемъ его наружнаго слоя, какъ нельзя лучше сказывается примѣръ борьбы жизненной энергіи протоплазмы за ея самоподвижность, борьбы съ подавляющимъ вліяніемъ внѣшняго дѣятеля; успѣхъ борьбы опредѣляетъ характеръ измѣненія самоподвижности протоплазмы: самостоятельность ея движенія возрастаетъ или падаетъ, смотря потому, склоняется ли побѣда на ея сторону или на сторону внѣшняго вліянія. Но и въ послѣднемъ случаѣ, эта самоподвижность протоплазмы оставляетъ поле битвы шагъ за шагомъ, все болѣе и болѣе уходя во внутрь, и изолируясь, отъ давленія извнѣ, постепенно нарастающимъ уплотненіемъ и утолщеніемъ наружныхъ слоевъ. Это наблюдается у плазмодія слизистыхъ грибовъ; это же наблюдается и у многихъ другихъ существъ и притомъ нерѣдко въ еще болѣе рѣзко выраженной формѣ.

У плазмодія самостоятельность движенія далеко еще не въ такоѣ мѣрѣ подавлена. Но вотъ другой, не менѣе поучительный примѣръ изъ жизни микроскопическаго міра. Уже у такихъ микроорганизмовъ, какъ, на примѣръ, амѣба, замѣтно нѣкоторое уплотненіе наружнаго слоя протоплазмы; но амѣба живетъ въ водѣ, совершенно предохраняющей это существо отъ потери влаги черезъ испареніе. Представимъ же себѣ, что амѣба переселается на сушу; такое переселеніе было бы, конечно, сопряжено съ чрезмѣрнымъ испареніемъ, которое убило бы амѣбу. Чтобы устранить это разрушающее вліяніе среды, амѣба покрывается густымъ плотнымъ слоемъ, достаточно предохраняющимъ ея протоплазму отъ чрезмѣрной потери влаги; но такое уплотненіе происходитъ на счетъ внутремолекулярной подвижности протоплазмы; оно вмѣстѣ съ тѣмъ подавляетъ, суживаетъ самостоятельность ея движенія, совращаетъ ея жизненную энергію.

Скажутъ, что это одно предположеніе и только. Нѣтъ, далеко не такъ. Сухопутная амѣба дѣйствительно существуетъ, она была открыта и описана Греффомъ ¹⁾, нашедшимъ ее пол-

1) Greeff: Ueber einigen in d. Erde leb. Amöben. Приведено у О. А. Гринна: «Къ ученію о простѣйшихъ животныхъ», стр. 56.

защитою между земляными частицами на сушѣ и обнаруживающею то именно приспособленіе къ условіямъ необычной для амёбы среды, на которое только что было указано. Наружный слой ея протоплазмы отличается очень густымъ, плотнымъ кожистымъ утолщеніемъ, до того густымъ и плотнымъ, что о легкой подвижности частей не можетъ быть и рѣчи; напротивъ, движенія сухопутной амёбы очень медленны и слабы, жизненная энергія подавлена этимъ чрезмѣрнымъ развитіемъ наружнаго кожистаго слоя на счетъ внутримолекулярной подвижности протоплазмы. И такое чрезмѣрное развитіе этого слоя составляетъ необходимый результатъ приспособленія къ вѣшнимъ условіямъ существованія.

Само собою разумѣется, что по отношенію занимающаго насъ вопроса совершенно безразлично какого рода эти условія, важно уже то, что разъ такое приспособленіе существуетъ, оно сопряжено съ потерей, съ пониженіемъ жизненной энергіи. Въ самомъ дѣлѣ, хотя относительно все той же амёбы, и въ водѣ, конечно, не мало можетъ найтись вѣшнихъ причинъ, побуждающихъ амёбу одѣваться болѣе плотнымъ покровомъ, и тамъ, гдѣ этотъ приспособительный процессъ значительно возрастаетъ, наблюденіе вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ замѣтный упадокъ жизненной энергіи. Такъ, Гриммъ нашелъ амёбу, названную имъ *amöba solidula*, потому что ни одна изъ амёбъ, кромѣ сухопутной, не отличается такимъ «въ высшей степени» густымъ, плотнымъ и толстостѣннымъ покровомъ, какъ эта. И рядомъ съ такимъ чрезмѣрнымъ развитіемъ покрова, наблюдается крайне слабое, медленное проявленіе самоподвижности протоплазмы и вообще всей жизнедѣятельности, до того медленное, что втеченіи, напримѣръ $\frac{1}{2}$ часа, названная амёба проходитъ разстояніе не болѣе 0,8 миллиметровъ!

Сопоставляя разсмотрѣнные здѣсь факты, мы, уже на основаніи ихъ, имѣемъ возможность сдѣлать одно весьма важное заключеніе:

Чѣмъ большею энергіею отличается самоподвижность протоплазмы, тѣмъ меньше, при равенствѣ остальныхъ условій, необходимости въ усиленномъ уплотненіи ея наружнаго слоя и въ его переходѣ въ толстостѣнный, трудно-растяжимый покровъ; самая энергія внутренней подвижности протоплазмы служить тому достаточно интенсивнымъ противовѣсомъ. При такихъ условіяхъ несомнѣннаго преобладанія внутренней энергіи надъ подавляющимъ вліяніемъ извнѣ, можетъ образоваться только тонкая, легко-растяжимая оболочка,

какъ это и наблюдается у одноклѣточныхъ животныхъ, напримеръ, инфузорій.

Но съ пониженіемъ внутренней энергии протоплазмы воздѣйствіе ея ослабѣваетъ; приспособительныя измѣненія, выражающіяся постепеннымъ нарастаніемъ и уплотненіемъ покрова, берутъ перевѣсъ, и можетъ въ концѣ концовъ наступить моментъ, когда измѣненія эти достигнутъ такихъ размѣровъ, что подвижность протоплазмы не будетъ болѣе сообщаться наружному, отвердѣвшему покрову. При такихъ условіяхъ образованія оболочки, она будетъ отличаться твердостью и нерастяжимостью, т. е. свойствами, которыми характеризуется оболочка растительной клѣтки, какъ это мы видимъ, напримеръ, на одноклѣточныхъ водоросляхъ — десмидіевыхъ и діатомовыхъ. У нихъ самоподвижность протоплазмы, какъ было показано, выражена весьма слабо и клѣточки находятся въ переходномъ состояніи, дальнѣйшее развитіе котораго, въ концѣ концовъ, совершенно лишаетъ ихъ способности перемѣщенія и прикрѣпляетъ ихъ къ опредѣленному мѣсту.

Существуетъ не мало фактовъ, вполне подтверждающихъ этотъ переходъ въ зависимости отъ указанныхъ здѣсь условій; сюда между прочимъ относятся весьма интересныя явленія проростанія нѣкоторыхъ растений, размножающихся спорами. Такія растения въ начальномъ періодѣ развитія являются въ видѣ комочка протоплазмы, свободно двигающагося въ водѣ и извѣстнаго подъ именемъ подвижной споры. Въ этомъ состояніи она не имѣетъ оболочки; но спустя нѣкоторое время, движенія ея, постепенно затрудняясь, совершенно прекращаются, вмѣстѣ съ чѣмъ уже ясно обозначается плотная, нерастяжимая оболочка отсутствовавшая въ началѣ движенія. Успокоившаяся спора прикрѣпляется къ опредѣленному мѣсту и начинаетъ проростать.

Мы видимъ такимъ образомъ, что процессу проростанія предшествуетъ образованіе оболочки и, одновременно съ тѣмъ, постепенный переходъ отъ подвижнаго состоянія къ неподвижному. И такое явленіе замѣчается во всѣхъ тѣхъ растительныхъ формахъ, организація которыхъ, въ начальномъ періодѣ своего зародышеваго состоянія, сохраняетъ еще слѣды своего происхожденія отъ однороднаго комочка протоплазмы.

Въ этихъ измѣненіяхъ, предшествующихъ процессу проростанія, вкратцѣ повторяется исторія постепеннаго обособленія растительной организаціи, и она дѣйствительно свидѣтельствуетъ намъ, что начальными моментами такого обособленія являются: послѣдовательное подавленіе самоподвижности прото-

топлазмы, до окончательной потери клеткою способности свободного перемещения, и, параллельно тому, постепенно возрастающее уплотнение, наружных слоев протоплазмы, до полного изменения их в твердую нерастяжимую оболочку.

Эти два фактора—отсутствие свободного перемещения и образование твердой, нерастяжимой оболочки, идя рука об руку и друг друга предполагая—составляют именно те условия, в зависимости от которых развитие растительной организации должно было претерпеть значительные отклонения, совершенно выдѣлявши въ особое царство, входящія сюда существа ¹⁾. Уже въ самомъ начальномъ моментѣ отклонения эти представляютъ характерную особенность, пояснение которой приводитъ къ весьма поучительнымъ заключеніямъ о значеніи приспособляемости. Но прежде чѣмъ обратиться къ этому интересному предмету, намъ необходимо сдѣлать небольшое дополнительное замѣчаніе къ только-что рассмотрѣнному вопросу.

Мы пришли выше къ заключенію, согласно которому необходимо допустить, что начальный моментъ обособленія биоганической природы въ животное и растительное царство находится въ зависимости отъ энергіи внутримолекулярной подвижности протоплазмы, выражающейся ея двигательной способностью и что, стало-быть, протоплазма, положившая начало происхожденію растительной клетки, должна была отличаться наиболѣе слабою энергіею воздѣйствія подавляющему вліянію извнѣ, для того, чтобы это происхожденіе могло имѣть мѣсто. Но гдѣ же искать причины подобнаго слабого воздѣйствія?

Само собою разумѣется, возможно допустить, что, при равенствѣ внутреннихъ условий, потеря способности свободного перемещения и образование твердой нерастяжимой оболочки должны были произойти тогда и тамъ именно, гдѣ и когда протоплазма подвергалась наибольшему подавляющему вліянію. Допустить такое предположеніе тѣмъ болѣе, конечно, возможно, что эти внѣшнія вліянія не могли быть всюду одинаковы; но съ другой стороны, не менѣе справедливо, что равенство внутреннихъ условий, внутренней энергіи протоплазмы—также мало допустимо, и что причина этого неравенства въ свою очередь должна быть принимаема во вниманіе. И такъ, спрашиваемъ вновь, гдѣ-же слѣдуетъ искать эти причины?

Конечно, ихъ немало; но едва-ли не главною изъ нихъ являются условия питанія. Въ этомъ отношеніи между расте-

¹⁾ Сравни у Perrier: Les origines de la vie (La Nature, № 311, 1879).

ніями и животными существует нѣкоторое, нелишенное значенія различіе.

Животныя, какъ извѣстно, питаются органическою пищею, прямо или косвенно извлекаемою ими изъ растительнаго царства; растенія же, именно хлорофилоносныя растенія, питаются неорганическою пищею или, выражаясь точнѣе, онѣ также питаются органическою пищею, но добываютъ ее не готовую, а вырабатываютъ ее сами изъ неорганическихъ веществъ, извлекаемыхъ извнѣ. Выходитъ такимъ образомъ, что животныя, въ отношеніи пищи, находятся въ зависимости отъ растеній и что, стало-быть, появленіе первыхъ въ органическомъ мірѣ предполагало появленіе вторыхъ. «Растенія возникли на землѣ ранѣе животныхъ» — положеніе это относится къ числу наиболѣе распространенныхъ и казалось бы, въ виду только что упомянутой зависимости, оно должно быть признано неподлежащимъ сомнѣнію.

Въ самомъ дѣлѣ, организмы обладающіе способностью извлекать пищу изъ неорганическихъ веществъ, должны были возникнуть ранѣе тѣхъ, которые нуждаются въ органической пищѣ. Аргументъ этотъ кажется до того убѣдительнымъ, что нѣкоторые изъ современныхъ ученыхъ, напр. Штерне¹⁾ считающіе необходимымъ признать, согласно теоріи развитія, независимое отъ растеній происхожденіе животныхъ, не находят иного выхода изъ указанной дилеммы, какъ допустить, что прародители животныхъ (*Urahnen der Thiere*) обладали способностью, подобно растеніямъ, добывать себѣ пищу изъ неорганическихъ веществъ («*von der im wasser aufgelösten Luft und Kohlensäure zu leben*»), способностью, которая позже была потеряна животными, послѣ того, какъ явилась возможность питаться растеніями.

Но съ предположеніемъ этимъ нельзя согласиться просто потому, что оно вовсе не разрѣшаетъ дилеммы, такъ какъ самая убѣдительность аргумента о болѣе раннемъ происхожденіи организмовъ, питающихся неорганическою пищею, только кажущаяся. Да, какъ бы это ни казалось страннымъ, но существуютъ очень вѣсныя факты, въ виду которыхъ необходимо допустить, что «первые организмы», «прародители» не только животныхъ, но и растеній, не обладали способностью добывать пищу изъ неорганическихъ веществъ, а напротивъ, питались органическою пищею. Фактовъ этихъ очень не мало, но мы укажемъ здѣсь на главные.

¹⁾ Carus Sterne: «Werden und vergehen». Zweite, verbes. u. vermer. Auflage 1880, стр. 122.

Во первыхъ, относительно «прародителей». Согласно кореннымъ положеніямъ современной теоріи развитія и основанномъ на этой теоріи ученіи о происхожденіи органическаго міра, мы должны признать, что такими «прародителями», какъ животныхъ, такъ и растений — могли быть только комочки протоплазмы. Съ этимъ не можетъ не согласиться и Штерне; объ этомъ онъ самъ говорилъ въ своей книгѣ. И такъ, если первые организмы питались неорганическою пищею, то таковою способностью должна отличаться и протоплазма. О біологическихъ способностяхъ первыхъ и характерѣ ихъ жизнедѣятельности мы можемъ и должны судить только по основнымъ біологическимъ способностямъ послѣдней.

Что же извѣстно по этому вопросу? Вотъ что:

Обнаруживаемая растениями способность питаться неорганическими веществами идетъ рука объ руку съ процессомъ поглощенія углекислоты и выдѣленія кислорода. Тамъ, гдѣ отсутствуетъ этотъ процессъ, отсутствуетъ и данная способность; отсюда, далѣе: организмъ, питающійся неорганическою пищею, можетъ жить въ атмосферѣ, насыщенной углекислотою, тогда какъ организмъ, питающійся органическою пищею, въ такой атмосферѣ жить не можетъ.

И такъ, вотъ два основныхъ признака. Приложите ихъ въ протоплазмѣ, въ ея недифференцированномъ состояніи. Выдѣляетъ ли она кислородъ и поглощаетъ ли углекислоту?—Нѣтъ; подобно животнымъ, она поглощаетъ кислородъ и выдѣляетъ углекислоту. Можетъ ли жить протоплазма въ атмосферѣ, насыщенной углекислотою?—Нѣтъ; подобно животнымъ, она въ такой атмосферѣ погибаетъ. Словомъ, ни одного изъ указанныхъ признаковъ, которые обнаруживали бы въ протоплазмѣ способность питаться неорганическою пищею. И рука объ руку съ этимъ явленіемъ идутъ всѣ, понинѣ извѣстные факты изъ физиологіи питанія; новѣйшее, благодаря гемію Клодъ Бернара ¹⁾, прочно уже установившееся ученіе о томъ, что питаніе никогда не бываетъ прямое, свидѣтельствуетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что протоплазма не можетъ непосредственно формироваться изъ неорганическихъ веществъ, и что питаніе ея предполагаетъ существованіе цѣлаго ряда органическихъ образований.

Вотъ это именно обстоятельство приводитъ насъ къ указа-

¹⁾ Клодъ Бернаръ, «Курсъ общей физиологіи». Кн. XII.—Декабрь, 1881.

нію втораго аргумента въ пользу отсутствія у «прародителей» растений и животныхъ способности добывать пищевыя вещества изъ неорганическаго матеріала.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни поясняли роль зеленого красящаго вещества—хлорофила, а вопросъ этотъ далеко не разработанъ и понятіе, тѣмъ не менѣе несомнѣнно одно—присутствіе его въ клѣткѣ необходимо для того, чтобы послѣдняя могла питаться неорганическою пищею; прямо или косвенно, но хлорофиль служитъ тѣмъ именно органомъ, при содѣйствіи котораго, съ помощью свѣта определенной переломляемости, воспринимаемыя извнѣ неорганическія вещества перерабатываются въ органическія соединенія, служація клѣткѣ пищевымъ матеріаломъ. Это единственный способъ, путемъ котораго достигается возможность такъ называемаго питанія неорганическими веществами. Мы видимъ, такимъ образомъ, что данный процессъ необходимо предполагаетъ существованіе хлорофила.

Но хлорофиль обязанъ своимъ происхожденіемъ протоплазмѣ; онъ развивается изъ протоплазмы и представляетъ собою продуктъ протоплазмы клѣтки. Другими словами, это значитъ, что образованіе клѣтки предшествовало происхожденію хлорофила и что, стало быть, прежде чѣмъ возникла хлорофилоносная клѣтка, должна была существовать клѣтка безъ хлорофила, т. е. лишенная органа, съ помощью котораго она могла бы добывать себѣ пищу изъ неорганическихъ веществъ, а слѣдовательно лишенная возможности поддерживать свою жизнь иначе, какъ на счетъ органической пищи.

Наконецъ, если мы обратимся къ высоко-организованнымъ растительнымъ формамъ, то и здѣсь найдемъ не менѣе убѣдительныя указанія по занимающему насъ вопросу. Растенія эти питаются неорганическою пищею, извлекая ее изъ окружающей атмосферы и почвы; но въ періодѣ своего зачаточнаго, эмбриональнаго состоянія пищею имъ служатъ исключительно органическія вещества, заключенныя въ сѣмядоляхъ сѣмени. Стало быть и здѣсь органическая пища предшествуетъ неорганической.

Сопоставляя всѣ эти факты, мы очевидно можемъ сдѣлать одно заключеніе: мы необходимо должны признать, въ противоположность общераспространенному мнѣнію, что «первыя» организмы, «прародители» растений и животныхъ, какими являются они въ видѣ комочковъ однородной протоплазмы, питались органическою пищею; способность же добывать пищу изъ неорганическихъ веществъ возникла позже.

Повторяемъ, это положеніе мы необходимо должны допустить, если не желаемъ закрывать глаза передъ фактами и идти въ разрѣзъ съ основными истинами биологіи. Но допуская его, невольно, самъ собою, рождается вопросъ: откуда же эти «первые» организмы могли добывать себѣ органическую пищу? Стало быть, необходимо признать, что органическая пища предшествовала появленію «первыхъ» организмовъ, т. е. комочковъ однородной протоплазмы? Да, мы должны это признать! Мы должны допустить согласно единственно отвѣчающему истинамъ биологіи процессу возникновенія органической жизни, что происхожденіе органическихъ образованій предшествовало образованію биорганическому, т. е., въ свою очередь, живое вещество предшествовало живому существу ¹⁾).

Вотъ это-то «живое вещество» и цѣлый рядъ предшествующихъ ему органическихъ соединеній и должны были служить пищею «первыхъ» организмовъ, пока нѣкоторые изъ нихъ, слабѣйшіе, въ борьбѣ съ постоянно возрастающею конкуренціею, не были вынуждены искать иной пищи, инаго пути къ пропитанію, и не выработали въ себѣ способности добывать эту пищу изъ неорганической природы. Само собою понятно, что такое отклоненіе могло совершиться лишь рядомъ постепенныхъ переходовъ отъ одного способа питанія къ другому, закончившихся выработкою хлорофила, и тогда только ясно уже обозначились условія жизни растительной кѣтки, какъ самостоятельнаго существа.

Всматриваясь въ эти условія, нетрудно видѣть, что онѣ въ известной степени не только не расширяли, а напротивъ, суживали самоподвижность протоплазмы.

Необходимость питанія неорганическою пищею, сопряженная съ цѣлымъ рядомъ подготовительныхъ процессовъ, предполагала опредѣленную затрату внутренней энергіи протоплазмы, — затрату тѣмъ болѣе чувствительную, что процессы эти требовали особаго органа — хлорофила, не только образующагося изъ протоплазмы, но питающагося и развивающагося на ея счетъ, на счетъ ея внутримолекулярной подвижности, выражающеюся ея самоподвижностью. Отсюда — пониженіе послѣдней и, какъ необходимый результатъ такого пониженія, образованіе твердой, нерастяжимой оболочки кѣтки, устраняющей возможность развитія специальныхъ органовъ передвиженія, постепенная потеря способно-

¹⁾ Какъ это было пояснено въ главѣ VIII «Происхожденіе жизни».

сти самостоятельнаго перемѣщенія и окончательный переходъ въ состояніе покоя, за которымъ слѣдуетъ уже прикрѣпленіе яльтеи къ опредѣленному мѣсту.

Таковы послѣдствія необходимости питанія однояльточнаго существа неорганическою пищею. Но затрата внутренней энергіи протоплазмы, предполагаемая этимъ способомъ питанія, не могла, конечно, имѣть мѣста у однояльточныхъ организмовъ, пользующихся органическою пищею, и такое сбереженіе этой внутренней энергіи должно было содѣйствовать развитію самоподвижности протоплазмы и, стало быть, устраняло необходимость возникновенія твердой, нерастяжимой оболочки; такимъ образомъ, образованіе и дальнѣйшее развитіе специальныхъ органовъ передвиженія становилось возможнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно принять во вниманіе, что энергія дыхательной функціи, внѣшнимъ выраженіемъ которой служитъ выдѣленіе углекислоты, преобладаетъ именно въ условіяхъ питанія органическою пищею, чтобы признать истиннымъ только что указанное отношеніе, такъ какъ энергія дыханія служить, въ свою очередь, выраженіемъ энергіи саморазлагаемости протоплазмы, а стало быть, и ея жизнѣдѣтельности.

Всѣ изложенные здѣсь факты совершенно уже ясно свидѣтельствуютъ намъ, что обособленіе органическаго міра въ животное и растительное царство въ своемъ исходномъ пунктѣ всецѣло обязано двоякимъ и въ нѣкоторомъ отношеніи противоположнымъ измѣненіямъ «первыхъ» организмовъ—однородныхъ комочковъ протоплазмы, т. е. условіямъ, отвѣчающимъ требованію, или суживающимъ требованія наиболѣе полнаго проявленія внутренней энергіи протоплазмы. Въ первомъ случаѣ, мы видимъ постепенное развитіе самоподвижности протоплазмы, развитіе двигательной функціи, образованіе специальныхъ органовъ перемѣщенія,—словомъ, признаки, наиболѣе характерныя для животнаго царства; во второмъ случаѣ, напротивъ,—постепенное пониженіе самоподвижности протоплазмы, подавленіе двигательной функціи, отсутствіе специальныхъ органовъ перемѣщенія и, какъ прямой результатъ всѣхъ этихъ послѣдовательныхъ измѣненій, окончательная потеря способности свободнаго перемѣщенія,—словомъ, всѣ признаки, которые такъ характерно выступаютъ среди высшихъ представителей растительнаго царства.

Но, по характеру своему, эти двоякаго рода измѣненія таковы, что если первая изъ нихъ должны быть отнесены къ числу прогрессивныхъ явленій (а не сдѣлать этого нельзя),

то вторым по необходимости слѣдуетъ разсматривать, какъ явленія регрессивныя. Другими словами, мы должны допустить, что прогрессивное развитіе самоподвижности протоплазмы положило начало происхожденію животнаго царства, а регрессивное развитіе—начало происхожденію растительнаго царства. Такимъ образомъ, животныя представляютъ собою болѣе или менѣе прямое продолженіе «первыхъ организмовъ» по пути совершенствованія, тогда какъ растенія представляютъ собою уклоненіе отъ этого пути; въ первомъ случаѣ—болѣе всестороннее, а во второмъ—болѣе одностороннее развитіе.

Вотъ почему нельзя не согласиться съ Вундтомъ, который говоритъ, что «низшіе организмы, стоящіе на границѣ между растеніями и животными, по своимъ жизненнымъ проявленіямъ ближе къ животнымъ, чѣмъ растенія. Поэтому можно сказать, что растенія суть односторонне развитыя животныя... Психическое развитіе растений могло остановиться въ очень раннемъ періодѣ жизни, причемъ первичныя побужденія закрепились организаціею; дальнѣйшее же развитіе организаціи совершалось подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій». Это замѣчаніе такого авторитетнаго ученаго, какъ Вундтъ, тѣмъ болѣе цѣнно, что значительно суживаетъ значеніе внѣшнихъ условій въ дѣлѣ прогрессивнаго развитія,—значеніе, не въ мѣру раздутое крайними поклонниками дарвинизма, и указываетъ даннымъ условіямъ болѣе соответствующее мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, весьма поучительно сопоставить, съ одной стороны, регрессивное, одностороннее измѣненіе, а съ другой—что измѣненіе это всего болѣе характеризуетъ организацію, развитіе которой «совершалось подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій». Выводъ очевидный.

Но предъидущее замѣчаніе Вундта заслуживаетъ вниманія и въ другомъ отношеніи, хотя и непосредственно соприкасающемся съ только что указаннымъ. Что «растенія суть односторонне развитыя животныя» и что развитіе организаціи растений «совершалось подъ вліяніемъ внѣшнихъ явленій»,—положенія эти прямо указываютъ на болѣе большую зависимость отъ внѣшнихъ условій растительной природы, въ сравненіи съ природою животныхъ. И мы знаемъ, что такъ оно и должно быть; эта болѣе большая зависимость могла бы быть уже *a priori* допущена, въ виду изложенныхъ выше данныхъ о значеніи внутренней энергіи протоплазмы, и составляетъ прямой результатъ пониженія ея самоподвижности; тамъ, гдѣ это пониженіе отсутствуетъ, гдѣ внутренняя энергія выражается наиболѣе полно, тамъ и данная

зависимость наименьшая, и вліяніе внѣшнихъ условій служено, тамъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность односторонняго, регрессивнаго развитія наименьшая.

Послѣднее легко можетъ быть пояснено хотя бы условіями образованія и развитія оболочки кѣтки, разсмотрѣнными выше. Именно среди растительныхъ кѣточекъ оболочка достигаетъ наибольшаго развитія, и здѣсь это образованіе отличается такою обособленностью, какая отсутствуетъ въ животныхъ кѣткахъ. Но оболочка эта развивается на счетъ протоплазмы и представляетъ собою послѣдовательное измѣненіе наружныхъ слоевъ ея,—измѣненіе, постепенно, все болѣе и болѣе обособляющее эти слои въ отдѣльное образованіе съ возрастающимъ развитіемъ специальныхъ свойствъ, сперва только физическихъ, а затѣмъ и химическихъ. Полужидкое, студенистое вещество становится твердымъ, нерастяжимымъ; его химическій составъ уже иной: протоплазма есть самое сложное, четырехчленное образованіе, въ которое входятъ кислородъ, углеродъ, водородъ и азотъ; вещество же оболочки растительной кѣтки трехчленное, въ немъ азотъ отсутствуетъ, и потому оно относится къ образованіямъ безазотистымъ. Такихъ рѣзкихъ уклоненій отъ физико-химическихъ свойствъ протоплазмы оболочка животной кѣточки не обнаруживаетъ; не уплотняясь до совершенной твердости и нерастяжимости, она вмѣстѣ съ тѣмъ, по своему химическому составу, продолжаетъ оставаться азотистымъ веществомъ.

И такъ, наибольшія уклоненія обнаруживаетъ оболочка растительной кѣтки; но уклоненія эти, какъ бы мы ни поясняли ихъ, представляютъ собою измѣненія въ нисходящемъ порядкѣ, отъ болѣе сложнаго состоянія къ менѣе сложному; высшая форма внутримолекулярной подвижности переходитъ въ простѣйшую; протоплазма испытываетъ цѣлый рядъ регрессивныхъ превращеній, низводящихъ ее до окончательной потери своихъ основныхъ физико-химическихъ свойствъ.

Но припомнимъ, однако, что этими регрессивными измѣненіями протоплазма обязана подавляющему вліянію внѣшнихъ условій, побуждающихъ ее, за невозможностью воздѣйствовать имъ активно, изолироваться, путемъ образованія плотнаго, твердаго покрова. Устраняя путемъ такого изолированія разрушающее вліяніе внѣшнихъ условій, протоплазма вмѣстѣ съ тѣмъ сжуживаетъ проявленіе своей внутренней энергіи. Эти измѣненія отвѣчаютъ требованіямъ данныхъ внѣшнихъ условій, но не требованіямъ наиболѣе всесторонняго проявленія самоподвижности протоплазмы; протоплазма

приспособляется, а не приспособляетъ. И вотъ результатомъ измѣненія подъ вліяніемъ вѣшнихъ условій, результатомъ приспособленія къ этимъ условіямъ, является рядъ регрессивныхъ превращеній протоплазмы, тѣмъ болѣе существенныхъ и глубокихъ, чѣмъ интенсивнѣе данныя вліянія и чѣмъ совершеннѣе приспособленіе. Примѣръ—растительная клѣтка.

Напротивъ, тамъ, гдѣ самоподвижность протоплазмы достаточно интенсивна для того, чтобы, воздѣйствуя активно, устранять необходимость приспособленія къ подавляющему вѣшнему вліянію, тамъ только что указанная регрессивная измѣненія тѣмъ менѣе возможны, чѣмъ болѣшимъ развитіемъ отличается данная самоподвижность, чѣмъ всестороннѣе ея проявленіе; примѣръ—животная клѣтка.

Если мы теперь сопоставимъ между собою эти два положенія, то должны будемъ признать, что прогрессивное развитіе самоподвижности протоплазмы устраняетъ необходимость приспособленія къ подавляющему вліянію вѣшнихъ условій. Вотъ здѣсь именно всего рѣзче и выступаетъ важное біологическое значеніе самоподвижности протоплазмы; вотъ здѣсь именно и сказалось самое глубокое вліяніе ея на всю послѣдующую жизнь растений и животныхъ. Пониженіе самоподвижности протоплазмы и, какъ результатъ такого пониженія, утрата способности свободнаго перемѣщенія, ставили организацію растений въ необходимость приспособляться къ такимъ подавляющимъ вліяніямъ среды, угнетающаго дѣйствія которыхъ животныя могли избѣгать, благодаря самостоятельности перемѣщенія, т. е. благодаря прогрессивному развитію самоподвижности протоплазмы. Отсюда, въ первомъ случаѣ, невозможность выбора хотя бы даже относительно условій добыванія пищевыхъ веществъ, болѣе тѣсная, болѣе односторонняя зависимость отъ даннаго, рѣзко ограниченнаго участка мѣстности и тѣхъ или другихъ колебаній въ окружающемъ. Если почему либо данная мѣстность неблагоприятна животному, оно переселяется въ другую, тогда какъ растеніе поставлено въ необходимость приспособиться къ ней, и хотя растенія также могутъ переселяться, но переселенія эти пассивнаго характера и гораздо болѣе предоставлены случайности.

Естественно, что при такихъ условіяхъ, организація по необходимости будетъ обнаруживать болѣе одностороннее развитіе и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ отличаться болѣе всего приспособительными признаками. И дѣйствительно, нигдѣ эти признаки не выступаютъ такъ рѣзко, нигдѣ наклонность и способность

къ приспособленію не выражается въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ среди растительнаго царства. Это фактъ, неподлежащій сомнѣнію, подтверждаемый всею исторіею развитія, какъ высшихъ растительныхъ формъ, такъ и совокупностью низшихъ.

Одновременно съ тѣмъ что разсмотрѣннымъ значеніемъ самоподвижности протоплазмы, бѣльшаго или меньшаго ея развитія, нельзя не указать на слѣдующее не менѣе поучительное соотношеніе. Тогда какъ среди животныхъ эта самоподвижность достигаетъ наибольшаго проявленія въ развитіи двигательной функціи, среди растений она, будучи подавлена извнѣ, входитъ, такъ сказать, внутрь, сосредоточивая свою активную дѣятельность на внутреннихъ процессахъ и, главнымъ образомъ, на процессахъ роста. Вотъ почему, въ то время, какъ внѣшнимъ проявленіемъ жизни животныхъ служитъ двигательная способность, у растений такимъ проявленіемъ служитъ способность роста; здѣсь процессы роста играютъ преобладающую роль, что такъ мѣтко выражается самымъ словомъ «растеніе». Въ виду этого можно безошибочно сказать, что если двигательная способность служитъ животнымъ главнымъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе, то у растений такимъ главнымъ оружіемъ служитъ ростъ.

Наконецъ, если, въ дополненіе къ предъидущему, мы примемъ также во вниманіе, что наибѣлье тѣсное взаимодействіе частей составляетъ необходимое условіе развитія индивидуальности, и что, съ другой стороны, растительныя клѣточки, съ своей твердой, нерастяжимой оболочкой, изолирующей протоплазму въ такой мѣрѣ, каковая невозможна среди животныхъ клѣтокъ, менѣе послѣднихъ допускаютъ тѣсное взаимодействіе, то мы поймемъ, почему животная организація отличается большею цѣлостностью и почему здѣсь именно индивидуальность достигаетъ такого развитія, какое совершенно отсутствуетъ среди растительныхъ формъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы поймемъ также, что и въ данномъ существенномъ различіи виновникомъ является прежде всего все та же самоподвижность протоплазмы, и что, стало быть, именно эта самоподвижность, а не тѣ или другія внѣшнія условія играетъ главную активную роль въ мѣрѣ жизненныхъ явленій и ихъ постепеннаго усложненія. Обособленіе двигательной функціи, прогрессивное и регрессивное развитіе данной функціи, какъ свидѣтельствуемъ предъидущій обзоръ соответствующихъ фактовъ, служитъ тому нагляднымъ примѣромъ.

Дѣйствительно, этотъ обзоръ фактовъ показываетъ, что прогрессивное развитіе двигательной функціи достигается путемъ сочетанія простѣйшихъ формъ движенія въ болѣе сложныя, — со-

четанія, отвѣчающія прежде всего требованіямъ наиболѣе полнаго проявленія внутренней энергіи протоплазмы, ея самоподвижности. Напротивъ, проявленіе этой самоподвижности въ условіяхъ подавляющаго вліянія извнѣ и необходимость приспособленія къ этому вѣшнему вліянію—обусловливаетъ регрессивное развитіе двигательной функціи, ея пониженіе.

XIV.

Циркуляція протоплазмы.

Исслѣдуя условія развитія двигательной способности, въ связи съ вопросомъ о начальномъ моментѣ обособленія органическаго міра въ растительное и животное царство, мы пришли выше къ заключенію, что способность эта въ растительной клѣточкѣ выражена слабѣе, нежели у животной, и что самоподвижность протоплазмы у первой не распространяется на ея наружныя части, на ея оболочку; она становится исключительно внутреннею, послѣ того какъ клѣточка уже совершенно теряетъ способность самостоятельнаго движенія. Примѣромъ таковаго именно внутренняго движенія служатъ, между прочимъ, тѣ протоплазматическіе токи или течения, которые наблюдаются, какъ у одноклѣточныхъ растений, такъ и въ клѣточкахъ многоклѣточныхъ растений. Исслѣдованіе даннаго движенія протоплазмы обнаруживаетъ цѣлый рядъ въ высшей степени любопытныхъ явленій, въ свою очередь свидѣтельствующихъ о важномъ біологическомъ значеніи выше разсмотрѣнныхъ соотношеній, въ виду чего мы и позволимъ себѣ теперь обратить вниманіе читателей на этотъ предметъ. Токи протоплазмы всего лучше могутъ быть наблюдаемы въ клѣточкахъ нѣкоторыхъ водорослей, на примѣръ, харовыхъ, а также въ клѣточкахъ тонкихъ волосковъ, сидящихъ на тѣхъ или другихъ органахъ нѣкоторыхъ сѣмянныхъ растений, листьяхъ, цвѣточной чашечкѣ, тычинкахъ и проч. На примѣръ, прекраснымъ объектомъ могутъ служить волоски съ листьевъ, черенка или другихъ частей такъ называемой бутылочной тыквы (*Lagenaria vulgaris*). Микроскопъ показываетъ, что протоплазма клѣточекъ, изъ которыхъ состоятъ эти волоски, находится въ движеніи; многочисленныя струйки, направляющіяся по различнымъ направленіямъ, образуютъ собою сложную сѣть токовъ.

Было высказано предположеніе, что механизмъ этого движенія протоплазмы зависитъ отъ ядра клѣтки. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ядро занимаетъ центральное положеніе (напримѣръ, въ клѣточкахъ волосковъ обыкновенной тыквы) и окружено протоплазмой, изъ которой токи отходятъ по всѣмъ направленіямъ, доходятъ до внутренней стѣнки, движутся вдоль послѣдней и вновь возвращаются въ центральному пункту. Такая циркуляція токовъ какъ бы говоритъ въ пользу упомянутой зависимости движенія отъ ядра; но, на самомъ дѣлѣ, зависимость эта кажущаяся и опровергается случаями, когда ядра клѣточекъ увлекаются протоплазмой, какъ пассивная масса, подобно зернамъ хлорофила и другимъ зернистымъ образованіямъ, что конечно было бы невозможно, если-бы ядро дѣйствительно служило центромъ движенія протоплазмы.

Еще менѣе стимуломъ даннаго внутренняго движенія можетъ служить оболочка; это уже мы должны допустить á priori въ виду выше разсмотрѣннаго ея значенія. И факты говорятъ тоже самое: можно заставить протоплазму (напримѣръ, клѣточекъ харь) стануться до того, что она отстанетъ отъ оболочки, и тѣмъ не менѣе токи продолжаютъ свое движеніе. И такъ, причиною этихъ движеній не можетъ быть ни ядро клѣтки, ни оболочка; остается искать ихъ въ самой протоплазмѣ. Правда, предполагалось также, что разсматриваемое явленіе зависитъ отъ движенія различныхъ слоевъ клѣточного сока, — движенія, причину котораго искали въ термическихъ колебаніяхъ; но объясненіе это такъ же мало правдобно, какъ и упомянутая выше гипотеза Костырева о движеніи микро-организмовъ.

Наконецъ, сравнительно недавно, нѣмецкій ученый Фельтенъ ¹⁾ высказался въ пользу электричества. Этотъ ученый открылъ весьма интересный фактъ; именно, онъ нашелъ, что если мертвую протоплазму подвергнуть дѣйствию электрическихъ токовъ достаточной интенсивности, то она обнаруживаетъ движенія, совершенно сходныя съ движеніями живой протоплазмы. Въ виду таковаго факта, Фельтенъ заключилъ, что «причину движенія протоплазмы слѣдуетъ искать въ электрическихъ токахъ, порождаемыхъ жизненнымъ содержимымъ клѣтки» (lebende Zellinhalt).

Не отвергая однако значенія обнаруженнаго Фельтеномъ факта, мы тѣмъ не менѣе смѣемъ думать, что фактъ этотъ сдва-

¹⁾ «Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften». 1876, 3 Heft.

ли оправдывает выведенное изъ него заключеніе. Во первыхъ, по внѣшнему сходству явленій нѣтъ еще ровно никакого основанія заключать о внутренемъ ихъ сходствѣ, а тѣмъ болѣе о тождествѣ ихъ причинъ. Но въ рассматриваемомъ здѣсь случаѣ все сходство покоится цѣликомъ на внѣшнихъ признакахъ. Припомнимъ случай такъ называемой «искусственной клѣточки»; клѣточка эта обнаруживаетъ явленія роста, «сходныя» съ процесомъ роста органической клѣточки, и тѣмъ не менѣе однако, какъ мы видѣли ¹⁾, причины этихъ «сходныхъ» явленій не имѣютъ между собою ничего общаго.

Не то ли самое представляетъ опытъ Фельтена съ мертвою протоплазмой. Вѣдь одно изъ двухъ: или движенія, вызываемыя въ этой протоплазмѣ электричествомъ, мнимо-жизненныя, и тогда онѣ теряютъ свою доказательность; или же онѣ дѣйствительно жизненныя явленія, и тогда вѣроятнѣе всего предположить, что Фельтенъ производилъ свои опыты съ протоплазмой, несовершенно мертвою, а находившеюся, такъ сказать, въ состояніи парализованномъ. Да, наконецъ, самъ Фельтенъ, рассматривая электричество, какъ причину движенія протоплазмы, считаетъ, однако, необходимымъ допустить, что оно порождается «жизненнымъ, содержащимъ клѣтки»; но это «жизненное содержаніе» опять-таки ничто иное, какъ дѣятельное состояніе протоплазмы.

Нѣтъ, очевидно, выхоть одинъ—необходимо признать самостоятельность движеній протоплазмы, а происхожденіе токовъ рассматривать, какъ распространеніе этихъ движеній по направленію наименьшаго сопротивленія. Съ этой точки зрѣнія легко объясняются многочисленныя явленія, безъ того совершенно непонятныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ необходимости искать «причину» движенія протоплазмы внѣ ея внутренней энергіи; происхожденіе токовъ ставится въ прямую зависимость отъ этой энергіи. Обстоятельство весьма важное, такъ какъ оно даетъ возможность устранить тѣ противорѣчія, къ которымъ неизбѣжно ведетъ противоположная точка зрѣнія. Слѣдующія слова извѣстнаго ботаника Сакса могутъ служить тому прекраснымъ примѣромъ. Онъ говоритъ:

«Совокупность явленій, замѣчаемыхъ при движеніи протоплазмы, ясно доказываетъ, что движеніе это не есть слѣдствіе простой передачи силъ, но что оно совершается подъ вліяніемъ силъ напряженія, присущихъ протоплазмѣ, и пе-

¹⁾ См. гл. IV «Кристалъ и жизнь».

реходящихъ въ дѣйствующія силы отъ незначительныхъ причинъ, такъ что проявляется поразительная непропорціональность между видимыми причинами и самыми явлениями; эта непропорціональность такъ велика, что въ большей части случаевъ внѣшняя причина, вызывающая движеніе, не замѣтна; токи измѣняются, останавливаются и возобновляются безъ видимыхъ причинъ; тѣмъ не менѣе причины должны быть, но онѣ недоступны наблюденію, между тѣмъ, какъ возбуждаемое ими движеніе проявляется весьма энергически»¹⁾.

Обращаемъ вниманіе читателей на подчеркнутыя слова. Сопоставляя ихъ между собою, легко видѣть, что Саксъ въ сущности не допускаетъ самостоятельности протоплазматическихъ движеній. По его мнѣнію, стимуломъ этихъ движеній могутъ быть только внѣшнія причины; токи могутъ измѣняться, останавливаться, и возобновляться только подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ. Саксъ до такой степени убѣжденъ въ этомъ, что, по его мнѣнію, возможность происхожденія токовъ, независимо отъ внѣшняго стимула, ведетъ къ признанію безпричинности явленія, т. е. къ признанію нелѣпости.

Мы не разъ имѣли случай указывать на примѣры такого односторонняго толкованія причинъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, нами была показана полнѣйшая несостоятельность этого толкованія, отрицающаго возможность измѣненій, независимо отъ внѣшняго стимула. Именно мы видѣли, что измѣненія подобнаго рода вовсе не ведутъ къ признанію безпричинности явленія, а доказываетъ только, что причина этого явленія внутренняя, что измѣненіе вызвано внутреннимъ стимуломъ. Мы видѣли также, что протоплазмѣ въ особенности присуща эта самоизмѣняемость подобно тому, какъ ей присуща самоподвижность, и что благодаря именно рѣзкому проявленію въ ней данныхъ явленій, послѣднія и производятъ на насъ впечатлѣніе жизненности.

Вотъ почему вышеприведенное мнѣніе Сакса не можетъ быть принято; основанія, на которыхъ оно покоится, далеко не такъ прочны, какъ кажется. Несомнѣнно, конечно, что токи протоплазмы, подобно всякому явленію, имѣютъ свои причины, разумѣется, «причины должны быть»; но отсюда однако вовсе не слѣдуетъ, что таковыми причинами могутъ быть только внѣшнія вліянія. Напротивъ, достаточно обратить вниманіе на

1) Саксъ, «Руководство къ опытной «физиологіи растений», стр. 436.

характеръ и сложность, съ какою обнаруживается циркуляція протоплазмы, чтобы убѣдиться, какъ мало она объяснима съ точки зрѣнія внѣшняго вліянія; многочисленныя токи, составляющіе эту циркуляцію, движутся по самымъ различнымъ направленіямъ; часто два смежныхъ тока идутъ въ двѣ совершенно противоположныя стороны, одинъ къ стѣнѣ влѣтъ отъ главнаго пункта скопленія протоплазмы, а другой, отъ стѣнки въ этому скопленію. Тутъ же рядомъ вдругъ возникаетъ третій, четвертый токъ; то они движутся по одному направленію, то одинъ изъ нихъ дѣлаетъ поворотъ, измѣняетъ свое направленіе; скорость поступательныхъ частицъ уменьшается, ихъ настигаютъ слѣдующія частицы, протоплазма постепенно скопляется, а затѣмъ снова потянутся нити, нерѣдко образуя цѣлую сеть подвижныхъ сплетеній.

Словомъ, циркуляція протоплазмы представляетъ собою систему токовъ, измѣненіе, остановка или возобновленіе которыхъ происходитъ разновременно, и отличается большимъ разнообразіемъ. Какъ разнообразны въ одно и то же время должны быть внѣшнія вліянія, и какъ многочисленны должны эти быть причины, чтобы имѣть основаніе приписать ихъ вліянію происхожденіе всѣхъ этихъ протоплазматическихъ токовъ. Если измѣненіе или возобновленіе каждаго тока предполагаетъ внѣшнюю причину, то, принимая во вниманіе число и разнообразіе этихъ токовъ, невольно рождается вопросъ: какая же такая эта сложная причина, и можетъ ли признаніе подобной зависимости сколько нибудь содѣйствовать выясненію вопроса? Не вноситъ ли оно еще болѣшую путаницу, не затемняетъ ли оно еще больше предмета? И все это только потому, что, помимо внѣшнихъ причинъ, яко-бы не можетъ быть стимула къ движенію протоплазмы; что «силы напряженія, присущія протоплазмѣ», переходятъ въ дѣйствующія и обнаруживаются въ формѣ движенія только подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ.

Но съ точки зрѣнія теоріи саморазлагаемости протоплазмы, рассматриваемый вопросъ разрѣшается иначе. Это саморазложеніе, проявляющееся помимо побудительныхъ къ тому причинъ извнѣ, какъ было уже пояснено на своемъ мѣстѣ, и служитъ тѣмъ внутреннимъ стимуломъ, тою внутреннею причиною, благодаря которой движеніе протоплазмы обнаруживается и тогда, когда внѣшній стимулъ отсутствуетъ. Мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что внѣшніе дѣтели не оказываютъ никакого вліянія на рассматриваемую форму движенія протоплазмы; нѣтъ, конечно, вліяніе это существуетъ; но и въ данномъ слу-

чаѣ, какъ и въ вышеразсмотрѣнномъ случаѣ амeboобразныхъ движеній, оно по характеру своему совершенно тождественно, а потому также мало опровергаетъ самостоятельность двигательной способности протоплазмы.

И такъ, «причина» протоплазматическихъ токовъ есть внутренняя, и выражаетъ собою одну изъ формъ внутримолекулярной подвижности протоплазмы; внѣшніе же дѣятели могутъ измѣнять ихъ интенсивность, но не они опредѣляютъ ихъ характеръ. Съ этой точки зрѣнія разсматриваемое нами явленіе разъясняется уже гораздо легче.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ протоплазму, замкнутую твердою оболочкою; допустите далѣе, что протоплазма не заполняетъ всей полости оболочки, что въ полости этой находится кромѣ того жидкость (клеточный сокъ); что должно воспослѣдовать, при такихъ условіяхъ, разъ движенія протоплазмы самостоятельны, разъ она отличается самоподвижностью, и возможность проявленія таковой внутри полости допускается размѣрами послѣдней? Очевидно, результатомъ будетъ—теченіе протоплазмы, перемѣщеніе ея частицъ по направленію наименьшаго сопротивленія. Распространяясь постепенно по всей полости, она, по причинѣ своей нерастворимости въ клеточномъ сокѣ, образуетъ цѣлую сѣть токовъ, измѣняющихъ свое направленіе, въ зависимости отъ пунктовъ наиболѣе интенсивнаго саморазложенія протоплазмы; отсюда они направляются къ внутренней стѣнкѣ, встрѣтивъ здѣсь преграду со стороны послѣдней, движутся вдоль стѣнки и затѣмъ вновь возвращаются въ исходному пункту. Само собою разумѣется, что чѣмъ многочисленнѣе и неопредѣленнѣе данные пункты, тѣмъ сложнѣе будетъ эта сѣть токовъ, и наоборотъ. И такъ, мы видимъ, что не прибѣгая ни къ какимъ вспомогательнымъ причинамъ, но признавая за протоплазмой основную способность—самоподвижность, какъ необходимое слѣдствіе ея саморазлагаемости, является возможность уяснить въ болѣе или менѣе наглядной степени причины токовъ протоплазмы. Мало того, съ разсматриваемой здѣсь точки зрѣнія, происхожденіе этихъ токовъ становится не только понятнымъ, но и необходимымъ.

Необходимость эта однако ограничена. И здѣсь мы имѣемъ новое доказательство въ пользу только-что изложеннаго объясненія. Въ самомъ дѣлѣ, согласно этому объясненію, однимъ изъ условій происхожденія токовъ служитъ неполное замѣщеніе протоплазмой клеточной полости. Но извѣстно однако, что у очень молодыхъ клеточекъ протоплазма наполняетъ всю ея полость;

стало бытъ, если наше предъидущее толкованіе вѣрно, то у такихъ, только что начинающихъ развиваться клѣточекъ протоплазматическіе токи должны отсутствовать; и наблюденіе вполне подтверждаетъ это заключеніе, именно, наблюденіе показываетъ, что только послѣ того, какъ съ дальнѣйшимъ ростомъ оболочки, протоплазма болѣе не пополняетъ всей полости клѣточки, только послѣ того обнаруживается разсматриваемое нами явленіе — циркуляція протоплазмы. Точно также она отсутствуетъ совершенно или обнаруживается весьма слабо въ тѣхъ клѣточкахъ, содержимое которыхъ переполнено зернистыми образованіями — хлорофиломъ, крахмаломъ, однимъ словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда возможность свободнаго проявленія самоподвижности протоплазмы отсутствуетъ.

Но изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ этихъ клѣточкахъ протоплазма вовсе не обнаруживала движенія; нѣтъ, пока клѣточка живетъ, движенія протоплазмы продолжаются, ея частицы постоянно перемѣщаются, но только не въ общей массѣ, не въ видѣ токовъ, а порознь или небольшими группами, отъ того и движенія этого рода весьма медленны ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, онѣ необходимы уже потому, что движенія протоплазмы внутри клѣтки находятся въ прямомъ отношеніи съ процесами питанія, роста и развитія послѣдней. Это до такой степени несомнѣнно, что тамъ, гдѣ данныя движенія, какъ въ случаѣ протоплазматическихъ токовъ, могутъ быть ясно наблюдаемы — направленіе этихъ движеній въ общемъ всегда совпадаетъ съ направленіемъ роста клѣтки — связь, лучше всего поясняющая важное значеніе самоподвижности протоплазмы. Самоподвижность эта, какъ мы сказали, должна обнаруживаться именно въ направленіи наибольшаго саморазложенія протоплазмы, а послѣднее, очевидно, всего интенсивнѣе будетъ обнаруживаться тамъ, гдѣ преобладаютъ процессы роста, а, стало бытъ, и питанія.

Но значеніе внутремоллекулярной подвижности протоплазмы не ограничивается даннымъ соотношеніемъ. Независимо отъ нея, было бы невозможно и вліяніе одной клѣтки многоклѣточнаго организма на другую; было бы невозможно взаимодействіе клѣтокъ, а стало бытъ и ихъ специальная группировка. Относительно животныхъ организмовъ, даже болѣе сложныхъ, это ясно само собою;

¹⁾ Сравни у С. Frommann'a, «Beobachtungen über struktur und bewegungserscheinungen d. Protoplas. der Pflanzen-Zellen», стр. 52, 53, 84.

ихъ нервно-мышечная система, о чемъ мы уже имѣли случай говорить¹⁾, представляетъ собою результатъ именно такого взаимодѣйствія клѣтокъ протоплазмы, свойство которой обособились въ свойства нервной и мышечной ткани.

Но значеніе взаимодѣйствія клѣточекъ, хотя и выражено въ растительномъ организмѣ гораздо одностороннѣе и слабѣе, нежели въ животномъ, тѣмъ не менѣе и здѣсь оно должно быть признано, иначе было бы, конечно, невозможно сложеніе этихъ анатомическихъ элементовъ въ ткани и органы.

Разумѣется, это жизненное вліяніе одной клѣтки на другую можетъ обнаруживаться только черезъ протоплазму; но какимъ путемъ достигается данное вліяніе, разъ протоплазма каждой клѣтки изолирована болѣе или менѣе твердою сплошною стѣною? Дѣло въ томъ, что хотя, какъ было уже доказано въ предыдущей главѣ, протоплазма клѣточекъ растительнаго организма гораздо болѣе изолирована, нежели животнаго, тѣмъ не менѣе о совершенной изоляціи здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Такъ, Негели нашель, что внутримолекулярная подвижность протоплазмы можетъ быть передаваема черезъ жидкую среду на нѣкоторое разстояніе²⁾, а это позволяетъ предположить, что она можетъ быть также передаваема отъ одной клѣточки къ другой черезъ оболочку, и въ такомъ случаѣ взаимодѣйствіе клѣточекъ стало бы возможнымъ. Но, помимо того, имѣются еще болѣе существенныя указанія, свидѣтельствующія, что стѣнки клѣточекъ растений далеко не совершенно сплошныя, какъ это обыкновенно принимается ботаниками.

Указанія эти сдѣланы Фромманомъ³⁾. Этотъ ученый, о чемъ мы уже упоминали, нашель, что протоплазма отличается болѣе сложнымъ строеніемъ, нежели какимъ она признавалась до сихъ поръ, именно, она состоитъ изъ двухъ частей—болѣе плотной, представляющей собою нѣжное сѣтчатое строеніе, и болѣе жидкой, помѣщающейся въ промежуткахъ сѣтевидныхъ сплетеній. И не только протоплазма, но ядра и хлорофилъ также отличаются сѣтчатымъ строеніемъ, причемъ, по наблюденію Фроммана, сѣточки эти непосредственно переходятъ одна въ другую, та-

¹⁾ См. нашъ очеркъ «Значеніе индивидуальности» и т. д., («Русская Рѣчь», 1880 декабрь).

²⁾ Nägeli, «Theorie der Gärung».

³⁾ Frommann, «Beobachtungen u. str u. beweg. d. Protoplas. d. Pflanzenzellen», стр. 1—2 и д. таб. I—II.

кимъ образомъ, что нити протоплазматической сѣтки составляютъ прямое продолженіе ядерной сѣточки.

Но это не все; названный ученый доказываетъ, рядомъ тщательныхъ микроскопическихъ изслѣдованій, что тѣ же нитевидныя сплетенія соединяютъ протоплазму одной клѣтки съ другою; по его наблюденіямъ, стѣнки клѣтокъ, обычно считающіяся сплошными, пронизаны многочисленными тончайшими, сквозными каналами, черезъ которые проходятъ нити протоплазматической сѣтки, и такимъ образомъ протоплазма одной клѣтки, непосредственно сообщается съ другою, — это устанавливаетъ прямую, органическую связь между протоплазмой клѣточекъ. А если вмѣстѣ съ тѣмъ мы примемъ во вниманіе, что протоплазматическія нити, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь и сплетеніе которыхъ опредѣляетъ сѣтчатое строеніе протоплазмы, отличаются, въ свою очередь, способностью къ самостоятельнымъ движеніямъ, подвижностью, то легко уже поймемъ возможность вліянія одной клѣтки на другую непосредственно черезъ протоплазму; становится понятнымъ не только взаимодѣйствіе этихъ анатомическихъ элементовъ, но и возможность ихъ совмѣстнаго приспособленія къ той или другой специальной работѣ; мы не говоримъ уже о такихъ явленіяхъ, какъ передача двигательнаго импульса въ раздражимыхъ органахъ нѣкоторыхъ растений, напримѣръ, стыдливой мимозы, и др.

XV.

Протоплазма и явленія размноженія.

Во всѣхъ вышерассмотрѣнныхъ жизненныхъ явленіяхъ главную активную роль играетъ протоплазма, ея внутримолекулярная подвижность; намъ остается теперь рассмотретьъ такую ли дѣятельную роль выполняетъ она относительно явленій размноженія.

Само собою разумѣется, мы здѣсь должны будемъ ограничиться обзоромъ простѣйшихъ и, такъ сказать, болѣе общихъ явленій размноженія, не входя въ изслѣдованіе частныхъ, — сюда именно относятся процессы извѣстные подъ именемъ дѣленія клѣточекъ. Всѣ остальные способы размноженія составляютъ различныя модификаціи этого основнаго способа.

Самый простѣйшій случай размноженія путемъ дѣленія наблюдается, какъ и слѣдовало ожидать, среди монерь, ведущихъ самостоятельный образъ жизни въ видѣ однородныхъ комочковъ протоплазмы. И вотъ здѣсь всего рельефнѣе сказывается вліяніе внутримолекулярной подвижности протоплазмы.

Въ самомъ дѣлѣ, протоплазма такого однороднаго комочка, какъ мы знаемъ, отличается самостоятельнымъ движеніемъ, выражающемся перемѣщеніемъ ея частей, по различнымъ направленіямъ, въ видѣ псевдоподій. Само собою разумѣется, пока масса даннаго комочка протоплазмы незначительна, это перемѣщеніе частей отъ центра къ периферіямъ не можетъ превосходить обратнаго теченія; но разъ масса протоплазмы возрастаетъ, отношеніе измѣняется, теченіе къ периферіямъ становится интенсивнѣе; отъ этого преобладающаго движенія въ противоположныя стороны, въ точкахъ наименьшаго сопротивленія получается разрывъ, постепенно все болѣе и болѣе возрастающій, пока, наконецъ, вся масса протоплазмы не раздѣлится на двѣ болѣе или менѣе равныя половины.

Таковъ простѣйшій способъ размноженія, положившій начало болѣе сложному процессу—дѣленію вѣткокъ. Но прежде чѣмъ перейти къ этому процессу, позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей на другой способъ размноженія, также встрѣчающійся у нѣкоторыхъ простѣйшихъ и, въ противоположность предъидущему, представляющій собою внутреннее распаденіе протоплазмы.

Процессъ этотъ тѣмъ именно поучителенъ, что ему предшествуетъ цѣлый рядъ такихъ измѣненій особи, напимѣръ уже извѣстной намъ протомиксы, которыя показываютъ, что энергія протоплазмы цѣликомъ поглощается этою работою; въ самомъ дѣлѣ, движенія протомиксы становятся постепенно все болѣе и болѣе медленными, наконецъ, онѣ совершенно прекращаются, протомикса округляется и покрывается плотною оболочкою.

Появленіе оболочки во всѣхъ случаяхъ подобнаго размноженія становится совершенно понятнымъ, если припомнимъ поясненія выше условія уплотненія наружныхъ слоевъ протоплазмы. Здѣсь, очевидно, тѣже условія: протоплазма покрывается оболочкою, разъ вѣйшее проявленіе ея энергіи понижено, а здѣсь это и должно быть, такъ какъ энергія протоплазмы поглощена внутреннею работою; въ данномъ случаѣ образованіе оболочки составляетъ необходимое приспособленіе къ тому, чтобы оградить эту внутреннюю работу отъ подавляющаго вліянія вѣйшнихъ условій. Когда процессъ внутренняго распаденія

протоплазмы законченъ, новообразовавшіеся 'емочки (споры) прорываютъ оболочку и выходятъ наружу; вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и присущая имъ подвижность.

Обращаясь къ явленіямъ дѣленія клѣточекъ, мы должны прежде всего замѣтить, что въ послѣднее время, благодаря работамъ знаменитаго ботаника Штрасбургера, возрѣнія на этотъ предметъ значительно измѣнились, въ сравненіи съ недавнимъ прошлымъ. Согласно первоначальному ученію, дѣленіе начинается съ ядрышка, заключеннаго въ ядрѣ; это ядрышко распадается на два новыхъ, послѣ чего раздвояется и ядро, вокругъ каждаго новообразовавшагося ядра собирается протоплазма и процессъ законченъ. Исслѣдованія Штрасбургера¹⁾ показываютъ однако, что явленіе это въ дѣйствительности гораздо сложнѣе.

Начать съ того, что дѣленію ядра предшествуютъ весьма существенныя въ немъ измѣненія; вещество ядра, постепенно теряющаго свой контуръ, становится крупно-зернистымъ, затѣмъ зерна эти сливаются все въ болѣе и болѣе удлиняющіяся нити, неправильно извивающіяся въ различныхъ направленіяхъ. Мало-по-малу нити эти располагаются веретенообразно, имѣя въ своемъ экваторѣ наиболѣе плотныя частицы, которыя образуютъ здѣсь «ядерную пластинку», по терминологіи Штрасбургера. Затѣмъ эта пластинка расщепляется по всей длинѣ на двѣ новыя, которыя тотчасъ же удаляются другъ отъ друга и направляются къ полюсамъ веретена; по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ элементы каждой пластинки постепенно сближаются, пока совершенно не сольются у полюсовъ въ два новыхъ ядра. Вслѣдъ за этимъ образованіемъ двухъ новыхъ ядеръ, протоплазма распадается на двѣ части, путемъ перетягиванія въ плоскости, раздѣляющія новыя ядра.

Такъ происходитъ дѣленіе клѣточекъ въ животномъ царствѣ; въ растительномъ же царствѣ это дѣленіе клѣточекъ завершается образованіемъ между двумя новыми ядрами сплошной перегородки, которая, какъ показалъ Штрасбургеръ, вырабатывается изъ протоплазмы.

Теперь рождается вопросъ: гдѣ слѣдуетъ искать причину разсмотрѣннаго здѣсь дѣленія клѣтокъ? Казалось бы, что причиною должно быть ядро клѣтки. Этого мнѣнія, до послѣдняго времени, держалось большинство ученыхъ, его же держался и Штрасбургеръ. Но тотъ же Штрасбургеръ принужденъ былъ однако измѣнить свое мнѣніе, въ виду новыхъ фактовъ, свидѣ-

¹⁾ Strasburger: «Zellbildung und Zelltheilung», стр. 23—40—360—370.

тельствовавшихъ, что дѣленіе ядра и дѣленіе самой клѣтки хотя часто и совершаются одновременно, но въ сущности вовсе не связаны другъ съ другомъ прочною связью; существуютъ многоядерныя клѣтки, т. е. клѣтки, у которыхъ дѣленіе ядра не обусловливаетъ собою дѣленія самой клѣтки.

И такъ, причиною разсматриваемаго явленія не можетъ быть ядро. По мнѣнію Штрасбургера, причиною дѣленія служитъ дѣятельность протоплазмы, ея подвижность; она именно обусловливаетъ описанныя измѣненія ядра, увлекая вещество его отъ центра къ периферіямъ и заставляя ихъ собираться въ новыя ядра. Но мы видѣли, что то же преобладающее движеніе отъ центра къ периферіямъ обусловливаетъ распаденіе и однороднаго комочка протоплазмы...

Мы видимъ, такимъ образомъ, что и явленія размноженія, въ своей простѣйшей формѣ, подобно остальнымъ основнымъ жизненнымъ явленіямъ, сводятся въ концѣ концовъ къ внутримолекулярной подвижности протоплазмы. Эта внутримолекулярная подвижность является такимъ образомъ альфою и омегою жизнедѣятельности, и различныя проявленія послѣдней выражаютъ собою только различныя состоянія первой.

Л. К. Поповъ.

К О Н Е Ц Ъ .

О П Е Ч А Т К И .

Въ октябрьской книгѣ, въ статьѣ «Основы молекулярной биологін», на стр. 301, вмѣсто «мышца обусловливающее», должно быть: «обуславливая»; на стр. 310, вмѣсто «не только оттянется книзу, а напротивъ», слѣдуетъ: «хотя и оттянется книзу, но затѣмъ, если она дѣтельна»; на стр. 310, вмѣсто «мышца», должно быть: «дѣятельная мышца»; на стр. 315, вмѣсто «полутемную», слѣдуетъ: «полужидкую».

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Россія принесла такъ много жертвъ славянскому дѣлу и, по значенію своему, оно до того кровно-близко намъ, что, мы по справедливости можемъ считать его до нѣкоторой степени своимъ собственнымъ, почти домашнимъ дѣломъ, и потому полагаемъ, что читатели наши не посѣтуютъ на насъ за то, что, при случайномъ отсутствіи въ нашемъ журналѣ спеціальнаго отдѣла иностраннаго обозрѣнія, мы даемъ иногда въ нашемъ отдѣлѣ мѣсто вопросамъ, касающимся непосредственно славянства и положенія вообще славянскаго дѣла въ Европѣ въ настоящее время. Такую экскурсію въ область этого дѣла мы совершили послѣдній разъ въ обозрѣніи, помѣщенномъ въ октябрской книжкѣ нашего журнала, когда, по поводу состоявшагося въ минувшемъ сентябрѣ свиданія въ Данцигѣ нашего Государя Императора съ маститымъ императоромъ Германіи, въ присутствіи германскаго канцлера, мы высказали наши предположенія, совершенно, впрочемъ, тождественныя съ предположеніями нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ органовъ прессы и въ особенности англійской газеты «Standart», что тѣ практическія послѣдствія, которыя князь Бисмаркъ желалъ, главнымъ образомъ, извлечь изъ данцигскаго свиданія императоровъ, заключались именно въ возможномъ устраненіи со стороны Россіи всякаго противодѣйствія хищническимъ похотямъ Австріи на славянскія земли Балканскаго полуострова,—похотямъ, возбужденнымъ и всячески подстрекаемымъ и поощряемымъ имъ же, княземъ Бисмаркомъ, въ видахъ огражденія созданной имъ единой Германіи отъ всякихъ посползновеній со стороны Австріи на возвратъ къ традиционнымъ стремленіямъ Габсбурговъ. Высказывая тогда такого рода предположенія, мы не думали.

чтобы они такъ скоро получили такое неоспоримо существенное оправданіе и подтвержденіе такими фактами, какими явились разоблаченіе всегда почти компетентнаго въ вопросахъ этого рода органа лондонскаго Сити, газеты «Times», затѣмъ постыдное поведеніе, по требованію Австріи, раболѣпствующаго передъ нею нынѣшняго сербскаго правительства по отношенію къ почтенной личности сербскаго митрополита Михаила, и, наконецъ, въ установленіи австрійскимъ правительствомъ воинской повинности въ Босніи и Герцеговинѣ, составляющихъ владѣніе турецкаго султана и лишь временно переданныхъ берлинскимъ конгрессомъ въ вѣдѣніе Австріи, въ видахъ умиротворенія этихъ областей и восстановленія порядка послѣ волненій, вызванныхъ бывшимъ въ нихъ возстаніемъ.

Разоблаченіе газеты «Times», о которомъ мы сказали выше, явилось для Европы совершенною неожиданностію. Оно явилось внезапно, повидимому ни съ того, ни съ сего, въ одномъ изъ послѣднихъ сентябрьскихъ нумеровъ этой газеты и авторитетно сообщало о предстоящемъ, яко-бы, новомъ раздѣлѣ владѣній турецкаго султана, причемъ вліятельная англійская газета старалась доказать и убѣдить весь міръ, что, при такомъ раздѣлѣ, Египеть, въ виду сосредоточенныхъ въ немъ первостепенныхъ англійскихъ интересовъ, по всѣмъ правамъ и справедливости долженъ достаться на долю Англій. «Въ восточномъ углу Средиземнаго моря, предсказываетъ «Times»,— долженъ въ скоромъ времени совершиться кризисъ». Читая статью, убѣждаешься, что слову «восточный уголь» газета придаетъ весьма широкое значеніе, обнимающее, помимо Египта, почти всѣ европейскія и азіатскія владѣнія султана, съ Константинополемъ включительно. Главнымъ инициаторомъ и дѣятелемъ въ предсказываемомъ кризисѣ, газета лондонскаго Сити объявляетъ Австрію, готовящуюся, яко-бы, захватить всѣ оставшіяся еще во владѣніи султана земли Балканскаго полуострова, вплоть до Эгейскаго моря, и подчинивъ, если не вассальной зависимости, то своему верховному вліянію, не только мелкія славянскія государства полуострова, но и самую Грецію, утвердиться такимъ образомъ на берегахъ Средиземнаго моря и, въ качествѣ сильной морской державы, явиться соперницею Англій, въ ущербъ ея интересамъ, не только въ Европѣ, но и въ Индіи. Такая перспектива не приводитъ, однако, шестую великую державу, какъ величаетъ себя «Times», въ негодованіе; она не повторяетъ словъ Гладстона «руки прочь!», но покорно, какъ-бы подчиняясь неотразимости имѣющаго совершиться факта, какъ крыловскій «заяцъ на ловлѣ», старается утanutь ушко медвѣды, выторговать себѣ часть добычи, и въ этихъ видахъ предлагаетъ отдать Константинополь Греціи, а Египеть, разумѣется, Англій. Предвидя, что такая комбинація можетъ не понравиться другимъ

европейскимъ державамъ и въ особенности Франціи, «Times», съ чисто британскимъ политическимъ цинизмомъ, заявляетъ, что «интересы всѣхъ остальныхъ державъ должны отступить на задній планъ передъ интересами Англій». Изъ этого обязательнаго отступленія не исключается и Франція, хотя интересы этой страны въ Египтѣ и существующія съ нимъ связи едва-ли не крупнѣе и тѣснѣе, чѣмъ интересы и связи самой Англій. Неожиданное открытіе вліятельной англійской газеты произвело, какъ извѣстно, весьма сильное впечатлѣніе на континентѣ и порядочный переполохъ, какъ въ правительственныхъ кружкахъ, такъ и въ прессѣ. Первою, разумѣется, отозвалась Австрія, вождельнія которой по отношенію въ Балканскому полуострову не особенно скрываются и въ іезуитской Вѣнѣ, а въ болтливомъ, и хвастливомъ Пештѣ и вовсе не скрываются. Не даромъ говорить пословица: «на ворѣ и шапка горитъ». Независимыя австро-венгерскія газеты отвѣчали на статью «Times» довольно уклончиво; за то официальная и полуофициальная пресса положительно осатанѣла отъ ярости, съ пѣною у рта, она обрушилась на англійскую газету, называя статью ея доносомъ, и отрицая существованіе у австрійскаго правительства даже и помысленія о какихъ-либо новыхъ захватахъ на Балканскомъ полуостровѣ, прямо обвиняетъ «Times» въ подстрекательствѣ противъ Австріи балканскихъ славянъ. Въ такомъ же почти духѣ отнеслась къ статьѣ «Times» и германская печать. Такъ, напримѣръ, «Kreuz Zeitung» говоритъ слѣдующее о предложенномъ органомъ Сити проектѣ раздѣла Турціи: «Попытка возбуждать вопросы о подобномъ раздѣлѣ, о которыхъ нынѣ ни одинъ человѣкъ не думаетъ, слишкомъ недѣлпачтобы тотчасъ же не признать въ ней намѣренія вызвать раздраженіе, Намъ нѣтъ надобности даже выжидать опроверженія австрійскою печатью инсинуаций газеты «Times», чтобы быть убѣжденными въ томъ, что упомянутая статья должна вызвать негодованіе въ Вѣнѣ. Мы слишкомъ хорошо знаемъ, что австрійское правительство, вопреки всему тому, что газета «Times» приписываетъ Австріи, хлопотало о наилучшемъ соглашеніи съ другими державами обо всемъ, что можетъ способствовать развитію экономическихъ интересовъ на востокѣ и успокоенію его населенія. Тронная рѣчь, которою австрійскій императоръ открылъ венгерскій рейхстагъ, представляетъ въ этомъ отношеніи самое краснорѣчивое выраженіе мирной политики Австріи». Только постоянный органъ князя Бисмарка «Всеобщая Сѣверо-Германская Газета» высказалась по этому предмету въ совершенно иномъ тонѣ. Не только не отрицая возможности предсказываемаго англійскою газетою кризиса, но какъ-бы намекая даже на скорое осуществленіе его, органъ германскаго канцлера насмѣшливо замѣчаетъ, что англійское правительство едва-ли такъ стоворчиво отнесется къ этому дѣлу, и гораздо

вѣроятнѣе, что Гладстону снова придется повторить въ британскомъ парламентѣ свое «руки прочь!» Отвѣтъ французской печати исключительно по отношенію къ заявленному газетою «Times» притязанію на Египетъ представляетъ весьма остроумную иронию. Франція, говоритъ парижская печать, ни при какихъ обстоятельствахъ не измѣнитъ «дружескому соглашенію» съ Англіею по египетскому вопросу; и если Англія рѣшится занять Египетъ, то и Франція отправитъ туда свои войска для поддержанія этого согласія. Въ эту полемику сунулся и нашъ «Journal de St.-Petersbourg», съ обычнымъ своимъ сконченнымъ благодушіемъ и оптимизмомъ, точно кто нибудь въ Европѣ обращаетъ вниманіе на егъ приторно-кисло-сладкія разглагольствованія. Онъ, извольте видѣть, совершенно вѣритъ въ искренность отрицанія австрійской официальной печати относительно какихъ бы то ни было непохвальныхъ поповзновеній со стороны Австро-Венгрии на славянскія земли Балканскаго полуострова. На этомъ основаніи онъ называетъ статью «Times'a» «фантастическими измышленіями» и въ то же время съ забавнымъ по-истинѣ азартомъ возстаетъ противъ захвата англичанами, хотя бы вмѣстѣ съ французами, Египта, видя въ этомъ нарушеніе status quo на востокѣ и поднятіе всего восточнаго вопроса, къ разрѣшенію котораго надо еще приготовиться. Нашей французской газетѣ, претендующей, однако, на близкія отношенія къ нашему дипломатическому міру, неизвѣстно повидимому не только то, что дѣлается въ настоящее время Австріею по отношенію къ южному славянству, но даже и то обстоятельство, далеко не составляющее тайны, что о проектѣ окончательнаго раздѣла Турціи, о которомъ говорить первенствующая англійская газета, шла рѣчь еще во время берлинскаго конгресса въ частныхъ бесѣдахъ честнаго мажора съ присутствовавшими на конгрессѣ дипломатами западныхъ державъ. Тогда уже князь Бисмаркъ, въ этихъ интимныхъ бесѣдахъ, передавалъ такой взглядъ, что половина Балканскаго полуострова должна отойти къ Австріи, а другая, яко-бы, остаться подъ вліяніемъ Россіи; Англія же взаимно Константинополя можетъ получить, въ вознагражденіе, за свою уступчивость въ пользу Австріи, Египетъ. На это именно и указываетъ «Times» въ своей отвѣтной статьѣ на вѣнскія отрицанія и выверты. Англійская газета на этотъ разъ прямо обвиняетъ Австрію въ завоевательныхъ замыслахъ по направленію къ Эгейскому морю, причемъ ссылается на официальные заявленія. Тоже сообщаетъ и берлинскій корреспондентъ этой газеты («Новое Время», №№ 2001 и 2005, телеграммы): «Возражая, съ своей стороны, на всѣ опроверженія офиціозной печати, что его сообщенія по восточнымъ дѣламъ почерпнуты изъ официальныхъ источниковъ, онъ настаиваетъ особенно на томъ, что Австрія

дѣлаетъ приготовленія къ занятію Салоникъ, какія бы возраженія на это ни представляла австрійская печать. «Times» предпочитаетъ автономную организацію балканскихъ государствъ химерической ихъ централизаціи подъ властью Австріи, которая должна потерпѣть фіаско въ дальнѣйшихъ попыткахъ подчинить себѣ княжества, до сихъ поръ пользовавшіяся независимостью». Не менѣе категорично высказывается по этому предмету и другая англійская газета, весьма близкая къ настоящему британскому кабинету, именно газета «Pall Mall», она прямо говоритъ, что сообщеніе «Times» имѣло дѣйствительную подкладку и не было лишено основанія. Въ передовой статьѣ она совершенно опредѣленно и безъ околичностей высказываетъ; что самый шумъ и гвалтъ, поднятый въ Австріи по поводу статьи «Times», доказываютъ, что дѣйствительно что-то затѣвается; иначе не было бы надобности такъ задорно защищаться. Газета «Pall-Mall» говоритъ, что Австріи слѣдуетъ въ настоящемъ случаѣ своей обычной тактикѣ, какъ было и предъ занятіемъ Герцеговины и Босніи: «наружно негодуютъ, а въ тиши готовятъ». Для насъ, русскихъ, знаменательно опасеніе, выражаемое англійскою министерскою газетою. «Можетъ быть, говорить она,—на данцигскомъ совѣщаніи было также рѣшено, какъ далеко можетъ идти Австрія. Граница должна пройти недалеко отъ Дедеагача».

Неожиданное разоблаченіе газеты «Times» обнаружилось такимъ образомъ почти формально то, о чемъ ходили лишь темные слухи, т. е. что судьба балканскихъ славянъ была предрѣшена на берлинскомъ конгрессѣ. Проектъ этого рѣшенія, еще составленный княземъ Бисмаркомъ, былъ тогда же предметомъ интимныхъ бесѣдъ его съ присутствовавшими тогда въ Берлинѣ дипломатами. Остается вопросъ, съ какими именно? Удостоены ли были, напримѣръ, этой довѣренности наши дипломаты? О князѣ Горчаковѣ можно положительно сказать, что онъ не принималъ участія въ этихъ интимныхъ бесѣдахъ, сколько по болѣзненному состоянію, столько-же и по извѣстной несимпатичности его желѣзному канцлеру, наконецъ, и потому, что онъ хотя до извѣстной степени и французскаго пошиба, но все-таки въ душѣ достаточно русскій человѣкъ и на столько опытный дипломатъ, что его даже князю Бисмарку на кривой не объѣхать, въ ущербъ достоинству и интересамъ Россіи. О другихъ, бывшихъ на берлинскомъ конгрессѣ дипломатахъ нашихъ, мы не знаемъ. Знать о проектѣ честнаго маклера они должны были безусловно, даже и въ томъ случаѣ, если князь Бисмаркъ и не считалъ удобнымъ довѣриться имъ — на то они дипломаты; но знали ли они о существованіи проекта—это, повторяемъ, неизвѣстно; скорѣе можно думать, что не знали, ибо въ противномъ случаѣ именующій себя органомъ нашихъ дипломатовъ Journal de St.-Petersbourg не распинался-бы теперь такъ за искренность австрійскихъ

отрицаній и не рѣшился бы называть сообщеніе «Times» объ этомъ проектѣ фантастическимъ измышленіемъ. Затѣмъ остаются еще бывшіе на берлинскомъ конгрессѣ представители Франціи, Италіи и Турціи; но есть основанія думать, что князь Бисмаркъ не былъ съ ними настолько коротко знакомъ, чтобы вести интимныя бесѣды, тѣмъ болѣе что считалъ мнѣніе ихъ объ этомъ предметѣ совершенно безразличнымъ. Давно извѣстно, что такъ называемый европейскій концертъ изъ самостоятельныхъ музыкантовъ въ дѣйствительности теперь не существуетъ и замѣненъ нѣмецкою шарманкою, которую вертитъ князь Бисмаркъ и которая только и играетъ безъ фальши одну пѣсню, именно: «Wo ist das deutsche Vaterland...» Такимъ образомъ приходилось предположить, что въ интимныхъ бесѣдахъ князя Бисмарка, проектъ его разрѣшенія восточнаго вопроса обсуждался исключительно между нимъ, графомъ Андраши и лордомъ Биконсфилдомъ, которые, конечно, не могли не признать гениальной простоты, съ которою великій государственный человѣкъ Германіи разрѣшилъ этотъ рогаый, считавшійся до сихъ поръ неразрѣшимымъ, восточный вопросъ. Они не могли не сочувствовать этому проекту—еще бы! Австрія безъ всякаго риска—повидимому по крайней мѣрѣ—получаетъ громадный, едва ли не самый благословенный въ Европѣ, край. Для Англіи, также безъ особнхъ, повидимому, хлопотъ сбудутся задушевыя мечты ея—обладаніе драгоцѣннымъ Египтомъ. Россіи же—предоставлялось не владѣніе, какъ Австріи, а лишь вліяніе на восточную часть балканскаго полуострова; но эта часть проекта натурально могла только заставить собесѣдниковъ обмѣняться дружески лукавою улыбкою. Она, конечно, поняла значеніе этого вліянія издали, когда Австрія тутъ бокъ-о-бокъ, и несомнѣнно сообразили, что о Россіи тутъ упоминается болѣе для красоты слога, для отвода глазъ на всякій случай. И какое безкорыстіе! Безкорыстіе поистинѣ изумительное въ нашъ эгоистическій вѣкъ! Вотъ ужъ можно сказать—подлинно честный маклеръ. Онъ щедро раздаетъ друзьямъ своимъ владѣнія султана, а для себя, для дорогой, любезной ему Германіи, не оставляетъ, не требуетъ ничего, ни пяди земли, ни малѣйшаго *trink-geld* за труды и хлопоты!.. Но повернемъ, читатель, медаль, посмотримъ оборотную сторону ея. Представляемый Англіи Египетъ ложится ябломъ нескончаемаго раздора между ею и Франціею, которая никогда, ни за что и никому въ Европѣ не уступитъ обладаніе этою страню. Распря за Египетъ поглотитъ всѣ силы этихъ двухъ державъ, будетъ взаимно ослабѣвать и разорять ихъ къ выгодѣ Германіи, парализуя ихъ противодѣйствіе германской политикѣ канцлера, а въ случаѣ войны съ Франціею—доставитъ Германіи могущественнаго союзника именно въ томъ отношеніи, въ которомъ сама Германія еще слаба, т. е. на морѣ, — что и требо-

валось доказать. Обратимся теперь къ Австріи; — ей то, кажется, князь Бисмаркъ радѣеть, что называется со всѣмъ своимъ удовольствіемъ. Прежде всего вспомнимъ, что такое Австрія? Это, какъ извѣстно, конгломератъ народностей, кровно между собою враждебныхъ. Создана она не завоеваніями одного изъ этихъ народовъ. Въ военномъ отношеніи она сама всегда была слабою, всѣми битою. Она, составившись въ настоящемъ видѣ присоединеніями въ силу брачныхъ союзовъ или участія въ дѣлѣ добычи сосѣдей, существуетъ постоянными компромиссами и сдѣлками между подвластными ей, враждебными другъ другу народами. Изъ трехъ главнѣйшихъ народовъ габсбургской монархіи — славянъ, нѣмцевъ и мадьяръ, славяне, вслѣдствіе своей неизлечимой политической дрянности, не смотря на численное превосходство, всегда находились въ подчиненномъ положеніи. Изъ двухъ другихъ народовъ господствующее положеніе долго принадлежало нѣмцамъ, къ національности которыхъ принадлежитъ и царствующая династія. Преобладаніе австрійскихъ нѣмцевъ въ монархіи поддерживалось много принадлежностью ихъ къ народу, населяющему Германію, имѣвшую тогда форму Германскаго союза, въ которомъ Австрія занимала первенствующее мѣсто. За всѣмъ тѣмъ собственная государственная сила ея была столько ненадежна, что когда, въ 1849 г., мадьяры, пользуясь тогдашнимъ смутнымъ временемъ, возстали противъ нѣмецкаго господства, Австрія, только благодаря помощи Россіи, могла усмирить ихъ послѣ событія 1849 г. При постыдно-клерикальной и ретроградной политикѣ, Австрія не сумѣла понять духа времени и народившагося въ средѣ Германскаго народа стремленія къ объединенію, и должна была уступить первенствующее въ Германіи мѣсто Прусіи, которая, силой энергіи, настойчивости и прочною военною организаціею, а болѣе всего благодаря умной національной политикѣ, изъ маленькаго курфиршества успѣла сдѣлаться великою державою, и побѣдою при Садовой 1866 г. окончательно выкинула Австрію изъ Германіи, которую, принявъ въ свои ежовыя рукавицы, изъ безсильнаго германскаго союза обратила хотя не вдругъ, въ славную объединенную германскую имперію. Прусскій великій государственный человѣкъ, совершившій этотъ переворотъ, хорошо понималъ, что совершенное имъ дѣло непрочное и неполно, потому что не всѣ нѣмцы вошли въ составъ новой имперіи. За Австріей остались ея нѣмецкія провинціи, и путемъ ихъ, а также и связи съ Германіей, тѣмъ болѣе сильной, что она скрѣплялась со всей южной Германіей крѣпкими цѣпами католицизма, католическія державы южной Германіи, только уступивъ силѣ, вынуждены были признать политическую и военную гегемонію несимпатичной имъ лютеранской Прусіи, но въ тайнѣ продолжали тяготѣть къ Австріи. Чтобы переманить на сторону Германіи австрій-

свихъ нѣмцевъ и тѣмъ порвать эту связь, окончателно устранить Австрію отъ Германіи, отнять у габсбурговъ всякій доводъ мечтать о возвратѣ въ Германію, надо было лишити австрійскихъ нѣмцевъ господствующаго положенія надъ другими народностями Австріи. Этого можно было достигнуть, съ одной стороны, пробудивъ притязанія мадьяръ на самостоятельность. И въ этихъ видахъ Бисмаркъ, какъ извѣстно, во время самой австро-прусской войны вступилъ въ сношенія съ мадьярскими вожаками, вслѣдствіе чего, какъ извѣстно также, мадьяры во время этой войны вели весьма двусмысленную игру относительно австрійскаго правительства, не скрывали своей радости по поводу пораженія Австріи и тотчасъ послѣ войны стали настаивать въ Вѣнѣ о восстановленіи правъ венгерской короны. Забѣчательно, что помощникомъ въ ихъ притязаніяхъ явился заклятый врагъ Бисмарка—Бейсть, создатель дуалистической системы. Изъ кровной ненависти къ славянамъ, нѣмецъ Бейсть сыгралъ, такимъ образомъ, въ руку врага своего и во вредъ Австріи. При раздѣлѣ Австріи на Циз- и Транслейтанію, славяне были подѣлены между этими двумя частями, оставаясь въ томъ же подчиненномъ положеніи, въ одной—по прежнему нѣмцамъ, въ другой—мадьярамъ, народу немногочисленному, непревышающему 5.000,000, малообразованному въ массѣ, но энергичному, тщеславному и задорному въ господствующей среди его богатой аристократіи. Съ другой стороны, для достиженія вышеуказанной цѣли надобно было заставить Австрію направить свою дѣятельность въ сторону отъ Германіи, именно на Турцію, и тамъ искать вознагражденія за свои потери, какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи. Въ октябрскомъ обзорѣннѣи нашемъ мы говорили уже, какъ Бисмаркъ достигъ своей цѣли. И здѣсь помогли ему тщеславно-задорные мадьяры, съ Андраши во главѣ, благодаря извѣстному значенію и вліянію, которыми этотъ мадьярскій магнатъ пользовался при вѣнскомъ дворѣ, хотя и вопреки желанію австрійскихъ нѣмцевъ, вовсе не желавшихъ увеличивать число славянъ въ имперіи. Мы говорили также, какъ, въ виду безсилія Австро-Венгріи достигнуть чего нибудь въ этомъ смыслѣ собственными средствами и возможнаго противодѣйствія со стороны Россіи, великій германскій магъ и волшебникъ уладилъ это трудное дѣло «въ общемъ удовольствіи», сперва перекинувъ мостъ тройственнаго союза черезъ бездну, легшую между Россією и Австрією послѣ вѣроломства послѣдней во время крымской войны, а затѣмъ, заставивъ Россію въ послѣднюю нашу войну съ турками, проливать свою кровь и разоряться на пользу Австріи. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ берлинскому конгрессу и составленному, во время этого конгресса, проекту отдачи Австріи славянскихъ земель Балканскаго полуострова вплоть до Эгейскаго моря. Какой же изъ этого выводъ относительно плановъ Бисмарка и интересовъ Германіи?

спросить читатель. А вотъ какой: австрійскіе нѣмцы и теперь уже, вслѣдствіе дуалистической системы, на половину утратили свое преобладаніе надъ другими народами имперіи, вынужденные раздѣлить это преобладаніе съ мадьярами, которые сверхъ того успѣли приобрѣсти господствующее положеніе и въ рѣшеніи общихъ дѣлъ имперіи. Пештъ ведетъ непрестанную и великую войну съ Вѣной, стараясь побѣдить не только вліяніемъ на политику, но и въ экономическихъ вопросахъ, говоритъ вѣнскій корреспондентъ газеты «Новое Время» (№ 2023), и дѣйствительно побѣждаетъ, что свидѣтельствуютъ нерѣдкія жалобы на это въ австро-нѣмецкихъ газетахъ. Но мадьяры не довольствуются и этимъ. Какъ извѣстно, они спятъ и видятъ какъ бы вовсе развязаться съ нѣмцами. Эти же послѣдніе, въ своей половинѣ Австріи, тоже теряютъ почву. Изъ славянскихъ земель, при раздѣлѣ имперіи, на долю нѣмцевъ отошли Далмація и Чехія, на долю мадьяръ—австрійская Сербія и Хорватія. Это дѣленіе, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же корреспондентъ, оказалось не въ пользу нѣмцевъ. Далмація, напимѣръ, отдѣленная отъ своей нѣмецкой метрополи венгерскою землею, живетъ почти самостоятельную жизнь; нѣмцамъ далеко идти въ этотъ прибрежный край и славяне Далмаціи хоть понемножку, но свободно скидывали съ себя итальянское вліяніе временъ рагузской республики, вводя и въ школу, и въ officialный міръ свой родной языкъ. Здѣсь, прибавимъ, въ Бокѣ Катарской австрійскимъ нѣмцамъ другой разъ уже приходится вступать въ открытую борьбу съ мѣстнымъ населеніемъ славянъ-горцевъ, отстаивающимъ съ оружіемъ въ рукахъ свои права отъ распространенія на нихъ общихъ законовъ имперіи. Первый разъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, побѣда осталась на сторонѣ бокезцевъ. Въ настоящее время попытка распространить на этотъ край общую воинскую повинность вызвала новый вооруженный отпоръ со стороны населенія, и чѣмъ онъ кончится еще неизвѣстно. Съ другой стороны, давно уже начатая чехами борьба противъ нѣмцевъ за свою равноправность съ ними и вообще за права короны св. Вячеслава, отъ прежняго пассивнаго характера перешла въ послѣдніе годы въ активный, и при настоящемъ министерствѣ Таафе приобрѣла даже нѣкоторые успѣхи, хотя и не особенно важныя, но достаточныя, чтобы встревожить и возбудить сильнѣйшее неудовольствіе въ такъ называемой вѣрно конституціонной или нѣмецкой партіи. Далѣе, въ Цизлейтаніи (нѣмецкой половинѣ) славянскія земли увеличились въ 1878 году присоединеніемъ Герцеговины и Босніи, что вмѣстѣ съ тѣмъ увеличило и затрудненія нѣмцевъ. Кромѣ непосредственныхъ хлопотъ, расходовъ по окупаціи, оно вызвало зависть и притязанія мадьяръ. Какъ только окупація Босніи и Герцеговины стала совершившимся фактомъ, въ Пештѣ и Вѣнѣ сталъ реб-

ромъ вопросъ о новомъ раздѣлѣ Австрій. Венгрія захотѣла получить Далмацію, Боснію и Герцеговину. Передовые политическіе гешефт-махеры Хорватіи, съ всендзомъ Мушкатовичемъ во главѣ и съ секретнымъ благословеніемъ кардинала Штросмайера, пустили въ ходъ идею о возобновленіи Тріедианого королевства южнаго славянства. Такимъ образомъ на Вѣну сразу налегли и Пештъ, и Аграмъ. Нѣмцы, конечно, тотчасъ поняли, куда тянутъ мадьяры: чѣмъ въ самомъ дѣлѣ будутъ нѣмецкія провинціи въ Австрій, если Далмація, Боснія и Герцеговина отойдутъ подъ венгерскій скипетръ? Ничѣмъ, кромѣ готовой территоріи для занятія ея прусаками. Такая участь нѣмецкихъ провинцій нисколько не противна видамъ Венгрии и вѣроятно очень пріятна учителю мадьяръ—самому князю Бисмарку. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, высказываемымъ тѣмъ же корреспондентомъ въ другомъ письмѣ, (№ 2002), что при такомъ положеніи вещей австрійскимъ нѣмцамъ можетъ понравиться мысль обратиться къ политикѣ національной, т. е. обратиться къ Германіи и исвать не временнаго союза съ нею, а постояннаго, прочнаго соединенія съ нею тѣхъ цислейтанскихъ провинцій, гдѣ почти все населеніе нѣмецкое. Что, раньше или позже, чисто нѣмецкія области Австрій отойдутъ къ Германіи, мадьярскіе политики давно уже приняли въ расчетъ. Здѣсь мы можемъ, слѣдовательно, снова сказать по отношенію къ князю Бисмарку: «что и требовалось доказать». Но это еще не все. Подговариваемые имъ тщеславные мадьяры толкаютъ государство къ захватамъ на востокѣ. Понимая, что со своими гонведами имъ не уйти далеко по пути завоеваній, они направляютъ все свое политическое искусство къ тому, чтобы воспользоваться временемъ и заставить славянскія и нѣмецкія войска австрійской арміи завоевать для нихъ Балканскій полуостровъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, хвастливые мадьяры полагаютъ, конечно, что они ведутъ игру свою необыкновенно хитро и ловко, не думая, что въ дѣйствительности сами они работаютъ буквально «pour le roi de Prusse» въ новомъ званіи его германскаго императора, и не подозревая, что голова, скомбинировавшая весь, разоблаченный газетою «Times» проектъ новаго раздѣла Турціи и заставляющая ихъ работать для исполненія своей роли въ этомъ проектѣ, глядя на ихъ старанія, если не говоритъ, посмѣиваясь, то думаетъ, по словамъ цитированнаго уже нами корреспондента (№ 2015): «идите на славянскій югъ пионерами германскаго племени; побѣждайте, устраивайте свои порядки, замѣняйте славянскую религію международной, надламывайте всѣми способами патриотизмъ славянина, а къ тому времени, когда славянство перестанетъ быть военною силою, придемъ и мы, нѣмцы, придемъ и докончимъ начатое венгерцемъ, обратимъ Бѣлградъ въ Вейсштаттъ а Софію—въ Софіенбургъ»... Нѣмецкое племя слишкомъ быстро пло-

дится, слишкомъ трудолюбиво работаетъ, такъ готово подчиняться приказу свыше, такъ сердечно привязано къ своему фатерланду, — что оно должно думать далеко впередъ о новыхъ садахъ для своего роста въ ширь и въ даль отъ родимаго Берлина. А въ Европѣ для нѣмца только и есть одно пустое мѣсто—славянскій міръ. Геніальная голова Бисмарка хорошо знаетъ, что когда-то славянскій Липецкъ, Бѣлевъ и Дроздовъ обратились уже въ чисто нѣмецкіе центры—Лейпцигъ, Берлинъ и Дрезденъ, и не сомнѣвается, что для настойчиваго, энергическаго нѣмца на дряхлой славянской почвѣ и теперь не невозможны подобныя превращенія. Уменьшать по возможности отливъ избытка населенія изъ Германіи за океанъ, гдѣ онъ теряется, пропадаетъ безслѣдно для нѣмецкаго фатерланда, и направить этотъ избытокъ, насколько можно, въ сосѣднія славянскія земли составляетъ, какъ извѣстно, задушевную мечту и заботу князя Бисмарка, и осуществленіе этой мечты въ извѣстной мѣрѣ испытываетъ уже наша западная окраина, какъ мы о томъ говорили уже въ одномъ изъ нашихъ обзорѣній. Сравнительно рѣдко населенный Балканскій полуостровъ, съ его благодатными климатомъ и почвою, и близостью къ Германіи, особенно, когда къ ней примкнуть и австро-нѣмецкія земли, представляетъ истинный Эльдorado для нѣмецкой колонизаціи, и въ этихъ видахъ, соотвѣтствующія мѣры принимаются уже и въ настоящее время, какъ свидѣтельствуемъ слѣдующее недавнее газетное извѣстіе. Въ Константинополь прибыло шестнадцать нѣмецкихъ агентовъ на нарочномъ пароходѣ изъ Салоникъ. Корреспондентъ «Daily News» обращаетъ вниманіе на то, что эти господа—представители одной кельнской компаніи, съ капиталомъ въ миліонъ марокъ. Компанія эта намѣрена учредить въ Турціи нѣмецкія торговныя факторіи и скупать помѣстья. За ними послѣдуютъ эмигранты. Все дѣло колонизаціи ведется подъ покровительствомъ германскаго правительства.

Исторія представляетъ не мало примѣровъ фіаско самыхъ мудрыхъ предначертаній, а потому трудно сказать въ настоящее время, осуществятся ли и насколько планы и расчеты желѣзнаго канцлера; но, во всякомъ случаѣ, нельзя не отдать справедливости этому, руководимому самымъ горячимъ патріотизмомъ замѣчательному государственному уму, ширинѣ его концепціи, глубинѣ и дальновидности его соображеній. Разумѣется, не головамъ венгерскихъ политиковъ постигнуть суть и конечныя цѣли подобныхъ замысловъ. Въ своемъ тщеславіи и шовинизмѣ, они не понимаютъ, повидимому, даже той очевидной, чисто ариѳметической истины, что, захвативъ весь славянскій югостокъ, они неизбежно должны потонуть въ немъ, при сравнительной малочисленности своей и низкой культурѣ. Православное славянское населеніе Балканскаго полуострова, при всей плохотѣ своей, съумѣвшее, хотя пассивно, отстоять втеченіи нѣсколькихъ вѣ-

ковъ мусульманскаго гнета свою религію и народность, не выдержитъ можетъ быть настойчиваго, умно разсчитаннаго и систематически производимаго напора нѣмцевъ; но оно, конечно, не сдастся шумно-хвастливымъ, задорнымъ и полуобразованнымъ потомкамъ гунновъ. Но чего не понимаютъ въ Пештѣ, до того начинаютъ додумываться въ Вѣнѣ; тамъ начинаютъ понимать, куда можетъ и должна привести политика захватовъ и расширенія на Балканскомъ полуостровѣ. Еще недавно, самая вліятельная изъ вѣнскихъ газетъ «Neue Freie Presse» осуждала захватъ Герцеговины и Босніи, навлекшій на Австрію столько затрудненій и хлопотъ, и высказывала серьезныя опасенія, что завоевательныя стремленія правительства неминуемо вовлекутъ Австрію въ войну тяжелую и разорительную, которая можетъ поставить на карту самое существованіе монархіи габсбурговъ. Но запоздалыя указанія и предсказанія вѣнской Ксандры не могутъ уже поправить сдѣланнаго и остановить того, что дѣлается. Рука, толкающая Австрію за Дунай, къ Балканамъ и далѣе, слишкомъ сильна и искусна, чтобы вѣчно пляшущее на канатѣ политическихъ интригъ и компромисовъ австрійское правительство, оглушаемое шумомъ мадьярскаго шовинизма, могло остановиться, а тѣмъ болѣе отказаться отъ навязанной и необычной ему роли завоевателя. Волей неволей оно вынуждено выполнять эту роль по указанію и при всяческомъ содѣйствіи изъ Берлина, который торопитъ и припшориваетъ ее не терять время и спѣшить пользоваться дѣйствительно необыкновенно благоприятно сложившимися въ настоящее время обстоятельствами, которыми, такъ кстати для намѣреній и цѣлей великихъ политическихъ дѣятелей, каковы, напримѣръ, лордъ Пальмерстонъ или князь Бисмаркъ, создаются всегда, не говоримъ, ими самими, но благопріятствующей имъ судьбой. Въ самомъ дѣлѣ, кто и что можетъ теперь мѣшать посягательствамъ Австріи на Балканскій полуостровъ? Британское правительство всецѣло поглощено постоянно возрастающею смутою въ Ирландіи; Франція по-уши ушла въ свои тунискія дѣла; Италія покорною просительницею совершаетъ путешествіе въ германскую Каноссу, но и туда далѣе прихожей она не допущена. Наконецъ, наша православная Русь, исконная защитница балканскихъ славянъ?.. Но способность ея къ выполненію этой великой исторической задачи своей, повидимому, настолько вся выдохлась, что на берлинскомъ конгресѣ она уступила свои права Австріи, не получивъ даже и чечевичной похлебки, и согласилась или вынуждена была отдать на съѣденіе нѣмцамъ и католицизму Герцоговину и Боснію, для поощренія самоотверженнаго мужества, съ которымъ они выбивались изъ-подъ ига турокъ. «Послѣ данцигскаго свиданія, писали между прочимъ нѣмецкія газеты, — князь Бисмаркъ совершенно отказался отъ

своей русофобіи». Кто не знаетъ, какъ много нужно, чтобы заставитьъ желѣзнаго канцлера отказаться отъ чего нибудь...» А вотъ и занимаемая нами изъ писемъ вѣнскаго корреспондента «Новаго Времени» (№№ 2015 и 2017) маленькая иллюстрація тому, какъ въ Вѣнѣ понимаютъ это примиреніе князя Бисмарка съ Россіей,—иллюстрація, вполне подтверждающая приведенное нами въ октябромъ обзорѣннѣ мнѣніе объ этомъ предметѣ органа британскихъ консерваторовъ газеты «Standard». «Люди свѣдущіе, пишетъ изъ Вѣны Молчановъ,—бывающіе при дворѣ и жмушіе руку Андраши, говорятъ не безъ основанія: «Австрія будетъ просить Россію помочь ей организовать изъ Босніи и Герцеговины мирныя провинціи и совершить затѣмъ окупацію Македоніи. Когда же и Македонія будетъ совсѣмъ австрійскою, тогда, наконецъ, Австрія пойдетъ на васъ войною...» Заставить Россію вліять на независимое славянство юга на пользу Австро-Венгріи—вотъ задача этихъ дней здѣшней дипломатіи. Но это еще не все. Во первыхъ, проходъ изъ Новаго Базара въ Митровицѣ—узкій перешеекъ между Сербіей и Черногоріей. И вотъ, когда еще въ прошломъ году рѣшался дульциньскій вопросъ, уже тогда здѣсь были разговоры объ «исправленіи» восточныхъ границъ владѣній князя Николая. Во время берлинскаго конгресса русская дипломатія прочила Черногоріи увеличеніе приморской территоріи, но Австрія тогда горячо наложила свое veto на всякіе разговоры о томъ, такъ что многіе удивились въ прошломъ году, когда англичанинъ Гошенъ въ одинъ день выхлопоталъ въ Вѣнѣ Дульцинью для горнаго княжества. Гошенъ предъ Вѣною былъ въ Берлинѣ и привезъ добрый совѣтъ: «подумайте, молъ, что у васъ за границы далѣе Новаго Базара!» И тогда же рѣшили здѣсь—дать Черногоріи ползти въ албанскія страны, чтобы имѣть возможность отнять отъ нея, въ надлежащее время, надлежащее мѣстечко на востокѣ. Теперь этотъ вопросъ будетъ поставленъ лишь условно. Вѣна пожалуется Россіи на пособничество Черногоріи гайдучеству въ Босніи и Герцеговинѣ и скажетъ: «ужасно неудобныя границы у насъ—нѣтъ при нихъ никакой возможности цивилизовать дикій край». Укажется при этомъ случаѣ на пріобрѣтеніе Австріей отъ Черногоріи береговъ Будвы и Санъ-Стефано при князѣ Данилѣ,—пріобрѣтеніе, совершенное тоже во имя порядка и цивилизаціи. А разъ вопросъ будетъ поставленъ на очередь—останется ждать удобнаго момента для его исполненія». И такъ, въ Вѣнѣ и Пештѣ надѣются, ни много, ни мало, что примиренная съ Бисмаркомъ Россія, въ видахъ содѣйствія его планамъ, своими руками будетъ помогать порабощенію нѣмцами и мадырами православнаго балканскаго славянства и даже лучшей части его—геройскихъ черногорцевъ!.. «Не жирно ли будетъ», хотѣли бы мы сказать съ насмѣшкою негодованія, въ виду такого оскорбительнаго

для русскаго человѣка расчета австро-венгерскихъ политиковъ. Но можемъ ли, имѣемъ ли мы основаніе это сказать? Вотъ вопросъ, на который находимъ отвѣтъ въ томъ же письмѣ Молчанова (№ 2015). «Расчетъ чужеземцевъ, говоритъ онъ,—и даже чужеземныхъ враговъ на добычу каштановъ изъ огня русскими руками такъ не новъ, что едва-ли онъ удивить когонибудь. Не все то нелѣпо на дѣлѣ, что глупо по мысли».

Какъ бы то ни было, но столь наглое нарушеніе берлинскаго трактата, какъ недавно декретированное введеніе всеобщей воинской повинности въ принадлежащихъ de jure султану областяхъ Босніи и въ Герцеговинѣ до очевидности свидѣтельствуесть, что Австрія не ждетъ и не опасается похѣхъ и противодѣйствія своимъ хищническимъ посягательствамъ; ни отъ одной изъ державъ, подписавшихъ этотъ злополучный для славянства трактатъ; одинокій же протестъ турецкаго правительства, конечно, останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, какъ для Вѣны и Берлина, такъ и для другихъ европейскихъ кабинетовъ, равно какъ и адреса, отправленные въ недавнее время угнетеннымъ населеніемъ этихъ областей къ русскому правительству и къ британскому премьеру Гладстону. Оба эти адреса въ яркихъ краскахъ рисуютъ бѣдственное положеніе этого населенія подъ управленіемъ австро-мадьярскихъ чиновниковъ, заставляющихъ несчастныхъ босняковъ и герцеговинцевъ съ сожалѣніемъ вспоминать даже о турецкомъ владычествѣ. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ адресѣ босняковъ къ нашему правительству о существующихъ въ ихъ краѣ австрійскихъ порядкахъ («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 242): «Подъ турецкимъ владычествомъ, какъ бы оно ни было несправедливо и жестоко, случалось, что власти, принимая во вниманіе плохой урожай, взымали только часть налоговъ. Народъ обложенъ былъ сообразно съ его средствами, и недоимки приводились въ исправность единожды въ годъ. Австрійскія же власти не дѣлаютъ никакого различія между матеріальною невозможностью, обусловленною силою обстоятельствъ, и дурною волею, продаютъ съ молотка, не вникая нашимъ мольбамъ, нашу скоть, нашу домашнюю утварь и даже нашу зимнюю одежду».

«Новое правительство воспретило печатать кириллицею наши газеты и книги. Въ нашихъ школахъ, гдѣ всѣ дѣти православнаго исповѣданія, катехизису обучаетъ всендѣ, который къ тому же охотно пускаетъ въ ходъ розги. Нѣмецкій языкъ, столь противорѣчащій всѣмъ нашимъ историческимъ традиціямъ и который даже въ будущемъ не можетъ приносить намъ никакой пользы, навязываютъ намъ самымъ грубымъ и насильственнымъ образомъ. Католическое духовенство заставляесть насъ строить церкви для чуждой намъ религіи, а такъ какъ въ сношеніяхъ съ правительственными властями дозволяется употреблять лишь нѣмецкій или мадьярскій языки, которыхъ мы не пони-

маемъ, то мы лишены возможности отстаивать свои права передъ судомъ». Тоже самое находимъ въ адресѣ или, правильнѣе, въ письмѣ къ Гладстону боснійско-герцеговинскихъ усташей или предводителей повстанцевъ («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 284). Упомянувъ объ обязательствахъ въ пользу населенія областей, возложенныхъ на Австрію берлинскимъ конгрессомъ и принятыхъ ею на себя въ манифестѣ, изданномъ наканунѣ оккупации, авторы письма говорятъ затѣмъ: «Но вотъ уже прошли три года, какъ Австро-Венгрія хозяйничаетъ Босніей и Герцеговиной, а между тѣмъ не только нѣтъ рѣчи о выполненіи упомянутыхъ обязательствъ, но, напротивъ, съ нами поступаютъ какъ съ какимъ-то покореннымъ народомъ, какъ будто оккупация эта не была международнымъ договоромъ, съ цѣлью достойнаго правленія, подобающаго цивилизованной державѣ. Намъ теперь хуже, чѣмъ когда-либо. Намъ хуже, вопреки всѣмъ самымъ торжественнымъ обѣщаніямъ возстановленія порядка и введенія реформъ, чѣмъ намъ было подъ мерзкимъ турецкимъ правительствомъ. Подати и налоги значительно повышены и стали болѣе непосильны, чѣмъ прежде, притѣсненія невыносимы, произволъ въ управленіи! Наша сербская національность преслѣдуется и притѣсняется такимъ образомъ, что намъ почти недозволено называться православными и сербами; наше народное достоинство презирается и унижается всевозможнымъ образомъ и народныя чувства просто оскорбляются на всякомъ шагу. Наши народныя святыни, наши церкви и училища находятся въ опасности быть вполнѣ уничтоженными австро-венгерскими государственными чиновниками. Тюрмы переполнены и въ нихъ теперь гораздо больше несчастныхъ, чѣмъ за время турецкаго варварскаго владычества. Всѣ наши жалобы, представленія, просьбы противъ такого неописуемаго произвола и такой несправедливости, поданныя къ компетентнымъ властямъ Австро-Венгріи, не достигаютъ цѣли. Остается намъ потому одинъ путь—это вооруженный отпоръ и возстаніе противъ такого произвола». Что въ этихъ жалобахъ нѣтъ преувеличенія, подтверждается извѣстіями изъ Босніи и Герцеговины, проникающими въ сербскія и даже австрійскія и французскія газеты; эти извѣстія лишь дополняютъ печальную картину, изображенную въ адресѣ. Такъ, напримѣръ, въ сербской газетѣ «Новый Вѣкъ» напечатано письмо изъ Сараева, въ которомъ сообщаютъ, между прочимъ, что австрійскія власти за деньги вербуютъ шпионовъ, и хотя охотниковъ на такой заработокъ даже и среди католиковъ находится немного, но и этихъ немногихъ, вмѣстѣ съ покровительствуемыми австрійцами мусульманами-помѣщиками, достаточно, чтобы сдѣлать положеніе народа невыносимымъ. «По указанію шпиона, первый встрѣчный солдатъ имѣетъ право разстрѣлять босняка безъ всякой судебной процедуры, и стоитъ

только заслужить неблагоприятное помѣщеніе для того, чтобы попасть въ тюрьму. Подобные случаи бывають не только въ заходустяхъ, но даже въ самомъ Сараевѣ, на глазахъ иностранныхъ консуловъ». Въ подтвержденіе словъ, авторъ приводитъ фактическіе примѣры. «Газета «Српски Лист», выходящая въ Задрѣ, столицѣ Далмаціи, говоритъ, что ни одна сербская газета не проникаетъ въ Боснію и Герцеговину и что все, что печатается кириллицею, конфискуется какъ контрабанда. Въ школахъ строжайше запрещена пѣсня, написанная черногорскимъ княземъ Николаемъ, «Онамо», потому что она взываетъ къ освобожденію сербскихъ земель. Папскія же инциклики, напротивъ, всегда терпимы. Босняки ежедневно являютъся на сербскую границу, умоляя о пропускѣ ихъ какъ эмигрантовъ. Несчастная брая! Турки по крайней мѣрѣ оставляли имъ родной языкъ. Корреспондентъ брюссельской газеты «Nord», путешествующій теперь по Герцеговинѣ, описываетъ яркими красками бѣдность христіанскаго населенія, со дня на день возрастающую. Въ Требиньѣ, главномъ городѣ Герцеговины, онъ, къ величайшему своему удивленію, нашелъ различныя нѣмецкія надписи, въ родѣ: Rodich-Platz, Nobili Gasse, K. K. Bezirksbehörde, такъ что, кажется, будто вы находитесь въ какомъ-либо германскомъ городѣ. До занятія, на фасадѣ національной школы была надпись: «Народна пучка учіона», а теперь вы тамъ читаете: «K. K. Volksschule», а между тѣмъ Требиньѣ совсѣмъ сербскій городъ («С.-Петербургскія Вѣдомости» сего года, № 233). Наконецъ, даже австрійская газета «Die Presse», признавая ненормальнымъ, существующій въ занятыхъ австрійцами турецкихъ областяхъ, порядокъ вещей и введенное въ нихъ осадное положеніе, настоятельно требуетъ устраненія этихъ порядковъ, вынуждающихъ населеніе эмигрировать или приниматься за гайдучество. Такова дѣятельность Австріи въ славянскихъ земляхъ, умиротвореніе которыхъ поручено ей Европою. Печальнѣе всего то, что пособниками и орудіями нѣмцевъ и мадьяръ въ угнетеніи православія и славянскихъ языка и грамоты являютъся австрійскіе же славяне католики, разные чехи, хорваты и поляки.

Пагубная для балканскаго славянства дѣятельность Австріи не ограничивается, къ сожалѣнію, Герцеговиною и Босніею. Подготовительная работа къ захвату и господству дѣятельно ведется по всему полуострову во всѣхъ видахъ и всѣми средствами. Мы видѣли уже выше, какія каверзы, да еще съ надеждою на содѣйствіе Россіи, имѣются въ виду противъ наименѣе податливой на австрійскіе происки Черногоріи. Въ Сербіи въ этомъ не представляется надобности послѣ удаленія Ристича. Управляющее страной настоящее министерство, отдавшее Сербію, заключеннымъ имъ торговымъ трактатомъ, въ промышленную кабалу Австріи, состоитъ, какъ извѣстно, въ полнѣйшемъ холопствѣ у Австріи и въ открытой враждебности къ

Россіи, что лучше всего доказывается постыднымъ поведеніемъ его, въ угоду Австріи, съ глубоко уважаемымъ не только въ Сербіи, но и во всемъ православномъ славянствѣ, митрополитомъ Михаиломъ. Это-то именно всеобщее уваженіе, естественно вытекающее изъ того громаднаго нравственнаго вліянія сербскаго владыки на все православное балканское славянство, въ томъ числѣ на славянъ Босніи и Герцеговины, давно дѣлало его ненавистнымъ австро-мадьярскому правительству, которое видѣло въ немъ чувствительную помѣху своимъ замысламъ и стремленіямъ, направленнымъ противъ славянъ и православія на Балканскомъ полуостровѣ. По словамъ «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 245), уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одною изъ оппозиціонныхъ венгерскихъ газетъ былъ обнародованъ тайный циркуляръ мадьярскаго министра-президента къ начальникамъ отдѣльныхъ областей Венгріи, — циркуляръ, въ которомъ предписывалось строго слѣдить за появившимися въ странѣ тайными «панславистскими» агитаторами, «состоящими на жалованьи у русскаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Игнатьева» и «извѣстнаго агитатора митрополита Михаила, получающаго изъ Россіи значительныя субсидіи». Не ограничиваясь домашнимъ распоряженіемъ, австро-венгерское правительство, желая устранить мѣшавшаго ему митрополита, еще въ сентябрѣ (какъ упоминали мы въ октябрскомъ обзорѣи нашемъ), потребовало отъ бѣлградскаго правительства удаленія преосвященнаго Михаила съ занимаемаго имъ высшаго поста. Работѣствующее предъ Австрією министерство Новаковичъ (изгнавшаго изъ сербскихъ гимназій русскій языкъ и замѣнившаго его нѣмецкимъ) Міяковичъ и К^о не остановилось передъ скандаломъ, какой во всемъ православномъ мірѣ должно было произвести изложеніе митрополита Михаила, и поспѣшило исполнить требованіе Австріи, причѣмъ оппозиція митрополита установленному въ Сербіи этимъ министерствомъ особому налогу съ мѣстъ и должностей по духовному вѣдомству, какъ противной православнымъ канонамъ симоніи—послужили лишь предлогомъ. Теперь, когда къ возмущенному поступкомъ сербскаго правительства съ митрополитомъ Михаиломъ нравственному чувству всего православнаго міра присоединилось порицаніе нашего святѣйшаго синода, вселенскаго и другихъ восточныхъ патріарховъ, церковный миръ въ Сербіи легко можетъ быть нарушенъ, если министерству удастся въ средѣ высшаго сербскаго духовенства найти человѣка, который согласится занять упраздненную такъ противозаконно кафедру сербскаго митрополита. Это, повидимому, нисколько не смущаетъ настоящее сербское правительство, которое, по словамъ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей» («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 281 сего года), составило уже цѣлый рядъ предположеній по преобразованію церковнаго дѣла въ Сербіи, изъ которыхъ особенное вни-

маніе обращаютъ на себѣ слѣдующія: 1) объ упраздненіи всѣхъ епархій въ Сербіи, кромѣ бѣлградской; 2) учрежденіи католическаго епископства въ Бѣлградѣ; 3) подчиненіе сербской митрополіи карловицкому престолу. Такимъ образомъ нынѣшнее сербское министерство само намѣревается подчинить свою, независимую до сихъ поръ церковь другой, хотя и православной церкви, но находящейся подъ гнетомъ католицизма, въ странѣ враждебной и славянству, и православію. Сообщая объ упомянутыхъ предположеніяхъ, «Московскія Церковныя Вѣдомости» прибавляютъ, что и не того можно ожидать отъ настоящаго сербскаго министерства, которое за однимъ столомъ съ мадырами и австрійцами устраиваетъ банкетъ въ честь низложенія митрополита Михаила, провозглашаетъ тостъ противъ Россіи, и глава котораго такъ выражается о церковныхъ канонахъ: «всѣхъ ихъ пора бы зашить въ мѣшокъ, да бросить въ Саву». Интригуя противъ Черногоріи, подчинивъ себѣ настоящее антинаціональное правительство Сербіи, Австрія не бездѣйствуетъ и въ другихъ славянскихъ частяхъ Балканскаго полуострова, вездѣ энергично подготавливая себѣ дорогу. Вотъ что сообщаетъ по этому поводу уже не разъ цитированный нами вѣнскій корреспондентъ газеты «Новое Время» (№ 2015 сего года). «Недавно былъ въ Вѣнѣ болгарскій экзархъ. Человѣкъ серьезный и холодный, рассказывалъ дивныя вещи о томъ, что творится нынѣ въ Македоніи; унія растетъ и богатѣетъ; завелся уже униатскій епископъ, австрійскіе консулы—протекторы явные всѣмъ униатамъ. Гонимый мусульманиномъ, избираемый турецкою властью, разоряемый фанариотскимъ греческимъ духовенствомъ, православный болгаринъ не имѣетъ защиты, а вчера еще только судьба нанесла тяжкій ударъ его мечтамъ о независимости, о слияніи съ родной Болгаріей. Если же смѣнить вѣру православную на униатство—униатская церковь заступается, австрійскіе дипломаты защищаютъ». Можно спросить, конечно, почему же наши русскіе дипломаты хотя въ той же мѣрѣ не заступаются за православныхъ? Но кто же ихъ знаетъ, нашихъ дипломатовъ! Они и за русскихъ-то нигдѣ за границей не умѣютъ, не смѣютъ, или просто не хотятъ заступаться, какъ это еще недавно доказалъ представитель Россіи въ Карлсруэ г. Коломинъ по поводу оскорбленія двухъ русскихъ ученыхъ мѣстною полиціею. Приведенная нами сейчасъ выдержка изъ письма г. Молчанова объ австро-венгерской интригѣ въ Македоніи дополняется и подтверждается сообщеннымъ недавно въ австрійскихъ, а оттуда и въ нашихъ газетахъ извѣстіемъ объ образовавшемся въ Вѣнѣ, по инициативѣ тамошняго архіепископа, аристократическомъ, преимущественно дамскомъ кружкѣ, съ большими денежными средствами, поставившимъ себѣ задачей католическую пропаганду въ славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова. Газеты сообщали, что кружкомъ этимъ отправлена уже въ

Македонію и Румелию цѣлая партія католическихъ монаховъ для устройства тамъ разныхъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній; на средства кружка, для исполненія вышеуказанной задачи. Но нѣтъ розъ безъ шиповъ, и уніатско-австро-мадьярская идиллія на востоцкѣ, по словамъ г. Молчанова, часто нарушается въ своемъ полнѣ. То образуется какое-то славянское общество въ Дрезденѣ и шлетъ на Балканскій полуостровъ ящички съ православными образами, иконами и книжками; то непосредственно изъ Болгаріи являюся въ Македонію и папайоны, и не-реодѣтые православные священники, и даже епископы. Австрія — не официальный владѣтель Македоніи, а турецкая полицейская халатность извѣстна каждому. Необходимо, чтобы само болгарское княжество оберегало свои границы отъ выхода въ нее панславизма въ Македонію. Призвать Болгарію выставить поддевальщій кордонъ Австрія пока едва ли въ силахъ, да и неудобно ей такъ отерто и такъ несвоевременно зявлять свои помыслы объ эгейскихъ берегахъ. Не въ миллионъ ли разъ удобнѣе, если добиться отъ Россіи, чтобы она, какъ освободительница Болгаріи, сказала молодому княжеству: «для вашего собственного спокойствія, устраните все, могущее имѣть видъ претензіи на Македонію, т. е. запретите строго-на-строго общеніе съ Македонією».

Не въ одной впрочемъ Македоніи нарушается спокойное теченіе австро-мадьярской идилліи. Взапенная влеземъ Висмаркомъ на Австрію черная работа по подготовленію въ славянскихъ земляхъ Балканскаго полуострова свободнаго мѣста для нѣмецкаго *lang nach Osten* далеко не идетъ какъ по маслу, не смотря на кажущуюся благовременность. Мы уже говорили о давно начавшемся въ Герцеговинѣ возстаніи небольшими бандами гайдуковъ; изъ нихъ наиболѣе замѣтною была банда Стояна Ковачевича, голова котораго опѣнена мѣстной австрійской администраціей. Въ началѣ въ гайдуки шли исключительно православные, наиболѣе подвергающіеся притѣсненіямъ. Введеніе всеобщей воинской повинности въ занятыхъ областяхъ двинуло въ банды и мусульманское населеніе Босніи и Герцеговины. Въ числѣ предводителей, усталей, подписавшихъ 20 октября сего года, въ лагерѣ подъ Гацко, письмо къ Гладстону, кромѣ православныхъ вождей, Ковачевича, Ристо Иовановича, Радо Тапича и Степана Кюколя, находимъ уже подписи предводителей-мусульманъ: Османъ бега-Михметбичича, Тахитъ-ага-Зивадича и Мехметъ-ага-Чисмовича. Та же причина, т. е. новая попытка австрійскаго правительства ввести воинскую повинность въ Бокѣ Катарской, снова вызвала возстаніе въ Кривопацкомъ и другихъ горныхъ округахъ, сопредѣльныхъ съ Черногоріей и Герцеговиной, повстанцы которой вступили въ общеніе съ Кривопацкими. На спанѣ снова явились ветераны возстанія 1875—1877 годовъ, извѣстные вожди Лазарь Сочина и воевода цопъ Богданъ Зимуничъ. Бадда.

Сочицы состоятъ слишкомъ изъ 1,000 человекъ. Недавняя телеграмма изъ Мостара (14)го ноября, «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 284) сообщаетъ, что восстаніе распространяется по всей черногорской границѣ отъ Зубцова, Невесинья, Гаццо, чрезъ Столацъ, до Требинья. Въ рядкахъ повстанцевъ находится уже нѣсколько сотъ черногорцевъ, которые, вопреки запрещенія правительства своего, перебираются за границу, чтобы подрагаться за братьевъ своихъ съ незнакомыми ивабами. Повстанцы хорошо вооружены. По словамъ «Новаго Времени» (№ 2056): «эти закаленные въ бою партизаны завладѣли оружіемъ и боевыми припасами, спрятанными ими въ 1878 году въ окрестностяхъ Грахова и Накшича, и сверхъ того получали изъ черногорскихъ оружейныхъ складовъ 5,000 ружей системы Верндля новѣйшей конструкціи, съ соответствующимъ количествомъ патроновъ, а также 6 горныхъ орудій. Эти 5,000 ружей составляютъ часть тѣхъ 25,000 ружей, которые осенью прошлаго года черногорское правительство, чрезъ своего военнаго министра, воеводу Илью Пламенаца, заказало оружейному заводу Верндля, и которые были перевезены на пароходахъ австрійскаго Льюда: «San Marco», «San Givisto» и «Jonis» въ Рива ди Доброта, гдѣ были выгружены и отуда въ ноябрѣ прошлаго года доставлены были въ Цетинье. Эти ружья были розданы новымъ поданнымъ княжества въ Никшичѣ, Подгорицѣ, Зблячѣ и Мучакъ начальниками и капитанами и предоставлены имъ на храненіе. Теперь часть этихъ ружей передана жителями Грахова и Накшича повстанцамъ». Они не терпятъ недостатка и въ деньгахъ, которые получаютъ изъ-за границы. Повстанцы видимо чувствуютъ свою силу. «На дняхъ, сообщаетъ названная газета, — они обратились къ муниципальнымъ властямъ Рязано съ требованіемъ прислать имъ провіанта. Въ противномъ случаѣ они грозили напасть на городъ. Съ такимъ же требованіемъ кривошане обратились и къ другимъ побережнымъ городамъ и мѣстечкамъ. Жители Поборъ и Мелинья рѣшились соединиться съ кривошанами, не смотри на то, что для этого имъ придется прослѣдовать по черногорской территоріи. Въ Кастельнуово пришлось приостановить еженедѣльные базары, такъ какъ населеніе опасается нападеній со стороны повстанцевъ». Если мы припомнимъ, что въ этомъ углу юго-западной славянщины австрійцамъ приходится имѣть дѣло съ самой лучшей, съ самой здоровой частью ея, неразстѣпной католицизмомъ, не выдресированной австрійскою муштрою, что эти горные орны, подобно черногорцамъ, не похожи даже ни на сербовъ княжества, ни на болгаръ, — то мы поймемъ, что австрійцамъ, по меньшей мѣрѣ, не легко будетъ съ ними управиться. Пока наличныя силы ихъ на мѣстѣ настолько недостаточны, что они принуждены были очистить блокгаузы, построенныя ими внутри страны, и отступить къ берегу. По словамъ те-

летрамы изъ Рагузы и Котора («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 282) изъ Ристе перевезены въ Которъ арміе австрійскихъ властей, кассы; отовзаны жандармы и другія войска, которые, будучи разбросаны по странѣ небольшими отрядами, въ стычкахъ съ повстанцами, какъ въ Кривошѣ, такъ и въ Герцеговинѣ, постоянно терпѣли до слухъ моръ, неудачу. Заступившій генерала Родича, новый намѣстникъ Далмаціи генералъ Іовановичъ настоятельно требуетъ подкрѣпленій, и нѣсколько полковъ отправлены уже въ его распоряженіе. Не желая давать австрійскому правительству поводовъ къ неудовольствію, князь Николай приказалъ усилить кордонъ на австрійской и черногорской границѣ; но эта мѣра, при всемъ его желаніи, не удержитъ, конечно, черногорцевъ отъ перехода къ устамамъ, и уставшей отъ перехода, въ случаѣ неудачи, въ Черногорію. Изъ Вѣны сообщаютъ (14/11 ноября), «что въ военномъ совѣтѣ рѣшено послать три броненосца, чтобы блокировать черногорскій берегъ отъ Бара (Антивари), черезъ Дульциню, до устьевъ рѣки Бомны. Въ Которскій заливъ будетъ отправлена особая эскадра». Мѣра эта могла бы показаться съ перваго взгляда довольно странною; она объясняется однако не бесспорнымъ опасеніемъ налива итальянскихъ волонтеровъ, которыхъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, намѣревается выслать въ помощь славянскимъ повстанцамъ партія «неискувленной Италіи», до крайности раздраженная недавно пѣвддою короля въ Вѣну. Такимъ образомъ задача, принятая на себя Австріею на Балканскомъ полуостровѣ, оказывается далеко не безъ затрудненій; но ободряемая и понуждаемая изъ Берлина, она не можетъ остановиться относительно Черногоріи и Македоніи. Она, какъ мы сказали уже выше, ничто же сумяшлася, рассчитываетъ на содѣйствіе Россіи, а въ то же время агенты ея въ Болгаріи и Румеліи усердно работаютъ надъ подрывомъ популярности и авторитета русскаго имени въ средѣ болгаръ, и работаютъ, надо сказать, далеко безуспѣшно. Въ Болгаріи, такъ недавно еще искупленной русскою кровью, существуетъ уже довольно внятная антирусская партія, которая особенно усилилась, вслѣдствіе одобренія и покровительства, оказаннаго какъ бы Россіей произведенному Живановъ Александромъ противъ-конституціонному перевороту, хотя инициатива этого переворота, насколько это извѣстно, исходитъ вовсе не изъ Петербурга, а именно изъ Берлина и Вѣны. Россія же, по своему обычаю, сыграла имъ въ руку, явно содѣйствовала исполненію ихъ тайныхъ предвѣщаній, чѣмъ и повредила себѣ въ глазахъ известной части болгаръ; между тѣмъ дѣйствительные инициаторы не только остались въ сторонѣ, но дѣло рукъ своихъ обратили въ оружіе противъ Россіи, противъ вліянія которой теперь открыто возстаютъ уже умо-

мгнутая антирусская партия, требующая даже изгнания русских офицеровъ, оставшихся на службѣ въ болгарскомъ войскѣ.

Слишкомъ энергическая дѣятельность Австріи въ послѣднее время по исполненію проекта, о которомъ князь Бисмаркъ бесѣдовалъ во время берлинскаго конгресса съ нѣкоторыми изъ западныхъ дипломатовъ (понимай, съ Андраши и Виконесфильдомъ), въ связи можетъ быть съ впечатлѣніемъ, которое произвело въ Англии совершившее въ минувшемъ сентябрѣ египетскими войсками въ Канѣ провозглашеніе, съ цѣлю освобожденія Египта отъ иностранной, преимущественно англо-французской опеки, послѣдствіемъ котораго былъ извѣстный правительственный переворотъ именно въ этомъ смыслѣ — и было повидимому причиною появленія въ газетѣ «Times» статьи, о которой мы говорили въ началѣ настоящаго обзорія. Эти обстоятельства, можно полагать, и вынудили органъ лондонскаго Сити напомнить, кому слѣдуетъ, что при дѣлѣжкѣ турецкаго медвѣдя и Англии обѣщано ушко въ видѣ Египта, и что теперь именно благовременно позаботиться объ исполненіи этого обѣщанія, такъ какъ этотъ Египетъ возымѣлъ дерзость возмутить о независимости. Только таковыимъ образомъ и можно доискать внезапное появленіе, ни съ того, ни съ сего, загадочной статьи, написанной притомъ весьма темно, очевидно въ расчетъ, что тѣ, до кого она касается, коймутъ и съ полусловъ, о чемъ идетъ рѣчь. Но когда тѣ, въ кому она была адресована, не только притворились непонимающими, но одинъ изъ нихъ началъ подсмѣиваться, а другой начисто отъ всего отрекаться, то англійская газета, какъ и подобаетъ истому Джонъ Булю, заподозрѣвъ, что ея надули, разсердилась на такую недобросовѣстность, поспѣшила разоблачить предъ цѣлымъ міромъ весь комплотъ и вывести своихъ соучастниковъ на чистую воду. Явившаяся на поддержку «Times» оффиціальная англійская газета «Pall-Mall» откровенно высказываетъ, насколько она возмущена бесстыднымъ заширательствомъ Австріи въ намѣреніи ея овладѣть Салоникиами, прямо утверждая, что намѣреніе это, какъ ей, газетѣ «Pall-Mall», положителью извѣстно, предполагалось даже привести въ исполненіе въ самомъ непродолжительномъ времени. Эти разоблаченія англійскихъ газетъ чрезвычайно напоминаютъ извѣстный анекдотъ о ворѣ, выкрывшемъ изъ кармана богатаго человѣка бумажникъ, въ которомъ расчитывалъ поживиться большою суммою, и который, не найдя въ немъ ничего, закричалъ: «меня обобрали!» Крикъ этотъ напомнилъ однако, повидимому, британскимъ министрамъ о существованіи формальнаго берлинскаго трактата, въ которомъ не вошелъ предметъ интимныхъ бесѣдъ князя Бисмарка съ графомъ Андраши и лордомъ Виконесфильдомъ. На днѣхъ телеграфъ принесть намъ извѣстіе, что 16 (28-го) ноября «маркизъ Гартингтонъ произнесъ въ Блэкбернѣ рѣчь, въ которой доказыв-

валъ, что вся Европа, а не какая-нибудь отдѣльная держава, обязана настаивать на выполненіи всѣхъ постановленій берлинскаго договора». За этимъ можетъ послѣдовать пожалуй и повтореніе—«руки прочь»!

Статья газеты «Times» и возникшая по поводу ея полемика въ европейской печати должны принести свою пользу балканскимъ славянамъ обратить ихъ вниманіе на составленный въ Берлинѣ противъ нихъ заговоръ, и заставить ихъ, наконецъ, бросить свои взаимныя дряги, свою политическую неустойчивость, и дружно соменуться для отпора угрожающей имъ общей опасности. Нельзя постоянно всего ожидать отъ Россіи и въ этомъ ожиданіи сидѣть сложа руки; надо-же когда нибудь поработать и самимъ. За мужественной Черногоріей, мы знаемъ, дѣло не станетъ; но другимъ славянскимъ княжествамъ на Балканскомъ полуостровѣ мы посоветовали бы брать примѣръ хоть съ такого небольшого государства какъ Румынія, въ умѣннѣ энергически отстаивать свои права отъ австро-венгерскихъ посягательствъ. Россія—мы все-таки вѣруемъ въ это—конечно не измѣнитъ окончательно своему призванію, своей исторической задачѣ въ славянскомъ мірѣ; но время на время не приходится, обстоятельства порою бывають сильнѣе желанія; а иногда парализуютъ на время и самое желаніе, а обстоятельства эти сложились въ настоящее время для Россіи именно такъ, что ей приходится сосредоточить пока всѣ свои силы на себѣ самой, на своихъ домашнихъ дѣлахъ, въ которыхъ мы и перейдемъ теперь.

Громадная государственная работа совершается въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ. Правительство наше, повидимому, твердо поставило себѣ задачей додѣлать все недодѣланное, исправить всѣ промахи и ошибки, пополнить всѣ недочеты нашей жизни, — и работа эта ведется, повидимому, горячо, настойчиво. По дѣламъ и возможнымъ послѣдствіямъ своимъ, работа эта едва-ли имѣетъ меньшее жизненное значеніе, чѣмъ та, которою ознаменовалось первое десятилѣтіе минувшаго царствованія; но спросите людей, пережившихъ этотъ благодатный періодъ времени, который никто изъ нихъ не забудетъ, конечно, до гробовой доски своей, спросите, говоримъ мы, ихъ, этихъ людей конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, похоже ли то время, начавшееся однако тотчасъ послѣ несчастной для насъ войны, относительно духовнаго настроенія общества и всего русскаго народа, на переживаемое нами теперь время, хотя оно слѣдуетъ за войной, исполненной блистательнаго военнаго торжества нашего? Спросите, повторяемъ, ихъ и каждый изъ нихъ, грустно покачавъ головой, отвѣтите вамъ конечно: «нѣтъ! ничего нѣтъ похожаго!..» Дѣйствительно, ничего нѣтъ похожаго; мы сами пережили и хорошо помнимъ это время. Глядя въ то время на русскихъ людей, можно было подумать, что извѣстный докторъ Оксъ Жюль-Верна сдѣлалъ надъ цѣлою Россіей

тотъ опытъ увеличенія въ воздухѣ дозы кислорода, который онъ, по словамъ остроумнаго рассказчика, произвелъ надъ флегматическимъ полусоннымъ населеніемъ какаго-то Гонюдскаго городка. Все словно ожило, встрепенулось; только еще предполагавшіяся тогда преобразованія, только что начавшіяся по этимъ преобразованіямъ работы воодушевляли всѣхъ, наполняли всѣ сердца вѣрой въ себя и надеждой въ будущее, и подъ вліяніемъ этой вѣры и этой надежды, все въ Россіи зажило какою-то новою, небывалою, широкою жизнью; все съ бодрымъ и здоровымъ духомъ смѣло и весело глядѣло впередъ... И теперь готовятся важныя и благотворныя для государства и народа преобразованія, и теперь идетъ спѣшная подготовительная къ нимъ работа. Но таково-ли теперь духовное настроеніе русскаго человѣка?— Нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Какъ-то кисло и вяло выглядить онъ въ настоящее время; видитъ и сомнѣвается, слышитъ и не вѣритъ; «неужный духомъ», по справедливому выраженію Аксакова, русскій человѣкъ какъ будто «пригнетенъ, пришибленъ» тѣмъ-то; «но безъ одушевленія,—продолжаетъ неменѣе справедливо тотъ же публицистъ («Русь», № 42),—безъ надежды, безъ вѣры въ себя и въ свой трудъ, не только великое дѣло, никакая работа не спорится: дѣланіе лишено творчества, дѣйствіе — безъ воздѣйствія, никого и ничего не живить! А именно одушевленія, смѣлой надежды, вѣры держащей намъ и недостааетъ. Не дадутъ ихъ и не возмѣстятъ ихъ сами по себѣ никакія мѣропріятія, содѣйствующія внѣшнему народному благосостоянію или «упорядочивающія» взаимное соотношеніе пружинъ и колесъ государственнаго механизма. Ибо не о хлѣбѣ единомъ живы народы, какъ и отдѣльныя лица; не вещественная только польза пользуется, и государство не механизмъ, а живой организмъ, которому колеса и пружины правительственной машины служатъ только подспорьемъ и средствомъ. Самый успѣхъ наиразумнѣйшихъ экономическихъ мѣръ зависитъ отъ общаго духа жизни; а слышимъ ли мы, ощущаемъ ли кругомъ себя и межъ насъ могучее вѣяніе духа жизни?.. О, если бы онъ повѣялъ!..»

«Странное что-то содѣялось съ нами. Великая страна—богатырь—какъ будто на положеніи больничнаго «слабосильнаго», и порція ему, богатырю, по положенію, «слабосильная» отпущается, и лечится онъ спертымъ воздухомъ, и рѣчи ведутся воеругъ него не во весь голосъ, а лишь вполголоса, и будто петербургскимъ сѣрымъ, скучнымъ днемъ заволокло всю нашу страну. Безновойно озирается она кругомъ: нѣтъ ли гдѣ возблестанія свѣта,—добраго свѣта, подателя жизни,—но облака все еще не сдвинулись съ неба, еще давятъ духъ.. Принято твердить, и всѣ мы вторимъ, всѣ будто и сами повѣрили, что Россія теперь и бѣдна, и немощна, и вообще въ самомъ позѣ ненадежномъ

состояніи,—что ей теперь впору одно—быть тише воды и ниже травы, пока не оведоровѣтъ... И вотъ, унылые, пристыженные, мы поминутно щупаемъ себѣ пульсъ и тревожно всматриваемся въ зеркало»...

Какъ же произошло это? Что-же съ нами случилось?—Авсаковъ приписываетъ это исключительно, по мѣткому его выраженію, «трижды проклятому» берлинскому трактату. Это несомнѣнно такъ; но неоспоримо также, что это такъ лишь въ связи съ нѣкоторыми предъидущими обстоятельствами, которыя мы и попробуемъ указать адѣсь. Великія преобразованія минувшаго царствованія затронули, какъ извѣстно, довольно существенно имущественные и социальныя интересы господствовавшего до того у насъ сословія—дворянства. Къ чести этого сословія слѣдуетъ сказать, что, не смотря на жертвы, которыя отъ него потребовались, въ большинствѣ своемъ оно искренно примкнуло къ преобразовательному движенію или, по крайней мѣрѣ, сознавая положенную въ основаніе его высшую справедливость, честно подчинилось ему, не признавая нравственно позволительнымъ отстаивать вѣковыя неправды; но за этимъ большинствомъ осталось еще меньшинство, которому, по тѣмъ или другимъ причинамъ, были лубы и дороги эти неправды, которое не желало съ ними разстаться, и въ составѣ котораго было, къ сожалѣнію, не мало людей сильныхъ и вліятельныхъ. Не осмѣлясь столь прямо, открыто, идти въ разрѣзъ великодушнымъ стремленіямъ государя, оно, меньшинство это, повело противъ нихъ атаку окольными путями инсинуаций, оговоровъ, застраиваній и вслѣдствіи ихъ подвоховъ; не имѣя силъ остановить преобразовательную дѣятельность правительства, оно старалось тормозить и затруднять ее, искажать самыя преобразованія, кастрируя, урѣзывая ихъ, сколько возможно, въ деталяхъ и подробностяхъ,—и еще разъ, къ сожалѣнію, благодаря своему вліянію, во многомъ достигло своей цѣли, особенно по реформамъ крестьянской и земской. Когда, при практическомъ приложеніи состоявшихся реформъ къ жизни, начали встрѣчаться по временамъ и мѣстами недоразумѣнія, неизбѣжныя въ бытово-переходномъ положеніи, обычныя въ каждомъ новомъ дѣлѣ, особенно если въ это дѣло успѣла вкратъся жизненная фальшь, тогда сторонники вѣковой неправды, раздувая эти частныя случаи недоразумѣній въ размѣрахъ и придавая имъ ядовитость, которой въ дѣйствительности вовсе не существовало въ нихъ, старались представить ихъ какъ неизбежныя, органическія послѣдствія самыхъ реформъ и какъ наглядныя доказательства справедливости ихъ предсказаній и предостереженій, которыя отвергнуты были въ свое время, но которыя слѣдуетъ принять въ руководство коть теперь, для возможнаго ограниченія этихъ послѣдствій. Эти зловѣщія нашептыванія и выкликанья не остались, къ прискорбію, безъ вліянія и послѣдствій. Подрывая въ самомъ правитель-

ствѣ вѣру въ своевременность и благопотребность реформъ, они нарушали твердый, равномерный ходъ правительственной машины, производя въ немъ колебанія и рѣзкія попятныя движенія. Подобнаго рода неустойчивость колебанія всегда и вездѣ весьма дурно дѣйствуетъ на общественный темпераментъ; теряется спокойствіе духа въ настоящемъ, увѣренность въ будущемъ, водворяется всеобщая неудовлетворенность, какой-то тягостно-гнетущій разладъ, общественный горизонтъ темнѣетъ, сѣуживается общественная атмосфера, сгущается; подобно тому, какъ въ мірѣ физическомъ, и въ мірѣ духовно-общественномъ такія условія жизни почти всегда сказываются въ своихъ послѣдствіяхъ какими нибудь болѣзненными, ненормальными явленіями. Въ нашемъ обществѣ онѣ сказались нигилизмомъ, болѣзью прилипчивою, если не дѣтскою, то юношескою, поражающею преимущественно молодое поколѣніе, неиспытавшее на себѣ того, что было, и потому небывшее въ состояніи оцѣнить, что пріобрѣтено, что есть; поколѣніе, начавшее жить и понимать въ пору наибольшаго возбужденія надеждъ и ожиданій, и потому наименѣе способное помириться съ неполнотою осуществленія этихъ надеждъ, и наиболѣе воспріимчивое къ разочарованію. Болѣзнь эта имѣла весьма ограниченную сферу дѣятельности; она не проникала вглубь, не коснулась сердцевины народа и дѣйствовала почти исключительно въ средѣ интеллигентной молодежи. Мы не будемъ говорить, во-время ли была поджѣчена болѣзнь при самомъ ея появленіи, вѣрно ли была опредѣлена, правильно ли были приняты мѣры и употреблены средства къ ея излеченію, или, наоборотъ, эти средства и мѣры содѣйствовали только ея развитію. Скажемъ только, что болѣзнь, порождаемая вообще спертымъ воздухомъ и недостаткомъ движенія и благопріятствующія ихъ зарожденію медленность кровообращенія и упадокъ пульса, лучше всего излечиваются именно дезинфекціею воздуха и усиленнымъ движеніемъ. Нигилизмъ принадлежалъ именно къ этому разряду болѣзней. Онъ народился въ сгущенной атмосферѣ застою и реакціи, парализовавшихъ начавшееся поступательное движеніе, а отчасти обратившихъ его даже въ уяснительное, послѣдствіемъ чего была угнетенное состояніе общественнаго настроенія и медленное бѣшеніе общественнаго пульса. Все, что могло произвести пертурбацію въ этой атмосферѣ, дать ей необходимое для жизни движеніе, должно было произвести освѣжающее и оздоравливающее вліяніе на общество, и мы имѣли случай два раза испытать это на себѣ. Первый разъ это было въ 1863 году. Достоинно вниманія, что тѣ же люди, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ и наиболѣе вліятельные, яростно вставая противъ всякаго облегченія русской жизни, въ то же время являлись самими необыкновенно либеральными, относительно поляковъ, усердными ревнителями и ходатаями за всякія льготы въ пользу ихъ, пока эти льготы не образо-

вали, наконецъ, пресловутую систему маркиза Велепольскаго, т. е. почти полное восстановление отдѣленной органически отъ Россіи и лишь династически связанной съ нею Польши. Мы уже говорили какъ-то разъ, что непрактичность и заносчивость поляковъ испортило все, столь искусно веденное ихъ дѣло. Ободренныя уступчивостію нашего правительства, они не удовольствовались прибрѣтеннымъ ими положеніемъ, которому могли позавидовать, не говоримъ позванскіе поляки, но даже галиціе. Они пожелали ббльшаго и подняли знамя вооруженнаго восстанія. Сначала восстаніе это не произвело особеннаго впечатлѣнія на наше общество. Оно отнеслось къ нему не только индифферентно, но въ нѣкоторой части своей даже сочувственно, потому; между прочимъ, что тѣ же ходатаи за Польшу увѣрили наше правительство, что никакого восстанія нѣтъ, что существуетъ простое недоразумѣніе, возбуждаемое неумѣлостью и безтактностью русскихъ же людей, занимающихъ высшіе правительственные посты въ Польшѣ и Западномъ краѣ,—и это въ то время, когда въ Варшавѣ совершались шумныя революціонныя демонстраціи и русскіе офицеры и солдаты подвергались публичнымъ оскорбленіямъ на улицахъ. Въ это то время появилась коллективная нота западныхъ державъ въ пользу Польши; это наглое вмѣшательство иностранцевъ въ наше домашнее дѣло, какъ электрическій ударъ, поразило все наше общество и вывело тотъ единодушный взрывъ оскорбленнаго народнаго чувства, который очистилъ, разрядилъ окружающую насъ атмосферу. Все снова ожило, и нигилизмъ съжился, притаялся и замолокъ. Можетъ быть онъ бы исчезъ вовсе, если-бы патриотическое настроеніе общества было поддержано соотвѣствующею внутренней политикою, если-бы эта политика снова смѣло пошла по тому пути, на который она вступила послѣ крымской войны, а сдѣлать это было вполне возможно, потому что и общество, и народъ ясно показали себя достойными полнаго къ нимъ довѣрія. Случилось, какъ извѣстно, наоборотъ. Едва опасность миновала, едва мятежъ былъ раздавленъ, какъ реакція снова подняла свою голову, гнетъ ея сдѣлался еще чувствительнѣе, общество явилось заподозрѣннымъ повѣдомо въ чемъ, и по поводу польскаго мятежа, и по поводу патриотическаго возбужденія; съ реакціей поднялъ голову и нигилизмъ, нашедшій себѣ и уходъ, и поддержку за-границею.

Но вотъ наступилъ приснопамятный 1876 годъ. Съ дальняго запада донесся до насъ стонъ воставшихъ за свои человѣческія права единовѣрныхъ славянъ, избиваемыхъ осатанѣлыми отъ алобы мусульманами, въ глазахъ равнодушной или одобряющей ихъ западной Европы. Донесся къ намъ этотъ стонъ и отозвался во всю, да именно во всю ширину земли русской; но здѣсь мы снова уступимъ мѣсто задушевному слову Аксакова: «Вспомнимъ, говорить онъ, вспомнимъ,

какъ всё мы переѣбились сами, какъ иначе жили въ эти дни всеобщаго, охватившаго Россію помра. Все какъ-то сдвинулось съ своей пошлой обмыной колени. Все пришло въ безпорядокъ, но какой душе-спасительный, благой безпорядокъ! Безпорядокъ чисто наружный, при которомъ ни о какихъ нигилистахъ было и слыхомъ не слышать! Какъ будто ихъ и не бывало! Притихли, попутались.

«Вѣчно памятно будетъ это, во-очію совершившееся нашіе историческаго духа, когда царь въ московскомъ Кремлѣ, къ неожиданности, въ изумленію своихъ министровъ, держалъ (въ октябрь 1876 г.) свою рѣчь къ народу. Царь—человѣкъ исторіи по преимуществу, по преимуществу принадлежащій народу—былъ тогда съ своимъ народомъ едино. Въ ту минуту пали всё средостѣнія. Но они тотчасъ воздвиглись, какъ скоро царь отшелъ въ Петербургъ. И какія муки внутренней борьбы должна была пережить его царственная душа, когда отсюду, все, что его окружало и облегало, принялось осуждать, затруднять, тормозить, разстранять великое зачинавшееся всемірно-историческое дѣло. L'Empereur a subi l'opinion publique de Moscou—«Государь поддался давленію общественнаго мнѣнія Москвы»—твердила бюрократія съ дипломатіею, старалась оправдать, ослабить значеніе неосторожныхъ будто бы кремлевскихъ словъ Русскаго Государя! Война, кровопролитная война, готовилась не при содѣйствіи, а съ противодействіемъ окружавшей среды! Тутъ-то сказался вѣковой разладъ, проявилась та духовная рознь съ народною мыслью и совѣстью высшихъ, руководящихъ, общественныхъ, работвствующихъ предъ западною Европою классовъ, которую не примѣчаютъ современная, яко-бы либеральная интеллигенція».

Сила этого историческаго духа, требованіе исторической задачи взяли, однако, верхъ надъ противодействіемъ работвствующей передъ Европою кляки русскихъ иностранцевъ. Предводимаая царемъ своимъ, Русь еще разъ выступала на выполнение своей исторической задачи, на защиту подавленнаго славянства. Война началась посреди всевозможныхъ помѣхъ и препятствій, которыми западныя друзья и недруги, неслыханнымъ до сихъ поръ образомъ, попирая международное право, постарались окружать дѣйствіе нашей молодой арміи, заранее рассчитывая и радуясь неизбежной для нея при такихъ условіяхъ неудачѣ. Но взятые расчеты и на этотъ разъ, какъ говорить французы, сдѣланы были безъ хозяина; а этотъ хозяинъ былъ все тотъ же неподобный русскій солдатъ, съ его несокрушимою выносливостію, съ его беззаветною отвагою, съ его мужествомъ и стойкостью. Съ этими вѣчными неистощимымъ запасомъ своимъ, онъ перешелъ Дунай, отстоялъ Плевну и Шлябу, перешагнувъ, посреди лютой зимы, неприступныя Балканы, разнесъ въ прахъ турецкія силы, сталъ у воротъ

Царяграда— и тутъ былъ отданъ на посильнѣе вратамъ Россіи! Та же духовная рознь съ народною мыслью и совѣстью рабобѣдствующей передъ западною Европою клики, о которой говоритъ Аксаковъ, отняла у Россіи и положила къ ногамъ этой Европы все добытое безпримѣрными подвигами и кровавыми трудами русскаго солдата! «Не хватило вѣры въ самихъ себя, говоритъ Аксаковъ,—въ свое призваніе, не достало духу, не достало силы народнаго самосознанія. Восемь вѣсѣцевъ стоять побѣдителямъ у воротъ Константинополя и потомъ отступить, оставивъ еще миліоны христіанъ въ рукахъ побѣжденнаго ислама,—затѣмъ, сѣсть на свамью надеждимыхъ и половить свергонный русскимъ народомъ, его кровью и достоиніемъ педвигъ во главу угла враждебной намъ и православнымъ славянамъ западно-европейской политики, въ основу порабощенія Балканскаго полуострова австрійцами. Неужели можно было думать, что такое нравственное паденіе Россіи не произведетъ въ ней убійственной деморализаціи? Только деморализаціи и можно было ожидать при той дисциплинѣ нашихъ войскъ и народа, которая устраняла возможность другой развязки. Самая тяжелая, самая кровопролитная изъ войнъ окончилась безъ торжества, безъ утѣшенія славы, безъ радости для народа. Недоумѣлый, онъ не праздновалъ мира, котораго такъ напряженно, но терпѣливо ждалъ. Понизъ онъ духомъ, смутился мыслью. Поруганы были самыя лучшія, самыя святая движенія его души. Солтали, видно, ему всѣ эти страстные порывы, эти прекрасныя увлеченія! Потоптано, поправо все, чему мы еще недавно такъ пламенно поклонились! Напрасно думаютъ, справедливо замѣчаетъ по поводу статьи Аксакова «Новое Время» (№ 2056), что народъ не знаетъ о берлинскомъ трактатѣ, что разочарованіе не коснулось его, что онъ ничего не слышалъ о позорѣ Россіи. Народъ не только знаетъ все это, но, по словамъ «Руси», память народная никогда не забудетъ, кто былъ со стороны Россіи соорудитель и радѣтель этого трактата.

Такимъ образомъ, и второй случай, который могъ и долженъ былъ оживотворить Россію, на долгу пропалъ даромъ. Нѣтъ! хуже того! Онъ придавилъ, придушилъ еще болѣе ея энергію. Европа не скрывала торжества своего надъ Россією, радости своей по случаю ея униженія. Триумфаторомъ воротился Виконфилдъ въ Лондонъ. Пептъ шумно чествовалъ своего Андраши. Нѣмецкая печать славословила мудрость своего канцлера, сьумѣннаго разстроить всѣ панславистскіе замыслы Россіи, которую осмѣляли азвительными насмѣшками и требовали еще отъ нея благодарности къ Германіи. Даже одураченный въ Берлинѣ Вашингтонъ толковалъ въ французскомъ парламентѣ о томъ, что Франція исполнила въ Берлинѣ свою великую миссію на востокъ, обративъ успѣхи Россіи въ пользу грековъ

и отстоявъ, по возможности, права султана. И все это русский человек слышалъ, видѣлъ и долженъ былъ глотать. Не мудро, что онъ сталъ самъ не свой, захандрилъ и чтобы на комъ и на чемъ нибудь сорвать свое сердце, принялся ругать интендантскаго чиновника, крича: «распиши, распиши его!» Какъ будто онъ не пустилъ нашу армію въ Константинополь и заключилъ берлинскій трактатъ; а были и такіе, которые не шута утверждали это. Подъ вліяніемъ тяжелаго разочарованія, сильнѣе почувствовались и внутренніе недочеты. Безнадежность, апатія и недовольство охватили все общество. Общественная почва вздобрилась, какъ никогда, для всякихъ болѣзненныхъ явленій «и вытѣзъ снова изъ своихъ норъ обрадовавшійся нигилизмъ, говоритъ «Русь»,— и дожили мы до вѣщшаго поворота, и посрамилась наша земля несмысланными въ мірѣ злодѣяніями, стала чуть не притчею во языцѣхъ»...

Да, тяжкій, непоимѣрно тяжкій урокъ еще разъ дала намъ исторія, и нельзя не согласиться съ публицистомъ «Новаго Времени» (№ 2056), что «забвеніе своихъ интересовъ, уступка тѣхъ выгодъ, которыя приобрѣтены народною кровью, никогда не ведетъ къ добру. Даже во времена менѣе просвѣщенныя, чѣмъ наше, во времена, когда не было ни газетъ, ни телеграфовъ, когда существовало крѣпостное право и не было даже такой вѣшной связи между разными слоями населенія, какъ теперь,—даже въ тѣ времена, отстраненіе отъ своего родного, пожертвованіе своими интересами, неблагопріятно отзывалось на внутренникъ дѣлахъ. Вспомнимъ «Записки» декабристовъ. Желая оправдать себя въ глазахъ потомковъ, они указывали между причинами своего неудовольствія на то, что свои русскіе интересы были приносимы въ жертву Европѣ, что русский народъ проливалъ свою кровь для спасенія то Франціи, то Пруссіи, то Австріи, что Польшу отличили передъ Россією».

«Но уже брезжить свѣтъ, занимается заря»... говоритъ въ заключеніе Аксаковъ.—Да будетъ по глаголу его!.. Мы знаемъ, что въ правительствѣ нашемъ идутъ, въ настоящее время, громадныя, значительныя работы по всѣмъ почти главнѣйшимъ вопросамъ внутренней жизни Россіи, что надъ вопросами этими работаетъ нѣсколько комиссій и что—обстоятельство немаловажное—комиссія эти, на этотъ разъ, не будутъ, кажется, могилами порученныхъ имъ вопросовъ или, по крайней мѣрѣ, не обратятъ ихъ въ консервы на безсрочное время, какъ это у насъ обыкновенно дѣлалось разными комиссіями. Знаемъ также, что почти по всѣмъ этимъ работамъ въ помощь правительству приваиваны и земскіе люди. Говоря отъ всей души: «Вотъ въ помощь!» всѣмъ этимъ работамъ и работникамъ, не можемъ не высказать нашего мнѣнія, что всѣ эти работы тогда только будутъ истинно плодотворны, когда онѣ создадутъ не разрозненныя, противорѣчивыя, взаимно

препирающіяся учрежденія и положенія, а составятъ стройную, точно опредѣленную и согласованную во всѣхъ частяхъ государственную систему, не окаменѣлую и неподвижную, какъ китайщина, а, напротивъ, обладающую самою широкою способностью къ развитію и совершенствованію по требованію времени и обстоятельствъ; систему прочную и неизбѣжную въ основныхъ началахъ своихъ, которыя не колебались бы изъ стороны въ сторону при всякомъ дуновеніи вѣтра, всякой случайности, всякаго производа, всякаго увлеченія или раздраженія минуты. Нѣтъ ничего болѣе деморализующаго, какъ отсутствіе вѣры въ неизбѣжность ограджающей силы закона, неувѣренность въ своемъ правѣ, невѣдѣніе, что будетъ завтра, гнетущая зависимость отъ случайностей, и ничто такъ не подрываетъ этой вѣры и увѣренности, какъ частыя колебанія въ правительственной системѣ, внезапные переходы отъ одного направленія къ другому, отъ однихъ началъ къ другимъ, какъ безпрестанныя ломки только что построеннаго, для того, чтобы начинать строить снова, причемъ и новая постройка ничѣмъ не гарантирована, что и она не подвергнется завтра такому же слоуму. Разъ, такая стройная и прочно опредѣленная система государственнаго строя будетъ создана, останется только, подъ покровомъ верховной самодержавной, единственно свойственной Россіи исторической власти, вызвать къ совѣстному труду всю народную силу, направить ее всю къ одной цѣли—общему благу, приучить къ самодѣятельности и самопомощи, и для того дать просторъ ея дѣятельности, возможность проявить себя, и не ослаблять ее дѣленіемъ на два взаимно препирающіеся и взаимно парализующіе себя лагера земщины и опричнины, подъ какими бы названіями они ни являлись. Но этимъ не исчерпывается еще наше пожеланіе. Совершающаяся, въ настоящее время, государственно-зидательная работа будетъ не додѣлана и система, которую мы бы желали, будетъ не полна, если она не будетъ ограждена неуклонною, строгою, до исключительности, національною политикою. При такомъ порядкѣ вещей, самодержавная власть русскаго Царя достигнетъ высшей степени истинной силы и величія. Пребывая въ непосредственномъ единеніи съ народомъ, непосредственно опираясь, путемъ представительства, на всю могучую толщу его, онъ явится истиннымъ державнымъ воплощеніемъ народной силы во всей ея совокупности. «Все съ народомъ и для народа и ничего безъ народа и не для него!» должно быть девизомъ нашей внутренней политики. «Россія для русскихъ и только для русскихъ!» должно быть девизомъ внѣшней политики. Тогда скоро пройдутъ и всѣ наши лихія болѣсти. Не останется почвы ни нигилизму, ни анархіи; не повторятся ни вѣнскій, ни берлинскій конгрессы. Да будетъ такъ!

Переходя къ текущимъ событіямъ, слѣдуетъ указать, что къ числу комисій, разрабатывающихъ, въ настоящее время, разные государственные вопросы, въ минувшемъ мѣсяцѣ прибавилась еще одна и весьма важная по своему предмету. Мы говоримъ о высочайше утвержденной недавно комисіи, подъ предѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, для составленія проектовъ организаціи мѣстнаго управленія. Въ составъ комисіи, по высочайшей волѣ, войдутъ, между прочимъ, и всѣ сенаторы, ревизовавшіе, въ 1880 и настоящемъ году, нѣкоторые губерніи. Сверхъ того, предѣдателю предоставлено право, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, приглашать въ комисію мѣстныхъ свѣдущихъ людей и вообще всѣхъ лицъ, участіе которыхъ не только въ разсмотрѣніи, но въ разрѣшеніи вопросовъ признано будетъ полезнымъ, а также требовать и отъ всѣхъ вѣдомствъ необходимыя дѣла и свѣдѣнія. Самые проекты должны будутъ выработываться по програмѣ, которая имѣетъ быть разсмотрѣна въ комитетѣ министровъ. Задача, возложенная на комисію, представляетъ, какъ мы уже сказали, первостепенную важность по своему значенію и послѣдствіямъ — это измѣненіе почти всего, нынѣ существующаго государственнаго строя, исключая центральныхъ управленій, слѣдовательно, администраціи, земскаго и городского самоуправленія и крестьянскихъ учрежденій. Извѣстно, что въ то время, какъ два послѣдніе фактора мѣстнаго управленія, втеченіи минувшаго царствованія, подверглись коренному преобразованію, первый сохранилъ почти тотъ видъ, какимъ онъ созданъ былъ положеніемъ о губерніяхъ императрицы Екатерины II, лишь съ нѣкоторыми частными перемѣнами, вызывавшимися разновремено, внѣ всякой системы, различными требованіями жизни. Понятно, что при такомъ различіи въ основныхъ началахъ, при такомъ сочетаніи стараго съ новымъ, въ обязательномъ для всѣхъ трехъ факторовъ взаимнодѣйствіи, недостатокъ страннаго согласованія неизбежно долженъ былъ вызывать столкновенія, пререканія и антагонизмъ, которые весьма вредно отражались, какъ на общей, такъ и на частной дѣятельности каждаго изъ указанныхъ факторовъ. Недостатки внутренняго управленія губерніи были сознаны еще покойнымъ императоромъ Николаемъ I, которымъ, въ 1852 г., учреждена была при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особая комисія для разработки проекта новаго устройства мѣстнаго управленія. При началѣ преобразовательной дѣятельности минувшаго царствованія, комисія эта, собравшая массу матеріаловъ, въ 1859 году была преобразована и, съ нѣкоторыми измѣненіями въ составѣ, просуществовала до настоящаго времени, подъ именемъ комисіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, когда, съ учрежденіемъ комисіи, подъ предѣдательствомъ тайнаго совѣтника Каханова, ее повелѣно закрыть. Дѣйствуя съ переры-

вами, комисія 1859 г. издала нѣкоторыя отдѣльныя законоположенія по устройству полиціи и губернскихъ правленій, не измѣнившихъ въ существѣ прежней системы мѣстнаго административнаго управленія, и единственнымъ капитальнымъ плодомъ трудовъ ея было положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Масса драгоценныхъ матеріаловъ, которые отъ прежней комисіи достанутся новой, увеличатся въ послѣдней новыми, болѣе свѣжими, добытыми сенаторскою ревизією, а сверхъ того, по вопросамъ, касающимся земства и крестьянскихъ учреждений, и множествомъ постановленій губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и земскихъ собраній. Разобраться со всею этою массою матеріаловъ потребуетъ, конечно, не мало труда и времени. Желательно, однако, чтобы время это не было безгранично, какъ у прежнихъ комисій. Необходимость прекратить настоящее хаотическое состояніе мѣстнаго управленія, привести его въ систематическое единство и согласіе настолько настоятельно, что надолго откладывать преобразование этого управленія положительно невозможно.

Изъ существующихъ комисій окончила свою работу и комисія по пересмотру нашей военной организаціи, бывшая подъ предсѣдательствомъ графа Коцебу, и выводы ея переданы уже въ другую комисію, долженствующую составить проекты новой организаціи военного вѣдомства. Оканчиваетъ также возложенное на нее порученіе и комисія по желѣзнодорожному дѣлу въ Россіи, подъ предсѣдательствомъ графа Баранова. Составленный этою комисією проектъ полнаго систематическаго законоположенія для нашихъ желѣзныхъ дорогъ, подвергнуть, въ настоящее время, окончательному, такъ сказать, провѣрочному просмотру въ главной комисіи и, какъ слышно, къ концу года будетъ внесенъ на обсужденіе и утвержденіе въ высшее правительственное учрежденіе. О трудахъ обѣихъ этихъ комисій, мы надѣемся поговорить впоследствии. Окончили свое дѣло и свѣдущіе земскіе люди, по крайней мѣрѣ, по питейному вопросу. Что касается до вопроса о переселеніи, то рѣшеніе его, постановленное въ совѣщаніи свѣдущихъ людей, какъ мы слышали, требуетъ еще нѣкотораго пересмотра и окончательной редакціи, которая отложена до будущаго года. Результаты трудовъ совѣщанія не имѣютъ, какъ извѣстно, рѣшающаго характера. Въ качествѣ разработаннаго матеріала они должны поступить на обсужденіе высшихъ правительственныхъ сферъ, отъ которыхъ и будетъ уже зависѣть послѣднее слово. Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что земскіе люди отнеслись къ порученному имъ правительствомъ дѣлу вполне добросовѣстно и съ замѣчательною выдержкою. Не уносясь въ эмпирию желательнаго и не гоняясь за журавлями въ небѣ, они совершенно разумно предпочли удержать хотя синицу, да въ рукахъ своихъ, и все время оставались на строго-прагматической почвѣ, не вы-

ходя изъ очерченныхъ ими предѣловъ, и своимъ тактомъ и выдержкою дали, конечно, правительству вполне достаточное основаніе и впередъ обращаться къ землѣ за содѣйствіемъ въ разрѣшеніи вопросовъ, имѣющихъ для нея бытовое значеніе. Теперь, когда работа свѣдущихъ земскихъ людей почти закончена ими, «Русская Рѣчь», въ одной изъ ближайшихъ книжекъ своихъ, не замедлитъ познакомить читателей съ своимъ взглядомъ на эту почтенную работу во всей ея совокупности, отчего она воздерживалась до сихъ поръ, считая всякія предрѣшенія преждевременными и нецѣлесообразными. Заканчивая этимъ нашу настоящую и послѣднюю бесѣду съ читателями въ истевающемъ году, не можемъ, съ грустью, не вспомнить какими свѣтлыми надеждами мы привѣтствовали его наступленіе въ концѣ прошлаго года, и какъ ужасно обмануль онъ эти надежды.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

ВЪ ОБЛАСТИ ЭНТОМОЛОГИИ.

МУХИ-ЛЮДОВДКИ¹⁾.

Мы уже имѣли случай бесѣдовать съ читателями нашего журнала о вредныхъ насѣкомыхъ, но предметъ этихъ бесѣдъ составляли насѣкомыя, приносящія косвенный вредъ человѣку, истребляющія продукты его сельскаго хозяйства. Существуютъ, какъ извѣстно, насѣкомыя, приносящія прямой вредъ человѣку, и между ними наиболѣе опасныя принадлежатъ къ порядку двукрылыхъ, это именно мухи-людоедки. Объ этихъ мухахъ извѣстно еще очень мало, но и то, что извѣстно и что недавно было пополнено новѣйшими наблюденіями, вполне заслуживаетъ вниманія. И мы надѣемся, читателямъ нашего журнала будетъ не безынтересно ближе ознакомиться съ относящимися сюда фактами, тѣмъ болѣе, что факты эти далеко не отличаются такою популярностью, какую они вполне заслуживаютъ.

Среди насѣкомыхъ, какъ знаетъ каждый, существуетъ не мало такихъ, которыя ведутъ паразитный образъ жизни; онѣ вѣдряются въ тѣло животнаго и питаются его соками. Въ большинствѣ случаевъ это паразитное существованіе ограничивается первымъ періодомъ развитія насѣкомаго, когда оно находится въ состояніи личинки. Сюда

---

¹⁾ «La Nature», № 427, 1881, «Une mouche qui donne la Mort». Gaea, Cechtes Heft, 1881, «Menschenfressenden Fliegen», von Dr. w. Cubasch. Керби и Спозь, «Естественная исторія насѣкомыхъ».

напримѣръ, относятся всё насѣкомья, которыя кладутъ свои личинки въ тѣло нашихъ домашнихъ животныхъ.

Кто не слышалъ о бычачьемъ оводѣ и тѣхъ мученіяхъ, которые причиняетъ онъ рогатому скоту. «Въ известное время года, цѣлыя стада коровъ, объятія какимъ-то паническимъ страхомъ, поднявъ хвосты въ воздухъ, или закинувъ ихъ на спину, или вытянувъ прямо назадъ, по направленію спиннаго хребта, скачутъ по пастбищамъ, оглашая окрестности отчаяннымъ ревомъ и нигдѣ не находя себѣ мѣста, пока не забѣгутъ въ воду. Тутъ наружный видъ ихъ и всё движеніе представляются намъ до того странными, неуклюжими и неестественными, что мы готовы скорѣе посмѣяться надъ бѣдными животными, чѣмъ пожалѣть о нихъ въ этомъ, очевидно ужасномъ и бѣдственномъ ихъ положеніи».

Такими словами описываетъ одинъ натуралистъ тревогу и смятеніе, причиняемая рогатому скоту бычачьимъ оводомъ, помогающимъ положить свои яички въ кожу животныхъ. И это удается ему, не смотря на всё отчаянные прыжки послѣднихъ. Оводъ настаиваетъ свою жертву, прокалываетъ кожу животнаго особеннымъ органомъ (сверлиломъ), помѣщающемся въ брюшкѣ насѣкомаго, и кладетъ въ образовавшуюся ранку свои яички. Здѣсь изъ этихъ яичекъ развиваются личинки, которыя находятъ подъ кожей животнаго достаточное количество питательныхъ соковъ.

Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что хотя оводы и сильно беспокоятъ рогатый скотъ, но не приносятъ ему особеннаго вреда; все ограничивается образованіемъ болѣе или менѣе значительныхъ подкожныхъ опухолей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежатъ личинки.

Когда наступаетъ время превращеній, личинки выходятъ изъ своихъ гнѣздъ на свободу, падаютъ на землю и здѣсь переходятъ въ куколки, изъ которыхъ затѣмъ уже развивается совершенное двукрылое насѣкомое—бычачій оводъ.

Лошади, какъ известно, также не мало страдаютъ отъ другаго болѣе крупнаго вида—овода лошадинаго. Но это насѣкомое не прокалываетъ, подобно предъидущему, кожу своей жертвы, оно поступаетъ иначе: оно кладетъ яички, покрытыя липкимъ веществомъ, на такія части тѣла лошади, до которыхъ послѣдняя можетъ достать языкомъ. «Такимъ образомъ бѣдное животное безсознательно вводитъ въ крѣпость своего тѣла войска заклятыхъ своихъ враговъ», или, проще говоря, слизываетъ съ волосъ положенныя оводомъ яички и проглатываетъ ихъ вмѣстѣ съ слюною.

Въ желудкѣ яички развиваются въ личинки, проходятъ дальше въ кишки и питаются здѣсь насчетъ соковъ своей жертвы, причиняя вмѣстѣ съ тѣмъ животному значительное беспокойство. Но въ осо-

бенности лошади страдаютъ отъ овода, который кладетъ свои яички на губы животного, «производя при этомъ такое нестерпимое щекотаніе, что бѣдная скотина едва выносить страшную пытку».

Не менѣе рогатаго скота и лошадей страдаютъ отъ овода-овцы. Почуя эту муху, овцы тотчасъ же приходятъ въ смятеніе, кидаются изъ стороны въ сторону, бьютъ передними ногами, мотають головою или, столпившись въ ямахъ, упираются мордою въ землю, словомъ, всячески стараются помѣшать преслѣдующему ихъ оводу, положить свои яички въ ихъ ноздри. Но, само собою разумѣется, назойливая муха, въ концѣ концовъ, беретъ свое; не смотря на всѣ бѣснованія животного, она улучшаетъ моментъ и кладетъ яички въ ноздри овцы. Отсюда разившіяся изъ яичекъ личинки проникають въ голову, питаясь въ лобныхъ и челюстныхъ пазухахъ выдѣляющеюся здѣсь слизью.

Нерѣдко личинки проникають даже въ самый мозгъ животного, причиняя извѣстную болѣзнь—вертячку, отъ которой обыкновенно овца издыхаетъ. Такъ одинъ натуралистъ при вскрытіи мозга овцы, издохшей отъ названной болѣзни, нашелъ въ немъ три личинки овечьяго овода, а позади личинокъ—пузырь, наполненный водянистою жидкостью.

Но нападая на домашнихъ животныхъ, эти дерзкія мухи не оставляють въ покоѣ и владѣльца ихъ—человѣка; онѣ иногда избирають и его тѣло для кладки своихъ яицъ. Извѣстно, на примѣръ, существованіе человѣческаго овода. Изъ всѣхъ оводовъ, это самый мелкій видъ; величиною онъ не превосходитъ обыкновенную комнатную муху, но отличается отъ послѣдней бурнымъ цвѣтомъ. Онъ нападаетъ на человѣка и, улучивъ удобную минуту, кладетъ свои яички въ его кожу, вызывая тѣмъ самымъ нарывы, сопровождаемые сильною, жгучею болью. Развившіяся изъ яичекъ личинки, если ихъ потревожатъ, проникають все глубже и глубже въ тѣло и нерѣдко служатъ причиною смерти.

Даже бычачій оводъ иногда нападаетъ на человѣка. Извѣстенъ, на примѣръ, случай съ одною женщиною, въ десна которой, когда она спала съ полуоткрытымъ ртомъ, оводъ положилъ свои яички; личинки проникли въ самую челюсть и несчастная, въ концѣ концовъ, умерла. Личинки обыкновенной мясной мухи также иногда «проникають внутрь нашего тѣла, питаются нашимъ мясомъ или пролагають себѣ путь далѣе, во внутренніе органы».

Рассказываютъ объ одномъ нищемъ, который имѣлъ привычку класть избытокъ оставшейся у него пищи за пазуху, между рубашкою и тѣломъ. «Однажды, храня значительный запасъ помѣщенной такимъ образомъ провизіи, онъ почувствовалъ себя не хорошо и прилегъ въ полѣ; тутъ вскорѣ, отъ стоявшей въ то время

теплой погоды (дѣло происходило въ среднихъ числахъ іюня), находившееся при немъ мясо испортилось и гнилой запахъ его привлечь мухъ, которыя напали не только на мясо, но и на живое тѣло безпомощнаго больнаго. Когда несчастнаго случайно нашли сосѣдніе жители, онъ былъ до того изъѣденъ червями, что гибель его казалась неминуемою. Очистивъ, насколько было возможно, тѣло нищаго отъ червей, его отправили въ ближайшій городъ и тотчасъ же послали за медикомъ, который тутъ же объявилъ, что несчастный находится въ такомъ состояніи, при которомъ смерть его послѣдуетъ вскорѣ за тѣмъ, какъ очистить отъ червей его тѣло. Такъ дѣйствительно и случилось, нищій только нѣсколькими часами пережилъ операцію. Въ то время, какъ его нашли, и потомъ, когда его осматривалъ врачъ, онъ представлялъ въ высшей степени ужасное зрѣлище: огромные бѣлые черви ползали снаружи его тѣла, страшно ими обезображеннаго. По снятіи накожныхъ червей видъ его былъ еще ужаснѣе.

Подобный же несчастный случай извѣстенъ съ однимъ трапичникомъ, 50 лѣтъ, котораго нашли въ одной изъ канавъ Парижа и перенесли въ госпиталь Санъ Луи. Кожа на головѣ несчастнаго оказалась покрытою безчисленнымъ множествомъ припухлыхъ язвъ, изъ которыхъ сочилась слизь и выступали черви. Изъ носа, ушей и изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ также выползали черви, а когда вѣки были приподняты—глазныя яблоки оказались въѣденными и въ пустыхъ, глазныхъ впадинахъ бопошились черви! И этотъ человекъ еще жилъ! Онъ умеръ, заживо съѣденный личинками мясныхъ мухъ!

Было бы однако напрасно думать, что только въ указанныхъ условіяхъ личинки мухъ губельны для человѣка.

Само собою разумѣется, нищета и грязь составляютъ самыя неблагоприятныя условія для развитія паразитныхъ насѣкомыхъ въ человѣкѣ; но для личинокъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, условія эти во всякомъ случаѣ не единственныя. Достаточно припомнить сообщенный выше случай съ женщиною, въ десны которой бычачій оводъ положилъ свои яички, а подобные случаи весьма нерѣдки.

Въ Ямайкѣ есть большая синяя муха, съ особенною назойливостью преслѣдующая горячечныхъ больныхъ; она постоянно увивается и жужжитъ около нихъ, и если больные спятъ или дремлютъ съ раскрытымъ ртомъ, сидѣлкамъ стоитъ много труда отгонять этихъ мухъ, чтобы воспрепятствовать насѣкомому положить свои яички въ уши, носъ, ротъ или десны больнаго. Бывали случаи, что больные, оправившіеся отъ горячки, становились затѣмъ жертвою личинокъ синей мухи, проложившихъ себѣ путь изъ рта или носа несчастнаго въ полость черепа и мозгъ.

Въ виду изложенныхъ здѣсь фактовъ, читатели наши не затруд-

нятся, конечно, допустить возможность нападенія двукрылыхъ паразитовъ и на другихъ больныхъ, помимо горячечныхъ, и они будутъ правы. Такъ, по словамъ одного военнаго врача французской колоніи въ Америкѣ, въ оспинахъ больнаго оспою негра было обнаружено громадное количество личинокъ, которыя выползали изъ нарывовъ каждый разъ, когда ихъ тревожили.

Но не одни больные, и здоровые люди также нерѣдко становятся жертвою личинокъ мухъ. Докторъ Ривъ сообщаетъ объ одномъ своемъ пациентѣ, сильно страдавшемъ нѣкоторое время, который однако почувствовалъ полное облегченіе послѣ рвоты, сопровождавшейся изверженіемъ значительнаго количества личинокъ мухи, весьма нерѣдкой въ комнатахъ. Несомнѣнно, яички, изъ которыхъ развились эти личинки, были введены въ желудокъ больнаго вмѣстѣ съ пищею, съ хлѣбомъ, на который могла положить ихъ муха, или съ недостаточно хорошо вымытою зеленью (салатъ).

Такъ или иначе, но случай этотъ указываетъ на замѣчательную живучесть личинокъ, на которыхъ не оказываетъ дѣйствія даже растворяющая сила желудочнаго сока. Къ несчастію, однако, подвергнутые нападенію личинокъ не всегда такъ легко отдѣлываются отъ нихъ. Введеніе яичекъ въ желудокъ далеко не такъ опасно, какъ въ ротъ, уши или носъ; въ послѣднемъ случаѣ личинки легко могутъ убить человѣка, проникнувъ въ мозгъ, или на всю жизнь изуродовать самымъ ужаснымъ образомъ.

Докторъ д'Астрозъ передаетъ объ одной женщинѣ, на которую, во время сна ея на открытомъ полѣ, напали мухи и положили свои личинки въ носъ. По истеченіи первыхъ трехъ дней женщина эта стала чувствовать какую-то неопредѣленную боль во лбу, нѣчто въ родѣ ломоты, сопровождаемой сильнымъ зудомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ей казалось, что она слышитъ исходящій изъ болеваго мѣста шумъ, подобный тому, который производятъ древооточы. Въ послѣдующіе за тѣмъ два дня у больной открылось сильное кровотеченіе носомъ, изъ котораго вышло болѣе ста личинокъ! Несчастливая вскорѣ умерла.

Изъ числа этихъ ужасныхъ двукрылыхъ паразитовъ, гнѣздящихся въ тѣлѣ человѣка, наиболѣе опасный водится въ Кайенѣ, гдѣ онъ извѣстенъ подъ спеціальнымъ именемъ мухи-людоедки. Длинною эта муха около девяти миллиметровъ, стало бытъ немногимъ больше обыкновенной, комнатной; голова у нея большая, блестящаго золотистаго цвѣта, ноги короткія, крылья прозрачныя и только у основанія нѣсколько дымчатя; по формѣ она напоминаетъ нашу обыкновенную мясную муху. Словомъ, ея внѣшній видъ не внушаетъ никакого опасенія и трудно было бы допустить, чтобы эта ничтожная тварь орав-

дывала свое страшное названіе людоедки. А между тѣмъ такъ оно въ дѣйствительности.

Эта муха съ замѣчательною назойливостью преслѣдуетъ человѣка, и страшныя мученія, нерѣдко завершающіяся смертью, ожидаютъ того, кто допуститъ людоедку положить въ носъ или уши лички. Быстро развивающіяся личинки, не довольствуясь слизью, выдѣляемою изъязвленіями носовой или ушной полости, пожираютъ мягкія здоровыя части органа, проникая все болѣе и болѣе въ глубь.

Докторъ Кокерель приводитъ множество случаевъ ужасной смерти отъ личинокъ мухи-людоедки. Въ началѣ, больные чувствуютъ неопредѣленный зудъ въ носу; зудъ, постепенно усиливаясь, становится наконецъ нестерпимымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, появляются ломоты въ головѣ; носъ все болѣе и болѣе опухаетъ, покрывается нарывами, изъ которыхъ выходятъ личинки; на лицѣ часто развивается рожистое воспаленіе; болѣзненное раздраженіе головного мозга вызываетъ нервныя припадки.

Послѣдовательное разрушеніе носа, глазныхъ яблокъ, внутреннихъ мягкихъ частей рта, составляетъ обычное слѣдствіе этого пожирания живемъ несчастнаго, ставшаго жертвою ужасныхъ личинокъ людоедки; встрѣчались больные съ обнаженными костями нижней челюсти, мягкія части которой были съѣдены червями. Изъ шести случаевъ, сообщаемыхъ другимъ докторомъ изъ Кайены, трое больныхъ умерли, двое лишились носовъ, а третій отдѣлался измѣненіемъ формы этого органа.

И что еще болѣе усиливаетъ опасность нападенія мухи-людоедки, это крайняя живучесть ея личинокъ: сильныя химическія реактивы не оказываютъ на нихъ почти никакого дѣйствія. Напримѣръ, употребленіе такихъ веществъ, какъ хлороформъ, терпентинное масло и соляная кислота не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; личинки, положенныя въ хлороформъ, погибали только по истеченіи очень продолжительнаго времени, терпентинное же масло оказалось совершенно не дѣйствительнымъ.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ упомянуть еще объ одномъ недавнемъ случаѣ, сообщенномъ изъ Америки докторомъ Конель. Молодая дѣвушка почувствовала нестерпимый зудъ въ носу, постоянно усиливавшійся; вмѣстѣ съ тѣмъ, обоняніе ея стало до крайности острымъ, ничтожный запахъ невыносимо раздражалъ больную. Врачъ, въ которому она обратилась за помощью, сталъ лечить ее отъ рака въ носу; болѣзнь однако не проходила, а напротивъ, быстро возрастала. И только когда у больной сильно пошла носомъ кровь и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ носу вышло около 80-ти личинокъ мухи, подобной только что описанной, причина болѣзни объяснилась, но было уже поздно: нѣко-

тория изъ личинокъ успѣли проложить себѣ путь къ мозгу и несчастная вскорѣ умерла.

Случаи, подобныя разсмотрѣннымъ выше, можно было бы, значительно умножить, но мы не станемъ болѣе утомлять ими нашихъ читателей; и предъидущихъ примѣровъ, полагаемъ, совершенно достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ прямомъ вредѣ, который причиняютъ иногда человѣку личинки нѣкоторыхъ двукрылыхъ насекомыхъ. Изъ числа многочисленныхъ бѣдствій, которыми обязанъ человѣкъ прожорливымъ насекомымъ, это если, къ счастью, и не одно изъ наиболѣе распространенныхъ, то, во всякомъ случаѣ, одно изъ наиболѣе тяжелыхъ, и потому, повторяемъ, намъ казалось не бесполезнымъ познакомить читателей съ соответствующими фактами и показать, что особенно довѣрчиво относиться къ двукрылымъ насекомымъ далеко небезопасно. Правда, многіе изъ нихъ безвредны; правда также, что обыкновенная комнатная муха не столько опасна, сколько докучлива своею назойливостью; но не слѣдуетъ забывать, что есть и такіа мухи, которыя ищутъ положить свои яички въ тѣло человѣка.

Спать лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, съ непокрытымъ лицомъ— дурная привычка, за которую иногда можно очень тяжело поплатиться. Мы уже не говоримъ, какъ безразсудно поступаютъ нѣкоторыя матери и няни, дозволяя нерѣдко цѣлому рюу мухъ увиваться около личика соннаго малютки...

Эльпе.

ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОМЕОПАТИЧЕСКИЙ КОНГРЕССЪ.

Въ послѣднихъ числахъ іюня текущаго года въ Лондонѣ состоялся второй международный конгрессъ врачей-гомеопатовъ. Въ 1876 году впервые возродилась мысль, въ средѣ научныхъ представителей гомеопатіи въ Сѣверной Америкѣ, создать связь между всѣми товарищами-гомеопатами во всѣхъ странахъ свѣта, посредствомъ устройства междунаrodnыхъ конгрессовъ; пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что филладельфійская всемірная выставка привлекала многихъ посѣтителей изъ Европы въ Америку, врачи-гомеопаты Соединенныхъ Штатовъ созвали первый международный гомеопатическій конгрессъ въ Филладельфіи, на первую недѣлю іюля мѣсяца. Конгрессъ этотъ состоялся подъ предсѣдательствомъ доктора *Caroll Dunham'a*, извѣстнаго своими многочисленными трудами на поприщѣ гомеопатической литературы. Участіе европейскихъ гомеопатовъ на этомъ конгрессѣ было не очень велико, по причинѣ весьма значительныхъ затрудненій, представляемыхъ такимъ дальнимъ путешествіемъ. Поэтому на этомъ конгрессѣ было рѣшено созвать второй конгрессъ въ Лондонѣ на 1881 годъ.

Всѣмъ гомеопатическимъ обществамъ, существующимъ на свѣтѣ, уже въ концѣ прошлаго года было послано изъ Лондона приглашеніе принять участіе въ этомъ конгрессѣ, какъ назначеніемъ представителей для участія въ занятіяхъ конгресса, такъ и присылкою ученыхъ работъ по фармакологіи и терапіи, а также и статистическихъ свѣдѣній о состояніи и развитіи дѣла гомеопатіи въ различныхъ странахъ и частяхъ свѣта.

На этотъ призвъвъ послѣдовали отвѣты со всѣхъ концовъ Европы, изъ Сѣверной Америки и Индіи. Мы ниже дадимъ краткій очеркъ о статистическихъ свѣдѣніяхъ, присланныхъ изъ разныхъ странъ, относящихся къ современному состоянію гомеопатіи. Кромѣ этихъ отчетовъ, президенту конгресса былъ присланъ цѣлый рядъ научныхъ статей (всего ихъ было 21), которыя разбирались сначала въ подробности въ засѣданіяхъ избранныхъ съ этою цѣлію комитетовъ, а затѣмъ въ засѣданіяхъ *in pleno* служили исходною точкою для дебатовъ относительно разработанныхъ въ нихъ научныхъ вопросовъ.

На 11 іюля (по новому стилю) было назначено первое предварительное собраніе членовъ конгресса, съ цѣлью дать возможность съѣхавшимся въ Лондонъ товарищамъ нѣсколько познакомиться, какъ между собою, такъ и съ англійскими гомеопатами, въ особенности съ президентомъ конгресса докторомъ R. Hughes изъ Брайтона, секретаремъ англійскаго общества врачей-гомеопатовъ и извѣстнымъ по своимъ многочисленнымъ ученымъ трудамъ въ англійской гомеопатической литературѣ. Собраніе это не имѣло официального характера, и поэтому тѣ изъ членовъ конгресса, которые пріѣхали съ женами, были приглашены вмѣстѣ съ ними, такъ что это собраніе представляло нѣчто въ родѣ большаго раута. Громадный залъ, назначенный для засѣданій конгресса, былъ убранъ съ большимъ вкусомъ, и на трибунѣ, назначенной для президента и секретарей, красовался, посреди красиво группированныхъ тропическихъ растений, бюстъ безсмертнаго основателя гомеопатіи, доктора Самуила Ганемана. Къ восьми часамъ вечера начали съѣзжаться члены конгресса. Какъ и слѣдовало ожидать, большинство изъ нихъ были англійскіе врачи, которыхъ оказалось 82. Изъ иностранцевъ громадное большинство состояло изъ американцевъ, которые въ числѣ 32-хъ переехали черезъ океанъ. Затѣмъ Франція прислала четырехъ, Италия одного, и Россія одного представителя ¹⁾. Впродолженіи вечера я успѣлъ познакомиться со многими изъ товарищей, такъ съ докторами: Meyhoffer изъ Ниццы, Cigliano изъ Неаполя, C. Wesselhöft изъ Бостона (онъ же профессоръ бостонскаго медицинскаго факультета), Black и Süß-Hahnemann изъ Лондона, Simon изъ Парижа и др. Вечеръ прошелъ въ весьма оживленной товарищеской бесѣдѣ и оставилъ во всѣхъ самое отрадное воспоминаніе.

На другой день, 12 іюля, въ 2 часа пополудни было первое офи-

---

¹⁾ Германія не прислала представителей потому, что въ это время происходилъ обычный конгрессъ германскихъ врачей-гомеопатовъ, а также вѣроятно потому, что пренія на международномъ конгрессѣ велись исключительно на англійскомъ языкѣ.

ціальное засѣданіе. Послѣ вводной рѣчи президента слѣдовало чтеніе краткихъ извлеченій изъ отчетовъ, представленныхъ конгрессу, относительно исторіи развитія гомеопатіи въ различныхъ странахъ. Отчеты эти весьма интересны для всѣхъ, принимающихъ участіе въ дѣлѣ развитія благаго дѣла гомеопатіи, и поэтому мы считаемъ не лишнимъ указать вкратцѣ на главные факты, изложенные въ этихъ отчетахъ.

Отчетъ о Бельгіи представленный д-ромъ Martiny въ Брюсселѣ. Онъ сообщаетъ, что въ послѣдніе пять лѣтъ гомеопатія сдѣлала замѣчательные успѣхи въ Бельгіи. Въ настоящее время, въ этомъ маленькомъ государствѣ число практикующихъ врачей-гомеопатовъ дошло до 51; кромѣ того, считается 20 ветеринаровъ, исключительно лечащихъ гомеопатіею. Всѣ эти лица открыто признаютъ свои гомеопатическія убѣжденія; но д-ръ Martiny считаетъ, что въ Бельгіи есть еще около 40 врачей, которые лечатъ во многихъ случаяхъ гомеопатіею, не признаваясь въ этомъ открыто.

Въ послѣднее время въ Брюсселѣ было весьма замѣчательный случай. Профессоръ Stocq, одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ гомеопатіи, имѣя желаніе неопровержимыми фактами доказать ничтожество гомеопатіи, предложилъ врачамъ-гомеопатамъ сравнительное испытаніе алопатіи и гомеопатіи въ одной изъ больницъ Брюсселя. Брошенная перчатка была, конечно, немедленно поднята и д-ръ Gailliard вызвался взять на себя леченіе гомеопатіею въ одномъ отдѣленіи, тогда какъ знаменитый алопатъ долженъ былъ завѣдывать отдѣленіемъ алопатическимъ. Радость въ лагерѣ гомеопатіи была общая; но, увы! когда великій профессоръ узналъ о намѣреніи д-ра Gailliard состязаться съ нимъ, то онъ—отъ своего предложенія отказался! Интересный образчикъ тактики нашихъ противниковъ старой школы!

Съ 1876 года, въ Бельгіи, образовалось два новыхъ гомеопатическихъ общества:

1) La Société Belge de Médecine Homeopathique (1877 г.) и 2) L'Association Centrale des Homeopathes Belges (1879 г.) Съ января 1878 г., подъ редакціею д-ра Gailliard, началъ выходить новый гомеопатическій журналъ: «L'Homeopathie Militante», который имѣетъ болѣе полемическое направленіе, нежели другой журналъ: «Revue Homeopathique Belge».

Отчетъ о Франціи составленъ д-ромъ Claude въ Парижѣ. Число врачей-гомеопатовъ во Франціи нынѣ дошло до 300. Въ Парижѣ существуютъ двѣ гомеопатическія больницы: Hôpital Saint-Jacques и Hôpital Hahnemann; кромѣ того, въ Лионѣ существуетъ гомеопатическая больница, Hôpital Saint-Luc. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Парижа устроены лечебницы для проходящихъ, посѣщаемыя весьма прилежно. По приблизительному расчету, въ Парижѣ до 100,000 па-

ціентовъ въ годъ получаютъ совѣтъ и лекарство въ гомеопатическихъ лечебницахъ.

Весьма важный шагъ для развитія и распространенія дѣла гомеопатіи былъ сдѣланъ въ Парижѣ устройствомъ публичныхъ лекцій въ центральной лечебницѣ. Д-ра Gonnard, Jousset и Frédault взяли на себя трудъ читать эти лекціи, и какъ молодые врачи, такъ и студенты парижской Ecole de Médecine, въ значительномъ числѣ посѣщали ихъ. Предпріятіе это еще слишкомъ ново, чтобы судить о результатахъ, но оно обѣщаетъ, безспорно, большую пользу.

Отчетъ о Германіи, который былъ обѣщанъ д-ромъ Goullon-jun. въ Веймарѣ, къ сожалѣнію, вовсе не былъ представленъ конгрессу.

Затѣмъ слѣдуетъ отчетъ о Великобританіи и ея колоніяхъ составленный д-ромъ Pore (Попъ) въ Лондонѣ.

Что относится до самаго Лондона, то тамошняя гомеопатическая больница «Hahnemann-Hospital» процвѣтаетъ болѣе, чѣмъ когда либо. Весьма значительный капиталъ, процентами котораго по большей части содержится эта больница, въ послѣднее время увеличился на 12,000 ф. стерл., завѣщанныхъ этому учрежденію покойнымъ д-ромъ Quin, первымъ врачомъ-гомеопатомъ, пользовавшимся большою извѣстностью въ Лондонѣ. Результаты леченія въ этой больницѣ лучше, нежели въ какомъ бы то ни было другомъ лондонскомъ госпиталѣ, такъ какъ средняя смертность не превышаетъ 3%. Въ послѣднемъ году число больныхъ было 494, изъ которыхъ 252 были трудно больные.

Кромѣ этой больницы, въ Лондонѣ уже пять лѣтъ существуетъ „школа гомеопатіи“ (the London School of Homoeopathy), въ которой для студентовъ медицины и для молодыхъ врачей читаются лекціи по гомеопатической фармакологіи и терапіи. До сихъ поръ около 30 молодыхъ людей правильно посѣщали эти лекціи.

Изъ другихъ городовъ Англіи, гомеопатическія больницы существуютъ еще въ Биргингемѣ и Батѣ (Bath).

Въ Англіи существуютъ два общества врачей-гомеопатовъ:

- 1) The British Homoeopathic society.
- 2) The Liverpool Medico-Chirurgical society.

Первое изъ этихъ обществъ имѣетъ 130 членовъ; ко второму принадлежатъ всѣ врачи-гомеопаты города Ливерпуля, за исключеніемъ одного или двухъ.

Въ Англіи издаются три гомеопатическихъ журнала: «The British Journal of Homoeopathy», «the Monthly Homoeopathic Review» и the Homoeopathic World».

Въ Австраліи гомеопатія также начинаетъ значительно распространяться. Въ Сидней семь врачей-гомеопатовъ, которые всѣ завалены работою. Въ Мельбурнѣ столько же врачей, и кромѣ того тамъ суще-

ствуютъ двѣ гомеопатическія больницы и три гомеопатическія аптеки. Въ Аделаидѣ шесть врачей-гомеопатовъ и одна дѣтская гомеопатическая больница. Въ Батурстѣ, въ Новомъ южномъ Валлисѣ, д-ръ Faidet выстроилъ на собственные средства гомеопатическую больницу. И такъ почти во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ Австраліи и Новой Зеландіи гомеопатія имѣетъ своихъ представителей. Въ южной Африкѣ также находится нѣсколько врачей-гомеопатовъ, но кромѣ того, многіе миссіонеры практикуютъ гомеопатически между туземцами. На мысѣ «Доброй Надежды» въ Каптоунѣ хорошая гомеопатическая аптека.

Отчетъ о состояніи гомеопатіи въ Италіи составленъ д-ромъ Agnolphy въ Ниццѣ, и изъ него мы узнаемъ, что число врачей, практикующихъ гомеопатически, доходитъ до 150.

Въ Италіи издаются три гомеопатическихъ журнала: «Il Dinamico» въ Неаполѣ, подъ редакцію д-ра Cigliano; «Rivista Omioratica», въ Римѣ, подъ редакцію д-ра Rompili, и «Clinica Omioratica» въ Падуѣ, подъ редакцію д-ра Coso.

Затѣмъ слѣдуетъ отчетъ о Россіи, составленный докторомъ Боянусомъ изъ Москвы. Въ первой части онъ описываетъ неудавшуюся, съ сожалѣнію, попытку бывшаго генераль-губернатора Финляндіи графа Адлерберга привить гомеопатію въ этой странѣ посредствомъ открытія гомеопатическаго отдѣленія въ военномъ госпиталѣ въ Гельсингфорсѣ, въ началѣ 1872 года, которое было поручено нашему извѣстному мюнхенскому товарищу доктору фонъ-Грауфоглю. Докторъ Боянусъ описываетъ этотъ эпизодъ на основаніи официальныхъ документовъ, находящихся въ архивѣ главнаго военно-медицинскаго управленія. Какъ и слѣдовало ожидать, врачи и медицинскія власти старой школы, призванные правительствомъ дать свое заключеніе о результатахъ леченія доктора фонъ-Грауфогля, высказались противъ гомеопатіи. Однако, если-бы комисія, составленной изъ римско-католическихъ священниковъ было поручено дать заключеніе о пастырской дѣятельности самаго отличнаго лютеранскаго пастора, то едва-ли кто нибудь будетъ ожидать, что ихъ оцѣнка можетъ быть правильная и безпристрастная, даже если-бы они сами были глубоко убѣждены въ своей честности и справедливости. Вообще эта гельсингфорская попытка ясно показываетъ, что гомеопатическая больница, составляющая отдѣленіе алопатической, есть мертворожденное дитя и не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ большинство лицъ, причастныхъ къ больницѣ, вообще ничего больше не желаютъ, какъ доказательства несостоятельности гомеопатіи, буде оно достижимо даже вольнымъ или невольнымъ искаженіемъ фактовъ.

Изъ статистики мы узнаемъ, что число врачей-гомеопатовъ въ Россіи около 70, если считать всѣхъ занимающихся гомеопатическою

практикою, включая и нѣкоторыхъ самоучекъ, неимѣющихъ диплома врача, но пользующихся довѣріемъ публики въ провинціальныхъ городахъ; дипломированныхъ врачей въ Петербургѣ—11, въ Москвѣ—5, въ Варшавѣ—5, въ Ригѣ—4. Къ сожалѣнію, нѣсколько весьма испытанныхъ дѣятелей на поприщѣ гомеопатіи вышло изъ строя нашей маленькой арміи, изъ которыхъ докторъ Боянусъ особенно упоминаетъ нашего неутомимаго петербургскаго товарища В. В. Деривера ¹⁾). Гомеопатическихъ обществъ въ Россіи два: общество врачей-гомеопатовъ, при которомъ уже 8 лѣтъ существуетъ гомеопатическая лечебница для приходящихъ ²⁾, и 2) общество послѣдователей гомеопатіи, утвержденное въ нынѣшнемъ году.

Отчетъ о развитіи гомеопатіи въ Испаніи составленъ докторомъ Tuskey въ Лондонѣ. Мы узнаемъ, что въ 1878 году открытъ въ Мадридѣ первый гомеопатическій госпиталь, подъ названіемъ «Мадридскій ганеманновскій госпиталь». Извѣстный въ гомеопатической литературѣ докторъ Nunez уже въ 1850 году получилъ отъ испанскаго правительства позволеніе учредить гомеопатическій госпиталь и открытъ въ немъ для молодыхъ врачей лекціи по гомеопатической фармакологіи и терапіи; но потребовалась работа 28 лѣтъ для приведенія этого плана въ исполненіе. Въ госпиталѣ среднимъ числомъ пользуется около 500 больныхъ въ годъ. Съ нимъ соединена лечебница для приходящихъ, которая посѣщается очень большимъ числомъ больныхъ, около 10,000 въ годъ. Тотъ же докторъ Nunez, еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, основалъ въ Мадридѣ гомеопатическое общество, процвѣтающее до сихъ поръ.

Въ Испаніи издаются два гомеопатическихъ журнала: «El criterio medico» и «Boletín clinico del Instituto Homeopático de Madrid».

Самый блистательный отчетъ былъ, конечно, какъ и слѣдовало ожидать, отчетъ о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, составленный професоромъ докторомъ J. T. Talbot (онъ же деканъ медицинскаго факультета бостонскаго университета). Въ 1825 г. гомеопатія впервые появилась въ Америкѣ и первымъ практикующимъ врачомъ былъ докторъ John Gau, еще нынѣ практикующій въ Нью-Йоркѣ. Въ прошедшіе съ тѣхъ поръ 56 лѣтъ, наука бессмертнаго Га-

¹⁾ Определить количество врачей-гомеопатовъ вообще въ Россіи трудно, но намъ достоверно извѣстно, что многіе изъ врачей-гомеопатовъ прописываютъ и гомеопатическія лекарства, въ действительности которыхъ они убѣждены, но не считаютъ возможнымъ сдѣлаться явными гомеопатами, опасаясь гоненій, которымъ они неминуемо подвергнутся со стороны нашего врачебно-чиновничьяго ареопага.

Принятъ редакціи.

²⁾ Петербургъ, Фонтанка, у Семеновскаго моста, домъ Вьюшина.

немана быстро распространялась, и въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе 6,000 врачей-гомеопатовъ, 26 большихъ (state-societies) и болѣе 100 мѣстныхъ гомеопатическихъ обществъ, 38 госпиталей, 40 лечебницъ, 11 гомеопатическихъ школъ для молодыхъ врачей и 17 гомеопатическихъ журналовъ. Нельзя не сознаться, что это внушительныя цифры!

Не смотря на число 6,000 (!) врачей, ихъ оказывается еще мало, такъ великъ спросъ и такъ велико довѣріе въ публикѣ въ гомеопатіи. Да, американцы практичныя люди; они сразу поняли громадное преимущество гомеопатіи и оцѣнили пріятность и пользу этого вѣрнѣйшаго способа леченія.

Первое общество врачей-гомеопатовъ Соединенныхъ Штатовъ образовалось въ 1844 году, подъ названіемъ «The American Institute of Homeopathy». Оно нынѣ имѣетъ 950 активныхъ членовъ, изъ которыхъ 100 состоятъ членами болѣе 25 лѣтъ и называются «sen'ors».

Предметомъ коллегіальнаго обсужденія на первомъ засѣданіи конгресса было назначено: «О лучшихъ мѣрахъ для дальнѣйшаго распространенія и развитія гомеопатіи». Тутъ было, между прочимъ, указано на крайне недостаточное число врачей во всѣхъ странахъ свѣта, за исключеніемъ однихъ только Соединенныхъ Штатовъ, и почтенный профессоръ Talbot изъ Бостона, въ весьма оживленной рѣчи, обратилъ вниманіе конгресса на необходимость принятія мѣръ для обученія, желающихъ ознакомиться съ гомеопатіею, молодыхъ врачей. Нѣкоторые другіе члены конгресса, возражая ему, указывали на громадныя трудности выполненія этой задачи въ Европѣ, гдѣ во всѣхъ странахъ официальная медицина всѣми мѣрами старается задушить гомеопатію, и гдѣ громадное большинство молодыхъ врачей не смѣетъ даже мечтать объ этой «ненавистой медицинскій ереси». Тѣмъ не менѣе, мнѣніе доктора Тальбота заслуживаетъ безспорно самаго серьезнаго вниманія, такъ какъ необходимо, чтобы представители гомеопатіи, съ своей стороны, приняли всѣ мѣры для облегченія перехода молодыхъ, свѣжихъ силъ въ нашъ маленькій лагерь.

Послѣ этого перваго засѣданія слѣдовало еще четыре, 13, 14, 15 и 16 іюля, на которыхъ были на очереди разныя отрасли медицинскіхъ наукъ: 13—фармакологія, 14—практическая медицина и женскія болѣзни, 15—хирургія, глазныя и ушныя болѣзни, а 16 было заключительное собраніе, на которомъ, между прочимъ, стоялъ на очереди вопросъ опредѣленія мѣста для слѣдующаго международнаго конгресса, имѣющаго быть въ 1886 году. Одинъ изъ американскихъ товарищей пригласилъ конгрессъ въ Нью-Йоркъ, однако предложеніе это было

отклонено, по причинѣ большихъ трудностей такого дальняго путешествія для европейскихъ врачей-гомеопатовъ. Затѣмъ докторъ Léon Simon предложилъ Парижъ, однако тоже остался въ значительномъ меньшинствѣ. Не лучше была участь предложенія доктора Cigliano, предложившаго конгрессу собраться въ Римѣ. Наконецъ, президентъ конгресса, докторъ Hughes предложилъ конгрессу избрать для будущаго собранія Брюссель, и большинствомъ членовъ было рѣшено созвать слѣдующій конгрессъ на июль 1886 года въ столицу Бельгiи.

Не могу пройти молчаніемъ, что радушный и по-истинѣ товарищескій приемъ иностранныхъ гостей англійскими врачами-гомеопатами выразился, между прочимъ, и въ приглашеніи на весьма блестящій и торжественный обѣдъ, состоявшійся 15 іюля въ большой залѣ перваго лондонскаго ресторана «Criterion». Всѣ члены конгресса участвовали въ этомъ «банкетѣ», который начался около 8 часовъ вечера и прошелъ весьма оживленно, въ дружеской бесѣдѣ, прерываемой весьма значительнымъ числомъ воодушевленныхъ тостовъ.

Докторъ медицины В. фонъ-Дитманъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

„РУССКОЙ РЪЧИ“ ЗА 1881 ГОДЪ.

ЯНВАРЬ.

I. Отрывокъ изъ драматической хроники «Боярское правленіе».—Н. А. Вроцнаго, 1.—II. Изъ англійской жизни.—(Этюды и очерки Леопольда Кетчера).—II.—Устройство почтъ.—(Переводъ съ нѣмецкаго), 13.—III. Птицы въ сѣтѣ.—Рождественскій разсказъ Уйда.—(Переводъ съ англійскаго), 52.—IV. Историческіе очерки Дона. —I.—Отъ Разина до Булавина.—Глава первая.—И. Краснова, 76.—V. Старый гоёмаршалъ.—Разсказъ Коцебу.—(Переводъ съ нѣмецкаго), 103.—VI. Бродяга на отдыхѣ.—Стихотвореніе. М. Д., 138.—VII.—Нѣсколько словъ о современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній по изслѣдованію сельско-хозяйственнаго народнаго быта.—Князя А. Васильчикова, 143.—VIII.—Наивные люди.—(Изъ воспоминаній).—А. В. Круглова, 151.—IX. Религія въ народной школѣ.—Е. Маркова, 191.—X. Патріархъ Гермогенъ.—Стихотвореніе. Н. А. Вроцнаго, 227.—XI. Одна изъ нашихъ временно-центральныхъ каторжныхъ тюремъ.—Л., 235.—XII. Медвѣжья шуба.—Повѣсть. К. А. Лебедева, 247.—XIII. Обзоръ научной и учебной литературы.—Л. К. П—ва, 287.—XIV. Изъ жизни маленькаго города.—Романъ Густава Фрейтага.—Главы I-V.—(Переводъ съ нѣмецкаго), 303.—XV. Земское дѣло.—Въ степномъ пространствѣ, въ Херсонской и Таврической губерніяхъ.—I. Общія характеристическіи черты степнаго пространства.—II. Экономическое положеніе Херсонской и Таврической губерній, по даннымъ, собраннымъ земствомъ, и средства къ поднятію благосостоянія мѣстнаго населенія.—III. Проекты земскихъ поземельныхъ банковъ.—IV. Народное образованіе, 1.—XVI. Внутреннее обозрѣніе.—Коренное различіе въ общественномъ настроеніи въ концѣ 1879 и минувшаго 1880 годовъ.—Нѣчто объ Оренбургскомъ краѣ.—По поводу сенаторскихъ ревизій.—Безпорядки въ московскомъ университетѣ.—По вопросу о переселеніи крестьянъ.—Слухи о предстоящемъ назначеніи епископовъ для римско-католическихъ епархій въ Россіи, 33.—XVII. Научная хроника.—Въ области психо-физиологіи.—Сонъ и сновидѣнія.—Эльпе, 69.—XVIII. Объявленія, 96.

ФЕВРАЛЬ.

I. Подъ южнымъ небомъ.—На маякѣ.—С. Лаврентьевой, 1.—II. Изъ английской жизни.—(Этюды и очерки Леопольда Метчера).—III.—Лондонъ подъ землею.—(Переводъ съ нѣмецкаго), 35.—III.—Безъ пристанища.—Повѣсть.—Глава I—III.—В. Айдарова, 63.—IV.—Историческіе очерки Дона.—I.—Отъ Разина до Булавина.—Глава II.—Н. Краснова, 135.—V. Памяти Лермонтова.—Стихотвореніе. М. Резенгейма, 160.—VI. Китайскій социалистъ въ XI вѣкѣ.—(Переводъ съ французскаго). 163.—VII. Вольные люди въ Западномъ краѣ.—П. А., 180.—VIII. Основы молекулярной биологіи.—I—III.—Л. М. Пелова. 199.—IX. Двѣ жертвы.—Стихотвореніе, Н. А. Вроцлага, 224.—X. Разсказъ учителя.—(Изъ записной книжки).—А Васильева. 233.—XI. Знаніе въ народной школѣ.—Евгенія Маркова, 244.—XII. Изъ жизни маленькаго города.—Романъ Густава Фрейтага.—Глава VI—IX.—(Переводъ съ нѣмецкаго), 278.—XIII. Земское дѣло.—Въ степномъ пространствѣ.—I. Экономическое положеніе Екатеринославской и Бессарабской губерній, а также въ области войска Донскаго, по даннымъ, собраннымъ органами мѣстнаго самоуправления.—II. Исключительное положеніе земства въ области войска Донскаго.—III. Борьба земства съ чумою рогатаго скота.—IV. Народное образованіе, 1.—XIV. Внутренне обозрѣніе.—Слухи объ измѣненіи въ составѣ высшаго управленія морскими ведомствомъ и Кавказскимъ краемъ.—Объ акаль-текинскихъ экспедиціи.—По поводу высочайшаго указа объ урегулированіи денежнаго обращенія и государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1881 годъ.—Наши казенные заказы за границей.—Развитіе свеклосахарной промышленности во Франціи.—Наша международная торговля.—Перемищенія генералъ-губернаторовъ.—Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ отъ 22 декабря 1880 года за № 9, 35.—XV. Замѣтка по экономическимъ вопросамъ.—Отъѣздъ ангиза съ соли.—А. Н. 72.—XVI. Научныя новости.—Ганзей въ Петербургѣ.—Эльмъ, 85.—XVII. Въ вагонѣ и на переладной.—Замѣтки туриста.—П. М.—Това, 99.

МАРТЪ.

I. Безъ пристанища.—Повѣсть.—Глава IV.—В. Айдарова, 1.—II. Историческіе очерки Дона.—Отъ Разина до Булавина.—(Окончаніе).—Н. Краснова, 27.—III. Объ условіяхъ примѣненія мирными судьями мѣстныхъ обычаевъ при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ. Игоря Тютюмова, 58.—IV. Княжна Владимірская или зацѣпленскіе капиталы.—Историческій романъ.—Часть 1.—А. Шардина, 75.—V. Изъ английской жизни. (Этюды и очерки Леопольда Метчера).—IV.—Истѣндъ.—(Переводъ съ нѣмецкаго). 121.—VI. * * *—Стихотвореніе. Ал. Львовой, 137.—VII. Гипнотическіе опыты.—Статья профессора Вейнгольда.—(Переводъ съ нѣмецкаго); 139.—VIII. Разговоръ на желѣзной дорогѣ.—Разсказъ г-жи Коцебу.—(Переводъ съ нѣмецкаго), 160.—IX. Алопатія и ея врачебный арсеналъ.—А. Н. 177.—X. Хозяйственная Политика.—Евгенія Маркова, 216.—XI. Изъ жизни маленькаго города.—Романъ Густава Фрейтага.—Глава X—XIII.—(Переводъ съ нѣмецкаго) 246.—XII. Обзоръ научной и учебной литературы.—Л. М. Пелова, 326.—XIII. Земское дѣло.—4*

Въ губерніяхъ сѣвернаго пространства, Вологодской и Олонецкой, и прибалтійскаго пространства—въ С.-Петербургской.—I. Экономическое положеніе этихъ губерній и причины отсутствія статистическихъ данныхъ.—II. Выдающаяся черта въ исторіи с.-петербургскаго земства.—III. Народное образованіе.—IV. По поводу неудовлетворительныхъ земскихъ сѣтъ и раскладокъ.—V. Мнѣніе земства о преобразованіи подушнаго сбора; 1.—XIV. Внутреннее обзрѣніе.—Неурядица нашей полицейской администраціи, 36.—XV. Забѣтки по экономическимъ вопросамъ дня.—По поводу статьи Н. X. Бунге: «Забѣтка о настоящемъ положеніи нашей денежной системы и средствахъ къ ея улучшенію».—А. Н., 90.—XVI. Научная хроника.—Механическая теорія и проблема тяготѣнія.—Эльм, 108.—XVII. Некрологъ.—А. Θ. Писемскій и Θ. М. Достоевскій, 124.—XVIII. Объявленія, 127.

А П Р Ъ Л Ъ.

I. Памяти царя-освободителя.—Стихотвореніе Александра Навроцкаго.—II. Изъ англійской жизни.—(Этюды и очерки Леопоolda Кетчера).—V.—Шесть образцовыхъ заведеній.—(Переводъ съ нѣмецкаго), 1.—III. Побратимы.—Изъ эллино-скиескаго міра). Поэма.—М. Малревскаго, 45.—IV. Русскіе раскольники и англійскіе диссиденты.—Антронова, 74.—V. Безъпристанница.—Повѣсть.—Глава V.—В. Айдарова, 110.—VI. Княжна Владимірская или зацѣпленіе капитала.—Историческій романъ.—Часть 1.—Глава III-V.—А. Шардина, 123.—VII. У голгоемъ.—(По поводу 1-го марта).—Евгенія Шарова, 171.—VIII. Браденое счастье.—Повѣсть. В. И. Нешромича-Дачкина, 192.—IX. Основы молекулярной биологіи.—(Продолженіе).—Л. И. Попова, 238.—X. Изъ жизни маленькаго города.—Романъ Густава Фрейтага.—(Окончаніе).—(Переводъ съ нѣмецкаго). 277.—XI. Почему я сдѣлался гомеопатомъ.—Доктора медицины В. Фомъ-Дитмана, 327.—XII. Отъ редакціи, 346.—XIII. Земское дѣло.—Совмѣстныя заботы правительства и земства объ обезпеченіи народнаго продовольствія. 1.—XIV. Внутреннее обзрѣніе.—Обновленіе или разложеніе и смерть!—Основныя положенія предстоящихъ преобразованій.—Перенесеніе столицы въ Москву.—Выборный совѣтъ при петербургскомъ градоначальникѣ.—Результаты способа проведенія реформъ Петромъ Великимъ.—А. Н. 35.—XV. Забѣтки по экономическимъ вопросамъ дня.—Вѣдственное положеніе англійскихъ фермеровъ.—Трактатъ о распредѣленіи богатствъ и стремленіи къ уменьшенію неравенства состояній. П. Лероа-Вольте.—Открытіе политико-экономическаго совѣта въ Пруссіи.—Премія для поощренія кораблестроенія и морской торговли во Франціи.—Филлоксера во Франціи.—А. Н., 51.—XVI. Научныя новости.—Густавъ Егеръ о гомеопатіи.—Эльм, 63.—XVII. Забѣтка о случаѣ исцѣленія.—А. Н., 77.

М А Й.

I. Сумерки.—Повѣсть.—Часть 1.—А. П. Лавровой, 1.—II. Историческіе очерки Дона.—Борьба Чернышева съ войсковыми атаманами.—Глава I-II.—М. Краснова, 66.—III. Побратимы.—(Изъ эллино-скиескаго міра).—Поэма.—(Окон-

чаніе).—М. Мадярескаго, 94.—IV. Безъ пристанища.—Повѣсть.—Глава VI.—В. Айдарова, 108.—V. Парижъ въ періодъ третьей республики.—Новые очерки изъ дѣйствительной страны миллиардовъ.—Макса Нордау.—(Переводъ съ нѣмецкаго), 123.—VI. Княжна Владимірская или зацѣпнискіе капиталы.—Историческій романъ.—(Окончаніе первой части).—А. Шардина, 173.—VII. Природа и утопія.—(«Русь», еженедѣльная газета И. Аксакова, 1881 года).—Евгенія Маркова, 241.—VIII. Поздно.—Повѣсть.—Глава I-II.—А. В. Круглова, 273.—IX. Популярныя бесѣды о возможности лечиться по гомеопатическому способу въ отсутствіе врача.—Доктора mediciны В. Фомъ-Дитмана, 307.—X. Послѣ одного разговора.—Стихотвореніе Александры Львовой, 336.—XI. Обзоръ научной и учебной литературы.—А. И. Я., 337.—XII. Земское дѣло.—Значеніе дворянства въ органахъ народнаго самоуправленія, 1.—XIII. Внутреннее обозрѣніе.—Отзывы иностранныхъ правительствъ и печати по поводу событія 1-го марта.—Вопросъ о правѣ убѣжища для политическихъ преступниковъ.—Назначеніе графа Игнатъева и барона Николая министрами государственныхъ имуществъ и народнаго просвѣщенія, 34.—XIV. Замѣтки по экономическимъ вопросамъ дня.—Процентное помѣщеніе англійскихъ капиталовъ.—Привозъ и вывозъ золота и серебра въ Россію съ 1856 по 1879 годы А. И., 71.—XV. Научная хроника.—Въ области зоологіи.—(О происхожденіи наземныхъ животныхъ).—Эльза, 85.—XVI. Объявленіе.—О вновь учрежденномъ маріинскомъ попечительствѣ приравнѣнія сѣбныхъ, 109.

І Ю Н Ъ.

I. Наташа.—Разсказъ.—Алексія Смирнова, 1.—II. Сравненіе русскаго тарнаа съ сѣверо-американскимъ и наши нужды.—Ф. Мурова, 39.—III. Княжна Владимірская или зацѣпнискіе капиталы.—Историческій романъ.—Часть вторая, глава I-III.—А. Шардина, 60.—IV. Парижъ въ періодъ третьей республики.—Новые очерки изъ дѣйствительной страны миллиардовъ.—Макса Нордау.—(Переводъ съ нѣмецкаго), 127.—V. Основы молекулярной биологіи.—VII. Возможно ли самозарожденіе.—VIII. Происхожденіе жизни.—Л. М. Попова, 176.—VI. *.*.—Стихотвореніе. Ал. Львовой, 220.—VII. Сумерки.—Повѣсть.—Часть вторая.—А. П. Львовой, 221.—VIII. Этюды о еранцузскомъ романѣ.—I.—Культъ плоти.—Евгенія Маркова, 270.—IX. Поздно.—Повѣсть.—(Окончаніе).—А. В. Круглова, 298.—X. Самодержавіе и конституціонализмъ.—А. И., 357.—XI. Конденціональный агентъ.—Романъ 'Джесса Пайна.—Глава I-IV.—(Переводъ съ англійскаго), 378.—XII. Внутреннее обозрѣніе.—Высочайшій манифестъ 29 апрѣля.—Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній отъ 6 мая.—Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ.—По поводу назначенія новыхъ министровъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ.—Еврейскій погромъ, 1.—XIII. Научныя новости.—Метерическое происхожденіе града.—Шиль и дождь.—Примѣненіе электрическаго свѣта къ освѣщенію внутренностей живаго организма.—Эльза, 44.—XIV. Между дѣломъ.—(Фельетонныя очерки и рассказы).—Я., 55.

І Ю Л Ъ.

I. Безъ пристанища.—Повѣсть.—Глава IV—В. Айдарова, 1.—II. Сравненіе русскаго тарифа съ сѣверо-американскимъ и наши нужды.—(Окончаніе).—Ф. Журова, 20.—III. Княжна Владимірская или зацѣпнскіе капиталы.—Историческій романъ.—Часть вторая, глава IV-VII.—А. Шардима, 55.—IV. Историческіе очерки Дона.—Борьба Чернышева съ донскими атаманами.—Глава III.—Н. Краснова, 108.—V. Самопомощь въ Англіи, 130.—VI. * * *.—Стихотвореніе. Александры Львовой, 143.—VII. Начала современной Франціи.—Революція.—Книга 1 глава I и II.—Иполита Тэма.—(Переводъ съ французскаго), 145.—VIII. Сельское правосудіе.—(Есть вопросу крестьянскаго устройства).—Евгенія Мариова, 203.—IX. Конфиденціальныи агентъ.—Романъ Джемса Пайна.—Глава V-XII.—(Переводъ съ англійскаго). 240.—X. Обзоръ Научной и учебной литературы.—Л. К. Полова. 308.—XI. Къ сыну.—Стихотвореніе. Александры Львовой, 326. XII. Популярныи бесѣды о возможности лечиться по гомеопатическому способу въ отсутствіе врача.—Всѣгда вторая.—Доктора медицины В. фонъ-Дитмана, 327.—XIII. Земское дѣло.—Значеніе ревизіонныхъ комисій и ихъ дѣятельность въ органахъ мѣстнаго самоуправленія.—Замѣтка о раскольникахъ, какъ о земской силѣ.—Нѣсколько словъ по поводу циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ 22 декабря 1880 г., 1.—XIV. Внутреннее обозрѣніе.—Перемѣна военнаго министра и въ управленіи морскими вѣдомствомъ.—Современное состояніе нашего флота и его задачи въ Восточномъ океанѣ.—Заселеніе Усурійскаго края.—Вопросъ о кавказскомъ наместничествѣ.—Комиссія свѣдущихъ людей по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей и окончательному выкупу надѣловъ.—Предоставленіе крестьянскимъ обществамъ права аренды казенныхъ земель безъ залога, но за ручательствомъ волостнаго приговора, 37.—XV. Научная хроника.—Въ области зоологіи.—(Значеніе общественности въ развитіи животныхъ организмовъ).—Зьмо, 62.—XVI. Объ учрежденіи петербургскаго общества поствѣдователей гомеопатіи, 79.—XVII. Объясненія, 87.

А В Г У С Т Ъ.

I. Безъ пристанища.—Повѣсть.—(Окончаніе).—В. Айдарова, 1.—II. Историческіе очерки Дона.—Борьба Чернышева съ войсковыми атаманами.—(Окончаніе).—Н. Краснова, 32.—III. Сумерки.—Повѣсть.—Часть третья и послѣдняя.—А. П. Львовой, 65.—IV. Начала современной Франціи.—Революція.—Книга 1, глава III и IV.—Иполита Тэма.—(Переводъ съ французскаго), 111.—V. Китай.—Глава I и II, 175.—VI. Княжна Владимірская или зацѣпнскіе капиталы.—Историческій романъ.—(Окончаніе второй части).—А Шардима, 203.—VII. Основы молекулярной біологіи.—IX. Проблема жизни и самодѣятельности протоплазмы.—Л. К. Полова, 251.—VIII. Королевскій соколь.—Историческая повѣсть.—Часть первая, глава I-IV.—Валерія Пимборевскаго.—(Переводъ съ польскаго), 280.—IX. Конфиденціальныи агентъ.—Романъ Джемса Пайна.—Глава XIII-XXVI.—(Переводъ съ англійскаго), 313.—X. Объявленіе, 405.—XI. Внутреннее обозрѣніе.—О Прибалтійскомъ краѣ, 1.—XII. Научныи новости.—Подѣлка бѣлыхъ винъ глицериномъ.—Новыи изслѣдованія Пастера относительно прививанія

чумы.—Опыты Пастера относительно водобоязни.—Минимальныя дозы ядовъ.—Лягушка и крокодилъ въ состояніи гипноза.—Умственная дѣятельность и циркуляція крови.—Вліяніе вѣта на развитіе.—Дымъ и пары подъ микроскопомъ.—Эмпе, 45.

СЕНТЯБРЬ.

I. Уралъ.—Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки.—I-V.—В. М. Немировича-Данченко, 1.—II. Ссылка по приговорамъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ обществъ.—М. В. Н., 49.—III. Княжна Владимірская или зацѣпкинскіе капиталы.—Историческій романъ.—Часть третья, глава I-II.—А. Шардима, 79.—IV. Китай.—Глава III и IV, 128.—V. Начала современной Франціи.—Революція.—Книга вторая.—Июлита Тэма.—(Переводъ съ французскаго), 148.—VI. Изъ лѣтнихъ встрѣчь.—I. Книжный дѣдъ.—II. Поклонникъ Писарева въ солдатской шинели.—А. В. Круглова, 211.—VII. Королевскій соколъ.—Историческая повѣсть.—Часть первая, глава V-VIII.—Валерія Пшиборовскаго.—(Переводъ съ польскаго), 239.—VIII. Уездное управленіе.—Евгенія Маркова, 266.—IX. Популярныя бесѣды о возможности лечиться по гомеопатическому способу въ отсутствіе врача.—(Продолженіе).—Доктора медицины В. Фогъ-Дитмана, 316.—X. Земское дѣло.—I. Народное продовольствіе и его современное состояніе.—II. Труды земствъ по выясненію народныхъ продовольственныхъ нуждъ.—III. Записка по поводу собранія свидѣній объ урожаѣ департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности, 1.—XI. Внутреннее обозрѣніе.—Еще нѣсколько словъ о порядкахъ въ Прибалтійскомъ край.—Польскій вопросъ.—Значеніе общественныхъ работъ, какъ лучшаго средства доставленія заработка населенію въ неурожайные годы: сооруженіе жѣлезныхъ дорогъ, осушеніе болотъ, разведеніе лѣсовъ и ирригація.—По поводу увольненія г. Ламанскаго.—Проекты, имѣющіе предметомъ и цѣлью облегченіе народныхъ нуждъ: пониженіе выкупныхъ платежей, правильное устройство питейной торговли и противодѣйствіе неурожайному употребленію вина, и объ упорядоченіи переписнаго движенія, 37.—XII. Научная хроника.—Въ области ботаники.—О движеніи растеній.—Эмпе, 73.

ОКТАБРЬ.

I. Уралъ.—Очерки и впечатлѣнія лѣтней поѣздки.—(Продолженіе)—В. М. Немировича-Данченко, 1.—II. Китай.—Глава IV и V, 51.—III. Княжна Владимірская или зацѣпкинскіе капиталы.—Историческій романъ.—Часть третья, глава III-VI.—А. Шардима, 88.—IV. Начала современной Франціи.—Революція.—(Продолженіе).—Июлита Тэма.—(Переводъ съ французскаго), 187.—V. * * *.—Стихотвореніе М., 286.—VI. Основы молекулярной биологіи.—X. Самоподвижность протоплазмы.—XI. Вліяніе вышнихъ дѣтелей на движеніе протоплазмы.—А. М. Пелова, 288.—VII. * * *.—Стихотвореніе Д., 334.—VIII. Королевскій соколъ.—Историческая повѣсть.—Окончаніе первой части.—Валерія Пшиборовскаго.—(Переводъ съ польскаго), 335.—IX. Этюды о французскомъ романѣ.—II. Альфонсъ

Додъ.—Евгенія Маркова, 369.—X. Конденціальный агентъ.—Романъ Джемса Пайна.—Глава XXVII-XXXI.—(Переводъ съ англійскаго), 413.—XI. Внутреннее' обзоріе.—Свидніе государя императора съ германскимъ императоромъ въ Дандигъ.—О ласонстробленіи и облысеніи.—Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и спокойствія, 1.—XII. Объявленіе, 32.

НОЯБРЬ.

I. Уралъ.—Очерки и впечатлѣнія лѣтней поездки.—(Продолженіе).—В. И. Немировича-Данченко, 1.—II. Китай.—Глава VII и VIII, 50.—III. Княжна Владимірская или заѣзничскіе капиталы.—Историческій романъ.—Часть третья, глава VIII и IX, и часть четвертая, глава I-III.—А. Шардма, 79.—IV. Начала современной Франціи.—Революція.—(Продолженіе).—Иолита Гена.—(Переводъ съ французскаго), 162.—V. Изъ кавказскихъ писемъ.—I. Сурамскій переваль.—II. Ворота въ Азію.—Евгенія Маркова, 220.—VI. Королевскій соколъ.—Историческая повѣсть.—Часть вторая, глава I-VII.—Вилерія Пимборовскаго.—(Переводъ съ польскаго), 253.—VII. Популярныя бесѣды о возможности лечиться по гомеопатическому способу въ отсутствіе врача.—Доктора медицины В. фонъ-Дитмана, 299.—VIII. Обзоръ научной и учебной литературы.—Волѣния памяти. Т. Рибо.—Основы египетскихъ методовъ леченія. Доктора Россбаха.—Природа и наука. А. Вилнера.—Учебникъ механики, составилъ С. Гуржеевъ.—Путешествіе А. Э. Нордешельда.—А. И. П—ва, 326.—IX. Библиографическая записка.—Стихотворенія В. И. Немировича-Данченко, 349.—X. Конденціальный агентъ.—Романъ Джемса Пайна.—Глава XXXII-XXXVII.—(Переводъ съ англійскаго), 350.—XI. Объявленіе, 386.—XII. Земское дѣло.—I. Нужды народнаго образованія по указанію земства.—II. Причины упадка современной народной школы, по объясненію земства, и средства къ ея улучшенію.—III. Земскіе стипендіаты въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, 1.—XIII. Внутреннее обзоріе.—Послѣдствія реформы 19 февраля 1861 года.—Отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, 36.—XIV. Научныя новости.—Леббокъ о чувствѣ цѣлности у муравьевъ.—Органъ обонанія у насекомыхъ.—Ядовитость человѣческой слюны.—Летаргія и сомнамбулизмъ.—Скорость нервнаго тока.—Алкоголь въ природѣ.—О химическомъ различіи между живою и мертвою протоплазмой.—Смерть Шлейдена.—Залле, 65.—XV. Некрологъ.—Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ, 86.—XVI. Объявленія.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. А. Навроцкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1882 г.

(существуетъ 50 лѣтъ).

«ВАЗА»

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:

С.-Петербургъ,

Ивановская, № 14.

Данскій иллюстрированный литературно-модный и рукодельный журналъ

выходить 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями и даетъ въ годъ

24 двойныхъ номера журнала, т. е. 24 номера литературныхъ (оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, путешествія, разные извѣстія, новости и т. п.) и 24 номера румодѣльно-модныхъ (самыя обоготельныя описанія и объясненія кройки и отдалки костюмовъ домашнимъ образомъ, самые свѣжіе рисунки парижскихъ модъ и всевозможныхъ рукодѣлій, модную кройку, домашнее хозяйство съ относящимися къ нему секретами и рецептами). Новизобрѣтенія и открытія по части модъ, медицины, косметиковъ и вообще всего относящагося къ домашней жизни вообще и къ женщинамъ въ особенности.

1000 полнотипашей въ текстъ.

24 модныхъ раскрашенныхъ гравюры.

} Исполняются и печатаются за границей по подлиннымъ парижскимъ образцамъ.

12 вырѣзныхъ выкроевъ—въ натуральную величину.

12 листовъ узоровъ—изготовленныхъ узоромъ и выкроевъ (до 1000 еоръ и узоровъ).

12 листовъ узоровъ: вязанья, вышиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ.

6 раскрашенныхъ узоровъ, для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Карманный календарь на 1882 годъ заключающій: святцы, почтовый, телеграфный, железнодорожный, евангелие и т. п. необходимыя свѣдѣнія.

Каждый подписчикъ 1882 г. получить 6 премій, а именно:

I (Еще не бывала). Подушка для дивана, большая, съ готовымъ окончательнымъ вышитымъ узоромъ.

II. Картина (олеография). Зимній ландшафтъ, 17 вершк. ширины и 11½ вершк. вышины, превосходно исполненный олеогр. заведеніемъ А. Каумана въ Берлинѣ.

III. Абажуръ на лампу изъ Natur-Carton-Linné съ раскраской. Новѣйшее изящное изобрѣтеніе, еще несуществующее въ продажѣ (На 1 часъ работы).

IV. Воронникъ и мажорты. Для составленія ихъ дается 3 аршина широкихъ, настоящихъ, тончайшихъ, витяныхъ кружевъ.

V. Дамское портъ-моне съ изящнымъ замкомъ и цѣпочкой (Вещь готовая).

VI. Плато для двухъ подевѣчничковъ—витаяція кружевъ. Оригинальная готовая вещь.

Образцы премій можно видѣть въ Редакціи.

Преміи выдаются и высылаются все заразъ въ одной посылкѣ: городскимъ подписчикамъ въ январѣ, иногороднимъ: подписавшимся въ ноябрѣ — высылаются въ январѣ, остальнымъ не позже февраля.

Только благосклонность публики къ журналу «ВАЗА» даетъ Редакціи возможность давать подобныя цѣнныя преміи. Уже одна вышивка для подушки съ готовымъ окончательнымъ вышитымъ узоромъ оплачивается при покупкѣ ее въ магазинѣ не менѣе 5 руб. Редакція же сверхъ того даетъ еще пять предметовъ, предоставляя оценку ихъ публикѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкой: Безъ пересылки:

На годъ съ преміями. . .	12 р.	11 р.	} На укупорку премій слѣдуетъ добавлять 6 семикопѣечныхъ мар. или 42 коп.
> > безъ премій. . .	7 >	6 >	
> ½ года съ преміями. . .	9 >	8 >	
> > безъ премій. . .	4 >	3 >	

НВ. Подписчики, выславшіе подписныя деньги до 1-го декабря, пользуются правомъ приплатить 1 р. получить альбомъ узоровъ для вышивокъ на 24-хъ листахъ или пандавъ къ картинѣ Зима (Дунная ночь).

Редакторъ-Издатель Б. М. Сестромощевичъ-Богумъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ
НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
„МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

ПЕРВУЮ ТЕЛЕГРАФНУЮ ГАЗЕТУ ВЪ РОССІИ,
которая выходитъ въ Москвѣ, съ 1 января 1881 года, безъ пред-
варительной цензуры.

5-го декабря 1880 г. послѣдовало высочайшее утверждение конвен-
ции, состоявшейся между телеграфнымъ департаментомъ и редакціей
газеты «Московский Телеграфъ». Согласно этой конвенціи, редакціи
«Московского Телеграфа» предоставлено исключительное пользование
одною изъ телеграфныхъ линій и право имѣть собственную телеграф-
ную станцію, которая и помѣщается въ типографіи «Московского Те-
леграфа». Станція эта обставлена всѣми новѣйшими техническими
приспособленіями и снабжена скоропечатающими телеграфными апа-
ратами. Являясь, такимъ образомъ, конечнымъ и, притомъ, самостоя-
тельнымъ пунктомъ телеграфной проволоки, редакція «Московского Те-
леграфа» имѣетъ возможность сообщать своимъ читателямъ большую
часть извѣстій ранѣе другихъ газетъ. Каждый № «Московского Теле-
графа», кромѣ разныхъ статей, заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи строкъ
собственно телеграфнаго матеріала и представляетъ полный и точный
обзоръ событій и извѣстій того дня, въ который этотъ № поступаетъ
въ печать.

ПРОГРАМА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Руководящія статья. 2) Дневникъ общественной жизни и печати. 3) Офи-
ціальныи отдѣлъ. Дѣйствія правительства. 4) Петербургская хроника. 5) Те-
леграммъ собственныхъ корреспондентовъ «Московского Телеграфа» и телеграфе-
ныхъ агентствъ. 6) Хроника Москвы. Отчеты о засѣданіяхъ. Дневникъ прои-
сшествій. 7) Внутреннія извѣстія. Корреспонденціи. 8) Судебная хроника и юри-
дическій отдѣлъ. 9) Британка и библиографія. 10) Иностранныя извѣстія. 11)
Фельетонъ. Статьи научнаго содержания. Белегистика. Фельетонъ въ стихахъ
Д. Д. Минаева. Петербургскія письма Г. К. Градовскаго. Театръ, музыка и
проч. 12) Смѣсь. 13) Торговый отдѣлъ. 14) Справочный отдѣлъ. Резолюціи ка-
ссационныхъ департаментовъ сената и сенатскій указатель. 15) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.	Съ пересылкою.
На годъ съ 1 января 1882 г.	14 р. 50 к.	16 р. — к.	17 р. — к.
» 6 мѣсяцевъ	8 » 50 »	9 » 50 »	11 » — »
» 3 »	5 » — »	5 » 50 »	7 » — »
» 2 »	3 » 50 »	4 » — »	5 » — »
» 1 »	1 » 75 »	2 » — »	2 » 50 »

Присутственнымъ мѣста могутъ заявлять требованія на «Московский Телеграфъ»
съ уплатою денегъ изъ кредита будущаго года.

Допускается разсрочка взноса подписныхъ денегъ: для служащихъ на всѣ
сроки—черезъ казначеивъ, для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ:

	Безъ доставки.	Съ доставкой.	Съ пересылкою.
При подписаніи	5 р. — к.	5 р. — к.	6 р. — к.
1 марта	3 » — »	3 » — »	3 » — »
1 мая	3 » — »	3 » — »	4 » — »
1 іюля	3 » 50 »	5 » — »	4 » — »

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ Москвѣ, на Петровкѣ, въ
домѣ кредитнаго общества и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и
Москвы. Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія: въ Москву, въ ре-
дакцію газеты «Московский Телеграфъ».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ДОНСКОЙ СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ“,

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКО-ОБЩЕСТВЕННУЮ

на 1882 годъ.

(ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ НЕДЕЛЮ).

Содержаніе: *статьи*—передовыя, касающіяся мѣстныхъ (донскихъ) и обще-русскихъ вопросовъ, экономическія, сельско-хозяйственныя, земскія, историческія и бытовыя о Донскомъ казачьемъ войскѣ и калмыкахъ, къ оному принадлежащихъ; *замѣтки*, извѣстія и новости мѣстныя и общія; *справочныя свѣдѣнія*; *фельетонъ*—военные рассказы, очерки и юмористическія сцены изъ обыденной жизни мѣстнаго населенія.

Вообще же въ «Донскомъ Справочномъ Листкѣ», по мѣрѣ возможности, будетъ очерченъ прошлый и современный бытъ Донскаго казачьяго войска; также будутъ помѣщаемы свѣдѣнія и о прочихъ казачьихъ войскахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА, СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

На годъ	6 руб.
» полгода	4 »
» декабрь 1881 года	1 »

Адресъ: Въ Новочеркаскѣ, въ Редакцію «ДОНСКАГО СПРАВОЧНАГО ЛИСТКА».

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

Въ 1882 г. (годъ четырнадцатый) будетъ издаваться подъ редакціей В. П. Острогорскаго, ежемѣсячными книжками не менѣе семи печатныхъ листовъ, съ политипажами въ текстѣ, отдѣльными картинками и музыкальными приложениями. Годовое изданіе составитъ четыре тома, болѣе 20 листовъ каждый.

ЖУРНАЛЪ „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“:

1) Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія **«ОДОБРЕНЪ»** для библиотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ и женскихъ прогимназій и гимназій, а также **РЕКОМЕНДОВАНЪ** для чтенія въ семействахъ».

2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній **«РЕКОМЕНДОВАНЪ»** военнымъ гимназіямъ и прогимназіямъ, для чтенія воспитанниковъ младшаго возраста».

3) IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи **«РЕКОМЕНДОВАНЪ»** для классныхъ библиотекъ женскихъ учебныхъ заведеній».

4) Ученымъ комитетомъ при св. синодѣ **«ОДОБРЕНЪ»** къ допущенію въ духовныхъ училищахъ и къ приобрѣтенію въ фундаментальныя библиотеки духовныхъ семинарій».

Въ журналъ помѣщаются: Небольшія повѣсти и рассказы, очерки изъ народной жизни и быта промышленниковъ, біографіи, статьи по естественной исторіи, явленія природы, путешествія, техническія производства и промыслы, занятія, игры, задачи и проч.

Приложеніе: «Педагогическій Листокъ» (для родителей и воспитателей). Большая часть статей посвящается начальному образованію и домашнему воспитанію. Разбору педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ удѣляется значительное мѣсто. «Педагогическій Листокъ» выходитъ 4 раза въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1882 ГОДЪ ПРЕЖНЯЯ:

Безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 5 р. 75 к.

За «Педагогическій Листокъ» прилагается особо 1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи въ Пушкинской (бывш. Новой) улицѣ, д. № 10.

«Дѣтское Чтеніе» за прежніе года (1872, 1873, 1874 и 1875) продается въ бумажной оберткѣ—3 р. за годъ, составляющій два тома; пересылка за 6 фунтовъ. За 1876 г.—5 р., въ переплетѣ 6 р.; пересылка за 8 фун. по разстоянію. За 1877, 1878, 1879 и 1880 гг.—по 6 р.; въ тисненомъ золотомъ переплетѣ 7 р. 50 к. и пересылка за 9 фун. по разстоянію.

Возвышеніе цѣны на журналъ съ 1876 года произошло вслѣдствіе увеличенія объема журнала вдвое, сравнительно съ прежнимъ. Выписывающіе журналъ за всѣ прежніе года разомъ пользуются уступкою 10%.

«Дѣтское Чтеніе» за 1869, 1870 и 1871 года все распродано.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Издатель В. П. Бородинъ.

НА

„ОГОНЕКЪ“, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Литературы, Науки и Искусства.

52 номера въ годъ.

ПРОГРАММА «ОГОНЬКА»:

1. Ежедневный политическій обзоръ.
2. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводы. (съ рисунк. къ нимъ).
3. Историческіе очерки, бытовыя картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ).
4. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣателей (съ портретами).
5. Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности) замѣчательныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: Естественнаго, Археологіи,

- Географіи, Медицины, Механики и т. д., и искусства: Скульптуры, Живописи, Архитектуры, Музыки и т. д. Библиографіи и замѣчательные процессы (безъ обсуждения судебныхъ рѣшеній).
6. Хроника общественной жизни.
7. Хроника науки, искусства и литературы.
8. Слѣсь, анекдоты, афоризмы, загадки, шахматы, шашки, и проч.
9. Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи.
10. Тиражи выиграншей 1-го и 2-го внутреннихъ займовъ.
11. Частныя объявленія.

Громадный успѣхъ «ОГОНЬКА» въ первые три года изданія дѣлаетъ лишними всякія пышныя общанія. Успѣху этому «ОГОНЕКЪ» обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большому литературному журналу, но дешевле ихъ вчетверо. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшіе литературныя и художественныя силы.

Въ «ОГОНЬКѢ» 1881 г. были помѣщены произведенія, между прочимъ, слѣдующихъ писателей: В. Г. Асѣнко, В. Корниенко (псевд.), Г. Липина, А. Н. Майкова, А. Н. Островскаго, А. А. Потѣхина, Гр. Е. А. Саласа, М. Н. Слущескаго, и др.

Въ 1881 г. будутъ помѣщены въ первыхъ номерахъ слѣдующія произведенія «Преславились» комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Н. Соловьева, «Графъ Морицъ Саксонскій», историческій романъ въ 5-ти частяхъ Н. Мухоморова. «Родственный визитъ», повѣсть Н. Морскаго и произведенія другихъ извѣстныхъ писателей: гр. Саласа, А. Майкова, К. Половскаго.

Въ 1882 году, при дополненной программѣ, въ «ОГОНЬКѢ» будутъ помѣщаться также еженедѣльные политическіе обзоры, хроника общественной жизни, шахматныя, шашечныя и другія задачи, загадки и проч. и проч.

Къ журналу «Огонекъ» 1882 г. будутъ приложены, бесплатно:

Два большихъ, роскошныхъ, олеографическихъ преміи:

1) ПОРТРЕТЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСНАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ (въ pendant къ портрету Государя Императора Александра III, данному, какъ премія, въ 1881 году).

2) „ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ДОПРАШИВАЕТЪ ЦАРЕВИЧА АЛЕНСЯ ВЪ ПЕТЕРГОФѢ“, картина профессора Ге.

Преміи эти во избѣжаніе порчи ихъ въ дорогъ, будутъ разосланы гг. подписчикамъ въ прочной картонной трубкѣ.

Годовая цѣна «Огонья» съ преміями: безъ доставки 4 р., съ дост. въ С.-Петербургъ 5 р. 80 к.; съ пересылкою во всѣ города Россіи 6 руб.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала «ОГОНЕКЪ», Германа Гоппе, въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Коровина, № 16.

Два большихъ, роскошныхъ, олеографическихъ преміи:

1) Портретъ Ея И. В. Государыни Императрицы Маріи Феодоровны 2) «Петръ Великій допрашиваетъ Царевича Алесю въ Петергофѣ», кар. проф. Ге.

О ПОДПИСКѢ НА 1882 ГОДЪ НА

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

(Самый полный и дешевый модный и семейный иллюстриро-
ванный журналъ въ Россіи).

Съ 1 января 1882 г. «Модный Свѣтъ» начнетъ XV годъ своего существо-
ванія и будетъ издаваться съ пренею со стороны издателя заботливостію
о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1882 году будетъ выходить также
ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, съ 24-мя экстрен-
ными приложениями новѣйшихъ парижскихъ модъ

и будетъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

Болѣе 3,000 полиграфическихъ рисунковъ модныхъ платьевъ, костюмовъ, пар-
дессу, пальто, рукавичъ и проч. въ текстъ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлыя
мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскраш. рисунки канвов., тамбура. и друг. работъ. Рисунки въ русск. вкусъ.
Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.

24 (или 12 для 1 изданія) модныхъ раскрашен. парижскихъ картинки для II
изданія, исполненныя лучшими иностран. художниками.

36 раскрашенныхъ модныхъ парижскихъ картинъ, исполненныя лучшими
иностран. художниками, для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, харак-
терныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты,
хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

«Хорошіи тоны» или совѣты и указанія на всѣ случаи общественной жизни
женщины.

Разныя отдѣльныя бесплатныя приложения и «Почтовый ящикъ» съ самыми
разнообразными и полезными совѣтами.

Кромѣ разныхъ отдѣльныхъ приложений къ «Модному Свѣту» 1882 года бу-
детъ приложена, бесплатно,

ИЗЯЩНАЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРЕМІА, КАРТИНА:

„ВЕНЕЦІАНКА“

Премія эта по своему художественному исполненію, можетъ служить укра-
шеніемъ всякой гостиной и будетъ расслана гг. подписчикамъ въ
прочной упаковкѣ, во избѣжаніе порчи въ дорогѣ.

Цѣна годовому изданію „МОДНАГО СВѢТА“ на 1882 г.:

изданію, съ 12 раскраш. парижскими картинками и со всѣми приложениями:
въ С.-Петербургѣ безъ доставки—4 р., съ дост. въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к.
съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 6 р. 50 к.

II изданію, съ 24 раскраш. парижскими картинками и со всѣми приложениями:
въ С.-Петербургѣ безъ достав.—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.,
съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 7 р. 50 р.

III изданію, съ 36 раскраш. парижскими картинками и со всѣми приложениями
въ С.-Петербургѣ безъ достав.—7 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 коп.
съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 9 р. 50 коп.

Главная контора Редакціи «Моднаго Свѣта» находится въ С.-Петербургѣ, по
Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16.

На 1882 года Редакція «Моднаго Свѣта» открыла для своихъ годовыхъ подписчиковъ, конкурсъ на дамскія ручныя работы,

съ десятию денежными преміями, суммою на 500 рублей. Подробности см. въ № 1 «Мод. Св.» 1882 года.

О ПОДПИСКѢ НА 1882 ГОДЪ НА
„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“
 БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ
 СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Съ 1-го Января 1882 г. журналъ «Всемирная Иллюстрація» начнетъ XIV годъ (т. е. томы XXVII и XXVIII) своего существованія. Извѣстность, приобретенная этимъ журналомъ, избавляетъ насъ отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ. Онъ будетъ выходить такъ-же аккуратно, какъ и въ прошлые годы еженедѣльно (т. е. 52 номера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойнаго листа, самой лучшей бумаги, и каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

По случаю предстоящей въ 1882 г. Коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, особенное вниманіе Редакціи будетъ обращено на изготовленіе цѣлой серіи рисунковъ относящихся къ этому высокотожественному празднеству.

Кромѣ того, къ «Всемирной Иллюстраціи» 1882 г. будетъ приложенъ бесплатно отдѣльный роскошный «Альбомъ Всероссийской Промышленно-Художественной выставки», имѣющей состояться въ будущемъ году въ Москвѣ. Въ Альбомѣ этомъ будетъ заключаться множество рисунковъ, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ замѣчательныхъ произведеній выставки.

Цѣна годовому изданію «Всемирной Иллюстраціи» на 1882 г.:

Безъ дост. въ С.-Петербургѣ 13 р. — к. ||| Съ дост. въ С.-Петербургѣ 14 р. 50 к.
 Безъ доставки въ Москвѣ . 14 » — » ||| Съ перес. въ другіе города. 16 » — »

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологию, промышленность, морское и военное искусства, и пр. и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ **ВЪ КАРТИНАХЪ.**

Главная задача «Всемирной Иллюстраціи» — изображеніе, въ картинахъ и текстѣ, современныхъ событій во всѣхъ сферахъ полит. и обществ. жизни.

Каждый годъ «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» представляетъ собою

ДВА РОСКОШНЫЕ АЛЬБОМА,

каждый до 500 печатн. страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библіотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

«ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ»

изъ англ. каленкора, съ золотыми тиснен. по рис. художника К. Брожа. Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к. съ пер. 2 р. 50 коп.

Цѣна первыхъ 24 томовъ «Всемирной Иллюстраціи»:

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес.; въ англ. каленковомъ перепл. 14 р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X) — по 8 р. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ. тисненн. золотомъ, переплетахъ, каждый годъ стоитъ по 12 р. безъ перес. 1874 (т. XI и XII), 1875 (т. XIII и XIV), 1876 (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній), 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложеній) и 1879 г. (т. XXI и XXII) и 1880 г. (т. XXIII и XXIV) — по 9 р. безъ перес., кажд. годъ. Въ переплетахъ безъ перес. по 13 р.

На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 р. с.

Главная контора Редакціи «Всемирной Иллюстраціи» въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая ул., д. № 16.

Для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Юнге принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностранныя журналы и газеты.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ ЭМИЛЪ ГАРТЪЕ

Новый проспектъ № 27, у Каванскаго моста, въ С.-Петербурѣ.

МАГАЗИНЪ
ДЛЯ ГОРОДСКОЙ ПРОДАЖИ.

ОПТОВЫЙ СЕЛДЪ
ДЛЯ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ
ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ.

Большой выборъ новыхъ русскихъ и французскихъ книгъ.—Доступна книга на долъ.—Новости по мелкимъ на просмотръ.
Принятъ книга на комиссию итѣмъ изданнымъ, для быстрого распространения въ столицѣ и, черезъ спеціальныхъ корреспондентовъ
села, во всѣхъ гласныхъ городахъ Имперіи, при бездѣльныхъ предпріимствъ въ «Российской Библиографіи», въ «Евмеловская
наглядность ваши. нов. русскихъ и иностранныхъ книгъ», въ «Годовомъ наглядности», а также, по соглашенію, въ болѣе распро-
страненныхъ газеткахъ.
Отрече актуальное конеканде требованіи Гр. митрополитика.—Принятъ подлинки на всѣ русскіе и иностранныя журналы и газеты.—Ежегодное
издательство иностранныхъ изданій.
Для удобства иногородней публики изданія Эмиля Гартъе нѣмудра постоянно на лѣпо и у всѣхъ извѣстныхъ провинціальныхъ
книгопродавцевъ.
Переводныхъ кондукторовъ множество ИЗДАТЕЛСТВО «Бюро», издатель книгъ, конекъ русскихъ и иностранныхъ книгъ. (Подписная цѣна
за 12 мѣ въ годъ 1 руб. с.).
На всѣ относящіяся до книги. Дѣла запроси, въ которыхъ для отвѣта приложена почт. марка,—селдъ отвѣчаетъ немедленно.

ПРИ СЕЛДЪ КОМЪЩАЮТСЯ:	РЕДАКЦІА ЖУРНАЛА «РОССИЙСКАЯ БИБЛИОГРАФІА» (ВЪСТУПИТЬ РУССКОЙ ПЕЧАТИ)	КОНТОРА ЖУРНАЛОВЪ Единственна для чтенія, Единственна.	ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА ПОДПИСКИ на всѣ русскіе и иностранныя ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ	СЕЛДЪ ГЛОВУОВЪ, ТЕЛДУРИИ ПЛАНЕТАРИЙ изд. Эмиля Гартъе.
24 мѣ въ годъ, цѣна съ доставкой и пересылкой 5 руб.		Сборники Видова, Памят- никовъ и т. п. разносо.		

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ НА
БОЛЬШУЮ, ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И КОМЕРЧЕСКУЮ

Г А З Е Т У

„НОВОСТИ“

И

„БИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА“

издаваемую акционернымъ товариществомъ,

съ основнымъ капиталомъ 3.000,000 финскихъ марокъ или около 1,200,000 р., раздѣльныхъ на 3,000 акцій, по 1,000 финскихъ марокъ каждая.

Газета «Новости» имѣеть: собственныя двѣ писчебумажныя фабрики, собственную типографію, собственный книжный магазинъ и съ 1882 г. будетъ имѣть собственный домъ, въ которомъ будутъ сосредоточены: редакция, типографія, литографія, хромографія и переплетное заведеніе, приспособленныя для печатанія всевозможныхъ произведеній печати въ безграничномъ количествѣ экземпляровъ.

Газета «Новости», благодаря своему обширному и разнообразному содержанию и необычайной дешевизнѣ сравнительно съ другими большими, 17-ти-рублевыми газетами, одинаковаго съ нею содержания, втеченіи пяти лѣтъ достигла огромной распространенности и въ 1881 г. уже

РАСХОДИЛАСЬ ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ

около 22,000 экземпляровъ.

Газета «Новости» выходитъ, безъ предварительной цензуры, ежедневно полными номерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетней, если получаются важныя телеграммы. Форматъ газеты самый большой изъ существующихъ у насъ газетныхъ форматовъ и заключаетъ въ себя 28 столбцовъ (по семи столбцовъ на страницѣ) или около 4,500 строкъ убористаго шрифта.

Въ газетѣ участвуютъ лучшія силы современной періодической литературы. Въ 1881 г. въ ней участвовали:

Алеерьевъ І. В. (авторъ многихъ публицистическихъ статей), Бяловъ И. Д. (известный педагогъ), Вейнбергъ П. И. (поэтъ), Веснинъ Л. П. (авторъ «Обзора географическихъ пособій» и др. соч.), Головачовъ А. А. (авт. сос. «Десять лѣтъ реформъ» и др. соч.), Думашевскій А. Б. (бывш. редакт. «Судебн. Вѣстника»), Звѣринскій В. В. (редакт. центрального статистич. комитета), Забалинъ А. И. (бывш. ред. «Виленск. В.»), Ильинъ Р. Ф. (авт. многихъ публицистич. статей), графъ Кутузовъ-Голенищевъ А. А. (поэтъ), Лапчинскій М. Д. (докторъ

медиц.), Лѣсковъ Н. С. (извѣстн. балетристъ), Михневичъ В. О. («Коломенскій кандидатъ», «Емельяновскія газеты, авт. многихъ сочиненій»), Никитинъ В. Н. (авторъ «Многострадалныхъ», «Тюрьмы и ссылки» и мн. др. соч.), Песковскій М. Л. (авт. многихъ журн. стат.), Плещеевъ А. Н. (поэтъ), Сальясъ графъ Е. А. (авторъ «Пугачевцовъ» и др. соч.), Сементковскій Р. И. (магистрантъ с.-пет. унив.), Филипповъ М. А. (авторъ «Судебной реформы» и др. соч.), Чуйко В. В. (критикъ, сотрудникъ журналовъ и газ.), Черепнинъ Н. И. (докторъ медицины), Нотовичъ О. К. (редакторъ) и многіе другіе.

Кромѣ ежедневнаго, текущаго, содержанія, отличающагося разнообразіемъ, полнотою и самостоятельностью, газета даетъ еще, втеченіи года, обширный матеріалъ для чтенія, состоящій изъ серьезныхъ научныхъ произведеній и не менѣе пяти большихъ романовъ, которые въ отдѣльной продажѣ представляютъ стоимость, почти равную подписной цѣнѣ газеты.

Немаловажную выгоду для подписчиковъ газеты «Новости» представляетъ предоставленное имъ право приобретать книги, имѣющіяся въ книжномъ магазинѣ газеты «Новости» и публикуемыя въ этой газетѣ, со скидкой 20% съ номинальной ихъ стоимости. При этой скидкѣ, приобретающій книги, даже разновременно, втеченіи года, на 40 или 45 р. получаетъ газету даромъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Петербургѣ:	Въ другихъ городахъ:	Заграницею:
Р. К.	Р. К.	Р. К.
На 12 мѣс. 8 —	На 12 мѣс. 9 —	На 12 мѣс. 17 —
» 11 » 7 50	» 11 » 8 25	» 6 » 9 —
» 10 » 7 —	» 10 » 7 50	» 3 » 5 —
» 9 » 6 50	» 9 » 7 —	» 1 » 2 —
» 8 » 6 —	» 8 » 6 25	На другіе сроки
» 7 » 5 50	» 7 » 5 50	подписка не при-
» 6 » 5 —	» 6 » 5 —	нимается.
» 5 » 4 50	» 5 » 4 50	_____
» 4 » 3 80	» 4 » 4 —	
» 3 » 3 —	» 3 » 3 —	
» 2 » 2 —	» 2 » 2 —	
» 1 » 1 —	» 1 » 1 —	

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

На послѣдней страницѣ 10 к., на 1-й 20 к., за строку петита.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ черезъ ихъ казначеевъ, по третямъ, а для неслужащихъ — на слѣдующихъ условіяхъ: 3 р. при подпискѣ, 3 р. въ концѣ марта и 3 р. 1 августа — для иногородныхъ подписчиковъ. Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1 числа каждаго мѣсяца.

Письма и деньги адресуются: въ С.-Петербургъ, въ коштору газеты «Новости» (Невскій, 44).

Редакторъ О. К. Нотовичъ.

2-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„ЗАРЯ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882-й ГОДЪ.

ПРОГРАМА ИЗДАНІЯ:

I. Телеграммы.

Важнѣйшія событія русской и иностранной жизни. Кромѣ телеграмъ «Международнаго Телеграфнаго Агентства», редакція получаетъ телеграфическія извѣстія отъ специальныхъ корреспондентовъ за границей, въ Петербургѣ (Ежедневно), Москвѣ и въ главныхъ городахъ юга Россіи.

Этотъ отдѣлъ настолько расширенъ, что всѣ болѣе или менѣе выдающіяся событія иностранной внутренней жизни, какъ столичной, такъ и провинціальной, передаются по телеграфу, опережая на двое сутокъ извѣстія, приходящія съ петербургскими и московскими газетами.

Кіевъ, по своему географическому положенію, имѣетъ то преимущество, что, какъ центральный пунктъ, находится на полпути между Петербургомъ и Москвою—съ одной стороны и южными окраинами—съ другой.

Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, расходящимся изъ Кіева на сѣверъ и на югъ и примыкающимъ къ другимъ вѣтвямъ, а также пароходному сообщенію по Днѣпру, газеты, издающіяся въ Кіевѣ, доходятъ гораздо раньше петербургскихъ и московскихъ газетъ въ главные центры нашего юга: въ Одессу, Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Екатеринославъ, Полтаву, Черниговъ, Курскъ и др.

II. Отдѣлъ внутренній.

А) Извѣстія о дѣйствіяхъ правительства, о законодательныхъ мѣрахъ и предположеніяхъ; Б) руководящія статьи по важнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни Россіи, какъ-то: по вопросамъ государственнаго хозяйства, путей сообщенія, народнаго образованія, земскаго, городского и крестьянскаго самоуправления; В) корреспонденціи изъ столицъ и краевыя; Г) свѣдѣнія изъ другихъ періодическихъ изданій; Д) обзоръ русскои и иностранной печати; Е) вопросы хозяйства, промышленности и торговли въ районѣ южной полосы Россіи, въ губерніяхъ, входящихъ въ составъ генералъ-губернаторствъ: юго-западнаго, одесскаго и харьковскаго.

III. Отдѣлъ городской.

А) Хроника г. Кіева, Б) вопросы городского благоустройства.

IV. Отдѣлъ судебный.

А) Руководящія статьи по юридическимъ вопросамъ, Б) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ.

V. Отдѣлъ иностранный.

А) Руководящія статьи по вопросамъ внешней политики; Б) корреспонденція изъ иностранныхъ государствъ; В) извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ общественной и политической жизни заграницей.

Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ.

VI. Фельетонъ.

Очерки и рассказы (оригинальные и переводные). Обозрѣнія и статьи литературно-критическія, рецензіи: театральныя, музыкальныя и художественныя. Научная хроника.

VII. Смісь.

Разныя извѣстія, важнѣйшія изобрѣтенія въ области наукъ, искусствъ и промышленности и проч.

VIII. Отдѣлъ торговый

Свѣдѣнія объ урожаяхъ, о цѣнахъ на зерновые продукты и на главные товары, составляющіе главный предметъ мѣстнаго производства или мѣстной торговли. Торговья корреспонденція и телеграммы изъ главныхъ внутреннихъ рынковъ. Свѣдѣнія о состояніи полей. Биржевыя телеграммы и бюлетины. Курсы русскихъ и иностранныхъ монетъ, цѣнныхъ бумагъ и проч. Периодическія торговля и биржевыя обозрѣнія. Желѣзнодорожная хроника.

Съ настоящаго года предполагено дать этому отдѣлу самое широкое развитіе, въ виду несомнѣнно существующей потребности въ органѣ эконолической, торговой и финансовой дѣятельности юга Россіи.

IX. Отдѣлъ справочный.

Желѣзно-дорожное и пароходное движеніе. Метеорологическій бюлетень. Судебный указатель по судебнымъ учрежденіямъ округа кievской судебной палаты: списокъ назначенныхъ къ разсмотрѣнію дѣлъ и резолюціи. Ежедневные списки получателей груза по юго-западнымъ желѣзнымъ дорогамъ и свѣдѣнія о наложенныхъ платежахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ доставкой или верениною	Безъ доставки.
На годъ	10 р.	8 р.
> 6 мѣсяцевъ	6 —	5 —
> 3 мѣсяца	4 —	3 —
> 1 мѣсяцъ	1 — 50 к.	1 —

Выписывающимъ газету съ 1 января 1882 года на дѣлный годъ допускается разсрочка годоваго взноса, причемъ при подпискѣ вносится 3 р., 1 марта 3 р., 1 июня 2 р. и 1 сентября 2 р. Подписывающіеся въ срединѣ года разсрочкой не пользуются.

Правительственныя, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учрежденій, предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхыхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газеты въ кредитъ допускается черезъ ихъ казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кіевѣ, въ главной конторѣ газеты «ЗАРЯ», на Крещатику, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильничаго.

Изгородные благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ главную контору или подписываться у агентовъ ея, обозначенныхъ въ каждомъ номерѣ газеты.

Редакторъ-издатель П. А. Андреевскій.

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ РѢЧИ“

С.-Петербургъ, Средняя Подъяческая, 1.

Журналъ «Русская Рѣчь» выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 и болѣе листовъ.

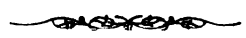
Подписная цѣна на годъ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургъ	16 —
съ пересылкой	17 —
за границу: въ Европу	} 18 —
Съверную Америку и Египеть	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

Допускается разсрочка платы по третямъ:

	при подпискѣ	къ 1 Мая	къ 1 Сентябрю
безъ доставки	7 р.	5 р.	3 р.
съ доставкой	8 —	6 —	3 —
съ пересылкой	9 —	5 —	3 —

Отъ Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Рѣчи» съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. Навроцкий.

Главная Контора «Русской Рѣчи»

Средняя Подъяческая, 1.

